

DISCOURSE-P
Дискурс★*Пи*
Научный журнал

PHILOSOPHY –
ФИЛОСОФИЯ
POLITICAL SCIENCE –
ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА
PAST & PRESENT –
ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ
PUBLIC RELATIONS –
СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ
PHILOLOGY –
ФИЛОЛОГИЯ

Посвящается 25-летию
Института философии и права
УрО РАН

IPL INSTITUTE of
PHILOSOPHY & LAW
THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
URAL DEPARTMENT • 1988

Институт философии и права
Уральского отделения
Российской Академии наук

Выпуски подготовлены при поддержке
УрО РАН в рамках конкурсных программ
фундаментальных научных исследований:
проект № 12-И-6-2066;
проект № 12-У-6-1002;
при поддержке гранта РГНФ
№ 13-13-66001a(p)

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
Дискурс★*Пи*
Екатеринбург – 2013

Дискурс
Soft Power
№11

Дискурс
прошлого и будущего
№12

УЧРЕДИТЕЛЬ

Уральское отделение Российской академии наук
Институт философии и права
Уральского отделения
Российской академии наук

Адрес редакции:

г. Екатеринбург,
ул. Софьи Ковалевской, 16
Институт философии и права УрО РАН

Телефон:

+7 (912) 632-96-99

E-mail: dipi@nm.ru, rusakova_mail@mail.ru
www.madipi.ru

При перепечатке материалов ссылки на журнал
«Дискурс-Пи» обязательны.

Редакция не несет ответственности
за особенности дискурса авторов.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

О. Ф. Русакова – д.полит.н., профессор

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

А. А. Александров – д.ф.н.
Л. М. Андриюхина – д.ф.н., профессор
М. Ю. Бродский – к.филол.н., доцент
Е. Г. Дьякова – д.полит.н.
Ю. Г. Ершов – д.ф.н., профессор
С. Г. Зырянов – д.полит.н., профессор
К. В. Киселев – к.ф.н., доцент
З. И. Комарова – д.филол.н., профессор
Н. А. Комлева – д.полит.н., профессор
Ю. В. Конецкий – Засл. раб. культуры РФ
О. В. Коркунова – д.ф.н., профессор
Г. Е. Корнилов – д.и.н., профессор
В. О. Лобовиков – д.ф.н., профессор
С. В. Мошкин – д.полит.н.
Д. В. Нежданов – к.полит.н.
С. А. Нефедов – д.и.н.,
К. С. Романова – к.ф.н., доцент
О. Г. Скворцов – к.филол.н., доцент
А. В. Сперанский – д.и.н., профессор
Д. Л. Стровский – д.полит.н.
Е. М. Сурина – Зав. научной библиотекой ИФиП УрОРАН
И. Б. Фан – д.полит.н., доцент
Л. Г. Фишман – д.полит.н.
А. Э. Якубовский – к.ф.н.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Т. Е. Алайба – к.и.н., доцент
В. В. Алексеев – д.и.н., академик
Е. Т. Артемов – д.и.н., профессор
В. Г. Богомяков – д.ф.н., профессор
Б. В. Емельянов – д.ф.н., профессор
М. В. Ильин – д.полит.н., профессор
К. Н. Любутин – д.ф.н., профессор
М. А. Малышев – к.ф.н., доцент
О. Ю. Малинова – д.ф.н., профессор
В. Ф. Олешко – д.филол.н., профессор
А. В. Перцев – д.ф.н., профессор
В. И. Разумов – д.ф.н., профессор
В. Н. Руденко – д.ю.н., член-корреспондент РАН
В. М. Русаков – д.ф.н., профессор
А. Е. Спасский – к.полит.н.
Е. А. Степанова – д.ф.н., доцент
Л. Н. Тимофеева – д.полит.н., профессор
В. Е. Хвощев – к.и.н., доцент
М. А. Фадеичева – д.полит.н., доцент
А. Н. Чумаков – д.ф.н., профессор
А. Д. Королев – к.ф.н., гл. уч. секретарь РФО

СЕКРЕТАРИАТ:

Е. Г. Грибовод – ответственный секретарь
Н. А. Михалев – к.и.н., ученый секретарь
Р. А. Зайнетдинова – к.ф.н., секретарь-координатор

Выпуск 11

Предисловие главного редактора

Русакова О.Ф.

Смысловое многообразие дискурса Soft Power 13

Дискурс Soft Power

Мартыанов В.С.

Дискурс будущего

уральских мегаполисов:

к стратегии глобального города 15

Фадеева М.А.

Политические ценности

в государственной символике

Индии и Шри-Ланки 22

Ковалева Д.М.

Дискурс идентичности

как инструмент soft power 25

Русакова О.Ф.

Мягкая сила стран Азии 31

Романова К.С.

Soft power (мягкая власть) денег 37

Долгих Дарья,

Маркелова Анна

Геополитика и мягкая сила:

японская культурная дипломатия в Азии 40

Русакова О.Ф.,

Коваленко Е.Н.

Soft Power как феминистская стратегия 42

Галерея

Емельянов Б.В.

Зачем князь М.М. Щербатов

путешествовал в землю Офирскую? 46

Антропология

Горшков А.С.

«Инаковость»

как фактор конструирования

гендерной идентичности 48

Романов А.В.

Дискурс тьмы, или анонимный сатанизм 50

Геополитика

Булекбаев С.Б.

Сравнительный анализ Востока и Запада 55

Русаков В.М.

Проблема формирования социальной базы

интеграционных процессов на евразийском пространстве 57

Персона

Бережной С.Б.

Интервью с В.В. Библихиным (1938–2004), великим русским

мыслителем

(25-го марта 2004 года) 60

Бережной С.Б.

О моих интервью с Библихиным 66

Сексуальный зритель

Некрасов С.Н.

Наука и религия в России XXI века:

новое подавление сексуальности 67

Наши переводы

Уилл Кимлика

Взлет и падение мультикультурализма? 71

Шурухин Б.

О переводе работы У. Кимлики 82

Парадигмы и процессы

Семенов Андрей

Топография публичной сферы:

практики пространственного освоения города гражданскими

и политическими активистами 83

Шакиров С.М.

Дискурс литературной критики и его трансформации 87

Аманова Л.М.

Гражданское воспитание: историко-политические модели 93

Стрельников С. С.

Особенности применения
понятия «каноническая территория»
в современном церковном дискурсе 97

Булипопова Е. В.

Двойной стандарт для супергероя 99

Игра в бисер

Лобовиков В. О.

Рефлексивные, иррефлексивные
и нерефлексивные бинарные отношения
в математической логике и в математической этике 105

Тропы метода

Селезнева Л. В.

Интеракциональная природа дискурса 109

Берсенов В. Л.

Российская цивилизация:
ориентиры для дискурса 113

Зайнетдинова Р. А.

Собака – род – сто 118

Гостева И. В.

О понятии «дискурс»
и дискурсивных сторонах концепта 122

Русаков В. М.

Виртуализация действительности
с точки зрения классического марксизма 126

Ушакова О. М.

Роль прогресса в возрастающем разрыве
между пространственным мышлением
и пространственным поведением человека 132

Трибуна

Булекбаев С. Б.

К вопросу о необходимости создания светской идеологии
в РК 136

Русаков В. М.,

Саранчин Ю. К.

Актуальные проблемы стратегии непрерывного образования
и национальной безопасности России 141

Политические технологии

Фан И. Б.

Дискурс патриотизма: от многообразия к монополии 147

Квятковский К. О.

Особенности дискурса политической блогосферы в период
избирательной кампании в Государственную Думу
2011 года 154

Конференц-зал

Русаков В. М.

V научная конференция «Дискурс травелога» 158

Фадеева М. А.

Голландская Индия и большевики:
первый проект глобального мира 159

Русаков В. М.

V Международная научно-практическая конференция
«Дискурсология: Теория. Методология. Практика» 164

Лобовиков В. О.

Философский дискурс в «цифровом» формате 165

Афористикон

Романов А. В.

Романизмы 167

Клуб дядюшки Лю

Казанцев М. Ф.

Волоб – птица редкая 169

Эссе

Русаков В. М.

«Гость» как культурно-исторический феномен 172

Поэтик

Савельев К.

Стихи 175

Гагарин А.

Стихи 176

Новые книги

Подготовила Сурина Е. М.

Новые книги по философии, политологии, социологии
и праву 178

Выпуск 12

Дискурс прошлого и будущего

- Русакова О.Ф.**
Дискурс исторической политики
в контексте национальной безопасности 187

- Романова К.С.**
Политические и социально-психологические
дискурсы прошлого и будущего 191

Галерея

- Русаков В.М.**
«Свое слово» А.А. Козлова 195

Антропология

- Гагарин А.С.**
Мишель Монтень: борьба с иллюзиями
и экзистенциалы человека-«крапинки» 198

- Романов А.В.**
О сакральности стремления к смерти 205

- Русакова О.Ф.,**
Русаков В.М.
Антропологический смысл дискурса
возможных моделей картин мира 210

Геополитика

- Богомяков В.Г.**
Дискурс неимперского пространства 213

- Саранчин Ю.К.**
Глобализм и евразийство – возможен ли компромисс? 215

Персона

- Фан И.Б.**
«Хочется жить в справедливом мире»
интервью с О.Ф. Шабровым 218

Сексуальный смотритель

- Некрасов С.Н.**
Модернизация как сексуальная контрреволюция 224

Парадигмы и процессы

- Кожемякин Е.А.,**
Артамонова Е.С.
Советские мифологемы в современном российском
медиадискурсе: от идеологической реконструкции
до мифологической десакрализации 228

- Бушев А.Б.**
Дискурс экономического кризиса 242

- Матвеева А.И.**
Травелог трудовых мигрантов
в социальном пространстве чужбины 250

- Моисеенко Я.Ю.**
Дискурс конформизма 252

Игра в бисер

- Лобовиков В.О.**
Метафизика и физика Парменида и Мелисса
в свете двузначной алгебры формальной аксиологии 255

Тропы метода

- Булукбаев С.Б.**
Феномен сознания
в контексте современных представлений 260

- Русакова О.Ф.**
Децизионизм как базовый концепт
консервативного дискурса К. Шмитта 266

Четвертая власть

- Чемакин Ю.В.**
К проблеме типологии корпоративной прессы 270

Трибуна

- Ковалева Д.М.**
Гуманитарный имидж Свердловской области 274

- Некрасов С.Н.**
Россия в конце света:
или чем завершается год ее истории 278

Новости МАДИ

Грибовод Е.Г., Грибовод Ек.Г.	
Реализация проекта «Дискурс Soft Power в современных коммуникациях»	283

Грибовод Е.Г., Грибовод Ек.Г., Ильченко М.С., Трескова П.П.	
Первый этап реализации проекта «Создание сетевого ресурса «Теория и методология дискурс-анализа в современной науке»	284

Политические технологии

Стецова С.С.	
Информационный дискурс международного терроризма в современном мире.....	286

Коференц-зал

Русаков В.М.	
VI научная конференция «Дискурс травелога».....	288

Аманова Л.М.	
Дискурс гражданского воспитания эпохи античности греческого периода.....	289

Фаденчева М.А.	
Дискурс научной конференции «Дискурсология: Методология. Теория. Практика».....	294

Русаков В.М.	
VI Российский философский конгресс	297

Романова К.С.	
«Послевкусие» прошедшего VI Российского философского конгресса «Философия в современном мире: диалог мировоззрений»	298

Трескова П.П.	
Дискурс-анализ в современных исследованиях: Проблемы отображения результатов библиографическими методами	301

Русаков В.М.	
Многообразие видов и жанров травелога.....	304

Клуб дядюшки Лю

Любутин К.Н.	
Из архива студента 3-го курса философского факультета МГУ Кости Любутина (1954 год).....	307

Эссе

Виноградова И.В.	
Травелог души моего современника	308

Поэтик

Савельев К.	
Город и дождь	311

Критика и библиография

Ворох А.С., Оболкина С.В.	
Поминки по модерну отменяются?	312

Issue #11

Editor's Preface

Rusakova O.F.

The Semantic Diversity of Discourse Soft Power 13

The discourse of Soft Power

Martyanov V.S.

Discourse of the Future

of the Ural Megalopolises:

To the Strategy of the Global City 15

Fadeicheva M.A.

Political Values

in the State Symbolics

of India and Sri Lanka 22

Kovaleva D.M.

The Discourse of Identity

as an Instrument of Soft Power 25

Rusakova O.F.

Soft Power of Asian Countries 31

Romanova K.S.

Soft Power of Money 37

Dolgi D.,

Markelova A.

Geopolitics and Soft Power:

Japanese Cultural Diplomacy in Asia 40

Rusakova O.F.,

Kovalenko E.N.

Soft Power as a Feministic Strategy 42

Gallery

Emelyanov B.V.

Why Did Prince M.M. Shcherbatov

Travel to the Land of Ophir? 46

Anthropology

Gorshkov A.S.

«Otherness»

as a Factor of the Designing

of Gender Identity 48

Romanov A.V.

The Discourse of Darkness, or Anonymous Satanism 50

Geopolitics

Bulekbaev S.B.

Comparative Analysis of East and West 55

Rusakov V.M.

The Problem of Formation of the Social Base

of Integration Processes on the Euroasian Space 57

Person

Berezhnoy S.B.

Interview with V. V. Bibikhin (1938–2004),

the Great Russian Thinker,

(25 of March, 2004) 60

Berezhnoy S.B.

About My Interviews with Bibikhin 66

Sexual Watcher

Nekrasov S.N.

Science and Religion in Russia of the XXI Century:

The New Suppression of Sexuality 67

Our Translations

Will Kymlicka

The Rise and Fall of Multiculturalism? 71

Shurukhin B.

About the Translation of the Work of W. Kymlicka 82

Paradigms and Processes

Semenov A.

Topography of the Public Sphere:

Practices of Spatial Development of the City

by Civil and Political Activists 83

Shakirov S.M.

The Discourse of Literary Criticism and Its Transformation 87

Amanova L.M.

Civil Education: Historical and Political Models 93

Strelnikov S.S.

Features of Use
of the Concept «Canonical Territory»
In a Modern Church Discourse 97

Bulipopova E.V.

The Double Standard for Superhero 99

«Beads Game»

Lobovikov V.O.

Reflexive, Irreflexive
and Non-Reflexive Binary Relations
in Mathematical Logic and Mathematical Ethics 105

Tropes of Method

Selezneva L.V.

Interactive Nature of Discourse 109

Bersenev V.L.

Russian Civilization:
Reference Points for Discourse 113

Zaynetdinova R.A.

Dog – Clan – Hundred 118

Gosteva I.V.

About the Concept «Discourse»
and Discursive Aspects of the Concept 122

Rusakov V.M.

Virtualization of Reality
from the Point Of View of Classical Marxism 126

Ushakova O.M.

The Role of the Progress in an Increasing Gap
between Spatial Thinking and Spatial Behavior
of the Person 132

Tribune

Bulekbaev S.B.

About The Question of Need of Creation of Secular Ideology
in RK 136

Rusakov V.M.,

Saranchin Y.K.

Actual Problems of Strategy of Continuous Education
and National Security of Russia 141

Political Technologies

Fan I.B.

The Discourse of Patriotism: From Diversity to Monopoly 147

Kvyatkovsky K.O.

Features of Discourse of the Political Blogosphere
during the Election Campaign in the State Duma
in 2011 154

Conference Chamber

Rusakov V.M.

The 5th Scientific Conference «Discourse of the Travelogue» 158

Fadeicheva M.A.

Dutch India and the Bolsheviks:
The First Project of the Global World 159

Rusakov V.M.

The 5th International Scientific and Practical Conference
«Discourse Study: Theory. Methodology. Practice» 164

Lobovikov V.O.

Philosophical Discourse in the «Digital» Format 165

Aphoristics

Romanov A.V.

Romanisms 167

Uncle Lu's Club

Kazantsev M.F.

Volob – A Rare Bird 169

Essay

Rusakov V.M.

«Guest» As a Cultural and Historical Phenomenon 172

Poetic

Savelyev K.

Poetry 175

Gagarin A.

Poetry 176

New Books

Prepared by Surina E.M.

New Books on Philosophy, Political Science,
Sociology and Law 178

Issue #12

The Discourse of Past and Future

Rusakova O.F.

The Discourse of the Historical Policy
in a Context of National Security..... 187

Romanova K.S.

Political, Social and Psychological Discourses
of the Past and the Future..... 191

Gallery

Rusakov V.M.

«Own Word» of A.A. Kozlov 195

Anthropology

Gagarin A.S.

Michel De Montaigne: The Fight against Illusions
and Existences of Man-«Speck»..... 198

Romanov A.V.

About the Sacredness of Death Wish..... 205

Rusakova O.F.,

Rusakov V.M.

Anthropological Sense of a Discourse
of Possible Models of Pictures of the World..... 210

Geopolitics

Bogomyakov V.G.

The Discourse of Non-Imperial Space..... 213

Saranchin Y.K.

Globalism And Eurasian – Is A Compromise Possible? 215

Fan I.B.

«I Want To Live In A Fair World»
Interview with O.F. Shabrov..... 218

Sexual Watcher

Nekrasov S.N.

Modernization as a Sexual Counterrevolution..... 224

Kozhemyakin E.A.,

Artamonova E.S.

Soviet Myths in Modern Russian Media Discourse:
From the Ideological Reconstruction
to the Mythological Desacralization 228

Bushev A.B.

The Discourse of the Economic Crisis..... 242

Matveeva A.I.

The Travelogue of Labor Migrants
in Social Space of Alien Land..... 250

Moiseenko Y.Y.

The Discourse of Conformism..... 252

«Beads Game»

Lobovikov V.O.

Metaphysics and Physics of Parmenides and Melissus
In The Light Of the Double-Valued Algebra
of Formal Axiology..... 255

Tropes of Method

Bulekbaev S.B.

A Phenomenon of Consciousness
in the Context of Modern Views 260

Rusakova O.F.

Decisionism as the Basic Concept
of the Carl Schmitt's Conservative Discourse 266

The Fourth Power

Chemyakin Y.V.

To A Problem of Typology of the Corporate Press 270

Tribune

Kovaleva D.M.

Humanitarian Image of Sverdlovsk Region..... 274

Nekrasov S.N.

Russia at the End of the World:
Or What Is the End of Year in Its History 278

News of IADR

Gribovod E.G.,

Gribovod Ek. G.

Implementation of the Project «Discourse Soft Power
in Modern Communications» 283

Gribovod E. G.,

Gribovod Ek. G.,

Ilchenko M. S.,

Treskova P. P.

The First Stage of Implementation of the Project

«Creation of the Network Resource «The Theory and Methodology
of Discourse Analysis in Modern Science» 284

Political Technologies

Stetsova S. S.

Information Discourse of International Terrorism

in the Modern World 286

Conference Chamber

Rusakov V. M.

The 6th Scientific Conference «Discourse of the Travelogue» 288

Amanova L. M.

The Discourse of the Civil Education

of an Era of Antiquity of the Greek Period 289

Fadeicheva M. A.

The Discourse of the Scientific Conference «Discourse Study:

Methodology. Theory. Practice» 294

Rusakov V. M.

The 6th Russian Philosophical Congress 297

Romanova K. S.

«Aftertaste» of the Last 6th Russian Philosophical Congress

«Philosophy in the Modern World:

Dialogue of Worldviews» 298

Treskova P. P.

Discourse Analysis in Modern Researches:

The Problems of Displaying the Results

by Bibliographic Methods 301

Rusakov V. M.

Variety of Types and Genres of the Travelogue 304

Uncle Lu's Club

Lyubutin K. N.

From The Archive of Kostya Lyubutin,

the 3rd Course Student of the Philosophical Department

of Moscow State University (1954) 307

Essay

Vinogradova I. V.

Travelogue of the Soul of My Contemporary 308

Poetic

Savelyev K.

The City and the Rain 311

Voroh A. S.,

Obolkina S. V.

Is Commemorating the Modern canceled? 312

DISCOURSE-P
Дискурс★*Ни*
Научный журнал

PHILOSOPHY –
ФИЛОСОФИЯ

POLITICAL SCIENCE –
ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА

PAST & PRESENT –
ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

PUBLIC RELATIONS –
СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ

PHILIOLOGY –
ФИЛОЛОГИЯ

№11

Дискурс
Soft Power

DISCOURSE-P
Дискурс★*Ни*

Русакова О.Ф.

СМЫСЛОВОЕ МНОГООБРАЗИЕ ДИСКУРСА SOFT POWER

Русакова
Ольга Фредовна

доктор политических наук, профессор, заведующая
отделом философии Института философии и права
УрО РАН, президент МАДИ

Дорогие читатели!

Мы посвятили настоящий выпуск журнала «Дискурс-Пи» очень знаменательному для многих его авторов и почитателей событию – 25-летию Института философии и права УрО РАН.

Выбор основной темы для настоящего выпуска альманаха продиктован тем огромным вниманием, которое уделяется в современных академических и политических кругах понятию, теориям и концептам soft power. Сегодня вряд ли найдешь авторитетное научное издание, посвященное внешнеполитической проблематике, в котором бы не поднимались вопросы о ресурсах, стратегиях, инструментах и национальных моделях soft power. В последние годы концептом soft power заинтересовались и российские исследователи, появились первые диссертационные работы на данную тему.

Многие исследователи отмечают, что дискурс soft power, распространившийся в политической науке, а также получивший широкое хождение в государственной проектной деятельности, весьма подвижен, пластичен и неоднозначен в смысловом плане. Не существует какой-либо универсальной и единообразной формулы, охватывающей все многообразие смыслового поля данного дискурса. Эта понятийная неопределенность получила свое отражение в трудностях адекватного перевода понятия soft power на русский язык. Данный термин переводится либо как «мягкая» сила, либо как «гибкая власть». На наш взгляд, обе версии не совсем точно «схватывают» смысловые особенности понятия soft power. Однако, следуя уже сложившейся литературной практике, мы будем использовать указанные русскоязычные термины в качестве синонимов soft power.

Отцом и даже гуру концепции soft power большинство исследователей считают известного американского специалиста в области внешней политики Джозефа Ная. Именно на его многочисленные труды как на теоретическую базу наиболее часто ссылаются авторы, посвящающие свои исследования вопросам «мягкой» силы. В основе данной концепции лежит идея о существовании двух основных типов властвования, которые обозначаются понятиями hard power («жесткая» сила) и soft power.

Под hard power подразумевается инструментальный внешний давления, который в процессе коммуникации вынуждает объект воздействия подчиняться более сильному партнеру. К жесткой силе обычно относят вооруженное, экономическое и административное давление.

В отличие от жесткой власти soft power не воспринимается в качестве силы, которая действует извне. «Мягкая» сила – это власть, которая реализуется в форме определенного

коммуникативного воздействия, в процессе которого диктуемое поведение воспринимается реципиентом как собственный свободный и добровольный выбор, приносящий, к тому же, приносящий подвластному субъекту радость и удовольствие.

Дискурсивные практики *soft power* наиболее активно применяются в такой области как бренд-имиджевая коммуникация. Данный вид коммуникации направлен на моделирование конкурентоспособных образов конкретных институтов и субъектов посредством специализированных технологий имиджирования, брендинга, рекламы, медийного фрейминга, медиакультурного импринтинга и др.

Вступление общества в эпоху глобальных маркетинговых коммуникаций ознаменовалось появлением интегрированных властных комплексов, соединяющих *hard power* с мягкими способами властвования, апеллирующими к потребительским интересам и жажде получения удовольствия. Дж. Най обозначает процесс комплексного использования инструментов «жесткого» и «мягкого» влияния понятием «*smart power*» (умная власть). Пользуясь современным марксистским языком, можно представить «*smart power*» в виде такой модели властвования, где элементы *hard* и *soft power* работают в режиме диалектического взаимодействия и синергетической эффективности.

Именно соединение «жесткой» силы с практиками *soft power* способно обеспечивать подвижность и гибкость политической власти. Данной тематике посвящена значительная часть статей представляемого выпуска журнала «Дискурс-Пи». В нем читатели найдут целую серию работ, предлагающих оригинальные ракурсы и трактовки *soft power*, а также несколько реферативных статей, знакомящих русскоязычную публику с содержанием зарубежных источников, посвященных анализу «мягкой» силы.

В настоящем выпуске опубликована ранее не переводимая на русский язык статья на тему взлета и падения мультикультурализма известного канадского ученого, автора многочисленных работ и учебников по современной политической философии Уилла Кимлика.

Редколлегия журнала искренне благодарит У. Кимлика за научную отзывчивость и любезность в предоставлении для печатания в нашем издании столь важной для нас статьи.

В рубрике «Персона» мы публикуем интервью с Олегом Федоровичем Шабровым – Президентом Академии политической науки, доктором политических наук, профессором, зав. кафедрой политологии и политического управления Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. В ответах на вопросы О.Ф. Шабров раскрывает свою позицию по актуальным вопросам политической конъюнктуры, по проблемам «фантомной демократии» и национальной идентичности, останавливается на особенностях политических трансформаций в постсоветской России, дает свою оценку манипулятивным политическим практикам.

ДИСКУРС БУДУЩЕГО УРАЛЬСКИХ МЕГАПОЛИСОВ: К СТРАТЕГИИ ГЛОБАЛЬНОГО ГОРОДА

Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РГНФ № 13-03-00328

**Мартьянов
Виктор Сергеевич**

кандидат политических наук, ученый секретарь Института философии и права УрО РАН, член-корреспондент МАДИ
E-mail: martianovy@rambler.ru

На стыке XX–XXI веков вместе с Россией принципиально изменился и окружающий мир, возникли новые возможности, но также вызовы и угрозы. Появились новые центры экономического притяжения и политической силы в виде Китая, Индии, Бразилии. США как мировой политический и экономический гегемон утратили безусловное лидерство. Конкуренция на экономических рынках приобретает глобальный характер. Растут всеобщие ядерные, террористические и экологические угрозы, увеличиваются демографические и технологические диспропорции Севера и Юга. В начале XXI века после шоковых реформ и выхода России из «реанимации» со всей возможной остротой возник вопрос о ее будущем. Поэтому, несмотря на текущие проблемы – износ основных фондов, утечку мозгов и капиталов, расслоение доходов, превалирование сырьевого сектора, критику модели «суверенной демократии» – основная проблема в том, что российские граждане имеют полное право задуматься над своим ближним и отдаленным будущим. А вот с ответами на то, как изменившейся России и ее регионам эффективно действовать в не менее изменившемся мире сегодня и возникли наибольшие проблемы. Не случайно в науке, публицистике, литературе и фантастике произошел всплеск

интереса к жанру прогнозов, предсказаний, утопий и антиутопий¹.

Особого внимания в дискурсе нашего общего будущего заслуживает тот факт, что национальные государства как монопольные держатели правил и норм в экономике и политике с одной стороны теснят экстерриториальные ТНК, с другой – сети глобальных городов, аккумулирующие все большие человеческие ресурсы. Принципиальное значение в данном контексте приобретает стратегия малых или локальных утопий. Это планы, принципы и стратегии возможного развития российских мегаполисов, концентрирующих в своем пространстве подавляющую часть интеллектуальных, финансовых, силовых и иных ресурсов страны.

Урбанизация и сетевая глобализация ресурсов

В ходе глобализации ускоряется становление новых форм пространственной организации социальных, политических и экономических процессов, альтернативных по своему характеру суверенным национальным государствам. Одной из наиболее важных тенденций является формирование сети глобальных городов, которая становится важнейшим структурным элементом в новой организации мирового экономического и политического пространства надгосударственного уровня. Одновременно элементы этой сети традиционно рассматриваются как локальный уровень в системах государственного управления. Такая двойственность позволяет современным мегаполисам выполнять ряд инновационных социально-экономических и политических функций, служить узлами, аккумулирующими ресурсные потоки мирового уровня, закреплять и обеспечивать к ним доступ национальных экономик и социальных общностей.

Активизация включения крупнейших российских городов в сетевые структуры надгосударственного уровня открывает новые возможности для ускоренного социального и экономического развития и одновременно усиливает ряд рисков, связанных с функционированием в новых условиях. Эти процессы порождают запрос на разработку механизмов управления эффектами глобализации, связанными с трансформациями привычных пространственных структур и финансовых, экономических, людских потоков, определение оптимальных стратегий включения городов разного типа в глобальные сети, основных направлений развития потенциала российских городов.

Возрастающую роль в современном мире начинают играть городские агломерации с населением, превышающим 1 миллион человек. Подобные агломерации становятся глобальными городами, имеющими транснациональное значение². Глобальные города представляют своего рода образы будущего для остального человечества. В них формируется новая социальность, ценности и общественные нормы, которые затем становятся всеобщими.

Рост влияния таких трансграничных субъектов как ТНК и мировые города (global city), распространение частнопроводных режимов наряду с построением систем наднационального права показывают, что кооперация и интеграция мировых ресурсов предполагает добровольный и взаимный отказ государств от части своего суверенитета в пользу альтернативных политических акторов, в частности в пользу глобальных городов, лишь формально являющихся в национальной политике уровнем местного самоуправления³. Но реально объединяющих локальное, национальное и глобальное экономическое и социально-политическое измерения, когда население и экономическая мощь отдельных городов превосходят аналогичные показатели отдельных стран.

Более того, современные нации вполне можно рассматривать как исторически все более плотные сети и иерархии городов: трудно переоценить социально-политическое и экономическое значение того факта, что в 2009 году численность городского населения Земли впервые превысила 50% от общей численности человечества, продолжая увеличиваться по медианному прогнозу до 68–70% в 2050 году⁴. Здесь мультиэтнические

и мультикультурные глобальные города прямо выступают как ценностные, институциональные и управленческие прообразы будущего⁵.

Урал в концепции развития Россия-2020

Для изучения перспектив развития уральских мегаполисов рассмотрим официальные планы органов власти разных уровней в контексте более общих тенденций, закономерностей и возможностей для развития и трансформации индустриальных городов в глобальном мире, преимущественно на примере города Екатеринбурга. Роль мегаполисов в будущем человечества трудно переоценить. Глобализация мира как «мегатенденция» бросает вызов привычной системе наций-государств как основе современного политического пространства: «Для тех мегагородов или центров деятельности, которые станут движущей силой глобализации, связывающие их финансовые каналы и телекоммуникации, возможно, получат не меньшее, а то и большее значение, чем национальные границы»⁶.

В 2008 году на тему долгосрочного развития России появился первый официальный документ – «Концепция долгосрочного социально-экономического развития РФ до 2020 года» разработанная Министерством экономического развития (МЭРТ)⁷. Документ сразу же стал предметом оживленных дискуссий, споров и критики в экспертном сообществе и СМИ. В разделе документа посвященном анализу экономических возможностей уральского региона особо отмечалось наличие в регионе Большого Урала локомотивов развития в виде «крупных полифункциональных агломераций, из которых наиболее успешно развивается ведущий экономический центр Урала – Екатеринбург».

Согласно концепции-2020 стратегия развития крупных уральских мегаполисов нацелена «на инфраструктурную поддержку полицентричного и полифункционального развития». Речь идет о диверсификации уральской экономики, базирующейся на черной и цветной металлургии, машиностроении и «оборонке». И ключевую роль в диверсификации и обновлении уральской экономики должны будут сыграть такие финансовые, торговые, образовательные и рекреационные центры как Екатеринбург, являющейся третьей

по масштабу моноагломерацией (после Москвы и Санкт-Петербурга) с населением 2,18 млн. чел, из которых на долю Екатеринбурга приходится 1,38 млн. чел. Концепцией-2020 предполагалось достичь темпов роста уральского валового регионального продукта (ВРП) к 2020 году по сравнению с 2007 годом на 80–90%. Однако, мировой финансовый кризис, обретший затяжной характер, внес значимые коррективы в концепции-2020 всех уровней: федерального, регионального и местного. В настоящее время даже самый слабый, инерционный сценарий концепции-2020 обретает черты желанного и оптимистичного.

Концепция-2020 в качестве стратегии развития территорий предполагала приоритетную федеральную поддержку для инфраструктурных проектов Большого Урала: развитие полимагистральных коридоров Урал-Поволжье-Центр и Урал-портовые регионы; железнодорожного сообщения Екатеринбург – Курган; реконструкцию автомагистрали Екатеринбург – Челябинск – Казахстан. Планируется продление международного транспортного коридора Париж – Берлин – Москва – Нижний Новгород через Екатеринбург до Новосибирска. Сюда же можно добавить и проект скоростного железнодорожного сообщения по линии Москва – Казань – Екатеринбург – Новосибирск. Особое внимание планируется уделить развитию международного авиахаба в Екатеринбурге. В результате аэропорт «Кольцово» может превратиться в крупнейший международный авиаузел между Европой и Азией, предполагается, что в 2025 году объем перевозок авиапассажиров составит 6,27 млн. пассажиров в год.

Вместе с тем очевидно, что подобные инфраструктурные и логистические проекты будут осуществляться вне зависимости от текущей экономической конъюнктуры и особенностей функционирования политического режима, поскольку потребность в них обусловлена объективными долговременными требованиями современности. Более важным представляется другое – в федеральной концепции отсутствует понимание мегаполисов как особой экономической и социокультурной реальности, которая не может быть понята в рамках банальной вертикали власти национального государства. Эта реальность требует собственной эффективной стратегии

развития, основанной на все большей доли самостоятельности и принципах автономного развития, часто редуцируемого в России к архаичным межбюджетным трансфертам и иерархиям, где локальное должно быть подчинено региональному и федеральному.

Но подобное устаревшее «позиционирование регионов в системе координат «регион – Москва», «регион – Центр» играет на руку Москве и центральной власти. В такой системе координат регионы никогда не смогут самореализоваться, они навсегда останутся периферией, провинцией. Современное символическое позиционирование российского региона, намеревающегося не просто выживать, а развиваться, может быть только одним – по отношению не к Москве, а к СОВРЕМЕННОСТИ, к современной Европе, современному Китаю, к Японии, к США и т.д... Другими словами, нужно сделать символический пропуск хода, символически обогнав Москву... Пошаговая символическая стратегия устарела... Таким образом, Екатеринбург есть не «третья столица», не «столица Урала», не «столица УрФО», не антитеза Москве, не «столица Уральской республики», а современный европейский город. Территория Европы. Только так»⁸. На самом деле глобальные города локальны лишь географически и территориально, в остальных смыслах они транснациональны, то есть превосходят любые исторические национально-государственные измерения и форматы.

Концепция развития Свердловской области-2020

По аналогии с концепций МЭРТ РФ Свердловская область поспешила разработать собственный план развития-2020⁹. Существенным недостатком областной концепции развития является рассмотрение совокупных показателей по Свердловской области в целом. Между тем, социально-экономическое развитие внутри области осуществляется крайне неравномерно, а Екатеринбург и окраинные муниципалитеты демонстрируют эффект исторической неоднородности. Екатеринбург по структуре своей экономики и актуальным задачам развития серьезно отличается от остальной области. Если традиционно ведущими отраслями областной

экономики являлись черная и цветная металлургия, оборонно-промышленный комплекс, машиностроение, то в Екатеринбурге все больше доминирует сектор услуг. Город все менее производит что-то материальное, как в советские времена, а территории заводов и промышленные зоны активно передаются под новую жилую застройку («Уралобувь», ВИЗ, Центральный рынок и др.).

Постепенно к этой модели дрейфует и Свердловская область в целом: «если в 2000 году на производство товаров приходилось более 60% валового регионального продукта, то в 2008 году основную долю в структуре экономики занимало производство услуг – 53,1%»¹⁰. Согласно экспертному опросу журнала «Русский репортер»¹¹ Екатеринбург по суммарным показателям привлекательности проживания опережает остальные города-миллионники России. С другой стороны, несмотря на объективное первенство, по результатам опросов, связанных с субъективной удовлетворенностью жизнью, екатеринбуржцы находятся на 10-м из 12 мест среди российских городов-миллионников. Таким образом, чем активнее развивается Екатеринбург, тем серьезнее запросы у его жителей. И это нормальная, правильная ситуация, побуждающая к дальнейшему развитию, резервы которого далеки от исчерпания.

Екатеринбург в 2000-е годы действительно стал эффективной «воронкой», центром притяжения экономически активного населения, в том числе далеко за пределами Свердловской области. Город активно застраивается, формируется деловая и гуманитарная среда, практически ежегодно открываются консульства различных стран мира, умножаются представительства банков и крупных международных компаний. В городе концентрируется все больше капиталов. Инвестиционный потенциал города является одним из самых привлекательных в России, по этому показателю Екатеринбург занял первое место в рейтинге РБК в 2009 году¹². Город активно использует поток финансовых средств из северных территорий Тюменской области – ХМАО и ЯНАО. Наконец, Екатеринбург пользуется явными административными преимуществами и ресурсами, являясь административным центром УрФО, в нем располагаются Президиум Уральского отделения РАН и штаб центрального военного округа (ЦВО). Тем не менее, в региональной стратегии-2020

Екатеринбургу не хватает именно символического целевого позиционирования, выходящего за пределы ограниченных интересов и географии Свердловской области, когда город мог бы стать своего рода воротами области в глобальный мир. Не только засасывать в себя демографические и экономические ресурсы, превращая в пустыню прилегающее окружение, но и в свою очередь притягивать в Свердловскую область мировые стандарты бизнеса, идеи, технологии, способствующие формированию современной инфраструктуры и творческой среды. И здесь само качество жизни и работы, обеспечиваемое для каждого горожанина становится более важным приоритетом, чем цифры экономического роста, прибылей, увеличения городского бюджета и прочие абстрактные макроэкономические показатели.

Екатеринбург в 2025 году: элементы глобального города

На фоне свежих планов развития страны и области стоит особо отметить, что «Генеральный план развития Екатеринбурга на период до 2025 года» был утвержден Гордумой еще в далеком 2004 году. А его разработка возникла в самом начале 2000-х годов. Екатеринбург одним из первых в России обратился к мировому опыту стратегического планирования городского хозяйства. В генплане-2025 учтен мировой опыт инновационного развития таких традиционных промышленных центров как Манчестер, Ливерпуль, Чикаго, Детройт и др. В 2010 году был принят обновленный и скорректированный «Стратегический план развития муниципального образования «город Екатеринбург» до 2020 года»¹³.

Согласно красноречивой статистике «до 85% городов в России росло вокруг крупных промышленных предприятий, которые в условиях рыночной экономики оказались невостребованными»¹⁴. Очевидно, что в настоящее время историческая концепция уральских городов как старопромышленных городов-заводов безнадежно устарела. Необходимость их поддержки после периода советской индустриализации и открытия «закрытых» в советский период городов не очевидна, а ресурсы этой поддержки исчерпаны. Согласно официальным цифрам, в Свердловской

области из 47 городов – 33 являются монопрофильными. Это города, образованные вокруг градообразующего предприятия. Монопрофильные города зависят от колебаний базовой отрасли экономики сильнее, чем те, что параллельно развивают несколько ключевых отраслей. А кризис профильной отрасли оборачивается фатальными следствиями для города.

Поэтому в генплане-2025 предполагается развивать Екатеринбург и позиционировать его для внешнего мира одновременно в нескольких приоритетных направлениях: административно-политический центр Уральского федерального округа; столица Уральского экономического района; культурный и туристический центр; научно-образовательный центр; крупнейший региональный торгово-финансовый центр; транспортно-логистический центр.

Заметим, что ни одна из стратегических целей не предполагает роста производства в реальном секторе экономики. Генеральный план Екатеринбурга-2025 предполагает в качестве главной цели трансформацию города из индустриально-хозяйственного образования «в современный многофункциональный центр с элементами мирового города». В долгосрочной перспективе будут сокращены серые пятна огромных промышленных зон в пользу иных видов экономической деятельности. Таким образом, производственные заводские площади будут постепенно перемещаться на периферию, а центр города получит новые возможности для развития передовых секторов экономики. К 2025 году планируется сократить территории производственного назначения на 1200 га, что составляет 15% от общей площади подобных территорий.

Предполагается, что Екатеринбург не будет испытывать в обозримом будущем дефицита рабочей силы. Несмотря на прогнозы о необратимом уменьшении численности населения России в целом, генплан Екатеринбурга предполагает, что население города возрастет к 2020 году до 1,4 миллиона человек. Этот прогноз не лишен оснований и возможно даже скорее пессимистичен, поскольку Екатеринбург демонстрирует стабильный прирост рождаемости. Рост также будет достигнут за счет миграции из Свердловской области и сопредельных регионов России, снижения смертности и роста продолжительности

жизни. При этом темпы прироста людей старших возрастов будут выше, а количество трудоспособных в относительных цифрах уменьшится. Не исключено, что Екатеринбург в ближайшее десятилетие может выйти с четвертого на третье место по численности населения в России, обогнав Новосибирск.

В стратегическом плане развития Екатеринбурга его разработчиками выделяются следующие слабые стороны города, которые необходимо будет компенсировать в ближайшем будущем¹⁵:

- удаленное положение относительно важных центров России, Европы, мира;
- расположение в зоне континентального климата с характерными для Урала погодными аномалиями;
- высокая степень износа основных производственных фондов, приводящая к труднопреодолимому технологическому отставанию;
- изношенность городской инженерной инфраструктуры, общественного транспорта;
- высокая загруженность улично-дорожной сети и недостаточное качество дорожной инфраструктуры;
- наличие объектов производственного назначения в черте города, затрудняющих развитие дорожной инфраструктуры;
- недостаточное развитие системы городского скоростного транспорта, связывающей все районы города;
- значительная дифференциация населения по уровню доходов;
- невысокий уровень общественной безопасности;
- невысокий уровень экологической безопасности города;
- ограниченные рекреационные возможности.

Превращение Екатеринбурга в мировой город предполагает умножение и диверсификацию материальных и символических ресурсов. Причем символическое позиционирование Екатеринбурга как мирового, глобального города неизбежно влечет в виде закономерного следствия рост вполне материальных инвестиций в него. Согласно генплану-2025 в ближайшие десятилетия в городе изменится само соотношение сфер материального производства и сферы услуг в пользу последней.

Все это позволит Екатеринбургу выйти за рамки таких неэффективных локальных идентичностей и самоопределений как «столица Урала», «граница Европы и Азии» либо «третья столица» и стать действительно космополитичным мировым городом. Местом притяжения капиталов, интеллекта и реализации различных деловых и культурных проектов. В глобализирующейся экономике любые географические границы отходят на второй план, открывая все новые возможности. И вместе с тем подобные возможности реализуют те города, которые способны предложить миру нечто уникальное и неповторимое. Для этого не обязательно искать некую локальную историю или идентичность в рамках сомнительной дисциплины «уралистика», что-то мучительно преодолевать или вновь и вновь кого-то догонять. Скорее необходимо умение синтезировать имеющиеся возможности, никого при этом не копируя. Создавая комфортную среду обитания для населения, гостей и туристов.

Особую важность в данном контексте приобретает способность Екатеринбурга к всестороннему развитию человеческого потенциала. Совокупный человеческий потенциал включает в себя всю сумму успехов в таких сферах как качество и доступность для населения жилья, образования, здравоохранения, культуры, досуга и спорта. Современный мир можно условно поделить на три группы стран. В слаборазвитых экономиках основную долю в произведенном продукте составляют природные ресурсы. Человеческий потенциал там практически не задействован, а люди рассматриваются как мешающее крупным корпорациям население, занимающее богатую ресурсами территорию. В более развитых странах в цене лишь механический человеческий труд конвейерного типа. И лишь у ведущих экономик мира, в мировых городах доля человеческого потенциала и творческого труда в конечном продукте достигает 60–70%.

Более того, сегодня в глобальном плане растет конкуренция не отдельных стран, а именно мировых городов, давно вышедших по своему культурному масштабу и экономическим связям за национальные рамки отдельных государств. Поэтому ориентация на эффект собственного локального развития города как некой целостности – концепции стратегического планирования,

«креативного города», символического брендинга малых территорий, становятся все более востребованными.

В глобальной экономике конкуренция отдельных компаний и регионов отходит на второй план. Мировые рынки становятся едиными. Это конкуренция вписана в планетарные движения технологий, капитала и трудовых ресурсов. Глобальный капитал очень подвижен, а сохранять преимущество отдельным городам все сложнее. Например, когда-то специалисты всего мира в области компьютерных технологий традиционно стремились попасть в Сан-Франциско, в район знаменитой «Силиконовой долины» (Калифорния). Но она будет все менее успешна, если потеряет глобальную монополию в данном сегменте рынка, что уже происходит. Поскольку тот же продукт уже сейчас может создаваться вдвое дешевле в мегаполисах Индии или России.

Реализация генплана-2020 позволяет в перспективе создать в Екатеринбурге центр экономического роста и притяжения капиталов не только регионального или российского, но и глобального масштаба. Выгодное географическое положение на перекрестке важнейших транспортных коридоров, значительный экономический, культурный и интеллектуальный потенциал города позволяют трансформировать его в городскую агломерацию мирового уровня, обладающую всеми необходимыми условиями и ресурсами в перспективе глобальной конкуренции с другими глобальными городами. Повышение общей конкурентоспособности Екатеринбурга в свою очередь будет способствовать привлечению в город все новых инвестиций и интеллектуальных ресурсов, развитию человеческого капитала его жителей.

Основная проблема в том, что усилиями только государства инновационной, высокотехнологичной экономики и уникальных технологий не создать. Всегда существует серьезный риск, что под прикрытием инновационной риторики многомиллиардные государственные инвестиции в никому не ведомые «нанотехнологии» и «информационные сектора экономики» будут освоены на иные нужды. При этом точечные инновации вовсе не тождественны более широкому процессу модернизации¹⁶. С другой стороны и бизнес, руководимый здравым смыслом, вовсе

не стремится надорваться и прыгнуть выше головы в «постиндустриальное общество», оценивая положение страны более реалистично, чем правительственные эксперты. В данном аспекте особое значение приобретает способность самого городского сообщества к самоорганизации и отстаиванию своих долгосрочных интересов.

Очевидно, что крупными городами нельзя более управлять централизованно как в советском прошлом, как будто все они являются неотъемлемой частью государства. Такое видение играет злую шутку с современными планировщиками и производителями утопий: «российские города продолжают развиваться так, будто государство по-прежнему создает 90% ВВП и способно руководить всеми общественными процессами. Вполне советские по своей изначальной структуре, наши города всё еще никак не избавятся от советской инерции – настолько жесткой оказалась эта структура, омертвленная в зданиях, сети улиц и площадей, коммунальном хозяйстве. Рыночные процессы неизбежно будут ломать традиционную структуру, порождая территориальное расслоение на богатые и бедные кварталы, угрожая образованием трущоб и этнических гетто, распахивая двери перед спекулянтами земель и недвижимостью, чьи манипуляции могут обойтись обществу крайне дорого – вплоть до всплесков гражданского протеста и беспорядков»¹⁷.

Представляется, что декларируемые приоритеты ближайшего будущего – институты, инфраструктура, инновации, инвестиции – не работает в принципе, если не будет одного условия – адекватного общественного сознания, которое инициировало бы потребности в создании и поддержании новых эффективных институтов и инновациях. Идеи обществоведов порождают институты, но институты сами по себе никогда не могут породить автоматически сознания, когда-то их инициировавшего. Яркий пример тому – копирование отечественными элитами западных экономико-политических институтов и рецептов в 1990-е годы, обернувшееся их массовой дискредитацией в российской практике. Любые эффективные институты, инновации и проекты могут развиваться лишь тогда, когда общество готово к восприятию новых целей, стратегий, приоритетов. Генерация общих ценностей, целей и приоритетов – это задача обще-

ствовавших. Не только понять закономерности общества, в котором живем, но и предложить варианты более эгалитарного и справедливого будущего для всех.

Наконец важным для развития Екатеринбурга представляется еще одно условие, связанное с запуском автономных механизмов саморазвития. Каким бы потенциалом инноваций не обладал тот или иной регион или город, заявить об этом миру может только сформированная в нем интеллектуальная элита. Она создает интеллектуальную и гуманитарную среду, осуществляя информационное и стратегическое позиционирование российских регионов и мегаполисов, повышая их символическую капитализацию. И если глобальные города задают образцы будущего для всех остальных, то для них той же функцией обладает креативный класс этих городов¹⁸, транслирующий постматериальные ценности и генерирующий капитализируемые идеи. Критическая масса таких людей и создает любой «живой», развивающийся город, вокруг которого наращивается инфраструктура, ресурсы и капиталы. Соответственно задача власти – воспитать или привлечь таких людей или как минимум не мешать их начинаниям, способствовать развитию конкурентной среды во всех сферах, не пытаясь их попутно монополизировать.

Литература:

1. Мартынов В.С. Прогностика дальнего прицела: в поисках будущего для России и мира // Полития, 2009. № 4. С. 61–74.
2. Панкевич Н. Мегаполисы в поисках суверенитета // Свободная мысль, 2009. № 11. С. 66–80.
3. Панкевич Н. Взаимодействие и трансформация правовых систем в процессе глобализации // ПОЛИТЭК, 2010. № 3. С.115–132.
4. World Urbanization Prospects. The 2009 Revision. – <http://esa.un.org/unpd/wup/index.htm>.
5. Панкевич Н. Мегаполисы в поисках суверенитета // Свободная мысль, 2009. № 11. С. 85–98.
6. Россия и мир в 2020 году. М., 2005. С.10.
7. <http://www.economy.gov.ru/minrec/press/news/doc1224245909936>.
8. Киселев К.В. Екатеринбург: территория Европы [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nr2.ru/ekb/65484.html>.
9. Стратегия социально-экономического развития Свердловской области на период до 2020 года – <http://econom.midural.ru/prognoz/rps/580/>.
10. Там же. С. 6.
11. Русский репортёр. 2008. № 11 (41).
12. http://rating.rbc.ru/articles/2009/10/27/32600137_tbl.

- shtml?2009/10/27/32600083.
13. http://www.ekburg.ru/officially/strategy_plan/.
 14. Мишарин А.С., Клепач А.Н., Белоусов Д.Р. Посткризисное развитие России: модернизация, инновации и социальное государство. Перспективы до 2025 года. Екатеринбург, 2011. С. 119.
 15. http://www.ekburg.ru/officially/strategy_plan/strat_text/vtoroyrazdel/swot_test/.
 16. Иноземцев В. Инновации: иллюзии и реальность // Динамика инноваций; под ред. В. Супруна. Новосибирск, 2011.
 17. Смирнягин Л. Трудное будущее российских городов // Pro et contra, 2007. № 1. С. 58.
 18. Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее. М., 2005.

Фадеичева М.А.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ СИМВОЛИКЕ ИНДИИ И ШРИ-ЛАНКИ

Статья подготовлена при поддержке Программы фундаментальных исследований УрО РАН (научный проект № 12-У-6-1002 «Дискурс Soft Power в современных коммуникациях»).

Фадеичева
Марианна
Альфредовна

доктор политических
наук Академик МАДИ,
главный научный
сотрудник Института
философии и права
УрО РАН

В государственной символике, которая начинается с флага и герба, с древних времен отражались разделяемые правящими элитами политические ценности. Флаги и гербы должны были подчеркивать исключительные качества их владельцев, быть значимыми и выразительными. В процессе глобальной демократизации возникла необходимость сделать государственную символику выразительной, понятной и привлекательной не только для элиты, но и для народа. При смене общественного строя, формы правления, политического режима власть дорабатывает эти символы, стараясь подчеркнуть привлекательность новых политических идей и ценностей для большинства. Привлекая население с помощью общеразделяемых ценностей, власть рассчитывает на добровольное подчинение, признание и уважение. Иначе говоря, привлекательные политические ценности, заложенные в государственной символике, служат

одним из инструментов «мягкой власти» и способствуют легитимации установленного режима.

В глобальном мире для народов, независимо от их многообразных различий, привлекательными оказываются весьма близкие по содержанию политические ценности. Чем больше различий, тем больше поражает общее в базовых политических концептах, заключенных в символике. В немногочисленных работах по вексиллологии и геральдике по поводу государственных символов можно встретить некоторые отличия в их описаниях. При этом выявление идеологических смыслов политических концептов, которые символизируют цвета и элементы флагов и гербов, остаются вне исследовательского интереса. На основе вексиллологических и геральдических источников, описывающих государственные символы, с учетом содержащихся в них отличий, можно проделать обобщенную политологическую реконструкцию и анализ политических концептов, которые в них заключены, что позволит выявить сходство привлекательных и привлекающих политических ценностей и оценить их в качестве одного из инструментов мягкой власти.

Сходство концептов и близость ценностей находят выражение в цветах, фигурах, отдельных элементах государственных флагов и гербов. Это можно обнаружить при рассмотрении «кейсов» сходства на фоне различий. Интересным случаем «сходства на фоне различий» в этом отношении представляются Индия и Шри-Ланка. После Второй

мировой войны под давлением национально-освободительных движений и по воле колонизаторов они стали независимыми государствами. Независимость Индии была провозглашена в 1947 г. В 1948 г. Цейлон стал доминионом в возглавляемом Великобританией содружеством, в 1972 г. преобразовался в Социалистическую Республику Шри-Ланка, а в 1978 г. Шри-Ланка стала Демократической Социалистической Республикой. Разделенные Полкским проливом, это – ближайшие соседи, которые весьма отличаются друг от друга. Континентальное государство Республика Индия, занимающее почти весь полуостров Индостан, имеющее площадь порядка 3 млн. 300 тыс. кв. км и население почти 1 млрд. 200 млн. человек, и «остров свободы» – Демократическая Социалистическая Республика Шри-Ланка с площадью порядка 66 тыс. кв. км и населением около 22 млн. человек. Эти государства существенно отличаются не только по площади территории и численности населения, они также имеют своеобразный этнический состав населения. В Индии индо-арии (так называемые потомки индо-арийских народов) насчитывают 72% населения, дравидийцы (потомки дравидских народов) – 25%, остальные этнические группы – 3%. Этническое большинство в Шри-Ланке (75% населения) составляют сингалы, 17% – тамилы, 7% – тамильские мавры, на 1% приходятся остальные этнические меньшинства. Конфессиональный состав также отличается весьма существенно. В Индии 81% населения исповедует индуизм; 14% – ислам; на христианство, сикхизм и другие, вместе взятые религии (буддизм, джайнизм, парсизм) приходится по 2% верующих. В Шри-Ланке большинство верующих (70%) – буддисты, индуисты составляют 15%, на долю христиан и мусульман приходится соответственно 8% и 7%.

Цифры, приведенные здесь и округленные для удобства восприятия, говорят о многообразии этнических культур и этнорелигиозных особенностей. Можно было бы предположить, что и политические ценности, привлекающие народ и легитимирующие власть, должны быть также весьма многообразны. Однако при ближайшем рассмотрении обнаруживается первое, отчасти формальное, но фундаментальное сходство: и Индия, и Шри-Ланка, так же, как и большинство современных государств, – республики. Очевидно, форма прав-

ления, когда государство представляется «общим делом», является наиболее предпочтительной и относится к распространенным политическим идеалам. Во-вторых, и Индия, и Шри-Ланка – молодые государства, их возраст со времени получения независимости насчитывает немногим более полувека. Вместе с тем они имеют богатую предысторию, а именно: историю народной не-свободы и нереспубликанской государственности. Власть в современных республиках не может быть легитимной за счет своего длительного правления. Поэтому сохраняется символическая преемственность и приверженность традиционным дореспубликанским ценностям. Так, например, герб современной Индии в виде трех, тесно прижавшихся друг к другу и смотрящих в три стороны львов, в действительности, представляет собой часть колонны, фрагмент древнеиндийского храма III в. до н. э. Этот храм посвящен великому предку индийского народа – царю Ашоке. Также правая часть флага Шри-Ланки, который в новейшей истории дорабатывался и изменялся, воспроизводит флаг последнего ланкийского короля. Изображенный на флаге лев в дореспубликанское время символизировал прародителя жителей острова Цейлон – первого древнейшего их короля, сильного и храброго, как символическое животное на его флаге. Этот же символ находится в центре герба Шри-Ланки. Монархические символы и ценности сохраняются в республиканском контексте, но переосмысливаются и продолжают существовать в новой интерпретации. Теперь лев на флаге и гербе Республики означает многовековую борьбу ланкийского народа за независимость, а его загибающийся хвост, доходящий до головы, расположенный с ней на одном уровне, символизирует равное участие граждан в делах государства. Флаг современной Индии – это «флаг индийской независимости», который был впервые представлен партией Индийский национальный конгресс еще в 1907 г. на VII Конгрессе II Интернационала. Базовый концепт независимости и независимость как политическая ценность в паре со свободой находят закономерное отражение в политической символике. Это вполне объяснимо: Шри-Ланка с XVI в. находилась в колониальной зависимости от Португалии, затем от Нидерландов, затем от Великобритании, Индия более двухсот лет также была под властью Британской Империи.

Современные политические светские ценности в государственной символике сочетаются с традиционной религиозностью населения, что имеет исторические и актуальные причины. Именно на территории Индии в I тысячелетии до н. э. возник индуизм, который в настоящее время является национально-государственной (локальной) религией, насчитывающей наибольшее количество приверженцев. Современная Шри-Ланка оказалась наследницей того первого государства сингалов, которое возникло в III в. до н. э. и было центром буддийского мира. Несмотря на продвигаемые идеалы свободы, независимости и светский характер государств, в их политической символике сохраняются религиозные символы, отражается древняя история религий. Так, например, одна из трех полос флага Индии, оранжевая, символизирует цвет монашеской одежды, который в свою очередь интерпретируется как символ отрешенности, бескорыстия, покорности. В центре его белой средней полосы находится синее колесо с 24 «спицами» – традиционный символ индуизма. Это колесо «Чакра» также расположено на гербе в центре прямоугольного постамент, на котором стоят львы. Таким образом, религиозный символ находится в центре флага и в основании герба светского государства. Герб Шри-Ланки, состоящий из множества окружностей и кругов, увенчан колесом «Дхарма», означающим открытый Буддой универсальный закон бытия. Четыре желтых листочка по углам правой части флага Шри-Ланки являются листьями с дерева бодхи, под которым достиг просветления Гаутама, ставший после этого Буддой. Желтый цвет листьев, а также желтый цвет всех остальных элементов флага это – цвет буддийского монашества. Темно-красный (коричнево-красный) цвет правой части флага является символом буддизма монархических времен. Таким образом, кардинальные преобразования социального строя и политической системы островной территории не исключили из государственной символики архаичные религиозные символы, но, сохранив их, вписали их в современный контекст. Вертикальные полосы, составляющие левую часть флага, были присоединены к первоначальному флагу через два года после его принятия, в 1951 г. Их цвета, зеленый и оранжевый, означают соответственно религиозные общины мусульман и тамил-индуистов. В сочетании

цветов флага Шри-Ланки заложена идея единства этнического и религиозного большинства и этнических и религиозных меньшинств, живущих в пределах государства. Единство – еще один базовый концепт и политическая ценность, находящая многообразное отражение в политической символике современных государств.

Концепт единства находится в логической связи с концептом народа/нации, где народ/нация означает не человеческую популяцию, живущую на территории государства, не формально существующую территориальную общность, но социально-политическую общность, имеющую схожие политические идеалы и выдающиеся качества, также присущие всему народу. Базовые политические концепты (свобода и независимость, единство, мир, народ), отражающие политические ценности и идеалы в государственных символах, находятся в связи со служебными неполитическими концептами, обозначающими морально-психологические свойства народа/нации. Так, например, в гербе Индии львы стоят на пьедестале, на котором находятся изображения других животных. Они расположены по бокам от колеса Чакры: слева находится буйвол, символизирующий верность, а справа – лошадь как символ трудолюбия индийского народа. Желтый цвет льва и других элементов флага Шри-Ланки, кроме уже известного значения, имеет еще одно – это миролюбие ланкийцев, их неизменное стремление к миру. Четыре желтых листа с дерева бодхи по его углам также выражают особые качества народа Шри-Ланки: любовь, сострадание, взаимопонимание (сочувствие), спокойствие (самообладание).

Народ и власть едины в стремлении к благополучию, изобилию и процветанию. Примерно так можно сформулировать основной смысл отдельных элементов политических символов. В частности, третья, зеленая полоса, находящаяся внизу флага Индии означает изобилие и силу плодоносящей природы. Колесо Чакры в центре белой полосы флага, оно же, находящееся в центре прямоугольного основания герба, кроме уже названных, имеет главное значение – процветание народа и государства. Ваза, размещенная в основании герба Шри-Ланки, означает процветание ланкийской нации. Из вазы нисходят в две стороны колосья риса и в две стороны восходят, образуя одну из многочисленных окружностей в ланкий-

ском гербе. Рис – основная сельскохозяйственная, плантационная культура Юго-Восточной и Южной Азии, традиционно ассоциирующаяся с плодородием и изобилием.

«Свободный и независимый единый миролюбивый народ, имеющий превосходные морально-психологические качества, заслуживает жизни в изобилии, благополучии и процветании», – таково политическое послание властей народам Индии и Шри-Ланки, заключенное в главных государственных символах. Это послание говорит о должном и идеальном в социально-политической сфере, которое далеко не всегда совпадает с сущим и реальным. И в Индии, и Шри-Ланка не свободны от социальных противоречий, имеются неурегулированные конфликты с соседними государствами, межэтнические конфликты внутри стран, которые актуализируют сепаратистские настроения и движения. Внешние угрозы и внутренние беспорядки всегда служат признаком неуспешного правления, следовательно, становятся одной из причин делегитимации власти. Достаточно в качестве примеров упомянуть проблему Индийского штата Джамму и Кашмир, конфликт между сингальским этническим большинством и тамильским этническим меньшинством в Шри-Ланке. Все это не исключает, но, наоборот, делает еще более необходимым окуливание властью поля политических символов.

Политические символы государства и их многообразные емкие смыслы обращаются, во-первых, вовнутрь, к собственному народу,

который родился в известном пространстве, во-вторых, вовне, к мировому сообществу. Привлекательность политических ценностей и идеалов, облеченных в привлекательные символы, в виде соблазнов свободы, демократии, процветания могут относиться и к «своим», и к «чужим». Политические символы не давят. Они не отвращают и не принуждают, они привлекают и убеждают. Выработанные властью и признанные народом они сами становятся властью, мягкой властью символов.

Литература:

1. Атлас мира. Обзорно-географический информационный справочник. М.: Астрель: АСТ, 2011. 304 с.
2. Безруков М.П., Туровский А.Е. Гербы и флаги. Эмблемы суверенитета. М.: ООО «Дом Славянской книги», 2009. 288 с.
3. Большая книга гимнов, флагов и гербов стран мира / Авт. – сост. Ю.А. Ивановский. М.: Эксмо, 2012. 528 с.
4. Географический справочник ЦРУ. Екатеринбург: У-Фактория, 2004. 704 с.
5. Похлебкин В.В. Словарь международной символики и эмблематики. М.: Международные отношения, 1989. 304 с.
6. Страны мира и континенты / авт. – сост. М.В. Адамчик. Минск: Харвест, 2007. 384 с.
7. Географический справочник о странах [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ostranah.ru/> – (09.09.2012).
8. Embassy of India in Moscow [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.indianembassy.ru/> – (15.10.2012).
9. Embassy of Sri Lanka in Russia [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.srilankaembassy.org/> – (22.10.2012).

Ковалева Д.М.

ДИСКУРС ИДЕНТИЧНОСТИ КАК ИНСТРУМЕНТ SOFT POWER

Ковалева
Дарья Михайловна

студентка 2 курса
магистратуры
института социальных
и политических наук
Центра классического
образования УрФУ
им. Первого президента
России Б.Н. Ельцина

Исторический процесс развития и становления России сопровождался формированием на ее пространстве не только этнических, но и территориальных общностей. Такие общности выделялись своей индивидуальностью и имели определенную специфику, которую можно определить как территориальная идентичность. Под территорией мы понимаем пространство, на котором осуществляется интеграция деятельности социума и территориальная саморефлексия. Б.В. Грызлов полагает, что «из всех связей, которые соединяют

людей между собой, связи по местности являются самыми сильными. Одно и то же местожительство порождает в людях общность стремлений и интересов. Сходство в образе жизни, семейные связи, товарищеские отношения, созданные еще с детства, придают им общий характер, создающий живую связь... В итоге образуется группа, отмеченная колоритом данного места» [Грызлов, 2007, с. 9].

Л. А. Фадеева, исследуя проблему идентичности в сравнительной политологии, справедливо отмечает, что «применительно к идентичности... используется изрядное количество метафор. Например, общеупотребительной стала метафора множественной идентичности как слоеного пирога, в котором каждый слой сам по себе, не смешиваясь с другим, но сосуществуя» [Фадеева, 2011, с. 137]. Действительно, упоминать пакет идентичностей (гражданскую, этническую, политическую и другие), присущих человеку, стало традицией. В территориальной идентичности также можно выделить свой «пакет», иерархию идентичностей от меньшего к большему: сублокальную, локальную, региональную, макрорегиональную, национальную и межнациональную (ощущения принадлежности к объединению государств, части света и т. п.). Остановимся подробнее на региональном уровне идентичности и рассмотрим ее через призму применения «soft power». Мы считаем, что региональная идентичность играет роль своеобразной «мягкой силы», воздействующей на членов общности без применения насилия.

В современных политологических исследованиях понятие «soft power» имеет достаточно много толкований, характеризуется многозначностью интерпретаций, однако, чаще всего при употреблении данного термина имеется в виду применение невоенных методов (гуманитарных, культурных, интеллектуальных). В качестве компонентов «мягкой силы» могут выступать позитивные и негативные стереотипы, бренд, имидж, репутация, идентичности и другие. Внесение в данный список идентичности обусловлено тем, что основы ее формирования являются одновременно инструментами воздействия мягкой силы (это мифы, символы, образы, нарративы, традиции, коллективная память). «Мягкая сила осуществляет свое воздействие на знаково-символическом и идейно-ценностном уровнях. Она активизирует

стереотипы общественного восприятия, приводя в действие архетипичные образы и коллективные представления» [Русакова, 2010, с. 174].

Мифы. По мнению А. А. Гончарика, мифы, рассматриваемые в одном ряду с такими феноменами, как традиции, символы, коллективная память, воспоминания, национальные чувства, ритуалы и церемонии, являются одним из тех феноменов, которые важны для легитимации региональной идентичности [Гончарик, 2010].

В вопросе исследования феномена современного мифа особое место принадлежит Р. Барту, который указал на социальную роль современной мифологии и поставил вопрос о ее связи с идеологией. Миф по Барту – не пережиток архаики, а большая часть современной культуры [Барт, 1996]. В исследованиях последних лет часто отождествляются понятия миф и имидж, миф и идеология. Расширение понятия миф выражается, с одной стороны, в отказе от ориентации на древние традиции и на использование с новыми целями привычных образов мифологии, а с другой – в приравнивании всякой традиции к мифологической. В них подчеркивается значимость современного мифа, потребность в нем власти и общества. В этом отношении можно определить миф как духовную реальность, которая с помощью духовных ритуалов обслуживает социальный порядок.

М. В. Капкан утверждает, что среди методов преодоления противоречий важное место занимает миф. «Можно сказать, что это самая распространенная форма гармонизации в культуре XX в., востребованность которой связана с увеличением объема информации, получаемой человеком. Репрезентация через миф оказывается наиболее эффективной, так как позволяет передавать сообщение в максимально емкой форме. Не менее значимой оказывается мифологизирующая стратегия построения идентичности» [Капкан, 2006].

Мифологизация места обитания – это одна из распространенных культурных практик. Человек стремится оправдать место своего проживания как нечто уникальное, особенное, избранное, порой даже вопреки тому, что место проживания самое обычное, ничем не отмеченное. В этом можно видеть отражение базовой потребности человека в осмыслении мира и своего места в нем [Абашеев, 2010].

М. В. Назукина дает определение региональному мифу. По ее мнению, это некое социально оформленное представление о регионе как уникальной территории, сознательно создаваемое или поддерживаемое региональной элитой [Назукина, 2010]. Уникальность в этом случае может проявляться через обращение к землякам – выходцам из региона, снискавшим славу и известность, апеллирование к историческому, экономическому, культурному, географическому и прочим статусам территории, претензии на повышение регионального статуса, создание региональных брендов. С течением времени мифология находит отражение в ритуалах и символизации жизни жителей региона. Формирование региональных мифологий может проходить двумя способами: спонтанно и целенаправленно. В первом случае субъектом мифотворчества выступает население региона в целом, отдельные социальные группы, индивидуальные носители регионального самосознания (представители интеллигенции). Второй способ (целенаправленное создание мифов) проявляется в формировании политической элитой региональной идеологии, которая имеет стратегический характер и направлена на усиление уровня развития региона. При формировании региональных мифов необходимо использовать мобилизацию исторических ресурсов. Это, в первую очередь, означает продвижение в сознании населения исторических штампов, направленных на облагораживание своего региона, внедрение в народное сознание схем, связанных с гордостью за регион, восстановление его прошлого, прежде всего как экономического и культурного центра.

Таким образом, региональная мифология является важным механизмом формирования региональной идентичности. В то же время мифология выступает в качестве инструмента «soft power»: в инструментальном смысле формирование региональной мифологии помогает властной элите решать собственные и региональные стратегические задачи, а в социальном – помогает упорядочить разрозненные факты местной истории, скрепить общими идеями и ценностями местное сообщество.

Коллективная память. Память – это основа существования единства регионального сообщества. М. Китинг отмечает, что встречаются поиски «подходящего прошлого», совокупности истори-

ческих референтов, которые могут вести региональное сообщество иным путем к модернизации, соединяющей прошлое – через настоящее – с будущим. Возрождение серьезной региональной истории и оспаривание господствующих национальных интерпретаций прошлого становится инструментом, направляющим региональное общество к его будущему [Keating, 1998]. А. А. Гончарик пишет, что на региональную идентичность влияет несколько уровней социальной памяти: конструируемая элитами (она значительно политизируется) и коммуникативная память. В основе последней лежат воспоминания поколений, которые репрезентируются через социальные практики. Мифы здесь становятся механизмом интерпретации памяти и ее искажения. Они одновременно служат и границей, и способом закрепления региональной идентичности [Гончарик, 2010]. Коллективную память можно определить как результат деятельности индивидов (или групп), объединенных вместе для того, чтобы разделить воспоминания конкретных событий прошлого времени.

Для региональной идентичности существование коллективной памяти действительно очень важно, ведь региональные группы обычно базируются на сознании своего своеобразия и единства на событиях прошлого. Группа людей, имеющих общую идентичность, существует, оживляя свое прошлое. «Мягкая сила» регионального дискурса формирует и поддерживает способы означивания реальности при помощи прошлого опыта, вкладывая в него новые смыслы.

Система символов. Одним из механизмов интеграции сообщества выступает поле социальных символов. Наличие символики, которая предоставляет универсальные средства коммуникации, создает возможность образования общности. Символ – это своеобразная оболочка, в которую упаковывается «своя» информация. В таком виде она отлична от чужой и узнаваема. Таким образом, образование идентичности как психологического единства и ощущения личной сопричастности жителей региона возможно только в едином символическом пространстве социума [Михайлова, 2010]. Можно также добавить: осознание принадлежности к региону основано на участии в общем знании и общей памяти, которые сообщаются через использование общей системы символов. Все может стать таким символом: слова и тек-

сты, костюмы, региональная символика, целые ландшафты и даже дорожные указатели. Важна не материальная оболочка, а функция символа, его послыл.

Создание и управление символами успешно используется при утверждении определенных способов интерпретации мира. Не только федеральные власти, но и региональные имеют возможность навязывать способы толкования социальной реальности с помощью утверждения символики, наград, государственных праздников, установления памятников, связанных с историей региона, обращения с патриотическими речами и так далее. В результате формируется особый региональный дискурс, а также чувство принадлежности к региону, которое сглаживает социальные и этнические противоречия.

Традиции. Традиция понимается как то, что передается неизменным из прошлого. Традиции не остаются неизменными, застывшими в ходе истории, каждое новое поколение принимает часть традиций из прошлого и отвергает другие. Одинаково неразумно как абсолютно пренебрегать ценностями предыдущих эпох, так и слепо и доктринированно им следовать. Создание новых традиций – это действенный инструмент «мягкой силы», однако, к данному процессу надо подходить очень осторожно и осмотрительно, с пониманием того, что традиции – это духовная основа общества, без которой не может существовать ни регион, ни государство, ни в целом человечество. Как метко заметил А.В. Рубцов, «уважение к своему прошлому состоит не в том, чтобы выкапывать и заново раскрашивать покойников» [Рубцов, 2009, с. 184].

Явление «изобретения традиции» часто мотивировано современными интересами. Изобретение традиции – это «набор практик ритуальной или символической природы, которые ставят своей целью внедрение определенных ценностей и норм поведения посредством повторения, что естественно предполагает связь с прошлым. Изобретение традиции – это процесс формализации и ритуализации, характеризующийся апелляциями к прошлому; «традиции», которые презентуются как древние, часто оказываются изобретенными в недавнем прошлом [Давыдов 2006: 103]. При изобретении традиции могут использоваться выборочные элементы, т.е. то, что

может ассоциироваться с «натуральным», «доиндустриальным». Эти элементы репрезентируют традиционную национальную культуру. В то же время многие другие «неподходящие» элементы игнорируются и забываются. Однако, даже если традиции «изобретаются», их элементы все равно содержат культурную аутентичность. Для того чтобы традиция получила распространение в обществе, политические лидеры должны выбирать символы, которые имеют культурный резонанс. Некоторые исследователи считают, что традиции создаются из концептуальных нужд настоящего. Их нельзя разделить на истинные и поддельные: можно сказать, что все традиции истинные, если они конструируются в настоящем.

Социальные практики, реконструированные и реинтерпретированные как «традиция», используются для конструирования идентичности. Производство идентичности – довольно сложный процесс, он не может быть сведен к понятию сохранения «традиционного» в настоящем. Он включает артикуляцию коллективно воссозданных исторических форм, сохранившиеся с далекого прошлого элементы, но значительно отличающиеся от их традиционной формы, а также современные элементы, которые широко циркулируют в публичной сфере.

Можно подытожить, что мифы, символы, образы, традиции являются как основами формирования идентичности, так и «мягкой силой», которая помогает целенаправленно конструировать дискурс региона, добиваться решения стоящих перед территорией задач.

С нашей точки зрения, существует две позиции, исходя из которых, можно исследовать действие «мягкой силы» идентичности: это стратегическое использование ресурса идентичности политиками в личных или общественных целях и социально-культурное направление, когда мы можем говорить о позитивных эффектах от укрепления региональной идентичности для местного сообщества.

Рассмотрим подробнее влияние «мягкой силы» дискурса идентичности на региональное сообщество. Прежде всего, идентичность, осуществляя нормативное воздействие, задает норму антропологического воображения, то есть те образы человека и человечности, которые считаются приемлемыми и желательными в рамках данного

сообщества и с которыми человек сверяет всю свою деятельность и досуги. Региональная идентичность задает поведенческие рамки, обозначает качества, которые присущи местному сообществу. Исходя из этого, осознание того, что общности присущи согласие, толерантность, миролюбие, справедливость и законность, позитивно сказывается и на самих жителях, и на положительном имидже региона. В. Путин в статье, посвященной национальному вопросу в России, ясно дал понять, что сепаратистские идеи, идущие от глав регионов либо от региональных сообществ, будут пресекаться. По поводу выборов глав регионов он отметил: «Тот, кто попытается опираться на националистические, сепаратистские и тому подобные силы и круги, должен быть незамедлительно, в рамках демократических и судебных процедур, исключен из выборного процесса» [Путин, 2012]. Таким образом, особенно в национальных республиках возрастает важность культивирования региональных ценностей, имеющих гражданское значение, вписывающихся в общероссийский контекст.

«Мягкая сила» регионального дискурса способна сплавлять людей, способствовать стабилизации социальных отношений, сокращать социальную дистанцию, ослаблять недоверие в современной ситуации напряженности между различными социальными слоями, возрастными и конфессиональными группами.

Осознание, переживание и признание национальной, культурной, конфессиональной, политической, гражданской и иной идентичности сопровождается добровольным включением граждан в коммуникативное пространство определенной общности, приводит к формированию внутри сообщества отношений солидарности, общих поведенческих и ролевых моделей, а также стратегий притязаний на достойное место в социуме. Сплачивая людей в одно солидаризированное социальное целое, идентичность как разновидность «мягкой силы» помогает объединению человеческих усилий по решению общественно значимых задач, что, в свою очередь, является основой для стабилизации политических и общественных институтов [Русакова, 2010, с. 188].

Ю. А. Дроздова полагает, что региональная идентичность является стратегическим гуманистическим направлением в развитии современного

общества. Она указывает на важность солидарных отношений, которые содействуют взаимному признанию социального разнообразия взаимодействующих субъектов, позволяют разработать рамки общих ценностей, нормы и модели поведения, что предполагает урегулирование социальных конфликтов, связанных с миграционными процессами в современной России, расслоением общества, последствиями экономического кризиса. Дроздова считает, что поведенческий компонент, затрудняющий формирование солидарных отношений и региональной идентичности, выражается в апатичной позиции населения регионов. Она приводит данные опроса, проведенного в 24 субъектах России: 63,9% населения не хотят участвовать в управлении общественными делами в своем селе, поселке или районе своего города. Желание участвовать в общественной жизни села, города выразили только 31,2% респондентов [Дроздова, 2011, с. 338]. Из исследования Дроздовой следует, что если в дискурсе региональной идентичности преобладают утверждения: «Мы – серая провинция, неудачники» и тому подобные, то уменьшается желание участвовать в социальной жизни общества, создавать структуры гражданского общества. На такой противоречивой основе формирование солидарных отношений возможно, только используя противопоставление «чужим», что не обеспечивает стабильности и экономического роста региона. В этих условиях региональная идентификация нуждается в новых стратегиях и подходах со стороны власти.

Дискурс региональной идентичности, насыщенный позитивными характеристиками региона, а также положительно описывающий жителей данного региона, влияет на стабильность и уверенное развитие территории. Выделим крайние проявления идентификации: с одной стороны, – это население, нацеленное на развитие территории, имеющее выраженное желание изменить в лучшую сторону свое положение; с другой, – жители, испытывающие безразличие к судьбе территории, не желающие прилагать никаких усилий для собственного развития и развития региона, имеющие стремление уехать из региона, вывести ресурсы. Таким образом, дискурс региональной идентичности играет роль «мягкой силы», которая определяет поведение населения и воздействует на развитие региона.

Теперь обратимся к другой позиции, когда региональную идентичность оценивают с точки зрения использования ее политическими деятелями. В данном случае можно говорить о властвовании при помощи дискурса региональной идентичности.

В.Я. Гельман определяет политику региональной идентичности как деятельность региональных элит по управлению информационной средой в целях создания у потребителей информационных потоков внутри и вовне региона желаемого представления о самом регионе, о самих себе в регионе и о месте региональных элит в прошлом, настоящем и будущем региона. Такая деятельность носит стратегический характер и может быть обозначена как «искусство политической манипуляции» или как «символический менеджмент» [Гельман, 2002]. Лозицкая Ю.Л. полагает, что политика региональной идентичности предстает как деятельность региональных элит по управлению информационной средой для создания желаемого представления о регионе и самих себе в нем [Лозицкая, 2005].

Паин Э.А. выделяет три основные модели в конструировании идентичности: 1) спонтанная, фрагментарная модель, характеризующаяся отсутствием выстроенной стратегии, состоящая из одной или нескольких инициатив, разовых акций; 2) проектная, элитарная модель, в которой за основу берутся исключительно властные интересы, а местная история, культура, существующие идентификации населения используются конъюнктурно или вовсе игнорируются; 3) органическая модель, отличающаяся запланированной ориентацией на консолидацию сообщества. Ее характеризует широкий охват сфер, последовательность, длительность и высокий энтузиазм внедрения. Паин подчеркивает, что внедрение крупных символических проектов должно подкрепляться модернизацией соответствующих сфер жизни территории. Имитация стратегии приводит к разочарованности жителей региона [Паин, 2012]. На этом мы бы хотели особо заострить внимание: никакие привлекательные символы, идеи, соблазны, обольстительные образы, получившие отображение в дискурсе идентичности, не будут серьезно восприняты и закреплены, если они диссонируют с реальностью, не находят в ней подтверждения.

Контроль «мягкой силы» региональной идентичности вызывает обольщение жителей региона не только привлекательным образом территории, но и губернатора, убеждает в необходимости его присутствия во главе региона, в том, что именно такой тип политика соответствует особому региональному характеру населения.

До 2004 г. региональные элиты активно прибегали к политике региональной идентичности, однако, недавние тенденции не способствовали ее использованию (это запрет на создание региональных политических партий, совмещение по времени федеральных и региональных выборов, отмена выборов губернаторов).

С нашей точки зрения, перегибы в обе стороны при использовании идентичности опасны: в одном случае они ведут к торгу региональных властей с центром (лояльность в обмен на ресурсы), а в другом сильные федералистские тенденции, построение вертикали власти приводят к уменьшению стимулов для использования политики идентичности для повышения солидарности, гражданской активности, местного патриотизма и других описанных выше положительных последствий. По нашему мнению, практика назначения губернаторов в совокупности с отказом от политики идентичности, ведет к тому, что губернаторы не получают реальную легитимность, часто воспринимаются населением как «варяги», посланные Москвой и отражающие ее интересы, даже в том случае, если являются коренными жителями региона. Возможно, законопроект о выборах губернаторов, одобренный Советом Федерации 27 апреля 2012 г., изменит ситуацию, но и в нынешней обстановке нельзя забывать о мягкой силе дискурса идентичности, которая способна повысить энтузиазм населения, вызвать желание активнее работать на благо региона, повысить консолидированность сообщества, решить региональные проблемы.

Литература:

1. Абашев В.В. Из очерков по локальной мифологии. 2010. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2000/46/bashev.html>.
2. Барт Р. Мифологии. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1996.
3. Гельман В.Я., Попова Е.В. Региональные политические элиты и стратегии региональной идентичности в современной России. 2002. URL: http://www.dartmouth.edu/~crn/groups/centering_group_papers/

- Gel'manPopova.pdf.
4. Гончарик А.А. Роль политических элит в формировании региональной идентичности: интерпретация коллективной памяти и мифов. 2010. URL: http://identity.ucoz.ru/load/tezisy/goncharik_a_a_rol_politicheskikh_ehlit_v_formirovanii_regionalnoj_identichnosti_interpretacija_kollektivnoj_pamjati_i_mifov/4-1-0-30.
5. Грызлов Б.В. Национальное единство как условие успешного перехода к демократии (Политика и действительность) // Философские науки. 2007. № 1.
6. Давыдов В.Н. 2006. Культурная аутентичность и коренные народы: институциональные процессы и политика идентичности // Журнал социологии и антропологии. 2006. Том IX. № 3 (36). С. 103.
7. Дроздова Ю.А. Солидарные отношения как основание формирования региональной идентичности // Социально-гуманитарные знания. 2011. № 1.
8. Капкан М.В. Уральские города-заводы: мифологические конструкты. 2006. URL: http://proceedings.usu.ru/?base=mag/0047_01_12-2006_&xsl=showArticle.xslt&id=a04&doc=../content.jsp.
9. Лозицкая Ю.Л. Политическая идентичность региональной элиты как фактор политической институализации. URL: <http://www.espi.ru/Content/Conferences/Papers2005/razd1/Lozitskaya.pdf>.
10. Михайлова О.А. http://mion-journal.tomsk.ru/?attachment_id=416; http://mion-journal.tomsk.ru/?attachment_id=417;
- http://mion-journal.tomsk.ru/?attachment_id=425;
- http://mion-journal.tomsk.ru/?attachment_id=426.
11. Сигналы региональной идентичности в языке города постсоветского периода. 2010. URL: <http://mion-journal.tomsk.ru/?cat=37>.
12. Назукина М.В. Конструирование политических мифов как способ формирования позитивной известности регионов России. 2010. URL: http://www.fondedin.ru/dok/04_Nazukina_v.pdf.
13. Паин Э.А., Алалмасова Н.Е. Модели конструирования территориальной идентичности. 2012. URL: <http://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=1&ved=0CCMQFjAA&url=http%3A%2F%2Fregconf.hse.ru%2Fuploads%2F38803e33bd64e2a7161947558...>
14. Путин. Россия: Национальный вопрос // Независимая газета. 2012. 23 января.
15. Рубцов А.В. 2009 Российская идентичность и вызов модернизации // Экон-Информ. С. 184.
16. Русакова О.Ф. Концепт «мягкой» силы (soft power) в современной политической философии // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2010. Вып. 10.
17. Фадеева Л.А. Проблема идентичности в сравнительной политологии // Полис. 2011. № 1.
18. Keating The new regionalism in Western Europe. Territorial restructuring and political change. 1998. Edward Elgar Publishing.

Русакова О.Ф.

МЯГКАЯ СИЛА СТРАН АЗИИ

Русакова
Ольга Фредовна

доктор политических наук, профессор, заведующая
отделом философии Института философии и права
УрО РАН, президент МАДИ

В эпоху глобализации и усиления геополитической конкуренции инструментов «мягкой» силы стал рассматриваться политиками и теоретиками в качестве важного ресурса внешнеполитической мощи стран, претендующих на статус мирового центра или полюса власти.

Впервые в качестве категории, обозначающей особого рода внешнеполитический властный ресурс, понятие «soft power» стало применяться в работах Джозефа Ная – американского специалиста в области международных отношений, бывшего заместителя министра обороны США в администрации Б. Клинтона, а ныне – декана

Школы управления имени Кеннеди в Гарвардском университете¹.

Суть «мягкой» силы Джозеф Най разъясняет путем сравнения ее с традиционными «жесткими» или «твердыми» способами внешнеполитического воздействия. Под «жесткой» силой исследователь подразумевает использование во внешней политике таких властных средств как вооруженное насилие, военное вмешательство, экономическое давление, подкуп. «Жесткая» сила, или «жесткое» могущество – это способность к принуждению, обусловленная материальной мощью страны. Главными методами данного вида воздействия являются методы «кнути и пряника».

Конкретно говоря, «твердой силой» является видимая государственная мощь, состоящая главным образом из природных ресурсов, экономики, науки, техники и военной силы, которые составляют материальную базу совокупной государственной мощи. Инструментами «жесткой силы» выступают также методы идеологического

давления, к которым относятся информационные войны и так называемые «войны памяти»².

В противоположность «жесткому» способу влияния, отмечает Най, «мягкая» сила – это способность добиваться желаемого на основе добровольного участия союзников, а не с помощью принуждения и подачек. «Мягкое» могущество подразумевает использование в качестве ресурсов властного влияния привлекательные политические имиджи и культурные ценности, транслируемые средствами массовой информации. Мягкое могущество возникает, когда страна привлекает своей культурой, политическими идеалами и программами. Оно проявляется в вовлечении в процесс сотрудничества без угроз и поощрений.

К «мягкой силе» относятся: притягательная сила экономического роста и благосостояния населения страны, привлекательные образы социального строя и моделей развития государства, творческая сила нации, цементирующая сила народа страны, привлекательная внешнеполитическая стратегия. Эффективное использование «мягкой силы» рассматривается в качестве основы повышения международной конкурентоспособности страны.

Привлекательность внешней политики, согласно Наю, во многом зависит от того, насколько будут всеобъемлющими и перспективными ее цели для всех участников межгосударственных коммуникаций, насколько будут совпадать их ценностные ориентации: «Политика с большей вероятностью будет привлекательной, если она базируется на ценностях, разделяемых другими». В качестве примера политики в стиле soft power Най называет реализацию плана Маршалла, в ходе которой «европейцы с радостью приняли американское лидерство»³.

Для Наю, soft power – это система мощных властных ресурсов, которая помогает США на протяжении многих лет осуществлять *мягкую гегемонию* на международной арене. Согласно его точке зрения, одной из причин, почему советская система власти в СССР потерпела поражения, была недооценка советской политической элитой важной роли механизмов soft power во внешнеполитической конкуренции.

Одним из элементов мягкой американской гегемонии Най считает массированную коммерческую рекламу вещественных символов Америки,

с которыми в годы «холодной войны» ассоциировались представления о новых горизонтах свободы. «Поколение за поколением, – отмечает Най, – молодежь в самых разных европейских странах, – и к западу, и к востоку от «железного занавеса» – открывала для себя новые культурные альтернативы. Простые вещи, вроде синих джинсов, кока-колы или определенной марки сигарет, давали возможность молодому поколению выражать собственно «Я»⁴.

Другим проверенным инструментом мягкой гегемонии Соединенных Штатов является американская поп-культура. Адаптация к ней европейцев после Второй мировой войны способствовала легкому и жизнерадостному усвоению идей и принципов либерализма, впрыснула молодую энергию в «высокую» культуру послевоенной Европы. В итоге, пишет Най, именно воздействие поп-культуры на общественное сознание европейцев помогло Соединенным Штатам в достижении двух важных целей – демократическая реконструкция Европы и создание НАТО. Массовая культура оказала США большую услугу в поддержании экономического и военного лидерства⁵.

У американской внешнеполитической «мягкой» силы есть серьезные конкуренты на международной арене. Основным конкурентом выступает «мягкая» сила Европы. Европа, отмечает Най, впечатляет своими «мягкими» ресурсами. К ним относятся: достижения европейских стран в области литературы (Франция занимает первое место в мире по числу Нобелевских лауреатов по литературе); благоприятная миграционная политика в плане предоставления убежища для мигрантов (Великобритания и Германия – занимают первые места в списке стран, куда устремляются эмигранты и беженцы); выделение значительных средств для оказания помощи развивающимся странам.

«Мягкую» силу Европы укрепляют ее позиции по вопросу о смертной казни, по контролю за оружием, по изменению климата, по соблюдению прав человека, включая права секс-меньшинств. Кроме того, в Европе мощнее, чем в США, профсоюзы, система социального обеспечения, рынок труда более регламентирован⁶.

Оценивая эффективность дискурса soft power, применяемого разными странами, Най видит большие перспективы в координационном использовании американских и европейских

ресурсов «мягкой» силы, а также в расширении американско-европейского информационного пространства. Массовая информация рассматривается им как один из важнейших ресурсов «мягкого» влияния. Одной из политических ошибок США Най считает сокращение финансирования и вещания после «холодной войны» правительственными СМИ, ликвидацию Информационного агентства USIA.

В качестве обозначения внешнеполитического инструмента власти концепт soft power все чаще используется при анализе современного дискурса глобальной политики⁷, а также для характеристики внешнеполитических стратегий отдельных стран и международных союзов⁸.

Среди стран Восточной Азии супердержавой в области эффективного применения soft power считается Япония⁹. Для таких стран как США, Китай, стран Юго-Восточной Азии и Восточной Азии воздействие soft power Японии особенно заметно.

Особое внимание сегодня уделяется успешному применению концепта и стратегии soft power *Китаем* в его разносторонних внешнеполитических коммуникациях. Китайский ресурс soft power рассматривается в качестве главной конкурентной силы внешнеполитическому влиянию США, Европейского Союза, Японии, Южной Кореи¹⁰.

В настоящее время китайские политологи и политики активно занимаются разработкой теории и стратегических направлений «мягкой силы» Китая, вопросами ее гармонизации с инструментарием «твердой силы». Стратегия повышение «мягкой силы» страны выступает сегодня официальным политическим курсом китайского руководства. В политическом докладе правящей партии на XVII съезде была дана китайская интерпретация soft power и были выдвинуты следующие конкретные задачи целенаправленного строительства «мягкой силы» Китая: 1) «создавать систему стержневых социалистических ценностей, увеличивать притягательные и цементирующие силы социалистической идеологии»; 2) «формировать гармоничную культуру, воспитывать цивилизованные нравы»; 3) «широко распространять национальную культуру, строить общий духовный очаг китайской нации»; 4) «продвигать новаторство в культуре, усиливать жизненную силу развития культуры»¹¹.

Китайская стратегия развития soft power предполагает, что, когда к 2020 году будет выполнена задача полного построения в Китае среднезажиточного общества, когда страна заметно повысит свою совокупную мощь посредством подъема экономики, науки и образования, ее привлекательная сила станет лидирующей в мировом масштабе. Кроме того, «мягкая сила» с китайской спецификой опирается на принцип «гармонии», который предполагает гармонию во всех областях жизни: гармония между человеком и природой, гармония между людьми, гармония между государствами. Гармония рассматривается в качестве базового принципа устойчивого и эффективного развития. Принцип гармонии – это то, что создает Китаю господствующую моральную высоту в международных коммуникациях. На данном принципе выстраивается единство «мягкой» и «твердой» силы с китайской спецификой как внутри страны, так и за ее рубежами¹².

Согласно китайским политологам, существует неразрывная диалектическая связь между «твердой» силой и «мягкой» силой. «Мягкая сила» трактуется ими как *мудрость*, выраженная в ходе применения «твердой силы». Укрепление «твердой силы» сопряжено с увеличением «мягкой силы». И даже в том случае, когда «твердая» сила несколько укрепляется, совокупная государственная мощь может сократиться в связи с ослаблением «мягкой силы»¹³.

С позиции данной теории китайские исследователи объясняют распад Советского Союза и анализируют его уроки. Главный исторический урок состоит в том, что Советский Союз в конце XX-го века оказался под мощным влиянием «мягкой силы» Запада и не смог противостоять ему посредством собственных инструментов soft power.

Сегодня, по мнению исследователей, только Китай со своей стратегией строительства и развития «мягкой» силы в состоянии эффективно конкурировать с силами «мягкого» влияния стран Запада.

С точки зрения внутренней политики строительство soft power Китая благоприятствует поднятию национального духа, укреплению чувства идентичности народа страны, сохранению и развитию древней китайской культуры, достижению полного единства Китая. С точки зрения внешней политики, строительство soft power Китая позво-

ляет увеличивать его международное влияние, укреплять понимание между народами.

В настоящее время политологами разрабатываются комплексные модели soft power. Согласно одной из них, можно выделить следующие разновидности «мягкой» силы:

1) *Economic Soft Power* (экономическая «мягкая» сила) – экономические аттракторы или показатели экономической привлекательности, включая инвестиционную;

2) *Human Capital Soft Power* – гуманитарный капитал, основанный на привлекательности системы общего и университетского образования, научной и технологической деятельности;

3) *Cultural Soft Power* – инструменты культурного влияния, а именно, – международное признание значимости и величия культурного наследия страны, политика популяризации национальной культуры, расширение межкультурных коммуникаций, туристическая привлекательность страны, распространение национального языка и национальной кухни;

4) *Political Soft Power* – система показателей уровня развития институтов политической демократии и защиты прав человека;

5) *Diplomatic Soft Power* – дипломатическая репутация страны, показатели эффективности дипломатических усилий в сфере переговорного процесса, степень миролюбия, способность к предотвращению агрессии и нейтрализации угроз, способность к установлению глобальной повестки дня¹⁴.

К отдельным видам soft power современные исследователи относят также такие факторы влияния как *институциональная власть* (статусное положение страны в международных институциональных объединениях); *репутационная власть* – власть репутационного имиджа (успешность в проведении политических акций, ответственная политика, международный авторитет, заслуженный в ходе урегулирования конфликтов, надежность в партнерских отношениях); *репрезентационная власть* – способность эффективно продвигать собственное видение событий, свою интерпретационную и информационную модель политической реальности методами дипломатии, пропаганды, PR, фрейминга и медиа контроля¹⁵.

В одной из работ в соответствии с определенными целевыми установками выделяется пять

разновидностей soft power. К таковым относятся:

1) soft power, направленная на улучшение ситуации внешней безопасности посредством проектирования мирного и привлекательного имиджа страны; 2) soft power в целях мобилизации международной поддержки политики безопасности; 3) soft power, оказывающая влияние на образ мысли и на предпочтения общественности других стран; 4) soft power, направленная на поддержку общественного единства страны или ряда стран; 5) soft power в целях повышения рейтингов одобрения лидера или внутренней поддержки государства¹⁶.

Примерами первой категории soft power выступают китайские принципы «мирного возвышения» и «гармоничного мира», японские послевоенные усилия по созданию миролюбивого имиджа страны посредством Конституции Мира, Трех Антиядерных принципов, политики сдерживания сил самообороны, однопроцентного госбюджета на оборону.

Вторая категория soft power связана с необходимостью эффективного руководства в сфере мобилизации коллективных международных акций в составе коалиций. Критика провалов soft power США в его глобальной войне с терроризмом или в войне в Ираке как раз относится к неэффективному использованию Америкой именно данной разновидности «мягкой силы».

Третья категория soft power нацелена на управление изменениями в предпочтениях и в способах поведения общественности других стран посредством применения идеал-ресурсов (ideational resources). Примерами данной разновидности «мягкой силы» выступает деятельность англо-американских политических и аналитических центров по распространению в интеллектуальном пространстве других стран таких теорий, концептов и дискурсов как «Вашингтонский Консенсус», «Неолиберализм», «Глобализация». Япония также предприняла активные шаги по производству данной разновидности soft power, распространяя такие концепты как «модель летящих гусей», «Тойотаизм», «Система точно-в-срок» («Just-in-time system»), «мягкий авторитаритаризм».

Международные элиты типа селебритиз (знаменитости) могут играть важную роль в распространении в глобальной среде концептов и дискурсов. В группу селебритиз входят лауреаты

Нобелевских премий, знаменитости типа Билла Гейтса или звезды политики, которые вносят значительный вклад в усиление soft power страны, которую они представляют.

Четвертая категория soft power нацелена на укрепление таких идентичностей как «империя», «нация», «наднациональное сообщество» (к примеру, Европейский Союз). К данному виду soft power относятся: усилия по развитию единой для общности системы политических институтов, развитие общей символики, инвестиции в развитие музейного дела, поддержка культурных традиций, ритуалов, языка, поддержка общего жизненного стиля.

Примерами пятой категории soft power выступают: создание пантеона национальных героев, культивирование патриотизма посредством международных спортивных состязаний, демонстрация выдающихся способностей политических лидеров страны посредством пропаганды их деятельности на международных саммитах и конференциях. Данная разновидность «мягкой силы» скорее нацелена на внутреннюю аудиторию, чем на зарубежных стран.

Существует тесная связь между soft power и «мягкими» ресурсами власти. К ресурсам «мягкой» власти относятся: идеи, имиджи, теории, know-how, образование, дискурсы, культура, традиции, национальные и глобальные символы, селебритиз. Данный вид ресурсов позволяет международным акторам оказывать существенное влияние на изменение векторов глобальной политики и на положение государств в мировом сообществе. Например, Европейский Союз может занять лидирующую позицию в реформировании международной финансовой системы, если предложит альтернативную модель англо-американскому неолиберализму¹⁷.

Одной из стран, которые сегодня целенаправленно занимаются разработкой актуальных стратегий soft power, является **Южная Корея**. В настоящее время Южная Корея обладает следующими значимыми ресурсами «мягкой» силы: 1) успешный опыт быстрой модернизации и демократизации, 2) так называемые «Корейские Волны» («Korean Waves») в разных регионах Восточной Азии¹⁸.

В настоящее время ощутимыми результатами успешной корейской стратегии soft power

выступают: расширение рынков торговли южно-корейскими товарами; увеличение туристских потоков в Южную Корею; консультационная и экспертная помощь политикам и бизнесменам из других стран по вопросам модернизации и демократизации.

В странах, в которых приветствуются «Корейская Волна», получают распространение корейский стиль жизни, корейский тип потребления и сервиса, становятся популярными корейские бренды и селебритис. Кроме того, Южная Корея намерена составить серьезную конкуренцию США и Японии в продвижении на мировые рынки таких ресурсов soft power как мультипликация и компьютерные игры.

В настоящее время созданы рейтинговые системы для измерения и сравнения компонентов soft power разных стран. Один из таких рейтингов, основанный на исследовании общественного мнения, был представлен в докладе Чикагского Совета по Глобальным вопросам (Chicago Council on Global Affairs) в 2008 году. Специальным предметом исследования стали различные параметры «мягкой силы» стран Азии – Китая, Японии, Южной Кореи, Индонезии и Вьетнама¹⁹. Исследования проводились также в США с целью сравнительного измерения влияния стран Азии не только на друг друга, но и на общественное мнение американцев.

Из проведенных исследования следует вывод о том, что совокупный капитал Soft Power конкретной страны, по существу, определяет силу ее влиятельных позиций в системе глобальных политических коммуникаций.

Согласно современным оценкам, soft power Китая по своей совокупной «мягкой силе» еще не превзошел аналогичные силы Японии, США и Южной Кореи²⁰. В США и Японии силы китайских инструментов soft power пока уступают южно-корейским. А вот в Индонезии и Вьетнаме влияние китайской «мягкой силы» уже превысило soft power Южной Кореи.

Общая динамика развития китайской economical soft power такова, что в ближайшем будущем экономическое влияние Китая в регионе будет сравнимо с США и Японией. В Соединенных Штатах, Индонезии и Вьетнаме Китай уже опережает Южную Корею по уровню своей экономической привлекательности.

Что касается «мягкой силы» гуманитарного капитала, связанного с популяризацией университетской системы образования и с уровнем развития научных технологий, то Китай еще отстает от Америки и Японии. В то же время, японцы, индонезийцы и вьетнамцы считают, что влияние китайского гуманитарного капитала вполне сравнимо с американской силой влияния в гуманитарной сфере. Кстати, согласно рейтинговым оценкам, международным лидером в области привлекательности системы образования и уровня развития научных технологий является сегодня Южная Корея, обогнавшая такие супердержавы «мягкой силы» как США и Япония.

Международное влияние китайского cultural soft power в сравнении с американским и японским культурным влиянием наиболее весомо в плане привлекательности традиционной культуры страны. Что касается воздействия китайской «мягкой силы» на сферу поп-культуры, то там это влияние значительно уступает soft power США.

В сфере дипломатии Китай уже достиг больших успехов в применении инструментов soft power в отношении своих ближайших соседей по юго-восточному региону. Наиболее слабым местом soft power Китая считается политическая «мягкая сила», связанная с политическим устройством страны²¹.

В целом, говоря о структурных компонентах или разновидностях soft power, необходимо иметь в виду, что успех всех стратегий «мягкой» силы неизменно зависит от информационных ресурсов, рекламных технологий и PR-поддержки. Все, что относится к продвижению имиджей и брендов, к каким бы сферам жизни это не относилось (экономика, политика, культура), предполагает существование развитой сети PR-коммуникаций, создаваемой как внутри страны, так и за ее пределами. Сегодня в плане эффективного использования soft power лидирует тот, кто доминирует в глобальном информационном пространстве и в установлении развернутой системы PR-институтов.

Что касается России, то концепция soft power в нашей стране пока еще не стала предметом фундаментальных научных и политологических исследований. Поэтому стратегии и практики soft power у нас носят характер отдельных PR-кампаний. Целостного и стратегически обосно-

ванного понимания российской «мягкой» силы в России нет. Это с глубоким сожалением констатируют отечественные аналитики²². Из долгосрочных инструментов soft power, которые получили инвестиции со стороны российских властей, следует назвать такие проекты как: информационный канал Russian Today, фонд «русский мир», формирующий центры кабинеты русского языка в ряде стран, Институт демократии и сотрудничества, имеющий свои отделения в Нью-Йорке и Париже.

К культурным инструментам российской «мягкой силы» относятся: различные формы культурного, образовательного и научного обмена; учреждение международных премий в сфере литературы, искусства и науки; продвижение спортивного имиджа страны посредством организации и проведения международных спортивных соревнований, развития спортивной инфраструктуры. Одним из слабо задействованных Россией инструментов soft power является продвижение за рубежом русской кухни и русских застольных традиций. Не секрет, что путь к сердцу не только мужчин, но и иностранцев лежит через «желудок». Это хорошо понимают американские, японские и китайские специалисты в области soft power, развивая сети Макдональдсов, суши-баров, центров и школ китайских чайных церемоний.

Развитие как внутри страны, так и за рубежом мощной сети русских ресторанов, кафе, закусочных и проч., может оказать большую услугу России в плане привлечения внимания к русской культуре и повышения авторитета страны на международной арене. Много предстоит сделать также в развитии других отраслей soft power. В этой связи актуальной стратегической задачей для России выступает разработка комплексной научно-стратегической модели и программы под названием «Мягкая сила России».

The Soft Power Discourse is connected with wide application of such instruments of influence as *show-policy* and *media-entertainment*, giving an effect of *politainment* in the aggregate, in political communications between citizens of a country and political institutions.

In conclusion we must remark that the soft power increasing influence is the mainstream of contemporary international relations. This trend

indicates the importance of the PR-discourse' expansion in various fields of foreign policy.

Литература:

1. Най Дж. «Мягкая» сила и американо-европейские отношения // Свободная мысль – XXI. 2004. № 10; Его же: Гибкая власть. Как добиться успеха в мировой политике. – М.: ФСПИ «Тренды», 2006 и др.
2. Бордюгов Г.А. «Войны памяти» на постсоветском пространстве / Предисловие Алана Касаева. – М.: АИРО-XXI, 2011.
3. Най Дж. «Мягкая» сила и американо-европейские отношения // Свободная мысль – XXI. 2004. № 10. С. 34, 35.
4. Там же. С. 36.
5. Там же.
6. Там же. С. 38–39.
7. Chong Alan. Foreign Policy in Global Information Space: Actualizing Soft Power. New York: Palgrave Macmillan, 2007.; Melissen Jan, ed., The New Public Diplomacy: Soft power in International Relations. New York: Palgrave Macmillan, 2007.
8. Русакова О.Ф. Специфика дискурса межгосударственной коммуникации в рамках ШОС: Россия-Китай // Проблемы международного сотрудничества в рамках ШОС. Доклады II Международной конференции 28–30 сентября 2011 г. Екатеринбург, Россия: УрО РАН, 2011.
9. Yasuhiro Watanabe and David L. McConnell, eds., Soft Power Superpowers: Cultural and National Assets of Japan and United States (Armonk, NY: M.E. Sharpe, 2008).
10. Holik Gregory G. Paper Tiger? Chinese Soft power in East Asia // Political Science Quarterly. Volume 126. Number 2. Summer 2011. Pp. 223–254; Holl Todd. An Unclear Attraction: A Critical Examination of Soft Power as an Analytical Category // The Chinese Journal of International Politics, Vol. 3, 2010, Pp. 208–211.
11. Цзайцзи Лю. «Мягкая сила» в стратегии развития Китая // Полис. 2009. № 4. С. 150.
12. Там же. С. 151.
13. Там же. С. 154.
14. Holik Gregory G. Paper Tiger? Chinese Soft power in East Asia // Political Science Quarterly. Volume 126. Number 2. Summer 2011. P. 232–241.
15. Holl Todd. An Unclear Attraction: A Critical Examination of Soft Power as an Analytical Category // The Chinese Journal of International Politics, Vol. 3, 2010, Pp. 208–211.
16. Lee Geun. A theory of soft power and Korea's soft power strategy // Korean Journal of Defence Analysis. Vol. 21, № 2, June, 2009. P. 207–208.
17. Ibid. Pp. 209–210.
18. Ibid. P. 213.
19. Whitney Christopher and Shambaugh M. David. Soft Power in Asia: Results of a 2008 Multinational Survey of Public Opinion (The Chicago Council on Global Affairs, 2008).
20. Holik Gregory G. Paper Tiger? Chinese Soft power in East Asia // Political Science Quarterly. Volume 126. Number 2. Summer 2011. P. 231.
21. Holik Gregory G. Paper Tiger? Chinese Soft power in East Asia // Political Science Quarterly. Volume 126. Number 2. Summer 2011. P. 228.
22. Габуев Александр, Тарасенко Павел. Пиаровая победа // Коммерсантъ ВЛАСТЬ. 9 апреля 2012.

Романова К.С.

SOFT POWER (МЯГКАЯ ВЛАСТЬ) ДЕНЕГ

**Романова
Кира Степановна**

кандидат философских наук, доцент, старший научный сотрудник Института философии и права УрО РАН, член-корреспондент МАДИ

«Мягенькие лапки, а в лапках –
цап-царапки»
(Загадка)

В современном мире власть вещей, техники изменяет духовный мир человека, ставит его в зависимость от безличного начала. В условиях современного экономического и политического кризиса исследовательский интерес все больше вызывают вопросы власти и денег, власти денег, и их соотношения. Вместе с тем, проблема взаимосвязи денег и власти, несмотря на свою широ-

кую дискурсивность, представляется нам недостаточно изученной, что повышает ее актуальность.

Власть – в самом широком смысле – это способность влияния на поведение людей в желаемом направлении. Твердая власть основывается на наборе соблазнов («пряников»), или угроз и принуждений («кнута»). Мягкая власть основывается не на силе и принуждении, а на способности устанавливать предпочтения соблазнов. Мягкая власть денег основывается на таких социальных человеческих отношениях как зависимость, приоритетность, привлекательность, напряженность (страстность).

Твердая власть (политическая, экономическая и правовая) и мягкая власть денег взаимосвязаны. Твердая и мягкая власть, взаимодействуя между собой, могут усиливать друг друга, а могут ослаблять (оппозиционное противостояние). Различие между ними коренится в природе поведения и использовании ресурсов. Деньги сродни магии, они сами магия, так как могут обеспечивать их обладателю власть и всеисилие. За деньги можно купить все. Ресурсом мягкой власти денег являются ценности, которые и создают подобную привлекательность.

Вся власть зависит от контекста – определенных исторических условий и обстоятельств. Однако мягкая власть денег больше, чем твердая политическая, зависит от существования интерпретаторов желаний и получателей. Для мягкой власти денег в информационную эпоху, важным ресурсом являются многочисленные каналы коммуникаций, культурные обычаи, а также новые идеи, которые становятся массовыми нормами, а также степень взаимного доверия. Примером тому могут служить непотопляемые «пирамиды МММ», участие в которых миллионов людей определяется не только жадной наживы, но и доверием репутации средств массовой информации (кстати, определяемых как четвертый вид власти), основанной на культурных обычаях прошлого времени.

Исторически деньги в человеческом обществе возникли как эквивалент труда и были буквально весомы, так как монеты имели определенную физическую массу, зависимую от их значимости. Огромное значение денег установилось в рыночной экономике. Именно при этой экономике, с одной стороны деньги капитализируются

(то есть происходит процесс их накопления), а, с другой стороны, происходит процесс отчуждения денег, который позволяют отодвинуть во времени использование результатов труда или любой коммерческой операции. Деньги в этих условиях сами становятся товаром, причем обладающим самой высокой степенью ликвидности, то есть в любой момент могут быть использованы для обмена на любой товар или услугу.

Сущность денег проявляется в их функциях: мера стоимости, средство обращения, средство накопления, средство платежа, мировые деньги. Каждая функция составляет органическое единство вместе со всеми, превращая деньги из экономического инструмента в некую демоническую силу. Этот процесс отражается и в исторических формах изменения денег.

Появление бумажных денег было первым проявлением демонетизации [1]. Денежные знаки стали заменять реальную стоимость металла. Дальнейшая диверсификация денег множит их виды: чеки, кредитные карточки, дебетные карточки, и так называемые электронные деньги. Появление электронных денег в денежном обращении – это процесс дестафации денег, то есть исчезновение вещественных средств обращения платежа (только виртуальное). Такие формы существования денег становятся недоступными для неграмотного или полуграмотного народа в отдельно взятой стране или в мировом масштабе и являются объектом манипулирования и злоупотреблений со стороны финансовых воротил. Коррупция в этих условиях это непреложная данность, которая использует взятки, откаты, распилы и т. д., как технологические приемы управления денежными потоками. Желание обогащаться подобно наркомании – втянувшиеся в него никак не могут остановиться. Делать деньги из денег становится принципом и образом жизни, неистребимой привычкой. Желание обладать деньгами начинает владеть всем человеческим естеством, его помыслами и поступками.

Убеждения, касающиеся отношения к деньгам, к способам их получения, к богатству и бедности, как правило формируются на протяжении нескольких поколений, передаются в качестве семейных посланий и сценариев и становятся неосознанными регуляторами экономического поведения [4]. Сегодня в России в связи с изме-

нением общественного строя объективно произошел разрыв между поколениями как носителями разного социального и экономического опыта.

Каждое историческое время и образ жизни вырабатывает свои определенные социально психологические черты характера личности и отношения к деньгам. Как отмечает Д. Неведимов: «В старой иерархии конкретный человек как личность и его место были единым целым, В новой иерархии свойство власти отделилось от человека и стало независимым. Иерархия личностей была заменена иерархией владельцев собственности, а в итоге – безличной иерархией собственности. Вместе с этим отделением исчезли и качества личности – смелость, преданность, просвещенность. Они стали не только не нужны, но и мешающими единственной цели накоплению денег как символа и инструмента власти» [3].

Денежная иерархия стала единой, абсолютной и универсальной, она стремится распространиться на все существующее в мире.

Власть денег это универсальная власть, которая может подменить любую другую власть. При этом власть денег – это обычно скрытая власть. Эта скрытость жестко охраняется законами о коммерческой тайне, банковской и прочих тайнах. Безграничная власть денег, собственности, религиозных и политических мифов порождает фетишистское, отчужденное сознание. Культурные ценности и идеалы, задуманные их творцами как средства преобразования природы и человеческого усовершенствования в обществе, где господствует капитал, утрачивают свою истинность, становятся орудиями насилия, уничтожения самого человека, формируя у него подчинение в виде зависимости от «власти» вещей – денег, алкоголя наркотиков и др. [5].

Как пишет О.С. Дейнека в научном мышлении и в быденном сознании соотношения понятий «экономика» и «бизнес» различаются в зависимости от хозяйственной идеологии и экономического мировоззрения исследователя. Рыночно-либеральный подход и установки экономо-центризма (доминирование материальных ценностей над духовно-творческими ценностями и идеалами) способствуют абсолютизации роли рынка и сведение практически всей экономики к бизнесу. Тем не менее, понятия «экономика» и «бизнес» различаются по объему и содержа-

нию, они подразумевают несколько отличные смыслы и сущности. Экономика определяется как совокупность отношений по поводу производства, распределения, обмена, потребления материальных благ и услуг в условиях конкретного общественного строя и конкретного государства, а также как хозяйство региона, государства или его части. Главная цель экономики – служение жизни. Бизнес же есть любая организованная законная деятельность, регулируемая национальным законодательством и международными соглашениями, главной целью которой является получение прибыли.

В быденном сознании синонимом бизнеса является «предпринимательство», а экономика семантически близка к понятию «экономическая политика». Субъектом бизнеса выступает часть общества – предприниматель, а субъектом экономики все общество и государство. Различны цели и основные функции бизнеса и государства. У бизнеса доминирует над другими личный интерес, где ведущий мотив – прибыль, а экономика призвана обслуживать социальный интерес, воплощая цели общества в целом, где мотивом выступает социальное благополучие. Для стран, где сильно влияние римского права, характерно признание важности государства, его позитивной и доминирующей роли. Россия здесь не исключение [2]. Легализация предпринимательской деятельности в России обоснована законом РСФСР «О предприятиях и предпринимательской деятельности» от 25 декабря 1990 года. В этом законе предпринимательство определяется как «инициативная, самостоятельная деятельность граждан и их объединений, осуществляемая на свой страх и риск, под имущественную ответственность, и направленную на получение прибыли». В реформируемой России предпринимательство (в классическом, западном понимании) приживается трудно, не служит быстрому формированию среднего класса как основы благосостояния общества, а ассоциируется, скорее, с криминалом. Это связано с тем, что бурное развитие изначального предпринимательства состоялось в торговле на основе спекуляций (которые до этого преследовались как уголовно-наказуемые деяния) и рэкета. Этот процесс способствует резкому расслоению населения по уровням дохода. По данным ряда исследователей [6], [7] предпринимательством

в любом обществе могут заниматься люди, обладающие определенным набором врожденных психологических качеств, обеспечивающих успех в данном виде деятельности и в количественном выражении они составляют примерно около 11% населения. Остальной же части населения приходится заниматься другими видами деятельности, так как в предпринимательстве они будут неуспешны. И это замечательно, что большая часть человеческого общества к деньгам относится адекватно, так как этого достоин универсальный инструмент экономики, определяющий трудовую стоимость, но при этом способный обернуться чем угодно. Большая часть любого общества все же занимается созидательным трудом, включая и духовное созидание самого человека, и деньги есть не только инструмент экономики, но и создания гармонии с окружающим миром.

Литература:

1. Войтов А.Г. Деньги: уч. пособие М., 2002. – 217 с.
2. Дейнека О.С. Противоречия и перспективы ресурсного подхода в экономической психологии с 66–96 // Проблемы экономической психологии. Том 2. / Отв. ред. А.Л. Журавлев, А.Б. Купреченко. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005. – 644 с.
3. Неведимов Д. Религия денег или Лекарство от Рыночной Экономики. [Электронная книга]. С. 167. URL: http://iesoq_947server_27_backup_4-com/area_001/self0020/120207_nevedimov.rar.
4. Романова К.С. Дискурс власти и денег // Социум и власть. – 2011. – № 3 (31). – С. 48–52.
5. Романова К.С. Психологический дискурс власти и властных отношений / Власть и властные отношения в современном мире // Материалы международной научно-практической конференции Гуманитарного Университета 30–31 марта 2006 года. Екатеринбург, С. 455–460.
6. См. Агеев А.И. Предпринимательство: проблемы, собственности и культуры. М., 1991.
7. См. Завьялов Е.К., Посохова С.Т. Психология предпринимательства. СПб., 1997.

Долгих Дарья, Маркелова Анна

ГЕОПОЛИТИКА И МЯГКАЯ СИЛА: ЯПОНСКАЯ КУЛЬТУРНАЯ ДИПЛОМАТИЯ В АЗИИ

(РЕФЕРАТ СТАТЬИ Н.К. ОТМАЗГИН)

Долгих Дарья,
Маркелова Анна

студенты департамента политологии
и социологии
УрФУ им. первого Президента России Б.Н. Ельцина

Nissim Kadosh Otmazgin. Geopolitics and Soft Power: Japan's Cultural Policy and Cultural Diplomacy in Asia // Asia-Pacific Review, Vol. 19, No. 1, 2012.

Культурная политика Японии и культурная дипломатия в Азии существенно менялись за прошлые сто лет: от активного внедрения и введения японской культуры в период создания империи к уходу от продвижения японской культуры в Азии в течение большей части послевоенного периода из-за опасений, что это будет расценено как культурный империализм, а позже к поддержке

и одобрению экспорта современной японской культуры и образа жизни для достижения мягкой силы. Глядя на колебания в культурной политике Японии в течение трех этих периодов, мы можем понять, каким образом Япония использовала культурную политику для достижения своих геополитических целей, а также, какую роль играет «культура» в контексте отношений Японии со своими азиатскими соседями. В более широком смысле, японский опыт демонстрирует, что культурная политика, даже тогда, когда направлена вовнутрь, не изолирована от геополитического положения страны и ее амбиций в мире, независимо от политической системы, при которой она существует.

В статье дается анализ политики японского правительства по продвижению своей культуры в Азии. Автор сосредотачивает внимание на трех основных периодах: до и во время войны в Азиатско-Тихоокеанском регионе, в послево-

енный период вплоть до конца 1980-х, с конца 1980-х годов по настоящее время. Первая часть статьи начинается с краткого определения термина «культурная политика» в контексте геополитики. Вторая часть рассматривает культурную политику Японии в Азии во время колониальной войны и в период, начиная с присоединения Тайваня (Формозы) в 1895 году до поражения Японии во Второй Мировой войне в 1945 году. Эта часть акцентирует внимание на идеологических и практических аспектах культурной политики Японии в качестве способа получения поддержки и убеждения местных жителей принять японскую гегемонию. В третьей части представлен анализ культурной политики Японии в течение первых четырех десятилетий после войны. После поражения в войне правительство Японии заинтересовалось в развитии японской культуры в Азии из-за опасений быть обвиненными в манипуляции своей культурой еще раз. В четвертой части говорится о некоторых из последних инициатив правительства по развитию японской культуры за рубежом, особенно популярной культуры, а в официальном дискурсе в Японии рассматриваются способы культурного экспорта. В настоящее время японское правительство не воспринимает культурный экспорт в Азию в качестве потенциально дестабилизирующего фактора, но после успеха в частном секторе, правительство акцентировало свое внимание на экономических и дипломатических выгодах, получаемых от вновь появляющихся мнениях о Японии как о культурно-захватывающей стране. В заключительной части обсуждается увеличение использования концепции «мягкой силы» в международных отношениях в Азии.

«Культурная политика» относится к широкому кругу правительственных инициатив, программ и дискурсов, направленных на развитие культуры в стране, традиций, языка и искусства. Цель культурной политики значительно варьируется: это может быть распространение определенных ценностей и традиций, сформулированных и выбранных государством, строительство национальных общин путем одобрения общих символов и нарративов, инструмент государственного контроля и мобилизации населения.

Сходство культурной политики с пропагандой заключается в том, что культурная по-

литика – политически мотивированный набор инициатив и действий, которые призваны влиять на общественное мнение, апеллируя к эмоциям, а не к рациональному мышлению. Однако, в отличие от пропаганды, культурная политика включает в себя гораздо более широкий спектр мероприятий и сфер, которые работают скорее на долгосрочную перспективу. Культурная политика может проводиться в виде государственной поддержки музеев, библиотек и архивов, изобразительного искусства, общественных памятников, полей сражения, зоопарков, ботанических садов, аквариумов, парков. Она также может проводиться в качестве помощи для студентов, государственных праздников, ярмарок, фестивалей и фольклорных мероприятий. Политические намерения в культурной политике также четко не прослеживаются. Она менее манипулятивна, чем пропаганда, поскольку может включать в себя программы, которые способствуют культурному разнообразию.

Культурная дипломатия понимается как использование культурной политики государства за рубежом посредством обмена идеями, информацией, культурой и искусством. Цель культурной дипломатии заключается в том, чтобы задействовать широкий диапазон «внешних зрителей» – особенно важных фигур и лидеров общественного мнения – и убедить их улучшить свое мнение о конкретном государстве. После Второй мировой войны все крупные державы (США, Великобритания, Франция, Германия и Италия) стали инициировать пиар-кампании в рамках нового дипломатического поведения, направленного на смягчение неблагоприятного имиджа этих государств. Японское правительство как последователь Запада разработало свою собственную культурную дипломатию (*Bunka gaiko*), которая рассматривается как сложная стратегия для продвижения японских национальных интересов.

В настоящее время, использование культурной политики и культурной дипломатии значительно продвинулось вперед, так как большинство стран сегодня, так или иначе стремятся показать свою культуру за рубежом как часть своего международного поведения. Однако мнения разных стран о культурной политике различны. В 1990-х годах культурная политика США выстраивалась вокруг культурного творчества, охватывающего коммерческие культурные товары, подчеркивая

роль культуры и искусства в содействии экономическому росту. В Великобритании в 1997 году администрация Блэра представила новый проект под названием «Cool Britannia» для того, чтобы страна была привлекательной, чтобы оживить экономику и чтобы британцы гордились своей страной. В Китае, Южной Корее и Юго-Восточной Азии пост-колониальная политика в области культуры, как правило, представляет собой способ, благодаря которому правительство подчеркивает и усиливает государственное строительство или предотвращение проникновения «чужой» культуры, рассматриваемой как морально вредной или политически опасной.

В июне 1968 года в Японии было создано государственное объединение для «популяризации и распространения культурного наследия и сохранения культурного единства». Это было первое признание легитимности государственной политики, касающейся культуры и искусства. В июле 1972 года в стране был создан специальный Фонд для осуществления культурной политики и культурного обмена. Фонд организовал большое количество программ поддержки научных и культурных событий. Сегодня Японский фонд работает в глобальном масштабе, однако Соединенные Штаты продолжают оставаться его основным стратегическим направлением.

В апреле 2005 г. японское правительство запустило новую программу, заявив, что к 2020 году Япония станет «культурной творческой нацией». В соответствии с ней Япония должна больше инвестировать в использование своих традиций, в творческую силу, технику, развивать свободный культурный обмен в глобальном масштабе. Двумя годами ранее, в апреле 2003 года, в годовом отчете Фонда Японии подчеркивалась важность продвижения нового национального образа страны, возрастающее значение культуры в сегодняшней дипломатии, что характеризовалось в качестве «мягкой силы».

Азиатские рынки – любимое место для культурного экспорта Японии. В последние годы широкий спектр культурных продуктов, таких как музыка, анимация, комиксы, телевизионные программы, модные журналы, фильмы являются неотъемлемой частью культурной жизни многих молодых людей, проживающих в азиатском регионе. Это признание поп-культуры Японии в Азии особенно удивительно, учитывая империалистическое прошлое Японии. Хотя люди в Азии до сих пор хранят память о японском колониализме, они все равно продолжают покупать комиксы, анимацию, японские поп альбомы в размере десятков миллионов, а также не оставляют без внимания японские телевизионные программы и фильмы.

Русакова О.Ф., Коваленко Е.Н.

SOFT POWER КАК ФЕМИНИСТСКАЯ СТРАТЕГИЯ

Русакова
Ольга Фредовна

доктор политических наук, профессор
Институт философии и права УрО РАН

Коваленко
Елена Николаевна

кандидат политических наук

Современное феминистское движение относится к типу «новых социальных движений», для которых большое значение приобретает выработка единого дискурсивного пространства, поддерживающего коллективную идентичность, обеспечивающего формирование

коллективных представлений о смысле своей деятельности, единого мировоззрения.

Непосредственное влияние на развитие теоретической базы феминистского движения оказывает дискурсивный подход, применяемый при изучении гендерного неравенства, ме-

ханизмов дискриминации, обеспечивающих неравные условия социальной жизни для мужчин и женщин. Для создания собственного коллективного дискурса представители феминистского движения активно используют такие концепты как «гендерное неравенство», «гендерная дискриминация», «права женщин», «soft power» («мягкая» сила), «empowerment».

Концепт *гендерное неравенство* применяется для характеристики такого социального устройства, при котором различные социальные группы (в данном случае – мужчины и женщины) обладают устойчивыми различиями и вытекающими из них неравными возможностями в обществе¹. Понятие «гендерное неравенство» связано с поло-ролевой моделью описания взаимоотношений в обществе между мужчинами и женщинами. Суть модели состоит в том, что мужчинам приписываются одни социальные функции и характеристики (добытчик, защитник, начальник и т. д.), а женщинам – другие (мать, домохозяйка и т. д.). В соответствии с этими функциями выделяются различные сферы деятельности среди полов. Для женщины такой сферой становится дом, семья, т. е. приватная сфера. Мужчинам отводится публичная сфера активности, а вместе с тем, такие показатели как карьера, власть, социальный статус и др.

Гендерное неравенство также определяется особым типом гендерного порядка, при котором в обществе возникает гендерный дисбаланс, нарушаются коллективные права женщин.

На практике система гендерного неравенства воспроизводится через гендерную дискриминацию (сексизм) – политику предпочтения представителей одного пола или гендерной идентичности по отношению к другим, дискриминация по признаку пола, гендерной идентичности.

Гендерная дискриминация и сексизм с точки зрения женских и феминистских исследований имеют своими последствиями производство и поддержание гендерных стереотипов, сексуальное насилие, домашнее насилие, траффикинг и торговлю людьми, проституцию,

сексуальные домогательства, нарушение коллективных прав женщин. Сторонники гендерного подхода также анализируют рынок труда, систему образования, демографическую ситуацию, принципы комплектования армии, систему социальной защиты населения и обнаруживают проявления дискриминации в отношении представителей обоих полов и носителей различных гендерных идентичностей. Так, например, женщины получают меньшую оплату за равный труд с мужчинами, женщины чаще всего приобретают непрестижные профессии и занимают низкооплачиваемые должности, имеют ограничения в правах заниматься некоторыми профессиями и видами работ, ощущают на себе эффект «стеклянного потолка» – невидимых барьеров к дальнейшему росту и развитию, испытывают на себе явление объективации в сексуальной жизни, политике, экономике, науке и других сферах, манипуляции в области репродуктивной функции и деторождении, в некоторых обществах официально ограничены в ряде прав (политических, имущественных и т. д.). В то же время дискриминация в отношении мужчин связана с обязательной службой в армии, более строгим подходом к вынесению приговоров мужчинам-заключенным по сравнению с женщинами-заключенными, более высоким пенсионным возрастом при низкой продолжительности жизни по сравнению с женщинами, более высокими нормами нагрузки при выполнении физических работ и т. д.

Концепт *права женщин* на протяжении нескольких десятков лет выступает в качестве дискурсивно-теоретической базы целого комплекса международных документов, а именно: Конвенция о политических правах женщин (1952 г.), Конвенция о гражданстве замужней женщины (1957 г.), Декларация о ликвидации дискриминации в отношении женщин (1967), Декларация о защите женщин и детей в чрезвычайных обстоятельствах и в период вооруженных конфликтов (1974 г.), Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин и Факультативный протокол к ней (1979 г., 1999 г.), Декларация об искоренении насилия в отношении женщин (1993 г.) и др.

Международное сообщество включает категорию «права женщин» в особый раздел прав человека, квалифицируя их как «права человека третьего поколения». Основное отличие этой категории прав человека от «естественных» и «основных» заключается в их коллективном характере.

Специальный докладчик ООН по вопросам насилия против женщин Радика Кумарасвами отмечала, что права женщин остаются одним из самых острых вопросов международного права. Идет ли речь о культурном релятивизме, гуманитарном праве и международных военных преступлениях, рассматривается ли критерий должной тщательности или право на уважение к половой идентичности, — везде женская тема выступает определяющим моментом в подходе к правам человека².

В последние годы предметом феминистских дискуссий о стратегии и тактике женского движения выступает вопрос об использовании *soft power* в качестве характерного для женщин способа влияния на общественно-политическую сферу в противовес «мужской» силе, основанной на принуждении и насилии. «Мягкая» сила — это способность добиваться желаемого на основе добровольного участия союзников, а не с помощью принуждения или подачек³. Индра Эднен, к примеру, связывает использование «мягкой» силы с количеством женщин в органах власти. На основе меритократического принципа Индра Эднен совместно с Ли Чалмерс в 2009 году предложила Даунинг-стрит Проект, направленный на пропорциональное увеличение числа женщин в британском парламенте. По мнению Эднен, количество женщин в представительных органах власти должно быть пропорционально количеству избирательниц. Это позволит достичь паритета в представительстве мужчин и женщин, а также снизит спрос на исключительно «мужские» качества, проявление которых востребовано в современной политике в связи с доминированием мужчин. Автор признает, что не все мужчины используют маскулинные стратегии в политике и не все женщины склон-

ны к применению «мягкой» силы, но общая ситуация с доминированием маскулинности в социально-политической сфере может измениться только в условиях, когда необходимо применять принцип сотрудничества, переговоров и убеждения.

Согласно феминистам, *soft power* как феминистская стратегия может быть эффективной только тогда, когда в обществе установлен гендерный баланс, а принцип равноправия полов реализуется не только в теории, но и на практике. В противном случае, феминистское движение должно использовать «жесткую» силу в интересах своей борьбы⁴.

Идейно-теоретическим и стратегическим разворачиванием концепта *soft power* выступает концепт *empowerment* (обретения/осознания силы). Мужчины, утверждают феминисты, видят власть, как власть *над* (*power over*), как возможность влиять или доминировать, в то время как женщины видят ее как обретение/осознание силы *для* (*empowerment to*).

В феминистском дискурсе подчеркивается различие между термином «*empowerment*», который включает стратегию убеждения, и термином «*authority*» (власть).

Концепт *empowerment* интерпретируется, главным образом, как обретение женщинами самоуважения, гражданских прав, статуса субъекта принятия политических решений. В социально-политической практике концепт *empowerment* выступает идейно-теоретической основой стратегии, направленной на обретение женщинами возможности самостоятельно распоряжаться собственными судьбами, на расширение их участия в делах общества, присутствия во властных политических структурах. При этом власть рассматривается как «полномочие» или как «компетентность». Власть в руках женщин представляется более кооперативно-ориентированной и менее конфронтационной, нежели власть в руках мужчин.

В ходе развития концепта *empowerment* применительно к различным областям общественной жизни были разработаны критерии оценки способности к обретению/осознанию власти у женщин, которые получили свое кон-

кретное выражение в виде системы требований и притязаний. Целый ряд проектов, направленных на комплексную оценку *empowerment* представительниц женского пола были разработаны при поддержке Фонда имени Генриха Белля. Результаты проведенных исследований получили отражение в работе Бирте Роденберг и Кристи Вихтерик⁵. В одном из проектов были выделены в отдельные серийные комплексы показатели *empowerment*, относящиеся к сферам индивидуальной, правовой, политической, культурной и экономической жизни.

Empowerment в сфере индивидуальной жизни включает следующие компоненты: осознание справедливости и несправедливости; осознание механизмов *disempowerment* (лишения власти); артикуляция собственных потребностей и интересов; позитивный образ себя; уважение к своему оплачиваемому и неоплачиваемому труду; уважение к своим навыкам и способностям; свобода от насилия; репродуктивные права и право контроля за рождаемостью; свобода от ритуалов подчинения, причиняющих телесные повреждения; доступ к охране здоровья; образование и доступ к знанию; снижение ограничений в сфере внешних контактов; мобильность; возможность жить вне брака в атмосфере социальной терпимости и др.

Empowerment в сфере политики трактуется посредством следующих показателей-критериев: сознание политических прав; знание способов функционирования демократии и демократических процедур принятия решений; доступ к политической информации; способность лоббирования; участие в политических организациях, в формировании власти гражданского общества; членство в партиях, парламенте, в министерских органах; влияние на структуру политических институтов и др.

Empowerment в сфере культуры состоит из следующих компонентов: влияние на символический порядок и власть; деконструкция негативного образа женщины; занятие руководящих позиций в институтах культуры; сохранение культурной идентичности; сохранение и развитие женской культуры в противовес до-

минирующей мужской культуре; возможность информации и обмена ресурсами; наличие собственных СМИ, журналов, коммуникаций через Интернет; возможность реинтерпретации религиозных текстов; руководящая религиозная роль на местном уровне и др.

Empowerment в сфере экономики представляет собой комплекс следующих показателей: ликвидация экономической безграмотности; осознание прав собственности и экономических прав; информация об экономических и профессиональных возможностях; доступ к профессиональной квалификации и возможность ее повышения; равная оплата за равный труд; снижение риска бедности; снижение нагрузки работы по дому; участие в работе профсоюзов; социальная стабильность; возможность влияния на государственный бюджет и др.

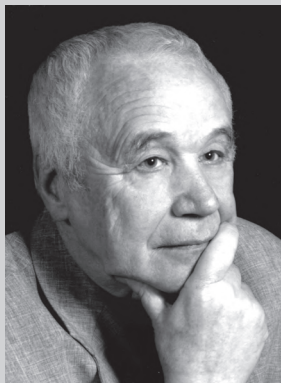
В целом, стратегия *empowerment* предполагает многоуровневые изменения структуры власти путем усиления позиций женщин во всех сферах общественной жизни.

Литература:

1. Словарь гендерных терминов [Электронный ресурс] // [Портал «Женщина и общество»] / Под ред. А. А. Денисовой. Региональная общественная организация «Восток-Запад: Женские Инновационные Проекты». М.: Информация XXI век, 2002. 256 с. URL: <http://www.owl.ru/gender/033.htm> (дата обращения: 15.04.2011).
2. Кумарасвами Р. Права женщин и международное право прав человека [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hrights.ru/text/inter/b7/Chapter81.htm> (дата обращения: 27.04.2011).
3. Най Д. Мягкая сила и американо-европейские отношения [Электронный ресурс] /Альманах «Восток», № 5 (41), декабрь 2006 г. URL: http://www.situation.ru/app/j_art_1165.htm (дата обращения: 13.05.2011).
4. Cannon J. Archive Sunday: Power Matters [Электронный ресурс]. URL: <http://www.feministmormonhousewives.org/?p=3217> (дата обращения: 11.05.2011).
5. Роденберг, Бирте, Вихтерик, Криста. Empowerment. Влияние женщин на характер власти. Результаты исследования зарубежных женских проектов Фонда им. Генриха Белля [Электронный ресурс]. URL: www.owl.ru/win/books/empowerment/2.htm.

Емельянов Б.В.

ЗАЧЕМ КНЯЗЬ М.М. ЩЕРБАТОВ ПУТЕШЕСТВОВАЛ В ЗЕМЛЮ ОФИРСКУЮ?

Емельянов
Борис Владимирович

историк русской
философии,
профессор, академик
МАДИ

Князь М.М. Щербатов (1733–1790) – известный оппозиционер Екатерины II вошел в историю русской мысли не только своими историческими трудами, но и неоконченным утопическим романом «Путешествие в землю Офирскую Г-на С... швецкаго дворянина», написанным в 1783–1784 гг. В нем повествуется как «шведский путешественник» после крушения попадает в государство Офир, о котором он и ведет рассказ.

Земля Офирская – это несомненно Россия. За несложными авторскими анаграммами скрываются ее города, реки, политические деятели. Офирская Квамо – это Москва, Перегаб – Петербург, Галва – Волга, Арактея – Екатерина II и т. п. Кроме того Офир и Россия имеют историческое сходство: настоящее положение и порядки России – это прошлое офира, от которого страна избавилась. А их разница в том, что как раз и критикует Щербатов. Поэтому-то он и описал порядки в земле Офирской, чтобы представить какой должна Россия стать в будущем.

В изображении Щербатова Офир – это процветающая страна с «мудрым учрежден-

ным правлением, в коем власть государская соображается с пользою народною». Как Офир стал процветающей страной? В традициях европейской философии XVIII в. Щербатов, утверждал теорию общественного договора, когда «не народ для царей, но царь для народа, ибо прежде нежели были цари был народ» (Сочинение князя М.М. Щербатова. Т. 1. СПб., 1896. С. 979), рисует свою утопическую картину жизни в этой стране. Во главе государства стоит наследный царь, смысл царствования которого – польза народная. Сам он законов не сочиняет и не издает, но назначает для этого чиновников. Культа и почитания царя нет, поскольку почести оказывать ему запрещается. У него нет личной охраны, которая бы отделяла его от народа, никаких памятников ни при жизни, ни после смерти ранее 30 лет ему не воздвигается.

Структура общества базируется на нерушимых, не определяемых «Табелем о рангах», требованиях. Высшим сословием является потомственная, высоко добродетельная аристократическая знать, имеющая право на землю, на владение крестьянами, на государственную службу в правительстве и армии. Ниже стоят средние помещики и купцы, имеющие ограниченное право занимать чиновничьи должности в градостроительстве. На низшей ступени крестьяне, в большинстве своем крепостные. Переход из одного сословия в другое невозможен. Особняком стоят солдаты, охраняющие страну. Они живут поселениями, владеют ремеслами, обрабатывают землю. Рекрутского набора нет, поскольку дети солдат становятся солдатами.

Интересно Щербатов решает проблему религии и священников. Религия в Офире –

деизм. Она основана на наблюдении величия «высшего Божества» в природе. Главным ее символом является Солнце. Церкви, которая чтит и проповедует священное писание, нет. Священников выбирают из наиболее благонадежных граждан; они же по совместительству выполняют функции полицейских, которые могут вмешиваться даже в семейные отношения, следя, чтобы не было многоженства, разводов, сожительства. Супруг, виновный в расторжении брака, изолируется от общества. Строго наказывается богохульство, расценивающееся как сумасшествие.

В земле Офирской существует два свода законов (катехизиса) – гражданский и моральный. В первом – 22 предписания, во втором – 53. Гражданский катехизис регламентирует отношение с законами, которые хотя и строги, но равны для всех. Он требует почитать Бога, государства, царя и родителей. Приоритет принадлежит Богу, создавшему мир и человека, затем

государству. Почтение царю выражается в том случае, если и он служит интересам государства и всех граждан. За нарушение этого катехизиса существует шкала наказаний: если человек не почитает родителей, его изгоняют из общества; если оскорбляет царя, его наказывают тремя годами тюрьмы; если покушается на его жизнь, ему грозит смертная казнь. Наказываются помещики за жесткое обращение с крестьянами.

Моральные предписания в Офире имеют большее значение, чем гражданские законы. Главный постулат морали прост: «Мы всегда должны желать и делать другим что бы желали и соделывали для себя» (Там же. С. 933). Офирская мораль утверждает: сила и счастье человека в том, что он живет в обществе, где все справедливо взаимосвязано: верхи не могут жить без низов и наоборот, у всех свои права и обязанности. Человек подчиняется законам, властвующим и чиновникам, он может и должен отстаивать свои права, но не во вред общему благу.

Ответственность за моральное воспитание несет церковь и школа. Школы изолирова-

ны от общества, у каждого слоя населения своя государственная или частная школа со своим объемом учебных предметов.

Утопический характер «Путешествия» несомненен, но вместе с тем и ограничен «отступлениями» и противоречиями, а именно: 1) в Офире существует частная собственность, 2) хотя народ и благоденствует и каждый доволен полученным от рождения местом в обществе, власти утверждают систему угнетения и наказания, 3) школы изолированы от общества, 4) существует система благотворительности со стороны состоятельных граждан, что означает наличие малообеспеченных, 5) вся жизнь граждан Офира, в том числе личная, строго регламентирована: «Каждому положены правила, как ему жить, какое носить платье, сколько иметь пространный дом, сколько иметь слуг, сколько блюд на столе, какие напитки, даже содержание скота, дров и освещения положено; дается посуда из казны по чинам: единая жестяная, другим глиняная, а первоклассным серебряная, и определенное число денег на поправку, и посему каждый должен жить как ему предписано» (Там же. С. 859).

М. М. Щербатов не закончил свой рассказ о порядках в земле Офирской, но точно обозначил свое видение будущего гражданского устройства России. Оно было далеко не демократическим, но разительно отличалось от русской жизни времен Екатерины II.

«ИНАКОВОСТЬ» КАК ФАКТОР КОНСТРУИРОВАНИЯ ГЕНДЕРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Горшков А.С.

кандидат политических наук

Пермский государственный национальный
исследовательский университет

В дискурсивном политическом пространстве современной России, переживающего жесткие процессы унификации, репрезентация дифференцированных моделей гендерной идентичности, особенно, артикулируемых в терминах «инаковости», – проблема с высоким индексом конфликтогенности. С одной стороны, в российской реальности релятивистским эхом (при серьезной идейно-ценностной фильтрации) рефлектируются тренды глобализации и глокализации, инкорпорирующие в социальную ткань принципы толерантности, способствуют интернационализации и легитимации дискурса плюриверсивности и множественных идентичностей вне зависимости от эссенциалистских паттернов. В этом контексте для западных стран уже привычны такие практики, как регистрация однополых партнерств и браков, организация гей-прайдов и публичная артикуляция интересов ЛГБТ-сообщества, гендерные квоты при кооптации в органы власти, паритетное родительство при равной доли участия в воспитании детей отца и матери (в частности, в вопросах декретного отпуска, алиментов и т. п.). С другой, декламация властной элитой России курса на интеграцию в международное сообщество протекает в логике политики «двойных стандартов». Официальный дискурс (пользуясь терминологией Э. Лаклау и Ш. Муффа) представлен в двух модусах: 1) эксплицитном вербализованном – перманентная апелляция к категории прав человека, качества жизни, инновативности и «модернизации» и 2) имплицитном деятельностном – негласная реставрация патриархальных установок, продуцирующая демаркацию общества

на «друзей» / «врагов», «своих» / «чужих» под эгидой пресловутой триады «православие – самодержавие – народность». При этом, внешний и внутренний «враг» образуют некий нексус, поскольку все «нетипичное», «девиантное», «маргинальное» (феминизм, женские права, женщины в политике, гомосексуальность, транссексуальность, однополые родители) ассоциируется с «западной разнузданностью», «аномией» и «декадансом».

Проблематика «инаковости» («друговости») – не нова и представляет собой симбиоз различных философских, теологических и социально-политических концептов, трансформирующихся в дискурсивной ретроспективе. Платон понимал под «инаковостью» некое отличие вещи, Николай Кузанский постулировал «инакообразие» как различие до противоположности, порождающее неравенство. Однако, трансгрессивные акцентации и ярко выраженные политические коннотации дискурс «инаковости» приобрел в период «постмодернистского поворота» второй половины XX в., когда в западной академической эйкумене институционализируются постструктуралистские, женские, гендерные и квір-штудии. И это, во многом, обусловлено всплеском политической активности женщин, феминисток и ЛГБТ-сообщества, выступающих за транспарентность социальных, политических и культурных благ вне зависимости от физиологических предписаний. Принцип «друговости», провозглашенный Симоной де Бовуар в контексте анализа фемининности и призывов к эмансипации женского¹, приобретает амбивалентный характер. Примат «Другого» реферируется как «абсолютно чуждое», недоступное пониманию, и, в то же время, – «подвластное», «объективированное», т. е. включенное в социальные интеракции, хотя и в ракурсе маргинальности. Следуя логике постмодернистов (М. Фуко, Ж. Делёза, Ф. Гваттари), в случае, если «Другое» сводится к моему Я, его «инаковость» маркируется как отклонение от эталона нормы². Более того, Дж. Фабиан замечает,

что формирование «инаковости» – идеологизированный акт, коннотативно связанный с понятием «время».

Впрочем, феномен «инаковости», абстрагируясь от концепта субъект-объектных отношений (денотата / коннотата), обладает и «позитивной дискурсивностью». Подобные аллюзии применимы, например, к радикальным феминисткам, апеллирующим к «Другому», как «особенному», «аутентичному», «не-мужскому», и, призывающим, в связи с этим, к дистанцированию от маскулинной картины мира путем консолидации в сестринские союзы или лесбийские кондоминиумы. Или, оперируя категориями деколониальных гендерных постулатов («цветной» феминизм, постмодернистские и мультикультуральные гендерные исследования, гей-лесбийские и квир-штудии), есть «Другой» тип женщины / мужчины / человека, качественно отличающийся от линейно заданных дискурсивностей (гетеросексуальный мужчина – добытчик, белая женщина – домохозяйка и т. п.).

В социокультурном и политическом пространстве России феномен «инаковости», в большей степени, субординирован и/или элиминирован дискурсом власти, символически концентрирующемся в таких институциях, как государство, РПЦ, семья. Однако, несмотря на табуирование публичных проявлений «друговости», в виртуальном ойкосе (постепенно материализующемся) складываются множественные «андеграундные» гендерные комьюнити. Анализируя российский казус, можно выделить три ключевых дискурсивных сценария конструирования «инаковой» гендерной идентичности:

1) *Модальная гендерная идентичность*. «Инаковость» выступает в качестве инспирированного государством и РПЦ, а также – медийным контентом, конструкта. В данном контексте воспроизводится патриархатная логика бинарных оппозиций и полоролевых императивов: мужское есть маскулинное – сила, власть, влияние, субъектность, тогда как женское – фемининное, а, следовательно, – семейное, материнское, слабое, не-мужское, объективированное. При этом, ключевым аргументом подобной демаркации служит фактор демографии, который также негативирует «иные» сексуальные идентичности (гей, лесби, транссексуал, интерсексуал, квир) и продуцирует пейоративы «гомофобии», «педофилии», «мрако-

бесия», «пропаганды гомосексуализма» (формулировка, вылившаяся в законодательные проекты «Единой России» по ограничению «гомосексуальности» в Санкт-Петербурге, Костромской и Архангельской областях, в последнем из регионов приобретая статус закона). Наиболее эксцентричным и обскурантистским является заявление главы Чеченской республики Рамзана Кадырова о том, что гомосексуалы «подрывают государственный суверенитет». Суггестивному внедрению в массовое сознание «традиционного» распределения социально-политических ролей способствует и телевизионный интертеймент, конъюнктурно солидаризирующийся с властным дискурсом. Достаточно привести такие клишированные телепроекты (реалити-шоу), как «Давай поженимся», «Дом-2», «Мама в законе», «Пусть говорят». Парадоксально, но в последнее время к риторике управляющей элиты присоединились и некоторые женские организации путем инкорпорирования в Общероссийский народный фронт (например, «Союз женщин России», «Ассоциация женщин-предпринимательниц России» и др.).

2) *Сепаратная гендерная идентичность*. «Инаковость» как вариант радикальной сепарации³ от патриархатных, дискриминативных институций с постулированием «аутентичности» как формы консолидации в «независимый» анклав (лесбийский сепаратизм, сестринство, гей-комьюнити). Немаловажно, что индивиды и группы, апеллирующие к принципу партикуляризма, настаивают на том, что добиться признания и права на самовыражение возможно лишь путем активной борьбы. К данной фронде можно отнести радикальных феминисток (в России представлены слабо, спорадически и виртуально – например, движение «За феминизм»), либертарианцев (настаивающих на тотальной свободе «для», и прославившихся эпатажными политическими манифестациями 1990-х, но ушедших в сетевое пространство в 2000-е), леворадикальные социалисты (например, «Комитет за рабочий интернационал», в том числе, декларирующий принцип гендерной эмансипации, эгалитаризма вне капиталистической деградации).

3) *Нарративная гендерная идентичность*. «Инаковость» – синоним выбора, альтернативы, самовыражения, конгруэнтности (способов артикуляции собственных желаний и действий,

направленных на их реализацию). В основном, к этому тренду относятся фрагментированные «ячейки» и инициативы ЛГБТ-сообщества: не-санкционированные гей-прайды⁴, ежегодный Международный фестиваль квир-культуры⁵ и ЛГБТ Международный кинофестиваль «Бок о Бок»⁶, проводимый в Санкт-Петербурге, реализация программ по профилактике ВИЧ и СПИДа (к примеру, проект LaSky⁷). Своеобразными механизмами-катализаторами дискурса гей-идентичности являются специализированные интернет-порталы, контент коих варьируется от научно-исследовательской до досуговой информации, а также – организации общественно-политических дискуссий и социологических исследований. Кроме того, активно осваивается и такая ниша, как социальные сети и создание сетевых комьюнити в виде «групп», «сообществ» вКонтакте, Live Journal и т.п. В частности, в последнее время в Рунете проявляются мэмы «сочувствующих» (например, родительская группа Санкт-Петербургской ЛГБТ-организации «Выход», новосибирская ассоциация ГОРД – «Гомосексуалы, родители и друзья», сетевой дневник «Я – мама гея и горжусь этим» – alla1958.livejournal.com и пр.).

В целом, несмотря на дискурсивную диссипацию, в российском массовом сознании превалирует первый сценарий, дескриптивный

«инаковость» в категориях «враждебности» и «интолерантности». Вторая и третья модель – эксклюзивны и, де-факто, незримы для большинства, поскольку каналы их артикуляции и коммуникации лежат вне публичного поля, а попытки привлечения общественного внимания – пресекаются и осуждаются официальными институтами.

Литература:

1. См.: Бовуар С., де. Второй пол. Т. 1 и 2. М.: Прогресс; СПб.: Алетейя, 1997. – 832 с.
2. Дороговцева И.С. Лингвистический аспект отношения Я / Другой в философии XX века // Гуманитарный вектор. 2009. № 3. С. 87–90.
3. См., например: Фрай М. Некоторые мысли о сепаратизме и власти [Электронный ресурс]. URL: <http://www.feminist.org.ua/library/feminist/txt/fray.php>.
4. Инициатор – Николай Алексеев, 21 октября 2010 г. выигравший судебное разбирательство «Алексеев против России» в Европейском суде по правам человека. Европейский суд признал запрет гей-парадов 2006–2008 гг. в Москве грубейшим нарушением целого ряда статей «Европейской Конвенции по правам человека и основным свободам», а высказывания экс-градоначальника Ю. Лужкова (а-ля «гей-парады – дело сатанистов») интолерантными.
5. Сайт Международного фестиваля квир-культуры [Электронный ресурс]. URL: <http://www.queerfest.ru/>.
6. Сайт ЛГБТ Международного Кинофестиваля «Бок о Бок» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bok-o-bok.ru/>.
7. Сайт проекта «La Sky» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lasky.ru/>.

Романов А.В.

ДИСКУРС ТЬМЫ, ИЛИ АНОНИМНЫЙ САТАНИЗМ

Романов
Андрей
Владимирович

кандидат философских наук, доцент кафедры философии Уральского государственного экономического университета, г. Екатеринбург

E-mail:
andrei.v.romanov@
gmail.com

Introduction Будучи индивидуально, мотивационно «многообразной» (В. Джемс), религия может приносить как пользу, так и вред. Вера в Бога – в зависимости от символизируемых Им ценностей – пробуждает в человеке как добро, так и зло. Идя путем религиозности, человек воплощает образ не только Бога, но, зачастую, и Сатаны. Философия религии невозможна без того, чтобы не потревожить устоявшиеся представления о священном, без «оскорбления религиозных чувств». Постмодернистская деконструкция устраняет абсолютность и сакральность любой религии, любого образа Бога.

Identitatis religiosum Конфессиональные формы религии отличны от религиозности индивидуальной. «Религиозность», отражая невроты, устремления, ценности нации и отдельного человека, являет собой личностную, феноменологическую проекцию объективированных конфессиональных символов в восприятии индивида или группы. Наряду с конфессиональной универсализацией осуществляется процесс персонализации религиозности, отхода от всеобщих для всех систем, когда каждый, как отмечает В. Франкл, может общаться с Богом на собственном индивидуальном языке¹. Религиозная индивидуальность определяется «синтезом», единством субличностей. Религиозные субличности² – динамические подструктуры личности, отличающиеся самостоятельностью потребностей, мотивации, поведения. Они обладают собственным – жизненным стилем, представлением о Боге, грехе, «истинной религии», атеизме, парадигмой сакральности и спасения. Их основная функция – адаптация к предельным ценностям, т.е. сфере сакрального. В каждом человеке существует не только три человека: языческий, ветхозаветный и новозаветный³, таковых религиозных субличностей, конечно, гораздо больше. В парадигме религиосинтеза выделяются основные типы индивидуальной религиозности: религиозность дефицитарная (языческая), закона, авторитарная, страдания (мазохизма), гуманистическая, духа, мистическая, святости. И среди них – религиозность сатанизма или деструктивная.

Axiology Все значимое превращается в предмет религии. «Ультимативные» ценности священны. «Вера, – пишет П. Тиллих, – обладает истиной в той степени, в которой она отражает предельный интерес». Истина веры не связана с истинами историческими, философскими, научными⁴. Истина веры – не гносеологическая, но аксиологическая и экзистенциальная. Эмоциональные вскрики, детский плач – первородная форма молитвы. Устойчивые, невротические состояния психики тяготеют к религиозной форме проявления. Религия – объективированная и символически выраженная форма психологии.

Neurosis Религия порождается крайним чувством недостаточности предельно для че-

ловека значимого. Невроз как личностная проекция фрустрированности той или иной потребности ориентирован на выделение сверхзначимого. Не «невроз есть индивидуализированная форма религии» (З. Фрейд, Э. Фромм, В. Райх, К. Хорни), но религия есть символическая, теистическая форма невроза. Невроз – орган восприятия сакрального и основа служения ему. Перефразируя Сартра, мы можем сказать: у каждого человека в душе дыра и человек заполняет ее образом Бога. Религиозность не является ни постижением (тем более «высшим») действительности, ни «предельным» основанием человеческой жизни. «Мудрость» Бога является следствием человеческого чувства неуверенности и страха, пребывая по ту сторону «горизонта мысли». Любая невротическая личность пребывает в метафизической, трансцендентной реальности, слишком часто проявляемой в религиозной форме. Смыслы и образы, проецирующие эту реальность, образуют когерентную систему несомненных аксиом (корреляция с которыми рассматривается в качестве критерия истины). Беда в том, что доказательством религиозной истины мы склонны считать численность ее сторонников.

Во фрустрационной сфере, характеризующей основания любой религии, закладываются основания деструктивности. Невротическая личность остается «базиакальным» эгоистом, ориентируясь в своем поведении не на внешние условия и ожидания другого человека, а на собственные устойчивые состояния психики. Она лишена «социального чувства», которое может быть привито лишь в виде внешней (опять же фрустрирующей) нормы. Невротическое поведение есть форма регрессии к более ранним, незрелым, архаичным, Id источникам мотивации. Невротичность тождественна агрессивности. Оба эти состояния проистекают из одного основания – фрустрированности потребностей. Любая форма набожности изначально связана с агрессией.

Aggredi Религия, выступая формой рационализации устойчивых состояний психики, сакрализует «обсессивные» ценности и установки, в том числе и агрессию. Самое изуверское преступление – в силу навязчивости его психических оснований – отождествляется

с формами нравственности и сакральности. Лозунг «С нами Бог!» снимает остатки гнета Супер-Эго с подавленных аффектов. Если есть Бог, то все дозволено.

Necrophilia Некрофилические символы сатанизма явно отождествляются с соответствующей символикой христианства и других религий. Череп (и кости) как символический образ максимы «*momento mori*» и понимания смерти в качестве основы спасения – объединяет христианство и сатанизм. Смерть наиболее тесно ассоциирована с Богом – по атрибуту всемогущества. Религия превращается в апологию суицида, неприятия жизни. «Смерть – души простор». Самоубийство рассматривается как ритуал жертвоприношения, ритуал инициации, перехода, возвращения к Богу, к началам бытия. Сам Бог учит суициду. Посюсторонняя жизнь в Боге и трансцендентная блаженная жизнь определяются смертью Христа⁵. Смерть становится единым атрибутом для Бога и Сатаны. «Смерть Бога» определила обыденность концептуальной реальности смертей: «Культуры», «Автора», «Истории», «Философии», «Человека».

Satanism Мотивационными атрибутами сатанизма являются: разделённость, зло, чувство бессмысленности, обесценивание мира, жизни и человека, ложь, манипулятивность, цинизм, аморализм, склонность к убийству и самоубийству, деструкции, агрессия. «Сатана, – замечает ведущий «теолог Смерти Бога» Т. Альтицер, – это сила, подавляющая человеческую энергию и останавливающая развитие»⁶. Сатана, как символика и опредмеченность греха, есть сила, подавляющая самоактуализацию личности. Атрибуты – как космологические, так и мотивационные – отражаются во множественности имен Бога и Сатаны. Самоактуализированности личности, тождественной состоянию «истинной веры», «святости»⁷ противостоит негативная самоактуализация, когда вместо принятия мира и человека формируется их отрицание, вместо абсолютизации значимости человека (веры в него) – цинизм⁸. Идея «дьявола», подчеркивает В. Райх, есть выражение искажения природы и психики человека⁹.

Бюрократизация религиозности, по мере усиления в структуре личности фарисейского начала, сферы Супер-Эго, Персоны и соответствующего «культурного» подавления социально неприемлемых влечений, ведет к усилению – «в тихом омуте» – потенциала Оно, Тени. Зло, по мере его вытеснения из сферы сознания и «накачки» им бессознательного, начинает определять полноту мотивацию. Восприятие бессмысленности и недостойности мира выступает формой проекции собственного агрессивного, связанного с неприятием самого себя, состояния. Такой человек «... смотрит из зла, – отмечает И. А. Ильин, – и видит зло; и приучается не видеть кроме зла – ничего...»¹⁰. В христианстве обсессивные состояния истерии и агрессии при потере самосознания отождествляются с «одержимостью дьяволом». Такие состояния, особенно во внетеистической форме, классифицируются как невменяемые с соответствующим устранением юридической ответственности. Деструктивная религиозность противостоит цивилизованности, сакрализирует примитивизм, варварство, жестокость. Она отрицает социальную религиозность истеблишмента, конформизма и осуществляется в качестве «подчиненной функции» (Юнг) в качестве «обратной стороны» единой общечеловеческой религиозности: чем больше бюрократизма, тем больше сатанизма. Действие деструктивно-теневого в человеке многообразно. Актуализация подчиненных психических функций, Тени, Оно способствует раскрытию творческого начала и самоактуализации личности. (Сатана архетипично предлагает успешность в человеческих делах и науках). Проявление разрушительных, ориентированных на принцип удовольствия, бессознательных инстинктов снимает страх перед Оно (и соответствующий тип тревоги). Сакральная ритуализация нарушения социальных табу устраняет дискомфортное чувство вины, совести и стыда, устраняется страх Я перед Сверх-Я. Агрессия в отношении мира является реактивной формой страха перед ним, тем самым подавляется страх перед требованиями реальности. В гармоничной личности, и «здоровом обществе» ритуализированная,

подчиненная внешней норме религиозность компенсируется деструктивными проявлениями (карнавалы, обильные застолья после поста, коллективные вакхические действия).

В парадигме сатанизма зло теряет субъективный характер, выступая формой прорыва в структуре личности трансцендентной сатанинской «самости». Зло является архетипом деструктивности. Помимо условных в душе человека, существуют структуры зла и безусловные, трансцендентные и трансцендентальные. Среди старообрядцев федосеевцев и керженских авторов сформировалась идея «духовного антихриста», невидимого, не представленного отдельной личностью начала мирового зла, проявляемого уже зримо в мотивации конкретных людей¹¹. Зло становится не случайным, но необходимым и фатальным. Проявление этого объективного начала и служение ему обретает религиозный смысл. В каждом человеке соположены доктор Джекил и мистер Хайд. В каждом человеке его повседневная деятельность клерка, священника, учителя отделена от мотивации «подпольного сатанизма».

Сатанизм – сакрализация тёмного начала в человеке, первичного уровня потребностей, жажды земных наслаждений и деструктивности. Согласно «теологии тьмы», варварства, сексуальности, агрессии следует не стыдиться, но всячески культивировать в человеческой душе. Жизнь коротка, и надо успевать срывать земные радости. Как пишет Д. Мережковский: «Люблю я зло, люблю я грех, люблю я смрад земных утех». Полагается, что христианство лживо и противостоит природе человека. Сатана выступает врагом ханжества и лицемерия. Добро носит навязанный, нормативный, условный характер. Зло же в силу безусловности свободно. Сатанинское начало в человеке наиболее естественно и могущественно. Человек – мерзкое животное. Бога нет ни в человеке, ни в окружающем мире. Сатанизм монистичен: исходит из наличия не двух дуальных, равноправных манихейских начал – добра и зла, но единой субстанции зла в основании мира и человеческой души, на фоне которой сам Бог становится «попугаем Сатаны». Бог подчинен

дьяволу, который контролирует осуществление Его атрибутов в мире. Иудо-христианский Бог выступает орудием сатанинского промысла. Дьявол пользуется символами Бога и церкви в достижении своих деструктивных целей. Христианство отвергается за ограничения в удовлетворении первичных потребностей, подавление либидозных и деструктивных инстинктов. Что ассоциируется с подавлением сущности человека. Сатанинское антихристианство проявляется в форме антиклерикализма. Историческое христианство отвергается за отход от евангельских ценностей. Философия сатанизма весьма полно представлена в ницшеанстве. Распятый Христос символизирует проповедь слабости и извращение человеческой сущности.

Последовательный разум – лишенный аксиологической веры – приходит к утверждению «антиинтеллектуального» экзистенциализма: жизнь побеждается смертью, существование лишено смысла и переполнено абсурдом, мир чужд человеку, высшие ценности недостижимы. Отчуждение миру и людям проецируется в идее заброшенности личности в метафизическом Ничто, в «пустыне», там, «где небо и лед». Для такого человека все люди – «твари», лишённые святости, а весь мир состоит из «чужих». Апофатическая теология Ничто, вера в Ничто как форма веры в Сатану является экзистенциальным источником зла. В идеологии сатанизма добро – не субстанция, а произвольное состояние человека, иллюзия, оно иррационально и бесполезно. Но оно может проявляться тогда, когда становится выгодным в достижении эгоистичных целей. Причиной добра выступает прагматическая ориентация личности. Добро и его символы (как и символы религиозные и церковные) рассматриваются в качестве наиболее эффективных средств манипуляции в достижении власти и денег. Манипуляция включает в себя ложь. Христос называет дьявола «отцом лжи» (Иоан. 8: 44).

Апокалиптическая религия выдвигает веру в Сатану или в Антихриста, в онтологическую силу зла, которая представляет противоположность вере в доброго Творца¹².

В древней апокалиптике поражение Сатаны предваряется его выраженным проявлением в социуме и истории.

Могущественный и «справедливо» мстительный Бог Отец, отвечающий за удовлетворение первичных потребностей в здоровье, деньгах, сексуальности, власти, к тому же еще, как явствует из Ветхого Завета, гомофоб (Садом и Гоморра), националист, осуществляющий массовый геноцид (Потоп), как бы Он не назывался, атрибутивно отождествляется с Сатаной. (Мы всю жизнь молитвенно звоним по телефону Всевышнему с просьбой о здоровье, карьере. На том конце нам отвечают: «Да-да! Это Я – твой Господь!» А потом через много лет выясняется, что это был Сатана). Проявления самодостаточной сексуальной, некрофилической, деструктивной мотивации усиливается восприятием их в качестве формы служения всемогущему сатанинскому началу. У. Блейк в произведениях «Мильтон» и «Иерусалим» первым наиболее откровенно говорит об отождествлении (по ряду основных атрибутов) Бога с Сатаной. Не только историческая церковь осуществляет деструкцию, грех, но и трансцендентный Бог является как Сатана. Мотивационный, «анонимный» (вспоминая К. Ранера) сатанизм гораздо более распространен, чем сатанизм «конфессиональный» (и, конечно, гораздо менее заметен). Разрушение медицины, образования, интеллекта, нравственности, пестование коррупции в качестве основания «вертикали власти», «патриархи-олигархи» с мигалками, богатая церковь в нищем государстве, культурный геноцид, тотальные манипуляция и ложь, культ наживы – слишком знакомые атрибуты «анонимного» сатанизма и богооставленности России. Церквей все больше – Бога все меньше. Пустопорожние социальные, экономические, образовательные формы противоположны «беременной пустоте» буддистской шуньяты. Хаос – социальный, экономический, нравственный – есть атрибут смерти Бога. В России складывается ситуация, при которой Сатана, далеко не без прометеистического «соработничества» официальных власти и церкви, может объявить: «Я Бог един». Сатанизм как мода и религия есть

символическая форма проявления и рационализации чувства бессмысленности существования, суицидальности, депрессии, агрессии. Тех состояний, которые являются мотивационными атрибутами Сатаны и которые усиливаются в душах россиян.

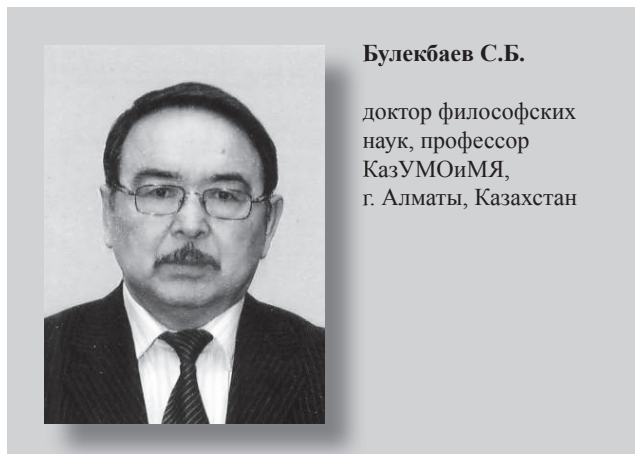
Литература:

1. См.: Франкл В. Человек в поисках смысла. – М.: Прогресс, 1990. С. 337.
2. См.: Романов А.В. Парадигма религиосинтеза // Психологические проблемы развития и существования человека в современном мире: Сборник науч. трудов // отв. ред. С.А. Минюрова, Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2009. – 186 с. – С. 89–111.
3. См.: Еротич В. Психологическое и религиозное бытие человека. – М.: Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2004. С. 143.
4. Тиллих П. Динамика веры // Избранное: Теология культуры. – М.: Юрист, 1995. С. 195, 194.
5. Барт К. Послание к Римлянам. – М.: Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2005. С. 132.
6. Альтицер Т. Смерть Бога. Евангелие христианского атеизма. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2010. С. 78.
7. Маслоу А.Г. Мотивация и личность. – СПб.: Евразия, 1999. С. 90.
8. Проведенные исследования показали, что уровень агрессии одной из групп сатанистов г. Екатеринбурга (выборка – 30 человек) превышает среднестатистический в контрольной группе на 20%. Показатели чувства вины оказались занижены более чем в 2 раза, что является критерием невыраженности Супер-Эго, доминанты эгоцентризма, выраженной аморальности, отсутствия «социального чувства». Более чем на 25% проявились такие характеристики личности как «доминирующий» (соперничество, чувство превосходства), «нетерпимость к критике», «недоверчивый» (недовольство окружающими, подозрительность), «раздражение», «обида» (зависть и ненависть к окружающим). (См.: Козорезова Н.А., Романов А.В. Психология сатанизма. – Екатеринбург: УрГПУ, 2000).
9. Райх В. Анализ личности. – М.: «КСП+»; СПб.; 1999. с. 247.
10. Ильин И.А. Аксиомы религиозного опыта. В 2-х томах. – М.: Рарогъ, 1993. С. 228.
11. Антихрист (Из истории отечественной духовности): Антология. – М.: Высшая школа, 1995. С. 6.
12. Альтицер Т. Указ. соч. С. 78.

Булекбаев С.Б.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ВОСТОКА И ЗАПАДА

Данный фрагмент является введением к новой книге известного казахстанского философа профессора С.Б. Булекбаева, которая посвящена культурологическим и социально-политическим аспектам сравнительного анализа Востока и Запада в контексте современных геополитических вызовов.

Булекбаев С.Б.

доктор философских наук, профессор
КазУМОиМЯ,
г. Алматы, Казахстан

В современной отечественной и зарубежной литературе ведутся достаточно интенсивные изыскания в области особенностей и различия развития Востока и Запада. Особенно Востока. Это вызвано тем, что долгое время у большинства европейцев знания о Востоке в силу ряда причин ограничивались достаточно поверхностными представлениями. Если во времена античности только начали говорить о том, что Востоку присущ «деспотизм и варварство», то в XIV веке в европейской мысли эта идея уже была сформулирована в виде концепции «азиатского деспотизма», которая тесно связывалась с отсутствием частной собственности и правовых гарантий личности. А начиная с XVI века, символом такого рода структуры государства стала считаться Османская империя с характерными для нее абсолютной властью султана и произволом администрации.

В Новое время широкую известность получили слова Шарля Монтескье, что «Европа – генний свободы, а Азия – дух рабства», и сравнение Гердера о том, что Китай есть забальзамированная мумия, завернутая в шелк и разрисованная иероглифами. Подобные представления имелись и в работах Дж. Ст. Милля и большинства запад-

ных экономистов того времени. К этим высокомерным и пренебрежительным оценкам, данным Востоку известными людьми Европы можно добавить и высказывание немецкого философа Гегеля, который так сказать подвел теоретическое обоснование отсталости и неразвитости Востока. Согласно Гегелю, высшей формой и подлинной гарантией свободы является современное этому философу европейское государство – с ее конституцией и правами человека. Его теория базируется на следующем представлении. Вся история есть процесс завоевания человеком все большей и большей свободы. Поэтому цель всемирной истории – познание мировым духом самого себя. Человечество, развиваясь, приходит ко все более глубокому пониманию свободы. В этой связи Гегель делит всю историю на три большие эры. Первая – эта Восточная эра (эпоха Древней Индии, Китая, Египта и т. д.) – где люди еще не осознают свободы, человек здесь безропотно повинуетсЯ либо власти отца в семье, либо власти императора в государстве. В этом обществе пользуется свободой и всеми благами жизни лишь один человек – император, фараон и т. д., а все остальные являются его рабами и слугами.

Западные мыслители статичность и отсталость восточной цивилизации объясняли (причем, как правило, довольно наивно) политическими, экономическими, биологическими либо религиозными факторами. Некоторые видели препятствие общественному развитию в особенностях структуры китайского языка, другие на первый план выносили климатические и даже биолого-почвенные условия.

Наибольший резонанс в Европе получила теория Макса Вебера (1864–1920), который выделял несколько цивилизационных типов общества, каждый из которых более или менее предрасположен к экономическому развитию¹.

Вебер соотносил эту предрасположенность, прежде всего, с религиозно-социальными воззрениями данного общества и напрямую связывал источник западного экономического прогресса с религиозными идеями реформации. По Веберу, «идеальному капиталистическому типу» соответствует протестантская этика, чуждая не только азиатским цивилизациям, но и значительно отличающаяся от прочих христианских конфессий: от католицизма и еще в большей степени от православия. Вебер противопоставлял протестантство именно конфуцианству, всячески подчеркивая, что в конфуцианском обществе экономический прогресс невозможен.

Очень любопытно, что в последние годы, когда экономические успехи стран Восточной Азии стали очевидны, появилась целая серия работ, авторы которых пытаются либо опровергнуть, либо модифицировать теорию Вебера. Более того, успехи Китая, Японии, Кореи и других стран Восточной и Юго-Восточной Азии объясняются очень часто именно конфуцианским менталитетом и конфуцианской этикой². В общем плане сегодня, «интерес к Востоку в наши дни огромен и, видимо, будет возрастать. Интерес этот всесторонен и всеобъемлющ: история и культура, общество и государство, человек и религия (боги и люди), наконец, древние первоосновы великих цивилизаций Востока – все это ныне в центре внимания как самих жителей стран Востока, стремящихся к самопознанию и самоидентификации, к открытию фундаментальных основ собственного бытия, так и тем более представителей иной, западной, европейской традиции, чьи генеральные параметры столь отличны от восточных.

Такого рода всеобщий интерес далеко не случаен: конец XX в. с его нависшими над планетой мрачно-апокалиптическими тучами побуждает многих всерьез заинтересоваться как экзистенциальными проблемами (что пробуждает активное внимание к мистике, а здесь бесспорный приоритет за древними культурами и религиями Востока), так и поисками корней, первоисточков. Кроме того, многое в современном мире вплотную связано с Востоком – достаточно напомнить о феномене развивающихся стран с их острейшими экономическими, демографи-

ческими и социокультурными проблемами, пути, решения которых пока далеко еще не найдены. Как и когда эти проблемы будут решены, каковы пути, ведущие к их решению, – все это волнует и не может не волновать мир, подавляющее большинство населения которого, все возрастающее как абсолютно, так и относительно, живет именно в развивающихся странах, в первую очередь в странах Востока»³.

Ну и, наконец, интерес к Востоку в последнее время усиливается и в контексте поиска альтернативы западному пути развития, поскольку в настоящее время, по мнению Торчинова, серьезным ученым все яснее становится тупиковость так называемого «магистрального пути развития мировой цивилизации», то есть американской и западноевропейской модели постиндустриального общества и всего «духа капитализма», стимулирующего все новое и новое потребление...» И может быть, на современном этапе, когда весь мир ввергнут в пучину мирового кризиса, «ценностные установки буддийского монаха, даосского отшельника, конфуцианского «благородного мужа», мусульманского суфия и православного исихаста с их приоритетом духовного делания над круговертью материальных интересов, удовлетворения старых потребностей и расширенного формирования новых, их призыв к преодолению влечений и аффектов, их преданность супраиндивидуалистическим ценностям в большей степени гармонируют с путем выхода из тупиков современной цивилизации и движением к обществу будущего, чем этика накопления и приумножения и «дух предпринимательства»⁴.

Литература:

1. См. Вебер М. Избранные произведения. – М., 1990.
2. См., например: Кульпин Э.С. Макс Вебер и Китай: что и почему не увидел великий ученый // Проблемы дальнего Востока. 1990. № 3. С. 124–134; Кульпин Э.С. Вебер и Китай: каким его видел европейский ученый // Проблемы дальнего Востока. 1990. № 4. С. 122–131. Цитата по Селищеву.
3. История Востока – 1. – М.: Высш. шк., 1994. Т. 1. – С. 6.
4. Торчинов Е. А. Религии мира: Опыт запредельного. Психотехника и трансперсональные состояния. – 4-е изд. – СПб.: «Азбука-классика», «Петербургское Востоковедение», 2007. С. 538–539.

ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ БАЗЫ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ НА ЕВРАЗИАТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Русаков
Василий Матвеевич

доктор философских наук, профессор
Институт международных связей, г. Екатеринбург,
вице-президент МАДИ

Формирование новой геополитической геометрии и стереометрии современного мира в условиях фундаментальной перекройки карты политических отношений после крушения СССР и всего блока социалистических стран обострило и актуализировало ряд старых проблем (признание политических результатов Второй Мировой войны, нерушимость послевоенных границ в Европе, международное право и национальный суверенитет и т. п.), а также породило целый ряд новых проблем («однополярность» – «многополярность» мира).

В стремлении обезопасить себя от крайних проявлений процессов глобализации, попыток монополизировать мировое политическое пространство со стороны США и блока НАТО, с одной стороны, и сформировать внятные основы суверенной государственной политики в этих новых изменившихся условиях – с другой, ряд стран Европы и Азии были вынуждены определить политико-идеологические усилия. Укажем только на страны евроазиатского континента: прежде всего, группа СНГ, страны Восточной Европы (бывший социалистический блок), КНР, Индия, СРВ, МНР и ряд др.

Бывшие социалистические страны Восточной Европы сделали безоговорочный выбор в пользу Западной Европы и блока НАТО. Страны СНГ и, тем более, Россия, в силу целого ряда причин столь однозначного выбора не сделали. Китай, осуществив модернизационный рывок, также озаботился

международно-политическим закреплением своего нового геополитического положения. В политико-идеологическом отношении возникла потребность в новой стратегии и тактике, которая бы опиралась на систему базисных концептов, отличающихся от прежней концепции борьбы двух мировых систем, а с другой стороны, от простого переложения идеи окончательной победы западно-европейской политической парадигмы.

Совершенно естественно, что страны, расположенные на просторах евроазиатского континента, будучи озабочены позиционированием себя как самостоятельной международной силы, искали базы минимально возможного сближения. Понятно, что прежняя политика «мирного сосуществования» оказывалась либо слишком расплывчатой, либо слишком узкой (в прежнем ее социалистическом истолковании). Евразийство как конкретно-историческая культурно-идеологическая концепция со своим хронотопом, социальными носителями и судьбой, несмотря на внешнюю – риторическую, – привлекательность, все-таки было продуктом иной эпохи, иных социальных сил. В настоящее время перед лицом новых реалий начала третьего тысячелетия (новые проблемы, новые вызовы, новые социально-экономические условия и принципиально отличные от прошлого цели) следовало «переопределиться»: евразийский дискурс или евроазиатский?

Минимально необходимая и возможная база сближения ряда евроазиатских стран была сформулирована достаточно быстро. Но остро встал вопрос об использовании возможностей интеграции, используя позитивный опыт Западной Европы и избегая выявившихся негативных сторон.

Более того, стремительное развитие событий в этом регионе и в мире создало новые

социально-политические условия, которые с неизбежностью поставили проблему реформирования всей системы международных отношений. Президент Казахстана Н. Назарбаев выступил с рядом симптоматичных инициатив, чутко уловив «нерв» этой проблематики.

На евроазиатском пространстве – точнее, постсоветском, стали предлагаться и создаваться различные организации сотрудничества: ЕврАзЭС, ОДКБ, ШОС.

В качестве примера, ярко иллюстрирующего весь спектр достижений и вызовов, с которыми столкнулись новые международные организации, можно привести ШОС. Что представляет собой ШОС спустя первое десятилетие своего существования?

1) Прежде всего, стало ясно, что это – «влиятельная региональная структура», т.е. организация, способная эффективно реагировать на вызовы и угрозы нашего времени». Это важное уточнение, хотя делаются попытки экстраполировать пределы влияния ШОС на всю систему международных отношений – Китай является второй экономикой мира, Китай и Россия – постоянные члены Совета Безопасности ООН, обладают ядерным оружием, огромным энергетическим потенциалом. Отсюда внимание к ШОС со стороны других политических «игроков». ШОС пока дистанцируется от участия в решении глобальных проблем – например, экологических.

2) Конкретизированы были «вызовы» и «угрозы» в понимании стабильности и безопасности: это терроризм, сепаратизм, экстремизм и наркотрафик. Причем, весьма заметны различия в понимании содержания этих явлений, причин их существования. И хотя в связи с десятилетним юбилеем ШОС записала в свои достижения упрочение стабилизации социально-политической обстановки в регионе, прошедшие здесь потрясения показали крайне слабое влияние организации на их преодоление (наркотрафик из Афганистана через Среднюю Азию, Казахстан в Россию – не только не сократился, но резко вырос; с «сепаратизмом» и «терроризмом» каждая страна разбиралась

самостоятельно (в КНР – это Тибет и Синьцзян, в России – Кавказ, в Киргизии и Узбекистане – приграничные области).

3) Позитивная программа «сотрудничества» помимо стабильности и устойчивого развития, вплотную подошла к формулированию идеи «региональной интеграции» – как одной из важных задач. Общая цель толкуется как «полноценное развитие каждого из членов организации».

Что действительно объединяет страны ШОС, так это вызовы и проблемы (противоречия, конфликты; роль наследия; конечные цели и текущая политика; вмешательство внешних сил, альтернативные практики и проекты). Все они стоят перед вызовом со стороны более развитых и успешных стран, что в рыночной экономике чревато прямыми угрозами (перекладывание различного бремени на более слабых – последствия финансово-экономического кризиса, издержки индустриального развития, отставание в научно-техническом плане). В этом отношении складывающийся дискурс ШОС оказался созвучным аналогичным поискам стран с так называемым «догоняющим» типом развития: они переживают те же вызовы и угрозы, что и ШОС, по существу, более решительно артикулирует эти переживания, не рискуя выглядеть маргинальными (например, отдельные страны могут достаточно резко заявлять о различных угрозах в мире, но они с подачи США и их союзников наделяются статусом государств со «спорной репутацией» – Венесуэла, Иран, КНДР).

Формирование единого пространства сотрудничества ШОС в настоящее время в гораздо большей степени обеспечивается заявленной волей, чем реальной политикой и экономикой. И более-менее последовательно это реализуется на наднациональном уровне: руководящие органы, структуры, программные и нормативные документы, саммиты и заседания. На национальном уровне различия реальной экономики, социально-политической и культурной жизни сильно меняют смысл и содержание прокламируемых целей и программ.

Если КНР делает упор на «устойчивое развитие китайской экономики путем изменения модели роста», то экономика России страдает от прогрессирующей деградации производственного потенциала и нуждается в фундаментальной модернизации. Сколь различно реальное содержание программ «инноваций» в странах ШОС! Потому весьма сложно говорить об осуществлении согласованных общих программ.

Единое или дискретное – пространство (интеграция *versus* дезинтеграция или конкуренция)? Сегодня они, все-таки, скорее, дискретны: дозированное сближение и сотрудничество при тщательном «разгораживании» любых национально-государственных рисков. Готовность к тому, что сотрудничество и взаимодействие могут, скорее, оказаться неуспешными, а потому стремление риски минимизировать.

Ключевой сегодня оказалась проблема формирования социального (и, соответственно, экономического, политического) носителя единого пространства и дискурса. Она заключается в неопределенности исходной социальной группы: кто это сегодня – политическая бюрократия, бизнес, средний класс, «креативный класс»? Кто будет такой группой завтра? В социально-экономической сфере сегодня не просматривается какая-то достаточно устойчивая и влиятельная социальная группа, интересы которой достаточно серьезно были бы связаны с сотрудничеством стран ШОС, ЕврАзЭС, ОДКБ (транснациональные корпорации, совместные предприятия, научно-образовательные сообщества?).

Опыт СССР здесь вполне мог бы быть использован: взять хотя бы планомерно создававшиеся территориально-промышленные комплексы, сыгравшие важную роль и в развитии экономик союзных республик, и в развитии прогрессивной социальной структуры, позволявшей эффективно сотрудничать в сферах науки, образования, культуры.

Исследователи проблем интеграции на постсоветском пространстве указывают целый ряд существующих и потенциальных

ресурсов, на которые эти процессы могли бы опереться: это и единое информационное пространство, глобальная трансконтинентальная евразийская транспортная сеть, объединение энергоресурсов для обеспечения энергетической безопасности, общее образовательное пространство. Остается значительное социально-культурное наследие (общность исторических судеб, участие народов главнейших событиях XX века), общие компоненты в литературе и искусстве, общность сохранившихся традиций общения народов, межнациональные браки, «народная дипломатия», приграничные связи. Большие возможности таятся в наличии «ядра» интеграции – союзе России и Казахстана.

Бережной С.Б.

ИНТЕРВЬЮ С В.В. БИБИХИНЫМ (1938–2004), ВЕЛИКИМ РУССКИМ МЫСЛИТЕЛЕМ (25-ГО МАРТА 2004 ГОДА)

Бибихин был научным сотрудником Института Философии РАН, читавшим свои лекции также и на философском факультете МГУ, академиком РАЕН, переводчиком философских трудов – Мартина Хайдеггера, Григория Паламы, Николая

Кузанского, Жака Деррида, гимнов Ригведы и многого другого. То есть он профессионально переводил с немецкого, французского, с латыни, греческого, санскрита. «Базовое» образование он имел филологическое (кандидат филологических наук), но состоялся первоначально в качестве автора философских статей и книг (Его книги: «Язык философии», «Мир», «Узнай себя», «Новый Ренессанс», «Другое Начало»), за одну из которых – «Новый Ренессанс» – в 1999 году он получил премию Малого Букера.

Бибихин умер 12 декабря 2004 года. Вероятно, значительное количество Его текстов, еще не дошедших до печати, – лекционных курсов и иных – будет издано посмертно в форме книги или книг.

П Е Р В О Е И Н Т Е Р В Ь Ю С В.В. БИБИХИНЫМ

... Путь привёл меня в ампириное здание Института Философии РАН (Российской Академии Наук), кое топографически – через Волхонку – оппонирует бело-золотой громаде восстановленного Храма Христа Спасителя. Здесь, в Актовом зале на втором этаже, заставленном стандартными шеренгами кресел, и состоялся наш разговор с Бибихиным.

По предложению Владимира Вениаминовича мы выбрали себе места «на солнышке» – у окна, в предпоследнем ряду, но тут же он встал, подумал и просто перешагнул через кресло в переднем ряду,

в которое и сел, развернувшись, насколько это было возможно, лицом ко мне.

– ...Достану бумажку... – *Бибихин развернул сложенный вчетверо, мелко исписанный карандашом, лист глянцевого бумаги.*

– Вы сделали мне такой пода-арок!.. Вопросы! – *позавчера, договариваясь о беседе, я вручил ему список вопросов к интервью, так что в руках сейчас он держал набросок своих ответов.*

– Я теперь себя чувствую, как будто бы оделся у Валентина Юдашкина или у Славы Зайцева – я теперь ФИ-ЛО-СОФ! Философ – это очень важно! В средние века философ должен был одеться в специальную одежду. Сейчас я впервые, быть может, во всей жизни – во всём мо-одном! ...Теперь к Вашим вопросам:

«Сейчас и снова – как бы Вы сказали – что же такое Философия и зачем она нужна?»

Ну-у! Теперь-то я могу уверенно говорить. Красиво. Особенно в новом моём облачении, которое Вы мне одели. Ведь я теперь философ! А Вы?.. А Вы – нет! Видите, какое огромное преимущество! А вот ЗАЧЕМ она нужна, КОМУ она, философия, нужна?.. Наверное, тот, кто ею занят, должен это знать. Давайте надеяться, что ОН знает – ФИЛОСОФ.

Но мне надо пропитаться этой новой одеждой, этим новым облачением, которое Вы мне дали...

– **Что же Вы никогда раньше не ощущали себя философом? Вы занимаетесь философией, пишете философские книги, переводите сложные философские тексты. И говорите о них уверенно.**

– Уверенно кто угодно о чём угодно может говорить. Вы что?! Если уж о чём-то говорить, то лучше говорить уверенно или вообще не говорить. О политике, например, уверенно говорят ВСЕ! Что же, они теперь политики? Мне кажется, ситуация аналогична.

Но ваш первый вопрос распадается на подпункты:

«А) Нужна ли философия вообще, когда есть Религия, религиозная философия? Не проходит ли человек мимо чего-то важного в религии, если ему оказывается её недостаточно и он обращается к текстам философов-агностиков, атеистов? Нет ли в этом какого-то сущностного недостатка, неверия, непонимания, разбросанности, всеядности?» Если разбрасываться на философские системы, религия будет хуже... Да, конечно. Самое плохое, чего уж хуже, – разбрасываться! Лучше взяться за что-то одно и держаться крепко. Те, кто ходят в церковь, явно держатся. А вот, кто начал философствовать... это... пропащее дело, боюсь. Ничего хорошего, уж, не будет. Потому что могут прийти в голову разные мысли. Вот человек, который ходит в церковь, – ему уже совестно иметь в себе потребность философствовать, он держит себя.

На ваш подпункт Б): «Или философия – домохозяйка религии, которая при малейшем своеволии превращается в ересь? И столбовая дорога европейской философии (от Декарта и Спинозы) – путь атеизма и мракобесия?» – я могу с удовлетворением сказать, что, Слава Богу, и здесь в Институте Философии, и, вообще, везде в нашей стране многие философы уже верующие и ходят в церковь. Вообще говоря, пока человек без религии, он какой-то половинчатый. А-теист, а-гностик... Без религии он с приставкой «а», значит он с каким-то минусом. Он какой-то «нетакой», «недоделанный». Не так ли?

Второй вопрос: «Не могли бы Вы рассказать о себе? О Вашем философском становлении, о Вашем вероисповедании, о возникновении автора философских книг Бибикина В.В.»

Рассказывать о себе... Ну! Вы понимаете, это самое приятное! Что я знаю о себе? Что я – совершенно уникальная личность, уникальный человек. Так что, сколько о себе не рассказывай – всё будет недостаточно.

Вероисповедание? Я хочу быть ПРАВИЛЬНОГО вероисповедания. Да. А кто не хочет? Я хочу быть только на ХОРОШЕЙ стороне.

Что касается книг... Это дело простое. Дело в том, что я вообще с детства любил писать. Перьевая ручка – это из вещей, которые я помню у отца на столе, – всегда меня манила. Я сразу взял и стал писать. В три года. Так что, это органика...

– *Извините, именно перьевая ручка?*

– Тогда же были перьевые ручки. Ещё не было шариковых. Я же старый человек. Вот... С детства, сколько я себя помню, люблю писать. И умею писать красивым почерком. Что делаешь? Я и сейчас напишу красивым почерком, не хуже любой преподавательницы начальных классов. А у них КАЛЛИГРАФИЧЕСКИЙ почерк! И я могу не хуже. И, признаться, я очень люблю видеть, как то, что мной было написано, напечатано в типографии. Мне это так же приятно, как и переписывать.

– *Вам приятно видеть именно Ваш или любой напечатанный текст?*

– Мой!!! Не любой! Только мой. Или тот, который мне приятно читать.

Третий вопрос – кардинальный и основной: «Что такое мысль? Как следует учиться мыслить?»

Я Вам скажу, по-честному, что ни разу в жизни мне не удавалось уловить мысль! Не получается! Если бы я уловил и держал – я бы мог её описать. Не получается.

– *Но ведь Вы УМЕЕТЕ думать. Пафосно, конечно, звучит, но Вы умеете мыслить, в отличие от очень многих людей. Это в Вас и поразительно!*

– Я уже чувствую себя одетым не от Валентина Юдашкина, не от Славы Зайцева, а от кутюр, Париж. Спасибо. Я буквально расту в собственных глазах... То, что Вы сейчас сказали – об умении думать – крайне важная проблема. Учиться этому нужно. Для этого, наверное, надо идти на философский факультет. Учиться там пять лет, потом аспирантура, после аспирантуры тоже надо учиться... Можно ли научиться мыслить самоучкой? Наверное, ненадёжно... Как во всякой профессии, самоучкой – немножко нехорошо.

– *Но Вы сами не учились на философском факультете.*

– Тем хуже мне. Да. Я там не учился. Может быть, я бы умел мыслить тогда. Умел бы это делать. Ладить с мыслью. Держать её.

– *Но ведь именно Вы умеете думать, в отличие от людей, окончивших философский факультет, защитившихся.*

– Вы мне даёте фору. Но, тем не менее, мне кажется, что надо идти на факультет. В любом случае, это уж я по опыту жизненному знаю, само-

учкой – нехорошо! Или надо, если не принимают на философский факультет, найти большого философа, идти к нему и его слушать. Не всегда же он молчит, иногда он говорит. Наверное, такой путь. Простой путь: или философский факультет, или найти большого философа и его слушать.

– *А кто для Вас – большой философ? Вы известны, в том числе, как переводчик Хайдеггера. Можно ли сказать, что Вы многому научились у Хайдеггера или у кого-то другого?*

– Я вообще не вижу, чему я научился...

– *Может быть, Вы восприняли сам Дух философского действия, Дух способности мыслить?*

– Тоже не знаю... Меня однажды спросили на кафедре: чем я думаю? Я сказал: ну, чем... нога-а-ами!.. Надо мной стали смеяться, издеваться.

– *То есть, Вы сказали это не шутки ради?*

– Почему шутки ради?! Я попробовал один раз в жизни искренне высказаться!!!

– *Что думаете ногами?*

– Ну... ногами, движением тела... Надо мной стали издеваться, говорить, что я – сумасшедший.

Ваш четвертый вопрос: «Что такое иллюзия? Ваши детские, юношеские, более поздние иллюзии развеялись все или нет?»

Это тоже сверх-вопрос! В это всё упирается. Я стал думать и, вот, что мне пришло в голову... Иллюзия – это, наверное, когда казалось одно, а оказалось другое. Вот, когда кажется, что всё – абсолютно плохо, чёрно, жутко плохо, что мир не годится для жизни, а потом оказывается, что всё – хорошо... Что значит? Первое было иллюзией?

– *Да, но бывает и наоборот. Что-то казалось сначала хорошим, светлым, а оказалось чёрно... И человек шёл не туда, ошибался.*

– Совершенно верно. Как узнать – где иллюзия? Может быть, как раз во втором, а не в первом случае? Иллюзия – это то, что ОКАЗАЛОСЬ! Мне казалось, что всё – прекрасно, допустим человек или мир, а ОКАЗАЛОСЬ, что всё – плохо...

– *А если оба варианта? Если иллюзии отражаются одна в другой без конца? Как в случае нахождения между двух зеркал, когда возникает анфилада ваших отражений, уходящая в бесконечность.*

– Да. Может оказаться, что мы всё время – в иллюзиях! Или мы не знаем, что в большей мере является иллюзией – первое (что всё – плохо) или второе (что всё – хорошо)? Иллюзии постоянно развеиваются, но где гарантия, что результат развеивания – не иллюзия? Стоишь в полной неопределённости. Ничего не поделаешь!

Пятый вопрос – вообще замечательный: «Что такое Время? Можно ли говорить об этом?»

Вы замечали вот такую вещь, очень странную... Когда ВЫ ГОВОРИТЕ, то время как будто бы не пропадает, не утекает, со временем – всё в порядке! Так что, если всё время говорить, то можно и не знать, что такое время. ВЫ НЕ ЗАМЕТИТЕ, ЧТО ОНО – КАТАСТРОФА! Вот когда говорит другой человек, то не всегда время хорошо идёт, иногда кажется, что скучно, время тянется. Оно – тягучее... Но вот, допустим, Вам звонят и говорят, что вы можете получить деньги. Время этого звонка, когда говорят куда ехать, всё такое, оно, вроде бы, не утекает, оно – не катастрофа. Так что, наверное, время – это деньги.

Шестой вопрос: «Демографические тенденции таковы, что в трёх локомотивах технократической цивилизации – в Великобритании, Германии, Франции – через 40–50 лет национальности, традиционно исповедующие ислам, будут в преобладании. Следовательно, не будет ли религиозный ренессанс Европы исламским?»

Это в самую суть нашей теперешней ситуации. Роже Гароди, французский философ, лет 25 назад выпустил книгу: «Ислам – наше будущее». Сам он стал мусульманином... Но я-то, сейчас, в этом моём новом облачении должен отвечать как философ и вот – правильно Вы сказали, что зря христианство допустило философию. Это была иллюзия, что христианство и философия примиримы. А вот ислам, он, философию не допустит. Он будет к ней строже. Поэтому, он надёжней в этом отношении. Хотя, представим, что ислам – в Германии. Где сама почва – такая философская. Может быть, ислам там будет какой-то особенный, философский... и тогда всё возвратится на прежние круги.

– *Но тысячу лет назад именно исламская цивилизация была философским учителем достаточно дикой Европы. Оттуда – многие древнегреческие тексты, Аверроэс...*

– Да-да-да. Всё оттуда. В 11–12 веках только начинается самостоятельная судьба Европы.

Следующий вопрос: **«Читали ли Вы книги Карлоса Кастанеды? Когда? Что бы Вы могли сказать о сути в них сказанного?»**

Читал. Лет двадцать назад. На каком-то иностранном языке. И там говорится о таком знании, которое не у каждого есть. Вернее, мало у кого есть. Но тут уж ничего не поделаешь.

– *Да, но в этих книгах, кроме рассказа о таком знании, содержится цельная философская система со своим серьёзно разработанным понятийным аппаратом...*

– Да-а-а, превосходный понятийный аппарат..., но... остаётся только завидовать. Это вещь, которой на философском факультете не научишь... Это дело особенное. Совершенно. Это нужно куда-то ехать в горы, куда-нибудь подальше. Лет тридцать побыть отшельником. Это связь с землёй, это прикосновение к восходу солнца, к закату, к почве... Это тайна.

Теперь вопрос о нашей литературе. Тоже очень важный, очень уместный: **«Читали ли Вы Владимира Сорокина? Что Вы читаете из современных авторов? Ваши оценки?»**

Вы опять умеете задеть за живое... Сорокин вводит нецензурные выражения... Много. Я – человек-«пятидесятник», пятидесятых годов. И, соответственно, автоматически, я... люблю нецензурные выражения!

– *Любите?!*

– Конечно! Люблю. Я люблю, когда нецензурно. Но тут же – страх! У меня, как у человека пятидесятых годов, – оглядка: а что будет, если на меня посмотрят и скажут, что, наверное, он ЧИТА-А-АЛ! Это всё равно, что я вышел из туалета, а руки не помыл! Мне уже руки не протянут поздороваться. Это меня и останавливает. Получается, что хочется и колется, и мама не велит.

– *Но Сорокин – это очень серьёзная, хоть и гротескная, литература. Это... о состоянии эпохи, о состоянии современных умов... не подберу лучшего выражения.*

– Нецензурное мне гора-а-аздо интересней, чем состояние умов. Вот когда идёт сплошное нецензурное – та-а-ак тянет! А состояние умов не тянет. Большей частью состояние умов какое-то... грустное.

О современных авторах... Что бы я стал читать? Что дадите, то и буду читать! Но есть авторы, которых я читаю, но которых не назову из страха. А то все станут их читать. Куда же денется тогда моя исключительность? Я уже буду не такой исключительный, как я себя чувствую. Так, между делом их назвать, как бы случайно, небрежно – это да. Чтобы никто особенно не обратил внимания. Это ещё можно. Я так и делаю, иногда, в печати. Но так, в лоб, прямо говорить?.. Боюсь, станут их читать!

– *А как представить Ваши собственные книги потенциальному читателю?*

– Проблема вся в том, что надо как-то уговорить людей их покупать. Когда хорошие книги покупают, причём необязательно даже мои книги, то это приятно. Надо как-то убедить людей, что если они эти книги прочитают, то им будет лучше. Но это... сложно! Мне-то уже СТАЛО лучше от того, что я их написал, а требовать, чтобы и читателям СТАЛО ЛУЧШЕ от того, что они их прочитают – это уже слишком много хотеть.

Десятый вопрос: **«Самые значительные русские философы – кто они? Именно для Вас?»**

Лев Толстой, Державин, Пушкин, может быть. Так я говорю, автоматически, и тут же спохватываюсь – Вы же спрашиваете о философах! И... русские философы, самые значительные, – это Ленин, Сталин. У меня есть собрание сочинений Ленина и Сталина. Опять-таки, Вы скажите, что это было 50 лет назад, даже 51, даже 52. Но тогда вот как надо – надо подождать, когда СКАЖУТ, кто у нас ведущий философ! Уже и начинают говорить. Тогда всё станет просто. Но вот учтите, что есть шанс, опасный шанс, что не скажут. И тогда придётся рискнуть судить самим. Но это дело не привычное. Трудное.

Ваш одиннадцатый вопрос... Я даже не знаю, как его назвать. Я никогда не слышал, чтобы такие вопросы задавали. Он мне кажется очень глубоким:

«Есть ли у Вас личный главный вопрос к себе? К Другим? К Третьим?»

Вы сказали это глубоко настолько, что я даже не понял, но ответить могу. Во-первых, к себе у меня вопросов нет! Потому что, всё равно, я не смогу как следует ответить. К Другим у меня вопрос есть: ЧЕМ ОНИ ЗАНЯТЫ? Я до сих пор

этого не понял. Я понимаю, чем заняты дети и чем заняты люди, которые не вышли из детства. К Третьим у меня тоже есть вопрос: когда они перестанут?! Заниматься тем, чем они занимаются. Но это не значит, что я хотел бы, что бы они перестали. Потому что будет хуже... Может быть.

– *А кто такие Третьи?*

– Третьи? Это Вы говорите «Третьи». Это Вы сказали...

– *И еще один вопрос, последний. Россию сотрясают террористические акты, в Нью-Йорке произошло «11-ое сентября». Как Вы думаете, в мире идёт партизанская война?*

– Я думаю, что нет.

– *То есть, что война не идёт? Что случаются только военные эпизоды?*

– Всякая война – это эпизод. Или, если хотите, война идёт всегда! Но тогда не говорите о мире! Тогда бывает спокойствие солдата на фронте. И опытный солдат, он – душе-евный... Когда новичок приходит на фронт, то он буквально дрожит, это физическое – ЖИВОТ другой становится, когда он знает, что завтра утром пуля в него может попасть. Навсегда. Это состояние невыносимое. Но очень быстро солдат догадывается: «Так я ВСЕГДА был такой, что я могу умереть. Я приму это так – что сейчас я живу, а завтра меня, возможно, не будет...» Не все, разумеется, может даже не большинство, но многие на войне солдаты, вообще военные, я ТОЧНО ЗНАЮ, что они так успокаиваются.

– *А откуда Вы это ТОЧНО знаете?*

– Знаю. Через рассказы, через родственников, отчасти через свой опыт, но не военный. Нет-нет, это так. Шаг от нервной тряски, невроза до спокойствия – не такой большой. Так что, я не уверен, что Вы правы, что война, партизанская или всякая другая, всех захватывает и всех выводит из состояния «нормально»...

Под занавес нашего общения Владимир Вениаминович рассказал футурологический анекдот, который ему рассказал некогда Сергей Сергеевич Аверинцев:

– Уже наступила эпоха, когда власть в России – африканская. Русские интеллектуалы говорят: «Э-э-э... плохо. При китайцах нас, всё-таки, не ели!»

И от себя добавил:

– Это не страшно.

ВТОРОЕ ИНТЕРВЬЮ

(Делалось для русского журнала «Форбс». Начало мая 2004 года. С Владимиром Вениаминовичем Бибихиным разговаривали Сергей Бережной и Максим Кашулинский)

В сентябре 2003 года Бибихин был приглашён на заседание Серафимовского клуба, где выступил с речью о современном состоянии России в свете её государственно-идеологической истории. О современной эпохе «первоначального накопления капитала» он высказался так:

«Экспериментальное семидесятилетие после 1917 года было попыткой обойтись на государственном уровне без Бога. Главное содержание нового эксперимента, официально узаконенного в 1991 году, – не финансовые технологии, а попытка социально устроиться без совести».

В мае 2004 года мы обратились к философу за уточнениями:

ИНТЕРВЬЮ: «ДЕНЬГИ – ЭТО БОГ. ХОТЯ БОГ – ЭТО НЕ ДЕНЬГИ...»

– *Можно сказать и так, что с 1991 года Россия живёт под знаком денег. Каковы будут следствия этой «попытки социально устроиться без совести» – согласно Вашему определению сути «реформ» 90-х годов? Что ещё произойдёт со страной?*

– Произойдёт то же, что произошло после социалистической революции. Как Россия проела социализм, так она проест и капитализм. Капитализм будет разыгран как по нотам и уйдёт. Дикий капитализм уйдёт. На Западе его уже давно нет, там – СОЦИАЛЬНОЕ рыночное хозяйство. Швеция гораздо ближе к социализму, чем мы когда-то к нему были.

Сейчас же, я думаю, как в 1929 году, грозит «коллективизация», раскулачивание. Процесс совершенно естественный, происходящий на какой-то год после революции, касающийся жизни поколений. Так было после социалистической революции, так будет и после этой, «финансовой» революции. Меняется «климат», это чувствуют все, – он становится

более жёстким. Время имеет разную окраску. И время стало ДРУГОЕ.

– *Но что такое деньги сами по себе? Что Это? – Власть? Время? Защита от мира? Защита от Судьбы? Иллюзия такой Защиты? Иллюзия Безопасности?*

– Захватывающий вопрос. Ольга Александровна Седакова, поэтесса (может быть, вы видели её роскошный двухтомник, изданный года 2–3 назад? Его издал Борис Гольдман – тот, который был убит с двумя телохранителями на второй день Пасхи в этом году (прим. Речь идёт, естественно, о 2004 годе). Он его издал как ученик и как почитатель Ольги Александровны), мне гадала по руке и по ней видно, что у меня денег не было, нет и никогда не будет. Никакой денежной линии. Но, с другой стороны, о красоте судят не только красивые, о деньгах – не только денежные. И, между прочим, на некрасивых красота действует не менее убийственно, чем на красивых...

...Хотел бы я посмотреть на человека, который знает, что такое деньги... Так что, я думаю, что деньги – это Бог, это Божество. Хотя Бог – это не деньги. Как говорили философия-славцы: Имя Божие – это Бог, но Бог не есть Имя.

Являются ли деньги защитой от Судьбы, иллюзией безопасности? Когда Сорос мне дал сначала 500 долларов, потом ещё 4 000 за грант в самые голодные годы, в начале 90-х, на которые моя семья жила 2 года, то это была скорее, всё-таки, Судьба, чем защита от Судьбы, и это была вовсе НЕ иллюзия безопасности.

– *Может быть, люди хотят, всё-таки, чего-то другого – под видом денег? Что, вообще, дают деньги?*

– Хм! Контр-вопрос: а чего они не дают? Здоровье, жизнь, любовь – они ВСЁ дают! Более актуальным мне кажется другой вопрос: что я могу дать за деньги? И вот оказывается – ни-че-гошеньки, ровным счётом! Ни пальцем о палец ради денег не ударю! Ни секунды времени я не потрачу ради денег. Что? Я продаюсь, что ли? Мне надо, чтобы деньги шли ко мне ТАК. За «красивые глаза». За то, что я делаю то, что мне нравится делать. Продавать ради денег хотя бы час времени в день?! Я не верю,

что это возможно! Я не верю, что есть хоть один человек на свете, который что-то делает ради денег, продаёт себя ради денег.

– *Есть множество людей, которые утверждают, что они именно этим и занимаются – продают себя ради денег.*

– Скорее всего, как вы и предположили, люди хотят чего-то другого под видом денег. Скорее всего, они хотят Бога – под видом денег. По крайней мере, деньги – это огромная загадка. Разберитесь, подумайте.

– *Вы посвятили главу «своему, собственному» в книге «Другое начало», где говорите о приватизации в РФ, как о стихийном «захвате мира» и о темноте понятия «собственность». Сейчас, как бы Вы сказали об этом – что такое «собственность»?*

– Что такое, собственно, «собственность»? Это ВОПРОС. Если у меня могут мою собственность отнять или могут МЕНЯ отнять от моей собственности, как Бориса Гольдмана, тогда моя собственность – это то, что у меня отнять нельзя.

Другой аспект. Это аристотелевская мысль: да-а..., собственность должна быть..., если собственности не будет, то, как же человек будет дарить? А если он не будет дарить, то, как же он полюбит?

Чтобы полюбить человека, надо что-то ему подарить. Если же кто-то дарит НАМ, то мы начинаем этого человека, в общем-то, не любить. То же самое происходит и со страной. Если кто-то, какие-то капиталисты, например, ставят перед собой задачу освоения России, то, чтобы привязать себя к стране, к людям, к этой географии, надо что-то ей дать. Привязаться к чему-то можно только через дар...

...А в заключение, без вопроса, мне просто вспомнилась одна африканская песня:

«Ночь сменяется днём,

После солнца снова взойдёт луна,

Ничто не укроется от всевидящего ока
(вариант (не ясно слышно): Бога),

НИ сегодня, НИ сегодня, НИ сегодня
БУДЕТ наказан обижающий сироту».

Бережной С.Б.

О МОИХ ИНТЕРВЬЮ С БИБИХИНЫМ

Так уж получилось, что я – единственный, кому пришла в голову простая мысль подойти к Владимиру Вениаминовичу Бибикину в качестве журналиста и с ним поговорить в формате «интервью». Кстати, английское слово «inter» переводится на русский как «хоронить», что в сумме даёт такой возможный перевод: «inter-view» – «хоронить-взгляд». Поэтому об «интервью» я говорю исключительно иронично и в кавычках. Скорее уж мы с Владимиром Вениаминовичем «беседовали» (хотя тоже корень в слове ещё тот) или, если уж говорить совсем точно, Бибахин как всегда читал лекцию, ибо за два дня до нашей «собеседовательной встречи» получил от меня текст моих вопросов, после чего к данной встрече и набросал конспект своих ответов.

12 декабря 2004 года Бибахин умер. Интервью от 25 марта 2004 г. – единственное крупное интервью, взятое у Бибахина за всю его жизнь. Оно предназначалось для московского журнала «Большой город», но не было там напечатано, так как показалось редакторам «сложноватым» для простого и популярного издания. Всего же Бибахин дал два интервью за всю жизнь. Второе – тоже мне (в мае 2004 г.). Но оно небольшое, состоит из трех вопросов и посвящено теме «денег и собственности». Оно предназначалось журналу русский «Forbes», но также не было там напечатано, так как не понравилось тогдашнему главному редактору Полу Хлебникову. Максим Кашулинский, шеф-редактор означенного журнала и соавтор данного интервью (в июле 2004 года после гибели Пола Хлебникова он стал главным редактором), тогда заметил, что интервью Бибахина напоминает ему хороший коньяк, который с ходом времени становится дороже.

Кроме того, один раз Бибахину прислали пять вопросов по интернету от журнала, если не ошибаюсь, «Искусство Кино» и ответы на них Бибахин приводит в своей книге «Другое Начало».

Предлагаемые мной тексты, таким образом, вполне эксклюзивны. Логика данного материала проста: Диалог с великим человеком (сейчас, по-

сле Его ухода, такие вещи можно называть своим именем) по линии наиболее значительных тем и событий (на мой, естественно, взгляд) современности.

И ещё раз – кто же такой Бибахин Владимир Вениаминович? Когда в 1994 году в Москву приехал Жак Деррида (вряд ли кто будет оспаривать заявление о его величии и даже о его «первостии» в списке современных философских имён), то непредвзятый наблюдатель мог наблюдать следующую картину в битком набитой студентами и преподавателями аудитории 1-го гуманитарного корпуса МГУ: в первых рядах аудитории сидела вся основная ведущая философская общественность г. Москвы и регионов – десятки людей. Среди них был и Бибахин. Деррида зашел в аудиторию, подошел к Бибахину и уважительно поздоровался с ним за руку. И за руку – больше ни с кем. Ну, это так – символический штришок.

Бибахин, на мой взгляд, – это один из очень немногих русских философов за всю историю отечественной философии. Именно философ. Русская почва рождала выдающихся историков философии, таких, как Лосев. Религиозных мыслителей, таких, как Флоренский, людей Культуры, таких, как Аверинцев. Но Бибахин практически уникален тем, что русская почва в его случае сделала исключение из своего правила не следовать за почвами германской и французской в деле производства «философа-просто», «мыслителя-какакового», «философа-в-себе». Что и ставит его имя в ряд таких имен, как Хайдеггер, Деррида. Кстати, Деррида умер тоже совсем незадолго до Бибахина – в октябре 2004 года. Бибахин не был пророком, он часто ошибался, по моим наблюдениям и мнениям. Он не произвёл на свет никакой философской системы, никакого «изма», и вообще был весьма не систематичен. Но он умел думать (а ведь этого почти никто не умеет), умел ставить вопросы (а ведь их почти никто не задаёт) и он жил «в мысли».

То есть Бибахин – это представитель редчайшего человеческого вида «Homo meditator».

Некрасов С.Н.

НАУКА И РЕЛИГИЯ В РОССИИ XXI ВЕКА: НОВОЕ ПОДАВЛЕНИЕ СЕКСУАЛЬНОСТИ

Некрасов
Станислав
Николаевич

доктор философских
наук, профессор
УрГСХА,
действительный член
РАЕ,
член Общественной
палаты Свердловской
области

Борьба науки и религии каждый раз в новых исторических условиях осуществляет новую репрессию сексуальности как наиболее глубоко интимной скрытой человеческой энергии. Религия обычно канонизирует и подавляет сексуальность, наука ее раскрепощает и формально освобождает. Но все вместе это дает двустороннюю репрессию сексуальности. Противостояние науки и религии, сопровождающее кризисную историю ряда цивилизаций и обостряющееся в момент краха модернистского проекта, может быть рассмотрено не только на примере России, но в глобальном контексте. Однако смотреть на Россию интереснее, поскольку наша страна не просто нормальная как о том мечтали отечественные либералы, выродившиеся в либероидов, или особая с особым своим путем развития как мнится единственному европейцу России – ее правительству, но уникальная страна, страна «невыученных уроков» со всемирно-историческим призванием, страна, выработавшая свой совершенно уникальный механизм развития. Этот механизм на взгляд западного социолога и политолога представляется неким странным пятиколесным велосипедом на фоне западного упрощенного двухколесника. Однако разваливающаяся западная цивилизационная конструкция заставляет даже иммигрантов дер-

жаться подальше от места катастрофы и с интересом приглядываться к русскому изобретению.

Поскольку социальные силы прогрессивного развития в проекте модерна находятся на стороне науки, то и продукты этого развития технологии и техника также относятся к научному познанию как к своему источнику и опоре. Отсюда неизбежно противостояние сциентизма как уверенности во всеисилии науки и порожденных ею социальных технологий и антисциентизма, обычно находящегося на стороне религии, а также консервативных движений оппозирующих прогрессу. До тех пор пока мы не увидим историческую форму науки и историческую форму религии в конкретных исторических ситуациях, мы ничего не поймем и в сексуальности, в ее репрессии и извлечении сексуальной энергии как чего-то слишком человеческого из-под спуда и прессы нечеловеческого. Религия бедных и религия богатых, наука для ученых и наука для масс – вот что бросается в глаза каждому, так асфальт бросается в глаза каждому вышедшему после хорошей попойки из ресторана. Нечто подобное мы видим в раздвоении одной религии и одной науки, как Ленин обнаружил на лондонском вокзале при первом взгляде на толпу – две культуры, два народа в одной буржуазной нации. Он увидел леди в шляпках и женщин в платках, посещающих *ladysroom* и *womansroom*. Увидел *man* и *gentleman*. В лондонских такси-кэбах пассажиры до сих пор сидят как в карете лицами друг к другу. Багаж стоит рядом со слугой – водителем.

Такая же пара форм общественного сознания – технократия и технофобия – характеризует разрыв самосознания различных групп общества, практикующих три разных взгляда на исторический процесс. Очевидно, что такой разрыв в сознании отражает возможность осмысления всей истории народа с различных

философских позиций. Следует выделить три основных взгляда на историю: история как регресс, где настоящее хуже прошлого, а будущее хуже настоящего (традиционализм, консерватизм с антисциентизмом и технофобией – все то, то может интегративно обозначено как археомодерн), история как циклы – вечное возвращение (исторический перманентизм, в котором позиции за и против техники и науки периодически меняются – контрмодерн), история как прогресс – настоящее лучше прошлого, будущее лучше настоящего (прогрессизм, эволюционизм, где приветствуются наука и техника как «рог изобилия»). Каждая из этих позиций содержит в себе свою логику осмысления истории. Лучше всего для нас сверхмодерн – контррелигиозный светский хилиазм, настаивающий на возможности построения тысячелетнего царства Божиего на земле. В сущности, речь идет о светской форме утешения и обретения бессмертия – русской идее и марксизме. Можно спросить, а какое отношение к сексуальности имеют эти рассуждения? Нечто подобное военный психиатр спрашивал у Швейка «Стоит дом, в нем пять подъездов. А теперь скажите, в каком году у швейцара из крайнего подъезда умерла бабушка?» Но наш вопрос не о бабушке, а о сексе. Уточним – о любви. Как припевали в годы нашей молодости «а кому – какое дело – эта песня про любовь». Так вот, положение секса и/или любви в обществе как чего-то «слишком человеческого» или «нечеловеческого» является «меченым атомом», общим показателем очеловеченности или расчеловеченности человека.

На стороне религии исторически выступает церковь как социальный институт и вера. Поэтому сексуально расчеловеченные силы (группа «Фемен», «Пусси Райот») их атакуют как продукт контрмодерна. Они не выделяют церковь для бедных и церковь для богатых, они просто против, поскольку такова вообще задача постмодерна. Отсюда другие пары оппозиции как формы общественного сознания – теизм и атеизм, клерикализм и секуляризация (разум) – оказываются проявлением борьбы двух проектов постмодерна и контрмодерна. Силы примерно равны, и репрессированная

контрмодерном сексуальность освобождается сексуальностью постмодерна. Оба типа сексуальности носят нечеловеческий характер. Такова подавленная сексуальность в результате исторической и систематической клитородектомии отцами дочерей в современном Египте и арабском мире, развивающимся в сторону контрмодерна в ходе недавнего насильственного уничтожения вполне приличных светских режимов. Молчащая женщина, женщина в хиджабе, запрет на профессии, побивание камнями за неверность и гражданский брак – какие еще свидетельства нужны для доказательства попятного хода истории в арабском мире как конкуренте глобальной роли США! Такое организованное спецслужбами падение «Берлинской стены» в арабском мире последовало через 20 лет после победы западного контрмодерна в северной Евразии, отбросившего и нас в доиндустриальное прошлое, сделавших нас из советских людей загадочными россиянами. Следующее падение стены следует ожидать в отношении Китая как глобального конкурента Америки.

Нечеловеческая сексуальность, движущаяся между полюсами исламистского, любого иного религиозно-фундаменталистского реакционного контрмодерна и разрушительного постмодерна, для которого есть игра поверхностностей и связь эпидермисов, а в искусстве все есть бренды – от трех букв на заборе до картины Леонардо, так вот эта сексуальность знает и допускает все, кроме любви. Любовь есть, но она есть в России. В России, как в Греции, есть все. Только в России девушка и дама в первые минуты четко определяет мужчину по модели импринтинга как друга или любовника и потенциального мужа. Именно поэтому русские мужчины страшно боятся попасть на роль друга, они в такие минуты не ведут себя дурашливо как подростки, не придуриваются, как это делают их западные братья по полу, не улыбаются (русские вообще не улыбаются), но стремятся быть брутальными и надежными. В результате они поведенчески для западных партнеров выглядят как угрожающие уголовники.

В старом советском анекдоте идет незатейливое и доступное для всех почти евангеличе-

ское повествование о том, как американка, французка и русская отдаются и впадают в экстаз. Американку следует покатасть на высокой скорости по хайвею, завезти в мотель и накормить стейком. Результат – «она моя, она в экстазе». С французкой такой результат достигается в ходе утонченного ухаживания и в серии подарков от цветов до элитных духов. Наконец, русской дается трешка, и здесь действие разделяется (она – моя), затем трешка изымается (она – в экстазе). Этот анекдот нравился в СССР мужчинам и женщинам одновременно, поскольку он отсылал их к глубоко интимной проблематике любви. Такой анекдот не есть насмешка мужчин над женщиной как это бывает в сугубо мужской обстановке любой армии, в частности в Вермахте, где мужчины просто зубоскалили. Недавно опубликованные в книге «Soldaten» тайные аудиозаписи разговоров немецких военнопленных в американских тюрьмах свидетельствуют о бахвальстве схваченных военных преступников своими героическими деяниями на оккупированных территориях, о насилии над русскими женщинами. И все это на фоне бюргерско-лирического поклонения каждого преступника своей белокурой Гретхен и любования очаровательными детишками на бережно хранимой в портмоне затертой фотокарточке арийского семейства.

Другой советско-русский анекдот о любви напроць опровергает постмодернистское приравнивание любви и секса наблюдаемое в последнее катастрофическое двадцатилетие нами на улицах, стенах и асфальте наших городов. Мы видим здесь не заборные просветительские слова из трех и пяти букв, но видим англоязычные заклинания «no money – no sex», «freemoney sex», или по-русски: «не плати за секс», «бесплатный секс» с указанием соответствующих англоязычных сайтов с наполнением контента местными проститутками. Когда в совковом анекдоте у девушки спрашивают, как она отдалась по любви или за деньги, она искренне отвечает: «конечно, по любви, разве три рубля это деньги?» Девушки нашей поры с удовольствием ходили в походы, поскольку именно там как прежде в русских банях и происходило великое

общение полов. Старая студенческая шутка свидетельствует об этом: «девушки, пойдемте в поход. – Какие мы вам девушки, мы уже три раза в походе были». Жрицы любви в нашей культуре не были проститутками, они были б... – и это хорошее слово просто означало любительницу секса, в полном переводе – выжженная земля. Земля для всех мужчин.

Ни наука, ни религия не решают самостоятельно проблем человечества, они решают в конечном счете кроме социетальной проблематики исключительно вопросы интимной энергетики человека. Религия утешает или мобилизует, наука дает светское утешение и вдохновляет на вечную жизнь в делах и поколениях. Наука и религия не сражаются ни в каких битвах – сражения ведут только люди, общество и его эволюция. Поскольку история представляет собой перманентный творческий акт по созданию горизонта возможного бытия, универсальной модели развития не существует. История вообще выступает как осознание народом фактора времени, и понятно, что единой картины истории не существует. Русский народ в России изначально не разрывал перечисленные формы сознания, не разрывал науку и религию. Сама постановка о соотношении науки и религии носит западный рационалистический характер и возникает в рамках формационного подхода к историческому процессу. Действительно, наука и религия в рамках формационной парадигмы, описывающей достаточно адекватно и строго европейскую историю, относятся к надстроечным явлениям. В России при использовании цивилизационного подхода вопрос ставится практически и теоретически по-другому: вера и цивилизация.

На VI Всемирном русском народном Соборе (Москва, 2000 г.) именно так и формулировалась тематика «Россия: вера и цивилизация». На этом Соборе я выступал в качестве докладчика от партии «Евразия» и опубликовал в газетном спецвыпуске для делегатов Собора статью «Верю в человека!» Получается, что вера в человека при прежнем Патриархе стала общим знаменателем, примиряющим в опыте русского народа знание и веру, науку и религию,

так что в жизни на огромных евразийских пространствах гармонично сочетались вера и цивилизация. И, напротив, знание и формация, наука и религия, вера и знание выражали исторически взаимодействие Формации и Цивилизации. Однако тогда я еще не понимал, что столкновение и связь науки и религии как универсальных наполнителей нашего сознания надлежит рассматривать в конкретно-историческом контексте вектора движения. В модернизме их связь будет различаться в зависимости от того, какой модернизма превалирует в динамике и метафизике социума – модернизм буржуазного типа или марксистский светский модернизм? Какой постмодернизм захватывает умы и воображение – постмодернизм западного типа (когда за артгруппой «Война» с фаллосом на Питерском мосту неизбежно следуют авианосцы и бомбардировщики-беспилотники), или к нам приходит контрмодернизм в виде возведения баррикад религиозного или рыночного фундаментализма. Возможен археомодернизм с возвратом в традиционное общество или чаемый всеми сверхмодернизм, волю в который каждый раз заново вкладывал русский народ в переломные моменты его истории.

Сегодня нам понятно, что человеческая сексуальность как глубинная народная энергетика подавляется и извращается нечеловеческими механизмами религиозного и светского утешения во всех перечисленных случаях, кроме одного – сверхмодернизма. Великий русский писатель-почвенник В.М. Шукшин в серии своих рассказов превзойдя западных экзистенциалистов, показал способ извлечения энергетике, находящейся в пластах скрытых за проявляемой сексуальностью. В «Думах» председатель колхоза, слушая бродящую по селу гармонь, вспоминает детство, жизнь в бесконечной работе, когда не подумать и не продохнуть, и спрашивает спящую жену, а любила ли она его, как замуж вышла и боится ли она смерти. Когда я задал эти вопросы собственной супруге, то в точности получил описанную Шукшиным реакцию. Это страшные, последние вопросы. За той сексуальностью, которая плавает на поверхности русских анекдотов вроде анекдотов

про дистрофиков – «если ветра не будет, по бабам пойдем» – скрываются черные угольные пласты энергии смерти.

Откуда вообще берутся эти загадочные персонажи детских анекдотов – дистрофики? Они и клопа победить не могут и групповой секс предпочитают, поскольку там можно сачкануть. Они в России берутся из труда – труда во имя Родины, их энергия черпается из Танатоса, а на Эрос не остается сил. Силы отданы Любви! Любви, которая определяется в анекдоте про лектора общества «Знание», читающего лекцию о любви. Эта любовь может быть трех видов – любовь к Родине, любовь к Партии и любовь к женщине. Женщину, если останутся силы, можно любить и женщина будет доверять только тому, кто уже доказал любовь к первым двум реалиям жизни. В сталинском мобилизационном проекте Павел Корчагин не мог признаться в любви Рите Устинович, а Рита не могла отдать ему свою любовь, поскольку все кого она любила уже погибли. В слякоти хрущевской оттепели и в наступившей эпохе «потреблятельства» оказалось не до любви вообще, тогда радостно потребляющие личности утрачивающие какое-либо метафизическое ценностное измерение мира, топчущие все идеалы, которым поклонялись с великими жертвами их предки, небрежно говорили «недо-суг» и добавляли «не до них». Наступала новая интегративная репрессия сексуальности. В этой репрессии позднесоветским героем не нуждающимся ни в религии, ни в науке оказался явный импотент Бузыкин (в переводе с английского, очень занятой) из «Осеннего марафона», мечущийся между женщинами и произносящий свое последнее в фильме слово в ответ на вопрос Хансена «Андрей, ты готов?» – «Готов...». Мне могут возразить оптимистически и профанически, что спасением мужчины и его качественного секса сегодня становятся имеющиеся в большом ассортименте на рынке пфайцеровская «Виагра» и прочие чудесные «королевские корни» и «средства императора», но мы ответим, что это совсем другая история. Напомню, наша народная песня все же «про любовь». А любовь – это особое измерение жизни и состояние души, и только в последней инстанции это качественный секс.

Уилл Кимлика

ВЗЛЕТ И ПАДЕНИЕ МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА?

Уилл Кимлика
(Will Kymlicka)

профессор
Королевского
университета в
Кингстоне (Канада),
заведующий кафедрой
политической
философии

I. Введение

Проблемы этнического многообразия широко обсуждаются во всем мире в правовом и политическом поле. За последние 40 лет можно услышать множество мнений о «взлете и падении мультикультурализма». Действительно, это стало своего рода трендом — ссылаться на ученых, журналистов и политиков, которые в равной степени пытаются объяснить эволюцию современных дискуссий о культурном многообразии. У людей нет единого мнения о политике, которая придет на смену мультикультурализму, но есть удивительная уверенность, что они живут в эпоху пост-мультикультурализма.

В данном случае, такая уверенность не всегда отражает реальное положение дел. Поэтому необходим альтернативный взгляд на эту проблему. Очевидно, успешность внедрения мультикультурализма зависит от страны-участницы процесса, а также от уровня общественного признания данной политики. Мы должны принять во внимание эти факты, если хотим разработать более устойчивую модель мультикультурализма.

Данная статья оспаривает утверждение о смерти мультикультурализма по следующим причинам: 1) предпринятые эксперименты в мультикультурализме носили неверный характер 2) степень проблем мультикультурализма была преувеличена 3) была произведена неверная оцен-

ка реальных трудностей и ограничений, с которыми пришлось столкнуться.

Прежде чем решить, стоит ли радоваться или огорчаться «падению» мультикультурализма, мы должны знать, что такое мультикультурализм в теории и на практике, успешно ли он применяется, где данной политике удалось или не удалось достичь своих целей и при каких условиях она может процветать в будущем.

Взлет и падение мультикультурализма

С 1970-х до середины 1990-х годов, в западных демократиях не было проблем с политикой мультикультурализма (МКП) и правами меньшинств. Эти меры были одобрены как на национальном уровне в некоторых штатах, так и в международных организациях, которые отказались от прежних унитарных представлений об однородной государственности.

Однако с середины 1990-х годов происходит отказ от политики мультикультурализма и возрождение идеи государственного строительства через общие ценности и идентичности, унитарного гражданства — даже звучат призывы за «возвращение ассимиляции».

Это отказ частично обусловлен страхом среди большинства групп, что культурное разнообразие «зашло слишком далеко» и угрожает их образу жизни. Этот страх часто выражается в росте националистических и популистских правых политических движений, таких как Партия датского народа, отстаивающая идею «Дания на датском языке». Но это отступление отражает уверенность среди левоцентристов, что мультикультурализм не смог защитить права самих меньшинств, потому что не смог устранить основные источники их социальной, экономической и политической изоляции и, может быть, непреднамеренно способствовал их социальной изоляции. В результате, даже левоцентристские политические движения, изначально выступающие против мультикультурализма, такие как европейские социал-демократические партии,

поддержали его и перешли на такой тип дискурса, который подчеркивает важность «гражданской интеграции», «социальной сплоченности» и «общих ценностей».

Социал-демократический дискурс гражданской интеграции отличается от радикального правого дискурса тем, что подчеркивает необходимость борьбы с расизмом и дискриминацией и использования более широкой модели национальной идентичности, но, тем не менее, дистанцируется от риторики и политики мультикультурализма. Термин «мультикультурализм» часто служит символом этого нового подхода, который стремится преодолеть ограничения, избегая при этом гнетущего возрождения гомогенизации.

II. Что такое мультикультурализм?

А. Ложная модель

Значительная часть литературы эпохи пост-мультикультурализма характеризует мультикультурализм как торжество этнокультурного разнообразия и призывает граждан изучать весь спектр обычаев, традиций, музыки и кулинарных пристрастий, которые существуют в многонациональном обществе. Ясмин Алибхай-Браун называет такую характеристику «3S», по принципу модели мультикультурализма, существующей в Великобритании – сари, самосы и стальные барабаны.

Такой мультикультурализм вбирает в себя значимые культурные маркеры этнических групп (одежду, кухню, музыку) и рассматривает, какие из них могут быть сохранены членами традиционного общества, при этом не причиняя ущерб другим людям.

Под эгидой «3S» мультикультурализма люди учились в школе, выступали на фестивалях, в музеях, появлялись в средствах массовой информации и т.д. Однако, эта «праздничная» модель мультикультурализма была раскритикована по множеству пунктов:

- Модель игнорирует вопросы экономического и политического неравенства. Даже если все британцы захотят насладиться звуком ямайских барабанов или индийскими самосами, это не решит реальные проблемы Карибского бассейна

и южно-азиатской общины в Великобритании – проблемы безработицы, плохой успеваемости, жилищной сегрегации, плохого знания английского языка, и политической маргинализации. Эти экономические и политические проблемы не могут быть решены просто в рамках культурных различий.

- Содействие в глубоком понимании культурных различий и уникальных в своем роде культурных практик, может быть потенциально опасно. Во-первых, не все обычаи, которые традиционно практикуются в определенной группе, подходят или даже юридически допускаются в другой – например, принудительные браки. Во избежание розни, рекомендуется выбирать безопасные межкультурные темы – музыкальные или гастрономические, т.е. то, что может в равной степени удовлетворить потребности всех членов общества. Но в таком случае есть риск тривиализации культурных различий и игнорирования реальных проблем, которые могут быть вызваны такими различиями.

- В-третьих, 3S модель мультикультурализма может рассматриваться как концепция групп, герметичных либо статичных, каждая из которых опирается на свои традиции. Мультикультурализм поощряет людей обмениваться своими обычаями, но разговоры о том, что каждая группа имеет свой собственный, отличительный обычай, игнорируют процессы культурной адаптации, смешивания, тем самым укрепляя восприятие меньшинств как вечно «отсталых». Это, в свою очередь, может привести к укреплению предрассудков и стереотипов, и в целом поляризовать межэтнические отношения.

- В-четвертых, эта модель, в конечном счете, укрепляет власть неравенства и накладывает культурные ограничения на меньшинства. Государство обычно контактирует с традиционными элитами внутри группы (как правило, со старейшинами) на предмет того, какие традиции в их понимании являются «подлинными», и как правильно интерпретировать и внедрять их. Но при этом, игнорирует критику этих традиционных практик (и элит) внутренними реформаторами, которые имеют свою точку зрения на то как, скажем, «добрый мусульманин» должен действовать. Модель ограничивает возможность людей высказаться,

они не могут задавать вопросы или вступать в спор.

Согласно пост-мультикультуралистам, признание этих недостатков является средством отказа от мультикультурализма и сигналом для поиска новых моделей гражданского общества, которые обеспечивают:

1) политическое участие и экономические возможности в признании символической культурной политики, 2) Человеческие права и свободы по отношению к культурным традициям 3) создание всеобъемлющего национального тождества и признание культурной самобытности предков 4) изменение культуры и дальнейшую реализацию статических культурных различий.

Этот рассказ о взлете и падении 3S-мультикультурализма, несомненно, будет знаком многим читателям. Однако, на мой взгляд, он не совсем точный. Это не только карикатура на реальность мультикультурализма, которая разрабатывалась в течение последних 40 лет в западных демократиях, но еще и отвлечение от реальных проблем с которыми человечество может столкнуться.

3S модель отражает важность естественного человеческого желания упростить межэтнические различия, а также логику глобального капитализма, который стремится продать космополитичную культуру, но она не отражает характер мультикультурных правительств 1960-х, которые имели более сложные исторические и политические цели.

В. Мультикультурализм в определенном контексте

Важно рассматривать мультикультурализм в его историческом контексте. С одной стороны, он так же стар, как человечество – разные культуры всегда находили способы сосуществования и взаимного уважения. В качестве примера можно привести Османскую империю. Но мультикультурализм, переживающий «взлет и падение» – это более конкретный исторический феномен, возникший в западных демократиях 1960-х годов. Этот промежуток времени играет немаловажную роль, поскольку помогает нам противопоставить мультикультурализм по от-

ношению к более крупным социальным преобразованиям послевоенной эпохи.

В частности, мультикультурализм можно рассматривать как часть революции по правам человека, связанная с этническим и расовым разнообразием. До Второй мировой войны этнокультурное и религиозное многообразие на Западе характеризовалось рядом нелиберальных и недемократических отношений. Господствовали расистские идеологии, которые признавали превосходство одних народов и культур над другими.

Эти идеологии широко использовались во всем западном мире и опирались как на внутренние законы (касательно расово предвзятой иммиграции и политики в отношении гражданства), так и на законы во внешней политике (касательно иностранных колоний).

Однако, после Второй мировой войны мир отказался от фанатичных и убийственных гитлеровских идеологий. Организация Объединенных Наций решительно отказалась от них в пользу новой идеологии, предполагающую равенство рас и народов. Эта идеология породила ряд новых политических движений, целью которых было оспорить сомнительные достижения старых иерархий. Можно выделить три «волны» таких движений:

1) борьба за деколонизации, в период с 1948 года по 1965;

2) борьба против расовой сегрегации и дискриминации, по инициативе и на примере афроамериканского движения за гражданские права с 1955 по 1965;

3) борьба за мультикультурализм и права меньшинств, которая возникла в конце 1960-х.

Каждое из этих движений опирается на революцию права человека, и ее основополагающую идеологию равенства рас и народов, с целью оспорить наследованную ранее этническую и расовую иерархию. В самом деле, революция права человека играет двойную роль – это не только вдохновение для борьбы, но и ограничение на допустимые цели и средства этой борьбы. Поскольку исторически эта борьба с иерархиями направлена во имя равенства, то некоторые меньшинства должны пересмотреть свое отношение к правилу быть отчужденными и угнетенными (женщины, гомосексуалисты, люди смешанной расы, религиозные инакомыслящие и т. д.). Права человека,

и либерально-демократического конституционализма, как правило, имеют общие рамки, в которых эта борьба внимательно обсуждается.

Следовательно, каждое из этих движений вносит свой посильный вклад в процесс становления демократического гражданского общества — то есть, превращает ранее иерархические отношения в отношении либерально-демократической гражданской ответственности. Это влечет за собой преобразования как вертикальных отношений между меньшинствами и государством, так и горизонтальных связей между представителями различных групп.

В прошлом, часто предполагалось, что единственный способ участвовать в этом процессе становления гражданского общества — навязать единую недифференцированную модель гражданства для всех людей. Но идеи и политика мультикультурализма 1960-х годов исходили из того, что это сложная история неизбежно и надлежащим образом сформирует группу дифференцированных этнополитических требований. Ключ к гражданскому обществу лежит не через подавление этих дифференциальных претензий, он служит для их фильтрации через и сформулировать их в язык прав человека, гражданских свобод и демократической подотчетности. И это те действия, на которые направлен мультикультурализм.

В большинстве западных стран при явной поддержке государства прекратились дискриминации в отношении этнических, расовых или религиозных меньшинств. Это произошло в период с 1960 по 1970-х гг под влиянием второй волны борьбы за права человека. Тем не менее, этнические и расовые иерархии сохраняются во многих странах, будь то экономическое, политическое, социальное или культурное неравенство. Чтобы помочь преодолеть эти сохраняющиеся неравенства были разработаны различные формы мультикультурализма.

Основное внимание в этой работе акцентируется на мультикультурализме и на том, как эта политика относится к группам иммигрантов (постоянно проживающим). Но стоит отметить, что на борьбу за многокультурное гражданство также повлияло историческое меньшинство коренных народов.

С. Эволюция политик мультикультурализма

Для иммигрантов мультикультурализм является лишь одним аспектом большого «национального возрождения» по пути Западной демократии, в котором различные типы меньшинств боролись за новые формы поликультурного гражданства, которые объединяют как антидискриминационные меры, так и позитивные формы признания и жилья. Мультикультурного гражданства для иммигрантов, очевидно, не связаны с теми же типами претензий, как и для коренных народов и национальных меньшинств: группы иммигрантов как правило, не пытаются оспаривать право на землю, требовать статус территориальной автономии, или официальный статус языка. Что же это вещество поликультурного гражданства в отношении иммигрантов?

Индекс мультикультурализма политики — это попытка измерить эволюции МКП процессов в стандартном формате, который позволяет проводить сравнительные исследования. Данный индекс включает в себя следующие пункты:

- Конституционное, законодательное, парламентское утверждение мультикультурализма, на общегосударственном и/или региональном и муниципальном уровнях.
- Принятие мультикультурализма в школьную программу.
- Включение этнического представительства в СМИ.
- Свободу в выборе одежды.
- Возможность предоставления двойного гражданства.
- Финансирование организации этнических групп для поддержки культурной деятельности.
- Финансирование двуязычного образования или обучения на родном языке.
- Защита уязвимых групп иммигрантов.

Каждые из восьми вышеперечисленных показателей предназначены для измерения политики либерально-демократических государств, которые стоят перед выбором, следует ли принимать мультикультурное общество и разрабатывать мультикультурные формы гражданства в связи с многочисленными группами иммигрантов.

Конечно, политика мультикультурализма для иммигрантов по существу отличается от политики мультикультурализма для коренных народов или национальных меньшинств, ведь каждая политика была сформирована в качестве средства преодоления наследованной ранее иерархии, для того, чтобы помочь построить более справедливое демократическое общество.

Таким образом, мультикультурализм, в первую очередь, заинтересован в разработке новых моделей демократического гражданства, основанных на идеалах по правам человека, чтобы заменить ранее нецивилизованные и недемократические иерархические отношения. Цель мультикультурализма именно в строительстве новых общественных и политических отношений для преодоления глубоко укоренившегося неравенства, которое сохраняется после отмены формальной дискриминации.

Важно определить, какие из этих счетов более точно описывает западный опыт мультикультурализма. Прежде чем решить, стоит ли праздновать или оплакивать падение мультикультурализма, мы должны знать, что такое мультикультурализм вообще. Поэтому характеристика «3S» неверна по трем основным причинам.

Во-первых, утверждение о том, что мультикультурализм является в первую очередь символической культурной политики зависит от искажения фактической политикой. Неважно, обращаем ли мы внимание на коренные народы, национальные меньшинства, или иммигрантские группы, — главная цель МКП объединить экономические, политические, социальные и культурные ценности. Совершенно справедливо, что меньшинства обеспокоены оспорить историческую стигматизацию их культуры, иммигрант мультикультурализма также включает в себя политики, связанные с доступом к политическим властью и экономические возможности — например, политики позитивных действий, механизмы политической консультации, финансирование этнической самоорганизации, и облегчение доступа к гражданству. В отношении всех трех типов групп, задача МКП объединить культурное признание, экономического перераспределения, и участие в политической жизни.

Во-вторых, неуместны разговоры о том, что мультикультурализм игнорирует важность общегражданских прав человека. Напротив, мультикультурализм базируется на правах человека и руководствуется принципами либерально-демократического конституционализма. Его задачей является возврат к традиционной этнической и расовой иерархии, которая была дискредитирована послевоенными революциями по правам человека.

И действительно, это те вещи, которые мы сегодня видим во многих западных демократических странах. Везде, где мультикультурализм был принят, он был связан с возросшими нормами по правам человека и стал предметом либерально-демократического конституционного порядка. Ни одна западная демократия не освободила иммигрантские группы от конституционных норм в области прав человека и не допустила всеобщую криминализацию, принудительные браки и обрезание женских половых органов на своей территории.

А это, в свою очередь, указывает на ошибочность в утверждении, что мультикультурализм не способствует культурному изменению. Напротив, мультикультурализм гражданского общества является полностью преобразующим проектом, как для меньшинства и большинства. Такая политика предполагает, что и доминирующие и исторические подчиненные группы, должны выйти на иной уровень отношений и принять новые концепции дискурса, что, безусловно, глубоко повлияет на идентичность людей.

Однако стоит признать, что революция прав человека — это палка о двух концах. Она создает политическое пространство для этнокультурных групп, чтобы оспорить унаследованную ранее иерархию. Но также требует от данных групп выдвижения своих требований на довольно специфическом языке, а конкретно — на языке прав человека, гражданского либерализма и демократического конституционализма.

Это становится очевидно в случае с исторически доминирующей группой большинства в каждой стране, которая требует отказаться от расового превосходства, отказаться от претензий к исключительной собственности государства,

и отказаться от попыток навязать государственные учреждения исключительно в своих собственных (как правило, белый цвет кожи и христианство) интересах.

Для всех этих людей, мультикультурализм открывает новые возможности и вызовы. Эти меры обеспечивают точки доступа и правовые инструменты для недоминирующей группы оспорить свой статус. Но есть группы лиц, которые желают оспорить свое подчиненное положение по отношению к доминирующей группе, в то же время утверждая превосходство по сравнению с другими группами. Например, в Канаде восточноазиатские группировки любят говорить о своем угнетении, но при этом показывают гораздо более высокий уровень нетерпимости к коренным канадцам. Некоторые из высших каст мигрантов из Индии недовольны тем, что белые не принимают их так, как хотелось бы, но в то же время избегают контактов с низшей кастой иммигрантов из их родной страны. Некоторые мужчины из Северной Африки возражают против дискриминации на рынке труда, но в то же время отказывают женщинам в приеме на работу. Этот список можно продолжать до бесконечности.

III. Мультикультурализм на практике

Пока основной акцент в данной работе был сосредоточен на целях мультикультурализма. Но как МКП работает на практике? Успешно ли данная политика решает проблемы этнической и расовой иерархии и действительно создает более демократичное гражданское общество? Нужно сказать, что пока мы не имеем достаточно доказательств. Тем не менее, мы можем сослаться на некоторые интригующие результаты недавних исследований.

А. Канадская история успеха

Одно из немногочисленных исследований, пытающихся изолировать влияние МКП, было проведено Ирэн Блумрад (Irene Bloemraad) в 2006 году. Ирэн сравнила интеграцию вьетнамских иммигрантов в Бостоне и Торонто.

Интересной особенностью этого сравнения стало то, что эти две группы были схожи по своим характеристикам до прибытия – они иммигрирова-

ли в одно и то же время с примерно идентичным уровнем образования, знанием языка и финансовым обеспечением.

И все же вьетнамцы интегрировались в политическую сферу Торонто более эффективно, чем в Бостоне, и Блумрад утверждает, что канадский мультикультурализм стал главной причиной этого. Канадское правительство поощряло вьетнамское участие в политической жизни страны, а также обеспечило материально-техническую поддержку для самоорганизации и политической идентификации сообщества. Исследование Блумрад показало аналогичный результат и для португальцев. Вновь португальская община в Торонто показала более тесный уровень политической интеграции, в отличие от Бостона, несмотря на то, что иммигранты обладали аналогичными характеристиками до приезда.

Из вышеописанных событий можно сделать определенные выводы.

Канада стала первой западной страной, принявшей официальную политику мультикультурализма к иммигрантам, и она остается единственной страной, в которой понятие мультикультурализма закреплено в Конституции. Если МКП процессы и имеют какие-то недостатки, то они должны проявляться прежде всего в Канаде. Однако исследования показали иные результаты. Иммигранты в Канаде имеют больше шансов стать гражданами, голосовать и баллотироваться на выборах, получить работу в офисе, чем иммигранты из других западных демократий, отчасти потому, что избиратели в Канаде не дискриминируют таких кандидатов.

Несмотря на то, что успешная политика Канады в этой области получила широкое признание, скептики сомневаются, что мультикультурализм играет в ней существенную роль. Критики утверждают, что высокий уровень канадской интеграции объясняется другими факторами. При относительно открытом рынке труда в Канаду приезжает большое количество квалифицированных кадров (больше чем в другие страны). Иными словами, иммигранты приносят с собой более высокий уровень человеческого капитала и могут легко его использовать.

Принимая во внимание факт избирательной миграционной политики Канады, Блумрад утверждает в своем исследовании, что Торонто

более привлекательный город для вьетнамских иммигрантов, чем Бостон.

Заметна успешная политика Канады, направленная в первую очередь не на самых высококвалифицированных иммигрантов, которым, вероятно, хорошо живется там, где они родились. В этом отношении наиболее четко видна разница между Канадой и Соединенными Штатами.

Кроме того, ряд последних исследований помогли прояснить ту позитивную роль, которую МКП может играть в более широких процессах интеграции иммигрантов. Это исследование показывает, что МКП процессы работают на двух обширных уровнях: индивидуальной идентичности и институционального дизайна.

Во многих странах у граждан с сильным врожденным чувством национальной идентичности национальная гордость иммигрантов может рассматриваться как угроза. Но в Канаде, которая официально называет себя мультикультурной нацией, мультикультурализм служит источником общего национального самосознания и гордости за коренных граждан и иммигрантов. Исследования показывают, что вне мультикультурализма, национальная идентичность в скором времени может привести к нетерпимости и ксенофобии.

Канада, наверное, единственная из западных стран, где сила национальной идентичности положительно коррелирует с поддержкой иммиграции. И эту вещь трудно объяснить, кроме как отсылкой на мультикультурализм.

Установлено, что снижение социального капитала, этнического и расового разнообразия увеличивается в Соединенных Штатах, однако, подобной картины не наблюдается в Канаде, особенно среди молодого поколения, которые выросли под эгидой политики мультикультурализма.

Последнее международное исследование также подтвердило конструктивную роль, которую играет в мультикультурализм в оздоровливании отдельных процессов аккультурации.

Исследования также показали, что с точки зрения психологического благополучия и социально-культурных результатов иммигранты чувствуют себя лучше всего тогда, когда они в состоянии соединить свою этническую идентичность с национальной. Ученые часто называют это «ориентационной интеграцией». Стоит также

отметить, что члены иммигрантских меньшинств более склонны идентифицировать себя с определенной национальностью, если их этническая идентичность уважается обществом.

На институциональном уровне, мультикультурализм играет важную роль в регулировании общественных институтов. Например, Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) признала сравнительное преимущество Канады в обучении иммигрантов по сравнению с конкурентами.

Студенчество также отметило, что решающим фактором в достижении такого успеха было наличие конкретной политики в отношении вопросов культурного и языкового разнообразия в школах. Эти меры помогают объяснить, почему детям иммигрантов Канаде живется лучше, чем в других западных демократиях.

Аналогичным образом, было доказано, что мультикультурализм играет важную роль в принятии политических решений в Канаде. Как отмечает Блумрад в своем исследовании, МКП сыграла важную роль в создании более быстрых и эффективных учреждений вьетнамской общины. В частности, МКП поспособствовала ее самоорганизации:

- Среди руководителей общин появились новые кадры, знакомые с канадскими практиками и институтами.
- Появились механизмы консультирования.
- Были созданы более благоприятные условия.

В. Европейский опыт

Трудно сказать, может ли такой позитивный результат быть достигнут в других странах. Мы не располагаем множеством надежных межнациональных исследований, которые смогут доказать или опровергнуть это. Тем не менее, стоит отметить, что Блумрад пыталась оценить эффекты МКП на международном уровне, и ее недавнее исследование разнообразия в 19 странах показывает, что МКП процессы имеют положительное влияние на политическое участие и социальный капитал страны.

Даже если исключить Канаду из этого примера, МКП все равно будет иметь положительный образ социальной сплоченности. Результаты

поперечных национальных исследований показывают, что мультикультурализм оказывает положительное влияние на снижение агрессии и, следовательно, дети в странах с МКП лучше адаптированы психологически.

Следует подчеркнуть еще раз, как фрагментарное свидетельство: будущие исследования, несомненно, помогут лучше определиться с выводами. Даже если мультикультурализм показывает неплохие результаты на международном уровне, он все еще, возможно, оказывает негативное воздействие на отдельные страны по конкретным вопросам. Руд Купманс (Ruud Koormans) утверждал, что МКП в Нидерландах оказала негативное влияние на интеграцию иммигрантов в эту страну.

Это утверждение горячо оспаривается рядом голландских ученых, которые считают, что это Купманс обвиняет мультикультурализм в бедах, которые на самом деле полностью возникают из-за других политик (например, политического рынка труда).

Но даже если утверждение Купманса верно и МКП действительно имела порочный и непредсказуемый эффект в Нидерландах, межнациональные данные свидетельствуют о том, что это скорее отклонение от нормы, а не общая тенденция.

Вкратце можно отметить, что мультикультурализм возник на Западе как средство замены старых форм этнической и расовой иерархии новыми демократическими гражданскими отношениями и уже есть некоторые существенные, если не окончательные, доказательства того, что данная политика делает успехи в этом направлении.

IV. Отступление от мультикультурализма

Но возникает вопрос. Если множество претензий по поводу недостатков мультикультурализма в значительной степени ошибочны, то как объяснить падение мультикультурализма? Если мультикультурализм вдохновлен нормами прав человека и стремится к углублению отношений демократической гражданственности, и, если существуют некоторые доказательства того, что это работает, то почему не было такого отступления от него?

А. Риторика против реальности

Ответ заключается в том, что сообщения о смерти мультикультурализма преувеличены. Политический индекс мультикультурализма ранжирует численность иммигрантов в 21 странах ОЭСР в трех временных промежутках: 1980, 2000, и 2010 гг., а также отмечает четкую тенденцию к расширению межкультурного пространства в течение последних 30 лет, включая последние десять (см. Приложение 1). Есть несколько важных исключений: наблюдается значительное снижение численности в Нидерландах, и незначительное в Дании и Италии. Но за последние десятилетия также наблюдается укрепление МКП в ряде стран, включая Бельгию, Финляндию, Грецию, Ирландию, Норвегию, Португалию, Испанию и Швецию. В других странах, показатели увеличились незначительно или остались на прежнем уровне. В целом, отчет о мультикультурной политике в Европе является одной из скромных укреплений. В Приложении 1 указывается, средняя оценка для европейских стран выросло с 0,7 в 1980 году до 2,1 в 2000 и 3,1 в 2010 году. Другие независимые усилия для измерения численности МКП в Европе пришли к тому же выводу.

Это может удивить многих читателей, учитывая то обстоятельство, что разговоры о мультикультурности так непопулярны в политических кругах.

Но отступление действительно может быть больше вопросом из области разговоров, чем реальной политикой. Некоторые политики в Великобритании и Австралии, например, решили не использовать «m word» – заменяя его такими терминами, как разнообразие, плюрализм, межкультурный диалог, или сплоченность, – но эти изменения в формулировке не имеют обязательно пострадавших фактической политики и программ на местах. Выступая в Великобритании, Дерек Макги сказал, что «Во многом это отступление от открытой враждебности по отношению к мультикультурализму, а не отказ от принципов мультикультурализма в целом».

Эти данные также показывают, что такая риторика присутствует не только в странах, практи-

кующих активную мультикультурную стратегию. Заявление канцлера Ангелы Меркель о том, что политика мультикультурализма «провалилась» в Германии вызывает недоумение, так как не все методы в этой стране были опробованы в значительной мере. Официальная политика на национальном уровне была враждебна относительно институционального плюрализма, и мультикультурная инициатива появилась в основном в городах с большим количеством иммигрантов. Меркель использовала критику мультикультурализма как отвлекающий маневр, но Карен Шёнвельдер (Karen Schönwälder) считает, что она преследует исключительно политические цели: «Создавая мнимую картину мультикультурного прошлого, «консервативные политические лидеры» могут представить свою собственную политику как инновационную».

Без сомнения, существует много причин, почему политические лидеры Европы решили риторически изобразить себя противниками «отсталого» и «наивного» мультикультурализма и приверженцами «инновационного» и «реалистичного» подхода. Но нам не следует путать риторику и реальность, ведь индекс показывает, что отступление от мультикультурной риторики не соответствует любым сопоставимым отступлениям от мультикультурной политики.

В. Распространение гражданской интеграционной политики

На уровне государственной политики произошли изменения. Это не был полный отказ от МКП, скорее распространение определенных требований, которые были введены на различных этапах иммиграционного процесса – регистрация, вид на жительство и натурализация. Эти требования были реализованы через ряд испытаний, курсов и контрактных обязательств.

Сара Гудман разработала статистический показатель общественной политической интеграции в странах Европы (CIVIX), который претерпел значительные изменения с 1997 года, когда такая политика по большому счету отсутствовала, до 2009 года, когда данная политика была до-

статочно распространена (см. Приложение 2). По шкале CIVIX, средний показатель по 15 странам ЕС равнялся только 0,56 из 7,0 возможных в 1997 году, но вырос до 2,3 к 2009 году.

Итак, мы видим интересную тенденцию: незначительное укрепление МКП и более резкое увеличение иммиграционных требований. Сохранение МКП наряду с новыми гражданскими веяниями в интеграционной политике подразумевает, что они должны каким-то образом сосуществовать.

Интеграционная политика подчеркивает важность вовлечения иммигрантов в свою систему для создания нового общества и достижения ряда основных принципов, включая следующие:

- Ключевая роль занятости в интеграции.
- Уважение к основным либерально-демократическим ценностям, таким как свобода, демократия, права человека, равенство (например, гендерное) и верховенство закона.
- Знание языка, истории принимающего общества на базовом уровне.
- Необходимость борьбы с дискриминацией законов и политики.

Существует некоторое несоответствие между гражданской интеграцией и МКП. Безусловно, опыт неевропейских стран, таких как Канада и Австралия, подтверждает эту точку зрения. Обе страны давно осуществляют МКП и имеют надежную интеграционную почву для принятия иммигрантов.

Канадские чиновники акцентируют свое внимание на интеграционной политике, в том числе на той, которая часто встречается в европейских гражданских программах интеграции. Поддержка культурного многообразия, оказание помощи национальным меньшинствам в преодолении адаптационных барьеров, развитие межкультурного обмена стало первоначальной целью таких интеграционных программ в рамках мультикультурализма (принятого в 1971 году). Кроме того, федеральное и провинциальные правительства оказывают иммигрантам посильную помощь в обустройстве. Чтобы стать «полноправными участниками канадского общества» иммигранты учат один из двух официальных государственных

языков. Язык изучается как на базовом уровне, так и на более продвинутом, для тех групп иммигрантов, которые хотят значительно улучшить свои языковые навыки.

Помимо всего, Канада имеет давние традиции поощрения иммигрантов, которые интересуются историей, традициями и политическими институтами страны.

Люди, претендующие на канадское гражданство, должны сдать письменный тест, в котором будет оцениваться их способность говорить на английском или французском языке, знание канадской истории, географии, политических институтов и традиций. Канадская модель также имеет механизмы защиты либерально-демократических принципов и механизмы по борьбе с дискриминацией.

Таким образом, канадская власть сочетает в себе черты мультикультурализма и гражданской интеграции. Но эту связь повлияли два определяющих фактора. Во-первых, все интеграционные действия происходят, прежде всего, на добровольной основе. Во-вторых, обучение языку и помощь в интеграции предоставляется правительством бесплатно.

Австралийский случай тоже показывает совместимость МКП и гражданской интеграции: Австралия всегда подчеркивала важность изучения английского языка как национального и требовала уважения либеральных ценностей в качестве основных частей ее мультикультурализма. Джеймс Юпп, который сыграл ключевую роль в определении политики мультикультурализма в Австралии, утверждал, что мультикультурализм в Австралии «по существу – либеральная идеология, которая работает в либеральных учреждениях с всеобщего одобрения либеральных взглядов». Он признает, что все люди должны быть равны и разные культуры могут сосуществовать, если они принимают либеральные ценности.

Таким образом, две страны – давние сторонники МКП, которые всегда были сильны своей интеграционной политикой, сосредоточились на изучении национального языка и общих ценностей.

Полученные данные свидетельствуют, что никакой внутренней несовместимости между

мультикультурализмом и гражданской интеграцией нет. Тем не менее, мы должны принять во внимание тот факт, что не все формы гражданской интеграции совместимы с мультикультурализмом. Реальность такова, что гражданская интеграционная политика может сильно отличаться по форме и содержанию, а в некоторых случаях переход к ней будет означать неизбежный отказ от мультикультурализма.

С другой стороны, можно отметить, что переход к гражданской интеграционной политике является важным событием, но не стоит непременно связывать его с отказом от мультикультурализма. Интеграционная гражданская политика отлична от мультикультурализма по многим направлениям, в том числе в своем отношении к культурному разнообразию. В некоторых странах (например, в Дании, Германии и Австрии) приняты анти-мультикультурные формы гражданской интеграции – принуждение и ассимиляция. Но так как эти страны никогда не были приверженцами мультикультурализма, их новая политика вряд ли может рассматриваться как отказ от него. В отличие от них, страны с давней МКП (Швеция) приняли более добровольную и плюралистическую форму политической интеграции. И к такой модели поликультурной интеграции движутся другие страны – например, Финляндия. Учитывая данные отличия, преждевременно говорить, что гражданская интеграция влечет за собой отказ от мультикультурализма.

С нормативной точки зрения, сочетание благоприятной гражданской интеграции и мультикультурного проживания – лучший вариант, отвечающий либеральным ценностям свободы и справедливости. Такое сочетание является взаимовыгодным, дополняет и ограничивает друг друга.

Многие критики мультикультурализма признают, что мультикультурализм хорош в теории, но не всегда применим на практике. По словам Компанса «мы не можем предположить, что нормативно оправданные вещи будут эффективны на практике». Однако, следует отметить, что страны с хорошим уровнем гражданской интеграции и мультикультурализма показывают высокий уровень социальной сплоченности и доверия.

V. Заключение: Будущее мультикультурализма

Эта статья разрушает четыре главных мифа о мультикультурализме:

- Во-первых, она критикует «3s» модель мультикультурализма и предлагает определять мультикультурализм как стремление к новым демократическим и гражданским отношениям, опирающимся на права человека.

- Во-вторых, она опровергает утверждение, что мультикультурализм был в «подполье» все это время.

- В-третьих статья отрицает предположения о провале мультикультурализма, предлагая доказательства положительного влияния МКП на общество.

- В-четвертых, в статье оспаривается идея о том, что распространение гражданской интеграционной политики в состоянии заменить политику мультикультурализма.

В свете данных аргументов, мультикультурализм заслуживает самого пристального внимания высших чиновников в качестве инструмента построения гражданского общества. Тем не менее, стоит признать, что все еще существуют серьезные препятствия для построения мультикультурализма – далеко не все попытки принять новую модель мультикультурного гражданства были успешны. Нужно разрешить главный вопрос: почему в одних местах данная политика работает, а в других нет? В этой области требуется осторожность в принятии решений, т. к. удачные эксперименты не систематизированы и носят стихийный характер. Для того чтобы действия возымели положительный эффект, нужно опираться на исторический опыт.

Первая причина это «десекуритизация». Если государства чувствуют себя безопасно в геополитическом плане (держа в страхе соседние страны) вряд ли они будут справедливо относиться к своим собственным меньшинствам. Например, во время второй мировой войны итальянцы, датчане и бельгийцы опасались, что немецкоязычные меньшинства, проживающие на их территории, будут более лояльны к Германии, чем к своей стране.

Второй причиной является защита прав человека. Это касается безопасности тех людей, ко-

торые попадают под влияние самоуправляющихся меньшинств. Нужно понимать, что государство не допустит существование автономных меньшинств там, где это может привести к расколу. Хотя в последнее время существует все меньше опасений на этот счет. Никто не боится, что такие исторические меньшинства как шотландцы или каталонцы попытаются ограничить права человека во имя культурной аутентичности, религиозной ортодоксии или расовой чистоты. Однако беспокойство по поводу мусульман не утихает до сих пор, особенно в связи с их нежеланием интегрироваться в систему либерально-демократических норм.

Эти два фактора применимы ко всем формам мультикультурализма.

Несомненно, существует еще целый ряд факторов, изменяющихся в каждой конкретной стране (таможенный контроль, однородность или разнородность иммиграции, экономическая ситуация и т. д.), которые могут сформировать потенциал для мультикультурного гражданства. Несмотря на все разговоры о падении мультикультурализма, можно сказать, что данная политика, в общем и целом, имеет большое будущее. Принятие общественных ценностей и конституционных норм толерантности, провозглашение равенства и свободы личности, опирающиеся на права человека – это важные шаги в направлении мультикультурализма. Эти шаги объясняют текущую тенденцию к признанию прав национальных групп и коренных народов. Сегодня не существует надежной альтернативы мультикультурализму в контексте либеральной демократии и прав человека.

Ситуация в отношении групп иммигрантов остается более сложной. Нужно отметить, что без достойной поддержки со стороны государства, без взаимопонимания и уважения к иммигрантам можно в скором времени получить угнетенный народ, который будет находиться в постоянной оппозиции ко всему обществу.

Что касается прав меньшинств, либерально-демократических и человеческих прав, то в настоящее время они надежно защищены внутренними конституциями и международным законом.

В прошлом, защитники мультикультурализма осуждали политику расизма и ксенофобии

в пользу культурного разнообразия и межкультурного диалога. Это вполне обоснованно и логично, но им следует дополнить свои аргументы широким признанием пруденциальных нормативов и моральных рисков, с уточнением, каким образом

будут управляться данные риски. Более полное исследование на тему, как гражданская интеграционная политика может работать совместно с мультикультурализмом станет важным шагом в этом процессе.

Шурухин Б.

О ПЕРЕВОДЕ РАБОТЫ У. КИМЛИКИ

Уилл Кимлика (англ. *Will Kymlicka*) – канадский политический ученый, автор теории американского мультикультурализма и мультикультурного гражданства. Редактор ежеквартального электронного бюллетеня «Гражданство, демократия и этнокультурное многообразие», распространяемого на форуме королевы по философии и общественной политике. В настоящее время профессор Королевского университета в Кингстоне и заведующий кафедрой политической философии. Автор ряда работ, в том числе: «Иммиграция, мультикультурализм, и государство всеобщего благосостояния» (Этика по международным делам, Том 20, 3 Осень 2006); «Политики на местном языке: национализм, мультикультурализм, гражданство» (Oxford: Oxford University Press, 2001); «Найти наш путь: переосмысление этнокультурных отношений в Канаде» (Oxford: Oxford University Press, 1998); «Многокультурное гражданство: либеральная теория прав меньшинств» (Oxford: Oxford University Press, 1995); «Современная политическая философия: Введение» (Oxford: Oxford University Press, 1990/2001); «Либерализм, общество и культура» (Oxford: Oxford University Press, 1989/1991) (<http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1436394>).

Уилл Кимлика любезно согласился предоставить для перевода на русский язык его статью.

Thanks for your message, and for your interest in my work. Is there a specific article that you were hoping to translate into Russian? I'm attaching my CV, which has a full list of my publications. Were you planning to publish the translation in a journal? If

so, then you would need to get copyright permission. For some of the articles, I own the copyright, and so permission is no problem to arrange. But in other cases, the copyright is owned by the English-language publisher, and we would need to get their permission as well. If you let me know which article you are interested in, I could check on the copyright. Best wishes. Will.

Т.е.: Спасибо за ваше сообщение, и за интерес к моей работе. Есть ли конкретные статьи, которые вы бы хотели перевести на русский? Я прикрепил мое резюме, которое имеет полный список моих публикаций. Планируете ли вы издавать перевод в журнале? Если так, то вам нужно будет получить разрешение правообладателя. На некоторые статьи у меня есть авторские права, и поэтому получение разрешения для них не будет проблемой. Но в других случаях, авторское право принадлежит издателю, и мы должны получить их разрешение. Я могу проверить это, если вы скажете, какой именно статьей интересуетесь. С наилучшими пожеланиями, Уилл.

ТОПОГРАФИЯ ПУБЛИЧНОЙ СФЕРЫ: ПРАКТИКИ ПРОСТРАНСТВЕННОГО ОСВОЕНИЯ ГОРОДА ГРАЖДАНСКИМИ И ПОЛИТИЧЕСКИМИ АКТИВИСТАМИ

Семенов Андрей

кандидат политических наук, старший преподаватель
кафедры Новой истории и международных
отношений,
Институт гуманитарных наук, Тюменский
государственный университет

Социальные науки в последнее время подвергают значительному пересмотру фундаментальные основания научного поиска, которые меняют, в том числе, и язык социальных наук. Традиционный фокус на процессах, репрезентируемый в понятиях «эволюция», «модернизация», «демократизация» и прочие, смещается в сторону осмысления роли пространства и пространственного воображения в производстве социального. Процессы, которые, конечно же, остаются в центре изучения социального, оказываются пространственно распределенными: модернизация привязана к локальности посредством инфраструктур, культуры и институтов, миграция по определению обусловлена возможностями пространственной мобильности, даже внутри одних и тех же стран такой процесс как демократизация по-разному протекает в субнациональных единицах. Исследования в области культурной/ когнитивной географии демонстрируют, что пространство конструируется и воспроизводится в самых различных социальных практиках: от создания туристических маршрутов до формирования региональных и кросс-региональных идентичностей, от городского планирования до установки шлагбаумов в жилых комплексах, от политики обозначения улиц и публичных пространств до граффити. Большинство наблюдаемых социальных феноменов (особенно в развитых странах) вообще исключительно привязано к пространственному феномену города. Как отмечает Э. Сойа,

«Реструктуризацию национальных капитализмов, основанных на массовом производстве, массовом потреблении и социальном обеспечении, которая привела к послевоенному буму... следует понимать – больше, чем в какой-либо другой период в прошлом – как глубоко пространственный процесс» [1: 138]. Потому представляется важным изучение пространственных аспектов того или иного социального/ политического феномена.

Публичная сфера, не являясь популярным концептом в социальных науках, тем не менее, представляет особый интерес в этой перспективе. В классическом исследовании Ю. Хабермаса «Структурная трансформация публичной сферы» этот феномен уже привязан к определенным топам – кофе-хаусам в Лондоне, салонам в Париже и литературным кружкам в Берлине [2]. Именно в таких местах просвещенная аристократия, зарождающаяся буржуазная публика, литераторы и прочие представители свободных профессий собирались для обсуждения сначала литературных текстов, а потом – общественно-политических вопросов. Эти топы отличались относительной открытостью для общества раннего Модерна: попасть в салоны и кружки можно было благодаря образованию или заслугам, а не статусу. Обсуждение отличалось равенством сторон и апелляцией к рациональным аргументам. Таким образом, именно такие городские места способствовали формированию новой политической силы – общественного мнения, которое благодаря развитию печатной прессы преодолеvalo ограниченность изначального пространства и распространялось среди других общественных групп. В то же время теория Ю. Хабермаса изначально не содержала попытки качественной проработки пространственного измерения публичной сферы. Критики указывали, что «буржуазная публичная сфера» была далека от идеалов открытости

и равенства, женщины, рабочие и многие другие группы были исключены из нее. Более того, последние формировали альтернативные публичные пространства. Так, например, непривилегированные слои Лондона использовали Гайд-парк для проведения собраний и митингов, в дальнейшем он использовался как место предъявления позиции фактически всех политических партий и сил. Рабочие в XIX веке получили свои собственные инструменты трансляции общественного мнения.

Современные исследователи стараются избегать крайности идеализации нормативной теории публичной сферы. Ш. Эйзенштадт, Б. Виттрок и В. Шлюхтер написали несколько работ, посвященных идее «множественности» публичных сфер, их центр-периферийного устройства, подобного рода попытку предпринял А. Коллер из Центра по изучению публичной сферы Исследовательского совета по социальным наукам. Аргументы последнего состоят в том, что публичная сфера не тотальна, не является всепроникающей, но пространственно распределенной. Участники обсуждения имеют неравный доступ к повестке дня, средствам трансляции значений, сама публичная сфера может состоять из множества фрагментов, особенно в отсутствие единой публики.

В этой перспективе представляется актуальным анализ тенденций, равно как и причинно-следственных связей освоения городских пространств, в рамках которых в основном и происходит публичное обсуждение общественно значимых вопросов. Освоение пространства оказывается вписанным в разные логики: различные акторы, социальные группы и институты по-разному инструментализируют, воздействуют на городское пространство. Ю. Хабермас писал о доминировании административной и корпоративной логик, против экспансии которых на «жизненный мир» человека необходимо возвести «демократическую дамбу», таким образом, к этим двум можно добавить третью – логику «гражданскую». В рамках административной (бюрократической) логики пространственное освоение подчиняется императивам контроля (в том числе – контроля над границами). Отсюда возникает деление города на округа и прочие административные единицы, создание генерального

плана развития городов, а также контроль использования мест «общего пользования» – парков, садов, улиц и т. д. Логика капитала подчиняется императиву прибыли, в том числе за счет создания удобной инфраструктуры для ведения бизнеса: широких дорог и больших автостоянок, офисных комплексов и удобных развязок, что происходит в том числе за счет приватизации и «захвата» публичного пространства, его разметки специальными знаками и устройствами (шлагбаумы, ограды, пропускные пункты). Наконец, логика гражданских движений должна отличаться от предыдущих двух стремлением сделать городское пространство более открытым и доступным, местом сообщения граждан между собой по вопросам совместного управления городом.

Исследования городской среды в России с точки зрения пространства только начинаются появляться. Указывается на существенные изменения с советского периода и рубежа 1980–90-х гг. в области управления городами: спад общественной активности, отсутствие городского планирования и коррупция в органах местного самоуправления, которые приводят к проблемам с точечной застройкой и уничтожением мест отдыха и парковых зон, уничтожение памятников архитектуры, переименование улиц. Разрушение советской централизованной модели управления, а также возникновение основ капиталистической системы привело к появлению новых практик пространственного освоения города в рамках логики получения прибыли: рекламы в самых различных ее проявлениях, новаций (зачастую получающих неоднозначную оценку общественности и экспертов) в архитектурном облике, пробками и заторам на дорогах в связи с возросшей нагрузкой, появление торгово-развлекательных центров и иных частно-публичных «мест отдыха» городской буржуазии. Это не могла не отразиться на гражданских практиках: возникли контрстратегии движения против уплотнительной застройки и в защиту зеленых насаждений, широкое распространение получили граффити, в том числе политические, стали практиковаться перформансы и другие формы активности.

В свете такого подхода пространственное освоение городов постсоветской России может быть проанализировано в сравнительной пер-

спективе. Результаты многолетнего мониторинга общественно-политической активности горожан Тюмени позволяет сформулировать некоторые гипотезы и основания для такого анализа. Так, общий контекст территориального развития города за последние 10 лет задавался практически исключительно официальной властью: после прихода на пост губернатора С. Собянина в 2000 году, в город стало вкладываться значительно больше средств (в 2008 году доля трансфертов в бюджете г. Тюмени из регионального бюджета составила более 60%), в том числе в дороги и благоустройство территорий. В этой же логике и на фоне бурного экономического роста в стране и в регионе в частности власти активно помогали девелоперскому и строительному бизнесу в вопросах застройки и развития городской инфраструктуры. Однако административная логика в результате полностью игнорировала в своих действиях общественное мнение, что привело к появлению территориальных точек напряжения.

Одним из первых таких случаев стала вырубка зеленых насаждений на Текутьевском бульваре (перекресток улиц Республики и Холодильной) осенью 2004 года, в ответ на это гражданские активисты провели серию уличных вечеринок (street-party), которые собирали от 30 до 50 человек прямо на месте предполагаемой вырубки. Обширный и продолжительный конфликт развернулся в 2005 году вокруг вырубки березовой рощи в 5-м микрорайоне, на месте которого предполагалось строительство элитного жилого комплекса. Местные жители несколько раз блокировали работы, рисовали граффити, были зафиксированы стычки между рабочими и жителями. Последним активно помогали правозащитники, активисты анархистского движения, представители политических партий. В октябре 2007 года жители домов по ул. Ямской (60–70 человек) перекрыли улицу для движения машин в знак протеста против начала строительства элитных домов на месте детской площадки. В 2010–11 гг. развернулись конфликты вокруг уплотнительной застройки на улице Логунова и незаконного строительства гаражей на улице Коммунаров. Результаты противостояния в описанных случаях были разные: на Текутьевском кладбище удалось сохранить часть зеленых насаждений, отстоять березовую

рощу и детскую площадку на ул. Ямская не получилось, к ситуации на улице Логунова подключились депутаты областной Думы, но исход дела еще не решен, жители ул. Коммунаров выиграли дело в суде против застройщика.

Другой формой ретерриториализации города гражданскими и политическими активистами стала организация и участие в публичных акциях. Здесь можно отметить как традиционные (демонстрации, митинги, пикеты), так и нетрадиционные форматы (перформансы, шествия, флеш-мобы). Политические партии, как правило, являются основными инициаторами публичных акций. Так, коммунисты (КПРФ и РКРП) собираются от 30–40 до 400 человек (на первомайские демонстрации), ЛДПР мобилизует до 100–120 человек, «Справедливая Россия» – до 60, движение «Автономное Действие» – до 25–30, Greenhelpers – до 40. Самыми многочисленными гражданскими акциями, где политические партии были только соорганизаторами, стали: сход граждан города Тюмени против фальсификации результатов выборов 4 декабря 2011 года (10 декабря 2011, 1500–1700 человек), митинг против фальсификации результатов выборов (24 декабря 2011 года, 600–700 человек), митинг против «распила общественных денег» (20 октября 2010 года, 250–260 человек), митинг против слияния университетов (апрель 2004 года, около 300 человек). Примечательны места проведения акций: большинство проводится на Центральной площади («площадь Ленина»), где располагаются здания правительства и законодательного собрания области. Как правило, здесь проводят свои мероприятия коммунисты, а также профсоюзы, обмануты дольщики, здесь проводились выступления студентов против отмены транспортных льгот и введения комендантского часа в мае 2010 года. Символическое значение таких мероприятий заключается в обращении к власти, так как по сравнению с другими площадями это место не самое «проходное».

Интересно, что практики пространственного освоения в том числе манифестируют различия между политическими силами: так, с 2008 года первомайские демонстрации в Тюмени проходят в два этапа – сначала официальный – с «Единой Россией», «Справедливой Россией», ЛДПР и профсоюзами, шествие которых заканчивается

на Цветном бульваре, который был создан относительно недавно. Чуть позже выходят коммунисты и другие группы, не ассоциированные с властью (анархисты, протестные движения, с 2011 года – Совет инициативных групп и граждан), шествие которых заканчивается на Центральной площади. Тем самым в одной случае манифестируется «праздничный» характер первого шествия: Цветной бульвар политически никак не маркирован, является местом гуляний и развлечений, досуга. Собрание на Центральной площади носит совершенно другой, протестный, политический окрас – это оспаривание власти. Парадоксальным образом, «Единая Россия» оказывается хранителем традиций советского времени с ритуальным характером всех публичных мероприятий, тогда как КПРФ и РКРП, несмотря на свою советскую риторику, формируют новое пространство политической борьбы.

Другим примером использования пространства в качестве демаркационной линии является проведение городского митинга против «распила бюджетных средств» в октябре 2010 года, организованного общественностью при поддержке политических партий. Чтобы подчеркнуть политическую нейтральность мероприятия, организаторы предложили провести митинг у здания Тюменского драматического театра, тем самым подчеркнув, во-первых, обращенность к другим горожанам, в не власти, во-вторых, неангажированность, наконец, митинг был в непосредственной близости от главного символа «распила» – строительства подземного перехода через улицу Республики. Митинг собрал 220–250 человек, около 15 выступающих, включая перформансы.

Наконец, абсолютными новаторами в пространственном освоении остается движение анархистов «Автономное Действие», которое постоянно меняет свою тактику территориализации. Во-первых, в 2006–2008 годах анархисты активно использовали граффити для распространения своих лозунгов («Выйдем на улицу, вернем себе город», «Никакой власти никому!», «Хочу в Грецию!»). В 2009 году вместо участия в Первомайском шествии коммунистов АД организовали альтернативное шествие по улице 50 лет октября (12–15 анархистов), а затем «маевку» «Левее Ленина», в самом названии которой присутство-

вал пространственный аспект политического разделения: маевка проходила по левую сторону от памятника. Также АД проводили акции напротив «Центра по противодействию экстремизму», Площади борцов Революции (в формате уличной вечеринки). Похожую тактику применяет экологическая организация «Greenhelpers», которая также организует флеш-мобы в неожиданных местах, практикует шествия и т. д.

В то же время нельзя не отметить, что гражданские и политические активисты, осваивающие городское пространство – абсолютное меньшинство. На общем фоне использования торгово-развлекательных центров как мест отдыха, предпочтением личного автотранспорта общественному, практик огораживания и приватизации территорий, стратегии активистов лишь ненадолго приоткрывают городское пространство для всех. Логика обывателя состоит в исключении рисков и обеспечении собственной безопасности безотносительно издержек, связанных с комфортом других горожан (так, общественный транспорт экономичнее, экологичнее и безопаснее, но это противоречит установке горожан на статусность обладания автомобилем). Возросшая общественная активность за последний год может сделать это пространство более открытым. Но здесь, по верному замечанию Д. Харви, начинается диалектика: «Суть в том, что мы по одиночке и сообща в своей повседневной деятельности, предпринимая политические, интеллектуальные и экономические усилия, строим город. Все мы, так или иначе, архитекторы нашего городского будущего. <...> Но – и здесь возникает диалектика – город преобразует нас в городских условиях, которые мы не выбирали» [3: 82]. Вопрос заключается в том, найдется ли у гражданских активистов достаточно сил, воображения и ресурсов, чтобы возвести ту самую «демократическую дамбу» против сил бюрократии и капитала, в пространстве, где административная логика и логика прибыли безусловно доминируют.

Литература:

1. Сойа Э. Как писать о городе с точки зрения пространства. Логос, 2008, № 3.
2. Habermas J. The Structural Transformation of the Public Sphere. – Cambridge, MA: The MIT-press, 1991.
3. Дэвид Харви. Право на город. Логос, 2008, № 3.

Шакиров С.М.

ДИСКУРС ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКИ И ЕГО ТРАНСФОРМАЦИИ

Шакиров
Станислав
Маэлович

заведующий кафедрой
филологии Миасского
филиала Челябинского
государственного
университета, кандидат
филологических наук,
доцент.

Понятие дискурса универсально и поэтому используется в различных сферах гуманитарного знания. Применительно к литературной критике дискурс может быть определен как речевая практика, основанная на парадигме первичных речевых жанров (таких как похвала, насмешка, совет), предметной сферой которой являются тексты художественных произведений. Хотя субъект дискурса литературной критики *индивидуален* (это всегда конкретный критик, автор статьи, рецензии, обзора), можно говорить о том, что он одновременно является *групповым* (критик всегда связан с определенным литературным направлением) и *абстрактным* (критика как таковая, понимаемая как идеальный вид коммуникации). Рассмотрение трансформаций дискурса литературной критики имеет в виду *абстрактного* субъекта, так как предметом изучения становится не эволюция взглядов конкретного критика и не литературная полемика, связанная с социальной реальностью, традицией, авторитетами. В филологической традиции такой подход принято называть «теорией литературной критики» – по аналогии с «теорией литературы». Но если теория литературы имеет глубоко разработанную методологическую базу (историческая поэтика, теоретическая поэтика) и основательную научную традицию, то литературной критике «повезло» значительно меньше.

Русскую литературную критику традиционно рассматривают в *диахроническом* аспекте

(критика XVIII века, критика 1860-х годов, критика 1920-х и т. д.) [4]. Удобный с методической точки зрения, этот подход уравнивает различные критические парадигмы, делая их звеньями одной цепи. Не менее популярен *эстетический* аспект рассмотрения критики, соотносящий ее дискурс с конкретным литературным направлением (классицистическая, сентиментальная, романтическая, реалистическая критика) [7]. Все явления, которые не укладываются в историко-литературные рамки, выносятся в разделы «Профессиональная критика», «Писательская критика», «Эмпирическая критика». Наконец, возможен третий («персоналистский») подход, суть которого можно определить известным положением «*критика – это критики*» (С. Чупринин). И тогда появляются «Нормативно-жанровая критика М. В. Ломоносова», «Реформаторская литературная программа А. Н. Радищева», «Конкретно-эстетическая критика В. Г. Белинского», «Органическая критика А. А. Григорьева» и т. п. [10]. Разница подходов объясняется разным пониманием субъектов дискурса литературной критики. Диахронический подход смешивает группового и индивидуального субъекта. Взгляд на критику с позиций эстетики и истории литературы имеет дело только с групповым субъектом. Персоналистский подход имеет в виду исключительно индивидуального субъекта. Критика как *способ коммуникации* в современной науке рассмотрена недостаточно. Именно такой подход, на наш взгляд, может быть положен в основу теории литературной критики.

Критика возникает в эпоху эллинизма, когда культурные интересы в значительной мере занимают место политических и поэт оказывается в одном ряду с эпическим героем и историческим деятелем. Литературная тематика сначала появляется в античных эпитафиях. «Если для Эсхила подвиг Марафонского бойца несопоставим с сочинением трагедий, то для Каллимаха собственное поэтическое искусство, побеждающее зависть противников, равноценно воинским победам его

деда-стратега и потому достойно упоминания в надгробной надписи» [9. С. 149] Параллельно входит в употребление надпись, помещаемая в конце свитка. «Единственным содержанием этих эпиграмм будет литературная оценка, отмеченная печатью личного вкуса и свидетельствующая о литературных взглядах автора» [9. С. 150]. Затем эпиграмма утрачивает связь с реальным памятником и сближается с жанром короткой элегии, исполняемой на пиру. Элегичность стихотворений на литературные темы повлияет на формирование дискурса литературной критики.

В средневековой литературе элементы критического дискурса отмечаются в заглавиях произведений («Повесть полезна о...», «Повесть умильна о...» и т.п.). Задача заглавия – информировать читателя о содержании произведения, одновременно давая оценку этого содержания (Д.С. Лихачев). В средние века еще не было потребности в критической оценке, так как в литературе продолжалась «эйдетическая» эпоха с ее ориентацией на канон. Творчество, в средневековом понимании, есть «приобщение к божественному началу и противостояние хаосу, «держание» мира в состоянии гармонии». Канон – это эйдос произведения, «его идеальная порождающая и в то же время конкретно-чувственная модель» [2. С. 122]. Эйдосы можно трактовать как элементы будущего дискурса литературной критики.

Рост рефлексивности литературы, осознание индивидуально-авторского начала обусловили смену парадигмы художественности. От эйдетической поэтики литература приходит к поэтике «авторской модальности» (Н.Д. Тмарченко). В русской литературе эти процессы происходят во второй половине XVIII века. Русская критика начинается с попыток приспособить риторику к нуждам оценки и интерпретации текстов. Поэтому русская критика XVIII века имеет лингвистический характер: авторами критических разборов ведется настойчивый подсчет недочетов и ошибок в текстах литературных оппонентов. Отчасти это объясняется сравнительно небольшим количеством литературных произведений, а также несформированностью литературной субкультуры, включающей в себя в том числе и литературные журналы. Ситуация начинает меняться на рубеже XVIII–XIX веков. В литературной полемике место риторики занимает эстетика,

и это становится определяющим моментом для формирования дискурса литературной критики.

Цивилизационные процессы XX века изменили статус литературы в культуре. Менялась идеология, менялись условия функционирования словесности в обществе, менялись способы литературной коммуникации. Эти процессы осознавались литературной критикой на протяжении двух столетий. В XX веке начинаются трансформации дискурса литературной критики. Мы выделяем две из них – утопическую и дистопическую. Под «дистопией» мы понимаем модус эстетического сознания, равно отрицающий утопию и антиутопию. С одной стороны, дистопию можно понимать как состояние тотального разочарования: «дистопические сюжеты в литературе становятся распространенными в эпохи, когда в обществе утверждается мысль, что существующая ситуация утвердилась надолго и имеет явную тенденцию лишь ухудшаться в будущем, а людей не покидает ощущение отчуждения от участия в истории» [12]. С другой стороны, именно дистопия (как «фабрика антиутопий») предлагает более трезвый взгляд, намечая пути возможного обновления культурных парадигм.

Главной причиной формирования утопического дискурса литературной критики стал русский литературоцентризм. Литература всегда занимала в русской культуре центральное место, оказывая значительное влияние на общество. Высокий статус словесности придала литературная критика, появившаяся в первой трети XVIII века. Критика сразу взялась за решение общенациональных задач – нормализации литературного языка, определения понятий эстетики, национального самоопределения литературы. Тредиаковский, Ломоносов, Сумароков и другие критики XVIII века утвердили государственное положение литературы. Так начинается эпоха литературоцентризма – важнейшего феномена русской культуры. Конечно, культурно-исторический процесс в России всегда был связан с жизнью литературы. Уже в Древней Руси литература взяла на себя функции исторического летописания. Это свойство – одновременно выполнять различные культурные функции – и есть основа литературоцентризма. Эта функция особенно востребована в несвободном обществе (об этом размышлял А.И. Герцен), однако литература по своей природе

обладает значительно большими возможностями художественной передачи философских, социальных, политических идей, чем любая другая форма идеологии. Усиливает влияние литературы в России русская ментальность, связанная с потребностью публичного говорения, потребностью слова. Так что не только социально-политические, но и субстанциональные свойства русской литературы, многократно усиленные рефлексией критики, определили ее центральное положение в культуре. Журналистика, гуманитарная мысль развиваются под влиянием русской классики XIX века. Литература обретает учительский статус. Книги русских писателей, благодаря усилиям критики, сохраняют это качество на протяжении столетия. Благодаря критике формируется корпус русской классики, закладываются основы для формирования утопического дискурса литературной критики.

Одновременно с канонизацией писателей и произведений, литературная критика XIX века стремится стать выше литературы, использовать литературу в качестве источника актуальных общественных идей, игнорируя ее эстетическую сущность. Во второй половине XIX века происходит рождение «критикоцентризма» (И. Кондаков) [5. С. 25]. Наряду с великими писателями, властителями дум, появляются великие критики, претендующие на роль духовных вождей. Чернышевский, Добролюбов, Писарев, Зайцев внушают своим читателям, что критик выше художника вследствие широты кругозора, что писатель «не понял» актуальных общественных людей, что главное в произведении не то, что «сказано», а что «сказалось». Момент появления реальной критики можно считать начальной точкой формирования дистопического дискурса критики. Статус литературы в сознании критиков по-прежнему высок, однако интересы «дела» заставляют отрицать этот статус. Возникает противоречие, которое осознается критикой на рубеже XIX–XX веков. Появляются «критики критиков». В книгах А. Волынского, Ю. Айхенвальда начинают звучать ноты отрицания реальной критики: Белинский, Добролюбов и Писарев ведут своих читателей к духовному рабству, утверждал Волынский. Однако читатели и сами критики в своем большинстве не разделяли этих взглядов. Не удивительно поэтому, что неприятие обществом «раскольнических» книг «Русские

критики» и «Силуэты русских писателей» стало причиной ухода А. Волынского, и Ю. Айхенвальда из сферы литературы и критики.

Из соратницы критика превращается в соперницу литературы. Укреплению власти литературной критики способствовала ее связь с журналистикой, позволяющая обращаться к любой сфере – от политики до естествознания. Понятно, что такого рода борьба не могла привести к победе ни одну из сторон конфликта. Литература вынуждена сделать уступку критике, но ее позиции как центрального феномена культуры по-прежнему остаются незыблемыми. В известном споре Достоевского с Добролюбовым аргументы писателя выглядят убедительней аргументов критика. Высокая оценка Добролюбовым рассказов Марко Вовчка свидетельствует, по мнению Достоевского, не только об отсутствии эстетического вкуса у критика, но и о незнании реальной действительности. Несмотря на то, что голос Достоевского не был услышан современниками, его суждения подтверждают незыблемость позиций литературы. В глубинном осмыслении реальности литература идет дальше критики.

Новое испытание русского литературоцентризма происходит в период Серебряного века. В борьбу с литературой включаются невербальные виды искусства – изобразительное, музыкальное, театральное-зрелищное, кинематографическое. Литература начинает развиваться с оглядкой на эстетический опыт других искусств. Особенно отчетливо этот процесс прослеживается в поэзии. Показательны «музыкальные» заглавия произведений русских символистов. Первый сборник А. Белого назывался «Симфонии». Названия циклов стихов А. Блока связаны с музыкой («Арфы и скрипки»). Стихи К. Бальмонта музыкальны по своему построению. Поэты стремятся использовать «музыкальность» для выражения «невыразимого» в словах. Смысл стал выражаться невербальными средствами. Тенденция сближения искусства с музыкой затронула все поэтические направления Серебряного века – символизм, акмеизм и футуризм. Причем футуристы пошли дальше всех: из музыкальных диссонансов рождается «заумная» поэзия. Привычный смысл, фиксируемый вербально, разрушается. Аналогичный процесс происходит и в живописи. Во времена футуристов возникает беспредметное изобразительное

искусство. Практически невозможно определить, изобразительное искусство диктовало ли свои правила поэзии или поэты вдохновляли художников. Аналогичные процессы происходят в театрально-зрелищном искусстве и в музыке.

Критика начала XX века не сразу смогла адекватно интерпретировать произошедшие изменения. Литература «переиграла» свою соперницу, вновь вернув себе центральное место в культуре. Миссию критиков берут на себя поэты. В критических разборах В. Брюсова, Вяч. Иванова, М. Волошина, искусство интерпретации текста достигает невиданных доселе вершин. Поэты-критики чутко улавливают интертекстуальные связи, адекватно описывают культурный контекст разбираемых произведений, совершенствуют аргументацию. Книги «Далекie и близкие», «Кормчие звезды», «Лики творчества» закладывают отечественную филологическую традицию интерпретации текста. Так у критики (в традиционном понимании) появляется еще один соперник – филология. Это, в свою очередь, приводит к усилению дистопического дискурса литературной критики. Все отчетливее начинает звучать идея «конца литературы». Газетный критик К. Чуковский видит главную опасность в засилии массовой литературы. Марксист В. Воровский провозглашает главной причиной «литературного мародерства» наступившую после революции 1905 года реакцию. В критических выступлениях М. Горького главным врагом литературы объявляется декадентское искусство. Общим мотивом для подобного рода высказываний является ощущение идейной пустоты, «короткомыслия» (К. Чуковский). Именно в этой атмосфере появляются книги В. Розанова, в которых мысль о «конце литературы» становится центральной. Формируется дистопический дискурс литературной критики.

И «конец литературы» наступает. Политизация и идеологизация литературной критики в советский период дают ей реальную власть над литературой. Концепция социалистического реализма формирует утопический идеал новой литературы и окончательно сближает «искусство» с «действительностью», делая эти понятия тождественными. Это приводит к кризису и литературу, и стоящую над ней литературную критику. Ждановские постановления конца 1940-х годов становятся закономерным итогом этого

кризиса. Не случайно именно в это время происходит вторичная канонизация критики «революционных демократов»: выходят академические собрания сочинений Белинского, Чернышевского, Добролюбова, Писарева. Фактически это стало признанием поражения партийной критики. Избавляться от последствий этого кризиса литература и критика будут на протяжении нескольких десятилетий.

Разговоры об «искренности в литературе», с которых началась оттепель, на какое-то время примиряют литературу и критику. Однако с 1960-х годов начинается агрессивный натиск аудиовизуальной и медиакультуры. Кино, радио, телевидение вытесняют литературу и критику из культурной повседневности. Чтение постепенно перестает быть насущной потребностью, превращаясь в функцию образования. Самыми активными читателями остаются школьники и студенты гуманитарных специальностей. Тексты классических статей критиков трансформируются в пособия по написанию школьных сочинений. Кроме того, в 1970-е годы появляется реальная альтернатива советской литературе – за рубежом публикуются произведения Шаламова, Солженицына, Домбровского, появляется самиздат и потаенная литература, доступными становятся постмодернистские тексты современных западных писателей. Все эти явления, с одной стороны, свидетельствуют об усилении власти литературы в культуре, с другой, стремительное расширение литературного космоса вызвало ощущение избыточности текстов. Времени для освоения и включения их в культурный контекст катастрофически не хватало. Кроме того, в самой критике начинаются процессы, осложняющие ее развитие. В 1970-е годы в критике происходит «тихий переворот», усиливший неопочвеннические тенденции. В статьях и книгах В. Кожина, В. Чалмаева, Ю. Лощица была произведена переоценка национальных истоков и перспектив развития русской литературы, выстроена «своеобразная мифология народной жизни, цельной и органичной, недоступной рациональному осознанию» [3. С. 270]. В 1970-е годы появляется ряд книг, изданных в серии ЖЗЛ, авторы которых осуществили переоценку сложившихся в истории литературных репутаций. «Неопочвенниками» были пересмотрены канонические представления о героях русской классики, выраженные в статьях

Белинского, Чернышевского и Добролюбова. Наиболее показательной является ревизия образа Обломова, осуществленная в книге Ю. Лощица «Гончаров» (1977). Отрицая добролюбовскую интерпретацию, Лощиц опирался на статью А. Дружинина «Обломов. Роман И. А. Гончарова» (1859), неизвестную в 1970-е (собрание критических статей Дружинина будет опубликовано в конце 1980-х). Эстетическая концепция, отвергнутая столетие назад, становится идейной доминантой поздней советской культуры. Неожиданную поддержку эти тенденции получают в кинематографе. Фильм «Несколько дней из жизни Ильи Ильича Обломова» (1979) снят «по-дружинински», а не «по-добролюбовски». Однако «неопочвенной» критике 1970-х годов не удалось закрепить отвоеванные у литературы позиции. Социально-культурные процессы 1980–1990-х годов оттесняют представителей этого течения на периферию литературного процесса, способствуя в дальнейшем усилению дистопического дискурса.

На рубеже 1980-х – 1990-х годов власть литературы была абсолютна. Тиражи литературных журналов стали сопоставимы с тиражами многих газет. Не иссякал поток публикуемых текстов – «возвращенная», «задержанная», «потаенная» литература, «тамиздат», «самиздат»... Снятие цензурных ограничений, коммерциализация и децентрализация издательского дела многократно усилили ощущение хаотичности всего происходящего. Опыренная таким богатством текстов критика не успевает не только интерпретировать их, – у нее нет возможности просто обозреть это бескрайнее море. Кроме того, критика не была готова методологически, чтобы оценить это многообразие. Примером может служить неадекватное восприятие первого опубликованного в России романа В. Набокова «Защита Лужина». Политическая неангажированность и эстетическая новизна текста поставили в тупик большинство критиков. Часть функций критики в начале 90-х вынужденно берет на себя библиография. Рубрики «В несколько строк», «Книжный угол», «В мире журналов и книг» компенсируют недостаток критической аналитики. В результате критическое суждение редуцировалось до информирующей констатации. Это становится предпосылкой того, что на первый план выходит филология. Материалы научных конференций, статьи в филологических

журналах становятся интереснее критических статей. Филология забирает у критики самые горячие темы – постмодернизм, массовую литературу, актуальное прочтение классики. Это ведет к усилению дистопического дискурса в критике. Разговоры о «конце литературы» возобновляются с новой силой. Этот негативный смысл выносятся в заголовки критических статей. Постмодернизм – «Проплаченная культура» (П. Басинский) [1], массовая литература – «Несчастный случай для одинокой домохозяйки» (М. Кронгауз) [6], «Ваши классики – уроды и кретины...» (А. Латынина) [8]. Эти кричащие заголовки свидетельствуют не только о растерянности критики. Сама литература оказывается в кризисной ситуации.

В 1990-е годы общество отказалось от централизованно навязанных эстетических канонов. Власть классической литературы перестала быть абсолютной. Произошло резкое расширение книжного ассортимента. О своих правах на власть заявила беллетристика. Развлекательная функция литературы потеснила эстетическую. Это привело к падению качества произведений массовой литературы, так как развлекательное начало активизирует наиболее примитивные особенности текстов – низшие инстинкты и сексуальность. Однако литературе удалось преодолеть противоречие между «массовым» и «элитарным». Появились интеллектуальные «ретро-детективы» Л. Юзефовича и Б. Акунина. Романы М. Шишкина, повести А. Геласимова и З. Прилепина продемонстрировали условность эстетических границ между «литературой» и «беллетристикой». Успех «высоколобой» постмодернистской прозы Сорокина, Пелевина, Пепперштейна окончательно снял возникшие было противоречия между «высоким» и «низким» в современной литературе. И произошло это без какой-либо поддержки критики. Скорее, наоборот, критика описывала «проектность» произведений Акунина, «слащавость» Геласимова, а негативная оценка творчества Пелевина стала основой формирования имиджа многих критиков. Там, где критика видела провал, провокацию или профанацию, литература находила новые точки опоры и новые источники творческого вдохновения.

Более серьезные последствия имеет второй кризис современной литературы. Книга перестает быть «интесификатором общения» (К. Фрумкин) [11]. Массовая литература известна

всем, но никому не нравится, следовательно, никого не объединяет и не способствует коммуникации. Высокая словесность служит раздроблению, а не объединению. Общей для всех элитарной литературы не может быть. «В обществе, свободном от централизованно навязываемых пристрастий эстетическая и социально-коммуникативная функция литературы начинают работать в противофазе» [Фрумкин]. Утрата литературой «объединительной» функции неизбежно ведет к падению авторитета литературы. К. Фрумкин прав, утверждая, что в реальности человек вступает в коммуникацию с группами, сформировавшимися без учета эстетических пристрастий их участников. «Книга в таких группах не может поддерживать сплоченность». Пессимистическое суждение критика точно характеризует складывающуюся на наших глазах ситуацию. Преодолеть этот кризис в одиночку литература не сможет. Нужны совместные усилия филологии и критики.

Есть еще одна серьезнейшая проблема современной литературы, с которой она столкнулась на рубеже веков. Литература утрачивает познавательные качества. Писатели перестают быть экспертами. Сейчас точка зрения писателя немногим отличается от точки зрения читателя, потому что информационные возможности писателей «не выходят за границы информационных возможностей обыденного опыта среднего человека» [11]. Иначе говоря, современным писателям нечего сказать «среднему человеку», книга перестает быть источником познания, «учебником жизни». Эта ситуация становится основой определенной художественной стратегии. Например, в произведениях Е. Гришковца «уникальное» заменяется на «идентичное».

До середины XX века русские писатели выступали в роли мыслителей (политических, религиозных, моральных), так как обладали уникальным жизненным опытом, широким кругозором, умом. Теперь ситуация иная. Достижения филологии, философии, психологии, социологии, политологии и других наук в значительной степени стали достоянием массы. В обществе сформировались самостоятельные экспертные институты, поддерживаемые в том числе современными информационными технологиями. Ответы на вопросы современный человек скорее будет искать

в Интернете, чем в книге. Литература перестает транслировать универсальные смыслы. Врагом литературы выступает не тотальное бескультурье, а особая прагматическая культура. Зачем тратить время на то, что не несет полезной информации? Ответа на этот вопрос ни филология, ни критика, ни сама литература предложить еще не могут. А это означает, что разговоры о «смерти литературы» выходят на совершенно иной уровень, усиливая дистопический дискурс современной литературной критики. Постоянно находиться в этой точке тотального отрицания ни литература, ни критика не могут. Возможным выходом из этого противоречия, на наш взгляд, может явиться усиление рационализма критики, отказ от неоднозначных интерпретаций. А это может привести к актуализации нормативной классицистической парадигмы.

Литература:

1. Басинский, П. Проплаченная культура [Текст] / П. Басинский // Октябрь. – 1999. – № 2. – С. 188–190.
2. Бройтман, С.Н. Историческая поэтика [Текст] / С.Н. Бройтман. – М.: Академия, 2004.
3. Голубков, М.М. История русской литературной критики XX века (1920–1990-е годы): учеб. пособие [Текст] / М.М. Голубков. – М.: Академия, 2008.
4. История русской литературной критики: Учеб. для вузов [Текст] / В.В. Прозоров, О.О. Милованова, Е.Г. Елина и др.; Под ред. В.В. Прозорова. – М.: Высш. шк., 2002.
5. Кондаков, И. По ту сторону слова (Кризис литературоцентризма в России XX–XXI веков) [Текст] / И. Кондаков // Вопросы литературы. 2008. № 5. С. 5–44.
6. Кронгауз, М. Несчастный случай для одинокой домохозяйки [Текст] / М. Кронгауз // Новый мир. 2005. № 1. С. 137–147.
7. Крупчанов, Л.М. История русской литературной критики XIX века: Учеб. Пособие [Текст] / Л.М. Крупчанов. – М.: Высш. шк., 2005.
8. Латынина, А. Ваши классики – уроды и кретины, – объясняет нам Маруся Климова [Текст] / А. Латынина // Новый мир. 2005. – № 4. – С. 150–157.
9. Мальчукова, Т.Г. Литературная критика в древнегреческой эпиграмме // Филология как наука и творчество [Текст] / Т.Г. Мальчукова. – Петрозаводск: Изд-во ПГУ, 2011.
10. Недзвецкий, В. А., Зыкова, Г.В. Русская литературная критика XVIII–XIX веков: Курс лекций [Текст] / В.А. Недзвецкий, Г.В. Зыкова. – М.: Аспект Пресс, 2008.
11. Фрумкин, К. Три кризиса художественной литературы [Текст] / К. Фрумкин // Нева. – 2009. – № 4.
12. Чанцев, А. Фабрика антиутопий: Дистопический дискурс в российской литературе середины 2000-х [Текст] / А. Чанцев // Новое литературное обозрение. – 2007. – № 86.

ГРАЖДАНСКОЕ ВОСПИТАНИЕ: ИСТОРИКО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ

**Аманова
Ляля Мугалимовна**

научный сотрудник
Южно-Уральского
государственного
университета, г.
Челябинск

E-mail: L.M.Amanova@
mail.ru

Гражданское воспитание, с одной стороны, является компонентом общего образования (согласно закону РФ «Об образовании» образование – это процесс обучения и воспитания подрастающего поколения), а с другой – частью политической социализации личности, так как отражает особенности взаимодействия и взаимовлияния личности и общества. О роли и значении гражданского воспитания сегодня можно судить по общеизвестному факту: в экономически успешных странах гражданское воспитание является прерогативой национальной политики. Почетный генеральный инспектор Министерства образования Франции R. Torraile в статье «Республиканское гражданское воспитание в XXI веке» пишет: «Гражданское воспитание имеет целью воспитание граждан, и более того, граждан настоящего демократического государства. И для этого необходимо, в общеобразовательной перспективе, научить их тому, что есть демократические ценности. Этими фундаментальными ценностями являются, в частности, права человека в самом широком смысле слова согласно определению, принятому ООН, а также свобода, терпимость, уважение личности другого человека, долг, закон. К этим фундаментальным ценностям демократического государства следует добавить знания о государстве и законе» [1].

Россия сегодня находится на начальном этапе строительства демократического государства.

От того, что понимают те, кто произносит слова «демократия», «легитимность», «суверенитет», «гражданское воспитание» и те, кто их услышал, зависит созидание новых политических отношений между людьми. Доктор политических наук М.В. Ильин отмечает: «Понятия становятся местом соединения смыслов и порождения новых... Если, путем труда, науки и искусства мы оказываемся в состоянии освоить их... то можно рассчитывать на успех или, по крайней мере, осмысленность наших политических усилий» [2].

Понятие «гражданское воспитание» в русском языке является заимствованным из философских трудов эпохи Просвещения в Западной Европе XVIII века и прежде всего французского Просвещения. Чтобы «расшифровать» содержательное наполнение данного понятия, необходимо проанализировать исторический путь его развития.

Понятия «государство» и «гражданин» возникли в философии практически одновременно. Греческий гражданин (polites) в большинстве источников определяется как житель полиса, обладающий определенной совокупностью прав и обязанностей публичного и частного характера в соответствии с греческими и римскими законами [3]. Платон считал, что обучение и воспитание даются людям (свободнорожденным имущим представителям греческой нации) для их эффективного использования в соответствии с потребностями государства. Аристотель отмечал, что потребности и благополучие государства могут и должны превалировать над правами личности – хороший гражданин не только требует от государства защиты своих личных прав, но и желает внести свой вклад в общественное благополучие. На этапе становления государственности Древней Греции стратегия воспитания гражданина-воина, обладающего воинской доблестью, мужеством, способным побеждать внешних врагов и переносить с достоинством тяготы и превратности судьбы, что отражено в рассуждениях Героклита, в поэмах «Иллиада» и «Одиссея» Гомера. В период афинской

демократии большое значение придается свободному развитию личности, и новой стратегией гражданского воспитания становится воспитание гражданина-мудреца (по Сократу: «частный человек, мудрец, в отличие от невежественного гражданина и безнравственного государственного мужа, обладает большей доблестью, справедливостью, нравственностью, а это имеет для чести города большее значение» [4]).

В период греческой античности рождается сущность гражданского воспитания как функции политической системы (*politeia*) по сохранению политического целого и формированию политического индивида. «Ни власти, ни подвластные не могут претендовать на безусловный приоритет, так как «первичны» в равной мере и взаимообуславливают друг друга» [5].

Уже на заре римской истории греческая образованность почиталась как эталон, но вместе с тем римская система воспитания (для свободнорожденных и привилегированных) носила более практическую направленность при сохранении заметной роли семейного воспитания (Цицерон, Сенека, Плутарх, Квинтилиан). Квинтилиан целью воспитания рассматривал наилучшую подготовку к исполнению гражданских обязанностей, а вершиной образования считал овладение искусством оратора [6].

Исходное римское понимание политической системы концептуализировалось как *республика*, то есть дословно *общее благо* или *дело* (*res publica*). М.В. Ильин отмечает, что словопонятие *республика* было римской версией *политии* с особым акцентом на ее вещный и публичный характер; оформилась оппозиция разномасштабных явлений: целостного, интегрального республиканского правления и частичного (и частного) монархического правления. Такая оппозиция обуславливала признание монархии естественной частью республики. Были сформированы две концепции республики как смешанного правления: одна заключалась в том, что сложное устройство республики должно содействовать тому, чтобы позволить доблести и другим республиканским добродетелям в полной мере служить политическому сообществу; другая состояла в том, что республиканские институты должны нейтрализовать человеческие пороки и сделать действия людей необходимо полезными для политического сообщества [7]. Сущность граж-

данского воспитания в римский период античности не меняется.

В эпоху раннего Средневековья в трудах Августина Блаженного описывается существование двух градов: земного и небесного. В земном граде действует языческое греко-римское право, а с ней и все особенности гражданского воспитания в республиканской политической системе. Град Божий – бесконечный, вечный, где действует принцип любви, который является основой отношений между христианами. Град земной – временное образование, но истинный христианин должен себя готовить к служению в граде Божьем, самосовершенствоваться духовно, поэтому основная часть населения получала религиозное воспитание, провозглашающее терпимое отношение к власти. На протяжении всего Средневековья содержание гражданского воспитания для элиты реализуется через домашнее воспитание рыцарей в странах Западной Европы, где большое значение придается физическому воспитанию и нравственному совершенствованию подрастающего поколения. В средневековой Азии полноценное гражданское воспитание могли получить дети дворян по желанию. Что касается системы воспитания в Византийской империи, которая вплоть до XIV века оставалась наследницей греко-римской образованности, то содержание гражданского воспитания напоминало афинский вариант с опорой на нравственно-религиозный компонент, и к системе образования допускались представители среднего сословия – дети богатых ремесленников и торговцев.

Эпоха Возрождения, Просвещения, а затем и Новое время существенным образом изменили содержание гражданского воспитания. Основным идейным течением эпохи Возрождения стал гуманизм, провозглашавший природное равенство людей, но неравенство природных способностей, гармоничное единство души и тела (гуманистический антропоцентризм), и другой подход – «человека возвышают знания». Целью гражданского воспитания в гуманистическом антропоцентризме являются формирование таких качеств личности, как *достоинство* (долг и обязанность), *благородство* (внутренняя ценность личности, в соответствии с чем человек должен занимать то или иное место в обществе) и *добродетель* (совокупность высоких нравственных качеств в человеке, образ

его поведения и действия). Моральным критерием добродетели являются, с одной стороны, служение на благо обществу, что становится нравственным долгом человека, а с другой стороны, личное благо при условии оказания доверия и уважения к нему других людей. Целью гражданского воспитания при другом подходе является формирование достоинства человека, которое не дано ему от природы, но каждодневно завоевывается им в борьбе с враждебными силами [8].

Эпоха Просвещения рождает свои идеи гражданского воспитания подрастающего поколения: свободное воспитание Ж.-Ж. Руссо, идея создания системы демократического национального образования Ш.Л. Монтескье, концепция гражданского воспитания Г. Мабли, проекты гражданского воспитания Талейрана и Кондорсе и другие. В основе идеи свободного воспитания Ж.-Ж. Руссо лежали созданные им теории естественного права, естественной религии и естественного воспитания. Задача такого воспитания являлось устранение вредного влияния окружающей среды (общества) на природу ребенка, наиболее полное ее развитие [9]. Монтескье в своей книге «Дух законов» выявляя связь между государственным устройством общества и основными чертами воспитания, предложил программу формирования подрастающего поколения на идеалах конституционного государства, где каждый юный гражданин приобщился бы к знаниям [10].

Мысль о том, что образование должно выполнять политические задачи и быть ориентированным на гражданское воспитание, оказалась одной из приоритетных во Французской буржуазной революции XVIII века. Книги жалоб 1789 г., доклады и образовательные планы, представленные на рассмотрение Национальному собранию с самого первого его заседания, указывали на необходимость организации воспитания гражданина в новой Франции. Признавая необходимость включения такого компонента в образование, революционеры, тем не менее, не соглашались в вопросах применения тех или иных принципов и методов [11]. Например, в концепции гражданского воспитания Г. Мабли было предложено обоснование природного равенства всех людей, идеи общественного договора, идеи построения свободного и равноправного общества и т. п., однако он не успел сам представить свою концеп-

цию в развернутом виде, так как был убит [12]. Талейран постулирует принцип об обязательстве государства обучать принципам конституции учеников школ I и II уровней, в результате конституция республики становится «новым катехизисом для детей». По проекту Кондорсе за государством остается право и обязательство воспитывать своих граждан; формулируется цель гражданского образования – воспитание граждан, способных выполнять общественные функции и участвовать в управлении государством; на этапе начального образования детям разъясняются принципы социального порядка, в лицеях и коллежах изучаются законы, знание которых поможет гражданину в полной мере пользоваться своими правами [13]. Вклад мыслителей французского Просвещения в выяснение сущности понятия гражданского воспитания неоценим.

К XIX веку в основных чертах сложилась концепция либерализма с ее основным постулатом о непреходящей ценности и равноправии человеческой личности, которая получила развитие и на протяжении XX века, что определило содержание гражданского воспитания как воспитания активного экономически и политически свободного гражданина, уважающего демократические права и свободы других граждан.

Воспитание в Древнерусском государстве вплоть до крещения Руси носило семейный характер, и основным содержанием его было воспитание воина и патриота. Приобщение к культуре греко-римской образованности начинается на Руси в основном с XI века, полноценное приобщение к ней произойдет лишь при проведении реформы просвещения Петром I, однако до конца XIX века понимание гражданского воспитания как послушания, повиновения власти останется по существу неизменным (С.С. Уваров, М.Н. Катков, Д.А. Толстой). Тем не менее к концу XVIII века российскими мыслителями (Ф.Т. Салтыков, Н.И. Новиков, Д.С. Аничков, И.И. Бецкой, А.Н. Радищев и др.) был сформирован идеал гражданина – это свободная личность, обладающая такими качествами как мужество, бодрость духа, способность к преодолению жизненных трудностей, готовность к вооруженной защите родины и личного достоинства, чести. Стержневым качеством личности гражданина является патриотизм. В первой четверти XIX века

гражданское воспитание в России как система формируется не в государственной школе, а в сфере деятельности общественных организаций, находящихся в оппозиции к существующей власти. Появились три модели гражданского образования: либерально-демократическая, радикально-демократическая и народно-демократическая. Либерально-демократическая модель гражданского образования предполагала обучение на родном языке и знание культуры своего народа (К.Д. Ушинский), воспитание чувства законности (Н.И. Пирогов), приобщение к национальным духовным ценностям (П.Ф. Каптерев). Демократы в содержание гражданского воспитания включали развитие в личности человеческого достоинства, что предполагало воспитание великодушия, самопожертвенности, уважения прав других людей, верность долгу и мужественность при его исполнении, бескорыстие и человеколюбие (П.Д. Юркевич). Во второй половине XIX века появляется новое течение – революционно-демократическое, которое считает, что школа должна сформировать человека, обеспокоенного общественными делами, готового к насильственным действиям, то есть ориентированного на улучшение жизни путем ее разрушения во имя идей о всеобщем социальном равенстве (А.Н. Герцен, Н.Г. Чернышевский, Н.В. Шелгунов). В начале XX века в отечественной социально-политической мысли уже сформировалось основное содержание понятия «гражданственность», осознаваемое как готовность к продуктивной деятельности в условиях демократического государства. Под содержанием гражданского воспитания понималось воспитание гражданственности как сложного личностного образования, включающего в себя национальную самобытность, патриотизм, готовность к сочетанию частных и общественных интересов, достоинство, долг, ответственность. Советская педагогика рассматривала вопросы гражданского воспитания в аспекте общественной направленности личности, приобретения опыта коллективной деятельности [14].

Постиндустриальный период развития общества ставит новые задачи в понимании и развитии гражданского воспитания. Под **гражданским воспитанием** мы понимаем компонент политической социализации, характеризующий процесс формирования и развития плюралистического типа

взаимоотношений субъекта с институтами власти, его ответственного отношения к политике, к общечеловеческим ценностям, формирование критического мышления и выборочности в восприятии политической информации. Учитывая особенности современной общественной жизни, связанные с явлениями глобализации в экономике, интеграционных процессов, развития сети информационных технологий и т. п., в содержание гражданского образования должны быть включены поликультурное воспитание, изучение государственного языка как агента для межкультурного взаимодействия внутри страны, а изучение иностранных языков для межкультурного взаимодействия с народами других стран. Важным моментом в гражданском воспитании молодежи является разъяснение того, что интеграционные процессы в мире идут безболезненно для отдельной личности при взаимодействии крупных частей социальных систем, когда внутри этой части отдельная личность идентифицирует себя со всей данной общностью. При взаимодействии отдельной личности с цельной социальной общностью данная личность не представляет собой ценности как представитель какого-то народа или нации, поэтому является лишь объектом ассимиляции в новом обществе.

Литература:

1. Raymond Toraille. Pour une éducation civique européenne. Espace Dialogues «La Maison des Associations», la rue des Orphelins, 67000 STRASBOURG. – http://www.espacesdialogues.org/pdf/POUR_UNE_EDUCATION_CIVIQUE_EUROPEENNE.pdf – ресурс просмотрен 10.01.2012 г.
2. Ильин М.В. Политический дискурс: слова и смыслы (Государство) // Полис – 1994 – № 1 – С. 127.
3. Платон. Апология Сократа // Платон. Собр. соч. в 4 т. М., 1990. Т. 1 (29d). С. 84.
4. Платон. Апология Сократа // Платон. Собр. соч. в 4 т. М., 1990. Т. 1 (29d). С. 83.
5. Ильин М.В. Слова и смыслы. Опыт описания ключевых политических понятий. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1997. – С. 220–221.
6. Квинтилиан М.Ф. Воспитание оратора / Пискунов А.И. Хрестоматия по истории зарубежной педагогики. Сост. и авт. вводных статей чл. – корр. Акад. пед. наук СССР, проф. А.И. Пискунов. – М.: Просвещение. 1971. – С. 40–46.
7. Ильин М.В. Слова и смыслы. Опыт описания ключевых политических понятий. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1997. – С. 296.
8. Образ человека в зеркале гуманизма: Мыслители и педагоги эпохи Возрождения о формировании личности (14–17 вв.): Учеб. пособие по пед. антропологии

- гии / Авт. – состав. Н.В. Ревякина, О.Ф. Кудрявцев. – М.: Изд-во УРАО, 1999. – 400с.
9. Руссо Ж.-Ж. Эмиль, или О воспитании / Пискунов А.И. Хрестоматия по истории зарубежной педагогики. Сост. и авт. вводных статей чл. – корр. Акад. пед. наук СССР, проф. А.И. Пискунов. – М.: Просвещение. 1971. – С. 221–253.
 10. Монтескье Ш.Л. Монтескье Ш.Л. О духе законов // Монтескье Ш.Л. Избранные произведения. М., 1955.
 11. SLAMA Alain-Gérard. L'éducation civique à l'école. – <http://www.conseil-economique-et-social.fr/rapport/rapsec/RS084710.pdf> – Р. 6 – ресурс просмотрен 01.11.2011 г.
 12. Мабли Г. О правах и обязанностях граждан / Избранные произведения. / пер. с франц. и коммент. Ф.Б. Шуваевой; вступит. ст. В.П. Волгина. – М.: – Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – С. 215–217.
 13. SLAMA Alain-Gérard. L'éducation civique à l'école. – <http://www.conseil-economique-et-social.fr/rapport/rapsec/RS084710.pdf> – Р. 8–9. – ресурс просмотрен 01.11.2011 г.
 14. История развития гражданского воспитания в России. – http://www.superinf.ru/view_article.php?id=262. – Ресурс просмотрен 10.02.2011.

Стрельников С.С.

ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ПОНЯТИЯ «КАНОНИЧЕСКАЯ ТЕРРИТОРИЯ» В СОВРЕМЕННОМ ЦЕРКОВНОМ ДИСКУРСЕ

Стрельников
Сергей Сергеевич
аспирант ТюмГУ

Использование термина «каноническая территория», «каноническая юрисдикция» наблюдается, в основном, в материалах, посвященных отношениям Русской Православной Церкви с другими христианскими конфессиями. Появление самого термина относят обычно к началу 90-х годов, когда вопросы территориального единства в связи с распадом СССР были особенно актуальны.

В 2002 году между РПЦ и Ватиканом возник конфликт, вызванный негативной реакцией православного духовенства на внутреннее реформирование управления в католической церкви и преобразования ряда администратур в постоянно действующие епархии [1]. В данной дискуссии примечательно, что католиками оспаривалась справедливость применения понятия «каноническая территория» в современных условиях. 2008 год ознаменовался конфликтом

между Россией и Грузией. Патриарх Кирилл заявил: «Совершенно очевидно, что существует каноническая юрисдикция Грузинского патриархата на территории Абхазии и Южной Осетии... когда ослабевают отношения между странами, узы единоверных народов и узы межцерковные должны укрепляться» [3] В сообщениях прессы от сентября 2011 года упоминается адресованный РПЦ призыв от четырех крупнейших мировых патриархов о необходимости соблюдения своей канонической территории Данное сообщение связывается с визитом и деятельностью патриарха Кирилла на Украине, где конфессиональная ситуация характеризуется наличием нескольких православных конгрегаций, подчиняющихся разным структурам и, по мнению ряда обозревателей, наличием формальной возможности выбора собственного Патриарха, что по ряду причин невыгодно для Московского патриархата [4].

Не углубляясь в «запутанную», по словам Егора Холмогорова, историю с определением происхождения понятия «каноническая территория» [5], обозначим смыслы, в которых используется данное понятие. Можно определить три таких смысла.

Формальное, и оттого весьма логичное, на первый взгляд, понимание канонической территории как некой совокупности участков земли, имеющих границы, за которыми у религиозной организации закреплено право пользования, не получило распространения и причина тому весьма

очевидна: в настоящее время объемы церковного имущества в разы меньше, чем, скажем, 400 лет назад. В то же время, факт упоминания наличия некой принадлежащей территории призван показать определенное могущество и концептуальную возможность церкви влиять на некие решение вне рамок исповедания веры. Но незначительность территории и возможность влияния не вяжутся между собой. Это иллюстрируется тем, что процессы автономизации ряда территорий Грузии проходят вне зависимости от отношений иерархов церкви, что показывает безуспешность попыток влияния церкви на этот аспект международных отношений.

Каноническая территория может пониматься как объединяющий ресурс. Это некая совокупность территорий государств, которые церкви непосредственно не принадлежат, но на них она осуществляет свою деятельность, среди граждан этих государств есть люди, соотносящие себя с православием и посещающие храмы, принадлежащие к РПЦ МП. С другой стороны, как объединяющий ресурс территория обычно используется в контексте противостояния некой угрозе: сектантской, католической и, шире всего, антизападной. Такой подход представляется бесперспективным, потому как для жизнеспособного существования требует противопоставления, поиска внешнего или внутреннего врага. Действительно, такой враг быстро находится и, если в начале было сказано, что споры относительно канонической территории ведутся обычно с иными христианскими конфессиями, то в массовом сознании образ врага могут заполнять и другие, в частности, мусульмане [2].

Также каноническая территория может пониматься как пространственная граница власти некоего церковного иерарха, имеющего право производить в сан священников, наделять их полномочиями по проведению служб, совершению каких-либо обрядов, духовному окормлению паствы, обучению религии. Тем не менее, такое понимание требует привязки к каким-либо уже существующим пространственным границам, либо установлению новых. В настоящее время РПЦ проводит определенные реформы, в частности, направленные на установление нового статуса для митрополий. Создание митрополий

как нового уровня взаимодействия епархий связано с тем, что с мая этого года создаются новые епархии, границы которых не совпадают с границами субъектов Российской Федерации. Возникла новая ситуация: на территории одного субъекта Федерации возникает несколько епархий. По понятным причинам сразу же возник вопрос о взаимодействии этих епархий, как между собой, так и со светской властью. Простой пример: как строить отношения с департаментом образования области по вопросам ОПК? Очевидно, что департаменту со стороны Церкви нужен один координатор [6]. Таким образом, привязка осуществляется к административно-территориальным границам, что, во-первых, ставит церковь в определенную зависимость от целостности этих границы, во-вторых, показывает желание церкви вести сотрудничество со светскими властями. При определении границ канонической территории можно было бы ориентироваться на количество потенциально православных, проживающих на конкретной территории (это обеспечило бы как приток верующих в храмы, количества желающих обучаться религии и обеспечило бы трансляцию культурной традиции на конкретной территории), но этого не происходит. Почему, скажем, Туркменистан считается канонической территорией, когда там проживает от силы 100 тыс. русских, а Соединенные Штаты Америки – нет, в то время, как в одном лишь штате Нью-Йорк без учета пригородов количество русских оценивается в 600 тысяч?

Подытоживая, можно отметить, что применение категории «каноническая территория» в современной практике общественного взаимодействия церкви, государства и иных конфессий, по сути, не подкрепляется ни собственностью, ни правовыми установлениями, но используется иерархами церкви для придания весомости каким-либо своим высказываниям. Употребление аргумента о «каноничности» территории может иногда встречаться у представителей радикально настроенных групп населения. Вообще, по особенностям и контекстам употребления термина «каноническая территория» в той или иной ситуации можно судить о целях употребляющего этот термин. Наиболее расхожая трактовка показывает,

что целью является чаще не широкое распространение вероучения (иначе в пределы территории был бы включен весь мир), а, скорее, получение гарантий беспрепятственной с перспективой эксклюзивности деятельности на территории где, в силу различных причин, высока вероятность поддержки со стороны светских властей.

Литература:

1. Беседа протоиерея Максима Козлова на радио «Радо-неж» об экспансии Ватикана на территорию нашего Отечества [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.st-tatiana.ru/text/34531.html>.

2. Иванов А. Каноническая территория [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://alexandr-iv-rb.livejournal.com/62895.html>.
3. Патриарх Кирилл против раскола Грузинской церкви [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.rosbalt.ru/ukraina/2011/07/27/873233.html>.
4. Пять православных церквей мира призвали РПЦ оставаться в пределах своей канонической территории [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://ukranews.com/ru/news/ukraine/2011/09/05/52132>.
5. Холмогоров Е., Солдатов А. Каноническое пространство: принципы, идеологи, конфликты // Отечественные записки. – 2002. – № 6.
6. Чапнин С. Митрополия – новая форма взаимодействия епархий // Журнал Московской Патриархии. – 2011. – 11 ноября.

Булипопова Е.В.

ДВОЙНОЙ СТАНДАРТ ДЛЯ СУПЕРГЕРОЯ

Булипопова
Екатерина Валерьевна

соискатель Института философии и права УрО РАН
журналист, преподаватель Приднестровского
государственного университета им. Т.Г.Шевченко,
г. Тирасполь

«В мире зомби нет места для героев.
У нас очень длинная история, и все мы
трусы».
Цитата из кинофильма класса «С»
«Дилан Дог: хроники вампиров» («Dead
of night», 2010 г.)

Коротко о двойных стандартах

Для авторов и читателей «Ди-Пи» не является секретом тот непреложный факт, что дискурсология как наука предлагает, помимо прочего, принципиально новую методику исследований состояния общественного сознания. Хотя дискурс-анализ и не является панацеей от всех социальных болезней, он, по крайней мере, дает ученому представление о тех объективных сущностных характеристиках, которыми групповой разум наделяет основные социокультурные концепты в данный исторический

момент. Какой смысл, ценность и символику вкладывают сегодня люди в понятия «власть», «государство», «нация»? В каком контексте чаще всего звучит термин «справедливость»? Как можно измерить «либеральность» того или иного общества? Ответы на все эти вопросы может дать дискурсологический анализ, способный улавливать «симптомы» и определять если не маркеры «заболеваний», то крайние значения нормы общественного сознания в конкретное время в конкретном месте. Именно с позиции дискурсологии автор данного небольшого сочинения пытается взглянуть на популярный сегодня информационно-развлекательный дискурс комикса. При этом основной целью исследования является анализ концепта Супергероя в его связи с другим уникальным концептом и феноменом современности – двойными стандартами.

Под «двойными стандартами» здесь понимается *совокупность суждений, норм и принципов, обосновывающих и/или фактически устанавливающих неравновесное положение элементов политико-правовой системы при формальном юридическом равенстве последних*. Если совсем коротко, двойные стандарты устанавливают неравенство там, где фактически его быть не должно. Однако особенность дискурсивного бытия двойных стандартов, не отражае-

мая в формальных дефинициях, но доступная для логического разбора, заключается в том, что в современном либерально-политическом дискурсе концепт *чаще используется для восстановления или установления равенства*. Двойные стандарты принято считать аморальным феноменом реальности, однако на деле именно апелляция к терминологии двойных стандартов способствует становлению более свободного и равноправного общества. Не вдаваясь в теоретические подробности, следует отметить, что частота употребления терминологии двойных стандартов тем выше, чем более либеральным является политический дискурс. Критика в адрес двойных стандартов звучит чаще именно в контексте тех современных вопросов, в отношении которых действительно возможен либеральный консенсус и равноправие. К примеру, «либеральное» информационное сообщество с увлечением обсуждает проблему двойных стандартов в контексте женского вопроса, однако совершенно не реагирует на попытки европейских мигрантов привлечь внимание к своему варианту двойных стандартов.

Генетическая связь концепта «двойные стандарты» и либерального общественно-политического дискурса открывает возможность для измерения степени либеральности какого-либо дискурса в помощью анализа частоты употребления терминологии двойных стандартов. Очевидно, что о двойных стандартах может *говорить* только весьма свобододолюбивое сознание, имеющее более или менее четкие представления о своих правах, особенно естественных правах. Однако современный популярно-развлекательный дискурс свидетельствует о том, что слухи о демократичности и либеральности общественного сознания образца 21-го века сильно преувеличены. Сознание современной общественности во всех странах, судя по ее любимым героям, не особенно отличается от совокупной интеллектуальной мощи многочисленных рабов Древнего мира. Впрочем, Эрих Фромм ясно высказался по этому поводу: свобода современному потребителю нужна в весьма ограниченных количествах, еще лучше – только

на бумаге, к примеру, в основном законе государства. Особую пикантность и даже юмористичность ситуации придает тот факт, что ни в одном популярном кино- или литературном высказывании сегодня термин «двойные стандарты» *не употребляется*. И хотя создатели историй нещадно эксплуатируют проблематику двойных стандартов, описывая, критикуя или одобряя различные ситуации неравенства в условиях формального равноправия, соответствующая терминология парадоксальным образом *не звучит* в популярно-развлекательном дискурсе, в частности, в кино и комикс-литературе.

Центром композиции самых популярных комиксов является подлинный современный символ двойных стандартов – *Супергерой*, действующий в демократическом обществе равных. Двойные стандарты «супергеройства» в современном популярно-развлекательном дискурсе, таким образом, равнозначны по своей сущности древним вариантам символического разделения общества на богов, героев и людей, поскольку двойной стандарт в пользу Супергероя объективно существует, но лингвистическая и ментальная рефлексия этого явления отсутствует абсолютно. И что самое любопытное, массы не протестуют, а наоборот, с радостью приветствуют все истории о Супергерое. Каковы особенности всемирно популярного супергеройского комикс-эпоса и в чем выражается двойной стандарт Супергероя?

За ответами следует обратиться к первоисточникам популярной идеологии 21-го века – к комиксам.

Символика, типология и эволюция Супергероя

Известная поговорка гласит: если хочешь что-то спрятать, положи на самое видное место. «Самым видным местом» современной поп-культуры являются популярные приключенческие книжки в картинках, или комиксы, и спрятана в них, ни много ни мало, львиная доля идеологии человечества 21-го века.

Комикс как особый жанр литературы появился достаточно давно, еще в начале 20-го

века. Однако «золотой век» комикса пришелся на 1940-е годы, когда авторы «Marvel Comics» и «DC Comics» создали своих всемирно известных персонажей – Супермена и Капитана Америка. Комикс пережил периоды упадка и «возрождения», пантеон комикс-героев вырос до колоссальных размеров, и на сегодняшний момент журналы и кинофильмы, описывающие приключения некоего Супергероя (или группы суперлюдей) являются одним из самых популярных, востребованных и экономически выгодных предприятий в сфере массовой культуры. Существуют целые гильдии комикс-героев для разных возрастных и половых групп – начинающие команды фей или школьниц-супергероев для маленьких девочек и заканчивая эротическими и порно-комиксами для взрослых. Однако в каком бы жанре не разворачивалось действие комикс-истории, в ее центре всегда находится Супергерой. Этот персонаж един во всех своих множественных ипостасях, самыми востребованными из которых стали: силач, обладающий суперсилой; обычный человек, получивший суперсилу; мутант; волшебник или фея; борец с нежитью (вампирами, зомби, оборотнями и проч.); представитель вида нежити, вступивший в войну с сородичами ради защиты людей и т. п.

С точки зрения психологии масс, комикс вполне можно считать недооцененной рефлексией общества. Подобно тестам Роршаха и методу свободных ассоциаций, комикс помогает исследовать коллективное сознание и бессознательное, а порой и конструировать последние по заказному образцу. Как бы ни хотели сильные мира сего польстить себе мыслями о собственном величии, на сознание людей и судьбы обществ оказывают поистине значительное влияние не Пентагон и Устав ООН, а компания «Marvel Comics» и истории о людях Икс. Разумеется, сюжеты комиксов не представляют большого художественного интереса, поскольку «все это уже было». Комикс и не может быть новым, потому что его основа, как и основа мифа, – вечные архетипы и сценарии, заложенные в общей памяти человечества. Вокруг комиксов, их персонажей и сюжетов

формируется и популярный *комикс-дискурс* – совокупность любых речевых или графических образований, субъект, адресат или содержание которых относятся к комиксу.

При всем многообразии супергероев, у них есть обязательные и универсальные атрибуты. Основными символами Супергероя являются его «суперсила», особая «маска» (костюм), а также специальное супергеройское «имя».

«Суперсилой» можно назвать такие качества героя, которые в совокупности дают ему возможность стать «над обществом и законом», над обычными людьми и, тем более, злодеями. Приставка «супер» в данном случае полностью оправдывает свою изначальную латинскую семантику – особая сила возвышает своего обладателя и дает ему право «сверху» (лат. «super») решать судьбы мира. Суперсилой могут быть паранормальные способности, уникальные физические данные, владение боевыми искусствами или магией, новейшие технические разработки. Источником непревзойденной мощи так же может стать что угодно – от внеземного гаджета («Зеленый фонарь») до укуса насекомого («Человек-паук»). Откуда бы ни взялась и в чем бы ни заключалась суперсила, Супергероя без нее не бывает.

«Маска» – это особенный внешний вид Супергероя, символизирующий его высокую миссию и в большинстве случаев скрывающий его «нормальное» альтер-эго. Ритуальное значение костюма или маски хорошо известно антропологам, психологам и культурологам. А. Ф. Лосев в «Диалектике мифа» указывает на «мифичность» любого костюма, даже самого ординарного, не говоря уже о «спецодежде» – рясе монаха, колпаке палача, доспехах рыцаря и т. п. Маской Супергероя может стать не только костюм, но и приметные внешние черты (особенная прическа, манера поведения, речь, клыки и бледность у вампиров, «повышенная волосатость» оборотней и др.).

«Имя» Супергероя – это альфа и омега его сущности, символ его суперсилы и супергероизма. Супергерой вынужден давать особое прозвище своему альтер-эго, одновременно с этим продолжая носить простое человеческое имя

в «реальной» жизни. Без звучного и запоминающегося имени не может нормально функционировать ни один Супергерой или Суперзлодей. Традиция давать супергероям комиксов особые имена сопоставима с древнегреческим мифотворчеством, индейским таинством присвоения тотемов или ритуалу крещения младенца. И подобно древнему греку, который при слове «Афина» мысленно воспроизводит целую систему символов и верований, современный поклонник комиксов реагирует на имя «Росомаха» совершенно особым образом. Имя Супергероя порой становится нарицательным, как это произошло с именами Супермена и Бэтмена.

Помимо основных символов супергеройства существуют еще и вполне определенные *типы супергероев*. Рельефно выделяются, как минимум, три супергеройских и два суперзлодейских психотипа.

1. «Супермен».

Классический тип Супергероя – безупречный и благородный. Стараются никому не причинить зла (Супермен), служат идеалам добра и справедливости (Капитан Америка) и в рамках этой службы не переступает пределов законности, хотя мог бы легко это сделать (команда людей Икс во главе с профессором Ксавьером).

2. «Плохой хороший парень».

Не вполне состоявшийся Супермен, как правило, лишенный внутренней гармонии, подверженный простым человеческим страстям – гневу (Росомаха, Электра и многие другие), жажде мщения (Бэтмен), унынию и тщеславию (Железный Человек), неуверенности в своих силах (Человек-Паук и Зеленый Фонарь). Балансирует на грани законной борьбы со злом и беспредела.

3. «Темный рыцарь».

Супергеройский вариант Геракла, по ошибке убившего своих детей. Герой, не контролиру-

ющий свою суперсилу (Халк) либо против воли использующий ее во вред себе и людям (Хэнкок). По большому счету, такого Супергероя нельзя назвать положительным персонажем, поскольку его однозначная приверженность силам Добра или Зла становится очевидной далеко не сразу. В большинстве случаев «добродетель» таких героев обусловлена не альтруизмом или состраданием, а какими-то иными мотивами, поскольку «Темные рыцари», как правило, мизантропы и откровенные социопаты. В качестве ярких примеров можно привести популярных героев детских мультфильмов – Шрека, Мегамозга, злодея из мультфильма «Гадкий Я». Более взрослая аудитория с восторгом принимает другой вариант «Темного рыцаря», частично выросшего из комиксов, – доктора Хауса.

4. «Симпатичное чудовище».

Суперзлодейский типаж, очень близкий супергеройскому «Темному рыцарю» с той лишь разницей, что на этот раз персонаж в конце концов оказался на «неправильной» стороне. В комиксах и кинематографе этому персонажу авторы уделяют чуть больше крупных планов, чем иным злодеям, пытаются раскрыть его историю и психологические мотивы. Магнето и другие «противники людей» из числа мутантов в саге «Люди Икс» – хрестоматийный пример такого вызывающего сочувствие злодея.

5. «Доктор Зло».

Самый что ни на есть суперзлодейский типаж. Абсолютное зло, порождающее насилие без каких либо зазрений совести. Вечный противник Супермена Лекс Лютор, Джокер и Пингвин из «Бэтмэна», живодер Страйкер из «Людей Икс» – список злодеев также велик и разнообразен, как и список супергероев. Тем не менее, фигура Суперзлодея в комикс-дискурсе всегда отличалась большей цельностью и однозначностью, нежели образ Супергероя.

Одного взгляда на приведенную типологию супергероев и суперзлодеев хватило бы,

чтобы понять всю уникальность эволюции современного супергеройства. В момент своего появления Супергерой комикса был абсолютно положительным героем, который, даже имея суперсилу, крайне редко преступал черту закона. Мрачный Бэтмен впервые в истории комикса занялся супергеройским беспределом, бросив тень на лучезарный образ Супермена. В 1960-х раздираемый внутренними противоречиями Человек-Паук низводит Супергероя до уровня простых смертных, а мутанты среди обычных людей – люди Икс – смешивают комикс-дискурс с острой общественно-политической дискуссией о вопросах равенства, толерантности и безопасности. Сегодня Супергерой встроен в реальность так же прочно, как Макдональдс или Мадонна. На страницах комиксов и киноэкранах обычные люди неожиданно для себя обретают суперсилу, получают новое символическое имя, надевают маску и становятся супергероями. Более того, суперзлодеи становятся супергероями, малопривлекательные типы, вроде Шрека или Хэнкока, под воздействием окружения переходят на «светлую сторону силы». Суперсила в руках такого неоднозначного Супергероя больше не выглядит даром миру и человечеству, да и сам Супергерой нередко тяготится своей новой ответственностью. Супергерой выходит за рамки закона, общепринятого порядка, но его двойные стандарты все еще преподносятся как необходимое зло или досадное недоразумение, выигрышный сценарный ход. Игра со смыслами и правилами приводит авторов комиксов к вопросу «Чем Супергерой лучше Суперзлодея?».

Таким образом, герои современной мифологии, особенно супергеройской, год от года становятся все более сложными, их истории и мотивы – более драматическими. Это больше не Ясон, любимец богов в сияющих доспехах, и даже не благородный разбойник Прометей. Это Сизиф, обреченный тягать до бесконечности свой дар-проклятие, свои суперспособности, потому что это его судьба: камень без Сизифа мог бы кого-то убить или покалечить. Это Эдип, утверждающий на смертном одре, что его слепота и все его беды исполнены смысла.

Вселенная «Марвел» и «DC Comics» сегодня еще в большей степени, чем реальная планета Земля, вошла в эпоху сложных и двусмысленных главных героев, абсолютные значения добра и зла стали важны менее, чем когда-либо. Мода на сложносочиненного Супергероя свидетельствует как о развитии жанра, так и о растущих потребностях массового зрителя (читателя), который требует от главного героя близости, человечности и двойственности. И если закрытый дискурс элитарного фестивально-авторского искусства остается глухим к чаяниям широких масс, продолжая штамповать унылые истории псевдосложных героев, то комикс-дискурс чутко реагирует на общественные умонастроения. Супергерой сегодня начинает осознавать свой личный двойной стандарт, ответственность суперсилы и все чаще отказывается от маски. Оставаясь все еще «супер», он пытается выйти за условные границы легенды и стать человеком. Впрочем, человеком, устанавливающим собственные стандарты и правила. И поскольку действия Супермена двойными стандартами никто ни разу не назвал, разумно предположить, что к такому варианту неравенства обыватель относится более чем лояльно. Свобода рук для Супергероя – прекрасный образец либерального двойного стандарта.

Вместо заключения: Супергерой или Неудачник?

Одним из самых интересных остается вопрос о причинах вневременной популярности идеи супергеройства. Один из вариантов ответа предлагает сам комикс-дискурс. Суперсилу хотят обрести «суперслабые». Об этом свидетельствуют и невероятно популярные в последнее время фильмы-пародии на супергеройские боевики, а также многочисленные вариации на тему мутантов, зомби и прочей нежити.

Герои комикс-пародий («Пипец», «Защитнег», «Красный фонарь» и т. п.) – люди слабые, иногда почти клинические идиоты, неудачники, либо еще недостаточно зрелые, для того чтобы встретиться с реальной жизнью

лицом к лицу, либо уже сломленные обстоятельствами. Это «кидалты», взрослые дети и инфантильные взрослые, как две капли воды похожие на любого недовольного собой и жизнью подростка. Единственный выход для себя они видят в том, чтобы «надеть костюм», взять в руки оружие и стать Супергероем. Дальнейший сценарий, как в саркастическом трэш-боевике «Пипец» или драматическом фарсе «Защитнег», сводится в целом к избиению мелких бандитов и почти случайному вмешательству в дела действительно крупного злодея.

В популярных среди молодежи трэшовых комедийных боевиках («Добро пожаловать в Зомбиленд», «Планета страха» и прочие «Рассветы мертвецов») эксплуатируется другой сценарный ход, но героями остаются такие же «середнячки» и даже неудачники. Эти комические персонажи попадают в новый мир, населенный мутантами, зомби, зараженными недочеловеками, и неожиданно для себя становятся в некотором роде «избранными». Действительно, самый простой способ стать Супергероем – это выжить в окружении зомби! Когда весь мир населяет нежить, нелюди, само собой разумеющимся становится более высокий статус любого выжившего человека. Он автоматически становится героем, вне зависимости от того, кем он был раньше, в «нормальной жизни». Гениальная простота этого сюжета завоевала симпатии миллионов молодых людей, а истории о зомби и мутантах гарантировано занимают лидирующие места в рейтингах кинопроката.

Быть кем угодно, только не собой – это желание подростка. Трудно понять и тем более принять тот факт, что современное общество настолько пронизано осознанием собственного бессилия и подростковыми комплексами неполноценности. Утверждать, что у современного зрителя или читателя, нет выбора, неверно. Фильмы и книги о простых людях и их простых жизнях выпускаются в свет в достаточном количестве и в хорошем исполнении. Однако, можно ли сравнить тиражи книг Людмилы Улицкой и комиксов «Marvel»? Кинозритель или читатель предпочитает комикс-истории

не потому, что не имеет выбора, а потому что они ему *близки и понятны*. А вот что именно близко – горячее желание наказать несправедливость, подавленная агрессия или ощущение бессилия, компенсируемое мечтой о суперсиле, – это еще необходимо понять. Почему обыватель так легко «прощает» очевидный двойной стандарт своему Супергерою и что за этим кроется? Каковы закономерности и особенности дискурса о Супергерое? Насколько важно каждому из нас обрести свою суперсилу и создать свою маску? Популярный комикс-дискурс способен задать еще множество вопросов и загадок, разыгрывая вечные сцены из Гомера или Овидия, Библии или Шекспира под прикрытием развлекательного действия «для народа». Если наука действительно стремится понять реальность, то самое время обратить внимание на те виды современного искусства, в которых бьется живой пульс времени и слышен голос современности. Один концепт Супергероя как образец непризнанного и неосознанного двойного стандарта, созданного ничем иным как прогрессивным либеральным популярным искусством Запада, скажет о нашем времени и обществе гораздо больше, чем многотомное собрание сочинений всех нобелевских лауреатов. И к сожалению, сказанное от имени Супергероя едва ли польстит нашему общему самонадеянству.

Лобовиков В.О.

РЕФЛЕКСИВНЫЕ, ИРРЕФЛЕКСИВНЫЕ И НЕРЕФЛЕКСИВНЫЕ БИНАРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В МАТЕМАТИЧЕСКОЙ ЛОГИКЕ И В МАТЕМАТИЧЕСКОЙ ЭТИКЕ

(ФОРМАЛЬНО-ЭТИЧЕСКИЕ ЗАКОНЫ: САМОСОХРАНЕНИЯ,
Т.Е. ВОЗДЕРЖАНИЯ ОТ САМОУБИЙСТВА; ЛОКАЛИЗАЦИИ
САМОУПРАВЛЕНИЯ; НЕБЫТИЯ ГОРДЫНИ И ОСУЖДЕНИЯ
НЕОГРАНИЧЕННОГО САМОЛЮБИЯ)

Лобовиков
Владимир Олегович

доктор философских
наук, профессор,
главный научный
сотрудник Института
философии и права
УрО РАН, академик
МАДИ

Если самоубийство дозволено, тогда все дозволено.

Если что-то не дозволено, тогда самоубийство не дозволено.

Это проливает свет на сущность этики. Ибо самоубийство есть, так сказать, элементарный грех.

Людвиг Витгенштейн
«Дневники 1914–1916»¹

Начнем с азбучных истин: в математической логике, по определению, бинарное отношение Rab рефлексивно, если и только если для любого a истинно, что Raa . В противном случае Rab нерефлексивно. Нерефлексивное бинарное отношение может быть, в частности, иррефлексивным (irreflexive). По определению, Rab иррефлексивно, если и только если

для любого a ложно, что Raa . Например, отношение действительных чисел $a=b$ рефлексивно, так как, для любого числа a , истинно, что, $a=a$. А вот отношение действительных чисел $a>b$ иррефлексивно, так как, для любого числа a , ложно, что $a>a$. Вышеприведенные дефиниции общеизвестны: научной новизны не представляют; являются общим местом стандартных учебников. А вот нижеприведенные дефиниции представляют собой нечто новое, ранее не осознававшееся, точно не формулировавшееся и систематическому изучению не подвергавшееся.

В математической формальной этике², по определению, бинарное морально-правовое отношение Rab рефлексивно, если и только если для любого a хорошо, что Raa . В противном случае морально-правовое отношение Rab нерефлексивно. Важный частный случай нерефлексивности – иррефлексивность. По определению, бинарное морально-правовое отношение Rab иррефлексивно, если и только если для любого a плохо, что Raa . В тезисах нет возможности дать точные определения всех используемых понятий, поэтому, отсылаю читателей к монографиям, в которых эти дефиниции даны³. К указанным базисным дефинициям добавим ниже те, которые являются специфическими для данной работы. В настоящей работе точно формулируется и систематически обсуждается тезис, согласно которому, в математической формальной этике иррефлексивны

все бинарные морально-правовые отношения, точно определяемые следующей ниже таблицей 1.

Глоссарий для таблицы 1. Символ *Vab* обозначает морально-правовое отношение «*a* верит только во (что, кого) *b*». *Hab* – «*a* надеется только на (что, кого) *b*». *Lab* – «*a* любит только (что, кого) *b*». *Xab* – «*a* хвалит (восхваляет) только (что, кого) *b*». *Gab* – «*a* гордится только (чем, кем) *b*». *Zab* – «*a* заботится только о (чем, ком) *b*». *Bab* – «бытие, жизнь (чего, кого, чья) *a* только для *b*». *Жаб* – «*a* жалеет только (что, кого) *b*». «*Паб* – «(что, кто) *a* принадлежит (чему, кому) *b*». *Zab* – «(что, кто) *a* есть собственность (чего, кого, чья) *b*». [Иначе говоря, *Zab* – отношение «*b* является субъектом собственности на (что, кого) *a*»].

В двузначной алгебре формальной этики вышеперечисленные морально-правовые отношения предстают в качестве бинарных морально-правовых операций, ценностно-функциональный смысл которых точно определяется следующей ниже таблицей, в которой символы «х» и «п» обозначают морально-правовые значения «хорошо» и «плохо», соответственно.

Таблица 1 – Бинарные операции двузначной алгебры формальной этики

<i>a</i>	<i>b</i>	<i>Vab</i>	<i>Hab</i>	<i>Lab</i>	<i>Xab</i>	<i>Gab</i>	<i>Zab</i>	<i>Bab</i>	<i>Жаб</i>	<i>Паб</i>	<i>Zab</i>
х	х	п	п	п	п	п	п	п	п	п	п
х	п	п	п	п	п	п	п	п	п	п	п
п	х	х	х	х	х	х	х	х	х	х	х
п	п	п	п	п	п	п	п	п	п	п	п

Используя базисные дефиниции двузначной алгебры формальной этики вместе с вышеприведенными определениями, нетрудно прийти к выводу, что за исключением морально-правового отношения *Gab*, все остальные бинарные морально-правовые отношения, точно определяемые следующей ниже таблицей 2, тоже являются *иррефлексивными* в математической этике.

Глоссарий для таблицы 2. Символ *Cab* обозначает морально-правовое отношение «(что, кто) *a* подвластно (подчиняется), служит

(чему, кому) *b*». *Эаб* – «(что, кто) *a* используется (эксплуатируется) (чем, кем) *b*». *Oab* – «*b* владеет (овладевает), обладает (чем, кем) *a*». *Шаб* – «*b* разрушает, уничтожает, убивает (что, кого) *a*». *Gab* – «*b* сохраняет, спасает (что, кого) *a*». *Dab* – «*b* причиняет (что, кого) *a*, т. е. *b* является причиной для (чего, кого) *a*». *Pab* – «*b* распоряжается, повелевает, манипулирует, администрирует, командует (чем, кем) *a*». *Иаб* – «*b* изменяет, движет (что, кого) *a*». *Жаб* – «*b* судит (что, кого) *a*». *Лаб* – «*b* творит нормы (создает законы) для (чего, кого) *a*».

Таблица 2 – Бинарные операции алгебры этики (продолжение)

<i>a</i>	<i>b</i>	<i>Cab</i>	<i>Эаб</i>	<i>Oab</i>	<i>Шаб</i>	<i>Gab</i>	<i>Dab</i>	<i>Pab</i>	<i>Иаб</i>	<i>Жаб</i>	<i>Лаб</i>
х	х	п	п	п	п	х	п	п	п	п	п
х	п	п	п	п	п	х	п	п	п	п	п
п	х	х	х	х	х	п	х	х	х	х	х
п	п	п	п	п	п	х	п	п	п	п	п

Глоссарий для таблицы 3. Символ *Uab* обозначает морально-правовое отношение «*b* управляет (чем, кем) *a*». *Фаб* – «*b* сознат, осознат (что, кого) *a*». *Цаб* – «*b* оценивает (что, кого) *a*». *Wab* – «*b* осуждает (что, кого) *a*». *Kab* – «*b* критикует (что, кого) *a*». *Aab* – «*b* нападает, наступает (переходит в атаку) на (что, кого) *a*». *Dab* – «*b* действует, воздействует на (что, кого) *a*». *Rab* – «*a* противодействует, сопротивляется (чему, кому) *b*». *Sab* – «*a* защищается, обороняется от *b*». *Vab* – «*a* отражает, обращает вспять (что, кого) *b*». Если не считать *Rab*, *Sab* и *Vab*, то все остальные бинарные морально-правовые отношения, упомянутые в глоссарии 3, являются *иррефлексивными*.

Таблица 3 – Бинарные операции алгебры этики (продолжение)

<i>a</i>	<i>b</i>	<i>Uab</i>	<i>Фаб</i>	<i>Цаб</i>	<i>Wab</i>	<i>Kab</i>	<i>Aab</i>	<i>Dab</i>	<i>Rab</i>	<i>Sab</i>	<i>Vab</i>
х	х	п	п	п	п	п	п	п	х	х	х
х	п	п	п	п	п	п	п	п	х	х	х
п	х	х	х	х	х	х	х	х	п	п	п
п	п	п	п	п	п	п	п	п	х	х	х

При условии, что: $a=b$ (*a* равноценно *b*), определенные выше морально-правовые

алгебраические операции (за исключением операций Sab , Rab , Sab и Vab) являются *тождественно плохими* морально-правовыми ценностными *функциями-константами*, т. е. *формально-этическими противоречиями*. Но в таком случае (т. е. при $a=b$), результаты применения любых морально-правовых ценностных *функций-инверсий* (от одной переменной) к любым вышеупомянутым тождественно плохим функциям-константам представляют собой *тождественно хорошие* морально-правовые ценностные функции, т. е. *законы формальной этики*.

Конкретными примерами морально-правовых ценностных функций от одной переменной, представляющих собой *инверсию* морально-правового значения переменной, являются следующие унарные операции алгебры этики: B^1a – «воздержание от (чего, кого) a ». O^1a – «осуждение (чего, кого) a ». V^1a – «разделение (чего, кого) a ». T^1a – «разрушение, уничтожение, убийство (чего, кого) a ». N^1a – «небытие, смерть (чего, кого) a ». L^1a – «ограничение, ограниченность (чего, кого) a ». Y^1a – «управление (чем, кем) a ». Q^1a – «частичность, частность, часть (чего, кого) a ». M^1a – «местный характер, локальность, региональность (чего, кого) a », или «региональное, местное, локальное (что, кто) a ».

Конкретными примерами таких морально-правовых ценностных функций от одной переменной, которые представляют собой *сохранение* морально-правового значения переменной, являются: B^1a – «бытие, жизнь (чего, кого) a »; G^1a – «глобальность, тотальность (целостность), повсеместный характер (чего, кого) a », или «глобальное, тотальное (целостное), повсеместное (что, кто) a ». Ценностно-функциональный смысл перечисленных выше унарных морально-правовых операций точно определяется таблицей 4.

Таблица 4 – Унарные операции двузначной алгебры формальной этики

a	B^1a	O^1a	V^1a	T^1a	N^1a	L^1a	Y^1a	Q^1a	M^1a	B^1a	G^1a
х	п	п	п	п	п	п	п	п	п	х	х
п	х	х	х	х	х	х	х	х	х	п	п

В двузначной алгебре этики, используя указанные выше дефиниции, нетрудно обосновать *формально-этические законы*, т. е. *положительные* морально-правовые ценностные *функции-константы*: 1) Gaa (закон самосохранения); 2) B^1Sha (закон воздержания от самоубийства, саморазрушения); 3) M^1Uaa (закон местного самоуправления); 4) N^1G^1Uaa (закон небытия глобального самоуправления); 3) O^1Baa (закон осуждения самоуверенности); 4) O^1Na (закон осуждения самонадеянности); 5) O^1La (закон осуждения филатии, т. е. неограниченного самолюбия); 6) O^1Ga (закон осуждения гордыни); 7) O^1Xaa (закон осуждения самовосхваления); а также многие другие *тождественно хорошие морально-правовые формы* (деятельности) очень важные для содержательной философии морали и естественного права.

В философской литературе существует гипотеза, согласно которой метафизика есть не что иное, как формальная аксиология, в частности формальная этика⁴. Принимая эту гипотезу и используя гипотетико-дедуктивный метод, можно вывести из нее логические следствия и сопоставить их с фактами из истории философии. Если использовавшуюся выше двузначную алгебру формальной этики рассмотреть как двузначную алгебру метафизики, то можно получить в качестве логического следствия утверждение, что небытие (чего, кого) a причиной для (чего, кого) a есть *положительная* ценностная *функция-константа*, т. е. *закон метафизики* N^1Daa . Это вполне согласуется с историей философии, согласно которой, классическая метафизика (в отличие от диалектики как противоположности метафизики) отрицала существование «causa sui», полагая, что «causa sui» есть самопротиворечие (*отрицательная* ценностная *функция-константа*). Именно поэтому, марксистско-ленинские диалектики, говоря о диалектике Б. Спинозы, всегда обращали особое внимание на его идею «causa sui»: самопротиворечие их вполне устраивало. Но в классической метафизике внутреннее самопротиворечие означает небытие, поэтому, законом классической метафизики является небытие «causa sui»: N^1Daa .

Генерируя логические следствия из вышеупомянутой гипотезы, можно также прийти к выводу, что небытие движения (чем, кем) *a* (чего, кого) *a*, т. е. небытие (чего, кого) *a* двигателем для (чего, кого) *a*, есть *положительная* ценностная *функция-константа*, т. е. *закон метафизики N^IИаа*. Это тоже вполне согласуется с историей философии, согласно которой, классическая метафизика (в отличие от диалектики как противоположности метафизики) отрицала существование самодвижения, полагая, что самодвижение есть самопротиворечие (*отрицательная* ценностная *функция-константа*). Именно поэтому, марксистско-ленинские диалектики, говоря о движении, всегда обращали особое внимание на идею самодвижения: самопротиворечие было для них как раз тем, что они хотели. Но в классической метафизике противоречие в *a* означает небытие *a*, поэтому, законом классической метафизики является небытие самодвижения: *N^IИаа*.

Результаты исследования двузначной алгебры ценностей важны не только для этики и метафизики, но и для теории права. Если интерпретировать алгебру добра и зла как алгебру естественного права, то появляется возможность систематического тестирования (проверки) норм позитивного права на их соответствие или несоответствие соответствующим фрагментам системы права естественного. Так, например, тот факт, что морально-правовая ценностная функция *Jaа* есть *тождественно-плохая морально-правовая форма* деятельности (*отрицательная* ценностная *функция-константа*), обосновывает *осуждение и запрещение самосуда*: «никто не может быть судьей в своем собственном деле». Закон естественного права, т. е. *тождественно-хорошая морально-правовая форма* деятельности (*положительная* ценностная *функция-константа*), *V^IJaа* обосновывает позитивно-правовой конституционный принцип разделения судебной и исполнительной власти. В свою очередь, тот факт, что морально-правовая ценностная функция *Laа* есть *тождественно-плохая морально-правовая форма* деятельности (*отрицательная* ценностная *функция-константа*),

обосновывает *осуждение (неограниченной) автономии*. А закон естественного права, т. е. *тождественно-хорошая морально-правовая форма* деятельности, *V^ILaа* обосновывает позитивно-правовой конституционный принцип разделения законодательной (нормотворческой) и исполнительной власти.

Литература:

1. Витгенштейн Людвиг. Дневники 1914–1916. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2009. С. 149.
2. Лобовиков В. О. Математическая этика, метафизика и естественное право. Екатеринбург: УрО РАН, 2007. – 408 с.; Он же. «Нищета философии» и ее преодоление «цифровой метафизикой». Екатеринбург: УрО РАН, 2009. – 468 с.
3. Лобовиков В. О. Там же.
4. Лобовиков В. О. Там же.

Селезнева Л.В.

ИНТЕРАКЦИОНАЛЬНАЯ ПРИРОДА ДИСКУРСА

**Селезнева
Лариса Васильевна**кандидат филологических наук, доцент кафедры
русского языка и литературы
Российского государственного социального
университета

E-mail: loramuz@yandex.ru

В настоящее время дискурс можно отнести к центральным концептам научного гуманитарного знания. Многомерность и многоаспектность данного понятия, широкое употребление в разных дисциплинах отражает сдвиг в научной парадигме в сторону междисциплинарного исследования функционирования языка. Обращение к новому понятию было обусловлено, как считает Е.С. Кубрякова, «потребностью в создании такого нового концепта, который соединил бы существующие в неясном и смутном виде представления в единый гештальт и помог бы отразить в едином образе порождаемую в особых условиях речь, связываемую с самими коммуникативными условиями этого порождения»¹. Интенсивное исследование языка в разных гуманитарных науках (философии, культурологии, социологии, семиотики, литературоведения, социолингвистики, прагматики, когнитивной лингвистики и т.д.) и выбор в качестве методологического основания научного анализа дискурса позволило российским ученым вслед за Ромом Харрэ говорить о дискурсивном перевороте².

Разнонаправленность дискурсивных исследований отражает классификация О.Ф. Русаковой, в которой выделяется шесть основных подходов к интерпретации дискурса: 1. лингвистический подход, который рассматривает языковую сторону дискурса; 2. кратологическую интерпретацию, получившую распространение в социологии и связанную с именем Мишеля Фуко, который интерпретировал дискурс как мощный ресурс, обладающий властно-принудительной силой; 3. семиотические концепции, в рамках которых дискурс выступает как знаково-символическое

образование, как культурный код; 4. социально-коммуникативную трактовку, определяющую коммуникативные цели и социальные функции дискурса; 5. постмодернистское направление, рассматривающее дискурс как сетевое коммуникативное пространство, в котором происходит переформатирование реальности и конструирование новой; 6. комбинированный подход, соединяющий различные трактовки дискурса³.

В рамках лингвистического подхода главной особенностью дискурсивной парадигмы стала, как отмечает Е.С. Кубрякова, «убежденность в том, что ни синтаксис, ни грамматика языка не могут изучаться вне обращения к его использованию»⁴. Это дало основание говорить о том, что важным свойством дискурса является интеракционность, т.е. зависимость от условий социальной ситуации.

Интеракциональная природа дискурса позволяет проанализировать коммуникативное событие в целом или его часть (коммуникативные акты), посмотреть, как отдельный коммуникативный акт проявляет свои свойства в другом социальном окружении, и главное в рамках нашего исследования – рассмотреть текстопорождающую функцию дискурса. Как отмечает В.А. Миловидов, дискурс «есть практика текстопостроения, процесс создания, развертывания текста во времени и пространстве»⁵. Т. ван Дейк, отстаивая преимущества данного подхода, пишет, что «следовало бы проанализировать тексты с точки зрения динамической природы их производства, понимания и выполняемого с их помощью действия», «при определении значения дискурса нужно учитывать значения, общедоступные для участников коммуникации, знание языка, знание мира, другие установки и представления»⁶. Т.е. для Т. ван Дейка, интеракциональная природа дискурса имеет определяющее значение.

Об особой роли дискурса, позволяющей адресату интерпретировать сообщение, а адресанту передать информацию, выразить мысль, пишет и Дебора Шиффрин: «The fact that discourse has this role takes us outside of linguistics per se simply because we have to address how the language of

discourse is related to aspects of the communication process the bear an indirect and complicated (as well as controversial) relationship to language per se»⁷ («Сам факт наличия у дискурса этой роли выводит нас из границ (пределов) лингвистики как таковой по той простой причине, что мы исследуем, как язык дискурса связан с различными аспектами коммуникативной деятельности, которая в свою очередь к языку как таковому имеет опосредованное, сложное (равно как и противоречивое) отношение» (перевод мой – Л.С.)).

С позиций прагмалингвистики дискурс является отражением психологии человека, поэтому не может быть отчужден как от говорящего, так и от слушающего. С этой точки зрения, при анализе дискурса учитываются установка и намерения адресанта, пресуппозиция, т. е. оценка говорящим общего фона знаний, информированности, особенностей характера адресата, интерпретация им речи и определение того, какое воздействие оказывает речь на адресата. Прагматика дискурса сформировалась в результате исследования обыденной речи – практического рассуждения и диалога в работах зарубежных и отечественных ученых (Г.П. Грайс, Д. Гордон, Дж. Лакофф).

Когнитивно-ориентированный анализ дискурса (Т. ван Дейк, В. Кинч, Е.С. Кубрякова, Ч. Филлмор, Л.В. Цурикова) обращен к ментальным структурам, восприятию высказывания, сценариям, которые вырабатываются в результате интерпретации текста и на основе структур, извлекаемых из памяти, операционным установкам, действующим при порождении и восприятии текста. Это определяется когнитивным подходом к языку в целом, для которого характерно убеждение в том, что языковые формы являются отражением когнитивных структур, т. е. структур человеческого сознания. Когнитивная лингвистика как одно из направлений функциональной лингвистики рассматривает первостепенную роль функций языка, прежде всего когнитивных, от которых зависят языковые формы.

В связи с этим с позиций когнитивной лингвистики дискурс рассматривается как «особый фрагмент ментального мира»⁸, как процесс порождения и понимания текста, в результате которого «в памяти конструируется его ментальное представление»⁹. Основы такого подхода заложили Т. ван Дейк и В. Кинч, которые в 80-е

годы выдвинули идею когнитивных механизмов обработки дискурса. Они исходили из тезиса о том, что понимание текста складывается из понимания ситуации, о которой идет речь, и предлагали для интерпретации текста – «модели ситуаций», в основе которых лежат не абстрактные, а личностные знания. Они выделяли два объекта для анализа – структуру представления знаний и способы концептуальной организации дискурса.

В настоящее время на первый план при анализе и интерпретации текста выходит такое понятие, как фрейм. Фрейм (англ. frame – скелет, остов, рамка) – модель стереотипных ситуаций, является базовой категорией когнитивной лингвистики. Это сценарии, которые моделируют знания о типичных ситуациях и позволяют правильно интерпретировать содержание текста.

Создателем теории фреймов считается Марвин Минский¹⁰ – американский ученый, специалист по искусственному интеллекту. Ранее термины «фрейминг» и «рефрейминг» использовались Э. Гоффманом в социологии и социальной психологии для обозначения различных способов видения общественно значимых проблем и поддержания этого видения. Например: ядерная энергетика может подводиться под фреймы прогресс, сделка с дьяволом.

Отправной точкой теории Минского явился постулат о том, что человек для познания новой для себя ситуации или для того, чтобы по-новому взглянуть на уже привычные вещи выбирает из памяти структуру данных – образ, с тем, чтобы, изменяя отдельные детали, сделать эту структуру пригодной для понимания более широкого класса явлений. Этот образ и есть фрейм. С ним ассоциируется различная информация, имеющая трехчастную структуру. Одна ее часть указывает, каким образом следует использовать данный фрейм, другая – что предположительно может повлечь за собой его выполнение, третья – что следует предпринять, если ожидания не подтвердятся.

Графически фрейм можно представить в виде сети, состоящей из узлов, расположенных на разных уровнях, и иерархических связей между ними. Узлы верхнего уровня представлены такими понятиями, которые всегда справедливы по отношению к предлагаемой ситуации: это название ситуаций (например, знакомство), название зрительного образа (например, дерево), название дей-

ствия (например, уборка комнаты). Узлы нижнего уровня заполняются заданиями по мере приспособления фрейма к конкретной ситуации, из того класса ситуаций, который представляет данный фрейм. Такие незаполненные узлы называются терминалами. После того как выбран фрейм для представления ситуации, процесс согласования фрейма с данной ситуацией состоит в нахождении заданий для терминалов фрейма; если выбранный фрейм не удастся согласовать с реальностью, то обращаются к сети поиска информации, которая позволяет найти другие способы представления знаний о фактах. Теория представления знаний с помощью фрейма, развиваемая Минским, позволяет объяснить ряд характерных особенностей человеческого мышления.

В когнитивной лингвистике фрейм стал использоваться для обозначения принципа организации, который лежит в основе репрезентации знания и семантической репрезентации. Ч. Филлмор определил фрейм как специфическое лексико-грамматическое обеспечение, которым располагает данный язык для наименования и описания категорий и отношений, обнаруживаемых в концептуальных системах (концептах). Он разграничивает понятий; *сцена – схема – фрейм – модель*. Под термином *сцена* он понимает данные, почерпнутые из реального мира, а также индивидуальные воспоминания обо всем этом. Когда имеется в виду одна из концептуальных систем, то употребляется термин *схема*. Если имеется в виду языковое оформление схемы, то это является *фреймом*. И термин *модель* используется, если речь идет о том представлении мира, которое складывается у интерпретатора в процессе анализа текста.

Ч. Филлмор выстроил цепочку интеграции фрейма: сначала у человека складывается понимание событий реального мира и собственное отношение к этим событиям, т. е. концепт, затем подбираются слова из языкового фрейма, соответствующего данному концепту¹¹. Слова актуализируют в сознании говорящего весь фрейм и схему, с которой он ассоциируется. В свою очередь, схемы могут быть использованы в качестве инструмента построения модели текста, то есть модели мира, совместимой с текстом. Еще несколькими годами ранее Ч. Филлмор писал: «Люди могут понять то, что мы говорим, если их языковой

репертуар активизирует такие же сходные схемы и если опыт по усвоению этих схем сравним с нашими»¹². Непонимание или недопонимание может возникнуть, по теории Ч. Филлмора, в том случае, если неправильно определена фреймовая структура, которая используется в тексте.

В этом плане показательным является рассказ японского студента Сакума Йосукэ, написанный на русском языке на тему «одиночество»: *Он вышел из последнего метро. По пути домой зашел в магазин, машинально купил банку пива и маленький пакетик сыра. Держа все в голых руках, подошел к кассе. Из наушников сильно билась музыка, чтобы оторвать его мир от внешнего, но все-таки смазливый голос продавщицы или пронзительный голос девушки прорывались сквозь музыку*¹³. В том случае, если автор нам неизвестен, то мы воспринимаем данный текст как текст с речевыми ошибками, т. к. в русском языке отсутствуют сочетания: *последнее метро, держа в голых руках, смазливый голос*. Однако, зная, что автором является японский студент, нам становятся понятны эти сочетания, в которых проявляются национальные особенности восприятия и устройства социума. В Японии поезда метро соединяются с пригородными поездами и ходят по расписанию, поэтому как об автобусах в России мы говорим *последний автобус*, так и о японском метро говорят *последнее метро*. В японских магазинах обязательно использование корзины, но герой рассказа так погружен во внутренний мир, что не следует этому правилу и держит продукты *в голых руках*. Автор называет голос продавщицы *смазливым*, т. к. в Японии важно, чтобы голос продавца нравился всем.

Необходимо отметить, что в настоящее время для анализа дискурса характерен междисциплинарный подход: все чаще в дискурсивных исследованиях используются достижения разных наук, все прозрачнее становится грань между исследованиями, например, в рамках когнитивной лингвистики и прагматической лингвистики. Наши наблюдения соотносятся с высказыванием О. К. Ирисхановой, которая пишет, что «частое обращение когнитологов к коммуникативным актам и к дискурсу в целом следует расценивать как нарастание общей тенденции, направленной на преодоление границ между когнитивной семантикой и прагматикой, что, несомненно, способствует взаимному

обогащению этих двух, некогда существовавших параллельно, направлений»¹⁴. Ученые отмечают, что логика научных исследований дискурса приводит к необходимости создания междисциплинарного подхода¹⁵.

Таким образом, различные методы анализа дискурса, создают некий комплексный подход для его исследования. Основными предпосылками стали следующие постулаты: «1) статическая модель языка является слишком простой и не соответствует его природе; 2) динамическая модель языка должна основываться на коммуникации, т. е. совместной деятельности людей, которые пытаются выразить свои чувства, обменяться идеями и опытом или повлиять друг на друга; 3) общение происходит в коммуникативных ситуациях, которые должны рассматриваться в культурном контексте; 4) центральная роль в коммуникативной ситуации принадлежит людям, а не средствам общения; 5) коммуникация включает докоммуникативную и посткоммуникативную стадии; 6) текст как продукт коммуникации имеет несколько измерений, главными из которых являются порождение и интерпретация текста»¹⁶. Один из путей решения проблемы комплексного изучения дискурса стал когнитивно-дискурсивный, или коммуникативно-когнитивный подход, предложенный Е.С. Кубриковой¹⁷. Он предполагает, с одной стороны, прагмалингвистическое исследование дискурса и его описание в терминологии речевых актов и речевых событий, а с другой стороны, когнитивный анализ, задачей которого является определение структур репрезентации различных видов знаний, речевых стратегий.

Литература:

1. Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Рос. академия наук. Ин-т языкознания. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 524.
2. См. Ковальская Л.Г. Компьютерно-медийный дискурс: коммуникативное пространство и электронная среда // Язык и дискурс в современном мире. Материалы международной научно-лингвистической конференции. 19–20 мая 2005 г. / Глав. ред. С.К. Беданова. Ч. 1. – Майкоп: изд-во АГУ, 2005. – С. 184–195; Макаров М.Л. Основы теории дискурса. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 280 с.; Русакова О.Ф. Лингвистические и кратологические трактовки дискурса / О.Ф. Русакова // Без темы. – 2006. – № 2 (2). – С. 59–65 [Электронный ресурс] // [http://beztemy.usu.ru/?base=mag/0002\(02_2006\)&xsl=tableOfContents.xslt&doc=../content.jsp](http://beztemy.usu.ru/?base=mag/0002(02_2006)&xsl=tableOfContents.xslt&doc=../content.jsp).
3. Русакова О.Ф. Лингвистические и кратологические трактовки дискурса / О.Ф. Русакова // Без темы. – 2006. – № 2
4. Кубрякова Е.С. О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике // Дискурс, речь, речевая деятельность: функциональные и структурные аспекты: сб. обзоров. М., 2000, С. 10.
5. Миловидов В.А. От семиотики текста к семиотике дискурса: Пособие по спецкурсу. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2000. С. 23.
6. Дейк, ван Т.А. Язык. Познание. Коммуникация: пер с англ. / Т.А. ван Дейк / сост. В.В. Петрова; под ред В.И. Герасимова; Вступ. ст. Ю.Н. Караулова и В.В. Петрова. – М.: Прогресс, 1989. С. 122.
7. Schiffrin D. The language of discourse: Connections inside and out // Text – vol. 10–1990 – p. 99.
8. Кубрякова Е.С. О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике // Дискурс, речь, речевая деятельность: функциональные и структурные аспекты: сб. обзоров. М., 2000, С. 16.
9. Дейк Т.А. ван Язык. Познание. Коммуникация / сост. В.В. Петрова; под ред В.И. Герасимова. – М.: Прогресс, 1989, С. 158–159.
10. Минский М. Фреймы для представления знаний. – М.: Энергия, 1979.
11. Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23. Когнитивные аспекты языка. – М.: Прогресс, 1988. – С. 52–92.
12. Филлмор Ч. Основные проблемы лексической семантики // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 12. Прикладная лингвистика / Сост. В.А. Звегинцева. – М.: Радуга, 1983. – С. 111.
13. Цит. по Васильева О.Ф. Понимание как методологическая категория для построения методик интерпретационного типа // Вестник Университета российской академии образования. № 3. 2006. – С. 102.
14. Ирисханова О.К. Речевые акты уклонения: на стыке когнитологии и прагматики // Горизонты современной лингвистики: Традиции и новаторство: Сб. в честь Е.С. Кубряковой / Отв. ред. Н.К. Рябцева. – М.: Языки славянских культур, 2009. – С. 684.
15. См.: Лузина Л.Г. Виды информации в дискурсе // Дискурс, речь, речевая деятельность: функциональные и структурные аспекты: сб. обзоров / РАН ИНИОН. Центр гуманитар. Научно-информ. Исслед. Отд. языкознания. Редкол.: С.А. Ромашко, отв. ред и др. – М., 2000. – С. 137–151 Цурикова Л.В. Когнитивно-дискурсивная парадигма как новое направление описания и анализа речемыслительной деятельности // Горизонты современной лингвистики: Традиции и новаторство: Сб. в честь Е.С. Кубряковой / Отв. ред. Н.К. Рябцева. – М.: Языки славянских культур, 2009. – С. 76–92.
16. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
17. Кубрякова Е.С. О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике // Дискурс, речь, речевая деятельность: функциональные и структурные аспекты: сб. обзоров / РАН ИНИОН. Центр гуманитар. Научно-информ. Исслед. Отд. языкознания. Редкол.: С.А. Ромашко, отв. ред. и др. – М., 2000. – С. 7–25.

Берсенев В.Л.

РОССИЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ: ОРИЕНТИРЫ ДЛЯ ДИСКУРСА¹

Берсенев
Владимир
Леонидович

доктор исторических
наук, профессор,
Институт экономики
УрО РАН, академик
МАДИ

На рубеже 2009–2010 гг. в Институт экономики УрО РАН практически одновременно обратились две московские организации – Центр руссиеведения ИНИОН РАН и Центр проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования – с просьбой дать экспертные заключения по отдельным вопросам их деятельности.

Даже первые впечатления от ознакомления с представленными на экспертизу материалами достаточно наглядно иллюстрируют ту теоретико-методологическую, мягко говоря, неопределённость, которая преобладает в среде профессиональных «руссиеведов», и незавидные перспективы формирования национальной идеи силами такого рода аналитических центров.

Центр руссиеведения ИНИОН РАН предлагал принять участие в подготовке справочника «Руссиеведение: исследователи и научные проекты». Логично было предположить, что его основу составит информация об учёных из разных отраслей знания, рассматривающих российскую цивилизацию с различных сторон (история, экономика, культура), а также сведения о крупных работах, осуществлённых в рамках данной проблематики за последнее время. Однако, если судить по тематике справочника, в итоге проект должен был представлять собой скорее коллективную монографию по регионалистике. Его можно также рассматривать в качестве ещё одного свидетельства «моды» на дискурс-исследования, то есть на анализ не содержательной стороны явления, а особен-

ностей возникновения терминологии, это явление описывающей, скрытых смыслов и т. д. Ещё более этой стилистике соответствовал Центр проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования, который направил на экспертизу результаты конкурса по разработке общенационального девиза, проводившегося в рамках проекта «Национальная идея России».

Общеизвестно, что девиз как одно из воплощений национальной идеи должен отражать сущностные стороны страны и нации, их истории и современного статуса. Иными словами, общенациональный девиз не может содержать благие пожелания на будущее, какие-либо сиюминутные и конъюнктурные моменты и т. д. Тем не менее, среди нескольких десятков вариантов девиза, представленных на конкурс, встречались и такие нелепости, как «Будущее Российской Нации – в высокотехнологичной экономике и инновациях» (в трёх версиях), и безудержно оптимистичное «Россия – земля счастливых!», и даже безапелляционное «Без России не могут земляне быть счастливыми».

Похоже, немалое число авторов проектов общенационального девиза посчитало, что он должен представлять собой пословицу или поговорку («Ум-душа-Россия – наш капитал и сила», «Без России нет Земли красивой!») либо цитату из песни («Мы рождены, чтоб сказку сделать былью!», «Вперёд и вверх, а там...»). В ряде случаев предлагались четверостишия, не имеющие ничего общего ни с поэзией, ни с девизами.

Ещё более неуместным выглядело использование околорелигиозных мотивов («Поступай с ближним своим, так как хотел, что бы поступали с тобой»²) и текстов, рождённых в иной исторической и социокультурной среде. В частности, проект девиза «Все под одним солнцем» практически копировал «Все под небесами» – лозунг, под которым Цинь Шихуан объединил враждующие китайские царства в единую Поднебесную империю в 221 г. до н. э.

Определённый позитив несли только такие императивные фразы, как «Вперёд, Россия!»

(в различных вариациях встречалась 5 раз) или «Россия навсегда» (встречалась 3 раза), однако и они выглядели достаточно абстрактно. Организаторы конкурса в качестве оптимального варианта предлагали девиз «Спаси и сохрани себя, Россия», акцентируя внимание на том, что в виде аббревиатуры он звучал как СССР.

Эксперты из Института экономики УрО РАН выдвинули своё предложение – девиз «Больше чем страна». Предполагалось, что в данном случае указание «больше» характеризует не размеры государства, а, с одной стороны, распространённость ценностей и идеалов российской цивилизации далеко за пределы страны, и с другой – вовлечённость в этот цивилизационный ареал представителей различных национальностей, проживающих на территории России.

Однако и здесь, как и в случае с проектом Центра руссиеведения ИНИОН РАН, возникла трудность концептуального характера. Необходимо было определиться с тем, что следует понимать под российской цивилизацией, на основе какой системы показателей оценивать уровень её развития, какую терминологию применять и т. д.

Контент-анализ наиболее распространённых определений позволяет выделить главный тренд цивилиографии – рассмотрение цивилизации как особого этапа в развитии человечества. В большинстве случаев она прямо ассоциируется с культурой, иногда же культура рассматривается как компонент цивилизации, а помимо этого отличительными признаками, свидетельствующими о достижении этой стадии эволюции, называются появление устойчивых форм политической и социальной организации общества, включая правовые системы, переход от эзотерических верований к институционально оформленным религиозным культам, достижение определённого уровня развития техники и технологий, налаживание устойчивых сетей обмена (торговли) и т. д., вплоть до возникновения монументальной архитектуры и искусства.

Сложнее обстоит вопрос о территориальных границах, в рамках которых цивилизация предстаёт как целостное явление. Французские просветители XVIII в. рассматривали цивилизацию³ вне привязки к конкретным странам и народам, и только в 1819 г. это слово впервые было

использовано во множественном числе⁴, и тем самым было положено начало признанию того факта, что цивилизации могут быть ограничены временными, национальными и иными рамками, то есть различаться между собой.

В таком случае и вопрос о числе известных истории цивилизаций также становится дискуссионным, поскольку о существовании тех или иных локальных цивилизаций невозможно говорить с полной уверенностью в силу недостаточности источниковой базы, чрезмерной мифологизированности известных науке сведений и т. д. Отсюда неудивительно, что А. Дж. Тойнби, работая над своим фундаментальным трудом «Постижение истории», постепенно сокращал число цивилизаций, охватываемых его концепцией, пока не остановился на том, что их было всего 21⁵. О. Шпенглер, утверждая, что у каждой культуры есть своя цивилизация, предпочёл свести их совокупность всего к восьми – от вавилонской до западной⁶. Наконец, С. Хантингтон также выделил всего восемь цивилизаций, правда, применительно исключительно к современности⁷.

Примечательно, что Н. Я. Данилевский за полвека до О. Шпенглера уже утверждал, что самобытные цивилизации представляют собой культурно-исторические типы, и выделял 10 таких типов⁸, включая романо-германский или европейский. Вместе с тем о славянском культурно-историческом типе в последней главе⁹ своей книги «Россия и Европа» (перв. изд. 1871) он говорит как о только зарождающемся и при этом противостоящем европейской цивилизации. Образно это представлено в виде двух потоков истории. Первый – небесный, божественный, ведёт через Иерусалим и Царьград в Киев и Москву, второй – земной, человеческий, течёт мимо Афин, Александрии и Рима в страны Европы. Тем самым и в рамках цивилиографии как зарождавшейся ещё в тот момент науки был поднят вопрос об «особом» пути нашей страны на протяжении тысячелетия существования российской государственности.

Своеобразное «промежуточное» положение Киевской Руси – Московского царства – России предопределило как тяготение российского общества к европейским политическим, философским и культурным ценностям, так и постоянную зависимость от традиции восточного деспотизма, в результате чего в отечественной истории про-

рывы в новое качество развития перемежаются периодами террора и застоя.

Казалось бы, главной, непосредственно бросающейся в глаза причиной такого положения должно было стать наследие татаро-монгольского ига, однако С.М. Соловьёв – автор концепции «догоняющего развития», увидел причину не в конкретном нашествии, а в необходимости быть в постоянное готовности отразить всякое нашествие вообще. Государство с небольшим населением, но обширной территорией и открытыми границами, нуждалось в содержании большого войска. В мирное время военачальники неизбежно должны были занимать правительственные должности, совмещённые с судебными. Поскольку бедное государство было не в состоянии выплачивать регулярное жалование, то оно предоставляло им право «кормиться» за счёт управляемой местности.

Л. Н. Гумилёв весьма своеобразно охарактеризовал эту ситуацию, утверждая, что московские служилые люди «стремились не к защите своих прав, которых у них не было, а к получению обязанностей, за несение которых полагалось «государево жалованье». Тем самым они, используя нужду государства в своих услугах, могли защищать свой идеал и не беспокоиться о своих правах»¹⁰.

Отсюда, в то время как Европа переживает аграрный переворот и активизацию торгово-промышленной деятельности в городах, в России наблюдается усиление крепостничества как одной из основ государственности. Именно Пётр I, вошедший в историю как реформатор, придал крепостному праву законченные черты, введя в 1724 г. вместо подворного обложения «подушную подать», прикреплявшую крестьянина не только к земле, но и к «лицу землевладельца». Ещё один итог петровских преобразований заключался не в рождении промышленности как таковой, а в создании тогдашнего военно-промышленного комплекса, позволившего империи претендовать на место среди великих держав при отсутствии или неразвитости многих атрибутов европейской цивилизации.

К примеру, русские просветители XVIII века, в отличие от своих французских учителей и единомышленников, были обречены на непонимание со стороны российского общества, поскольку

в стране не сформировалось третье сословие – главная ударная сила европейских революций эпохи Нового времени. Древнерусские города не знали «коммунальных революций» – восстаний горожан против феодальной зависимости. Если в Европе правилу «Нет земли без сеньора» был противопоставлен лозунг «Городской воздух делает свободным», то у нас на статус вольных городов могли претендовать только Новгород и Псков, не считая ряда мелких поселений. Впрочем, и они утратили свои вольности в период формирования Московского царства.

Однако не случайно сказано, что если в стране нет парламента и политических свобод, наиболее действенной формой народного волеизъявления становится бунт. Четыре крестьянские войны¹¹, а также великое множество мелких крестьянских и городских восстаний наглядно опровергают модный ныне среди либералов-сахаровцев тезис о якобы имманентно присущей русскому народу рабской психологии. Напротив, предприимчивость в сочетании с идеей служения Отечеству позволили русским расширить границы своего государства до естественных географических (океаны, горы, пустыни) и геополитических (соседство с сопоставимыми по силе странами) пределов.

Л. А. Моисеева подчёркивает, что территорию, на которой впоследствии образовалось первое русское государство, населяли более 150 племён, но славянское доминирование среди них не вызывает сомнения, поскольку именно язык восточных славян выступал связующим звеном между культурами входивших в ареал зарождавшейся российской цивилизации народностей¹². Впоследствии именно русский язык и богатство русской культуры выступали в качестве факторов, обеспечивавших позитивные тенденции интегративных процессов в масштабах империи.

В этом плане прослеживается ещё одно коренное отличие российской цивилизации от европейской, и связано оно с преобладающими методами формирования «жизненного пространства». Э. Стиллман и У. Пфафф отмечают, что «стремление владеть не только физическим окружением, но и социальным порядком – вот особая страсть западного человека»¹³. Отсюда проистекает склонность Запада к массовому насилию при решении проблем любого уровня.

А.И. Уткин выделяет три наиболее ярких периода массового насилия в истории Запада:

1. Эпоха Реформации и Контрреформации (XVI–XVII вв.), апофеозом которой стала, пожалуй, Тридцатилетняя война (1618–1648 гг.).

2. Эпоха Великой Французской революции и наполеоновских войн (1789–1815 гг.).

3. XX век – эпоха столкновения идеологий, особенно в период Второй мировой войны (1939–1945 гг.)¹⁴.

Эта схема явно нуждается в дополнениях. Отдельно можно выделить ещё и эпоху колониальных захватов, которая растянулась на несколько столетий – от начала Великих географических открытий до конца XIX в. Конечно, европейцы при этом творили насилие вдалеке от своего континента, однако логика формирования колониальных империй предполагала, что заморские территории должны были становиться неотъемлемой частью ареала европейской цивилизации. Наконец, рубежные десятилетия XX–XXI вв. предстают как эпоха массового применения Западом «гуманитарных интервенций» для решения не столько глобальных, сколько частных задач геополитического толка (установление контроля над ресурсами третьих стран, налаживание новых транспортных коридоров и т. д.).

Принципиальное отличие российской цивилизации заключается в том, что при её формировании насилие не играло определяющей роли. В отношении территорий, населённых народностями с неразложившейся родоплеменной структурой и не имевшими своей государственности применим термин «мягкая колонизация». Неизбежные при этом конфликты, включая вооружённые, не сопровождалась, тем не менее, политикой геноцида, в отличие, например, от целенаправленного истребления индейцев в процессе заселения европейцами Северной Америки.

На среднеазиатском направлении первоначально колонизация также происходила достаточно мирно (протекторат над Хивинским ханством в 1700 г., подписание в 1731 г. ханом Малой казахской орды Абулхайром договора о принятии в российское подданство и др.). Более конфликтный характер носила российская экспансия в земледельческие районы Средней Азии в середине и второй половине XIX в., однако это было следствием геополитического катаклизма

более высокого уровня, а именно – соперничества России и Великобритании за влияние в регионе.

В чистом виде покорению с помощью военной силы были подвергнуты лишь территории Северного Кавказа и частично Закавказья. Здесь наблюдался определённый парадокс: для того, чтобы обеспечить вхождение в состав России территорий, изъявивших такое желание (не без давления внешних обстоятельств в виде Турции и Персии, конечно же), необходимо было подавить сопротивление горских народов, практиковавших «набеговую экономику» и тем самым угрожавших и без того ненадёжным коммуникациям, связывающим Закавказье с Россией. Тем не менее, добровольное вхождение одних народов через частичное истребление других состоялось, и это исключение только подтверждает общее правило, то есть признание того факта, что ареал российской цивилизации формировался иными методами, нежели ареал цивилизации западной.

Поэтому и представляется вариант общенационального лозунга «Больше чем страна» наиболее адекватным, потому что российская цивилизация – это не цивилизация русских или – шире – восточных славян, поскольку в её рамках представлены народы, объединённые преимущественно не насилием, а стремлением и желанием существовать в одном культурном поле.

Однако сказанное не отрицает вопроса о допустимых и возможных альтернативных путях формирования и эволюции российской цивилизации. Обывательское утверждение, что история не знает альтернатив, применимо только к событийному ряду, и то при условии достоверности хроник, эти события зафиксировавших. Даже различные варианты толкования одного и того же источника допускают множественность версий происходившего. Зародившееся в середине XX в. направление экономической истории – клиометрика – предполагает, что историческое исследование может быть экспериментом, суть которого состоит в выдвижении гипотезы и либо в её подтверждении, либо в опровержении, а сама гипотеза носит системный характер и включает в себя, в виде составляющих, предположения о том, что модель исследуемой системы достаточно адекватно отражает структуру и функции объекта исследования.

Соответственно, в качестве эксперимента в историческом исследовании может выступать

только некая альтернативная модель прошлого, отражающая иной возможный вариант развития тех или иных тенденций, иные стороны известных явлений, иную содержательную картину состоявшихся когда-то событий.

Ведущую роль в исследованиях по альтернативной экономической истории играет в настоящее время синергетика, согласно которой эволюция вообще не является жестко детерминированной. Можно выделить периоды, когда направление развития изменить нельзя (так называемое движение по аттрактору), и точки бифуркации, где возникает возможность выбора¹⁵. При этом при расчёте альтернативных моделей следует соблюдать три основных требования:

1. «Точка бифуркации», то есть момент времени, с которого начинается расчёт альтернативного варианта развития, должна быть конкретно определённой и связанной с реальными событиями, допускающими различные тенденции в последующей эволюции системы.

2. Допущения, лежащие в основе ретроальтернативных прогнозов, не должны быть фантастическими.

3. Привлекаемая для расчётов статистика должна быть достоверной или, по крайней мере, восприниматься как таковая.

Очевидно также, что сравнительную оценку оптимальности реального и виртуальных сценариев необходимо проводить по нескольким параметрам: во-первых, одно и то же событие может дать обществу благотворный импульс в его политическом развитии, но оказаться неблагоприятным с точки зрения экономики; во-вторых, оценки степени благотворности многих событий могут сильно варьироваться в зависимости от идеологических предпочтений исследователя.

Сотрудникам Института экономики УрО РАН в 2006 г. удалось смоделировать достаточно достоверный вариант развития сельского хозяйства Среднего Урала в 1995–1998 гг. при условии, что увлечённое либеральными экспериментами высшее руководство страны приняло бы решение о всеобщей фермеризации сельского хозяйства¹⁶. Доработанный вариант применявшейся для расчётов методики предполагается использовать для построения ретроальтернативной модели реализации современной экономической реформы при допущении, что ГКЧП в августе 1991 г. сумел бы

сохранить контроль над ситуацией. Впрочем, возможны и иные варианты предполагаемого развития событий в точке бифуркации.

Следующим этапом апробации постоянно обновляемой методики ретроальтернативного прогнозирования вполне может стать поиск ответа на вопрос, как бы стала формироваться российская цивилизация при условии, что Великая Степь вынудила бы русичей сосредоточиться на экспансии исключительно в западном и юго-западном направлениях. Возможно, Русь стала бы наследницей Византийской империи не только в духовном, но и практическом плане. И тогда вопрос об ориентирах для дискурса российской цивилизации рассматривался бы совсем по-другому.

Примечания:

1. Статья подготовлена на средства гранта РГНФ № 11–12–66002а/У.
2. Стилистика оригинала, демонстрирующая уровень грамотности неизвестного плагиатора, сохранена.
3. Принято считать, что впервые слово «цивилизация» употребил граф О.Г. Мирабо в трактате «Друг законов» (1757). – См.: Сравнительное изучение цивилизаций. С. 10.
4. См.: Февр Л. Цивилизация: эволюция слова и группы идей // Февр Л. Бои за историю. М.: Наука, 1991. С. 262.
5. См.: Тойнби А. Дж. Постигание истории. М.: Прогресс, 1996. С. 83 и др. Впрочем, Л.А. Моисеева утверждает, что, выделив первоначально 100 самостоятельных цивилизаций, А. Дж. Тойнби в конце конов сократил их число до 13. – См.: Моисеева Л.А. История цивилизаций: Курс лекций. Ростов н/Д: Феникс, 2000. С. 7.
6. См.: Шпенглер О. Закат Европы: Очерки морфологии мировой истории. Т. 1. Гештальт и действительность. М.: Мысль, 1993. С. 163, 164 и др.
7. См.: Huntington S. The Clash of Civilization and the Remaking of the World Order. N.Y.: A Touchstone Book, 1996.
8. См.: Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М.: Книга, 1991. С. 88. Мексиканский и перуанский культурно-исторические типы Н.Я. Данилевский специально не рассматривал, как погибшие насильственной смертью и не успевшие «совершить своего развития».
9. Там же. С. 469–509.
10. Гумилёв Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. М.: Мысль, 1989. С. 624.
11. Среди специалистов нет единства мнений по поводу того, можно ли отнести восстания под руководством Ивана Болотникова и Кондратия Булавина к крестьянским войнам, но в данном контексте этой дискуссией можно и пренебречь.
12. См.: Моисеева Л.А. История цивилизаций. С. 336.
13. Stillman A., Pfaff W. Politics of Hysteria. N.Y., 1964. P. 4.
14. См.: Уткин А.И. Запад и Россия: история цивилиза-

- ций. М.: Гардарики, 2000. С. 526–527.
15. См.: Князева Е., Курдюмов С. Синергетика: начала нелинейного мышления // *Общественные науки современность*. 1993. № 2. С. 38–52; Митина О., Петренко В. Динамика политического сознания как процесс самоорганизации // *Общественные науки*

- и современность. 1995. № 5. С. 103–115; и др.
16. См.: Берсенёв В.Л., Горст А.П. Опыт ретроальтернативного прогнозирования развития социально-экономических систем (на примере сельского хозяйства Свердловской области в 1990-е годы) // *Экономика региона*. 2007. № 2. С. 33–43.

Зайнетдинова Р.А.

СОБАКА – РОД – СТО

(К ВОПРОСУ О ЛИНГВОФИЛОСОФСКОМ ДИСКУРСЕ В СССР)

**Зайнетдинова
Регина Аликовна**

кандидат философских наук, преподаватель кафедры философии и культурологии Института международных связей

Марризм – значимый и по длительности, и по содержанию период в истории практической языковой политики в СССР – как теория не только не исчерпал себя на сегодняшний день в России¹, но и привлек внимание зарубежных исследователей. В 2004 году в Лозанне известным историком русской науки о языке Патриком Серио была проведена международная научно-философская конференция «Потерянная парадигма: марристская лингвистика в СССР». Н.Я. Марр и его учение участниками этой конференции был воспринят по-разному: как «великий шаман», как «противник лингвистического позитивизма, наряду с А. Потебней, И. Бодуэном де Куртенэ, Г. Шухардтом, Э. Кассирером и К. Фосслером», как «философ и генератор идей», как «промежуточное звено между индуктивно-уровневой и дедуктивно-дискурсивной лингвистиками».

По замечанию В.М. Алпатова, в международной лингвистической энциклопедии Н.Я. Марр оказался единственным удостоенным персональной статьи лингвистом, который назван русским². В.М. Алпатов рассматривает марризм как явление

вполне соответствующее мифотворческой атмосфере в СССР 20-х – 50-х гг. прошлого века. По его мнению, трагедией нашей отечественной науки о языке стало то, что по ряду причин вненаучного характера его идеи внедрялись в качестве догм; а в том, что еще до официального признания и насаждения «новое учение о языке» имело несомненную популярность, Алпатов видит подтверждение его притягательности как мифа. Как иначе можно объяснить терпимость научного сообщества по отношению к идеям «ученого», который в своих исследованиях по истории слов, отбрасывая строгие фонетические законы, открытые наукой XIX века и основывался на внешнем созвучии? Например, Марр связал немецкие слова *hund* (собака) и *hundert* (сто), руководствуясь следующими «закономерностями развития»: собака – тотем «собака» – члены рода – множество людей – много – сто.

Особую роль здесь сыграло совпадение деятельности Марра с периодом кризиса компаративистского подхода в мировом языкознании. Вопросы происхождения и развития языка в западной науке в это время отходят на второй план в связи с развитием структурализма и синхронных исследований. В противоположность структурализму, изучающему языковую структуру, марризм не только продолжает исторический подход к языку, но и ставит целью своего исследования период зарождения языка. Периоды возвышения и падения марризма совпадают с изменениями идеологической ситуации в СССР. Здесь В.М. Алпатов ссылается на версию Р. Лермита, согласно которой космические идеи Марра, его национальный нигилизм, отвержение всей русской науки были созвучны атмосфере двадцатых годов, но в начале

пятидесятых, когда «отечество» и «самобытность» берут верх над «космополитизмом», марризм строго осуждается властью³.

С. Зенкин также отмечает вновь начатую П. Серио рефлексию марризма. Мнение, согласно, которому, многие идеи всемогущего академика были фантастическими и «магическими», а возглавляемая им школа вела агрессивную по отношению к оппонентам политику, многими историками идей поддерживается. Но при этом учение Марра рассматривается как продолжение полигенетической концепции развития языков, отброшенной лингвистикой XX в. Согласно этой концепции, не существовало единого праязыка, а современные языки образовались путем сложных скрещений изначально чуждых друг другу элементов. П. Серио, например, сближает учение Марра с осужденной в СССР за «идеализм» теорией номогенеза Л. С. Берга, с биологизирующей «морфологией» сказки В. Я. Проппа, а также с евразийской лингвистикой Н. С. Трубецкого и Р. О. Якобсона. Английский исследователь – К. Брандист – сопоставляет с марристским языкознанием литературоведческие идеи М. М. Бахтина 1930-х гг⁴.

Строго говоря, во всей своей теории Н. Я. Марр касается двух философских вопросов: вопроса о происхождении языка и тесно примыкающего вопроса о связи языка и мышления.

Марр считал, что «подобно глоттогонии, языкотворчеству, теоретические учения о языке – также продукция социальных факторов и их активных сил, т. е. старое учение о языке своими качествами обязано, в конечном счете, породившей его целиком буржуазной идеологии». И поскольку буржуазная идеология в корне извращает естественное положение дел в угоду конкретному классу, постольку и направление, которым следует продуцируемое ей учение о языке, неверно. «Новое учение о языке», по мнению Марра, вновь ставит вопросы, которые «отметались как ненаучные, так, например, вопрос о происхождении языка»⁵. На эти вопросы, считает Марр, ему помогло выйти предположение, сделанное в отношении кавказских языков, так называемая «яфетическая теория». Одним из выводов яфетической теории является вывод о том, что распределение языков по «языковым семьям» генетическим методом, заимствованным из биологии не соответствует реальным связям языков друг с другом.

Сам подход к языку как к явлению биологическому, «чуть ли не физиологическому явлению, где звуки и формы захватывали все внимание», противоречит представлениям о языке как социальном явлении. Идеология построения речи, таким образом, оказалась органически связанной не с физической природой человеческих группировок, а с хозяйством и с техникой и выраставшим из них мировоззрением. Человеческие сообщества как коллективные творцы звуковой речи объединены не родовыми признаками (по крови или по физическим данным), а домостроительными интересами (хозяйство и оборона), то есть *независимо от цвета кожи, черепных или иных антропологических характеристик*.

Следовательно, сравнительное языкознание, понимаемое Марром как «индоевропеистика», занято изучением общих черт различных языков, представляющих позднейшее достижение человечества. Наблюдаемые на поверхности сходные черты приводят сравнительное языкознание к идее первичного физиологического родства языков, причем делаются эти выводы на единственном «отрезке» индоевропейских языков, принимаемом за особую изолированную семью, искомый праязык, таким образом, становится праиндоевропейским. Причем период изучения языка и языковых явлений с данной точки зрения ограничивается охватом времени развития звуковой речи с момента уже ее вполне сложившегося и стабилизовавшегося в определенном типе состояния.

В свою очередь, «яфетическая теория» учитывает не только сходные по формальным признакам явления различных языков, но, прежде всего, *несходные*, анализ функций которых с опорой на исследование общественного порядка и зависящее от сближения, общения и объединения хозяйства скрещение языков дает понимание содержания конкретного лингвистического явления. Марр также исходит из предположения изначально незвукового бытия языка – «речи линейных движений, ручной в основе», и мимики. Звуковая речь, выделившись из «нераздельного на первых этапах с продолжавшею существовать линейною речью широкого социального потребления», становится уже «классовой», т. е. употребляется в «производственно-социально-дифференцированном человечестве». Подтверждает Марр данный вывод следующими рассуждениями:

«в технике словообразования и даже морфологии вскрылась система мышления человечества еще с одной ручной речью, например, слово «звать» оказалось в своем первичном восприятии одного происхождения с глаголом «указывать», «манить», оно также восходит к имени «рука», точнее к предметному образу о «руке», орудию производства акта призыва ручным движением»⁶.

Лингвистическим элементом, таким образом, становится не фонема, явление более позднее, а значимое слово, т.е. мысль в звуковом воплощении, которое положило начало звуковой речи. Всего четыре лингвистических элемента – первичных значимых слова, возникших в неразрывном двухстороннем недифференцированном «трудмагическом процессе» звуковых комплексов – являются частями любого языка, какой бы он ни был формации, и не подлежат дальнейшему анализу. Таким образом, по Марру, звуковая речь возникла тогда, когда человечество *уже имело* не только материальную, но и «надстроечную» культуру – определенное мировоззрение, – развившуюся в период палеолита за время господства «кинетической» речи. Язык следовательно есть «надстроечная категория» на базе производства и производственных отношений, предполагающих наличие *трудового коллектива*.

Следующим шагом в рассуждениях Марра становится суждение о *стадиальном развитии языка* как надстройки, такой же, как искусство. Согласно теории «нового учения», языковое развитие идет не от общего языка к частным, а от множества различных языков, проходящих, тем не менее, одни и те же стадии развития, к их единству, и в таком случае «праязык есть сослужившая свою службу научная фикция». В результате множества скрещений количество языков уменьшается, и в будущем, коммунистическом обществе, по мнению Н. Я. Марра, этот процесс найдет завершение в создании всемирного языка, отличного от всех существующих.

На научную несостоятельность лингвистической теории Марра, начиная с Е. Д. Поливанова, указывали многие профессиональные лингвисты⁷. Что касается философской концепции марризма, официально начало ее опровержения было положено в 1950 году статьей профессора Тбилисского Государственного университета

имени Сталина А. С. Чикобава «О некоторых вопросах советского языкознания». Чикобава считает постановку проблемы о надстроечном характере языка в яфетической теории Н. Я. Марра в общем правильной, но обращает внимание на то, что специфика языка как надстроечной категории в учении Н. Марра «затушевывается», а вопросы, на которые должна быть расчленена проблема, не конкретизируются. В то же время, учение Н. Я. Марра о классовости языка совершенно несовместимо с марксизмом. Выделение стадии кинетической речи в развитии языка Чикобава также считает непродуктивной: «Ясно, прежде всего, что, когда говорят о происхождении языка, речь идет о звуковом языке, который служит средством общения человечества, а не о немом, «ручном» языке, который собственно и нельзя назвать языком, поскольку он является немим, бессловесным. Во-вторых, вопрос о происхождении языка никак нельзя смешивать с вопросом о происхождении отдельных конкретных языков и тем более нельзя сводить к установлению того, сколько было вначале «слов» и какие это были «слова», не говоря уж о том, кто ими обладал и какая за них «шла борьба». В каких условиях должен был зародиться язык – вот основной вопрос, на который призвана ответить теория происхождения языка. Согласно учению классиков марксизма, язык возник в процессе трудовой деятельности, язык возник из потребности общения. Первичный язык был звуковой речью»⁸. Статья Сталина «Относительно марксизма в языкознании»⁹ содержала резкую критику «нового учения о языке» как антимарксистского. Первая ее половина была посвящена философским положениям Марра о принадлежности языка к надстройке и о классовости языка: структура языка, его грамматический строй и основной словарный фонд есть продукт ряда эпох, следовательно, элементы современного языка были заложены еще в глубокой древности, до эпохи рабства; развитие языка происходило не путем уничтожения существующего языка и построения нового – путем взрыва, как это происходит с надстройкой, а путем развертывания и совершенствования основных элементов структуры существующего языка.

Продолжая участие в публикуемой «Правдой» дискуссии, Сталин обращает внимание на то, что в концепции Марра мышление существует в от-

рыве от языка, мысли возникают в голове человека до того, как они будут высказаны в речи, возникают без языковой оболочки, что совершенно неверно. Мысли могут возникнуть и существовать лишь на базе языкового материала, на базе языковых терминов и фраз. В доказательство Сталин приводит высказывание Маркса: «Язык есть непосредственная действительность мысли». Далее к сталинской критике присоединяются и другие: «Самое определение языка как магического средства, будто бы находившегося исключительно в распоряжении жрецов и магов, в корне противоречит марксистско-ленинскому пониманию языка как орудия общения всего народа... в противовес совершенно четким и предельно ясным положениям марксизма-ленинизма о возникновении классов на определенном историческом этапе развития общества, Н.Я. Марр, не считаясь с фактами, говорил о классах в первобытном обществе, чтобы как-то обосновать антимарксистский тезис об изначальной «классовости» языка»¹⁰.

Критика концепции Марра, осуществленная в пятидесятых годах прошлого века, сама не свободна от недостатков, это и вызывает естественное сочувствие марризму. Ведущий научный сотрудник ИРИ РАН Б.С. Илизаров отмечает, что Марр был близко знаком с Л.С. Выготским и А.Р. Лурия, а в 1934 году они вместе с С.М. Эйзенштейном намеревались начать совместную большую работу по истории и теории киноязыка.

Работа Л.С. Выготского «Мышление и речь», впервые вышедшая в 1934, посвящена анализу генетических корней этих высших психических функций и вывод о разном их происхождение, к которому Выготский приходит, действительно созвучен концепции кинетической стадии развития языка Марра. В связи с анализом вербального поведения шимпанзе, овладевающих языком-посредником для общения с человеком психолог пишет, что у антропоидов не обнаружено характерного для человека тесной связи между мышлением и речью, а следовательно, мы можем констатировать доречевую фазу в развитии интеллекта и доинтеллектуальную фазу в развитии речи. Но можно ли при этом утверждать, что Л.С. Выготский находился под влиянием идей Марра¹¹? В 1930-х годах XX века над этой же проблемой работал ученик И.П. Павлова академик Л.А. Орбели,

по мнению которого, существуют промежуточные этапы между сигнальными системами, которые обеспечили возможность использования символов вместо реальных объектов и реальных явлений, т.е. существование переходного уровня отражения психикой реальной действительности.

Концепция Н.Я. Марра содержит множество противоречий, на что обращали внимание даже его защитники в вышеупомянутой дискуссии¹². Несомненно, марризм сыграл свою роль в становлении русской науки о языке, но скорее, как единственная официально признанная научная и идеологическая доктрина, как и любая другая тормозившая и деформировавшая научный поиск.

Примечания:

1. См., например, Илизаров Б.С. Почетный академик Сталин против академика Марра. К истории дискуссии по вопросам языкознания в 1950 г. // Новая и новейшая история. 2003. № 3, 4, 5; Илизаров Б.С. К истории дискуссии по вопросам языкознания в 1950 году // Новая и новейшая история. 2004. № 5.
2. Алпатов В.М. Актуально ли учение Марра? // Вопросы языкознания. – М., 2006, № 1. – С. 3–15.
3. См.: Алпатов В.М. История одного мифа: Марр и марризм. – М., 1991; Алпатов В.М. Марр, марризм и сталинизм // Философские исследования, 1993, № 4. – С. 271–288.
4. См.: Зенкин С. Идеология языка (Заметки о теории, 12) // «НЛО» 2005, № 76.
5. Марр Н.Я. Извлечения из работ // Звегинцев В.А. История языкознания XIX–XX Веків в очерках и извлечениях. Часть 2. – М.: Просвещение, 1964. – С. 280.
6. Там же. С. – 284.
7. См.: Поливанов Е.Д. Историческое языкознание и языковая политика // Звегинцев В.А. История языкознания XIX–XX Веків в очерках и извлечениях. Часть 2. – М.: Просвещение, 1964. – С. 276.
8. Чикобава А.С. О некоторых вопросах советского языкознания // «Правда» от 6 мая 1950 года.
9. Основой для статьи И.В. Сталина Марксизм и вопросы языкознания: относительно марксизма в языкознании – III, опубликованная в газете «Правда» от 4 июля 1950 года, по мнению В.М. Алпатова, являются идеи А.С. Чикобава, Б.А. Серебренникова и др.
10. Сухотин В.П. Критика «учения» Н.Я. Марра о «классовости» языка // сб. Против вульгаризации и извращения марксизма в языкознании, М.: Изд. АН СССР, 1951. – С. 15.
11. См.: Илизаров Б.С. Почетный академик Сталин против академика Марра. К истории дискуссии по вопросам языкознания в 1950 г. // Новая и новейшая история. 2003. № 3, 4, 5.
12. См., например, Мещанинов И.И. За творческое развитие наследия академика Н.Я. Марра // «Правда» от 16 мая 1950 года.

Гостева И. В.

О ПОНЯТИИ «ДИСКУРС» И ДИСКУРСИВНЫХ СТОРОНАХ КОНЦЕПТА

Гостева И. В.

кандидат
филологических
наук, доцент кафедры
филологии Миасского
филиала
Челябинского
государственного
университета

Анализ концептов в контексте культуры осуществляется в нашем исследовании с помощью сопоставления особенностей их концептуализации и функционирования их вербализаторов в различных типах дискурса. *Дискурс* – это текст, погруженный в ситуацию общения, или, по определению авторов Лингвистического энциклопедического словаря (далее – ЛЭС), «связный текст в совокупности с экстралингвистическими: прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах)» [ЛЭС 1990: 136–137]. Данное определение, на наш взгляд, несколько размыто; нам ближе третья его часть, к которой, вероятно, следовало бы добавить, что дискурс – это совокупность текстов. При лингвокультурологическом подходе выделяется культурный дискурс – «совокупность текстов, свойственных определенной культуре» [Питина, Шкатова 2007: 36].

Одной своей стороной дискурс, как считают авторы Лингвистического словаря, обращен к прагматической ситуации, которая привлекается для определения его связности и коммуникативной адекватности, а также для выяснения его импликаций и пресуппозиций, для его интерпретации. Жизненный контекст дискурса

моделируется в форме «фреймов» (типовых ситуаций) или «сценариев» (делающих акцент на развитии ситуаций).

Другой своей стороной дискурс обращен к ментальным процессам, которые участвуют в коммуникации: этнографическим, психологическим и социокультурным правилам и стратегиям порождения и понимания речи в тех или иных условиях. Анализ дискурса представляет собой междисциплинарную область знания, в которой наряду с лингвистами участвуют социологи, психологи, литературоведы, философы и др.

Презентация ментальных категорий (концептов) в различных дискурсах имеет свои особенности. Дискурс является уже достаточно испытанным и в определенной мере традиционным объектом лингвистики. По определению Е. С. Кубряковой, дискурс – это «... форма использования языка в реальном (текущем) времени, которая отражает определенный тип социальной активности человека, создается в целях конструирования особого мира (или его образа) с помощью его детального языкового описания и является в целом частью процесса коммуникации между людьми, характеризуемого, как и каждый акт коммуникации, участниками коммуникации, условиями ее существования и, конечно же, ее целями» [Кубрякова 2004: 525].

Дискурс как объект лингвистики рассматривается в различных аспектах: когнитивно-дискурсивном, коммуникативно-дискурсивном. По мнению Е. С. Кубряковой, при коммуникативно-дискурсивном подходе рассматриваются коммуникативно-прагматические цели, расчет, установки, ролевые позиции, прототипический вариант, жанровые особенности, тональность и др. При когнитивно-дискурсивном подходе особое внимание уделяется специфике репрезентации знака, моделированию картин мира, продуцируемых дискурсом, особенностям выражения интенций и др. [Кубрякова 2004: 528].

Но в рамках лингвокультурологического подхода не могут быть использованы исключи-

тельно когнитивные трактовки концепта и дискурса, так как в этом направлении изучаются процессы становления, развития, функционирования сознания в культурно-историческом аспекте, а когнитология, как пишет Г.В. Токарев, рассматривает мышление в аспекте продуцирования дискурса тем или иным индивидом.

Г.В. Токарев выделяет два измерения дискурса: реальное и потенциальное. В реальном измерении дискурс представляет собой текущую практическую деятельность и тексты, возникающие в ее процессе. В потенциальном измерении дискурс – это тезаурус различных по природе знаков, правил их использования, ориентированных на обслуживание данной коммуникативной сферы, совокупность текстов. Этот исследователь выделяет три аспекта изучения дискурса: семантический, синтаксический, прагматический. Из них нам ближе семантический аспект, так как в этом измерении изучаются интенции дискурса (назначения, установки) [Токарев 2004: 30–31].

Дискурс определяется социально-историческими и идеологическими факторами, будучи обусловлен продуцирующим его социальным институтом. В связи с этим выделяется институциональный дискурс, то есть, дискурс, определяемый типами сложившихся в обществе социальных институтов, который характеризуется рядом лингвистически релевантных признаков (цель общения, коммуникативная функция его участников, типовые обстоятельства общения и т. д.).

Е.С. Кубрякова считает, что тип дискурса обуславливается типом социальной активности человека, в рамках которой он осуществляется и с целями которой он согласуется. Дискурсы культивируют ту или иную идеологию, систему актуализированных ценностей. Идеология, в свою очередь, характеризует ту или иную социально-историческую формацию (например, советский социализм, капитализм и т. д.) [Кубрякова 2004: 527]. По мнению же Г.В. Токарева, дискурс, обслуживающий определенную формацию в потенциальном измерении, формирует дискурсивную формацию. Модель русской концептосферы, считает ученый, в целом состоит из разнообразных

картин мира, продуцируемых теми или иными дискурсами [Токарев 2004: 33].

Список типов институционального дискурса, по мнению Л.С. Бейлинсон, достаточно подвижен, исторически изменчив и может включать как четко очерченные, канонические типы (политический, религиозный, педагогический, научный, медицинский и др.), так и сложные для определения типы, например, спортивный дискурс, массово-информационный дискурс, который стремительно расширяется, объединяя в себе признаки других типов дискурса.

Институциональный дискурс противопоставлен персональному по признаку личностной либо представительской ориентации субъектов общения. Вместе с тем, считает Л.С. Бейлинсон, не существует абсолютно личностного и абсолютно статусного общения, институциональность имеет градуальный характер. Педагогический дискурс, например, включает больше элементов личностного общения, чем религиозный и политический [Бейлинсон 2001: 6–7].

Различные типы институционального дискурса обнаруживают специфику применительно к субъектам общения. Есть классические типы дискурса, в которых выделяются коммуникативные диады «агент – клиент» института, то есть полноправный представитель института и человек, обращающийся в этот институт для решения своей проблемы (священник и прихожанин в религиозном дискурсе, по нашему мнению) либо являющийся объектом институционального воздействия (политик и избиратель в политическом дискурсе). Есть и типы институционального дискурса, характеризующиеся принципиальным институциональным равенством (деловое общение профессионалов, научный дискурс). Общение агентов институционального дискурса наблюдается практически в любом его типе, наличие клиентов характерно лишь для некоторых типов дискурса, например, для религиозного, политического, педагогического, медицинского.

Выделяют следующие конститутивные признаки институционального дискурса: 1) специфическая цель общения, заключающаяся в решении определенных проблем, которые и обусловили существование соответствующего

института (борьба за власть в политическом дискурсе); 2) специфические обстоятельства общения, происходящего в рамках определенного социального института, и вытекающие отсюда официальность стиля, жесткая заданность тематики, наличие институциональных символов (облачение священника); 3) специфические характеристики участников общения – представляющих институт агентов и обращающихся в институт клиентов, выступающих в представительской статусно-ролевой функции; 4) специфические характеристики текстов, которые содержат знаки принадлежности агентов к социальному институту, прямо или косвенно выражают ценности этого института, соответствуют сложившимся жанрам в рамках определенного типа дискурса.

Наряду с конститутивными признаками институциональный дискурс в его конкретном проявлении неизбежно включает нейтральные признаки, которые относятся к любым типам дискурса и характеризуют общение как таковое, а также признаки, которые свойственны другим типам институционального или персонального дискурса, но спорадически встречаются в данном типе институционального дискурса (элементы религиозного в педагогическом дискурсе, элементы педагогического в политическом и т.д.) [Бейлисон 2001: 6].

В данной работе мы использовали для анализа современного состояния духовно-нравственных концептов два институциональных дискурса: религиозный (православный) и светский (в основном политический). В условиях смены культурной парадигмы (возвращение традиционных ценностей отечественной культуры, в том числе и религиозных), многие из концептов актуализировались в традиционном содержании в текстах СМИ, функционируют и в религиозном, и в светских дискурсах.

На современном этапе развития общества в России, как и во всем мире, наблюдаются тревожные антропологические тенденции, которые затрагивают все сферы культуры, в том числе и язык нации. Наряду с возвращением к традиционным отечественным ценностям можно наблюдать в российском обществе снижение нравственных регуляторов.

В религиозном дискурсе можно наблюдать многие базовые концепты русской культуры, значимые для всей концептосферы нашей лингвокультурной общности. Это многомерные образования, где актуализированы в основном слои с традиционным для отечественной культуры содержанием (без секулярных наслоений), что можно объяснить каноничностью всех понятий, имеющих отношение к православному вероучению, где особое значение придается соблюдению всех традиционных устоев, сохранению чистоты веры.

Несомненно, свою специфику имеет политический дискурс, понимаемый нами, соответственно, как совокупность политических текстов. В литературе, посвященной проблемам политического текста, отмечаются его следующие особенности. Политический текст – это: 1) текст, функционирующий в сфере политики; 2) текст, обладающий определенной тематикой, связанной с различными политическими вопросами; 3) текст, создаваемый человеком, занимающимся политической деятельностью.

По мнению П.Б. Паршина, «всякий текст оказывает воздействие на сознание адресата с семиотической точки зрения. Но для политического текста речевое воздействие является основной целью коммуникации, на достижение которой ориентируется выбор лингвистических средств» [Паршин 1986: 403]. Степень воздействия политического текста на адресата исследуется рядом авторов с позиции создания определенной политической картины мира в сознании адресата.

В новейшем политическом дискурсе обнаруживается вторичная идеологизация слов, возвращение идеологом советского политического дискурса. При этом наблюдается переосмысление значения слов и изменение контекстуальных условий их употребления. Многие духовно-нравственные концепты представляют собой на данный момент востребованные общественные ценности, что находит свое отражение в актуализации концепта в политических текстах. Рассмотрим, каким образом подобные концепты репрезентируются в религиозном православном и политическом дискурсах на примере концепта «Вера».

Этот базовый концепт, восходящий еще к языческому прошлому древних славян, тог-

да и по сей день одновременно реализуется в двух сферах: человек-человек и человек-Божественное (потустороннее), то есть, по своей природе вера разделена на нерелигиозную и религиозную. В первом случае это убежденность, глубокая уверенность в ком-чем-нибудь. Второй аспект, основной, – убежденность в существовании Бога, высших божественных сил, доверие и верность Ему. Вера – один из главных феноменов человеческой жизни, не требующая доказательств уверенность в существовании Бога, признании Его бытия, – Бога, создавшего мир и находящегося в духовной связи с людьми. В философском понимании «вера» представляет собой религиозную категорию, отражающую непосредственный и целостный акт свободного принятия человеком трансцендентного. Гносеологически вера раскрывается в особом познавательном акте, направленном на постижение реальности физически невидимой, она дает знание причины мира и порядка его существования. В акте веры реализуется предзаданность познания путем согласования при помощи веры выстраиваемой картины мира с религиозными и нравственными установками человека; непосредственное, личное отношение человека к Богу. Другим аспектом библейского понимания веры является доверие человека к личности Бога, любовь к Нему. Абсолютная верность Богу характеризуется в Библии через тождество слова и его исполнения. В православной традиции вера в Бога предполагает безусловное признание догматов религии, религиозных преданий и обрядов.

Концепт вербализуется в текстах православных СМИ:

Тем не менее, как бы ни был силен и страшен грех в мире, в ограде семьи могут сохраняться тепло любви, свет истинной веры («Православная газета». № 13/2006).

Сначала прихожан нужно научить вере, молитве, любви («Православная газета». № 37/2004).

Эту тему можно обозначить, говоря канцелярским языком, как неполное соответствие части духовенства пастырскому призванию, или, применяя для определения угасания внутрен-

него горения сердца и веры евангельский образ, сказать, что «светильники наши угасают» (Мф. 25, 8) («Православная газета». № 37/2004).

Внешне благополучная количественная статистика не дает представления о качестве внутренней духовной жизни, о содержательности и глубине веры, для проявления которых строятся храмы. Всего несколько священников проявили слабость, поддались страху или поверили лживым обещаниям мирских благ и отказались от веры и Церкви, были запуганы («Православная газета». № 39/2006).

Рассматриваемый вербализатор концепта характеризуется эквивалентной оппозицией со словами и сочетаниями *любовь, молитва, горение сердца (души), духовная жизнь* и др. Адъективы, характеризующие его, – это *истинная, православная, крепкая*. «Вера» обнаруживает полярные отношения с единицами *неверие, атеизм, вероотступничество, суеверие, мирские блага*.

Большинство духовенства со смирением, но и с несокрушимым мужеством отстаивало свои убеждения, свидетельствовало перед лицом смерти о своей вере. Но было и высокое горение души, была сильная, глубокая, искренняя вера, была верность своему пастырскому призванию («Православная газета». № 23/2005).

В православных изданиях концепт «Вера» реализуется в сфере человек-Божественное, как не требующая доказательств уверенность в существовании Бога, создавшего мир и находящегося в духовной связи с людьми. Как показывает рассмотренный материал, данный концепт является одним из самых актуальных для религиозного дискурса, воплощает самое святое для православного человека и в таком традиционном содержании отражает исконные духовно-нравственные ценности отечественной культуры (вспомним, что издревле русский народ сражался с врагами «За веру, царя и Отечество!»). Этот концепт, на наш взгляд, также занимает центральное место в духовно-нравственной части русской концептосферы, формируя в числе других традиционных концептов аксиологию общенародной культуры.

Русский политический дискурс начала XXI века продуцирует определенную карти-

ну мира наших соотечественников, в которой концепт «Вера» реализуется преимущественно только в сфере «человек-человек» — это убежденность, глубокая уверенность в ком-чем-нибудь. Разумеется, это сугубо светский аспект; традиционное содержание концепта, связанное со сферой человека и Божества, выхолащено советской идеологией.

Хочу всем пожелать, несмотря ни на какие трудности, не терять веру в счастливое будущее. Когда у человека есть вера, он может преодолеть все, но потеря ее может быть убийственной. Душа у ребенка сохранилась чистой и вера непоколебимая («Рабочая газета». № 4/2007). В приведенном примере из текста политического дискурса, как видно, не идет речь о вере в Бога.

В такой трактовке нам этот концепт представляется обедненным в содержательном отношении, для политического дискурса он не является актуализированным и не входит в ядерную часть светской картины мира. Для секулярного мировоззрения данная аксиологическая категория не является доминантной, что, на наш взгляд,

обусловлено, помимо утраты веры в Бога, еще и разочарованием в различных общественных реалиях: политическом строе, государственной власти, крушением коммунистических, а затем демократических иллюзий.

Литература:

1. Бейлинсон, Л.С. Характеристики медико-педагогического дискурса (на материале логопедических рекомендаций: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л.С. Бейлинсон. — Волгоград, 2001. — 18 с.
2. Кубрякова, Е.С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е.С. Кубрякова. — М.: Языки славянской культуры, 2004. — 555 с.
3. ЛЭС — Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. — М.: Советская энциклопедия, 1990. — 685 с.
4. Паршин, П.Б. Лингвистические методы в концептуальной реконструкции / П.Б. Паршин // Системные исследования. — М.: Наука, 1986. — 464 с.
5. Питина, С.А. Лингвокультурология: краткий курс лекций / С.А. Питина, Л.А. Шкагова. — Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 2007. — 105 с.
6. Токарев, Г.В. Дискурсивные лики концепта: Монография / Г.В. Токарев. — Тула: Изд-во Тул. ун-та, 2004. — 325 с.

Русаков В.М.

ВИРТУАЛИЗАЦИЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ КЛАССИЧЕСКОГО МАРКСИЗМА

Русаков
Василий Матвеевич

доктор философских наук, профессор
Институт международных связей, г. Екатеринбург,
вице-президент МАДИ

Марксизм рассматривает общество как сложноорганизованную систему, в которую вовлечены наделенные сознанием и волей люди, а также вещи. Он стремится показать многостепенные сложно организованные цепи опосредований и опосредствований, которыми связаны происходящие процессы и участвующие в них люди.

Многостепенные и сложные опосредствования ведут к двум важным следствиям: к *замещениям* и *вытеснениям* а это, в свою очередь, является причиной конечного *превращения формы* протекающих процессов. В результате, взаимосвязи, составляющие сущность системы, многократно опосредуясь, вытесняются и замещаются, что приводит в итоге к превращению формы данной системы и она становится нераспознаваема с точки зрения сущности ее, иначе говоря, сущность системы начинает проявляться столь опосредованно, что «уходит с поверхности явлений» и ее открытие превращается в загадку, тайну.

Необходимость такого описания социальных процессов и систем, понятное дело, диктовалась

размежеванием с примитивно-механистическим истолкованием социальной жизни, с одной стороны, и с мистификацией ее в терминах одной лишь духовности и субъективно-психологической жизни – с другой. Роль опосредствований выполняют не только вещи, но и люди, а также их представления. Поэтому несостоятельна как вещно-механистическая картина этих процессов, так и субъективно-психологическая. Маркс писал: «действительный процесс производства, как единство непосредственного процесса производства и процесса обращения порождает все новые формы, в которых все более теряется нить внутренней связи, отношения производства все более приобретают самостоятельное существование по отношению друг к другу, а составные части стоимости заостеневают в самостоятельные одна по отношению к другой формы»¹. После такого превращения, отмечает он, вовлеченные в процесс индивиды иначе смотрят на него: «Однако агентам производства, носителям различных функций процесса производства дело представляется не в этой (действительной, сущностной – В.Р.), а, напротив, в извращенной форме»².

В то же время, эти превращения довольно легко усваиваются обыденным сознанием, которое апеллирует к ним как к наличной реальности, совершенно не заботясь о судьбе сущности (как не заботились люди о законе тяготения тысячи лет наблюдая различные формы его проявления – падающие на землю вещи и висящую в небе луну), несмотря на то, что сущность в них извращена, затемнена и вытеснена («с поверхности явлений»). Маркс подчеркивает отношение к этому участников процесса и тем самым формулирует принципиальной важности проблему: «Однако до опосредствующей роли тех иррациональных форм, в которых выступают и практически резюмируются определенные экономические отношения, практическим носителям этих отношений нет в их обыденной жизни никакого дела, а так как они привыкли вращаться в этих отношениях, то их ум несколько не спотыкается о них. В том, что насквозь противоречиво, для них нет решительно ничего таинственного... В формах проявления,

лишенных внутренней связи и нелепых, если их взять изолированно, они так же чувствуют себя, как рыба в воде»³. Еще раз обратим внимание на это указание Маркса, что обыденное сознание не различает рациональности и иррациональности, ибо внутренняя сущностная связь стерта и нераспознаваема, замешена, а, значит, для него вытеснена из сферы непосредственно очевидного и доступного опыту обыденного сознания. Поэтому-то сущность можно постичь только опосредованно, в понятиях, теоретическим разумом и только им исследована. Только в теоретическом понятийном мышлении возможно различение рационального и иррационального.

Это следует понимать так, что рассудочное обыденное сознание ухватывает не рациональность или иррациональность, а какие-то их необходимые, но недостаточные признаки. Например, формально-логическая правильность и непротиворечивость являются необходимыми, но недостаточными признаками, как и алогизм и противоречивость вовсе не являются обязательными и тем более достаточными признаками иррациональности. Для рассудка истины науки парадоксальны и противоречат данным повседневного опыта (постоянство ускорения свободного падения *теп* на землю вне зависимости от веса, шарообразность Земли гелиоцентрическая система и т.д.) в том смысле, в каком подметил еще Гегель, а затем и Маркс: «В этом случае справедливо то, что Гегель сказал относительно известных математических формул, то, что обыденный человеческий рассудок находит иррациональным, есть рациональное, а рациональное для него есть сама иррациональность»⁴ (18), а с другой стороны, рассудок может вращаться в кругу иррациональных, но вполне привычных представлений и форм деятельности. Маркс вновь и вновь возвращается к этой ситуации, заостряя внимание на отчужденных, как он подчеркивает, формах проявления сущностных связей. Поэтому нас не может удивлять обстоятельство, что как раз имея дело с отчужденной формой проявления экономических отношений, в которой они *prima facie* принимают нелепый характер и полны противоречий, – а если бы форма проявления и сущность вещей непосредственно

совпадали, то всякая наука была бы излишня, — что именно здесь вульгарная политэкономия чувствует себя совсем как дома и что эти отношения представляются ей тем более само собой разумеющимися, чем более скрыта в них внутренняя связь, хотя для обыденного представления они кажутся привычными»⁵.

Мы сталкиваемся здесь с весьма сложной и острой проблемой: понять противоречивость и нелепость таких форм можно только при анализе их с помощью средств теоретического мышления, но сами по себе теоретические средства (понятия, категории, теории) не являются индикаторами рациональности или иррациональности. Поэтому-то с их помощью может осуществляться псевдорационализация стереотипов обыденного сознания, зачастую носящих в принципе иррациональный характер. И связано это, по мнению Маркса, с тем, что отображение сущностной связи явлений и процессов является сложнейшей задачей (раскрытие тайны), так как она не просто не дана непосредственно, но подвергается многоступенчатым превращениям, содержащим замещения и вытеснения ряда посредствующих элементов. Острота познавательной проблемы оказалась связана с тем, что сам познающий субъект является участником познаваемых процессов и потому характер включенности его в изучаемые связи и отношения вещей и явлений существенно предопределяет итог постижения сущности, а, следовательно, рационализации представлений о ней. Например, постоянно подчеркивает Маркс, трудность изучения сущности капитала состоит в том, что «... вся сфера (капитала) есть сфера конкуренции, в которой, если рассмотреть каждый отдельный случай, господствует случайность, в которой, следовательно, внутренний закон, прокладывающий себе дорогу через эти случайности, и регулирующий их, становится видимым лишь тогда, когда они охватываются в больших массах, и в которой он остается поэтому невидимым и непонятным для самих отдельных агентов производства»⁶.

Там, где сущностная связь не скрыта под слоями опосредствований, непосредственные участники процесса производства способны

ее осознавать, сознательно действовать в соответствии с ней. Но такая благоприятная познавательная ситуация, очевидно, есть вещь достаточно редко встречающаяся, а в случае с познанием процессов, совершающихся в обществе, тем более исключительная. Более сложные крайние случаи состоят в том, что опосредствования ведут к превращениям взаимосвязей так, что принципиально меняются местами причина и следствие, начало и конец, цель и средство, условие и результат и т. п., — являя совершенно фантастическую картину.

Часто опосредствование настолько усложняется и разрастается, что проявляется «непосредственное» в виде тождества указанных категорий, ибо опосредствование выпало из поля зрения участников процесса. Вот почему одним из признаков иррационального является чистая непосредственность — выступает ли она в виде мистической интуиции, вдохновения, экстатического озарения, чудесного явления и т. п., с помощью которых предполагается прямой прорыв к сущности, минуя слои опосредствования. Рациональность поэтому всегда дискурсивна, в дискурсивности раскрываются слои и уровни опосредствований. Иррациональность часто кроется там, где склонны полагать что-то самоочевидным, само собой разумеющимся, не нуждающемся в специальном разъяснении и обосновании. Фундаментальная методологическая подозрительность к такого рода самоочевидным (непосредственным) данностям совершенно оправдана. В этих формах слишком часто скрывается навязываемый неконтролируемый схематизм связи определенного рода при ближайшем рассмотрении часто оказывающийся вполне иррациональным (невыразимость одного в другом), что в последующем разрешении этого противоречия могло приводить, например, к раскрытию целой новой предметной области, скрытой ранее от рефлексии. Как правило, такой продуктивной рефлексии предшествовали существенные практические изменения, достижения, которые и приводили к неудовлетворенности формулами типа «таким образом, отсюда следует», «само собой разумеется, что» и другими подобными.

Частным случаем противоречивого взаимоотношения непосредственного и опосредствованного, проявляющего связи рационального и иррационального, выступает у Маркса категория *овеществление*. Он указывает на то, что опосредствования часто принимают форму овеществления: «В формуле «капитал-прибыль» или еще лучше, «капитал-процент, земля-земельная рента, труд-зарплата», в этом экономическом триединстве. Изображающем связь составных частей стоимости и богатства с его источниками, оказывается завершенной мистификацией капиталистического способа производства, овеществление общественных отношений, непосредственное сращивание вещественных отношении производства с их исторически-общественной определенностью получился заколдованный, извращенный и на голову поставленный мир...»⁷. В сложных системах человеческой деятельности складывающиеся общественные отношения опосредуются вещами, осуществляются при посредстве вещей. Неразличение характера такого опосредствования, того обстоятельства, что вещная оболочка общественных отношений и человеческой деятельности есть лишь посредствующее звено и сведение их к вещам, к этой вещной оболочке – все это ведет к непосредственному сращиванию, отождествлению и мистификации связей: соизмерение несоизмеримого (вещь и общественное отношение), иррациональность. Смысловой оттенок понятия мистификации соприкасается с содержанием понятия *непосредственное*, ибо мистификация и есть подмена сущности непосредственно данным (но фактически несущественным), что выступает как бы непосредственным явлением сущности (как будто она дается непосредственно), что невозможно, и в то же время есть на деле (непосредственная данность запредельного). Чаще всего, суть этого механизма в том, что посредствующий процесс опускается, замещается и на поверхности предстает «непосредственная» связь. В наибольшей мере этот механизм был прослежен Марксом в анализе ссудного процента: «В форме капитала, приносящего проценты, это качество (самовозрастание – В.Р.) проявляется непосредственно, без опосредствования процессом производства

и процессом обращения. Капитал представляется таинственным и самосозидающим источником процента, своего собственного увеличения *Вещь* (деньги, товар, стоимость) как просто вещь, теперь уже является капиталом, а капитал представляется просто вещью: результат всего процесса воспроизводства представляется свойством, принадлежащим самой вещи: от владельца денег, то есть товара в той его форме, в которой его всегда можно обменять, зависит, израсходует ли он их как деньги или отдаст в ссуду как капитал. Поэтому в капитале, приносящем проценты, этот автоматический фетиш, самовозрастающая стоимость, деньги, выступает перед нами в чистом, окончательно сложившемся виде, и *в этой форме он уже не имеет на себе никаких следов своего происхождения*»⁸ (курсив мой – В.Р.).

И далее Маркс резюмирует суть перехода к иррациональному: «Здесь фетишистская форма капитала и представление о капитале-фетише получает свое завершение. В Д-Д: мы имеем иррациональную форму капитала, высшую степень искажения и овеществления производственных отношений... перед нами мистификация капитала в самой яркой форме»⁹.

Как видим, категории непосредственное-опосредствованное занимают важное место в анализе Марксом связи рационального и иррационального. Можно сразу же сказать здесь, что в современных исследованиях проблемы рациональности этим категориальным соотношениям уделяется крайне мало внимания между тем как эта пара категорий если не вскрывает тонкие механизмы образования таких форм иррациональности как мистическое, фетишизм, и т. п., – то, по крайней мере, нацеливает на это.

Однако при всей важности этих обстоятельств, явно и четко прослеживаемых в марксистском анализе «превращенных форм сущности капиталистического способа производства», мы должны исследовать собственное содержание категории иррациональное, как это виделось Марксу.

Следует обратить внимание на то, что с необходимостью существует два уровня рассмотрения. Первый уровень – это, как мы уже видели, объективные процессы многообразного

опосредствования в сложноорганизованных системах деятельности (например, производство материальных благ, распределение, обмен, общественные отношения и т. д.), то есть иерархически организованная система взаимосвязей и отношений людей и вещей, в которых имеют место процессы опосредствования, замещения, вытеснения (или в целом – превращения). Это объективно существующий слой реальности общественной жизни как таковой самой по себе.

Но есть второй слой, он играет не менее важную роль, ибо речь идет о взаимодействии субъективных стремлений и представлений. Однако этому плану Маркс также придает объективный характер, он говорит об «объективных мыслительных формах, в которых практически резюмируются определенные общественные отношения». Иррациональное не списывается на счет «дурной субъективности», вздорных продуктов произвольной игры фантазии, но рассматривается как закономерное образование: формирование иллюзий и заблуждений, извращенных представлений имеет под собой объективно закономерную почву.

Оба эти слоя постоянно представлены в том способе анализа капитала, который многообразно повторяет Маркс. Вначале – свершение превращения на основе многообразного опосредствования: «Движение, характерное для капитала вообще, – возвращение капитала к его исходной точке, – для капитала, приносящего проценты, приобретает *чисто внешний вид, обособленный от того действительного движения, формой которого он служит*»¹⁰. Превращение уже имеет место до всякого его осознания, осмысления, простого отображения: в таком виде картина предстала бы всякому сознанию, решившему бы ознакомиться с ней. «В самих этих сделках, – стремится подчеркнуть и детализировать процесс Маркс, – *посредствующий процесс погашен, невидим, непосредственно не заключен*. Простая форма капитала деньги, которые затрачиваются в виде суммы $A + 1/x \cdot A$ без какого бы то ни было иного опосредствования, кроме этого промежутка времени – есть лишь иррациональная форма действительного движения капитала» (курсив мой – В.Р.)¹¹.

Далее с этими реально совершившимися превращениями, со всеми замещениями и вытеснениями, имеют дело участники процессов производства, обмена, распределения и т. п. Но все они неизбежно выступают как частичные участники, которым открывается лишь определенная часть целостного процесса и потому, по мнению Маркса, они неизбежно строят превратное представление: «...распределение предполагает наличие этой субстанции, т. е. совокупной стоимости годового продукта, которая есть не что иное, как овеществленный общественный труд. Однако агентам производства, *носителям различных функций процесса производства* дело представляется не в этой, а, напротив, в извращенной форме»¹². Характерно именно это включение в постижение любого процесса капиталистического общества позиции наблюдателя, которая формируется, тем не менее, совершенно объективно (методологическое новшество, которое сделается общенаучным лишь в следующем веке). Маркс продолжает: «Этим агентам производства капитал, земельная собственность и труд представляются тремя различными, независимыми источниками, из которых, как таковых, происходят три различные составные части ежегодно производимой стоимости, а, следовательно, и продукта, в котором она существует, из которых, следовательно, происходят не только различные формы этой стоимости, достигающиеся в виде доходов отдельным факторам общественного процесса производства, но и сама эта стоимость, а тем самым и субстанция этих форм дохода»¹³. С этой точки зрения, участники таких процессов ничего иного и не делают, как только в привычных им категориях отображают «реальное положение дел». Именно так характеризуется вульгарная политэкономия. «Вульгарная политическая экономия в действительности не делает ничего иного, как только доктринерски истолковывает, систематизирует и оправдывает представления агентов буржуазного производства, захваченных отношениями этого производства»¹⁴. Однако в чем же раскроется иррациональный смысл таких доктринерских представлений?

Об иррациональности простого теоретического отображения такой реальности Маркс начинает говорить, переходя к указанию на то, что оно ведет к соизмерению в принципе несоизмеримого и выражению одного через другое в случаях, когда такое, с его точки зрения, невозможно: «...Она (вульгарная политэкономия. – В.Р.) нисколько не понимает, что триединство, из которого она исходит, земля-рента, капитал-процент, труд-заработная плата, или цена труда есть *prima facie* три невозможных компонента... Если под капиталом *понимается* определенная сумма стоимости, самостоятельно представленная в деньгах, то *prima facie*, является бессмыслицей то, что стоимость есть большая стоимость, чем она стоит. Как раз в формуле «капитал-процент» отпадает всякое опосредствование и капитал сводится к своей самой общей, но потому и не объяснимой из себя самой и абсурдной формуле»¹⁵.

Чисто внешне такие попытки выразить невыразимое и соизмерять несоизмеримое проявляются в противоречиях: конечные выводы и следствия приходят в неразрешимое противоречие с исходными определениями понятий и категорий. По мнению Маркса, наглядным примером является стремление вульгарной экономии искать «спасения от капитала как стоимости в вещественной субстанции капитала»¹⁶. Вновь и вновь он подчеркивает такое толкование иррациональности: «Может показаться, что, по крайней мере, в формуле «труд-заработная плата» выражено рациональное отношение. Но этого здесь нет так же, как в формуле «земля-земельная рента», поскольку труд образует стоимость и представлен в стоимости товаров, он не имеет никакого отношения к распределению этой стоимости между различными категориями. Поскольку же он имеет специфически общественный характер наемного труда, он не образует стоимости. Вообще уже раньше было показано, что заработная плата или цена труда есть лишь иррациональное выражение стоимости или цены рабочей силы и определенные общественные условия, при которых продается эта рабочая сила, не имеют

никакого отношения к труду, как к всеобщему фактору производства»¹⁷.

В одном из писем к Энгельсу он повторяет как заклинание свой вывод: «Здесь обнаруживается, на чем основывается *характер представлений* филистера и вульгарного экономиста, а именно на том, что в их мозгу всегда отражается лишь непосредственная *форма проявления* отношений, а не их *внутренняя связь*. Если бы, впрочем, имело место последнее, то зачем вообще была бы тогда наука?»¹⁸.

Характер таких представлений не устраивает Маркса по причине того, что они ведут в содержательном смысле к фетишизму (вещи наделяются сверхъестественными свойствами общественных отношений) и овеществлению общественных отношений, а с точки зрения формы – к противоречиям взрывающим логическую систему понятий изнутри.

Маркс предпринял попытку за взаимоотношениями вещей увидеть отношения людей: с его точки зрения, в обществе есть отношения между людьми и они опосредуются вещами, а не наоборот. Его критика направлена против фетишизма в рассмотрении общества и в этом она совершенно справедлива. Поэтому он стремится быть до конца последовательным в проведении этого принципа.

Однако иррациональность в этой логике проистекает от того, в сущности, что происходит не просто соизмерение несоизмеримого, – это лишь «слепок» с реальности «как она есть»: дело в том, что остановка обыденного, рассудочного сознания на фиксации этой реальности является основой более глубокого следствия – фактически неконтролируемого, стихийно навязываемого субъекту познания и действия *способа* воззрения и представления, который берется как данность.

Виртуализация, в сущности, оказывается не чем иным, как искусственно создаваемой знаково-символической системой (системами), при помощи которой производится «освоение» субъектом различных объектов деятельности. Только важно иметь в виду, что эта искусственная «реальность» зачастую наделяется свойствами «настоящей реальности» (в случае

придания ей значения (роли, функций) самостоятельной (автономной и самодостаточной)), области действительности – в таком случае субъект попадает в ловушку созданных им же самим фантомов (призраков) и принимает их за самую действительность (придуманные игры замещают действительность и тогда люди «заигрываются»).

Литература:

1. К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., Т. 25, Ч. 2, С. 396.
2. Там же. С. 389.

3. Там же. С. 340.
4. Там же. С. 341.
5. Там же. С. 383–384.
6. Там же. С. 395–396.
7. Там же. С. 398.
8. Там же. Ч. 1, С. 431.
9. Там же. С. 432.
10. Там же. С. 383.
11. Там же.
12. Там же. Ч. 2, С. 389.
13. Там же. С. 389–390.
14. Там же. С. 383.
15. Там же. С. 384.
16. Там же.
17. Там же. С. 390.
18. Там же. Т. 31, С. 266.

Ушакова О.М.

РОЛЬ ПРОГРЕССА В ВОЗРАСТАЮЩЕМ РАЗРЫВЕ МЕЖДУ ПРОСТРАНСТВЕННЫМ МЫШЛЕНИЕМ И ПРОСТРАНСТВЕННЫМ ПОВЕДЕНИЕМ ЧЕЛОВЕКА

Ушакова
Ольга Михайловна
аспирант ТГНГУ

Человек разумный, несмотря на разум как отличительную от иных существ черту, продолжает оставаться биологическим видом, можно сказать, что биологическая сущность выступает базисом для всех иных надстроек – поведения в социуме, саморефлексии и прочих проявлений человеческого. Обладая необычайно развитым мозгом, и, соответственно, развитым и сложным мышлением, человек может активно преобразовывать окружающую среду, порой очень существенно ее изменяя. Среда

обитания человека меняется: урбанизируется, большую роль в её формировании играют современные технологии, что и обуславливает изменение пространственного поведения. Все большие расстояния человек преодолевает с помощью самолета, поезда или автомобиля, тело его при этом остается малоподвижным. Город как среда обитания также диктует свои условия. Современные города представляют собой достаточно стесненное пространство, и это касается как публичных мест, недостаточно эргономично порой организованных, так и жилья, которое у большинства городского населения хоть и благоустроено, но дефицит площади довольно остро ощущается. Феномен «сидячей работы» – по большей части тоже городской.

Действующие в России нормы предполагают 17 м² жилого пространства на человека, зачастую и они не соблюдаются. Сейчас в России на одного человека приходится в среднем 19,7 кв. м. жилой площади. В странах ЕС – 36–40 кв. м., в США – более 70 кв. м. [5].

Возвращаясь к биологической сущности человека разумного, представляется разумным

согласиться с утверждением о справедливости действия ряда биологических законов на повседневную жизнь человека, в том числе, на его пространственное поведение. А.М. Макарьева и В.Г. Горшков постулируют универсальную зависимость площади личной территории животного от размера. Эта площадь растет в прямой зависимости от массы тела. Размер индивидуальной территории, предусмотренной природой для каждой человеческой особи, составляет порядка четырех квадратных километров. Во многом эта цифра зависит от того, на какое расстояние передается человеческий крик, являющийся у высших приматов одним из способов обозначения принадлежащей им территории. Авторы также говорят о важности личной территории для реализации программы нормального существования, о любви к путешествиям, как доказывающему эту важность феномену, когда отсутствие собственной территории компенсируется якобы свободным перемещением по чужой. Исследователи проводят параллель с животными миром, когда «отсутствие личной территории сигнализирует особи о ее низком социальном статусе, вызывает состояние униженности и препятствует нормальному физиологическому функционированию организма. Детальное исследование содержащихся в неволе популяций черных носорогов выявило следующие закономерности: хуже всех размножались особи, содержащиеся в небольших помещениях с непрозрачными стенами... Напротив, особи, содержащиеся в клетках с прозрачными стенами, сквозь которые они могли всего лишь видеть большие свободные пространства, размножались гораздо лучше, и самцы, и самки. То же самое происходит, например, и с крошечными тушканчиками. Это означает, что необходимость обладания большой свободной территорией записано в генетической программе животного, а зрительная информация о доступной территории напрямую влияет на его физиологию» [4].

Можно вспомнить об эксперименте «Вселенная-25». В 1972 году Джон Б. Калхун поставил следующий опыт: был сделан квадратный металлический бак два и семь на два

и семь метров, высотой полтора метра. Еда, умеренный климат, чистота, гнезда для самок, горизонтальные и вертикальные ходы для самцов. В этот «рай» поместили четыре пары здоровых мышей. Через 104 дня у них появилось первое потомство. Каждые 55 дней население удваивалось, лишь через 315 дней рост замедлился. Во Вселенной 25 теперь жило более 600 мышей. Самцам стало труднее защищать свою территорию, по ходам теперь нужно было протискиваться, свободных социальных ролей почти не осталось, как и свободного места. Появились «отверженные», и они стали собираться в группы в центре – их вылазки встречали жестокий отпор. Вскоре матери стали нервничать и нападать на потомство, рождаемость упала. Самки-одиночки переселились в самые верхние труднодоступные гнезда, а среди самцов стал все чаще наблюдаться ярко выраженный нарциссизм. Эти самцы не дрались, не желали плотских утех – они только ели, спали и умывались. Но в то же время, в дальних углах процветали каннибализм и насилие. Через 18 месяцев, рост мышинной вселенной окончательно прекратился. А еще через месяц (600 дней с начала райской жизни), при очень низком количестве новых беременностей, смертность молодняка достигла 100 процентов. Нарциссирующие самцы и попрятавшиеся по дальним норам самки потеряли желание и социальную способность спариваться, полоролевое поведение грызунов окончательно нарушилось. Выводы эксперимента таковы: когда все доступное пространство занято, и все социальные роли в обществе распределены, то конкуренция и испытываемый стресс ведут к утрате навыков социального поведения, что приводит к уничтожению популяции. Целью эксперимента было как раз изучение проблемы перенаселенности. Эксперимент дал толчок для множества исследований в этой теме и по результатам одного из них даже были пересмотрены нормы площади на человека в тюрьмах США и ряда западных стран [1].

Таким образом, можно констатировать, что комфортные условия для проживания социальных животных должны подразумевать

не столько обилие пищи, сколько наличие жизненного пространства. В противном случае, райские на первый взгляд условия приводят сначала к поведенческой, а позже и полной деградации колонии, где выживают только те животные, уровень социальной толерантности которых в нормальной среде считался бы патологичным.

Конечно, следует учитывать, что люди – не носороги, не мышки и не тушканчики, на это следует делать поправку. Но современный город по ряду параметров на самом деле напоминает зоопарк – жить есть где, тепло, еда в изобилии – но очень тесно. Значительная часть горожан живет в крайне тесных квартирах, к тому же в многоэтажных домах – нет чувства обладания землей, на которой стоит дом.

Удовлетворение инстинкта обладания большой территорией горожанин осуществляет за счет постоянных перемещений по городу на индивидуальном транспорте. Но территория города («индустриальный пейзаж») сильно отличается от естественной, предположительно записанной в генетической программе. Это подтверждается непрерывным стремлением горожан выехать за город на свои приусадебные участки.

В условиях сокращающегося жизненного пространства, во многом обусловленного научно-техническим прогрессом, человек вынужден изменять свое пространственное поведение. Развитие оптики и изобретение телескопов и микроскопов позволили исследователям заглянуть вглубь вещества и изучать далекие звездные миры, что способствовало, с одной стороны, расширению и структуризации представлений о пространстве, с другой стороны, их пространственное поведение реализовывалось во все более узких рамках. Достаточно сравнить биологов прошлых столетий, отправляющихся за материалами в кругосветные путешествия и современных исследователей-микробиологов, значительную часть времени проводящих в лабораториях. Ученый изучает внутреннее строение организма, и для него благодаря использованию электронного микроскопа человеческая клетка, к примеру, становится

сложно структурированным пространством. Иными словами, познаваемое пространство расширяется, в то время как пространственное поведение либо реализуется в прежних, обыденных рамках, как если бы микроскоп и телескоп не были бы изобретены – либо даже становится более ограниченным. Немалую роль в осуществлении этого разрыва сыграли телевидение и Интернет, во многом обыденное познание окружающего мира осуществляется посредством этих технологий.

Такой разрыв может иметь ряд негативных последствий, в ряду которых нарастающая гиподинамия, признанная Всемирной организацией здравоохранения весьма серьезной проблемой, может оказаться лишь верхушкой айсберга. От заболеваний, обусловленных недостаточной физической активностью, или гиподинамией, каждый год в мире умирает около 1,9 млн. человек [3].

В познании и, соответственно, формировании пространственного мышления особую важность приобретает проблема виртуальной реальности, которая понимается нами как компьютерная модель реальности (от лат. *virtus* – воображаемый, мнимый и лат. *realis* – вещественный, действительный, существующий; англ. *virtual reality*, VR) – созданный техническими средствами мир (объекты и субъекты), передаваемый человеку (посетителю этого мира) через его ощущения, имитирующий как воздействие, так и реакции на воздействие посредством компьютерного синтеза, производящегося в реальном времени. Тем не менее, иногда понятие виртуальной реальности используется слишком расширено, особенно, в средствах массовой информации нередко заголовки типа: «В Британии дали реальные сроки за виртуальные подстрекательства» [2]. Общение и передача данных посредством компьютерных сетей осуществляют вполне реальные люди, где интернет лишь средство передачи информации. Вероятно, здесь необходимо сделать поправку на особенность конструирования образа пространства через восприятие органами чувств – собеседника чаще всего не видно, его местоположение от-

носителю собственного тела не идентифицируется с достаточной реалистичностью, что и обуславливает восприятие такого общения как виртуального, а собеседника как сгенерированного компьютерной системой образа. Наблюдается определенный парадокс, когда с совершенствованием средств коммуникации, приближающих к реальности, восприятие другого человека как реально существующего субъекта затрудняется, другой как будто растворяется в среде, посредством которой осуществляется коммуникация. Но в целом человек в своем пространственном восприятии уже относительно адаптировался к данному разрыву между «реальностями», к примеру, технологии 3D-кино сейчас производят на массовую публику не такое ошарашивающее впечатление, какое в свое время произвело изобретение братьев Люмьер.

Постепенно следствия широкого распространения современных технологий начинают осмысляться, появилось целое направление в психологии (виртуальная психология – основоположником которой был Николай Александрович Носов) [6], которая изучает взаимосвязи психологических феноменов и область деятельности, в которой взаимодействие объектов опосредованно электронными носителями информации.

Прогресс, с одной стороны, расширяет границы мира, в котором человек осуществляет свою деятельность, показывает, насколько он сложен и даже позволяет создавать иные не менее сложные реальности, а с другой – способствует изменению пространственного поведения в сторону осуществления его во все более узких рамках. Происходит все больший разрыв между пространственным поведением и пространственным мышлением человека цивилизованного мира. В условиях ограниченного пространственного поведения немалое значение приобретают регулярная физическая активность. Не следует забывать, что организм человека рассчитан на достаточно активное пространственное поведение и интенсивные физические нагрузки. Прогресс повышает уровень комфорта существования, часто избавляет

от необходимости физического труда – но это может приводить к нежелательным последствиям для здоровья – как физического, так и психического. Город – это качественно новая среда обитания, и для успешной адаптации к ней необходимо принять ряд мер, нужны совместные усилия разных исследователей, междисциплинарные проекты.

Литература:

1. Calhoun J. Death Squared: The Explosive Growth and Demise of a Mouse Population. Proc. roy. Soc. Med. Volume 66. January 1973. P. 80.
2. В Британии дали реальные сроки за виртуальные подстрекательства [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.postsovet.ru/blog/video/238460.html>.
3. Всемирная организация здравоохранения [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.who.int/ru/>.
4. Макарьева А.М., Горшков В.Г. Человек бесправный [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.bioticregulation.ru/life/life11_r.php.
5. Маркова А. Квартиры станут личным делом? // Босс. – 2004. – № 9.
6. Центр виртуалистики ИЧ РАН [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.virtualistika.ru/centerfounder.html>.

Булекбаев С.Б.

К ВОПРОСУ О НЕОБХОДИМОСТИ СОЗДАНИЯ СВЕТСКОЙ ИДЕОЛОГИИ В РК

Булекбаев С.Б.

доктор философских
наук, профессор
КазУМОиМЯ,
г. Алматы, Казахстан

На примере любого государства можно конкретно увидеть, как сказывается на состоянии экономики официальная политика. Она может либо открыть дорогу для быстрого развития экономики и предпринимательства, либо поставить на их пути глухие барьеры, загнать в непроизводительную, теневую экономику. В этом плане отличительными признаками успешно модернизированных стран были в первую очередь, – это порядок, четкая постановка целей, отказ всякого рода демагогий, тщательный анализ средств для достижения указанных задач, минимизация затрачиваемых средств и усилий. Решение этих задач требует мобилизации всех имеющихся сил и средств. Она невозможна без собранности, мобилизации и самоограничения. И как следствие – отторжение системой институтов и лиц, доказывающих свою некомпетентность или бесполезность. Порядок в условиях модернизации – это средство обеспечения ее эффективности.

Как показал опыт стран, успешно реализовавших программы реформирования и модернизации, огромную роль в этом процессе играет также и духовная сфера, в первую очередь идеология, которая идеологически обосновывает и легитимизирует ход всех проводимых преобразований. Здесь нужно вспомнить, что в любой системе все здание общества покоится на три основных опорах: система власти и управления, экономика

и идеология. В Казахстане в результате смены строя были разрушены все три. Однако больше всех из них пострадала идеология. Сначала все были убеждены, что базисом общества является экономика. Однако потом выяснилось, что экономика, оказывается, зависит от организации власти и управления. И лишь потом люди заметили, что система власти и управления и экономика не могут достаточно эффективно функционировать без должной идеологической обработки людей. А для этого необходимо соответствующее условиям идеологическое учение и идеологический механизм, внедряющий это учение в сознание своих граждан. Что касается идеологии, то она определяется как комплекс идей и концепций, с помощью которого человек понимает общество, социальный порядок и самого себя в этом обществе и в мире. Идеология – это своеобразные общие ценности общества, которые выражают его чаяния и желаемые им представления о более совершенной и достойно организованной жизни. Наконец, идеология – это легитимация экономической и политической системы современного общества. В этом плане есть ли в нашем обществе такая идеология? Есть ли в нашем обществе разделяемые всеми общие ценности, есть ли представление о том, какое общество мы стремимся построить? Однозначно нет. Хотя сегодня всем слоям общества становится очевидна жизненная необходимость выработка единой системы ценностей, увенчанной национальной мечтой. Необходимость новой светской идеологии. В тоже время все то, что делается на этот счет властями в нашей стране, не соответствует потребностям страны. Свидетельством чего является то явное общественное разочарование большинством населения пореформенной реальности. В частности, отсутствием зрелого представления об общественном благе и общественном пороке, об источниках и поддерживающих системах тех сил, которые благоприятствуют нации или, напротив, тормозят ее развитие.

Согласно социологическим исследованиям, центральным ощущением этого массового психологического кризиса, получившего непосредственное социально-демографическое выражение, была утрата осмысленности жизни и деятельности в связи с потерей общей цели, объединяющей и собирающей нацию в единое целое. Поэтому создание светской национальной идеологии, как принимаемой всеми общественной стратегии развития, собственных ценностях, собственной модели развития – это неумолимое требование нашей истории.

Здесь нужно пояснить, что в результате смены общественного режима в нашем обществе был отменен марксизм-ленинизм как государственная идеология. В связи, с чем потребовалось, во-первых, разрушить культурное ядро этого общества, а во-вторых, создать новую целостную мировоззренческую основу, которая бы консолидировала людей. В решении первой задачи, то есть «разрушения культурного ядра» социалистического общества власть достигла определенных результатов. Но это была лишь часть проблемы, поскольку, кроме разрушения старой идеологии, и образовавшегося в результате этого духовного вакуума нужно было обеспечить «культурную гегемонию», создать привлекательную для легитимации нового социального порядка идеологию. Короче встала задача заполнять этот вакуум, если и не новой идеологией, то, по крайней мере, какой-то духовной продукцией, компенсирующей ее.

К большому сожалению, в тот период наша власть недооценила роль идеологии, более того она исходила из представлений, что нужно проводить политику деидеологизации и политику запрета любой государственной идеологии. Поэтому в образовавшийся духовный вакуум в нашей стране под лозунгом демократической фразеологии о свободе слова и свободы печати в нашу страну через СМИ и культуру устремились потоки западной идеологии, началась реанимация религии взамен утраченной идеологии (особенно ислама и православия), усиленно поддерживаемой новой властью. Также в нашем обществе практически бесконтрольно со стороны власти стали появляться и распространяться всевозможные нетрадиционные религии и всевозможные учения. Начались поиски некой

«национальной идеи», призванной (по замыслу искателей) сплотить казахстанцев в единое целое и вдохновить на некий порыв к мировому величию. Эта идея не получила со стороны властей и общественности ни должной поддержки ни общего признания. Одним словом, идеологическая сфера оказалась брошенной на произвол судьбы. Никто всерьез не контролировал идеологическое состояние общества. Никто всерьез не осознавал возможные последствия такой деидеологизации.

В этой ситуации в Казахстане религия, точнее ислам, фактически становится не просто главной религией в стране, а главным компенсатором идеологии. Можно с полным правом утверждать, что власть пыталась ислам определить чуть ли не в качестве государственной идеологией РК. Кстати, нечто подобное можно видеть и в России, где также власть пытается утвердить православие в качестве основного звена своей идеологии. Возникает вопрос: может ли ислам, даже в купе с другими великими религиями заменить государственную идеологию или хотя бы быть претендентом на эту роль? Наверное, нет, поскольку идеология – это очень широкое понятие, которое включает в себе, помимо религии и множество и других компонентов. Поясним, что идеология относится к ментальной сфере, которая является одним из основных компонентов социальной организации, наряду с системой хозяйства и системой власти и управления. В этом плане ее основная функция – это формирование сознания членов объединения, обеспечение людей необходимой «пищей» для сознания и управление ими путем воздействия на их сознание. В эту сферу включаются религии и нерелигиозные (светские) идеологии с соответствующими организациями, средства воспитания и образования молодежи, литература, театр, средства массовой информации и вообще все то, что, так или иначе, касается менталитета людей и манипулирования ими путем воздействия на менталитет.

Можно однозначно констатировать, что наша власть по большому счету не оценила в должной мере роль идеологии в нашем обществе. Лишь в последние годы, после крупных провалов на идеологическом фронте, следствием которого явились участвовавшие в последнее

временеожидаемые события в виде религиозно-экстремизма и беспорядков в различных областях Казахстана, которые повлекли за собой человеческие жертвы, серьезно обеспокоила не только власть, но и широкая общественность Казахстана. Все это не может не вызвать обычных вопросов. Кто виноват и что делать? По чьей вине эти политические риски? Почему до сих пор идеологический вакуум и духовный разброд? К великому сожалению никто из экспертов или аналитиков не может дать ни глубокого объяснения ситуации, ни вразумительных предложений по исправлению ситуации.

На наш взгляд, эти события в первую очередь есть результаты отсутствия в нашем обществе государственной идеологии, отсутствия должной идеологической работы.

Другой опасностью, для нашего общества могут явиться информационно сетевые войны, которые как цунами прокатились в последние десятилетия в мире, вызвав серии «цветных революций в мире». Нет сомнений в том, что и Казахстану сегодня может также грозить опасность втягивания в состояние нестабильности, которая создается под влиянием извне в политических целях – так и при наличии внутри РК влиятельных сил, также заинтересованных в дестабилизации и захвате власти. Предпосылки для дестабилизации имеют системный характер, они представляют собой взаимосвязанные «дремлющие» (латентные) кризисы социальных отношений, деградацию систем жизнеобеспечения, безопасности и культуры, повальной коррупции, быстрые изменения в массовом сознании. Созревание всех этих частных кризисов и соединение их в систему с переходом в новое качественное состояние есть дело времени, если власть своевременно не предупредит и не предпримет надлежащие меры в первую очередь идеологического характера.

Основаниями для этого вывода служит множество фактов, в которых уже нельзя не видеть определенной системы, содержание и тональность сообщений некоторых оппозиционных СМИ, так и действия некоторых политических организаций внутри РК. Анализ стран, где прошли «цветные» революции однозначно показывает, что по большому счету власть была не готова к «запланированному хаосу», что это

упущения властей в области идеологической работы, что именно в результате идеологических просчетов возникли политические риски в этих странах.

Еще одним просчетом властей, на наш взгляд, является недооценка, духовно-нравственных проблемы современной молодежи. В своем прошлогоднем Послании народу Казахстана Президент РК указал на отсутствие воспитательных элементов в нашей образовательной системе и на настоятельную необходимость ее включения. Эти просчеты – результат не только разрушения советской общественной системы, но и результат проводимой политики в области образования, в частности и школьной и вузовской политики. Здесь имеется в виду то, что под лозунгом «деидеологизации» в школе была отринута система ценностей, характерная для социализма, но и в тоже время новой привлекательной системы ценностей для школы не разработана, ее компоненты не вплетены в образовательную систему. Что касается вузов, то там идет повальное сокращение гуманитарных дисциплин, под флагом специализации, забывая о том, что вуз готовит не только специалиста, но и гражданина, ответственного за судьбу страны. Это не голословное утверждение. Даже в КазНУ имени Аль-Фараби идет сокращение часов по философии за счет специальных дисциплин. Или же часы по философии передать в школу. Что говорить о других вузах страны. Чиновники МОН и руководители вузов начинают забывать, что главная задача образования это не только «формирование компетенций», а формирования развитой, творческой личности, гражданина, ответственного за будущее Казахстана. Возможно, среди главных причин, породивших в последнее время серьезные политические риски в нашей стране это недооценка властями роли гуманитарных наук в системе образования и воспитания. Недопонимание того, что эти науки формируют мировоззрение человека, его духовность, систему **ценностей**, без которых человек превращается в пассивный объект манипуляции. В конечном счете, это снова упирается в идеологию, точнее, в ее отсутствие. Подводя итоги сказанного, можно однозначно утверждать, что сегодня совершенно очевидна необходимость выработки единой

системы ценностей, единой национальной, светской идеологии.

Власти надо понимать, что идеология в обществе должна обрести самостоятельное существование и социальный статус особого компонента социальной организации общества. Поэтому нужно серьезно и основательно заняться разработкой и пропагандой светской (гражданской, нерелигиозной) идеологии. Это аксиома, без нее ни о каком улучшении идейного и морального состояния в стране и речи быть не может. Социальная функция идеологии – формирование сознания людей, адекватного современным условиям их бытия, и управление людьми путем воздействия на их сознание. В наступившем XXI столетии религии эту функцию должным образом (в интересах страны) выполнить не могут. Это под силу только светской идеологии, базирующейся на лучших достижениях научного познания реальности и формирования высокой духовности. Здесь нужно отметить, что духовность не ограничивается только религиозностью. Последняя есть лишь ее частная форма. По сути, духовность включает в себя более обширное состояние сознания (духа) людей, которое формируется под воздействием образования (особенно гуманитарного), просвещения, пропаганды достижений науки, знакомства с литературой, кино, музыкой, живописью, театром и другими подразделениями культуры, воспитания системы ценностей и нравственности и т. д. В советские годы народы СССР по уровню духовности превосходили все другие народы планеты. И эта оценка духовности советского народа давалась в соответствии с критериями науки, а не на основании каких-то смутных и дремучих представлений о природе человека. В числе этих критериев были такие, как самое лучшее в мире и самое демократичное всеобщее образование, общедоступность и высокая нравственность культуры, доминирование высших духовных ценностей над материальными в советской системе ценностей.

Не нужно забывать, что СССР выстоял в труднейших условиях, победил в величайшей в истории человечества войне и стал мировой сверхдержавой в значительной мере благодаря высокой духовности советского

народа, а не благодаря отсутствию таковой. Не случайно, что Запада против СССР с самого ее начала главной целью своих атак избрали именно духовное состояние советского народа. Они понимали, что Союз можно было сломить только при условии разрушения его духовного потенциала, при условии занижения духовного уровня советского населения.

Эта цель Западом достигнута, старая система и ее идеология разрушена, ее возрождение исключается. И это правильно. Однако новой идеологии нет. На создание новой, светской идеологии нужны десятилетия серьезной основательной работы. Носители светской (гражданской) идеологии, философы, политологи, социологи в силу снижения их общественного и социального статуса, в силу не востребоваемости их властями, молчат, боятся, что их выбросят, и заискивают перед руководством. Такое положение гуманитарной науки – это игнорирование духовной сферы нашего общества. Это недооценка мировоззренческих и ценностных аспектов формирования человека. В конечном счете, недооценка и неумение воспользоваться огромной созидательной энергией своего народа.

Отметим, что современная цивилизация открыла для себя тот факт, что главным ее мотором является не физическая энергия, выраженная в киловаттах, а социальная, что зачастую успешность развития того или иного государства во многом зависит от того, насколько успешно и умело элита направит эту энергию на благо своего государства. Это в первую очередь связано с теми целями, которые выстраивает элита. Большие цели всегда выстраивают тоталитарные государства. Однако они справедливо критикуются за отчужденный характер «больших целей», не соотносимых с миром повседневности, ничего не дающих «маленькому человеку». Но это не означает, что большие цели как таковые – вредная химера. Вне известной системы приоритетов и иерархизации целей, вне веры в будущее жизнь человека и коллектива однозначно теряет смысл, без них никакую перспективу выстроить невозможно. Поэтому вера в «большие цели» и большую перспективу вовсе не принадлежит к тоталитарным государствам, а составляет неотъемлемое

качество человеческой культуры как таковой. Именно в ней, как показывают современные исследования секрет послевоенного экономического чуда Западной Германии, Европы, Японии. Именно эти страны сумели выявить заложенную в народе скрытую энергетику больших целей. Энергетику-национального и цивилизационного самоутверждения народов, которые встретив опасный вызов истории и мобилизовались для достойного ответа. Элита, достойная этого названия, отличается одной важной особенностью: искусством формулировать большие цели и тем самым возвышать народы в их собственных глазах. В конечном счете, это снова упирается в идеологию, которая как мысль о национальном развитии представляет своеобразную маршрутную карту, генеральный план и одновременно систему мотивов и целей движения народа в будущее. Поэтому настоящая идеология может заряжать общество энергией и одновременно управлять этой энергией, направляя ее на творчество и конкретное созидание.

Короче говоря, властям пора понять, что основу реальной духовности составляют: система образования, культура, система ценностей, система воспитания. Только на их основе можно сформировать развитую, творческую личность, настоящего гражданина, истинного патриота, болеющего за свою страну. Только так можно сформировать человека с цельным мировоззрением. Дело в том, что человек без цельного мировоззрения всегда инструмент, который продается, как картошка на базаре. У него нет принципов, он подвержен любому влиянию, готов делать что угодно, если ему выгодно. Отсюда вывод- будущее Казахстана, ее социальной конструкции зависит от того, какое место у нас займет в ней духовность, нравственность, идеология. Пока не поздно нужно очень серьезно и основательно и системно заняться разработкой идеологии для нашего общества. Нужно отбросить мишурную светскость и либеральную фразеологию о демократии. В конечном счете, это проблемы национальной безопасности РК. На наш взгляд, для разработки светской идеологии нужно привлечь действительно лучшие

национальные кадры, имеющихся в гуманитарной отрасли, а не придворных философов и псевдоидеологов, готовых оправдать любое действие властей. По сути это «медвежья услуга. Такое мы уже проходили в эпоху развитого социализма. Для власти нужен трезвый анализ и оценка общественно-политической ситуации, конкретные научно-обоснованные рекомендации по решению назревших проблем. Таких кадров у власти нет или они не достаточно востребованы. Если так, то нужно создать систему подготовки идеологических кадров. В противном случае не избежать серьезных политических рисков. Как показали события последних лет, сегодня огромное количество «нематериальных угроз», связанных с политическими институтами, с населением и его сознанием и ментальностью, с интерпретациями и чужим экспертированием, остаются вне зоны внимания власти, прессы, политтехнологов. Это говорит о том, что в нашем обществе реально существуют явные и неявные предпосылки для дестабилизации существующего строя. Никто не гарантирует того, что им не воспользуются внешние и внутренние силы для деформации или разрушения существующей системы.

Сегодня в умах наших людей господствует крайний индивидуализм, с принципом «каждый за себя, а Бог за всех». Душами сегодня владеет в основном потребительская психология. Поэтому пока не поздно надо работать над тем, чтобы формировать надличностные ценности и установки, идеи и идеалы, как жертвенность, готовность принять смерть за те или иные дорогие сердцу ценности, принципы, установки? Ведь именно они представляют собой скрепы, объединяющие людей, народы в единые сообщества, служащие в качестве духовного субстрата их совместной жизни. Или же, к примеру, если такая угроза реально возникнет перед нашим обществом, пойдут ли наши люди, в условиях существующего идеологического хаоса за Президентом, пожертвуют ли они себя во имя государства? Это далеко не однозначный вопрос.

Поэтому, сегодня очень важно, чтобы в процессе строительства нового независи-

мого государства, была разработана четкая и понятная для всех модель будущего государства и соответствующая ей новая светская модель идеологии. Здесь мы хотим сказать, что Послания Президента или другие программные документы, связанные с перспективой развития Казахстана на ближайшее или отдаленное будущее не являются идеологией в прямом смысле, а представляют фактически рассудочно-технократический план развития Казахстана. Другими словами, это большие цели государственной политики, а не идеология.

Литература:

1. Ссылка <http://www.contrtv.ru/common/1117/>.
2. Новая русская доктрина: Пора расправить крылья / Аверьянов В.В. и др. – М.: Яуза; Эксмо, 2009. – 288 с.
3. Камалудин Гаджиев // Свободная мысль, № 6, Июнь 2009, С. 85–96.
4. Александр Верховский // Свободная мысль, № 4, Апрель 2009, С. 69–80.
5. Григорий Ржешевский // Свободная мысль, № 4, Апрель 2011, С. 147–158.
6. Елена Степанова // Свободная мысль, № 11, Ноябрь 2010, С. 113–126.
7. Владимир Карякин // Свободная мысль, № 5, Май 2011, С. 155–162.
8. Олег Митрошенков // Свободная мысль, № 5, Май 2011, С. 191–202.
9. Олег Смолин // Свободная мысль, № 5, Май 2011, С. 23–38.
10. «Проект Россия. Выбор пути». М.: ЭКСМО, 2007. 384 с.
11. «Проект Россия. Третье тысячелетие». М.: ЭКСМО, 2009. 448 с.
12. «Проект Россия» М.: ЭКСМО, 2007. 448 с.
13. С.Г. Кара-Мурза. Идеология и мать её наука. (Серия: Тропы практического разума.) – М.: Алгоритм, 2002.
14. Сергей Кара-Мурза. Манипуляция сознанием. М.: 2009 ЭКСМО – 864 с.
15. О. Сулейменов. Газета «Время». 2012 г. 13.12.2012.
16. См. С.П. Расторгуев. Философия информационной войны. М., 1999.
17. См. И. Панарин. Технология информационной войны. М., 2003.
18. Р. Шайхутдинов. Сообщение, 2005, № 2.
19. С. Вальцев. Украинский раскол, как он есть. – «Дуэль», 2005, № 2 (402).
20. Сигеле Г. По книге Надырова М.К. Социально-философский анализ феномена массовости. Алматы, 2004.

Русаков В.М., Саранчин Ю.К.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СТРАТЕГИИ НЕПРЕРЫВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ И НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

Русаков
Василий Матвеевич

доктор философских наук, профессор,
Институт международных связей

Саранчин
Юрий Константинович

доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой
философии,
Уральский государственный экономический
университет

В настоящее время по типу экономик и уровню развития различают страны: а) с доиндустриальной экономикой (как правило, страны с сырьевой экономикой или ее основной долей); б) с индустриальной экономикой; в) с постиндустриальной экономикой; г) страны со смешанны-

ми укладами экономик; д) страны с инновационной экономикой или экономикой знаний (используются также термины: интеллектуальная экономика, новая экономика, информационная экономика, инновационно-информационная экономика и др.).

Экономика знаний – высший тип развития экономики, для которой характерны **информационное общество или общество знаний**¹. Пока, считается, что экономику знаний создали США и частично ЕС. Экономика знаний – высший этап развития инновационной экономики и следующий этап развития экономики и общества передовых стран мира². Главным фактором формирования и развития экономики знаний является **человеческий капитал**³. Развитые страны мира обладают основной долей мирового человеческого капитала. Причем большую часть инвестиций развитые страны осуществляют именно в человеческий капитал. Это дает им решающее преимущество в технологическом и интеллектуальном развитии, а также опережающем росте качества жизни населения.

Человеческий капитал в развитых странах стал **главным производительным фактором** в создании новейших технологий, развитии производств, повышении их эффективности, опережающем развитии науки, культуры, здравоохранения, безопасности, социальной сферы. Из Докладов ООН о развитии человека следует, что удельный вес человеческого капитала в таких высоко развитых странах, как США, Финляндия, Германия, Япония, Швейцария и др., составляют **до 80% их национального богатства**.

Ведущие страны мира создали близкие к оптимальным условия для быстрого и эффективного воплощения идей ученых в конкретные товары и продукты. Именно фундаментальные исследования, повышенные инвестиции в человеческий капитал и порожаемые ими новые прорывные технологии обеспечивают ведущим странам мира их лидерство.

СССР к середине 80-х годов XX века исчерпал возможности собственно индустриального развития в рамках так называемой командно-административной системы. Однако эффективную индустриальную экономику создать так и не удалось. Производительность труда в СССР была значительно ниже, чем в развитых странах. Не выросла она и в России к настоящему времени. Более того, совершенно очевидна значительная деиндустриализация России в связи с превращением ее в сырьевой придаток раз-

витых экономик. Недостаточно качественным является и российский человеческий капитал. СССР не существует уже, как известно, 20 лет! В современных условиях (и при существующем сознательно избранном курсе развития страны господствующей социальной группой, сосредоточившей в своих руках 80% национальных богатств) – это очень много.

Для инфраструктуры экономики знаний характерно создание инфраструктуры реализации и последующего трансфера идей, изобретений и открытий: от фундаментальной науки до инновационных производств и далее до потребителей⁴.

В настоящее время особое внимание уделяется человеческому капиталу, созданию такой инфраструктуры, которая позволила бы использовать накопленные опыт и знания в производстве и потреблении. Соответственно этим задачам, а также для исследования новых процессов и явлений формируется система индикаторов, отражающих уровень развития сектора повышенного спроса на знания и в целом экономики, основанной на знаниях. В качестве положительного примера можно привести предложенную OECD⁵ систему индикаторов, которая позволяет сопоставить уровень и динамику развития стран-участниц этой организации. В составе этой системы, в частности, можно выделить следующие группы индикаторов⁶:

- развитие высокотехнологичного сектора экономики, его удельный вес в продукции обрабатывающей промышленности и услугах; инновационная активность;

- размер инвестиций в сектор знаний (общественный и частный), включая расходы на высшее образование, научные исследования и опытно-конструкторские разработки, а также в разработку программного обеспечения (сейчас расходы на эти цели в странах OECD составляют в среднем 4.7% ВВП, а с учетом всех уровней образования – свыше 10%)⁷;

- разработка и выпуск информационного и коммуникационного оборудования, программного продукта и услуг (вложения в инфокоммуникационные продукты и технологии возросли с 15% от инвестиций в производство в начале

1980-х годов до 35% в 1999 г., причем инвестиции в программное обеспечение (ПО) составили 25–40% от вклада инфокоммуникационного сектора в рост инвестиций в целом);

- рост численности занятых в сфере науки и высоких технологий (в 1999 г. в странах ОЭСД насчитывалось около 38 млн. человек, 25% трудовых ресурсов, занятых высококвалифицированным трудом в данной сфере);

- участие частного капитала в финансировании НИОКР (в большинстве стран ОЭСД его доля в 1990-е годы возросла, в частности, в странах ЕЭС с 52% до 55%, в США с 57% до 67%);

- структура расходов на НИОКР по стадиям научных исследований (в большинстве стран расходы на фундаментальные исследования возросли по сравнению с 1980 г. как в абсолютном, так и в относительном выражении) и по направлениям (в странах ОЭСД доля расходов на военные НИОКР снизилась, в то время как повысилась доля расходов на НИОКР в области здравоохранения, биотехнологий и инфокоммуникационных технологий);

- межстрановые потоки знаний, а также международное сотрудничество в области науки и инноваций (в середине 1990-х годов в странах ОЭСД 27% научных публикаций были международными);

- межстрановой обмен результатами изобретательской деятельности (14% полученных в странах ОЭСД патентов приобретено иностранными резидентами, одновременно страны ОЭСД приобрели около 15% патентов, полученных за рубежом);

- распространение инфокоммуникационных технологий, широкое использование персональных компьютеров, определяющий вклад инфо-коммуникационного сектора в рост числа рабочих мест и занятости (в 2000 г. в Швеции персональные компьютеры имелись в 60% домохозяйств, в Дании – в 65%; в этих же странах более половины взрослого населения использует Интернет, соответственно, 68% и 62%);

- доля высокотехнологичных отраслей обрабатывающей промышленности и высокотехнологичных услуг (доля валовой добавленной стоимости отраслей высоких технологий высоко-

го и среднего уровня в ВВП в конце 1990-х годов была особенно высокой в Ирландии – свыше 16%, Южной Корее – 12.6%, Германии – 11.7% и Японии – 10.7%);

- уровень развития рыночных услуг с повышенным спросом на знания (в странах ОЭСД – около 18% ВВП, а вместе с нерыночными – образованием и здравоохранением – примерно 29%);

- возрастание доли высокотехнологичной продукции в товарообмене между странами, положительное сальдо ведущих стран в торговле высокотехнологичной продукцией;

- ускорение патентования результатов новых разработок и изобретений в области высоких технологий.

Переход к экономике, основанной на знаниях, сопряжен с ростом суммарных инвестиций в соответствующий сектор. Обращают внимание при этом, что «сопоставление данных о затратах на входе сектора знаний в странах ОЭСД и России для двух вариантов выбора отраслей (только высшее образование и все уровни образования) показывает, что относительно ВВП у нас выделяется в первом случае в 3 раза, а во втором в 2.1 раза меньше ресурсов, чем в среднем в указанных странах. В сравнении с США, Швецией, Южной Кореей Россия проигрывает еще больше»⁸.

В этих условиях резко возрастают требования к уровню квалификации государственных решений в области экономики знаний, поскольку сегодня очевидна несостоятельность не только командно-бюрократической системы (СССР), но и вульгарного «рыночного фундаментализма», активно проповедуемого и внедряемого в практику управления российским обществом. При существующем крайне низком уровне государственного управления в РФ (режим «ручного управления») трудно ожидать адекватного понимания, и тем более – межведомственного взаимодействия: сегодня вместо поддержки (и защиты! – авторского права) уникальных научных коллективов происходит их планомерное уничтожение, а вместо них создаются мыльные пузыри (вроде пресловутых «Роснано», Сколково и т.п.). Совершенно неведома государству этой сферой проблема научной «ре-

путации», научного авторитета (которыми государство разбрасывается невероятно «щедро», занимаясь систематической дискредитацией российских ученых, российского образования).

Существенно важно то, что эпохе экономики, основанной на знаниях, соответствует иная, по сравнению с привычной, **социальная структура**. Какую социальную структуру создает доиндустриальная сырьевая экономика – мы хорошо знаем. Сырьевая экономика враждебна инновациям и прогрессивной социальной структуре (избавление от «непрофильных активов», порождение сплошных социальных проблем и конфликтов («Пикалево»)). Вместо инвестиций в человеческий капитал (воспитание, образование, наука, медицина) правительство РФ вкладывает гигантские средства в создание крайне неэффективных – огромной полиции, колоссального чиновничье-бюрократического аппарата. После чего наступает порочный круг: потребуются еще большие затраты на пенитенциарную систему, перекладывание на катастрофически стареющее население неподъемных затрат на здравоохранение, пенсионное обеспечение и борьбу с обвальноей наркотизацией молодежи.

Кроме того, такой экономике нужна новая **институциональная система**: при финансовых и промышленных корпорациях-гигантах должны создаваться фирмы, осуществляющие и продвигающие НИОКР и инновации. В РФ дочерние структуры госмонополий создаются лишь для «распила» средств госбюджета, увода их в оффшоры, увеличения стоимости продукции.

В этих исторических и геополитических условиях резко возрастает роль непрерывного образования, принципиально нового его понимания. Задача не в том, чтобы в некий ограниченный период дать человеку все необходимые знания, умения и навыки на всю оставшуюся жизнь. За ограниченный период можно лишь: а) осуществить подготовку к какому-либо виду жизнедеятельности, б) научить учиться. Человек ценен именно своей способностью уметь непрерывно учиться («Животные действуют по мере своего вида и только человек способен выходить за рамки (пределы) своего вида – как универсально-предметное суще-

ство»). Гуманистический идеал (воспринявший переработанную античную идею) универсального и всестороннего развития человека лежит в основе системы непрерывного образования. Но он сталкивается с всемирно-историческим процессом общественного разделения труда и профессионализацией – пожизненным закреплением человека за каким-то определенным ограниченным видом деятельности. Как раз идея непрерывности образования призвана разрешить это противоречие: человек способен в течение жизни преодолевать вынужденную ограниченность отдельного вида специализированной деятельности, преодолевать превращения себя в придаток ее.

Надо отдавать себе отчет, что страны Западной Европы на своем саммите в Лиссабоне (март, 2000) недвусмысленно определились со стратегическим характером проблемы непрерывного образования и развития человеческого капитала для завоевания благоприятных позиций в весьма жесткой, если не сказать – жестокой конкурентной борьбе.

Суммируя сказанное о вызовах современности и выработанных развитыми странами подходов, мы должны четко понять ряд стратегических проблем, от решения которых, без всякого преувеличения, зависит не просто то или иное будущее России как суверенной державы, но прямо и непосредственно – безопасность нашей страны.

Во-первых. Образованию в России следует вернуть его исходный **гуманистический смысл**: здесь происходит образование человека (или если угодно, «человеческого капитала»). Сегодня – это вопрос государственной безопасности и выживания независимой России: на счету должен быть каждый россиянин⁹. С варварством рыночного фундаментализма необходимо покончить и как можно скорее, пока есть силы, способные сделать это контролируемо и с учетом объективных закономерностей. Подчинение образования интересам бизнеса (в особенности такого, каковой создан в РФ сегодня!) есть больше, чем ошибка или заблуждение¹⁰.

Во-вторых. Нужно отказаться от представления о непрерывном образовании как некой

«добавки», «довеске» — «опция» в системе образования страны (часто добавляют: образование взрослых). **Непрерывное образование всего населения — вот стратегический императив нашего времени**, магистральное направление для России XXI века. Непрерывное образование — это комплексное образование/воспитание всех социальных групп общества. В том числе: общественно-политическое.

В-третьих. Возродить лучшие *традиции отечественной педагогики* и организации образования, которые в большинстве своем исходили из глубоко понятой идеи непрерывного образования и развития личности в процессе его. Глупейшее копирование зарубежных систем¹¹ не просто комично, но зачеркивает фундаментальный капитал отечественной педагогической мысли и практики, накопленный за два столетия. Россия и СССР, практически, в течение всего XX столетия были на самых передовых позициях в этой области и служили источником бесценного уникального опыта. Как минимум, дважды Запад вынужден был самым внимательным образом изучать советский опыт: опыт А.С. Макаренко в 20-х годах и советскую систему образования после запуска первого в мире искусственного спутника. Что в этом наследии особенно ценно — это глубина понимания идеи непрерывности образования: комплексность процесса, необходимость системы, выделение ключевого звена (школа, школьный коллектив, учитель, ученик, знание). Образование не как придаток какой-либо ограниченной сферы деятельности (это делают курсы, обучение на рабочем месте, учреждения повышения квалификации, мастер-классы и т.п.). Школа не только как источник необходимых знаний, но и важный социальный институт правильно организованной и здоровой социальной жизни, в котором действительно будет происходить «сбережение народа», бережное («экономное») отношение к «человеческому капиталу» и в котором формирующаяся личность будет научиться именно такому подходу к людям, принципам такой организации «здорового общества». Для которого потом не надо будет строить тюрьмы, детские дома и приюты, наращивать полицию¹².

В-четвертых. Образованию необходимо вернуть **высокий социальный престиж и статус**. Непрерывность образования как принцип организации социальной жизни и управления обществом способна решить эту задачу. Дико звучат рассуждения чиновников, сводящих все проблемы к уровню зарплаты. Еще более дикой является ситуация, когда бюрократия попирает мнение научно-образовательного сообщества (по главным вопросам развития системы образования и воспитания), в целях канализации массового протеста против коррупции в госаппарате усиленно твердит о масштабах взяточничества в системе образования.

В-пятых. Непрерывное образование необходимо **распространить на чиновничество**, сегодня демонстрирующее ужасающее невежество в понимании тех сфер, которыми оно якобы управляет. Наглядным примером является пресловутый режим «ручного управления» (личное вмешательство высшего руководства как единственное средство создания видимости какого-то разрешения проблем; бесчисленные «взятия под личный контроль» любого вопроса; бесконечные личные «разносы» высшему чиновничеству — губернаторам, министрам, олигархам, — за провалы, просчеты и даже преступления).

Примечания:

1. Академик В.Л. Макаров указывает: Термин «экономика знаний» был введен в научный оборот австроамериканским ученым Фрицем Махлупом (1962) в применении к одному из секторов экономики. Сейчас этот термин, наряду с термином «экономика, базирующаяся на знаниях», используется для определения типа экономики, в которой знания играют решающую роль, а производство знаний является источником роста. Широко применяемые понятия «инновационная экономика», «высокотехнологическая цивилизация», «общество знаний», «информационное общество» близки понятию «экономика знаний» — Экономика знаний: уроки для России // Вестник Российской Академии наук, т. 73 № 5 (2003), с. 450.
2. В литературе обоснованно оговаривается, что это может быть всего лишь следующая фаза индустриальной эпохи, благосостояние по-прежнему определяется производственными процессами, а нематериальные активы повышают конкурентоспособность, не более. Что связано с ростом влияния финансового капитала в сравнении с производительным.

3. Индекс развития человеческого потенциала, ежегодно рассчитываемый ООН и учитывающий целый ряд факторов: уровень экономического развития страны и здравоохранения в ней, доступ человека к знаниям, создание нового знания. По этому индексу за 2002 г. мы занимаем 60-е место в мире, в то время как Канада – 3-е, Соединенные Штаты – 6-е. Понятно, что это определяется, в первую очередь, государственной политикой в сфере науки и образования.
4. «В настоящее время инвестиции в знания растут быстрее, чем инвестиции в основные фонды: в странах – членах Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) в 90-е годы – в среднем на 3.4% в год против 2.2%. Из всего объема знаний, измеренных в физических единицах, которым располагает человечество, 90% получено за последние 30 лет, так же, как 90% из общего числа ученых и инженеров, подготовленных за всю историю цивилизации, – наши современники. Это наиболее явные признаки перехода от экономики, базирующейся на использовании природных ресурсов, к экономике, основанной на знаниях». – Там же.
5. Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР).
6. См.: Экономика знаний: уроки для России // Вестник Российской Академии наук, т. 73 № 5 (2003), с. 454.
7. В США примерно 60% рабочей силы составляют лица с высшим и неоконченным высшим образованием. Выдвигается задача довести этот уровень до 90% еще при нынешнем поколении американцев. Это новое качество жизни, новое качество работника, новое качество человека. В РФ правительство не только систематически заявляет о том, что в стране «слишком много вузов», но не менее последовательно недофинансирует образование и науку.
8. Там же. С. 442–453.
9. В 1991 году в стране насчитывалось 40,1 миллиона детей и подростков в возрасте от 0 до 17 лет, в 1995 году – 38,3 миллиона, в 2000 году – 33,9 миллиона, в 2002 году – 31,5 миллиона, т. е. за последнее десятилетие детей и подростков в России стало меньше на 8,6 миллиона человек (Здравоохранение в России. Статистический сборник / Госкомстат России. М., 2001. С.40; Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту на 1 января 2002 года (Статистический бюллетень) / Госкомстат России. М., 2002. С.5 (все данные приведены по состоянию на 1 января указанного года). на начало 2002 года число беспризорных в стране составляло 1 миллион человек, к этому следует прибавить 100–130 тысяч безнадзорных. В то же время, по оценкам МВД и Генпрокуратуры, также публиковавшимся в прессе и звучавшим с телеэкрана, их число достигало 2–2,5 миллиона человек, а по оценкам Совета Федерации и независимых экспертов – 3–4 миллиона человек, приближаясь к количеству беспризорных в 1921 году (4,5–6 миллионов человек). По оценкам, количество детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей растет в Российской Федерации из года в год: 658,2 тысячи человек в 1999 году, 662,2 тысячи – в 2000 году, 682,2 тысячи – в 2001 году, 700 тысяч – в 2002 году (Государственный доклад «О положении детей в Российской Федерации» / Министерство труда и социального развития. М.: 2001. С. 52; Государственный доклад «О положении детей в Российской Федерации» / Министерство труда и социального развития. М.: 2002. С.102; Озерова М. «Беспризорная» статистика / «Московский комсомолец». 21 февраля 2002. С.2).
10. Глава Сбербанка Г. Греф заявил, что нашей национальной трагедией является лишнее высшее образование: «Знаете, сколько процентов населения получает высшее образование сегодня? 87%. Это трагедия» // Ю. Крупнов. Лишнее образование, лишние люди, лишняя страна – к разгрому социального государства. – КМ.Ru. 19/05/2011. Как известно, Япония поставила задачу перейти в 2016 г. к всеобщему высшему образованию.
11. Принимающее, как в случае с пресловутой «Болонской системой», гротескный характер: правительство РФ выкручивает руки системе образования, навязывая ту же «мобильность», не желая видеть, что как равноправных партнеров наших ученых и преподавателей там отнюдь не ждут (только в качестве гастарбайтеров).
12. 821268 – такова теперь, согласно президентскому указу, предельная штатная численность российской милиции. Ранее эти цифры были закрыты. По разным данным, у нас было от 1,5 до 2 млн. милиционеров. Обычно число борцов с преступностью примерно равно количеству отбывающих срок. Сейчас в тюрьмах – 808 507 человек. В Японии при почти такой же численности населения – 250 тысяч полицейских. В США в полиции служит 500 тысяч человек. – Московский Комсомолец, от 08.11.2005.

ДИСКУРС ПАТРИОТИЗМА: ОТ МНОГООБРАЗИЯ К МОНОПОЛИИ

Фан
Ирина Борисовна

доктор политических
наук, старший научный
сотрудник Института
философии и права
УрО РАН, член-
корреспондент МАДИ

В средствах массовой коммуникации до 2000-х годов присутствовали различные идеологические представления о гражданственности и патриотизме. Однако в последние годы официальный дискурс был направлен на «упорядочение» публичной сферы и массового сознания в соответствии с интересами действующей власти. Весьма громко заговорили о необходимости гражданского воспитания, понимаемого исключительно в военно-патриотическом, православном и даже верноподданническом духе. Либерально-демократический дискурс политической культуры (гражданственности) был отеснен на периферию публичной сферы, подвергнут «разоблачающей» критике. Произошло замещение общественной потребности в участии граждан в управлении обществом и государством потребностью власти в конструировании «нетребовательного политического потребителя», создаваемого в целях самосохранения власти. Сместились и акценты: в структуре политической культуры граждан, которую должны культивировать учебные и воспитательные учреждения, подчеркивалась необходимость лояльности власти и замалчивались ценности партиципации. Однако официально навязываемое понимание гражданственности абстрактно и не сводится лишь к лояльности. Гражданственность – комплексное качество

гражданина как субъекта общества, политики и права. Поскольку в разные исторические эпохи понятие гражданина наполнялось разным содержанием, то речь может идти о разных исторических типах гражданина и гражданственности (политической культуры или этоса гражданина), а также о многообразии идеологических дискурсов гражданственности в европейском и российском социально-политическом пространстве¹.

Практическая актуальность исследования реальной политической культуры россиян как ментального измерения феномена российского гражданина состоит в том, что именно политическая культура нации и гражданина является основанием легитимности институционального порядка властвования. Даже в целях конструирования объекта власти необходима опора на реально существующую культуру и ментальные установки населения. Однако не меньшую роль в политике играет та или иная интерпретация содержания политической культуры конкретного общества, ее сегментов и каждого ее члена, поскольку от этого зависит вектор будущего развития. Наличие и конкуренция различных идеологических интерпретаций содержания политической культуры – либеральной, консервативной, социалистической, социал-демократической создают возможность более адекватного отражения интересов и потребностей разных групп общества.

Прежде, чем выявить характеристики разных версий российского патриотизма и его место в политической культуре россиян, коротко рассмотрим структурные элементы любой политической культуры. Политическую культуру (гражданскую идентичность или гражданственность) американской нации С. Хантингтон определяет через политико-правовые, идеологические, культурные, социально-психологические признаки, основу которых составляет англо-американо-протестантская культура; ее форму-

ла – «лояльность, патриотизм, идентичность»². При этом лояльность включает пассивные и активные моменты, последние обозначаются через понятие гражданского участия. Эту формулу можно использовать как структурный инвариант, который предусматривает конкретное социокультурное наполнение. Патриотизм в условиях современности – это лишь один из элементов гражданственности гражданина или нации (как политической общности) в рамках национального государства.

Результаты социологических исследований общественного мнения, полученные Левада-Центром³, позволяют судить о состоянии политической культуры массового индивида, о наличии и уровне патриотизма. Основой всего комплекса установок российских граждан в их отношении к деятельности органов власти является социально-политическое и моральное отчуждение массового индивида от общественных и государственных дел. Массовое ощущение констатирует незначительное место гражданина в нынешней политической системе, контрастирующее с декларируемым конституционным статусом гражданина РФ. Наше предположение состоит в том, что между отчуждением населения от политики (и соответственно, политической и социальной пассивностью) и отсутствием патриотизма существует глубокая связь.

Низкая степень причастности граждан государственной власти порождается не только инерцией традиций советской политической системы, но является следствием целенаправленных мер отстранения человека от власти, предпринимаемых в последние годы. Состояние политического отчуждения раскрывается посредством такого признака, как «моральная ответственность». Соответствующие ментальные установки переключаются с институциональным (конституционным) статусом гражданина, связанным с институтом гражданства. Воспроизводство данного института зависит не только от политических и правовых институтов, но и от соответствующих ментальных установок – как со стороны должностных лиц, носителей государственной власти, так и со стороны гражданина, и в том числе – готовности выполнять обязательства (права и обязанно-

сти), нести ответственность (политическую, юридическую, моральную). От гражданина требуется выполнять сложную роль субъекта демократической политической системы: вос требовать частные и публичные права и свободы гражданина, выполнять обязанности по отношению к обществу и государству – платить налоги, нести воинскую службу, пользоваться правами собственника, участника различного рода правоотношений, активными и пассивными правами избирателя и т. д. От государства требуется обеспечить законодательную фиксацию и исполнение законов, устанавливающих равные для всех граждан права и свободы, что подразумевает ответственность органов власти и должностных лиц за надлежащее исполнение обязанностей государства перед гражданами. Однако в последние годы демократические требования государства к населению, касающиеся исполнения роли гражданина, как и требования по отношению к должностным лицам, фактически сняты.

В исследовании Левада-Центра взят узловой аспект взаимодействия, двусторонней связи гражданина и государства – динамика «моральной ответственности» человека за действия властей и происходящее в стране. «После разрушения советской модели... «безусловное» отрицание всякой моральной ответственности человека за власть и страну неизменно и значительно преобладает над «безусловным» ее принятием»⁴. Взаимный обман и невыполнение обязанностей – наиболее часто упоминаемые характеристики, свидетельствующие о показном, «лукавом» характере зависимости граждан от государства. На наш взгляд, именно с этим связан низкий уровень патриотизма населения, причем, и по отношению к властям (если понятие «отцов» отождествляется с должностными лицами), но и по отношению к обществу (как социальному наследству от предков, как «отечеству»), поскольку общество пронизано социальным недоверием.

В рамках официального политического дискурса происходит идеологизация понятия политической культуры населения. «...Понятие «политической культуры» выполняет в публичном дискурсе две основные (и взаимосвязанные) функции: оно работает на конструирова-

ние коллективных идентичностей (граждан, членов нации, «большинства» и т. д.) и служит для обоснования тех или иных политических программ»⁵. Из комплекса характеристик политической культуры гражданина (нации), обобщенных в формуле «патриотизм, идентичность, лояльность», официальный политический дискурс фактически поддерживает лишь лояльность высшим государственным лицам. Собственно патриотизм и сводится к признанию высшего лица государства – «лидера нации». Идентичность массового человека носит неопределенно негативистский характер⁶. Патриотизм, получивший в последнее время гипертрофированную поддержку, оборачивается усилением позиций русского национализма⁷. Власти продолжают политику потворства национал-патриотическим силам, играя в очень опасную игру разжигания конфликтов и «управления» ими. В официальном дискурсе доминирует установка на лояльность и патриотизм, комплекс демократического участия представлен лишь в декларативно-имитационной форме. Идеологи «Единой России» сконструировали собственную модель коллективной идентичности, эклектически соединяющей идейные фрагменты коммунистической, либеральной и православно-консервативной идеологии. Цель данного идеологического конструкта – легитимация действующего политического режима. Акцент на «русском» (этнически, религиозно и традиционно понимаемом) в этой модели продиктован стремлением идеологов правящей партии уйти от политики ельцинского периода и вытеснить ценности либерально-демократического проекта реформ и представления о «гражданской» идентичности нации. Вместо последних предлагается возрождение традиций имперского прошлого и «русской» культуры. Образ русской политической культуры, который «единороссы» стремятся утвердить в общественном сознании, построен на утверждении «духовной и культурной самобытности России», которая заключается в абсолютной ценности государства, признании его в качестве главного фактора национальной самоидентификации, в идеале «единства власти и народа», в склонности к идеократии, основанной на православной вере в Россию как сверхдер-

жаву; в приверженности официальному лидеру страны, соборности, в моральном понимании социальной справедливости и т. п.

В публичном пространстве присутствуют и, на первый взгляд, иные варианты патриотического дискурса. Патриотизм с точки зрения коммунистической идеологии – это «любовь к родине, преданность своему отечеству, своему народу. Подлинный патриотизм – борьба за лучшее для народа и социальный прогресс, за социализм и коммунизм. Он несовместим с буржуазным национализмом и космополитизмом и нераздельно связан с пролетарским интернационализмом»⁸. Это определение советского времени сейчас несколько обновлено и, за исключением «борьбы за коммунизм», вписывается в тот же официальный дискурс власти. Характеристики патриотизма – ложный и настоящий, подлинный и неподлинный, меняются на противоположные в зависимости от идеологии и социально-политических интересов, которые она выражает. Каждая из идеологий объявляет ложным патриотизм собственного идеологического противника, оппозиции. Все зависит от социальной группы, субъекта, интерпретирующего отношение к родине, оппозицию всегда обвиняют в антипатриотизме.

Более сложную модель коллективной идентичности представляют либералы. Наряду с традиционными «константами» в современной российской политической культуре они видят сегмент, ориентированный на нормы либерально-демократической культуры. В соответствии с данной моделью, российская политическая культура представляет собой конфликт различных субкультур⁹.

Однако наибольшее распространение получили определения, подобные следующему: «Патриотизм – это ощущение духовной связи с Отечеством, с Россией, это любовь к ее прошлому и настоящему, это надежда и вера в ее будущее»¹⁰. Попытаемся дать анализ этого определения, выявить его смысл, а главное – социального субъекта, в интересах которого оно дается. На первый взгляд, это бесспорное положительное утверждение. Оно кажется таковым в силу того, что является традиционным и относится к стереотипам общественного сознания. Но стоит поразмыслить над ним, как выявляется

то, что это пустая абстракция, поскольку здесь нет никакого указания на социокультурный и исторический контекст данного явления, нет характеристики субъекта, общности, которая ощущает связь с «отцами». Неопределенно безлично подразумевается некое «мы», население, живущее на данной территории в настоящее время. Однако даже базовое гуманитарное знание свидетельствует, что существуют разные исторические типы общностей – род, племя, семья, община, нация. В каждом из типов, очевидно, должна по-разному ощущаться эта «духовная связь» с предками, поскольку все они имеют разные признаки и характеристики.

Казалось, понимание патриотизма как «любви к прошлому» связано с исторической памятью общества и предполагает пристальное изучение исторических источников. Но, несмотря на декларации о необходимости знать свою историю, на принятие в 1990-е годы ряда законов о рассекречивании документов советского периода, об открытии доступа к архивам и т. д., для российских историков по-прежнему не обеспечена возможность изучать источники, поскольку обеспечивается лишь весьма ограниченный и обусловленный множеством препятствий доступ к важнейшим архивам – ЦА ФСБ, архиву президента РФ и другим¹¹.

Таким образом, первое, от чего надо отказать при определении патриотизма, это от его абстрактного характера – внеисторического, внеконтекстуального, бессубъектного. Патриотизм историчен, контекстуален, у него всегда есть конкретный социальный субъект, наполняющий его специфическим содержанием.

В анализируемом определении важную роль играют религиозные категории – вера, надежда, любовь, трактуемые с точки зрения православия. Это религиозное содержание дает нам понимание патриотизма вневременного (вечного), внеконтекстуального, бессубъектного. Данное содержание патриотизма и сохраняется в различных словарях и официальном политическом дискурсе. Но ведь такое определение автор адресует российскому обществу конца XX – начала XXI века, которое обладает специфическими характеристиками?!

По Конституции РФ мы живем в светском государстве, где уважаются права каждого

на свободу совести. Религия является частным делом каждого человека в российском государстве. Значит, консервативно-православная трактовка патриотизма – это попытка части общества навязать всему обществу свое понимание, то есть выдать частное за всеобщее. Частным здесь является религиозное – православное понимание. Характеристика «частное» не означает неуважения к православию, она ставит его лишь в ряд с другими версиями патриотизма, признает право представителей других конфессий, безрелигиозных людей и атеистов на собственное отношение к Родине. К тому же любовь в данном определении фигурирует неопределенная, абстрактная, слепая – к прошлому и настоящему. Но и прошлое (российская история), и настоящее (со всеми его проблемами и противоречиями) может по-разному интерпретироваться и оцениваться разными слоями населения, с разных политических, идеологических и научных позиций. Прошлое не однозначно, к тому же разными поколениями переоценивается, а разными властями, как правило, переписывается. И любовь, как и надежда и вера, может быть не только «слепой», но и критичной, разумной, понимающей, мудрой, различающей доброе и злое, а главное – реальное. Современное понимание патриотизма должно учитывать и многоконфессиональность российского общества, и численность неверующих и атеистов, и светский характер российского государства.

Невозможно раз и навсегда определить патриотизм. Каждое поколение людей делает это по-новому. Приобретенный исторический опыт в рамках конкретного поколения также вносит вклад в конкретное содержательное наполнение патриотизма. Социокультурный контекст патриотизма включает целый набор институциональных и ментальных признаков и характеристик социальной группы (общности) или индивида: социальный статус, экономический статус, масштаб включенности в международные экономические, политические, культурные связи, политический и правовой статус, знания, нормы, ценности, психологические установки, приверженность той или иной субкультуре и т. д. В зависимости от сочетания данных характеристик и патриотизм будет наполнен различными

чертами и оттенками. Даже на уровне здравого смысла ясно, что отношение к Отечеству будет разным у сына крупного партийного деятеля советского времени, сумевшего приватизировать какую-то часть госсобственности, и у потомка человека репрессированного или представителя депортированного народа. Также важно, как понимается само Отечество, это общество (как совокупность потомков исторических «отцов») или это государство (государственный аппарат, номенклатура), или нечто безличное, где смешаны и то, и другое? «Подлинным патриотам» свойственно отождествление общества (отечества, Родины) и государства. Любая критика просчетов государственного управления консервативными патриотами воспринимается как «подрыв нашей веры в будущее». Однако вера в будущее и слепая апология власти – не одно и то же. Криминализация (деморализация и т. д.) населения ими трактуется как отход от истинной веры, как результат искушения либерализмом.

Еще один оттенок понимания патриотизма с православных позиций – нетерпимость к инакомыслящим. «Православные патриоты», монополизировавшие право на трактовку патриотизма, довольно агрессивно настроены по отношению к тем, кто подвергает сомнению или критике это сакральное отношение к «отцам» (Отечеству), кто пытается рационально анализировать прошлое и настоящее. В таковых они видят «кошунствующих» или «врагов». Консервация от века существующего содержания «любви к Отечеству» тесно связана с воинственным противостоянием всякому иному отношению к тем или иным явлениям российского прошлого и настоящего, отличающемуся от «канонов». Православный патриотизм не учитывает социальных, политических, культурных, информационных изменений в обществе. В своем фанатическом неприятии любых содержательных изменений православные активисты не видят, что меняется содержание патриотизма по сравнению с прошлыми историческими этапами эволюции Русской православной церкви и православной общественности. Их захлестывают инициативы, предполагающие вторжение РПЦ в светское среднее и высшее образование, армию, правоохранительные ор-

ганы, УФСИН и т. д. Они стремятся установить цензуру над СМИ, издательской деятельностью и интернетом. Перед нами консервативная идеология, направленная на сохранение существующего политического порядка и служащая сохранению власти верхушкой бюрократии, номенклатуры, подмявшей под себя крупный бизнес. Апеллируя к ценностям любви, истинной веры и нравственности общества, «патриоты» фактически манипулируют массовым сознанием во имя мобилизации сторонников и прикрытия личных и групповых интересов.

Сакрализация ценностей, присущая религии, иногда играет злую шутку с православными патриотами-монополистами. В частности, они объявляют святынями русский литературный язык или А.С. Пушкина. Да, это ценности для россиян, но нельзя абсолютизировать эти ценности и не позволять новым поколениям вносить в них изменения, по-своему их воспринимать. Думаю, Александр Сергеевич удивился бы, если бы узнал, что его канонизировали в качестве святого. Почему нельзя читать его произведения с уважением, но без низкопоклонства? Обратной стороной сакрализации и абсолютизации ценностей становится нетерпимость и стремление изгнать (уничтожить) инакомыслящих. Эта установка приводит иногда к возникновению радикальных форм «патриотизма». Некоторые группы «патриотов» говорят, что они не христиане (!), выступают за объединение нацболов, коммунистов, евразийцев, позитивных русских мусульман и патриотических сатанистов, за захват политической власти, уничтожение всех врагов, торжество православия они связывают с разрушением западной культурной идентичности¹². Более чудовищной и вредоносной смеси консервативных, православных, патриотических и нацистских построений придумать сложно.

Ни одно из пониманий патриотизма не должно иметь монопольного права на истину и подлинность. Другое дело, что различные трактовки патриотизма могут и имеют общую ценностную основу: уважение «отцов» (истории), но не их (ее) культ, возможность разного отношения к ним в рамках общих правил, которые должны определяться через исключение крайностей – полного отрицания собственной

истории и полного безоглядного ее одобрения. Хорошо бы сделать правилом стремление к разумному, умеренному приятию российской истории. Всякая гипертрофия опасна и чревата разжиганием социальных конфликтов. Меняется жизнь, а с нею и наши представления о ценном в ней. Инвариантные ценности корректируются, трансформируются, обновляются. Взаимосвязь Традиции и Современности систематически переосмысливается. И литературный язык, и отношение к А. С. Пушкину все время меняются. Само изменение – и в жизни, и в культуре есть переработка и развитие исходной ценностной основы. И у наших отцов были достижения и промахи, а у некоторых – и преступления. Не считать же сакральным все без разбора! И любовь к «отцам» в каждый момент истории конкретна, специфична, уникальна, и одновременно есть в ней тот самый инвариант – общие для всех ценности, определяемые генетическим происхождением и социокультурной преемственностью.

Личность в зависимости от собственного опыта, образования и других характеристик тоже имеет право на собственное отношение к Родине, перекликающееся с пониманием патриотизма в масштабах больших социальных групп и общества в целом. Все эти факторы оказывают влияние на представления человека о его отечестве и месте его самого в этом отечестве. Это и определяет характер конкретного индивидуального патриотизма. Д. Драгунский написал, что в современной российской кинопатриотике, «застраившей в сетях взаимоисключающих исторических концепций», есть две беды – путаница понятий и неискренность¹³. Он критиковал заказной военно-победоносный патриотизм в российском кино, который призван вызывать гордость и восторг за Родину. Автор склонен считать такой подход искусственным и имеющим эффект, противоположный ожиданиям. Для него патриотизм – скорее грусть и ностальгия, в нем важна искренность. Это чувство часто возникает, когда родина утрачена. Российские граждане в настоящее время не лояльны государству, с которым зачастую отождествляют родину. Для Д. Драгунского основанием патриотизма является не прагма-

тизм, но нежное индивидуальное чувство любви как страдания и переживания сопричастности. Заказное военно-патриотическое воспитание не может быть эффективным.

В понимании патриотизма особую роль играет этнический аспект. Имеют значение характер и масштабы общности, приверженность к которым фиксирует это сознание. Этнический слой в патриотизме задает консервацию происхождения, чистоты этноса, которому должен быть предан конкретный человек. Этническое, связанное с бессознательным, архетипическим, содержит исходное противопоставление своего этноса и чужого, наших и чужих «отцов», друзей и врагов. Отсюда и в современности противопоставления русских и нерусских, под которыми могут подразумеваться представители любых народов. Однако зачем продолжать войны наших отцов, когда забыты их причины и поводы и установилась иная повестка жизни, иная социальная организация, иная культура? Неужели войны прошлого необходимо вести в настоящем? Не пора ли поставить вопрос о возможности патриотизма без противопоставления – этнического, конфессионального, политического?

Мышление посредством комплекса бинарных оппозиций этнических (русские/нерусские) и религиозных (православные/неправославные) *своих и чужих* заряжено потенциальными конфликтами. Оно усиливается еще и противопоставлением подлинного и неподлинного. Это статичная консервативная логика, не учитывающая исторических изменений, контекстуальности происходящего, не выясняющая глубоких причин тех или иных явлений в реальности, но сводящая все к этническим или религиозным факторам. Сюда относятся и мотивы «унижения русского народа», ущемления национального достоинства русских, «антипатриотического помрачения, противопоставляющие все «подлинно русское» всему нерусскому – «западному» и т. п. Необходимо считать допустимым множество интерпретаций патриотизма, различие мнений в отношении к проблемам общества и государства, нужно стремиться не к полярным, но к взвешенным умеренным мнениям, предполагающим приятие родины, но и воз-

возможность анализа ошибок «отцов», критики тех или иных политических решений, приведших к тем или иным социальным проблемам. Многообразие понимания патриотизма, на наш взгляд, укладывается в диапазон, границы которого заданы оппозицией сакральное/профанное (прагматическое, повседневное).

«Патриот» (греч.) – соотечественник, значит, патриотизм в исходном значении слова – приверженность, любовь к родине (отечеству)¹⁴. Патриотизм включает знание, чувство и практическое осуществление связи с соотечественниками в прошлом и настоящем. Главное – связь не только с территорией и природой, но с людьми, жившими или живущими на этой территории, среди этих природных и социокультурных условий, с людьми, у которых есть общий исторический опыт – опыт переживаний (национальных достижений, общей радости, труда, войны, реформ, экономических депрессий и т.д.). Эта связь может устанавливаться и через предметы – духовные и материальные ценности, в которые вложены опыт, навыки, чувства предков. Инвариантным ядром патриотизма является уважение ко всему тому, благодаря чему ты стал человеком, прежде всего – уважение к предкам прямым и косвенным, людям – создателям, чей труд лег в основу нынешних условий твоей жизни, к тем, кто создал Общее благо – совокупность материальных и духовных ценностей, которыми можно пользоваться и гордиться в настоящее время. Это еще и личная ответственность за полученное в наследство, и право переосмысливать, интерпретировать и производить Общее Благо в соответствии с собственным пониманием. Нельзя патриотическое сознание сводить лишь к чувствам, в его структуре дифференцируются рациональный, чувственно-эмоциональный и практический уровни. Важно, чтобы все эти элементы не возгонялись до крайностей и не основывались на исключительно этнических или религиозных догматах и взглядах. Иначе патриотизм может играть неблагоприятную роль побудителя социального и политического напряжения, внутривнутриполитических и международных конфликтов. Абсолютизация крайностей ведет к формированию различного рода

социальных и политических фобий (например, страха перед «мировой закулисой»), ксенофобии, изоляционизма, расизма, великодержавного шовинизма и т.д.

Произошла девальвация слова «патриотизм» в глазах населения. Парадокс заключается в том, что патриотами называют себя люди, стремящиеся законсервировать какие-то ценности прошлого. Но они, очевидно, и не подозревают, что блюсти неприкосновенность сакральных ценностей они призывают под словом «патриотический», которое относится к варваризмам¹⁵, чужеродным заимствованным словам, образованным не по нормам русского языка. Слово «патриотизм» пришло в русский язык из греческого и меняется вместе с исторической эволюцией русского литературного языка как основы культуры. Призыв сохранить в неизменности литературный язык, культуру и патриотизм утопичен, он лишает нынешние поколения людей права на собственное прочтение созданного ранее и творчество новых ценностей. Эволюция слова «патриотизм» в российской культуре и многообразие его значений – «патриотам» наука. Хранить чистоту и неизменность веры, языка, культуры, расы – и сложно, и не нужно. Жизнь и культура (общество, современность) смешивают все формы и явления, связывают в различные взаимозависимые образования. И требования хранить «чистоту» явлений оказываются связанными с репрессиями над жизнью, культурой, людьми.

Отношение большинства россиян к Родине и государству складывается в контексте присущего современной российской культуре разрыва между абстрактным и конкретным, должным и сущим, имитационно-декларативным и фактическим, формальным и неформальным, сакральным и профанным, абсолютным и относительным, официально утверждаемым долгом каждого россиянина и нежеланием его исполнять этот долг в силу множества причин. Причем, этот разрыв массами ощущается все более апатично, полюс должного (сакральной любви к Родине) переживается все более равнодушно, поскольку им слишком часто злоупотребляли. На самом деле это довольно плачевная ситуация, но выход из нее подскажет не манипуляция обще-

ственным сознанием, но серьезное отношение разных органов государства к собственному гражданину, доверие к нему и уважение его чувства собственного достоинства.

Литература:

1. Фан И.Б. От героя до статиста: метаморфозы западноевропейского гражданина. Екатеринбург: УрО РАН, 2006.; Фан И.Б. Многообразие дискурсов гражданственности: проблема единства смысла // Современные теории дискурса: мультидисциплинарный анализ. (Серия «Дискурсология». Выпуск 1) – Екатеринбург: Издательский Дом «Дискурс-Пи». 2006. С. 110–122.
2. Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М., 2004. С. 344.
3. Левада Ю. Общественное мнение в политическом зазеркалье // Вестник общественного мнения. 2006. № 2. С. 9–17.
4. Там же. С. 12.
5. Малинова О.Ю. «Политическая культура» в Российском научном и публичном дискурсе // Полис. 2006. № 5. С. 119.
6. См.: Гудков Л. Негативная идентичность. М., 2004.
7. См.: Гудков Л., Дубин В. Своеобразие русского национализма // Pro et Contra. 2005. Т. 9. № 2 (29). С. 25–40; Зверева Г. Националистический дискурс и сетевая культура // Там же. С. 6–24.
8. Словарь иностранных слов. М.: Русский язык, 1989. С. 376.
9. Кутковец Т.И., Клямкин И.М. Нормальные люди в ненормальной стране // Московские новости. 2002. № 25; Кутковец Т.И., Клямкин И.М. Новые люди в старой системе // Новые известия. 2002. № 170–171.
10. В.Ю. Троицкий. О патриотическом воспитании // <http://www.russia-talk.com/patriot.htm>.
11. И. Курляндский. Над историей кружат грифы // Новая газета на Урале. 21.10.2012. № 117. С. 12–13.
12. http://www.chaskor.ru/article/vremya_bezobrazya_15391.
13. Денис Драгунский. Патриотизм. Они врут, потому что я им не верю // http://www.chaskor.ru/article/patriotism_22679.
14. Советский энциклопедический словарь. М., 1989. С. 988.
15. Виноградов В.В. История слов / Российская академия наук. Отделение литературы и языка: Научный совет «Русский язык». Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН / Отв. ред. академик РАН Н.Ю. Шведова. М.: 1999. С. 870.

Квятковский К.О.

ОСОБЕННОСТИ ДИСКУРСА ПОЛИТИЧЕСКОЙ БЛОГОСФЕРЫ В ПЕРИОД ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ КАМПАНИИ В ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ 2011 ГОДА

**Квятковский
Кирилл Олегович**

соискатель Института философии и права УрО РАН

Политическая блогосфера становится все более значимым элементом системы политической коммуникации современной России. Не являясь полностью автономной сферой, которая существует независимо от политической реальности, блогосфера вместе с тем может рассматриваться как ограниченно автономное пространство, порождающее иные способы означивания и утверждения смыслов. В этой связи плодотворным подходом для изучения политической блогосферы представляется дискурсный подход, в частности, критический дискурс-анализ.

Критический дискурс-анализ делает предметом анализа борьбу между доминирующим дискурсом, который вынужден постоянно подтверждать свою гегемонию, и альтернативными дискурсами, которые пытаются перестроить, дестабилизировать сложившуюся властную иерархию¹. Представляется возможным использовать методологию критического дискурс-анализа в рамках исследования дискурса политической блогосферы потому, что это метаполе практически всеми участниками политического процесса воспринимается как платформа для борьбы за власть в виртуальном пространстве. В блогосфере неизбежно сталкиваются официальный дискурс и некоторые альтернативные официальному дискурсы. Особенно эта борьба обостряется в предвыборный период.

В рамках данной статьи мы проанализируем особенности альтернативного дискурса политической блогосферы, его потенциальные возможности в борьбе за гегемонию.

Не единожды отечественная блогосфера порождала дискурсы, быстро становившиеся популярными и основанными на радикально-оппозиционном «декодировании» доминирующего дискурса (например, антиглобалистский дискурс, выразившийся в формуле «Убей НАТО»)². Однако говорить о массовом успехе этих альтернативных дискурсов не приходится. И только в период избирательной кампании осени 2011 года в рунете закрепился мем, по популярности превзошедший многие предвыборные лозунги «традиционных» политических сил. Мем (meme) – понятие, которое впервые ввел в оборот Ричард Докинз в работе «Эгоистичный ген» (Richard Dawkins)³. Это идея или образ, передающийся вербально или невербально от человека к человеку в процессе коммуникации, обладающее способностью к репликации (воспроизводству). Синонимами являются понятия медиа-вирус и интернет-феномен.

Современный альтернативный дискурс политической блогосферы выстраивается вокруг дискурсообразующего высказывания «Единая Россия – партия жуликов и воров», которое впервые было озвучено А. Навальным 2 февраля 2011 года в эфире радиостанции «Финнам FM», а 15 февраля автор открыл в своем блоге опрос: является ли «Единая Россия» партией воров и жуликов?⁴ Около 40 тысяч человек приняли участие, а 96.6% участников согласились с автором опроса. Высказывание получает широкую поддержку интернет-сообществ и становится интернет-мемом. Создается иллюзия, что в блогосфере впервые формируется альтернативный массовый дискурс, который объединяет самые разные политические силы.

При всей своей простоте высказывание про «жуликов и воров» совсем не однозначно по смыслу и последствиям. Синтаксический анализ приводит нас к выводу о том, что выражение построено в соответствии с классическими правилами составления предвыборных слоганов⁵. Это слоган, содержащий негативную оценку деятельности партии как политического субъекта. Однако, с учетом семантического зна-

чения слов «жулики» и «воры» (жулик – в значении хитрый обманщик, мошенник, мелкий вор), это высказывание субъективно воспринимается рядовым гражданином как утверждение о чиновниках-коррупционерах, начиная с самого низового уровня. Таким образом, нельзя с уверенностью сказать, что репликация мема интернет-пользователями обусловлена исключительно несогласием последних с политикой партии или негативным отношением к лидерам «Единой России». Напротив, мем построен таким образом, что фактически отсылает память и мысль к коррумпированным чиновникам, которые, возможно, и не связаны с данной партией, хотя ассоциируются с ней.

Кроме того, мем оставляет пользователю большую свободу для декодирования. «Партия жуликов и воров» может восприниматься как утверждение о том, что а) все члены партии – жулики и воров, б) все жулики и воров состоят сегодня в «Единой России» (не исключая членства в партии и честных людей), в) только жулики и воров голосуют за эту партию, поскольку она защищает их интересы. В итоге массовая популярность мема не свидетельствует явно о массовой оппозиционности среди граждан, но создает иллюзию таковой.

Явный политический смысл данное высказывание приобретает только тогда, когда встраивается в контекст, то есть становится исходным для конструирования различных политических дискурсов⁶. Сама по себе оно выражает определенный оппозиционный настрой, но не предполагает политической программы и/или политического действия, ни даже позитивной политической идентификации (кроме негативной «мы не они»), но требует дальнейшего развития и пояснения. Формула порождает политически окрашенное действие. Здесь следует вспомнить о конкурсе А. Навального на лучший видеоклип против «Единой России»⁷. Однако нельзя с полной уверенностью утверждать, что люди, присылающие свои работы на конкурс, действительно готовы поддержать одну из оппозиционных политических партий. Налицо политизация социальных и экономических проблем и выражение протеста, недовольства общей ситуацией в стране.

Либералы на основе высказывания выстраивают свой дискурс-движения «нах-нах»⁸. Это протестное движение зародилось, развивается и существует преимущественно в Интернет-пространстве, оно автономно. Дискурс «нах-нах» распадается, в свою очередь, на два направления. Одно из направлений заключается в призыве испортить бюллетень на предстоящих выборах с целью делегитимизации нынешней власти (поддержан известным блогером-оппозиционером И. Яшиным). Другое состоит в призыве голосовать за любую партию, кроме «Единой России», чтобы создать численно значимую парламентскую оппозицию. Этот призыв, в частности, поддерживает автор мема про «жуликов и воров» А. Навальный. Центральной фигурой этого дискурса выступает поросенок Нах-Нах, который, устав от давления гегемонистского дискурса (который кристаллизуется здесь в образе Путина), идет на выборы и вычеркивает все партии из бюллетеня, выражая таким образом протест против системы. Показателен выбор центральной фигуры. Маленький поросенок символизирует незащитного гражданина, который, тем не менее, не боится высказать свою гражданскую позицию. Персонаж поросенка позволяет обыграть имена знаменитых поросят (Ниф-Ниф, Наф-Наф, Нуф-Нуф), при этом произведя довольно пикантную замену буквы. Это имеет двоякий эффект: с одной стороны доставляет людям удовольствие от игры на грани между нормативной и ненормативной лексикой, а с другой стороны вне нормативной трактовки выражает крайне негативное отношение к партийной системе и процедуре выборов в России. Следует отметить, что дискурс движения «нах-нах», конечно не столь массовый, в отличие от дискурса «про жуликов и воров», но также является заметным событием в отражении избирательной кампании в блогосфере.

Своеобразной смысловой надстройкой мема «Единая Россия – партия жуликов и воров» является лозунг партии «Справедливая Россия» «Они отняли. Мы вернем». Он фиксирует ту же самую смысловую доминанту, но в другой форме. Как КПРФ, так и «Справедливая Россия» выносят данное дискурсивное высказывание в традици-

онные формы коммуникации в виде лозунгов, баннеров, материалов в СМИ.

Еще один дискурс выстраивает «Единая Россия», пытаясь отмежеваться от навязанного ярлыка. Стремясь перебороть ассоциацию ЕР с «жуликами и ворами», партия на основе переосмысления этого высказывания выстраивает дискурс, центральным элементом которого является протестная доминанта: «Единая Россия *против* жуликов и воров». Такая реакция «партии власти» свидетельствует, с одной стороны, о небывалом успехе интернет-мема, зародившегося в блогосфере, в пространстве «реальной» политики. С другой стороны, она подтверждает тезис о том, что высказывание не является оппозиционным инвариантом (как не является инвариантом любой мем).

Интересные результаты может дать анализ данного феномена с точки зрения теории установления повестки дня (agenda-setting). Вопрос о том, является ли ЕР партией жуликов и воров, – это ненавязчивый вопрос, то есть не имеющий прямого отношения к жизни каждого избирателя, в отличие от вопроса об эффективности деятельности «партии власти» за прошедший избирательный цикл. Стремительная популяризация темы отвлекает и оппозиционные силы, и население от обсуждения конкретных, значимых вопросов (почему неэффективна пенсионная реформа, будет ли повышен пенсионный возраст, к чему приведут реформы школьного образования и т. д.). Напротив, блоги и новостные ленты пестрят сообщениями о том, как «Единая Россия» реагирует на распространение мема, какие решения принимают суды, как избирком и полиция реагирует на репликацию мема вне Интернета.

Изменение повестки дня может оказать двойственное влияние на политику ЕР. До того, как слоган распространился, партия была вынуждена работать с непопулярными сюжетами, связанными с обсуждением реформ. Вполне вероятно, что «Единой России» концентрация общественности на инцидентах, связанных с данным высказыванием, позволяет получить определенные преимущества в предвыборной гонке.

Интересно проследить судьбу интернет-мема в поисковых системах. Google на запрос «Партия жуликов и воров» выдает большое количество ссылок, связанных с партией «Единая Россия», при этом на первом месте – ссылка на официальный сайт партии. Высказываются разные мнения о том, кто за это ответственен и кому подобная информационная картина выгодна⁹. Это очередное подтверждение неоднозначности высказывания и многообразия возможных вариантов оформления дискурса на его основе.

Альтернативный дискурс политической блогосферы является фрагментированным, хотя в то же время является массовым. Успех и в то же время слабость дискурсивной формулы «партия жуликов и воров» заключаются в том, что формула лишена идеологического окраса. С равным успехом ею пользуются представители самых разных политических сил, от националистов до социалистов. Она подчеркнута аполитична, не требует от воспринимающих субъектов какой-либо идентификации, но при этом дает возможность критиковать официальный властный дискурс. Эта формула не позволяет конструктивно объединить представителей разных политических сил в рамках одной платформы, но в то же время она порождает вторичные альтернативные дискурсы, которые не являются массовыми. Сама по себе фраза «Единая Россия – партия жуликов и воров» не создает новый дискурс, но в разных ситуациях может интерпретироваться и декодироваться по-разному. Например, с точки зрения радикальных оппозиционных политических партий и движений смысловым ядром является тезис о том, что в партии Единая Россия нет людей, которых нельзя было бы отнести к жуликам и ворам, в том числе на самом высшем уровне.

Интернет-дискурсы, формирующиеся в сети Интернет, объединяют не тех людей, которые выступают «за», но тех, что выступают «против». В этом их деструктивность. Они имеют двойственное звучание и значение, оставляя простор для семиотической игры, в отличие от традиционных форм агитации и пропаганды (слоганы, плакаты и т. д.), основанных на ясных и строго сформулированных значениях. Как по-

казала практика, массовым успехом пользуются те дискурсивные практики, которые направлены на эмоциональное восприятие, а не рациональное осмысление.

Поддерживая мем «партия жуликов и воров» в пространстве Интернет, общество при этом не может перенести его в сферу «реального» политического процесса. Поддержка главной идеи, сформулированной в рамках данного дискурса, не всегда приводит к рациональному политическому поведению гражданина, продолжая существовать в игровом формате.

Литература:

1. Русакова О. Ф. PR-Дискурс: Теоретико-методологический анализ / О. Ф. Русакова, В. М. Рукавов / Екатеринбург: УрО РАН, Институт международных связей, 2008. С. 34, с. 70–75.
2. Подробное описание инцидента см.: Дьякова Е. Г. К вопросу о декодировании доминантного культурного кода: «семантическая герилья» в пространстве Рунета / «... И все подумали хором»: установление повестки дня и другие социальные технологии: [монография] / Е. Г. Дьякова, А. Д. Трахтенберг. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2011. С. 76–80.
3. Эгоистичный ген. [Электронный документ]. Режим доступа: <http://evolution.powernet.ru/library/gen/11.htm> (дата обращения 24.11.11).
4. Единая Россия подает на меня в суд [Электронный документ]. Режим доступа: <http://navalny.livejournal.com/553708.html> (дата обращения 24.11.11).
5. Киселев К. В. Синтаксические характеристики предвыборных слоганов / К. В. Киселев // Дискурс-Пи: Науч. – практ. альм. Екатеринбург, 2002. Вып. 2. С. 123–126.
6. В качестве примера оформления различных вторичных дискурсов, вытекающих из данного высказывания, можно вспомнить различные судебные иски, возникшие в связи с необходимостью юридической оценки фразы. Подробнее о различных прецедентах: http://www.vedomosti.ru/politics/news/1402505/sud_razreshil_nazyvat_edinuyu_rossiyu_partiej_zhulikov_i_spoem?
7. Споем? [Электронный документ]. Режим доступа: <http://navalny.livejournal.com/625374.html> (дата обращения 24.11.11).
8. Движение «нах-нах: Голосуй против всех». [Электронный документ]. Режим доступа: <http://b-nemtsov.livejournal.com/121835.html> (дата обращения 24.11.11).
9. Распространенной является точка зрения, что это происки спецслужб. Подробнее: SEO и политика – о партии жуликов и воров. [Электронный документ]. Режим доступа: <http://bakalov.info/seo-i-politika-o-partii-zhulikov-i-vorov.html> (дата обращения 24.11.11)..

Русаков В.М.

V НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ДИСКУРС ТРАВЕЛОГА»

(3 ФЕВРАЛЯ 2011, НУСА-ДУА, О. БАЛИ, ИНДОНЕЗИЯ)

**Русаков
Василий Матвеевич**

доктор философских наук, профессор
Институт международных связей, г. Екатеринбург,
вице-президент МАДИ

Как и планировалось, пятая конференция «Дискурс травелога» проводилась на о. Бали (Индонезия). В Оргкомитет конференции поступило 28 докладов и заявок. С докладами непосредственно на конференции выступи-

ской культуре (Р.А. Бурханов), коммунистических проектов глобального мира (М.А. Фадеичева), различных аспектов дискурса травелога (Н.В. Бенсгьер, И.В. Гладкова, К.С. Романова, Т.А. Малахова, В.М. Русаков). Докладчики, фактически, представили «задел» проведенных исследований, но и характер будущей работы. Нет необходимости говорить о том, что конференция прошла в теплой дружеской атмосфере – это был бы плеоназм. Глубина интереса к докладам выразилась в интенсивном обсуждении поставленных проблем в ходе свободной дискуссии, вышедшей далеко за рамки установленного регламента. Участники конференции особенно

ли профессора В.Г. Богомяков, Р.А. Бурханов, О.Ф. Русакова, В.М. Русаков, М.А. Фадеичева, доценты К.С. Романова, И.В. Гладкова, а также Н.В. Бенсгьер, Т.А. Малахова.

На этот раз индонезийский травелог был отягощен обсуждением проблематики «Геософия глобального мира» (О.Ф. Русакова), странностей необычных геополитических схождения Индонезии и России (В.Г. Богомяков), феномена странничества в рус-

единодушно отметили полезность обсуждения для их последующей работы над заявленными темами. При подведении итогов в Оргкомитет поступило сразу несколько предложений по тематике и особенно – о месте следующей конференции 2013 г. (большинство предложений склонялось в пользу о. Цейлон (Шри Ланка)). Как обычно, материалы докладов и выступлений рекомендовано было направлять в редколлегия альманаха «Дискурс-Пи».

Фаденчева М.А.

ГОЛЛАНДСКАЯ ИНДИЯ И БОЛЬШЕВИКИ: ПЕРВЫЙ ПРОЕКТ ГЛОБАЛЬНОГО МИРА

Фаденчева
Марианна
Альфредовна

доктор политических
наук Академик МАДИ,
главный научный
сотрудник Института
философии и права
УрО РАН

«Зайцеобразные обитают
на огромных просторах
– от Аляски до Парагвая.
Люли-люли Парагвая.
От азиатских тундр до тропиче-
ских лесов Явы.
Люли-люли Явы...»
В. Богомяков. Зайцеобразные.

Идеологическая обстановка в мире в последней четверти XX века в числе прочих имела одну существенную особенность: научные дискуссии и ожесточенные споры «просвещенной общественности» по поводу процесса глобализации как сущности современной эпохи. В связи с этим появился раскол на партии (части) глобалистов и антиглобалистов, а также попытки снять это противоречие во мнениях в виде альтерглобализма. Однако в результате не появилось глобальных или глокальных авторитетных проектов, которые смогли бы завоевать хотя бы полмира. Глобальный мир с конца XX века связан с объективными факторами, с развитием экономики, техники и технологии, средств массовой коммуникации. Однако эти тренды сложились до начала Второй мировой войны. В 1941 г. британский писатель, блестящий публицист и философ Герберт Джордж Уэллс, сравнивая это время с 1900 годом, писал: «Во-первых, главным образом благодаря авиации, радио и вообще всем средствам сообщения и связи произошло то, что можно назвать почти полным уничтожением расстояния. Сейчас новости узнают

чуть ли не одновременно на всем земном шаре. С добрыми или дурными намерениями люди могут за день или за день с небольшим перебрасывать с одного конца земли на другой бомбы, наркотики и любые товары. Расстояния не служат больше защитой суверенности отдельных государств. Теперь границы одного перекрывают границы другого. Мы живем друг у друга на пороге. Фактически человечество стало одной общиной»¹. В этих новых обстоятельствах человечество действовало реактивно. «Условия существования изменились в корне, а мы только еще начинаем менять систему своего поведения»², не имеем адекватного проекта нового мирового устройства.

Однако в начале XX века в соответствии с его спецификой в России был выработан первый глобальный проект глобального мира – большевистский проект, который предполагал сознательное и целенаправленное изменение условий существования, установление нового мирового порядка. Был, как известно, и автор идеи – Карл Маркс, и автор сценария – В.И. Ленин. Термин «глобальный» не был характерен для большевистского дискурса, использовался термин «мировой». Это не меняет сути дела, здесь не нужно двух слов, это – одно и то же. Не было ни одного места на земном шаре, на которое большевики не обратили бы своего внимания. Глобальный масштаб мышления, умноженный на грандиозность замысла, позволял вписывать в этот проект мир от США до Филиппин, от Российской империи до Голландской Индии. «Остров на пути в Индию», современная Республика Индонезия, бывшая колония Голландии, являлась локусом, в котором находили отражение глобальные тренды. И хотя Голландская Индия не входила в сферу интересов Российской империи, не она была обделена вниманием большевиков.

Особое значение Голландской Индии, как и всякой другой колонизованной территории, состояло в том, что их наличие придавало особый статус тому государству, которому они подчинялись. Те государства, которые были владельцами колоний, становились мировыми великими державами и наоборот, теряя колонии, теряли величие: колониальная

держава – великая держава. Можно утверждать, что Российская империя также была мировой великой державой благодаря тем территориям, которые она смогла колонизовать или захватить. Связь колониализма и величия прослеживается в историческом труде Дж.Р. Сили «Экспансия Англии», известном благодаря ленинскому конспекту этой работы, входящему в «Тетради по империализму». Сили описывал колониальные империи и их соперничество на протяжении трех веков. «... В истории этого периода мы должны всегда читать вместо Голландия, Португалия, Испания – Великая Голландия, Великая Португалия и Великая Испания. Я отмечаю также, что этот порядок вещей ныне исчез...»³ под влиянием целого ряда исторических событий. «Однако и теперь еще можно говорить о существовании Великой Голландии, принимая во внимание великолепную колонию Яву с населением не меньше, чем в девятнадцать миллионов»⁴.

Большевистский проект мирового переустройства складывался в эпоху империализма как высшей стадии развития капитализма. С точки зрения большевиков, при империализме происходило обострение классовых противоречий, ухудшение положения масс «и в экономическом отношении – тресты, дороговизна – и в политическом: рост милитаризма, учащение войн, усиление реакции, упрочение и расширение национального гнета и колониального грабежа»⁵. Также Ленин отмечал, что «политическими особенностями империализма являются реакция по всей линии и усиление национального гнета»⁶. Конспектируя книгу Альбрехта Вирта «Всемирная история современности», изданную в Лейпциге в 1913 г., и ряд других источников, Ленин составил Таблицу колониальных захватов и войн. Таблица включает в себя три части всего мирового пространства, это – Америка и Западная Европа, Восточная Европа (Австрия + Балканы + Россия), остальные страны (главным образом Азия и Африка) с населением, соответственно 350 млн., 250 млн. и 1 млрд. человек, и время с 1873 г. по 1914 г., деленное на периоды 1873–1879, 1880–1891, 1892–1898, 1899–1904, 1905–1914. Таблица занимает шесть страниц⁷, одно только краткое перечисление колониальных событий говорит об их глобальном масштабе. «Капитал 17 века, имея своими предпосылками аграрный переворот, обезземеление крестьян, перенесение базы торговли в Атлантический, а потом и в Тихий океан, развивает бешеную колониальную политику

грабежа и присвоения чужих территорий (голландцы, испанцы, бельгийцы, англичане, французы). Эта колониальная политика и ведет к войне не только между державой-захватчиком и поработленным народом, но между державами-хищницами в борьбе их за раздел всего мира, за монополию рынков. Колониальные территории западноевропейских государств значительно превосходят территории метрополии. Колонии Англии превосходят площадь метрополии в 99 раз, Бельгии в 80 раз, Голландии – 58 раз, Франции – в 13 раз, Италии – в 5 раз»⁸. Разделенный мир подлежит переделу, поэтому с его разделением борьба не прекращается, а эксплуатация усиливается. В экономической литературе того времени использовалось понятие борьба за «дележ мира».

Описывая раздел мира между союзами капиталистов в работе «Империализм как высшая стадия капитализма», Ленин привел «поучительный пример попытки такого передела, борьбы за передел», связанный с «керосиновой промышленностью», «керосиновую комедию», в которой главными действующими лицами были «Керосиновый трест» Рокфеллера, голландско-английский трест «Шелл» и «Немецкий банк». В центре их столкнувшихся интересов оказались нефтяные источники в Голландской Индии. Разбирая статью Феликса Пиннера «Керосиновая стратегия» из журнала «Die Bank» за 1912 год, в Тетрадах по империализму в том месте, которое относилось к кейсу Голландской Индии, Ленин провел две жирные вертикальные черты и поставил знаменитое «NB», что обозначало особую важность текста. «С одной стороны, немцы («Дисконтогезельшафт» и «Эрдель акциен гезельшафт») хотят объединить Румынию (и Россию) против «Стандард ойл компании»; с другой стороны, «Стандард ойл компани» основал общество («Недерландске колониале петролеум матсхапей») в самой Голландии, скупая источники (и концессии) в Голландской Индии – удар своему главному врагу: голландско-английскому тресту «Шелл» («Конинкlijke Шелл») и т. д. Борьба за дележ мира. «Раздел мира»⁹. Так поступали империалистические хищники, рвущие на части колонизованные территории. Это можно назвать алгоритмом действий великих держав.

Считалось, что колониализм являлся признаком и существенной чертой империализма, соответственно, разрушение колониальной системы

наносило непоправимый удар по империализму и означало его крушение. В связи с этим представляется очевидным, что большевики отводили главную роль национально-колониальному вопросу и национально-освободительному движению. В небольшой статье «Пробуждение Азии», опубликованной в газете «Правда» в мае 1913 г., Ленин отмечал два условия, которые «окончательно разбудили Азию»: это мировой капитализм и русское движение 1905 года. Он подчеркнул, что вслед за русским движением демократическая революция охватила всю Азию – Турцию, Персию, Китай, английскую Индию. Однако 2/3 текста посвящены голландской Индии, что свидетельствует об особом внимании автора к этой колонии: «Интересно, что революционно-демократическое движение охватило теперь и голландскую Индию, остров Яву и другие колонии Голландии, имеющие населения до 40 миллионов человек»¹⁰. Ленин делал ссылку на голландского марксиста Ван-Равестейна, который описывал пробуждение голландской Индии и указывал, что исконный деспотизм и произвол голландского правительства встретили, наконец, решительный отпор и протест среди масс туземного населения. Он подчеркивал, что даже «немецкие империалисты», старавшиеся следить за национально-освободительными движениями в колониях, в издании «Архив всемирного хозяйства» отмечали брожение и протесты в Голландской Индии¹¹.

Были выявлены политические акторы, носители этого движения: народные массы на Яве, участвовавшие в националистическом движении «под знаменем ислама»; созданная капитализмом местная интеллигенция «из акклиматизировавшихся европейцев», выступавших за независимость голландской Индии; китайское население на Яве и ряде других островов, перенесшее революционные настроения из Китая. Ленин откровенно выражал радость по поводу неукротимого роста демократического движения на Яве. Свидетельствами этого роста и предреволюционной ситуации явились процессы быстрого возникновения многочисленных союзов и партий среди «туземного населения», самым крупным из которых был национальный союз туземцев, насчитывавший порядка 80 000 членов и организовывавший массовые митинги. Голландское правительство шло по пути запретов этих организаций, что вызывало еще большее сопротивление туземцев и дальнейший рост движения.

Так, например, была распущена «индийская партия», включившая в свой устав и программу положение о стремлении к независимости. «Голландские «держиморды» (кстати сказать, одобряемые и клерикалами, и либералами: сгнил европейский либерализм!) увидели в этом преступное стремление отделиться от Голландии!»¹². Однако роспуск этой партии привел только к тому, что она вновь стала действовать под другим названием. Заметим, что под «туземцами» здесь понимались местные жители колонизованной территории голландской Индии. Такие же понятийные обыкновения содержались и в Своде Законов Российской империи, когда Законодатель устанавливал положения об управлении «туземным населением» и регулировал отношения между «туземцами различных народностей» и «населением коренного русского происхождения».

Особый большевистский интерес к голландской Индии и радость по поводу роста национального движения в ней объясняется тем, что она относилась к последнему из трех, наиболее неразвитому типу «стран в отношении к самоопределению наций», которые Ленин выделил в работе «Социалистическая революция и право наций на самоопределение»¹³, а именно: к азиатским полуколониальным странам и колониям с общей численностью населения в 1 млрд. человек, в которых буржуазно-демократические движения или только начинались, или еще были далеко не закончены. (К первому типу были отнесены передовые капиталистические страны Западной Европы и США, в которых буржуазно-прогрессивные национальные движения давно закончены, «великие» нации которых угнетали «чужие нации» в колониях и внутри страны). (Ко второму типу относились страны Восточной Европы, в том числе Австрия, Балканы и особенно Россия, в которых в этот период обострилась национальная борьба, развились буржуазно-демократические национальные движения). Голландская Индия, несомненно, была слабым звеном в цепи национально-освободительных движений, ее активизация в этом отношении означала, что эти движения разворачивались в мировом масштабе. Снова локальный кейс голландской Индии отразил глобальные тренды. Пробуждение Азии и пробуждении в Азии одной из ее самых отсталых колонизованных территорий в этом контексте представляло «открывшуюся в начале XX века новую полосу всемирной истории».

Большевики видели общие тренды в развитии капитализма в мире и, по сути, оценивали его высшую стадию как глобальное явление в экономике и политике, как эпоху, для которой существенно и типично деление наций на угнетающие и угнетенные. Колониализм в качестве атрибута империализма представлялся также глобальным явлением, несмотря на многообразие локальных кейсов. Именно поэтому «программа социал-демократии должна выдвигать, как основное, существеннейшее и неизбежное при империализме, деление наций на угнетающие и угнетаемые»¹⁴. Средство борьбы с национальным неравноправием, выбранное большевиками, было таким же глобальным, как и то, с чем необходимо бороться, это – национально-освободительное движение в масштабе всего мира, распространяемое даже в самых отсталых его частях. Смысл национально-освободительного движения заключался в борьбе против национально-колониального гнета, в осуществлении права на самоопределение угнетенных наций, то есть права на независимость в политическом смысле, на свободное политическое отделение от угнетающей нации, как внутри метрополии, так и в колонизованных территориях. Принципиальность этого положения объяснялась тем, что «к неизбежному слиянию наций человечество может прийти лишь через переходный период полного освобождения всех угнетенных наций, т. е. их свободы отделения»¹⁵.

Вопрос о самоопределении наций также был сформулирован глобально, то есть в отношении всего мирового пролетариата. Однако это была двухсторонняя задача, так как интернациональный пролетариат был подразделен на «пролетариат угнетающих наций» и «пролетариат угнетенных наций». Первый должен был требовать свободы политического отделения колоний и наций, угнетаемых «его» нацией, второй должен был бороться за классовую солидарность и единство с «пролетариатом угнетающих наций», против «буржуазии угнетенных наций», которая превращала лозунги национального освобождения в обман рабочих. Все те, кто проповедовал идеи мирного союза равноправных наций при империализме, был отнесен к разряду оппортунистов и социал-шовинистов. Так, например, «только на словах является социалистом и интернационалистом, а на деле шовинистом и аннексионистом... тот голландский социалист, который не борется за свободу отделения и неза-

висимость голландской Индии»¹⁶. В отношении постановки и решения вопроса о самоопределении товарищи по Интернационалу из разных стран, в том числе и некоторые российские товарищи, совершали много ошибок, что означало извращение марксизма в теории и причиняло вред национально-освободительному движению на практике. Поэтому большевикам приходилось постоянно бороться с этими ошибками и разъяснять, как правильно понимать этот вопрос. Особенно много заблуждений возникло среди части социал-демократов в период Первой мировой войны. С точки зрения большевиков правильная пролетарская политика заключалась в отрицании защиты отечества в империалистической войне, в стремлении добиться поражения своего правительства.

Ошибались, в частности, голландские товарищи, используя лозунг «самоопределения наций» для оправдания участия в империалистической войне, что в свою очередь приводило к отрицанию самоопределения наций. Так, в письме «дорогому товарищу» по Интернационалу Генриетте Роланд-Гольст от 8 марта 1916 г. Ленин писал: «Точка зрения немцев, англичан, русских все же важнее (и объективно *правильней*), чем голландская и польская! Гортер требует «*национальной независимости*» для Голландской Индии. Очень хорошо! Но ведь это *именно* и есть право на самоопределение!!»¹⁷. В это же время, в марте 1916 г., в статье «О «Программе мира»», напечатанной в газете «Социал-демократ» касаясь спора русского каутскианца Мартова с голландцем Гортером, Ленин замечал, что «Гортер, неправильно отрицая принцип самоопределения наций, правильно *применяет* его, требуя *политической независимости* Голландской Индии и разоблачая в измене социализму несогласных с этим голландских оппортунистов»¹⁸. В тезисах «Социалистическая революция и право наций на самоопределение», впервые опубликованных на русском языке в «Сборнике «Социал-Демократа» в октябре 1916 г. Ленин вновь обращается к этому примеру: «Тов. Гортер в своей превосходной брошюре: «Империализм, война и социал-демократия» неправильно отрицает принцип самоопределения наций, но правильно *применяет* его, когда требует *немедленно* «*политической и национальной*» независимости Голландской Индии и разоблачает голландских оппортунистов, отказывающихся выставлять такое требование и бороться за него»¹⁹. Таким об-

разом, не случайно Ленин трижды приводит пример Голландской Индии и точку зрения голландских социал-демократов по вопросу ее национального самоопределения. В этом примере раскрывались типичные заблуждения части социал-демократов, что наносило вред социал-демократическому интернационалу.

Неправильно выбранные средства борьбы с буржуазией, вредные лозунги и ошибочное понимание права наций на самоопределение могли служить препятствиями в достижении целей, поэтому столь масштабной была ленинская критика заблуждений европейских и русских социал-демократов. Цель большевистского проекта мирового переустройства – то, ради чего он осуществлялся и существовал, была также исключительно глобальной, – наступление полного коммунизма, которому должен был предшествовать окончательно победивший и упрочившийся социализм. При этом социализму отводилась существенная роль: «Целью социализма является не только уничтожение раздробленности человечества на мелкие государства и всякой обособленности наций, не только сближение наций, но и слияние их»²⁰.

Для правительств мировых великих держав того времени мир представлялся состоящим из отдельных государств, неких монах как непроницаемых существ, которые борются за рынки сбыта, источники сырья, источники дешевой рабочей силы, сферы приложения капитала. Они мыслили локально и национально. Большевики же мыслили глобально и интернационально, прежде «своих» правительств и «своих» государств они видели «мировой пролетариат» и «мировую буржуазию», неравномерность развития связывали с эпохой империализма, охватившей весь Глобус. Империализм – явление глобальное, следовательно, требуется глобальное переустройство мира. Средства для его переустройства признавались только глобальные, это – деколонизация и мировая социальная революция. Поэтому для большевиков не было «маленьких уголков» на земном шаре, также и Голландская Индия, как и любой из них, была богатейшей областью и существенным кейсом, укладывавшимся в глобальный контекст нового мирового порядка.

Литература:

1. Уэллс Г. Наука и мировое общественное мнение. Герберт Уэллс. Собр. соч. в 15 т. Т. 15. С. 427.

2. Уэллс Г. Наука и мировое общественное мнение. Герберт Уэллс. Собр. соч. в 15 т. Т. 15. С. 428.
3. Ленин В.И. Тетради по империализму. Тетрадь «О марксизме и империализме» // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Изд. пятое. М: Госуд. изд-во полит. лит., 1962. Т. 28. С. 642.
4. Ленин В.И. Тетради по империализму. Тетрадь «О марксизме и империализме» // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Изд. пятое. М: Госуд. изд-во полит. лит., 1962. Т. 28. С. 641.
5. Ленин В.И. Социалистическая революция и право наций на самоопределение // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Изд. пятое. М: Госуд. изд-во полит. лит., 1962. Т. 27. С. 252.
6. Ленин В.И. Империализм как высшая стадия капитализма // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Изд. пятое. М: Госуд. изд-во полит. лит., 1962. Т. 27. С. 408.
7. См. Ленин В.И. Тетради по империализму. Тетрадь «ни» // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Изд. пятое. М: Госуд. изд-во полит. лит., 1962. Т. 28. С. 489–494.
8. Политический словарь. Ленинград: Рабочее изд-во «Прибой», 1926. С. 166–167.
9. Ленин В.И. Тетради по империализму. Тетрадь «бета» // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Изд. пятое. М: Госуд. изд-во полит. лит., 1962. Т. 28. С. 153.
10. Ленин В.И. Пробуждение Азии // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Изд. пятое. М: Госуд. изд-во полит. лит., 1976. Т. 23. С. 145.
11. Ленин В.И. Империализм как высшая стадия капитализма // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Изд. пятое. М: Госуд. изд-во полит. лит., 1962. Т. 27. С. 407.
12. Ленин В.И. Пробуждение Азии // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Изд. пятое. М: Госуд. изд-во полит. лит., 1976. Т. 23. С. 146.
13. См.: Ленин В.И. Социалистическая революция и право наций на самоопределение // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Изд. пятое. М: Госуд. изд-во полит. лит., 1962. Т. 27. С. 260–261.
14. Ленин В.И. Социалистическая революция и право наций на самоопределение // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Изд. пятое. М: Госуд. изд-во полит. лит., 1962. Т. 27. С. 257.
15. Ленин В.И. Социалистическая революция и право наций на самоопределение // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Изд. пятое. М: Госуд. изд-во полит. лит., 1962. Т. 27. С. 256.
16. Ленин В.И. Первоначальный вариант предложения ЦК РСДРП Второй социалистической конференции // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Изд. пятое. М: Госуд. изд-во полит. лит., 1962. Т. 27. С. 464.
17. Ленин В.И. Генриетте Роланд-Гольст. 8 марта 1916 г. // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Изд. пятое. М: Госуд. изд-во полит. лит., 1964. Т. 49. С. 190.
18. Ленин В.И. О «Программе мира» // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Изд. пятое. М: Госуд. изд-во полит. лит., 1962. Т. 27. С. 273.
19. Ленин В.И. Социалистическая революция и право наций на самоопределение // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Изд. пятое. М: Госуд. изд-во полит. лит., 1962. Т. 27. С. 260.
20. Ленин В.И. Социалистическая революция и право наций на самоопределение // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Изд. пятое. М: Госуд. изд-во полит. лит., 1962. Т. 27. С. 256.

Русаков В.М.

V МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ДИСКУРСОЛОГИЯ: ТЕОРИЯ. МЕТОДОЛОГИЯ. ПРАКТИКА»

Русаков
Василий Матвеевич

доктор философских наук, профессор
Институт международных связей, г. Екатеринбург,
вице-президент МАДИ

Ежегодная, пятая по счету Международная научно-практическая конференция «Дискурсология: методология, теория, практика», организация которой стала традицией в России и в Мексике – на Урале¹ и в Толуке². Как мы уже писали в предыдущем выпуске альманаха: «Старт, данный на Гоа (конференцией «Дискурс травелога»), был подхвачен целой серией других конференций, посвященных методологии, теории и практике дискурсологии, которые прошли в Толуке (Мексика), Южно-Уральском государственном университете (г. Челябинск), Уральском университете путей сообщения (10 декабря 2010 г.) и на факультете политологии и социологии Уральского государственного университета им. А.М. Горького (16 декабря 2010 г.). Заключительное заседание Пятой международной конференции посвящено 10-летию альманаха «Дискурс-Пи»³ (22 декабря 2010 г.). Значительная часть докладов этого конференц-марафона предполагается опубликовать в январе 2011 г. в отдельном томе (что и осуществили коллеги М.А. Малышев и В.Е. Хвощев).

Как и в прошлые годы, конференция не обошла стороной и Южно-Уральский государственный университет (Челябинск): в конце 2010 года состоялось очное и заочное обсуждение современных проблем дискурсологии (в котором приняли участие 60 авторов, 9 из которых представляли Мексику), предприняты попытки зафиксировать научный дискурс в самых разных областях общественности. На этот раз в разнообразии дискурса докладчики особо выделили тематику, связанную с творчеством Л.Н. Толстого, отметив столетие того дня, когда Россия и мировая культура потеряли своего вели-

кого писателя, теолога, философа. Материалы конференции⁴ собраны, отредактированы и снабжены дайджестами на русском и испанском языках благодаря капитальным усилиям В.Е. Хвощева (ЮУрГУ) и М.А. Малышева (UAEM, Toluca, Mexico), опубликованы во многом благодаря поддержке, оказанной Министерством образования и науки РФ (контракт от 22.03.2010 года № 02.740.11.5205).

Конференция продемонстрировала как развертывание широкого фронта дискурс-исследований, роста популярности этой проблематики в кругах российской научной общности, так и необходимости «отделить зерна от плевел» – как об этом справедливо заметили редакторы упомянутого сборника: «Лишенный каких-либо ограничений современный научный дискурс быстро превращается в стихийный поток: стремительный, разнородный, неуправляемый. Найти себе место в такой лавине не сложно – она легко подхватывает и несет с собой и бесценные семена знания, и случайный ненужный мусор... Должна ли дискурсология ставить и решать такие вопросы?»⁵. Похоже, в развертывании дискурс-исследований на Урале наступает неизбежный период, когда работы данного методологического направления следует строже отделять от тех, где только всеу заклинаяются «дискурс» и «дискурсология».

Примечания:

1. В Екатеринбурге и Челябинске.
2. В Автономном университете штата Мехико (UAEM), в г. Толука (Мексика).
3. «Дискурс-Пи». Научно-практический Альманах. Вып. 9–10 (2009–2010). Екатеринбург: Издательский Дом «Дискурс-Пи», 2010. С. 14, 310.
4. Дискурсология: методология, теория, практика: доклады пятой международной научно-практической конференции, посвященной памяти Льва Николаевича Толстого и его идеям ненасильственного сопротивления. 19–20 ноября 2010 года. Россия-Мексика / Под общей редакцией М.А. Малышева и В.Е. Хвощева. – Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ; Изд-во НОЦ «КПОН», 2011. 448 с.
5. Там же. Аннотация.

ФИЛОСОФСКИЙ ДИСКУРС В «ЦИФРОВОМ» ФОРМАТЕ

(«МАТЕРИЯ» И «СОЗНАНИЕ» КАК ЦЕННОСТНЫЕ ФУНКЦИИ
ОТ ДВУХ ПЕРЕМЕННЫХ В ДВУЗНАЧНОЙ АЛГЕБРЕ МЕТАФИЗИКИ
И ИХ ФОРМАЛЬНО-АКСИОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКВИВАЛЕНТНОСТЬ
В ЭТОЙ АЛГЕБРЕ)

Лобовиков
Владимир Олегович

доктор философских наук, профессор, главный
научный сотрудник Института философии и права
УрО РАН, академик МАДИ

В тезисах нет возможности представить все необходимые разъяснения и точные определения понятий, вовлеченных в дискурс, поэтому, сошлюсь на монографию, в которой все эти разъяснения и дефиниции даны¹. В дополнение к ним дадим следующие ниже определения унарных и бинарных операций двузначной алгебры формальной аксиологии, относящихся к рассматриваемой теме.

Глоссарий для следующей ниже таблицы 1. Символ Sa обозначает морально-правовую ценностную функцию «субъект (что, кто) a ». Символ Oa обозначает ценностную функцию «объект (что, кто) a ». S^1a – ценностную функцию «субъект (чего, кого) a ». O^1a – ценностную функцию «объект (чего, кого) a ». Ba – «бытие (чего, кого) a » (здесь имеется в виду *подлинное* бытие). Na – «небытие (чего, кого) a ». Ca – «сознание, осознание (чем, кем, чье) a ». Fa – «сознание, осознание (чего, кого) a ». Ma – «материя (что, кто) a ». M^1a – «материя (чего, кого, чья) a ». Φa – «материя для (чего, кого) a ». Za – «противоположность для (чего, кого) a ». В двузначной алгебре метафизики, перечисленные ценностные функции от одной переменной точно определяются следующей ниже таблицей 1.

Таблица 1.

a	Sa	Oa	S^1a	O^1a	Ba	Na	Ca	Fa	Ma	M^1a	Φa	Za
x	x	п	x	x	x	п	x	п	п	п	x	п
п	п	x	п	п	п	x	п	x	x	x	п	x

ОПРЕДЕЛЕНИЕ: ценностные функции μ и β называются *формально-аксиологически эквивалентными* (это обозначается символом « $\mu = + = \beta$ »), если и только если они (μ и β) принимают одинаковые ценностные значения из множества $\{x$ (хорошо); $п$ (плохо) $\}$ при любой возможной комбинации ценностных значений (x или $п$) переменных. В естественном русском языке отношение формально-аксиологического тождества ($\mu = + = \beta$) выражается словами «значит», «означает», «является», «есть», иногда заменяемыми тире.

Используя данные выше табличные дефиниции ценностных функций от одной переменной, а также точное определение отношения формально-аксиологической эквивалентности « $= + =$ », легко получить следующие уравнения.

- 1) $Oa = + = ZO^1a$: объект (что, кто) a есть противоположность (для) объекта (чего, кого) a .
- 2) $Sa = + = S^1a$: субъект (что, кто) a есть субъект (чего, кого) a .
- 3) $O^1a = + = S^1a$: объект (чего, кого) a – субъект (чего, кого) a .
- 4) $Sa = + = ZOa$: субъект (что, кто) a является противоположностью (для) объекта a .
- 5) $Oa = + = ZSa$: объект (что, кто) a является противоположностью (для) субъекта a .
- 6) $Oa = + = NSa$: объект (что, кто) a есть небытие субъектом a .
- 7) $Sa = + = NOa$: субъект (что, кто) a есть небытие объектом a .
- 8) $Sa = + = Ca$: субъект (что, кто) a – сознание (чем, кем, чье) a .

9) $Oa=+=M'a$: объект (что, кто) a – материя (чего, кого, чья) a .

Сказанное выше можно развить и углубить, дополнив модель рассмотрением некоторого множества относящихся к делу ценностных функций от двух переменных.

Глоссарий для следующей ниже таблицы 2. Символ K_2ab обозначает ценностную функцию «объединение, соединение (чего, кого) b и (чего, кого) a ». D_2ab – «разъединение, разделение (чего, кого) b и (чего, кого) a ». E_2ab – «отождествление ценности (чего, кого) b и (чего, кого) a ». S_2ab – «субъект (что, кто) b для (чего, кого) a ». O_2ab – «объект (что, кто) a для (чего, кого) b ». C_2ab – «сознание, осознание (чем, кем, чье) b (чего, кого) a ». M_2ab – «материя (что, кто) a для (чего, кого) b ». Эти функции точно определяются ниже таблицей 2.

Таблица 2 – Ценностные функции от двух переменных

a	b	K_2ab	D_2ab	E_2ab	S_2ab	O_2ab	C_2ab	M_2ab
х	х	х	п	х	п	п	п	п
х	п	п	х	п	п	п	п	п
п	х	п	х	п	х	х	х	х
п	п	п	х	х	п	п	п	п

Используя данные выше определения, нетрудно получить следующие уравнения, устанавливающие фундаментальные метафизические тождества (=формально-аксиологические эквивалентности) в двучленной алгебре метафизики.

10) $S_2ab=+=O_2ab$: субъект (что, кто) b для (чего, кого) a равноценен объекту a для (чего, кого) b .

11) $M_2ab=+=C_2ab$: материя (что, кто) a для (чего, кого) b равноценна сознанию, осознанию (чем, кем, чьему) b (чего, кого) a .

Эти уравнения дают основание для отказа от широко распространенной концепции *абсолютного дуализма* материи и сознания. Вместо их *абсолютного дуализма* следует утверждать их *относительное тождество*, а именно, их тождество в некотором вполне определенном (формально-аксиологическом) отношении « $=+=$ », точно определенном выше.

Согласно данному в вышеупомянутой монографии точному определению, *законом метафизики (=философии)* является любая такая и только такая аксиологическая форма, т. е. ценностная функция, которая принимает значение «хорошо» при любой возможной комбинации аксиологических значений

своих переменных. Иначе говоря, закон метафизики есть (по определению) ценностная функция-константа, принимающая значение «хорошо». Если Σ есть некая аксиологическая форма, то она есть закон метафизики, если и только если $\Sigma=+=x$. В рассматриваемой нами простейшей модели данное определение алгоритмично. Поэтому очень просто, вычисляя соответствующие ценностные таблицы, открывать и обосновывать философские (=метафизические) законы. В исследуемом контексте имеет смысл привести ниже несколько примеров законов метафизики (=формальной аксиологии), относящихся к теме работы.

12) $D_2SaOa=+=x$: закон разделения объекта и субъекта.

13) $D_2M'aCa=+=x$: закон разделения материи (чего, кого) a и сознания (чем, кем, чьего) a .

14) $D_2M'a\Phi a=+=x$: закон разделения материи (чего, кого) a и материи для (чего, кого) a .

15) $D_2FaCa=+=x$: закон разделения осознания (чего, кого) a и осознания (чем, кем, чьего) a .

16) $E_2\Phi aCa=+=x$: закон тождества материи для (чего, кого) a и осознания (чем, кем, чьего) a .

17) $E_2M'aFa=+=x$: закон тождества материи (чего, кого) a и осознания (чего, кого) a .

18) $E_2BaCa=+=x$: закон тождества бытия (чего, кого) a и осознания (чем, кем, чьего) a .

Основной вывод данной работы – существует некоторое строго определенное отношение (а именно, формально-аксиологическое), в котором «материя» и «сознание» как ценностные функции от двух переменных являются *эквивалентными*. То, что некоторые из приведенных выше тождеств, отличающихся научной новизной, *кажутся* парадоксальными, является *закономерно* возникающей логико-психологической *иллюзией*. Чтобы ее рассеять, необходимо использование логико-методологического принципа, известного под *условным* названием «Гильотина Юма». Точная формулировка «Гильотины» дана в статье².

Литература:

1. Лобовиков В.О. «Нищета философии» и ее преодоление «цифровой метафизикой». Екатеринбург: УрО РАН, 2009.
2. Лобовиков В.О. Учение Парменида и Мелисса о небытии движения и «гильотина Д. Юма» с точки зрения двучленной алгебры метафизики // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология, 2011, № 2 (14). С. 130–138.

РОМАНИЗМЫ

Романов
Андрей
Владимирович

кандидат философских наук, доцент кафедры философии Уральского государственного экономического университета, г. Екатеринбург

E-mail:
andrei.v.romanov@gmail.com

Молитва – это тост, обращенный к Богу.

Религия – форма человеческой слабости, выдаваемой за всемогущество.

По делам многих наших священников видно, что хотя они и говорят о своей вере в Бога, Бог не верит им.

Бог все прощает – в отличие от христиан.

Обрезание – уменьшение плоти в качестве символа возрастания веры.

Если Бог есть Бог, то его нет.

Религия делает нас и лучше, и хуже; она мешает нам стать как хуже, так и лучше.

Иисус – предмет научного познания, Христос – предмет веры.

Не становясь Творцом, творение превращается в ничто.

Религии живы ересями.

Нужно быть очень религиозным человеком, чтобы не верить в Бога.

Наши поступки более нравственны, чем наши желания.

Солдат на поле боя набожнее монаха в монастыре.

«Бог есть» – не мысль, а молитва.

Бог – единственное всемогущее существо, обращение к которому умножает человеческую слабость.

Сон – иллюстрация грехов.

Бог верит в человека больше, чем человек – в самого себя.

Человек верит в веру Бога в самого верующего человека.

Лишь атеисты не делают Бога предметом манипуляции и средством коммерции.

Эволюция церкви: из распинаемой – в распинающую.

Содержание церкви все дорожает, а предательство Христа – дешевеет.

Христос не превращает воду в вино. Он – само вино.

Христианство – учение о божественности не Христа, а человека.

Бога Сына распинают истинно верующие в Бога Отца.

Бог Отец и Бог Сын – не родственники.

Я надеюсь на веру Бога в человека.

Бог Отец – отец не Сыну, а человеку.

В России, окопах и тюрьмах безбожников нет.

В церкви тушки грешников превращаются в Тело Христово.

Церковь – подструктура божественного пиара.

В церкви грешников учат обретению святости.

Православная вера есть вера в собственную веру.

Чем меньше веришь в Бога, тем больше видишь оснований для веры в него.

Православная святость – в лояльности власти.

Церковь отделена не от государства, а от ума, чести, совести и самой религии.

Могущество Сатаны ничего не стоит без помощи христианских священников.

Для счастливого смерть – страдание, для страдающего – надежда на удовлетворение.

В любой религиозности достаточно политики, и в любой политике – религиозности.

Верующий – тот, кто уверен, что ему повезет после смерти.

Феномен молитвы говорит о том, что Бог не имеет твердых убеждений.

«Святая Церковь» – не святая и не церковь.

Сны отличаются от религий – количеством зрителей.

Человек без религии, что инвалид без костылей.

ВОЛОБ – ПТИЦА РЕДКАЯ

(ОПЫТ СТАТЬИ ДЛЯ КРАТКОЙ ФИЛОСОФСКО-ЮРИДИЧЕСКОЙ ОРНИТОЛОГИЧЕСКОЙ ЭНЦИКЛОПЕДИИ)

Казанцев
Михаил Федорович

зав. отделом права Института философии и права УрО
РАН, доктор юридических наук, орнитолог-любитель

«...Не зря мы держим эту редкую птицу...»

Из высказывания Михаила Васильевича Горбунова, ученого секретаря Института философии и права Уральского отделения Академии наук СССР (ныне Российской академии наук), о Владимире Олеговиче Лобовикове после его доклада на теоретическом семинаре Института, состоявшемся в 1989 году

ВОЛОБ (*Volob*, полное имя Владимир Олегович **ЛОБ**овиков, *Vladimir Olegovich Lobovikov*) – особь птицы из семейства логастых (от λόγος), входящих в отряд философичных (от φιλοσοφία и *Strigiformes*); не путать с семейством волобыинообразных (*Passeriformes*). Имя «Волоб» по одной из версий происходит от «вол» (работает как вол) и «лоб» (имеет сократовский лоб, что сближает Волоба с семейством сократолобовых (Σωκράτης); с именем «Волобуев» (Волобуев, вот ваш...) не имеет ничего общего. Имеет прозвища, например «доктор», «профессор» и «гэнээс».

Волоб – крупная птица, длина тела – 176 сантиметров (2011), размах крыльев – 180 сантиметров (2011), вес – 78 килограммов (2011). Ноги мощные. Когти крепкие. Голова немного вытянутая, очерчено-скульптурная. Клюв орлиноподобный, высокий и сжатый с боков, слегка загнут вниз. Окрас головного оперения темно-

русый. Глаза серые. Обликом схож со знаменитой старинной птицей Гегель (тоже из отряда философичных). Голос негромкий, слегка глуховатый. Уравновешен, невозмутим, самоироничен.
По всем статьям Волоб – редкая птица.

Птенец Волобенок вылупился 11 февраля 1951 года в гнезде Олалоба и Лювалобы, обустроенном в черте города Молотов (ныне – Пермь). Примерно через год после появления на свет Волобенок начал самостоятельно склевывать пищу и встал на крыло. В 1958–1968 годах он обучался в пределах гнездового участка в средней птичьей школе.

С молодых когтей Волобенок был любознательным, интересовался, как устроена мысль. Об этом говорят, хотя бы, беседы с различными представителями фауны.

Баран: если я баран, то и мои родственники бараны – а если ты птица, то и твои родственники птицы. Все птицы вьют гнезда.

Волобенок: все птицы вьют гнезда; мышшь вьет гнездо, значит, мышшь – птица.

Мышь: я не птица, и не все птицы вьют гнезда. Но все птицы летают.

Волобенок: все птицы летают; стрекоза летает, значит, стрекоза – птица.

Стрекоза: я не птица, и не все птицы летают. Но все птицы поют.

Волобенок: все птицы поют; лягушка поет, значит, лягушка – птица.

Лягушка: я не птица, и не все птицы поют. Но все птицы несут яйца.

Волобенок: все птицы несут яйца; червяк несет яйца, значит, червяк – птица.

Червяк: я не птица, и не все птицы несут яйца. Но нет птицы без пера.

Волобенок: нет птицы без пера; у голубя есть перья, значит, голубь – птица.

Голубь: я птица, а ты не птица – ты Волобенок.

Волобенок: так кто же тогда такие птицы?

Уже тогда стало ясно, что Волобенок – редкий птенец.

Чтобы узнать ответы на свои вопросы Волобенок полетел в Свердловск (ныне Екатеринбург) и поступил на философский факультет УрГУ-птичника, где углубился в изучение логического пения (что не удивительно для птиц семейства логастых). В 1973 году Волоб закончил упомянутый факультет и на нем же (уже не птенец, а взрослая птица-самец) сам стал обучать молодых птенцов приемам логического пения. И так продолжалось 15 лет.

В 1988 году Волоб перелетел в ИФиП – новый птичник, созданный АССом, выдающимся представителем отряда праволюбивых. Под его крылом собрались пернатые различных отрядов и семейств – философины, праволюбивые, социологообразные. В первые годы ИФиП был подобен здоровому, растущему организму, в котором все прекрасно – острый ум, требовавший выхода и признания и находивший их в многочисленных дискуссиях и публикациях; душа, проникнутая свежестью и теплотой взаимоотношений; юное «тело» (средний возраст пернатых не превышал тогда 30 лет). Волоб возглавил группу логики норм, куда вошел один только Волоб, поскольку подобных ему не нашлось. Но и в единственном числе Волоб много преуспел. Именно тогда и поэтому прозвучала обращенная к нему и вынесенная в эпиграф фраза «Не зря мы держим эту редкую птицу...».

Действительно, Волоб – редкая птица.

В нестабильные 1990-е Волобу, как и многим, приходилось крутиться. Чтобы выжить, он был вынужден сменить логику на логику. В 1992–1997 годах Волоб, совершая индивидуально-предпринимательские челночные полеты, занимался мелкооптовой торговлей

художественными принадлежностями, закупал эти товары в Москве и Санкт-Петербурге и снабжал ими художественные салоны областных городов Уральского региона. Благодаря логической сметке (в какой-то мере компенсирующей предпринимательскую хватку) это занятие местами было небезуспешным.

В 1997 году жизнь заставила Волоба слететь с ИФиП-ской ветки и обосноваться в куцах УрГЮА-птичника. Там он порхал профессором на кафедре теории государства и права (1997–1998) и даже заведующим кафедрой информационно-правовых технологий (1998–2001). Будучи профессором УрГЮА, Волоб одновременно какое-то время был студентом того же заведения.

Ну, разве не ясно после этого, что Волоб – редкая птица.

К началу третьего тысячелетия Волобу порядком надоело добывать корм не своим ремеслом, скитаться по чужим птичникам. В 2001 году он подлетел к ИФиПу, устало опустился у порога, виновато склонил голову, выдохнул: я вернулся. ИФиП принял обратно блудную птицу. Да и как не принять.

Что ни говори, а Волоб – редкая птица.

С тех пор и по сей день (11 февраля 2011 года) Волоб парит и творит в ИФиПе, и, что интересно – в отделе права. И это не случайно. Ведь на поляне, которую он возделывает, растут не только

математическое моделирование системы философских наук: математическая логика, математическая эстетика, математическая этика, математическая философия права, математическая философия религии, математическая онтология, математическая философия науки, математическая философия экономики,

но и

позитивное право, обычное право и естественное право как частные случаи (стороны), подсистемы системы права; естественное право как система; алгебра естественного права – дискретная математическая модель системы неизменных универсальных ценностей; гар-

мония (соответствие) позитивного, обычного и естественного права; морально-правовое программирование «автономных» роботов с «искусственным» интеллектом.

Вот уж воистину, Волоб – редкая птица.

Таких птиц как Волоб в мире сыщется, может быть, несколько, а в России, пожалуй, только одна.

Одним словом, Волоб – редкая птица.

Произведенное Волобом впечатляет. Правда, оценить его произведения мало какая птица может, даже из отряда философов. Вот, например такой продукт:

«Систематически исследуя сложные морально-правовые формы, включающие в себя как унарные, так и бинарные операции, то есть изучая различные композиции определенных выше ценностных функций, можно заметить важную структурно-функциональную закономерность, представляющую собой некое подобие (аналог) широко известного в алгебре логики «закона контрапозиции импликации»: $[(A \rightarrow B) \equiv (\neg B \rightarrow \neg A)]$ или в переводе на естественный язык: если А, то В, следовательно, если не-В, то не-А]. Согласно принципу двойственности, в алгебре логики функция математически двойственная импликации, а именно, «коррекция (или замещение)» тоже подчиняется закону контрапозиции. Имеется в виду «коррекция, замещение (чего) А (чем) В». Уравнение формул, представляющее собой закон контрапозиции коррекции в логике, можно получить путем замены на математически двойственные им операции всех операций, входящих в уравнение $((A \rightarrow B) \equiv (\neg B \rightarrow \neg A))$ ».

Или такой:

а	в	V ₂ ав	T ₂ ав	B ₂ ав	Э ₂ ав	Ю ₂ ав
х	х	п	х	п	х	х
х	п	п	х	п	х	х
п	х	х	х	п	п	п
п	п	п	п	х	х	п

Но не все так безнадежно. При внимательном рассмотрении можно увидеть, что все сводится к вполне понятным темам и проблемам. Судите сами:

«Абсолютное отождествление либидо (материального желания, то есть влечения одного материального тела другим материальным телом) с чувственным восприятием неверно: противоречит как психологической теории, так и фактам. Невозможность В для А есть бессилие, слабость для осуществления В, неспособность (импотенция) к реализации В (чего, кого, чья) А.

И все же, Волоб – редкая птица.

Ареал обитания Волоба обширен. Постоянное гнездо свое Волоб свил в центральной части Евразии на восточном склоне Уральских гор на берегу реки Исеть в черте города Екатеринбург. Географические координаты: 56°50' северной широты, 60°35' восточной долготы, 270 метров над уровнем моря. Волобу не сидится на месте. Он легок на подъем и регулярно совершает ближние и дальние полеты к российским и зарубежным пернатым единомышленникам. Он летал в Финляндию, Соединенные Штаты Америки, Грецию, Австрию, Китай, Италию, Южную Корею, Польшу и не только.

Ну, конечно же, Волоб – редкая птица.

Свое гнездо Волоб делил не единожды.

В 1973–1989 годах Волоб делил свое гнездо с Налобой (1948); появились птенцы Ювлоба (1974) и Овлоба (1982).

В 1989–2000 годах Волоб делил свое гнездо с Явлобой (1969); птенцов не появилось.

В 2000–2010 годах Волоб делил свое гнездо с Килобой (1979); появился птенец Явлоб (2001).

Из приведенных данных (при их преобразовании по методу и в стилистике Волоба) следует:

bn	pmb	vvpvnb	vjpvnb	rvvmij	rvvjisd	kpvb	vvprrp
b1	x	22	25	-3	x	2	23; 31
b2	0	38	20	+18	+5	0	x
b3	0	49	21	+28	-5	1	50

Из таблицы (да и без нее) видно: силен наш Волоб.

А что вы хотели, Волоб – редкая птица.

... Летит, летит по небу птица Волоб. 60 лет летит. И долго еще будет лететь.

А как иначе, ведь Волоб – редкая птица.

Русаков В.М.

«ГОСТЬ» КАК КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

Русаков
Василий Матвеевич

доктор философских наук, профессор
Институт международных связей, г. Екатеринбург,
вице-президент МАДИ

Категория «гость» (англ.: guest) и производная от него – «гостеприимство» (англ.: hospitality; древнегреч.: φιλοξενία)) – охватывают необыкновенно широкий круг социокультурных явлений, как в диахроническом, так и в синхроническом аспектах. Общим местом этнографических описаний стали констатации в том смысле, что обычаи гостеприимства весьма свойственны такому-то народу. Далее обыкновенно следуют цветистые перечисления разнообразных вариаций этой добродетели в разных странах, у разных народов с непременным указанием на то, что своими корнями она уходит в незапамятную древность. И это действительно так: справедливо говорить о необычайном гостеприимстве арабов и нельзя умолчать о гостеприимстве на Кавказе или в Средней Азии, в то же время не обидев славные традиции гостеприимства в Китае или Индии. Верно также, что корни этих явлений уходят в глубокое прошлое человечества¹.

Прежде всего, рассмотрим концепт «Гость» и его модификации в истории разных народов. «Этимология слова – «гостеприимство» (hospitium) восходит к общеиндоевропейскому корню и связана с родственными понятиями – hospes/hostis, когда этим словом обозначали не только «врага», «неприятеля», но и вообще «чужого человека», «чужака», «чужеземца, нарушающего границы» – указывают исследователи. Известно, что это слово присутствует и в германских (der Gast), и в славянских языках («Гость»). «Ближайшей

аналогией латинскому языку hospes/hostis в греческом языке является слово ζῆνος (гость, чужеземец)»² – и далее: «Этимология слова – hospitium примечательна и в том отношении, что она показывает развитие мышления человека древности, когда окружающий мир мыслился как разделенный на два противоположных мира – на мир чужой и мир свой»³. В этом плане важно заметить исходную амбивалентность данного концепта, схватывающего дуальность «свой-чужой». Он включал, поэтому, изначально раздвоенность: «гость» как объект некоего почтения и даже поклонения (оказание ему всяческого почета и уважения), и «гость» – как обуза, отягощение, обременение и даже угроза (вспомним угрюмых ребят с замечательной картины Н. Рериха «Заморские гости»).

Гость – это купец, торговый человек, пребывающий в данный момент на чужой земле, в чужой стране (вариант другого, не менее архетипического концепта – «Путник») ⁴. Из чуждости гостя («чужестранец»), неопределенности его происхождения таится его двоякая потенция: он может быть носителем блага (в том числе – высшего, запредельного человеку, и тогда – это библейские ангелы, как бы случайно забредающие в дом Авраама (чтобы сообщить весть о предстоящем рождении Исаака) или в дом Лота (чтобы спасти его от грядущей кары); но он может быть и носителем угрозы – это возможный шпион, соглядатай и вражеский лазутчик, возможный сообщитель иных каких-либо опасных сил; в конце концов, щедрость гостеприимства накладна, обременительна и даже разорительна.

В первом случае самое утилитарное отношение к гостю многообразно проявляется в том, что он приносит вести о внешнем мире (обычай расспросов гостей: «Ой вы, гости-господа, вы откуда и куда?»), его используют для увеличения плодovitости племени (предло-

жение гостю женщин, храмовая проституция). Поэтому гость пользуется защитой хозяина, его расположением и покровительством. Во втором случае гостя надлежит должным образом (щедро) угостить, хлебосольно и радушно принять («задобрить»?), но если он превысит некий положенный срок, он может попасть в зависимое положение от хозяина.

Как могло возникнуть такое сложное и противоречивое явление? Ведь хорошо известны нравы и обычаи дикости и варварства: чужой – он ведь даже не «человек», на него можно охотиться, употреблять в пищу, захватив в плен – продать, убить. Очевидно, возраставшие потребности общения и взаимодействия (необходимость и неизбежность взаимодействия) порождает промежуточные формы, несущие в себе исходную двойственность. В противном случае, наблюдают историки, гостеприимство распространяется только на соплеменников или единомышленников.

Важную роль (как и везде в дуалистически расколотом мировоззрении) играют «посредники» – «побратимы», «кунаки», «послы» (купцы)

и «консулы», которые получали особый статус и роль. Их полагалось охранять, делить с ними кров и пищу. Только обретавший такой статус человек становился «гостем» и на него распространялись блага гостеприимства.

Статус гостя, при всех многих выгодах его положения, налагал все-таки ряд обязательств на него – он обязан был соблюдать законы приютившего его дома. Гость в большинстве случаев должен был оставлять оружие на пороге дома. Гость должен был отвечать на расспросы хозяина. Гость не должен

оставаться, как правило, дольше трех дней. Гостю надлежит быть скромным в еде и питье и расхваливать щедрость хозяина. При том, что хозяин обязан оказать всяческие знаки внимания вплоть до момента проводов гостя и вручения подарков, последнему также следует иметь подарки для хозяина и членов его семьи. Существуют довольно детализированные правила пространственно-временной организации пребывания гостя в приютившем его доме. Не менее детализированы бывают гостевые трапезы, в которых весьма тщательно фиксируются как продукты питания, так их распределение и употребление в соответствии со скрупулезно отслеживаемым статусом гостей (мужчины, женщины, старшие, младшие, почетные, простые гости и т. п.).

В национально-этнических культурах существует множество различных модификаций Гостя: «званные» (почетные и дорогие) и «незванные» (которые, понятно, хуже кого), «случайные» и «обязательные», «гости-сваты» и «дочь-гость» (в доме родителей), «гости-купцы» и дипломаты-послы.

Двадцатый век

явил миру как реальных «гастарбайтеров», «дауншифтеров»⁵, так и фантомных – «гостей из будущего», «параллельных миров» и «виртуальных реальностей».

Формируется целый мир антропологических практик гостеприимства. В этих процессах формировались структуры гостеприимства: договоры, субъекты, учреждения, инфраструктура (убежища для странников, странноприимные дома, специальные защитники и попечители иностранцев (древнегреч.: «проксены»), проторенные пути гостей, гостиницы, отели,

приюты). Чем острее формировалась потребность в совместном взаимодействии, тем строже закреплялось гостеприимство обрядами, обычаями и традициями. Возрастала жесткость санкций за нарушение этих обычаев и традиций. Подтверждением тому, что гостеприимство вовсе не заложено «от природы» (как иной раз можно услышать от пребывающих в этническом самолюбовании) является факт прекращения защиты и покровительства гостя за порогом гостеприимного дома: как только гость покидает кров хозяина, тот обыкновенно волен поступать с ним как ему заблагорассудится (если, опять-таки, они уже не были связаны клятвой побратимства и т. п.).

Дискурс-анализ концепта «Гость» и «гостеприимства» нацеливает наше внимание на ряд аспектов дискурса. Практики гостеприимства неизбежно разрастались, усложнялись и обрастали материально-вещными «оболочками» – «гостиницы», «гостиные», сувениры и подарки для гостей, гостевые трапезы и гостевая еда, гостевые маршруты и пути (караванные тропы, «Путь из варяг в греки») и т. п., вплоть до современной настоящей «индустрии гостеприимства», на которой строится благосостояние многих стран. Эта вещно-предметная среда «оживала» в другой оболочке: тщательно культивируемых обрядов, обычаев и традиций, а в последующем и писаных законов – вплоть до международного права и полуанекдотических поползновений народных избранников составлять некие «Кодексы поведения для гостей столиц».

Нельзя обойти вниманием и такой аспект концепта Гость как его тесную связь с травелогом: гостеприимство включает разнообразные речевые практики, сопровождающие этот процесс. Гость обязан рассказывать о заморских диковинах и чудесах своим гостеприимным хозяевам, а вместе они обязательно придерживаются установленных риторических правил вежливости и благорасположения. По возвращении домой «из гостей» составляются отчеты и доклады (командированных и шпионов-соглядатаев), путевые дневники («Записки русского путешественника»), впечатления о загра-

нице, травелогом как travel-blogs. Для Путников, которые превращаются в Гостей, составляются лоции и карты, путеводители и справочники, сборники полезных советов, оформляются соответствующие документы (проездные-прогонные –подорожные; визы-разрешения).

Примечания:

1. Напр.: P. Monceaux. Les Proxénies grecques. (Faculte des lettres): Theses. Ed.: Thorin. Paris, 1885. См.: «Подвластные и гости» в кн.: Теодор Моммзен. История Рима. Т. 1. – СПб.: «НАУКА», «ЮВЕНТА», 1997. С. 84–85.
2. Ю.К. Колосовская. Гостеприимство как право народов древнего Рима. // Закон и обычай гостеприимства в античном мире. Доклады конференции – М., ИВИ РАН, 1999. С. 49–50.
3. Там же. С. 50.
4. См.: В.М. Русаков. Дискурс травелога: образ Пути и Путника в мировой культуре // Дискурс травелога. Сб. ст. Екатеринбург, ИМС, 2009. С. 131–139.
5. В России дауншифтинг чаще всего воспринимают как переселение в развивающуюся страну (особенно популярны Индия и Таиланд), при этом источником средств к существованию часто является сдача в аренду квартиры в России // <http://www.vokrugsveta.ru/telegraph/theory/653/>.

Константин Савельев

Савельев К.

Дитриху Бонхефферу

*И дано было ему вести войну со святыми
и победить их.
(Откровение Иоанна, 13:7)*

Среди болезней, войн и катастроф
Рыдают души, покоровшись тьме,
Как жертвы инквизиторских костров,
Как узники на стылой Колыме.

Десятки лет молитвы и труда
Нам шепчут (если я не прав, прости),
Что тихо надвигается беда,
Которую уже не отвести.

А я, представь, смотрю цветные сны
На берегах, где раньше слёзы лил,
И слышу: в тихом шелесте волны
Нам дарит Слово сам Эммануил.

Среди пустой, житейской кутерьмы,
Пропитанной безбожной суетой,
Твои псалмы из Тегельской тюрьмы
Приносят утешительный покой.

Но даже на пути в Небесный Град
Позволь спросить: а где же правда, брат?

Дитрих Бонхеффер – немецкий философ и богослов, казнён за связь с антифашистами.

Из «Большой Книги Премудрости Шейха Ильдерима»

В каждой шутке есть доля цензуры.
Шейх Ильдерим

Я заметил то, что мудрецы
Не стремятся в царские дворцы.
С ними в этом мнении несхожи
Богачи, чиновники, вельможи.

...
Хотел бы я знать:
Чем думает знать?

...
Лишь только до смерти устав
Постигнешь воинский устав.

...
Не к лицу султану
Надевать сутану.

...
Я уверен: страх
Для живой души –
Настоящий крах.
Понял? Запиши.

...
Чалма затем дана имаму,
Чтоб не носил в жару панаму.

...
Не желаешь жить как все?
Поступай-ка в медресе!

...
Ты удивлён, что лампа Аладдина
Сработала в руках простолюдина?

...
Не дарите визирю
Чугунную гирю.
Не седлайте коня
Для больного меня.

...

«Купи халву, рахат-лукум, урюк!»
Я не купился на рекламный трюк.

...

Вдоль реки идёт эмир,
Воскликает: «Миру-мир!»
На дворцовой на стене
Крупно пишет: «Нет – войне!»
Я стою за дверью,
Слушаю – не верю.
Думаю, однако,
Скоро будет драка.

...

В гареме найдётся хотя бы одна
Любимая женщина, хоть и жена.

*Если надежда умирает последней,
Кто подтвердит, что она умерла?*
Шейх Ильдерим

Мои стихи – истлевшие страницы,
Обрывки снов, намокшие ресницы,
Заросшая травой колея,
Ведущая в забытые края.

Мои мечты – как лопнувшие струны,
Иероглифы, истёршиеся руны.
Но я смотрю с надеждою вперёд
И верю, что надежда не умрёт.

Анатолий Гагарин

Гагарин А.

Сквозит меж лысых веток
Вселенская тоска,
Потерянная летом
Порука простака.

Гуляет безнадёга
Со мной на пустыре
И футболист безногий
Гипсует на штыре.
Ему не одиноко
Мерцать сегодня здесь
И знаем мы, что око
Невидимое есть.

И благодать стекает
Всем оловом небес
И тишина такая,
Что слышится замес
Небесной тверди с медью.
Чем рад, тем и богат,
День платит своей смертью
За бронзовый закат.

Языком по шершавой сосне
собирать бы смолистые мёды.
Да вот только стоят непогоды,
и дожди намывают породы,
так что золото мнится во сне...

Слепит речная нагота
С одним плечом покатым.
Заполоняет простота
Окрестности заката.
И колобокая луна
В воде студеной скачет.
От лодки прочь – и вновь видна.
Весло украдкой плачет.
Бьёт по затылкам буруны
И лодка нивы пашет.

Гоняя колобок луны,
Что катится и пляшет.

И так до утренней зари
Рисует киль улыбки.
И червячка рыбак морит,
Качаясь в утлой зыбке.

ГЛОССОЛАЛИЯ

За окном бормотание
Сумасшедшего города.
В млечных улиц пахтании
Тонет всё, что мне дорого.

Перекрестки прицелами
В небеса слепо шурятся.
И кварталами целыми
Город в гаме кочурится.

Оплывают туманами
Вопли сизой окраины.
Тупиками-карманами
Я затянут, облаанный.

Среди рокота вздорного
Всё слышней глоссолалия.
Сквозь бессмыслицу сорную
Различно послание.

Через марь наваждения
Звон малой колоколенки
Бьется в муках рождения –
Нежный, теплый и голенький...

Сверху – просинь
Снизу – синь.
Бога просишь –
Пронеси!

Там, где глыбко –
Тянет вбок.
Воды зыбки.
Спаси, Бог!

По-над гладью
Как идти?
Лодку сладишь –
По пути!

Вдоль по водам
В света даль
Двину бродом.
Боже, дай!

Мчусь я смело
В глубь небес.
Ангел слева
И одесн.

Лед застыл на асфальте
Как глазурь на коврижке
И прохожие сальто
крутят с грацией мишки.
В этом уличном цирке
Я всегда подсадной
И земля через льдинку
Как в кулисную дырку
Наблюдает за мной.

На поляне, на ладони,
Весь в небесной верхотури,
Мир со мной отвесно тонет,
Выпав из объятий смури.

На границе летней рани
Глаз обхватывает грани
Полного стакана неба,
Тянется к краюхе хлеба –
К лесу. По стерне-щетине
Колко мчатся даже взгляду...
И стакан вновь опрокинет
Глаз. А больше и не надо.

... Вверх плыву крестообразно,
Почивая на мякине.
Верхотурье не опасно,
Если сам себя покинешь...

Подготовила Сурина Е.М.

**НОВЫЕ КНИГИ ПО ФИЛОСОФИИ, ПОЛИТОЛОГИИ,
СОЦИОЛОГИИ И ПРАВУ**

**Сурина
Елена Михайловна**

Заведующая научной
библиотекой
Института философии
и права УрО РАН,
доцент МАДИ

Белоусов А.Б. 101. Книга выбормэна / А.Б. Белоусов. – М.: Праксис, 2011. – 384 с. – ISBN 978–5–90157–491–1.

«Книга выбормэна» – первая книга о выборах нового десятилетия, подводящая итоги нулевым. Автор разбивает иллюзию, что выборы в России закончились, все задавил административный ресурс и т. п. Созданная политическая система весьма уязвима для тех, кто знает, где искать в ней бреши и как их использовать. Это умение становится главным в эпоху суверенной демократии, которую, подобно ельцинскому суверенитету, каждый берет столько, «сколько сможет проглотить».

Книга будет равно интересна и тем, кто давно занимается выборами, и тем, кто только собирается ими заняться, а также тем, кто наблюдает за выборами, баллотируется или просто ходит голосовать – чиновниками, мэрам, депутатам, партийным функционерам, политконсультантам, политологам, журналистам, студентам и многим другим.

Витковская Т.Б., Рябова О.А. Моногорода Среднего Урала: локальные элиты и политические процессы / Т.Б. Витковская, О.А. Рябова; РАН, Урал. отд-ние, Ин-т филос.

и права; отв. ред. Киселев К.В. – Екатеринбург: УрО РАН, 2011. – 262 с. – ISBN 978–5–7691–2187–6. – (Феноменология полит. пространства).

Монография посвящена процессам, протекающим в локальной политической сфере моногородов и прежде всего отношениям, складывающимся в треугольнике «местное самоуправление – социум – градообразующее предприятие». В исследовании рассматривается широкий круг проблем, включая особенности политической жизни городов с монопрофильным производством, формирование и функционирование местных элит, стратегии представителей предприятий и муниципалитетов в условиях конкуренции за политическую власть и влияние. Проведен анализ реальной политической ситуации в моногородах, определены тенденции изменения их социально-политической структуры и эволюции политических форм и механизмов.

Монография имеет прикладное значение, поскольку конкретные выводы могут быть с известной долей осторожности экстраполированы на другие регионы РФ помимо Среднего Урала. Предложенные авторами модели политических отношений в моногородах в качестве обоснованной исследовательской гипотезы могут быть использованы при изучении политических процессов в других городах с монопрофильным производством.

Войтович В.Ю., Иванова А.А. Правовые основы местного самоуправления: метод. пособие / В.Ю. Войтович, А.А. Иванова; Удмурт. респ. обществ. орг. «Союз науч. и инженер. обществ. отд-ний»; ИФ НОУ ВПО «Акад. права и управления» (Институт). – Ижевск: КнигоГрад, 2011. – 208 с. – ISBN 978–5–9631–0115–5.

В методическом пособии рассматривается правовое регулирование местного самоуправле-

ния, освещаются вопросы его формирования, особое внимание уделяется правотворческой деятельности, решению политических, экономических, социальных вопросов, урегулированных правовыми нормами.

Издание рассчитано на практических работников муниципальных образований, муниципальных служащих, студентов, обучающихся по специальностям «Государственное и муниципальное управление», «Юриспруденция», преподавателей и аспирантов.

Выборы и электоральная политика: словарь / Я.Г. Ашихмина, А.Б. Боярова, Т.Б. Витковская [и др.]; гл. ред. Г.В. Голосов; ред. К.В. Киселев, О.Б. Подвинцев; Центр содействия демократии и правам человека «Геликс». – СПб., 2010. – 159 с. – ISBN 978–5–904938–09–3.

Книга содержит организованную по словарному принципу информацию о выборах в России и за рубежом. Освещены основы избирательного права, избирательных систем, применяемых на выборах политических технологий, научных подходов к электоральной политике и поведению избирателей.

Для участников и организаторов избирательного процесса, работников СМИ, студентов и аспирантов, а также для широкого круга читателей, интересующихся вопросами выборов и демократии.

Дискурс-Пи: науч. – практ. альм. Вып. 9: Дискурс виртуального мира; Вып. 10: Дискурс травелога / РАН, Урал. отд-ние, Ин-т филос. и права [и др.]; гл. ред. О.Ф. Русакова. – Екатеринбург, 2010. – 390 с.

Дискурсология: методология, теория, практика: докл. Пятой Междунар. науч. практ. конф., посвящ. памяти Л.Н. Толстого и его идеям ненасильственного сопротивления, 19–20 нояб. 2010 г., Россия–Мексика / под общ. ред. М.А. Малышева и В.Е. Хвощева. – Челябинск: Изд. центр ЮУрГУ; Изд-во НОЦ «КПОН», 2011. – 448 с. – ISBN 978–5–696–04106–3.

Лишенный каких-либо ограничений современный научный дискурс быстро превращается в стихийный поток: стремительный, разнородный, неуправляемый. Найти себе место в такой лавине не сложно – она легко подхватывает и несет с собой и бесценные семена знания, и случайный ненужный мусор.

Как отделить зерна от плевел? Как распознать истину и ложь? И должна ли дискурсология ставить и решать такие вопросы?

Емельянов Б.В., Куликов В.В. Русские религиозные мыслители XIX–XX вв.: библиографический словарь: препринт / Б.В. Емельянов, В.В. Куликов. – Екатеринбург, 2009. – 368 с.

Словарь содержит биографические и библиографические сведения о русских религиозных мыслителях XIX–XX вв. – богословах, философах, религиозных деятелях, внесших вклад в развитие русской религиозной мысли.

Адресовано философам и историкам, всем, кто интересуется историей отечественной философии.

К VI Российскому философскому конгрессу: Философия в современном мире: диалог мировоззрений: Нижний Новгород, 27–30 июня 2012 г.: Дискурс философского пути: материалы круглого стола / отв. ред. Русакова О.Ф.; Рос. филос. о-во, Екатеринбург. отд-ние РФО на базе Ин-та филос. и права УрО РАН, Междунар. акад. дискурс-исследований. – Екатеринбург: Изд. Дом «Дискурс-Пи», 2012. – 128 с. – ISBN 978–5–98728–039–3.

В настоящее издание вошли доклады и материалы круглого стола, проводимого в рамках VI Российского философского конгресса в Нижнем Новгороде 27–30 июня 2012 г. В представленных работах раскрывается актуальная проблематика междисциплинарной темы – «дискурс травелога».

В центре внимания авторов такие проблемы, как философские и культурологические смыслы понятия «травелог», виды, националь-

ные особенности и нарративные практики травелога, метафорика и мифология Пути и др.

Лобовиков Владимир Олегович: биобиблиография ученого (к 60-летию со дня рождения) / под ред. В.Н. Руденко, К.В. Киселева; РАН, Урал. отд-ние, Ин-т филос. и права. — Екатеринбург, 2011. — 187 с. — ISBN 978-5-7691-2190-6.

Книга посвящена выдающемуся российскому ученому, доктору философских наук, профессору В.О. Лобовикову. В издание включены краткая биография, размышления его коллег, библиография трудов, вспомогательные указатели.

Для ученых-философов и историков науки.

Любути́н К. Н., Мошкин С. В. Российские версии марксизма: Иосиф Сталин / К.Н. Любу́тин, С.В. Мошкин. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 160 с. — ISBN 978-5-7996-0631-2.

Книга продолжает ряд совместных публикаций авторов о российских версиях марксизма. На этот раз в центре внимания авторов — социально-философские и теоретико-политические изыскания одной из самых заметных фигур политической истории России XX века И.В. Сталина. Был ли Сталин марксистом? В чем суть его философских воззрений? Что такое социализм по-сталински? Эти и другие вопросы, связанные с анализом теоретического наследия Сталина, авторы рассматривают на основе широкого круга документов и свидетельств. Своей книгой авторы приглашают читателя к размышлениям над судьбами марксизма, его российскими версиями в сталинской интерпретации.

Любути́н К. Н., Кондрашов П. Н. Историческая феноменология бесчеловечности / К.Н. Любу́тина, П.Н. Кондрашов; РАН, Урал. отд-ние, Ин-т филос. и права; отв. ред. Русаков В.М. — Екатеринбург: УрО РАН, 2010. — 246 с. — ISBN 978-5-7691-2048-0.

В монографии на основе философской теории Карла Маркса исследованы различные формы бесчеловечности, конституирующиеся в ходе исторического развертывания общественной практики в условиях отчуждения. Понимая под человечностью всестороннюю диалогическую взаимосвязь человека с миром, авторы показывают, как в условиях современного западного и российского общества эта всесторонность постепенно редуцируется к одному единственному отношению — отношению обладания и потребления, которое радикально обезчеловечивает бытие индивидов, начиная с внешних форм их существования вплоть до глубинного духовно-экзистенциального отчуждения.

Книга адресована философам, социологам, политологам, всем, кто интересуется развитием теоретического наследия К. Маркса сегодня.

Любути́н К. Н., Шихардин Н. В. Альтернатива Луи Альтюссера: неомарксистский выбор: монография / К.Н. Любу́тин, Н.В. Шихардин; Мин-во образования и науки РФ, Курган. гос. ун-т. — Курган, 2010. — 114 с. — ISBN 978-5-4217-0056-2.

Малышев М.А. Между нечем и «почти ничто» (парадоксы, максимы и иронические фразы) / М.А. Малышев; науч. ред. В.Т. Звиревич. — Екатеринбург: Изд. Дом «Дискурс-Пи», 2012. — 108 с. — (Звезды современной мысли; вып. 4). — ISBN 978-5-98728-040-9.

Каждый афоризм, достойный этого имени, — это высказывание, в принципе доступное каждому человеку, способному, исходя из здравого смысла, временно выйти за пределы его правил, чтобы пережить приключение мысли: дополнить, переиначить или опровергнуть заключенные в ней парадоксы, почувствовать себя, пусть на короткое время, участником игры, подчиняющей дискурс воображению, — короче, поразмышлять самому и, возможно, прийти к чему-то более оригинальному, тонкому и глубокому.

Мартьянов В.С., Фишман Л.Г. Россия в поисках утопий. От морального коллапса к моральной революции / В.С. Мартьянов, Л.Г. Фишман. – М.: Весь Мир, 2010. – 256 с. – ISBN 978-5-7777-0507-5.

В центре внимания исследования – фактор «морального коллапса» (И. Валлерстайн), изначально присущий капиталистической миросистеме. Этот фактор оказывает серьезное влияние на моральное и политическое настоящее России. Кроме того распад биполярного мира и возвращение России в капиталистическую миросистему совпали с истощением морального импульса, легитимировавшего ее политического проекта Модерна. Авторы рассматривают историю основных современных идеологий, политических теорий и дискурсов как непрерывный поиск путей «идеологического обеспечения» существования людей в условиях забвения базовых внеэкономических общечеловеческих ценностей. Анализ подвергнута нравственная трансформация российского общества, выразившаяся в моральной тупиковости доминирующих политических дискурсов, выдвигаемых российской политической и интеллектуальной элитой. В этих условиях идеологии и утопии, необходимые миру и России для преодоления кризиса, не могут возникнуть без «моральной революции», критерии которой сформулированы в данной полемической работе.

Для читателей, интересующихся философским и политическим осмыслением современного состояния России.

Мирошников Юрий Иванович: био-библиография ученого (к 70-летию со дня рождения) / Е.В. Изварина, Р.Л. Лившиц, В.П. Лукьянин [и др.]; под ред. В.Н. Руденко; РАН, Урал. отд-ние, Ин-т филос. и права. – Екатеринбург, 2011.

Книга посвящена 70-летию со дня рождения представителя Уральской философской школы, доктора философских наук Ю.И. Мирошникова. Она включает в себя краткую биографию, воспоминания об учителях, материалы «круглых столов» Кафедры

философии ИФиП УрО РАН, статьи стенной газеты философского факультета УрГУ «Логос», библиографию трудов ученого.

Для ученых, философов, историков науки.

Многоликий дискурс: монография / под общ. ред. В.Е. Хвощева и М.А. Малышева. – Челябинск: Изд. центр ЮУрГУ; Изд-во НОЦ «КПОН», 2012. – 671 с. – ISBN 978-5-696-04243-5.

Современный дискурс многолик, Поэтому не удивительно, что монография отражает его предметное разнообразие и подготовлена авторским коллективом, члены которого работают в различных сферах общественных наук. Мы отдаем себе отчет в гетерогенности, имманентно присущей анализу дискурса, так как она обусловлена огромным количеством феноменов и событий, разворачивающихся во времени и пространстве. Смеем надеяться, что эта новая книга, как и пять предыдущих, изданных в последние годы, еще прочнее укрепит дружественные академические связи между российскими и мексиканскими обществоведами и откроет возможности продвинуться в осмыслении протеистической природы дискурса, углубить методологию, теорию и практику новой междисциплинарной отрасли гуманистики – дискурсологии.

Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. Вып. 10 / РАН, Урал. отд-ние, Ин-т филос. и права; гл. ред. В.Н. Руденко; ред. кол.: С.Е. Вершинин, А.В. Гайда, В.О. Лобовиков [и др.]; отв. за вып. М.Ф. Казанцев, К.В. Киселев, В.С. Мартьянов. – Екатеринбург: УрО РАН, 2010. – 515 с.

В десятом выпуске Ежегодника публикуются статьи сотрудников, докторантов и аспирантов Института философии и права УрО РАН, подготовленные в 2010 г. в рамках трех основных направлений фундаментальных научных исследований, разрабатываемых коллективом института: политическая философия в глобализирующемся мире, современные политические

теории и методология политической науки; правовые институты и процессы в России и мире, включая конституционно-правовые гражданского участия и договорного регулирования; современное федеративное государство: междисциплинарный подход.

Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. Вып. 11 / РАН, Урал. отд-ние, Ин-т филос. и права; гл. ред. В. Н. Руденко; ред. кол.: С. Е. Вершинин, А. В. Гайда, В. О. Лобовиков [и др.]; отв. за вып. К. В. Киселев, В. С. Мартыянов. – Екатеринбург: УрО РАН, 2011. – 587 с.

В одиннадцатом выпуске Ежегодника публикуются статьи сотрудников, докторантов и аспирантов Института философии и права УрО РАН, подготовленные в 2011 г. в процессе реализации научно-исследовательских программ, в которых участвует институт. Все материалы группируются по трем рубрикам: философия, политическая наука, право. В выпуск вошли материалы, являющиеся результатом научного поиска, полученными в рамках трех основных направлений фундаментальных научных исследований, разрабатываемых коллективом института: политическая философия в глобализирующемся мире, современные политические теории и методология политической науки; правовые институты и процессы в России и мире, включая конституционно-правовые гражданского участия и договорного регулирования; современное федеративное государство: междисциплинарный подход.

Подвинцев О. Б. «Черный PR» на выборах: мифы, реалии, методы противодействия / О. Б. Подвинцев; Центр содействия демократии и правам человека «Геликс». – 2-е изд. – СПб., 2010. – 47 с. – ISBN 978-5-904938-12-3.

Книга содержит подробный, практически ориентированный анализ политических технологий, связанных с сознательным и заведомым введением избирателей в заблуждение относи-

тельно качеств и характеристик соперника или соперников на выборах. Основное внимание уделяется методикам борьбы против «черного PR», обеспечения честных и чистых выборов.

Для участников и организаторов избирательного процесса, работников СМИ, а также для широкого круга читателей, интересующихся вопросами выборов и демократии.

Пономарев А. М. Дискурсивные аспекты права: монография / А. М. Пономарев. – Ижевск: Ассоциация по методолог. Обеспечению деловой активности и общественного развития «Митра», 2011. – 244 с. – ISBN 978-5-905023-13-2.

В монографии анализируются проблемы права с позиции дискурсивного подхода. История европейского права рассмотрена в связи с развитием рациональности, в становлении и развитии которой право сыграло значительную роль. При исследовании проблем функционирования права использованы методологические подходы трансцендентальной прагматики и феноменологии. Затронуты вопросы соотношения предметов исследования философии права и теории права.

Книга адресована интересующимся вопросами философии, социологии и теории права.

Пономарев А. М. Философско-правовые зарисовки...: монография / А. М. Пономарев. – Ижевск: Ассоциация по методолог. Обеспечению деловой активности и общественного развития «Митра», 2011. – 94 с. – ISBN 978-5-905023-15-6.

В монографии рассмотрены вопросы социально-юридической системы, правового дискурса, правовой гносеологии, возможность анализа ценностно-нормативной природы права с позиции трансцендентализма.

Книга адресована студентам, магистрантам и аспирантам философских, социологических и юридических специальностей, интересующимся вопросами философии, социологии и теории права.

Предвыборные дебаты: метод пособие / ред. Г. Голоскоков; вступ. ст. О. Подвинцева; сост. и подгот. прилож. Н. Бердникова; Центр содействия демократии и правам человека «Геликс». – 2-е изд. – СПб., 2010. – 62 с. – ISBN 978-5-904938-11-6.

Книга содержит подробные методические рекомендации по организации предвыборных дебатов. Основное внимание уделяется методике проведения дебатов на местных, муниципальных выборах, а также организационным особенностям проведения дебатов в современной России, в том числе в малых городах и сельской местности.

Для участников и организаторов избирательного процесса, работников СМИ, а также для широкого круга читателей, интересующихся вопросами выборов и демократии.

Руденко В.Н. Участие граждан в отправлении правосудия в современном мире / В.Н. Руденко; РАН, Урал. отд-ние, Ин-т филос. и права. – Екатеринбург: УрО РАН, 2011. – 644 с. – ISBN 978-5-7691-2192-0.

В монографии представлены материалы научно-энциклопедического исследования особенностей участия граждан в отправлении правосудия в странах мирового сообщества. Приведены формы и виды участия граждан в отправлении правосудия более чем в 150 странах мира, 50 субъектах федеративных государств и 20 зависимых территориях, а также в других политико-территориальных образованиях. Отражены особенности участия граждан в рассмотрении дел в судах присяжных, в смешанных и гибридных судах, в судах обычного права, религиозных и других судах. Рассмотрены формы участия граждан в восстановительном правосудии. Акцентируется внимание на правах и обязанностях граждан в отправлении правосудия. Даны развернутые характеристики правовых институтов, закрепляющих формы гражданского участия в правосудии. Сформулированы определения основных понятий, характеризующих гражданское участие в отправлении правосудия. Отражены тенден-

ции развития гражданского участия в отправлении правосудия в современном мире.

Книга адресована правоведам, изучающим проблемы демократии, специалистам в сфере правотворческой деятельности, судьям и работникам правоохранительных органов, аспирантам и студентам, интересующимся вопросами современной публичной политики и права.

Русакова О.Ф. Современная политическая философия: предмет, концепты, дискурс / О.Ф. Русакова; отв. ред. Комлева Н.А. – Екатеринбург: Изд. Дом «Дискурс-Пи», 2012. – 400 с. – ISBN 978-5-98728-042-3.

В монографии с позиции дискурсного подхода исследуется процесс развития современной политической философии, рассматриваются разнообразные трактовки ее предметной области, раскрываются характерные черты основных типов политико-философской мысли, анализируются разнообразные концепции власти. Особое внимание уделяется рассмотрению концептов и дискурсов *soft power*, справедливости, насилия, идентичности, культурно-информационной власти. Отдельная глава посвящена неолиберализму, либертарианству, мультикультурализму и феминизму как влиятельным течениям современной политической философии. В работе раскрываются особенности политико-философского дискурса Ф. Ницше, В.И. Ленина, К. Шмита, О. Шпенглера, Ж. Сореля, Дж. Ролза, С. Хантингтона, М. Фуко, Дж. Батлера, П. Бурдьё, Ж. Бодрийяра, З. Баумана, Э. Тоффлера, Р. Нозика, Ю. Хабермаса, С. Жижека, Н. Хомского и других крупных мыслителей современности.

Книга адресована специалистам-обществоведам, преподавателям политологии и философии, студентам гуманитарных вузов, всем, кто интересуется концептами и дискурсными особенностями современной политической философии.

Фишман Л.Г. Происхождение демократии («Бог» из военной машины) / Л.Г. Фишман; РАН, Урал. отд-ние, Ин-т филос. и права; отв.

ред. Киселев К.В. – Екатеринбург: УрО РАН, 2011. – 260 с. – ISBN 978–5–7691–2186–9. – (Феноменология полит. пространства).

Монография посвящена вопросу о специфике исторических условий, в которых возникает как античная демократия, так и демократия Нового и Новейшего времени. В ней отстаивается точка зрения, согласно которой именно для формирования демократии как политического режима и демократии как общепринятого представления о том, что править «должен» народ, имеют ключевое значение военные факторы. Демократия возникает там и тогда, где и когда государство и политические элиты начинают испытывать потребность в многочисленной армии, наличествуют военные и социальные технологии, позволяющие привлекать для службы в вооруженных силах беднейшие социальные слои, а также имеется традиция наделения политическими правами социальных слоев за их военную ценность. В монографии показано, что при иной конфигурации военных и социальных факторов формируются иные политические режимы, как это неоднократно происходило в античности и в Новейшее время.

Хоакин Хареньо Аларкон. Религия и релятивизм во взглядах Людвиг Витгенштейна / пер. с исп. И примеч. Ю.В. Василенко; РАН, Урал. отд-ние, Ин-т филос. и права; отв. ред. Руденко В.Н. – Екатеринбург: УрО РАН, 2011. – 280 с. – ISBN 5–7691–2202–6.

Книга доктора философии, профессора Католического университета Сан-Антонио (Испания) Хоакина Хареньо Аларкона «Религия и релятивизм во взглядах Людвиг Витгенштейна» – одна из возможных интерпретаций идей и взглядов великого австрийского философа, попытка вычлнить из его противоречивого наследия религиозную проблематику, скрывающуюся за труднодостижимыми рядами философских и логических категорий. Автор подробно анализирует источники религиозного мышления Витгенштейна: дискуссии, развернувшиеся вокруг релятивистских (фидеистских) интерпретаций части его положений;

вклад австрийского философа в философию и логику языка в целом и в религиозную этику в частности.

Эмих В.В. Компетенция уполномоченных по правам человека в Российской Федерации / В.В. Эмих; РАН, Урал. отд-ние, Ин-т филос. и права; отв. ред. В.Н. Руденко. – Екатеринбург: УрО РАН, 2010. – 216 с. – ISBN 978–5–7691–2165–4.

Монография содержит комплексное конституционно-правовое исследование компетенции уполномоченных по правам человека в Российской Федерации. В работе обобщен зарубежный опыт правового регулирования компетенции омбудсманов и выявлены основные модели их компетенции; определена специфика компетенции уполномоченных по правам человека в Российской Федерации; проанализированы сфера компетенции и полномочий уполномоченных по правам человека в Российской Федерации; рассмотрены вопросы разграничения компетенции Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации и уполномоченных по правам человека в субъектах Российской Федерации.

Книга адресована специалистам в области конституционного права, административного права, теории государства и права, политологии, а также студентам соответствующих факультетов.

DISCOURSE-P
Дискурс★*Ни*
Научный журнал

PHILOSOPHY –
ФИЛОСОФИЯ

POLITICAL SCIENCE –
ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА

PAST & PRESENT –
ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

PUBLIC RELATIONS –
СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ

PHILIOLOGY –
ФИЛОЛОГИЯ

№12

Дискурс
прошлого и будущего

DISCOURSE-P
Дискурс★*Ни*

Русакова О.Ф.

ДИСКУРС ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ В КОНТЕКСТЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Русакова
Ольга Фредовна

доктор политических
наук, профессор,
заведующая отделом
философии Института
философии и права
УрО РАН, президент
МАДИ
E-mail:
rusakova_mail@mail.ru;
dipi@nm.ru

В последнее двадцатилетие в политической идеологии современных государств и политических дискуссиях об историческом прошлом активно используется понятие «историческая политика». Впервые данный термин был введен в публичный оборот немецким философом Юргеном Хабермасом во время дискуссии немецких историков, развернувшейся в 1986–1987 гг., и посвященной вопросу о возможных способах трактовки германского национал-социалистического прошлого. В дискуссии принимал участие канцлер ФРГ Гельмут Коль, имеющий ученую степень историка. Коль решил использовать историческую проблематику для закрепления своего политического успеха, заговорив о «морально-политическом повороте Германии». Суть поворота – утверждение более позитивного исторического образа Германии путем переинтерпретации нацистского прошлого. Для этой цели следовало скорректировать подход к теме ответственности немцев за преступления Третьего рейха. Ранее данная тема активно разрабатывалась политическими оппонентами Коля от социал-демократической партии.

По Хабермасу, историческая политика – это возможность влияния исторических интерпретаций на политику и наоборот. Оппонентом Хабермаса в дискуссии о нацистском прошлом

был историк Эрнст Нольте, который предлагал следующую трактовку войны Германии против СССР в 1941–1945 гг.: данная война есть превентивная защитная мера против угрозы развязывания Советским Союзом войны в Германии, а создание немецких концентрационных лагерей – это реакция на сталинский ГУЛАГ.

Во Франции для обозначения тесной взаимосвязи политики и интерпретаций прошлого используется другой термин – «политика памяти». Главным теоретиком концепта политики памяти является Пьер Нора – автор семитомного исследования и бестселлера «Места памяти» (1984–1992).

В 1990-е гг. во Франции получили также широкое распространение понятия «управление прошлым» и «долг памяти», которые сначала использовались применительно к депортации и геноциду евреев из Франции и других стран Европы во время нацистской оккупации, а затем – по отношению к войне Франции в Алжире в 1954–1962 гг.

В Польше и других странах Восточной Европы наряду с терминами «политическая история» и «политика памяти» утвердился термин «новая историческая политика», автором которого стал Роберт Траба¹. Он же – автор известной книги «История – пространство диалога» (Варшава, 2008). По словам Траба, главным лозунгом новой исторической политики стал отказ от «критического патриотизма» и возвращение к неоконсервативной национальной идеологии под девизом «патриотизм завтрашнего дня». Суть такого патриотизма – создание новой общности, которая опирается в первую очередь на ценности этнического патриотизма.

В новых государствах стран Балтии историческая политика выполняет функцию переосмысления советского прошлого с позиции ответственности СССР и России как его преемницы за преступления тоталитарного режима. Широкое распространение получает

так называемая «оккупационная риторика» и выявление советских преступлений против человечества.

В Украине проблематика «исторической политики», в особенности проблема дискурса Голодомора получила свою глубокую теоретическую проработку в работах Георгия Касьянова².

Г. Касьянов выделяет несколько «родовых признаков» официального дискурса о Голодоморе, который получил распространение в Украине при президенте В. Ющенко. К ним относятся: этническая эксклюзивность, конфронтационность, элементы ксенофобии, доминирование идеологических форм над научной аргументацией, акцент на страдальческой, мученической миссии собственной нации, сакрализация национальных страданий, доминирование моралистской риторики, возложение главной ответственности за причиненное зло на внешние факторы (московский коммунизм). При этом патриотизм трактуется как очищение от вины, представленной собственным этническим сообществом.

В современной России концепты и практика исторической памяти рассматриваются целым рядом авторов, среди которых следует в первую очередь назвать Алексея Миллера (доктор исторических наук, главный научный сотрудник ИНИОН РАН) и Геннадия Бордюгова – руководителя серии изданий на тему «Историческая политика в СССР, РФ и СНГ, автора книги «Войны памяти» на постсоветском пространстве (М., 2011).

Понятие «войны памяти» стало дополнением к уже известным понятиям «холодных» и информационных войн. «Войны памяти» ведутся как внутри страны между представителями различных социальных групп и политических элит, так и между разными странами по поводу неоднозначных исторических событий и фактов международного масштаба. Провокаторами «войн памяти» выступают длительные замалчивания трагических событий и сокрытия документов. Возникновение на политической карте мира новых государственно-территориальных образований с новой политической элитой также провоцирует вспышки «войн памяти». Сегодня

в странах СНГ и Балтии взрывную реакцию вызывает все, что связано с памятью о Великой отечественной войне. Яркие тому примеры – памятные истории с «Бронзовым солдатом» в Таллине, сносом монумента советским воинам в Ташкенте, уничтожение памятника «Мемориал Славы» в Кутаиси. Институциональными инструментами «войн памяти» выступают музеи и мемориалы: открытие музеев советской оккупации в Латвии, Литве, Эстонии, Грузии. В качестве примера «симметричного ответа» можно назвать открытие Музея оккупации Крыма Украиной в Симферополе. Прозвучали также требования создать «музей фашистской оккупации».

Историческая политика трактуется российскими исследователями как система форм и способов политизации прошлого в целях управления коллективной исторической памятью народа.

Корни активизации исторической политики на постсоветском пространстве следует искать в кризисе идентичности, которых возник в результате распада СССР и социалистической систем, а также в дефиците духовных ценностей, которые уступили приоритетное место ценностям рыночной экономики и потребительского общества.

В процессе обобщения работ, посвященных изучению феномена исторической политики, мы сочли возможным выделить следующих базовых стратегий исторической политики:

- легитимация современного политического режима посредством исторических аргументов и новых подходов к пониманию прошлого;
- консолидация общества на основе символов славного исторического прошлого, общей исторической судьбы;
- конструирование новых исторических символов и мифов в целях укрепления национальной идентичности (новые праздники, новые символы и предметы национальной гордости, создание нового пантеона национальных героев);
- деконструкция старых мифов об историческом прошлом под лозунгом восстановления исторической справедливости;

- контроль за системой исторического образования нации (музейная и мемориальная политика, программы историко-политического образования);

- противодействие фальсификациям истории и выработка активной позиции в «войнах памяти».

В целом, дискурс исторической политики, содержащий отмеченные стратегии, представляет собой важный ресурс национальной безопасности.

Дискурс исторической политики в настоящее время в различных странах и сообществах представлен следующими основными моделями: 1) поляризованная инверсионная модель с одной доминантной версией по схеме «враг (оккупант) – жертва»; 2) диалогическая консенсусная модель (создание совместных учебников истории при согласовании версий); 3) плюралистическая полифоническая модель (уважительное отношение ко всем альтернативным версиям); 4) «зеркальная» дуальная модель по схеме «они о нас» и «мы о них».

В каждой стране существует собственная история и традиционная проблематика исторической политики XX век, своя история сопротивления по отношению к данной политике. Так во Франции миф о сопротивлении постоянно претерпевает историческую деконструкцию. В 1970-е гг. в исторической публицистике и кинематографе (фильм Марселя Офюльса «Печаль и жалость», запрещенный к показу на государственных каналах президентом Помпиду) доказывалось, что не было однородной Франции, объединяемой Сопротивлением, что средний француз, если и не сотрудничал с немцами во время оккупации, то умел с ними договариваться. В 1980 г. в Париже был создан Институт современной истории, который стал организовывать публичные историко-политические дискуссии с участием профессиональных историков. Дискуссии имели большое значение для исторического просвещения нации. И для культуры памяти в стране. Под влиянием дискуссий были проведены процессы против активных проводников политики национал-социализма в оккупирован-

ной Франции (процессы над Клаусом Барбье, Полем Тувье, Морисом Папоном, генеральным секретарем префектуры Бордо, министром бюджета в правительстве Жискара д'Эстена).

В 1998 г. Папон был приговорен к десяти годам тюрьмы с поражением в гражданских правах. Данный процесс получил широкий резонанс, докатившийся до школ. В 2006 г. Верховный суд обязал телеканал «История» показать наиболее существенные эпизоды процесса над Папоном (до этого прошла серия передач о процессах против Барбье и Тувье).

Во Франции в последние годы была распространена практика правового оформления исторической политики посредством так называемых «законов памяти». Так 13 июля 1990 г. был принят «закон Гайса» (по имени депутата-коммуниста) против расизма, антисемитизма и ксенофобии, предусматривающий наказание за отрицание преступлений против человечества, в частности, речь шла о геноциде в отношении евреев в годы Второй мировой войны. В мае 2001 г. издан «закон Тобира» (по имени депутата от социалистов), вводящий наказание за преступления против человечества, связанные с рабством и работорговлей. В октябре 2006 г. парламент Франции постановил, что отрицание геноцида евреев и армян в 1915 г. влечет юридическую ответственность.

В общегосударственном масштабе политика памяти продолжала проводиться и при Н. Саркози, который призвал к преодолению тенденции к систематическому раскаянию. Саркози вызвался восстановить заслуги Сопротивления. В мае 2007 г. он подписал декрет о том, чтобы ежегодно 22 октября во всех школах зачитывалось письмо 17-летнего участника Сопротивления Ги Моке, расстрелянного немецкими солдатами в 1941 году. Данный факт следовало интерпретировать как пример мужества и самоотверженного патриотизма. Кроме того, в целях уравнивания исторической справедливости Саркози обязал каждого французского школьника взять шефство над семьями детей-евреев, депортированных в годы немецкой оккупации.

«Законы памяти» вызвали противодействие французской общественности, практика которых отмечалась как недостойная демократического государства. В знак сопротивления в 2005 году было создано общественное объединение «За свободу истории», которое приняло специальное обращение, где говорилось: История не является объектом юриспруденции. В свободном государстве ни парламент, ни судебные власти не должны определять историческую правду. Политика государства не должна быть исторической политикой. Дебаты развернулись и вокруг политики памяти президента Саркози. В 2008 г. объединение «За свободу истории» распространило новый документ под названием «Воззвание из Блуа», опубликованное Пьером Нора. В воззвании отмечалось: «История не должна становиться служанкой политической конъюнктуры... В свободном государстве ни одна политическая сила не вправе присвоить себе право устанавливать историческую истину и ограничивать свободу исследования под угрозой наказания»³.

В современной Польше институциональным центром исторической политики стал Институт национальной памяти (ИНП), созданный в 1999 г., в котором в настоящее время работает 1200 человек со статусом государственных служащих. При институте действует комиссия по расследованию преступлений против польского народа. Официальная цель работы ИНП – возмещение ущерба жертвам системы и людям, боровшимся с ней во имя свободы и государственной независимости. Теоретически первоначально за основу деятельности Института была взята плюралистическая модель дискурса. В этой связи девять из 10 членов коллегии ИНП назначались сеймом из числа кандидатов, выдвигаемых от разных парламентских фракций. Однако позднее в историко-политической практике Института стал преобладать поляризованный инверсионный дискурс, который, оказавшись под влиянием партии «Право и справедливость» братьев Качиньских, монополизировал право на историческую правду, взяв под свой безраздельный контроль государственные архивы.

ИНП в итоге превратился в трибунал и «министерство памяти».

Аналогичный Институт национальной памяти существует в Украине. Его сотрудники также имеют преимущественный доступ к архивам Службы безопасности Украины (СБУ). Заместитель директора украинского ИНП Володымир Вятрович прославился тем, что опубликовал книгу, в которой рассказывал как УПА спасала евреев во время Второй мировой войны.

Типичными полемическими вопросами исторической политики выступают дискуссии о национальных праздниках. В Германии не так давно обсуждались различные даты, в итоге остановились на двух: 3 октября – дата присоединения бывшей ГДР к ФРГ и 9 ноября – дата падения Берлинской стены. Приоритет был отдан 3 октября, поскольку данная дата могла нести в себе позитивный посыл: «немцы вновь стали единым народом». Другая дата не трактовалась столь положительно, поскольку с ней были связаны и негативные моменты в истории Германии («хрустальная ночь» – еврейские погромы 1938 года, день провозглашения первой республики левыми партиями в годы революции 1918 года).

В России, как известно, дата главного советского государственного праздника 7 ноября под влиянием новой исторической политики подверглась реинтерпретации, превратившись в празднование московского парада 1941 года, с которого началось первое наступление Красной Армии против гитлеровских войск. Для размывания исторической памяти о революционно-социалистическом смысле даты 7 ноября был также учрежден новый праздник, близкий по хронологии – 4 ноября, который в народе так и не смог получить однозначную интерпретацию.

Литература:

1. См.: Траба, Р. Польские споры об истории в XXI веке // Pro et Contra. 2009. Том 13.. № 3–4 (46). С. 43–64.
2. См.: Касьянов Г. Голодомор и строительство нации // Pro et Contra. 2009. Том 13.. № 3–4 (46). С. 24–42.
3. Шерпер Ютта. Германия и Франция: проработка прошлого // Pro et Contra. 2009. Том 13. № 3–4 (46). С. 107.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ДИСКУРСЫ ПРОШЛОГО И БУДУЩЕГО

Романова
Кира Степановна

кандидат философских
наук, доцент, старший
научный сотрудник
Института философии
и права УрО РАН,
член-корреспондент
МАДИ

Любой предмет, процесс, явление имеют свою историю. История представляется как изменение в пространстве и во времени. Время понимается как непрерывность и необратимость движения прошлого, настоящего и будущего в качестве единого. Прошлое, настоящее и будущее присутствуют в любом потенциальном временном измерении и осмысливаются как единство, благодаря тому, что любое настоящее, есть пересечение прошлого и будущего (Аристотель, И. Кант, Я.Ф. Аскин, Н.О. Лосский, К. Ясперс).

У социума и личности (индивида) разные объемы истории во времени и различные формы существования. Общество в процессе своего существования как бы тяготеет к вечности, при этом постоянно осуществляется движение от прошлого к будущему. У индивида жизнь проходит через определенные циклы, и начинается она «с чистого листа» — «*tabula rasa*», где нет еще прошлого в социальном его значении, а есть геном, как свернутая программа эволюционного развития.

Затем идет процесс социализации, который в первую очередь, дает накопление знаний и опыта, то, что затем, с одной стороны, становится прошлым, а с другой стороны, является

основой для реализации себя в настоящем. Завершается жизненный цикл индивида смертью, как бы он не тяготел в мечтах и иллюзиях к бессмертности. В этот жизненный цикл для индивида, особенно с точки зрения социальной психологии, наиболее важным является прошлая (прошедшая) жизнь, ее содержательная наполняемость, которая определяла социальный статус личности, ее деятельность и дела, которые остаются в прошлом социума и гарантируют какую-то степень социального бессмертия.

Как говорил Аристотель: «Человек общественное животное и по природе создан к сожитию с другими» [2]. Диалектика такова, что его внутренний мир обусловлен его социальными связями и наоборот, социальные связи определяются его внутренним миром. При этом сложность противоречия взаимодействия личности и социума в том, что «человек в определенной мере вполне автономен, но то, что он есть — это не потому что он есть, но потому, что есть нечто вне его» [9]. Как в свое время отмечал Н.А. Бердяев: «Отношения между человеком общество представляются парадоксальными. Извне, из объекта человеческая личность есть лишь малая часть общества, изнутри, из субъекта общество есть часть человеческой личности, ее социальная сторона» [4].

В абстрактных принципах самосознания находят выражение всеобщие универсальные связи бытия индивида с окружающим его миром. Через них человек приходит к глубокому самопостижению своей сущности, которая оказывается не лежит на поверхности. Человек постигает эту сущность всю свою жизнь, и этот познавательный процесс не совпадает непосредственным образом с накоплением знаний о различных сторонах действительности, его эрудицией.

Н. А. Бердяев характеризует важнейшую особенность двойственной природы человека, конкретизируя его одновременную принадлежность к материальному и духовному мирам. С одной стороны, человек сопричастен бесконечности, и эта сопричастность является важнейшим фактором его самосознания. С другой стороны, – поскольку как существо биологическое он конечен, его осуществления с необходимостью разворачиваются во времени – откуда постоянная неудовлетворенность этими осуществлениями. Таким образом, по Н. А. Бердяеву. Одной из важных характеристик человеческого существования является противоречие между временностью его бытия и его деяний и его принадлежностью к вневременному – «пребывающей в человеке вечности» [3]. Тема прошлого и будущего говорит сама за себя. Она составляет содержание бытия, характеризуя его с точки зрения временных параметров, определяющих, в том числе причинно-следственную связь событий.

Пренебречь прошлым или будущим, или отказаться от них невозможно, как нельзя отменить время. О прошлом и будущем как *времени* и некоем бытии, типе и образе жизни преимущественно и пойдет речь в данном тексте. Обращаться к прошлому буду лишь по необходимости, в основном, чтобы сравнением подтвердить сказанное, и больше придется погружаться в настоящее, из которого будущее проистекает, прорастает, обретая собственное содержание, вес и статус.

Неизбежный фактор жизни социума заключается в том, что он являет собой конгломерат различных типов социальных жизней индивидов, которые могут создавать разные виды отчуждения (включая одиночество). Состояние одиночества (уединения) для человека есть способ созерцания мира и познания его законов, а также познания и сохранения самого себя [7].

Как отмечает известный психолог Фредерик Перлз, говоря о психическом здоровье: «Хорошо сбалансированная личность принимает в расчет прошлое и будущее, не упуская из виду нулевой точки настоящего, не принимая

прошлого и будущего за реальность. Все мы одновременно направляем свой взгляд вперед и назад, но тот, кто не способен взглянуть в лицо неприятностям настоящего и живет главным образом в прошлом или будущем, облекаясь коконом из исторического или футуристического мышления, не может считаться адаптировавшимся к реальности» [6]. Мы не должны огульно пренебрегать ни будущим (к примеру, планированием), ни прошлым (незаконченными поступками), но мы должны понять, прошлое ушло оставив незавершенные ситуации и муки совести по поводу этого, а планирование должно быть руководством к действию, а не сублимацией или заменителем.

Научными исследованиями обнаружено, что психологическое время индивида особенное и зависит от психологических особенностей личности. Практические исследования показывают, что существует наличие связи между субъективным ощущением времени и эмоциональным настроением личности. Ощущение пройденного и предстоящего во многом отражается в эмоциональном строении личности: положительные эмоции больше связаны с ориентацией личности на будущее, отрицательные – с большей ориентацией на прошлое. С возрастом «прошлое» увеличивается в психологическом восприятии времени. «Настоящее» больше всего выражено у людей зрелого возраста от 26 до 60 лет и менее всего у людей старше 60 лет. «Будущее» преобладает у молодежи, а у людей пожилого возраста – будущее в психологическом времени представлено маленьким объемом. Ощущение времени во многом определяется восприятием пройденного и предстоящего. Что касается психологического восприятия «настоящего» времени, то у мужчин, по сравнению с женщинами оно более выражено [5].

Приверженность человека к определенному времени позволяет выделить несколько групп имеющих отличительные особенности. Среди нас есть, так называемые «люди настоящего», «люди прошлого» и «люди будущего». Все они по-разному воспринимают

окружающий мир, у них даже разные системы ценностей, они различным образом строят свои отношения с окружающими их людьми. Люди прошлого времени, как правило, консервативны, дорожат своим прошлым и всем тем, что о нем напоминает, старыми добротными вещами, фотографиями и т. п. «Вчерашний день» для этого типа людей очень важен, они проводят немало времени в воспоминаниях об ушедших днях, к будущему эти люди относятся с большой осторожностью, пытаются найти в нем хоть какие-то признаки прошлого, на которые они бы могли опереться. Прошлое в их восприятии действительности выглядит более радостным, чем настоящее или будущее. В плане контакта с людьми, эти люди обычно не очень разговорчивы, но в человеческом плане поражают своей аккуратностью, порядочностью и честностью.

Люди «будущего времени» полная противоположность людям «прошлого времени». Они с уверенностью смотрят в завтра и готовы, слома голову, вписываться в новые проекты. Они не любят историю, игнорируют прошлый опыт. Они живут и действуют в очень быстром темпе, генерируют множество идей, мечтают все испробовать на собственном опыте. Некий дух авантюризма делает для таких людей неизвестное будущее намного светлее любого прошлого. Комбинация этих двух доминант в отношении ко времени дает наиболее оптимальный тип человека «настоящего времени». Но на самом деле, лишь немногие люди, одаренные указанными векторами во времени, действительно реализуют свой потенциал.

Надо отметить, что люди редко понимают свои психологические особенности, в том числе проявление их в отношении ко времени. Эти особенности скорее проявляются в характерологических чертах личности и ее поведении. Поэтому эти особенности виднее со стороны и могут быть объектом наблюдения и исследования.

Насколько оказался прав, предвосхитивший и предложивший еще пятнадцать столетий назад современное видение и понимание темы-проблемы Будущего человека и челове-

чества, Августин Блаженный, поставивший интересующий нас вопрос следующим образом: **«Совершенно ясно теперь одно: ни будущего, ни прошлого нет, и неправильно говорить о существовании трех времен – прошедшего, настоящего и будущего. Правильнее было бы, пожалуй, говорить так: есть три времени – настоящее прошедшего, настоящее настоящего и настоящее будущего. Некие три времени эти существуют в нашей душе, и нигде в другом месте я их не вижу; настоящее прошедшего – это память; настоящее настоящего – его непосредственное созерцание; настоящее будущего – его ожидание»** [1]. Данное здесь определение Будущего представляется наиболее точным, емким и удивительно продуктивным в раскрытии современного восприятия и толкования данного феномена. Будущее и в познавательном плане и по своему реальному смыслу есть именно ожидание, т. е. нечто желаемое, чаемое, искомое, воображением представляемое. Но это ожидание, по Августину, должно быть настоящим, т. е. жизнью и бытием подлинным, неподдельным, истинным. Так сразу отсекается всё, что, может быть, является и вполне мыслимым, но, все-таки, не настоящим [8].

Память сердца уничтожают дурные воспоминания и возвеличивают добрые, и именно благодаря этой уловке удастся вынести груз прошлого. Жизнь социума должна быть стабильна при опоре на прошлое, через настоящее, в будущее. Без связи с прошлым и при неизвестности будущего нет перспективы развития социума. Ответственным хранителем социума во времени должна выступать власть. Особенностью российского властного политического дискурса сегодня является обращение к прошлому.

В России вопрос о будущем с конца 80-х годов прошлого века был подменен спорами о прошлом, как условия становления противоположного настоящего. Собственно атаки на российское прошлое есть не что иное, как нападки на то, что когда-то имело волевое созидание новой реальности, самостоятельностью народных масс. Суть этих нападок – проде-

монстрировать, что все устремления вперед ни к чему хорошему не привели, а в связи с этим, навязать представление о том, что главный урок отечественной истории – не стремиться к лучшему, а довольствоваться имеющимся. Будущее представляется нужным лишь для того, чтобы сохранить в нем настоящее. То, что политические дискуссии посвящаются прошлому, позволяет закрыть вопрос о создании будущего как продукта разумной и напряженной деятельности человека. Сегодня любая попытка найти и предложить варианты управляемого развития на основании масштабных проектных подходов вызывает подозрение, а их авторов обвиняют в желании возродить тоталитаризм.

В каждой культуре существует доминирующее представление о реальности, которые влияют на жизни людей. Такие широко распространенные представления получили название дискурсов. Любой дискурс задает какое-нибудь определенное миропонимание, несет в себе систему убеждений и общих ценностей. Современные политические дискурсы направленные на разрушение исторической ценности прошлого нашего социума порождают как минимум два негативных последствия: во-первых, разрушают систему ценностей социума, приводя к внутреннему расколу общества, в том числе к межпоколенческому; во-вторых, к потере идентичности как социальной, определяющей место социума в мировом сообществе, так и психологической. К примеру, 30 лет жизни для общества – это исторический миг, а для человека это половина его жизни, его судьба, его автобиография. Обесценивая в политическом дискурсе миг истории, социуму можно нанести моральный вред, а человеку, обесценивая его общественную жизнь и лишая его смысла жизни, можно причинить вред психическому и физическому здоровью.

Метафорические оценки политического дискурса об историческом времени: «коммунизм = фашизм» «преступный режим прошлого», «мрачное настоящее», «больное общество» – это не безобидные политические слоганы, это сильное средство воздействия на сознание личности, результаты которого

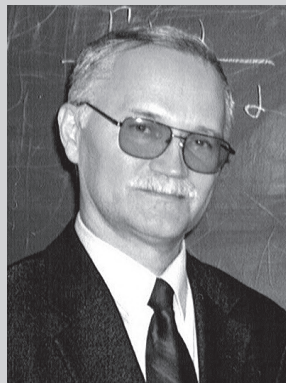
зависят от индивидуального восприятия психологического времени прошлого, настоящего и будущего. Поэтому, осуществляя политические дискурсы прошлого, будущего, власть должна быть ответственна за те последствия, которые они могут порождать. В связи с этим неплохо было бы власти обращаться к научному сообществу, опираясь на профессионализм экспертов, которые могут прогнозировать негативные последствия, как для человека, так и социума в целом.

Литература:

1. Августин А. Исповедь Блаженного Августина. М. Ренессанс, 1991 С. 26.
2. Аристотель Никомахова этика // Аристотель Сочинения. – М; Мысль 1983 – Т. 4. С. 240.
3. Бердяев Н.А. Смысл творчества М., 1989 С 310.
4. Бердяев Н.А. Царство Духа и Царство кесаря / Н.А. Бердяев // Судьба России. М., Советский писатель. 1990. С. 253.
5. Меджидова С.М. Психологические типы. Типология 69. Баку, 2001, С.201
6. Перлз Ф. Эго, голод и агрессия перевод под ред. Д.П. Хломова. Изд-во «Альянс» М 2000г С. 117–118.
7. Романова К.С. Одиночество как фактор формирования субъектности//Философские миры человека: философский альманах / под ред. О.В. Коркуновой Екатеринбург: УрГУПС, 2010-вып.2. 220с С.33–39.
8. Толстых В.И Настоящее будущее: без утопии и возврата в прошлое. Изд-во РОССПЭН. 2009 с,127.
9. Фихте И. О назначении ученого. М., 1935. С. 62.

Русаков В.М.

«СВОЕ СЛОВО» А.А. КОЗЛОВА

**Русаков
Василий Матвеевич**

доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и культурологии Института международных связей, вице-президент МАДИ, г. Екатеринбург

Основные вехи интеллектуальной биографии

В общих чертах биография Алексея Александровича Козлова достаточно известна¹, но в случае такой неординарной фигуры в истории русской философии куда более интересна его интеллектуальная биография. Н.О. Лосский (History of Russian Philosophy. N.Y., 1951), давно интересовавшийся идеями А. Козлова², бегло прочерчивает главные вехи: «В молодости пережил период увлечения социализмом Фурье и Леру и относился с сочувствием к этому движению до конца своих дней. Он был материалистом с позитивистской тенденцией и не проявлял никакого интереса к философии. Во время управления помещьем зятя, в возрасте около сорока лет, он прочел книгу Фрауэнштета (Frauenstadt) о Шопенгауэре. Этот философ, а также Э. Гартман оказали на Козлова большое влияние и пробудили в нем интерес к философии»³.

В.В. Зеньковский (История русской философии. Париж, YMCA-PRESS, 1948) более обстоятельно раскрывает истоки: «... во второй половине XIX в., точнее – в последней его четверти, несколько сильных и оригинальных русских философов неожиданно дали в своих трудах построения, продолжающие, по существу, гениальные идеи Лейбница. Надо, впрочем, сказать, что пробуждению у русских мыслителей интереса к Лейбницу очень много способствовал выдающийся последо-

ватель Лейбница (и Лотце) Teichmuller – немецкий философ, который был профессором в русском университете в Юрьеве (Дерпте) ... Teichmuller оказал огромное влияние на А.А. Козлова, первого яркого представителя философского персонализма (в духе Лейбница) в России, а через Козлова возрождение лейбницианства широко распространилось в русской философии»⁴.

В период своей учебы в Московском университете (год проучился на математическом факультете, затем перевелся на историко-филологический факультет) А. Козлов занимался преимущественно политической экономией. В это время он находился под влиянием материалистической философии Л. Фейербаха, а с другой стороны – утопического социализма Ш. Фурье (он знакомится с позитивизмом О. Конта). Если вспомним особенности той эпохи, то это не покажется странным. Увлечение социалистическими идеями привели к тому, что он угодил в тюрьму на полгода и к тому же потерял место учителя, которое получил по окончании университета. Жестокий урок, преподанный властями, привел к тому, что Козлов надолго теряет интерес к философии. Когда ему уже было более 40 лет, ему случайно попала книга Фрауэнштета о Шопенгауэре. Он увлекается вначале идеями А. Шопенгауэра⁵, потом И. Канта, а затем Э. Гартмана. Основную книгу Э. Гартмана «Философия бессознательного» (Philosophie des Unbewussten) он переводит на русский язык с некоторыми сокращениями.

Каковы главные философские влияния? Прежде всего, общая концепция Шопенгауэра о призрачности видимого мира и о реальности лишь внутреннего мира, сводимого им к воле, всегда разделялась Козловым. В этом выразилось разочарование философа в материализме и позитивизме – в их наивном реализме. Обратившись к Канту, Козлов не переживает никакого «поворота» в духе неокантианцев, а через влияние А. Тейхмюллера поворачивается к Лейбницу. В чем причины такого причудливого движения души и мысли? Аскольдов (сын А. Козлова) считал причиной усиление

«религиозных переживаний» в связи с тяжелой болезнью, но В. Зеньковский не согласен с таким упрощением и полагает возможным объяснить все внутренней логикой собственно философского развития мыслителя.

Лейбницеанец или персоналист?

Начнем с того, что В.В. Зеньковский отнес А.А. Козлова к лейбницеанцам или, точнее, «нео-лейбницеанцам»⁶, а Н.О. Лосский – к персоналистам («русским персоналистам»): «Философские учения А.А. Козлова, Л.М. Лопатина, Н.В. Бугаева, Е.А. Боброва, П. Астафьева, С.А. Алексеева (Аскольдова) и Н.О. Лосского являются персоналистическими»⁷. Оба они сходятся в том, что «Все они в большей или меньшей степени испытали влияние монадологии Лейбница» (Н.О. Лосский).

Кроме того, существует автохарактеристика воззрений Козлова как «панпсихизм»⁸ и весьма пространственные – «спиритуалистический персонализм»⁹.

Естественно, возникает закономерный вопрос: в чем заключается смысл и важность для нас этих классификаций? Что они дают для понимания не только воззрений самого киевского профессора, но и развития отечественной философии в тот период?

Сам Козлов пишет: «В панпсихизме все сущее признается психическим и сознательным» – даже при самой малой интенсивности сознания¹⁰. Его категорически не устраивает допущение разрыва материального и идеального. Он подчеркивает: «Совершенно непостижимо, как мысль, воля или чувство могут производить перемены и движения нашего тела или органов, а через них и во всем мире, – и обратно, как состояния и движения тела могут влиять на дух. Наше тело, как и всякое другое тело, может действовать только через прикосновение, толчком или ударом, – а дух, не находящийся в пространстве, исключает эти способы действия». И далее: «Значит, остается признать, что духовные явления суть продукты или действия движущейся в пространстве мате-

рии – или наоборот: материальные явления суть продукты или действия представляющего и мыслящего духа»¹¹. «Вещи материального мира и их движения, – пишет далее Козлов, – суть только значки или символы тех субстанций, с которыми мы обращаемся и взаимодействуем». Нам представляется, что воззрения Козлова все же ближе лейбницеанству, нежели такому направлению современной философии, как персонализм.

Издательская деятельность А.А. Козлова

При всем том, что В.В. Зеньковский воздаст должное теоретическим заслугам А.А. Козлова как оригинального продолжателя идей В. Лейбница и относит его философское творчество к важному с его точки зрения периоду в истории русской философии – «Периоду систем», нам кажется, куда большую роль сыграли многим долгое время казавшиеся безнадежными попытки киевского профессора издавать философское периодическое издание «сугубо теоретического характера».

А.А. Козлов этой стороной своей деятельности проложил дорогу подготовке и систематическому выпуску настоящего периодического издания философско-теоретического содержания.

Н.Я. Грот – первый редактор первого русского философского журнала «Вопросы философии и психологии» в первом его номере скажет об этой заслуге А.А. Козлова: «еще 3 года назад почтенный Козлов был настолько одинок в своей проповеди, что не мог дать делу ту более широкую организацию, которую мы ныне пытаемся осуществить»¹².

Все это произойдет позднее, когда, действительно, не только будет осознана и ясно выражена потребность издания русского полноценного философского журнала, но и будут созданы необходимые предпосылки – упрочение преподавания философии в вузах¹³, расширение и повышение качества кадровой базы, самоорганизация в научно-образовательной среде – создание Московского Психологического общества. Немаловажную роль

сыграло и развитие предпринимательства в издательской деятельности.

Замечательный Интернет-ресурс РХГА «Российские философские журналы XIX–начала XX в. Полнотекстовая база данных по истории отечественной философии XIX–начала XX века. Периодические издания» вкратце указывает основные вехи издательской деятельности А. Козлова: «Философский трехмесячник». Специальный журнал по философским наукам, издаваемый профессором Университета Св. Владимира А. Козловым» – первый русский философский журнал. Выходил в Киеве в 1886–1887 гг. Появилось четыре выпуска; три – в 1886 году, а четвертый – в 1887 году. Издание задумывалось как периодическое. Номера должны были появляться в январе, апреле, июне и октябре, образуя ежегодник – том со сплошной нумерацией страниц. Главную цель своего издания профессор Киевского университета философ-неолейбнищанин Алексей Александрович Козлов (1831–1901) видел в восстановлении доброго имени философии как самостоятельного научного знания. Все статьи и заметки в четырех выпусках написаны издателем, но собственная философская позиция издателя в них угадывается в самом общем виде. В 1886 году А. А. Козлов заболел и последний, четвертый выпуск появился не в текущем, а в следующем 1887 году. Несколько оправившись после болезни, он возобновляет свое издание в форме философско-литературных сборников «Свое слово», которые выходили в свет по мере их готовности у автора. «Философский трехмесячник» А. А. Козлова нужно оценить как свидетельство поворота русского общества от философского нигилизма к серьезному занятию философией как метафизикой. «Свое слово. Философско-литературный сборник, издаваемый А. А. Козловым» в течение десяти лет (1888–1898 гг.) вышло пять сборников. Первые три вышли в Киеве в 1888–1890 годах, а последние два – в 1892 и 1898 годах в Петербурге, куда переехал стареющий философ. В «Своем слове» в оригинальной форме диалогов «Беседы с петербургским Сократом» (17 бесед) всесторонне развил и обосновал свой метафизический панпсихизм, оказавший позднее значительное влияние на становление философии Н. О. Лосского¹⁴.

Отметим здесь, что нам представляется, по понятным причинам, не вполне правомочным именовать «Философский трехмесячник» «первым русским философским журналом».

Примечания:

1. См.: В. В. Зеньковский. История Русской философии; Н. О. Лосский. История русской философии.; Козлов, Алексей Александрович. Большая биографическая энциклопедия // http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_biography/57445/; Козлов Алексей Александрович. http://mirslivarej.com/content_fil/kozlov-aleksej-aleksandrovich-15028.html.
2. Лосский Н. О. А. А. Козлов и его панпсихизм // Вопросы философии и психологии. 1901. № 58. С. 183–206.
3. <http://www.vehi.net/nlossky/istoriya/11.html>.
4. Там же.
5. Надо сказать, что русская художественная интеллигенция довольно пылко восприняла воззрения А. Шопенгауэра – А. Фет первым переводит (1881) главное произведение философа «Мир как воля и представление», затем «О четвероюм корне закона достаточного основания» и «Воля в природе» (1886). Фет же рекомендует эти произведения Л. Толстому (конец 1869), который пережил, по его словам, «неперестающий восторг перед Шопенгауэром и ряд духовных наслаждений» летом 1870 г.
6. «...Teichmbller оказал огромное влияние на А. А. Козлова, первого яркого представителя философского персонализма (в духе Лейбница) в России, а через Козлова возрождение лейбнищанства широко распространилось в русской философии. Защитниками и продолжателями идей Лейбница в России явились прежде всего С. А. Аскольдов, а затем Л. М. Лопатин, позднее Н. О. Лосский» – Зеньковский В. В. История русской философии. С. 598.
7. Н. О. Лосский. История русской философии. Глава xi Русские персоналисты. 1. А. А. Козлов. – <http://www.vehi.net/nlossky/istoriya/11.html>.
8. См.: Свое слово. Вып. V. с. 160. «Автор теории «панпсихизма», положившей начало развитию в России персонализма» // Новая философская энциклопедия (<http://iph.ras.ru/elib/1456.html>).
9. См. Б. В. Емельянов, В. М. Русаков, Р. Я. Шляпугина. «Вопросы философии и психологии» – первый русский философский журнал (1889–1918). Екатеринбург, 2001. С. 32
10. Свое слово. Вып. V. с. 124.
11. Там же. Вып. I. с. 14.
12. Н. Я. Грот. О задачах журнала // Вопросы философии и психологии. 1889. кн. I. с. 10.
13. Известно, что запрет преподавания философии в 1850–1861 гг. серьезно сказался на общем состоянии философских исследований в стране и лишь к концу XIX в. уровень философской культуры в России стал сопоставим с общеевропейским и мировым
14. См.: http://journals.rhga.ru/journals/journal.php?SECTION_ID=364.

Гагарин А.С.

МИШЕЛЬ МОНТЕНЬ: БОРЬБА С ИЛЛЮЗИЯМИ И ЭКЗИСТЕНЦИАЛЫ ЧЕЛОВЕКА-«КРАПИНКИ»

Гагарин
Анатолий
Станиславович

доктор философских
наук, доцент, ведущий
научный сотрудник
Института философии
и права УрО РАН

В ренессансном хоре гуманистического антропоцентризма «модифицированного Возрождения» (А. Ф. Лосев) XVI века, поющей оды человеку как «центру Вселенной», отчетливо слышен голос нео-скептика и нео-стоика Мишеля Монтеня (1533–1592). Поскольку в культуре эпохи Возрождения произошел поворот от «корпоративности» Средневековья к «раскованной индивидуальности» Нового времени (Я. Буркхардт), ренессансный философ полагает необходимым «измерить самого себя» (Л. Медичи), но, произведя эту операцию, философия и культура Возрождения еще не находит «личности» как понятия (ставшего таковым в Новое время), а обнаруживает «сверхличность» и «недо-личность» одновременно, которые совместились в одном умозрительном субъекте. Оригинальная концепция человека Мишель Монтень, предложенная им в знаменитых «Опытах», наглядно демонстрирует всю сложность попыток создать устойчивый и единообразный образ суетного, непостоянного, и вечно колеблющегося существа – человека, в силу чего Монтень обосновывает автономность человеческого бытия, опираясь на принципы эпикуреизма и трансцендентального скептицизма, изымая из собственного научного арсенала метафизические основания построения общественной жизни. Ведь, как доказывал Монтень, сверх-эмпирические вопросы недоступны компетенции человеческого разума,

и только скептицизм и признание относительного знания могут быть руководством для понимания трансцендентного. И, конечно же, «опыт», эксперимент, поставленный на самом себе, что предопределило сам жанр произведения Монтеня – эссе («Les Essais» – «Опыты»). В соответствии с установкой на опыт, Монтень последовательно исследует внутри самого себя экзистенциальные основания человеческого бытия с позиций неостоицизма и скептицизма, задавая самому себе сократический вопрос «Что я знаю?». Монтень применил в «Опытах» своеобразную технику исследования человеческих состояний, качеств и свойств, сочетающую точный самоанализ с тонкими наблюдениями над людьми, событиями, сопоставленные с «книжными» мудростями (в «Опытах» использовано более 3 000 цитат античных и средневековых авторов). Уникальность подхода Монтеня обусловлена тем, что Монтень не «творит» человека, а только «рассказывает о нем», т. е. о самом себе. Это *данный* человек, а не человек *вообще*, и это *Homo Ordinalis*, *обыкновенный* человек, а не «перл творения». Вольтер, ставший позднее последователем Монтеня, писал, что Монтень попытался наивным образом обрисовать самого себя, но в итоге изобразил «человека вообще».

Человек в антропологии Монтеня изымается из вертикальной, иерархической лестницы боготворений, где он занимал в средневековой философии высшее (центральное) место среди земных существ, и помещается в горизонтальный ряд порождений матери-природы, «руководителя» кроткого, разумного и справедливого. Для Монтеня предпочтительнее опираться на закон природы как на естественную и особенную необходимость, поскольку в этом случае человек будет ближе к божеству, нежели следуя собственной воле – случайной и безрассудной. Условием познания и оценки вещей и событий, согласно Монтеню, являются новые принципы экзистенциально-феноменологической топологии: ощущать себя, человека, как «крошеч-

ную, едва приметную крапинку» в необъятном целом матери-природы (1).

Главный, исходный принцип философских воззрений Монтеня – эвдемонизм, сформировавшийся в процессе его творческой эволюции. Поиски смысложизненных основания бытия человека преломляются у Монтеня через трактовку счастья в диапазоне от философского стоицизма до жизненного скептицизма. Руководствуясь стоическим критерием счастья – философской ясностью духа, Монтень признает эгоизм главной причиной человеческих действий, и полагает, что это естественно и необходимо для человеческого счастья, ведь эгоизм, стоящий на страже душевного спокойствия (и счастья) выступает ограничителем, с одной стороны, для экспансии других «эгоизмов», и с другой стороны, для разрушающей изнутри гордости, претендующей на познание абсолютных истин. Монтень ставит во главу угла человеческую интенциональность: «Жизнь сама по себе – ни благо, ни зло: она вместилище и блага и зла, смотря по тому, во что вы сами превратили ее» (2).

Монтень нацеливается на расширение опыта и развенчание разнообразных иллюзий, порожденных безудержным разумом, который никогда не сможет догнать, охватить все бесконечное многообразие природы и человеческих деяний. Разум, благодаря силе воображения, в этой погоне за соответствием реальности продуцирует выдумки, подменяющие реальность и превращающиеся в идолов. Даже природа предстает в своих свойствах для человека как продукты его воображения и несет следы деятельности разума. Это мысле-формы воображения – привычки, обычаи, нормы, нравы, обычаи, отношение к смерти и страданию. Монтень приводит в качестве примера обычаи народов «Новой Индии» (Америки), естественные для самих народов и чудовищные с точки зрения европейца, но и для дикарей наши обычаи показались бы не менее чудными/чудовищными. Любая выдумка, даже самая сумасбродная, может встретиться где-нибудь в мире как общераспространенный обычай, и, соответственно, получить одобрение и обоснование со стороны нашего разума, полагает Монтень. Собственно, сами «Опыты» Монтеня – это постоянная борьба

автора с иллюзиями разума, развенчание заблуждений невежества и хитросплетений концептуального обмана.

Монтень исходит из методологического принципа «обмирщения» психологии, «заземления» метафизических проблем, признания неизбежности смерти, зависимости души от тела, что приводит Монтеня к отрицанию бессмертия души, дополнительно подтверждаемому изучением законов природы.

Монтень отстаивает самодостаточность человеческой жизни, цель которой находится не вне ее, а *в ней самой*. Поэтому творения, деяния человека, и даже земная слава не могут быть целью, результатом жизни, хотя они, безусловно, имеют значение и смысл. Монтень в качестве подлинного пути выбирает некий «средний путь», отличный и от идеала общественного служения и от идеала служения Богу, и от идеала постижения книжных мудростей, ведь во всех случаях человек стремится именно к жизни свободной и независимой, соответствующей его внутреннему принципу. Таким внутренним принципом для Монтеня является добродетель, которая позволяет человеку преодолевать невзгоды, превозмогать страдания и подавлять чувство страха перед смертью. В этом Монтень следует Антисфену, который полагал, что добродетель довольствуется собой, и не нуждается ни в правилах, ни в воздействии со стороны.

При анализе экзистенциалов человеческого бытия Монтень использует принципы экзистенциальной топологии (3). Это отчетливо видно в его трактовке одиночества. Монтень признает, что человек не может убежать, уединиться от самого себя, его пороки и недостатки остаются с ним, будь человек в монастыре, либо в убежище философии. Поэтому само *уединение* (как *безлюдная пространственность Я*) не спасает от зла в душе, от «свойств толпы», укоренившихся в душе, от ущербности *внутренней душевной топики*, в которой «живут» неподлинное Я, суррогаты Я, лишаящие человека удовольствия от самой жизни. Монтень предлагает «расстаться с собой», то есть посмотреть на себя со стороны, обновиться, очиститься и затем обрести себя заново, провести переоценку собственных жизненных установок и приоритетов. Монтень даже полемически призывает освободиться от всех уз,

которые связывают нас с ближними, заставить себя *сознательно* жить в одиночестве, и жить с удовольствием. Для этого нужно владеть собой, иметь укромный уголок, где можно *уединиться* для внутренних бесед с собой, забывая в доверительных разговорах с душой обо всем внешнем (и даже о близких и родных). Монтень прибегает к авторитету древних мыслителей: *In solis sis tibi turba locis* (Когда ты в одиночестве, будь себе сам толпой) (4).

Для Монтеня, «уединение» имеет большую экзистенциальную и этическую ценность, нежели «одиночество», которое понимается им как *пребывание в изоляции (самоизоляции)*. Монтень приходит к выводу: уединение имеет разумные основания скорее для тех, кто успел уже отдать миру свои самые деятельные и цветущие дни, и поэтому мыслитель переносит ценностный упор с общественного долга на саму индивидуальность и ее жизнь. *Подлинным уединением, т. е. замкнутостью в себе обновленной души*, можно наслаждаться и в толпе, в толчее городов, при дворах королей, хотя свободнее, полнее им можно наслаждаться *в одиночестве*, замечает Монтень. Те, кто прожили достаточно для других, считает он, должны прожить для себя хоть остаток жизни. Когда уже нечего предложить обществу, то следует расстаться с ним, собрать иссякающие силы и приберечь их для себя. Эти положения выглядят выстраданными и подкупающе убедительными для человека, отдавшего служению обществу большую часть жизни (это – работа в парламенте Бордо, служба мэром Бордо), и написавшего свои «Опыты» в уединении, после удаления от общественных дел.

Монтень настаивает, что избрав одиночество, следует быть до конца последовательным. Если мир рассматривается как нечто *внешнее*, «вне тебя», то в этом случае симпатии Монтеня на стороне тех, кто ищет уединения из благочестия, для которых единственная цель – блаженная и бессмертная жизнь, заслуживает предпочтения перед бренным существованием. Тех же, кто пытается использовать одиночество для создания творений, способных обеспечить вечную жизнь, для достижения *славы* (Цицерон, Плиний Младший), Монтень «ловит» на половинчатости, на «забавном противоречии» – они рассчитывают пожинать плоды своих намерений

в *этом мире*, но тогда, когда сами будут уже за *его пределами*. «Честолюбие несовместимо с уединением. Слава и покой не могут ужиться под одной крышей», полагает Монтень (5). Он образно представляет Цицерона и Плиния освободившими руки и ноги из «жизненной толчеи», но погрязшими душой и помыслами еще глубже, чем прежде. Или отступившими назад, чтобы прыгнуть дальше и лучше в самую гущу толпы. Как считает Монтень, невозможно отрешиться от дел, не отрешившись от их плодов, поэтому следует оставить заботу о своем имени и о славе.

Этим выводом Монтень полемизирует с «мейнстримом» Ренессанса XIV–XV вв., столь трепетно относившегося к славе. Но для Монтеня это положение вполне логично, ведь оно вытекает из концепции Монтеня о самоценности автономной, *обыкновенной индивидуальности* с ее простыми телесными и душевными наслаждениями. Основанием этой самоценности оказывается умение управлять собой, и этого достаточно, чтобы человек был «театром для себя самого», довольствуясь самим собой, сосредотачивая и укрепляя душу в регулируемых размышлениях, направленных на познание истинных благ. При этом человек не желает ни продления жизни, ни возвеличивания своего имени, ни извлечения суетно-тщеславной славы из своего затворничества.

Монтень вводит в философский дискурс *Человека Обыкновенного, Homo Ordinalis*, не просто способного на *одиночество-уединение*, а находящего в одиночестве-уединении и способ самопознания, и цель и смысл бытия. Однако, констатирует Монтень, эти качества открываются только после отдачи общественного долга, на исходе жизни. Это доступно только мудрым людям, научившимся управлять собой, превратившим свою душу в лучшего собеседника, или даже превратившим себя одного (*одинокого*) в *театр одного актера и одного зрителя*, в целый «народ», когда целый народ становится «одним».

Экзистенциал страха в эпоху Возрождения и в начале нового Времени проявляется противоречиво и парадоксально. Общеизвестна позиция возрожденческих мыслителей, утверждаемая в их основных положениях. Так, Леонардо да Винчи полагал, что тот, кто в страхе живет,

тот и гибнет от страха, а Джордано Бруно считал, что страх смерти хуже, чем сама смерть. Между тем, гуманистическая позиция не была широко популярна, и представляла скорее некий гармонизирующий призыв, выражала желание преодоления многоликих страхов, окружавших средневекового человека.

Жан Делюмо в работе «Страх на Западе (XIV–XVII вв.)» выделяет чрезвычайно характерный вид страха, свойственный этому периоду истории Европы – явный (или скрытый, латентный) страх водного пространства, топики моря (океана) – места разочарования и страха для большинства людей, а для одиночек – местом испытания судьбы. Делюмо считает, что море – это место обитания «страха без всяких прикрытий» (6). Отметим, что море в данном контексте выступает особой, экстраординарной топикой, аккумулирующей *топологические* страхи, – и активно, быстро, и потому чрезвычайно противоречиво (с отставанием менталитета и повседневного сознания) «заполняемой» цивилизаторскими инновациями и рациональными смыслами. Жажда открытий сосуществовала со страхом моря, который «может служить своеобразным эталоном, составляющими которого являются сожаление о земле как о безопасном месте и обращение к Богу (но чаще к святым угодникам)». Эти страхи не могли еще стать доминирующими, задающими тон во всей культуры, искусстве, философии, как это произошло с приходом романтизма. М. Фуко в работе «Безумие и неразумие: История безумия в классический век» (1961) анализировал проблему страха перед безумием в конце Средневековья, в эпоху Возрождения. Европейское общество развивалось согласно принципам гомеопатии, лечения подобного подобным, и боролось с безумием с помощью логического и символического присоединения его к вотчине Сатаны, и к стихиям изменчивости и непостоянства – к воде и морю, и лечило безумцев «путешествием по водам». Бродячих сумасшедших, маргиналов в буквальном значении слова, изгоняемых за пределы городов (в деревнях наблюдалась большая толерантность к «дурачкам») помещали на «корабли дураков» – плавучие прообразы будущих домов умалишенных.

Здесь важны следующие моменты: во-первых, два из самых сильных страхов большинства людей, страхов, укоренных в ментальности – *страх Сатаны и страх моря*, экзистенциально связывались с *безумием*. Один из персонажей Эразма Роттердамского, восклицает «Довериться морю – это безумие». Поэтому сумасшествие и лечилось столь «радикальным средством», как путешествие в страхом переполненное изменчивое море. Во-вторых, вытесняя страх, борясь с сумасшествием, «леча» его, западноевропейское общество попутно боролось с *одиночеством* бродячих сумасшедших, юродивых, дурачков, насильственно создавая им на «корабле дураков» микромодель, копию «нормального» общества (социума), состоящего из людей себе подобных, *однородных в своем безумии*. И, тем самым, неявно причисляло к разряду безумцев самих путешественников.

«Непрописанные» топики одновременно и рождали страх. Все Иное представлялось Чужим, а потому – подозрительным, таящим беспокойство и угрозу. Равно как и все Новое – социокультурные инновации, вступающие в столкновение с консервативной ментальностью (мифами о «золотом веке»). Это было причиной крестьянских, религиозных бунтов XVI–XVII вв. Протестантизм в этом аспекте был попыткой возврата к аутентичному христианству, к чистой Церкви и к интимному Слову Господню, к «золотому веку» раннего христианства. Однако то, что протестант понимал как исключаящие новации ненавистного папства, для католиков было укорененными в прошлом основами религиозного (и светского) бытия. Поэтому и протестантские призывы к элиминации пяти таинств из семи (при сохранении крещения и причащения), к реформам церкви и церемоний, воспринимались католиками как радикальные реформы, содержащие прямые и скрытые угрозы. Страх ассоциировался не только с Иным, запредельным по отношению к обжитой топике существования, но и представал тем, что являлось внутри-топическим, обыденным, повседневным – людьми (соседями), вещами, предметами, явлениями природы, содержащими символические инвестиции враждебных сил. «Молот ведьм», настольная книга инквизитора (1 издание – 1486 г.) досконально описывал

«механизм» выявления присутствия дьявола, и даже извлечения дьявольских сил из вольных или невольных «носителей» зла.

Постоянный, вездесущий, всепроникающий страх укоренялся в мире, среди людей, внутри человека именно потому, что все негативное (бедствия, смерть, болезнь, лишения, утраты) не происходит «сами по себе», они неестественны, являются следствием вмешательства дьявольских сил и более того, мстью оскорбленного святого, праведников (например, болезни). Особый род страхов – страх демонических сил, страх сатаны, к которому примыкал страх волков (оборотней) – «адского зверя», страх безумия (безумец – добыча Сатаны), и страх искушения поисками земного рая (хотя именно ожиданием земного рая был пропитан миллениаризм). Эти страхи хорошо показаны в сатирико-дидактической поэме Себастьяна Бранта «Корабль дураков» (1494) и в «Заклятии безумцев», составленном проповедником Томасом Мюрнером в 1509–1512 гг. Эти страхи усиливались благодаря развитию книгопечатания, названному Ж. Делюмо «дьявольской машиной» – вслед за С. Брантом, у которого именно Антихристу принадлежит идея изображения печатного станка. Первые книги тиражировали страх Сатаны и его свиты в солидных и дешевых изданиях. Делюмо приводит поразительные цифры: в период между первыми изданиями и переизданиями на немецкий рынок во второй половине XVI века было выпущено 231 600 экземпляров произведений, посвященных демоническому миру (не считая газет и брошюр) (7).

Постоянный, вездесущий, всепроникающий страх укоренялся в мире, среди людей, внутри человека именно потому, что все негативное (бедствия, смерть, болезнь, лишения, утраты) не происходит «само по себе», оно неестественно, является следствием вмешательства дьявольских сил и более того, мстью оскорбленного святого, праведников (например, болезни). Особый род страхов – *страх демонических сил, страх сатаны*, к которому примыкал *страх волков (оборотней)* – «адского зверя», *страх безумия* (безумец – добыча Сатаны), и *страх искушения поисками земного рая* (хотя именно ожиданием земного рая был пропитан миллениаризм).

«Двойной ужас» (Ж. Делюмо) – страх Сатаны и апокалиптический *страх близкого конца света* – сотрясал Германию в XVI в. и начале XVII в., благодаря откровениям М. Лютера, Ж. Де Терамо, А. Мускулуса, А. Данэ и многих других. Исследования подобной литературы позволило Ж. Делюмо (вопреки другим исследователям) сделать рискованный вывод о том, что именно в начале Нового времени (а не в Средневековье) ад, его обитатели и служители завладели воображением народов Запада, а кульминация страха Сатаны в Европе наступила во второй половине XVI – начале XVII вв.

В классификации страхов, берущих начало в Средневековье, особое место занимает страх завязывания узелка, который символизировал кастрацию, отсечение гениталий, бесплодие, импотенцию, фригидность (свидетельства Т. Платтера, П. де Ланкра, Ж. Бодэна и др.). Этот страх провоцировал панику и инициировал поиск различных способов защиты от завязывания узелка. В эпоху Возрождения, в начале Нового времени этот страх выходит на страницы письменной культуры, о нем пишут Монтень, Рабле, Бодэн, кюре Шартрской епархии Ж.-Б. Тьер в «Трактате о суевериях, касающихся освящения» (1679). М. Монтень связывал страх завязывания узелка (как страх кастрации), с феноменами психологических операций – *торможения и блокировки* (феноменом опережающего фиаско). Ж. Делюмо полагает, что причина торможения – в женоненавистнических проповедях священников и демонологов, нагнетающих страх перед женщиной, подозрение к сексу, браку и половой близости (8).

Мишель Монтень ориентирует самого себя и читателя на борьбу со смертью и освобождение от страха смерти. И предлагает средства борьбы со смертью и со страхом из арсенала будущих экзистенциалистов: «разглядывание их вблизи», осмысление смерти и страха, формирование комплекса упражнений для подготовки к смерти, основанных на понимании того, что страх – это состояние потрясенности, вызванное часто нашим воображением, тогда как это состояние требует постоянной готовности к испытаниям. Монтень приводит слова Лукреция: «Из-за страха перед смертью людей охватывает такое отвращение к жизни и дневному свету, что они

в тоске душевной лишают себя жизни, забывая, что источником их терзаний был именно этот страх» (9).

Мишель Монтень в «Опытах» посвящает страху специальное эссе, в котором определяет страх как «страсть воистину поразительную», более других выбивающая рассудок из колеи. Недаром он в качестве эпиграфа берет цитату из Вергилия «Я оцепенел; волосы мои встали дыбом, и голос замер в гортани». Поэтому Монтень констатирует, что страх может «окрылять нам пятки», или пригвозждать и сковывать ноги. Но важным является для Монтеня зафиксировать *крайнюю степень* страха, (которую можно определить как *позорную храбрость труса*) – когда, находясь под воздействием страха, человек проникается той самой храбростью, недостающей перед лицом страха, и с античным ригоризмом заключить: «Вот чего я страшусь больше самого страха» (10).

Экзистенциал смерти в философии эпохи Возрождения (XIV–XVI вв.) приобретает новые формы интерпретации. Мировоззрение Европы XIV–XV вв. продолжало сохранять религиозность в качестве доминирующей и универсализирующей формы философской, политической, этической и эстетической мысли, «повседневной» ментальности. Зарождающееся гуманистическое мировоззрение содержало иную модель экзистенциала смерти, наряду с концепциями земного бытия, трактующими соотношение деятельности и уединения-одиночества, достоинства и славы. Поэтому исследователи Возрождения характеризуют гуманистов как предвестников *ars vitale*, «искусства жизни» в противовес средневековой традиции *ars mortale*, «искусства смерти». Утверждение в правах земного бытия привело к провозглашению земной славы высшим критерием ценности человеческого бытия, опровергая тезис о бессмертии души.

Мишель де Монтень в своих «Опытах» размышляет о проблеме смерти в традициях античной ментальности: нельзя судить, счастлив ли кто-нибудь, пока он не умер (выявляя *доблестные* и *удачные* смерти), и разделяет мнения Платона и Цицерона о философствовании как подготовке к смерти. По мнению Монтеня, смысл и предназначение философии, в конеч-

ном счете, в том, что она должны научить нас не бояться смерти. Монтень в духе стоиков резюмирует, что предвкушение смерти есть предвкушение свободы, а тот, кто научился умирать, тот разучился рабски служить.

В эссе «Обычай острова Кеи» он исследует обычаи самоубийства у разных народов. Греки и римляне соотносили смерть со стыдом (унижением, бесчестьем), и приходили к выводу, что самоубийство может быть интерпретировано как свобода, выход из морального тупика. Для этого описанные Монтенем персонажи производили сугубо экзистенциальную процедуру: они отделяли собственно самоубийство от смерти, и рассматривали смерть как достойное презрения, а стыд, муки от малодушия, и те жизненные положения, когда «жизнь хуже смерти» опускали ниже самой смерти в моральной иерархии. В этом случае смерть как самоубийство становилось «возможностью сбежать» от того, что еще хуже. Но ускользнуть от смерти невозможно (11).

Вывод, к которому приходит Монтень: «Смерть – не только избавление от болезней, они – избавление от всех зол» (12). Но это достижимо только в том случае, если смерть зависит от воли человека. Именно *воление* обеспечивает свободу от смерти как главного средоточия страха. И тогда смерть, полагает Монтень, может предстать «надежнейшей гаванью», которой никогда не надо бояться и к которой часто следует стремиться. Жизнь зависит от чужой воли, смерть же – только от нашей. «Ставя нас в такое положение, когда жизнь становится хуже смерти, Бог дает нам при этом достаточно воли» (13).

Монтень сопоставляет аргументы приверженцев тезиса «смерть – лекарство» (стоиков, киников, Гегесия) с мнением тех, кто полагает, что выбор жизни и смерти принадлежит только Богу, и поэтому законы судят нас за самоубийство. В этом случае, считает Монтень, «больше стойкости – в том, чтобы жить с цепью, которою мы скованы, чем разорвать ее» (14). Только неблагоразумие и нетерпение побуждают нас ускорять приход смерти. Подлинная добродетель остается верна себе даже в горе и страдании. В конечном счете, Монтень в поисках «меры» вескости причин самоубийства как «разумного выхода», о котором толковали стоики, приходит к выводу: только невыносимые боли и опасения

худшей смерти являются вполне оправданными побуждениями к самоубийству.

Монтень констатирует, что никакими «внешними», телесными упражнениями (закаливаниями, приобретением стойкости в перенесении невзгод, боли, стыда) невозможно приучить себя к смерти, поскольку ее можно испытать только раз в жизни, и каждый остается «новичком», приближаясь к смерти. Люди древних времен, которые умели получать наслаждение от самой смерти и умели заставить свой ум понять, что представляет собой это переход к смерти, не могут, к сожалению, вернуться обратно и поделиться знаниями. Но, несмотря на изначальное и непреодолимое несовершенство и неполноту нашего опыта «общения» со смертью, Монтень полагает, что есть некий «способ приучить себя к смерти и некоторым образом испробовать ее». Это, естественно, не *погружение в смерть*, а *приближение к ней и рассмотрение ее*, чтобы ознакомиться с подступами смерти (по аналогии со знакомством со сном, так похожим на смерть).

Монтень полагал, что смерть не должна рождать страх, поскольку мы «уже прошли и проходим через ряд смертей» (15). В этом, считал он, можно опираться не только на слова Гераклита о *смерти как условии жизни* (смерти огня есть рождение воздуха, а смерть воздуха – рождение вод), но и на факт смены возрастов (как ряд собственных «смертей»), смены дней как смерти всего предшествующего. Монтень ориентирует самого себя и читателя на то, чтобы научиться смело встречать смерть и вступать с ней в противоборство. И для того, чтобы отнять у смерти главный козырь, необходимо, полагает Монтень, избрать путь от противного: лишить смерть загадочности, пристально рассмотреть ее вблизи, приучить себя к ней, размышлять о смерти чаще, нежели о чем-либо другом, всюду и всегда вызывать в себе образ смерти во всех возможных обликах.

В зоне экзистенциального анализа Монтеня оказывается момент перехода от жизни к смерти. Увидеть подлинный и неприкрашенный лик смерти могли, по мнению Монтеня, те, кто лишился сознания или упал без чувств. Сам момент перехода от жизни к смерти не связан со страданием или неприятным ощущением, ведь для того, чтобы почувствовать что-нибудь,

нужно время. Чтобы ощутить страдания, требуется время, а между тем момент смерти столь краток и стремителен, что он неизбежно должен быть безболезненным. У нас есть основания бояться только подготовительных мгновений смерти. Но они-то как раз и поддаются упражнению» (16).

Монтень имеет все основания утверждать это. Он описывает случай, произошедший с ним самим, когда Монтень, в результате травмы, оказался в положении, близком к смерти. Свое амбивалентное состояние он описывает так: «Мне казалось, что жизнь моя держится лишь на кончиках губ; я закрывал глаза. Стараясь, как мне представлялось, помочь ей уйти от меня, и мне было приятно изнемогать и отдаваться течению. Это была мысль, еле брезжившая в моем сознании, такая же слабая и зыбкая, как и все остальные, но она не только не была мне неприятна, а, напротив, к ней примешивалось то сладостное ощущение, которое бывает, когда мы погружаемся в сон» (17). Далее Монтень делает удивительное умозаключение. Он вступает в полемику с общепризнанным мнением, утверждая, что мы напрасно оплакиваем людей, находящихся в агонии, полагая, что их мучат жестокие боли, или души их подавлены мрачными мыслями. По глубокому убеждению Монтеня, их не следует жалеть, поскольку у таких людей «душа и тело спят, окутанные саваном». На собственном примере Монтень убедился, что для того, чтобы свыкнуться со смертью, нужно только приблизиться к ней вплотную и увидеть ее лицо без прикрас (18).

Монтень в традициях стоицизма приходит к выводу: поскольку человеку не дано знать, где его поджидает смерть, следует ожидать ее всюду. Размещение смерти как экзистенциала на горизонте сознания, делает это размышление размышлением о свободе. Научение умирать, освобождает человека от рабства, а готовность умереть избавляет человека от всякого подчинения и принуждения. Ведь как заметил Монтень «... в жизни случается многое, что гораздо хуже смерти» (19).

Литература:

1. Монтень М. Опыты. Кн. 1. Гл. С. 250. // Монтень М. Опыты. В 3 кн. М.: Терра-Terra. 1991. Кн. 1. 512 с.

2. Монтень М. Опыты. Кн.1. Гл. XX. С. 144–145. // Монтень М. Опыты. В 3 кн. М.: Терра-Терра, 1991. Кн.1. 512 с.
3. Гагарин А.С. Экзистенциалы человеческого бытия: одиночество, смерть, страх. От античности до Нового времени. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета. 2001. 372 с. С. 5–12.
4. (Тибулл). См.: Монтень М. Опыты. Кн. 1. Гл. XXXIX. С. 377. // Монтень М. Опыты. В 3 кн. М.: Терра-Терра, 1991. Кн.1. 512 С.
5. Монтень М. Опыты. Кн. 1. Гл. XXXIX. С. 387. // Монтень М. Опыты. В 3 кн. М.: Терра-Терра, 1991. Кн. 1. 512 с.
6. Делюмо Ж. Ужасы на Западе. М.: Голос, 1994. 416 с. С. 3–7.
7. Делюмо Ж.С. 213
8. Делюмо Ж.С. 214–215.
9. Монтень М. Опыты. Кн. 2. С. 35 // Монтень М. Опыты. В 3 кн. М.: Терра-Терра, 1991. Кн. 2. 715 с.
10. Монтень М. Опыты. Кн. 1. С. 116 // Монтень М. Опыты. В 3 кн. М.: Терра-Терра, 1991. Кн. 1. 512 с.
11. Монтень М. Опыты. Кн. 1. С. 119 // Монтень М. Опыты. В 3 кн. М.: Терра-Терра, 1991. Кн. 1. 512 с.
12. Монтень М. Опыты. Кн. 1. С. 132–133 // Монтень М. Опыты. В 3 кн. М.: Терра-Терра, 1991. Кн. 1. 512 с.
13. Монтень М. Опыты. Кн. 2. С. 32 // Монтень М. Опыты. В 3 кн. М.: Терра-Терра, 1991. Кн. 2. 715 с.
14. Монтень М. Опыты. Кн. 2. С. 32 // Монтень М. Опыты. В 3 кн. М.: Терра-Терра, 1991. Кн. 2. 715 с.
15. Монтень М. Опыты. 1991. Кн. 2. С. 423 // Монтень М. Опыты. В 3 кн. М.: Терра-Терра, 1991. Кн. 2. 715 с.
16. Монтень М. Опыты. Кн. 2. С. 63. // Монтень М. Опыты. В 3 кн. М.: Терра-Терра, 1991. Кн. 2. 715 с.
17. Монтень М. Опыты. Кн. 2. С. 66 // Монтень М. Опыты. В 3 кн. М.: Терра-Терра, 1991. Кн. 2. 715 с.
18. Монтень М. Опыты. Кн. 2. С. 64–71 // Монтень М. Опыты. В 3 кн. М.: Терра-Терра, 1991. Кн. 2. 715 с.
19. Монтень М. Кн. 2. С. 30–31 // Монтень М. Опыты. В 3 кн. – М.: Терра-Терра, 1991. Кн. 2. 715 с.

Романов А.В.

О САКРАЛЬНОСТИ СТРЕМЛЕНИЯ К СМЕРТИ

**Романов
Андрей
Владимирович**

кандидат философских наук, доцент кафедры философии Уральского государственного экономического университета, г. Екатеринбург

E-mail:
andrei.v.romanov@
gmail.com

Религиозная индивидуальность определяется единством субличностей. Религиозные субличности – динамические подструктуры личности, отличающиеся собственной концепцией Бога, греха, атеизма, парадигмой спасения и священного. Их основная функция – адаптация к «ультимативным» ценностям, т.е. к сфере сакрального. Религиозная личностная идентичность динамична: мы отождествляем наше это то с исполнением священных запретов, то с восприятием святости каждого человека.

Подобно эrogenной зоне «предельный интерес», локус сакрального, сублимируясь, перемещается от одной религиозной субличности к другой, что обуславливает последовательность стадий религиозного развития. Религия аксиологична. Faith-вера проецирует «предельную» не истину, но интерес. Человеческая душа – компендиум истории религии. В соответствии с концепцией религиосинтеза¹ выделяются основные типы индивидуальной религиозности: религиозность языческая (дефицитарная), авторитарная, закона, мазохистская, сатанизма (деструктивная), гуманистическая, духа, мистическая, святости. И среди них – религиозность, сакрализирующая ценность смерти.

Религиозное отношение к смерти двойственно и противоречиво. С одной стороны, постулируется: человек замыслен «по образу и подобию» Творца (Быт 1:26). В религии сакрализуется табу на суицид. Св. Бруно (XI век) отказывает самоубийцам в статусе мучеников, называя их «страстотерпцами во имя Сатаны». С другой стороны, придавая священный характер смерти, конституируется циничное отношение к жизни. Смерть полагается вне воли человека,

являет собой чудо, покушение на нее отождествляется с греховным ограничением воли Бога. Смерть воспринимается в качестве мистерии, посвящения, основной формы спасения души, приобщения к трансцендентному Богу.

Религиозная некрофилия характеризуется стремлением к вырождению, психической и физиологической энтропии. В выборе между смертью и жизнью человек выбирает смерть. Разумом (и в пределах belief-веры) каждый осознает, что «Кай смертен», но в рамках faith-веры пребывает в реальности надежды и веры на то, что он, Иван Ильич, бессмертен.

Разочарованность в жизни проявляется в очарованности смертью. Некрофилия – следствие неосуществленности ценностей, фрустрации потребностей. Что отражается в русских пословицах: «Покойника встретить – к счастью», «Смерть – души простор», «Отдохнем, когда подохнем» и пр. В ответ на пожелания М. Лютеру жить еще сорок лет, усталый реформатор заметил, что предпочел бы отказаться от надежды попасть в рай, чем жить еще сорок лет.

В своей значимости смерть становится категорией религиозной. Явление её сакрализуется и понимается в качестве единственной реальности, а все проявления жизни – в качестве иллюзии. Образы, символы смерти становятся формами литургии. Религиозная этика слишком часто отрицает светскую нравственность. (Что символизируется в сюжете сакрального заклания Авраамом сына своего Исаака). Цель существования индуиста – достижение мокши, окончательное устранение «прилипчивости» жизни. В начале IV века в европейском христианстве выделяется секта донатистов, согласно вероучению которых наиболее достойная смерть – достояние мучеников. Донатисты совершали массовые самоубийства.

Основными формами сакральной некрофилии являются: 1) культ трансцендентного (предполагающий циничное, обесценивающее отношение к жизни земной во имя жизни небесной; 2) мученичество; 3) умерщвление плоти; 4) традиционализм; 5) сакрализация мертвых.

Неудовлетворённость от жизни ведёт к ожиданию удовлетворения до или после земного существования. На фоне повседневности смерть являет опыт таинственного, высшего,

священного. Она ассоциируется с трансцендированием – человеческой сущностью. Смерть отождествляется с мистическим актом – апофатического, молчаливого и невыразимого единения с Богом. Человек стремится раствориться в Боге – статичном, холодном, трансцендентном, антигуманном. Умершие полагаются пребывающими ближе к Богу.

Смерть дистанцирована cogito. Она существует для человека не в действительном, а в возможном, в восприятии. Для фрустрированного восприятия она является символом перехода. Смерть есть максимальное ограничение возможностей, воспринимаемое невротическим сознанием в качестве абсолютного их расширения. Для самого субъекта она воспринимается явлением противоестественным, чудесным. Смерть размыкает Dasein, cogito. И в этом смысле оно – за пределами бытия.

В религии только смерть понимается началом рождения, в качестве необходимой формы спасения души, соединения с Богом. Смерть воспринимается как Великая инициация, Посвящение, ритуал перехода (М. Элиаде). «Апокалипсис» с греческого означает «Откровение в конце времен». Чтобы преодолеть смерть, необходимо умереть. Возвещается мудрость, мистика, Откровение смерти. Как проговаривает Мухаммед: «Человек спит, и чтобы проснуться, ему следует умереть». Для шахида «смерть – награда от Аллаха».

И в христианстве невидимая жизнь начинает восприниматься только в смерти Христа. Возможность воскресения – христова и человеческого – только через смерть. В смерти люди не разделяются друг от друга, мертвые от живых, т. к. все дороги ведут ко Христу. Голгофское добровольное принятие распятия Христом, определенное волей и Отца и Сына, есть добровольное стремление к физической смерти. Без Голгофы нет Христа, христианства и спасения. Для ап. Павла между «жизнью» и «смертью» мало различий (1 Кор. 3:22, Рим. 8:38, 14:8, Фил. 1:20), жизнь есть Христос, а смерть – приобретение (Фил. 1:21). Любовь к Богу сильнее любви к собственной жизни. И даже у Экхарта мы видим: «Смерть дарует мученикам бытие, они теряют жизнь и обретают бытие». К. Барт: «Новый человек» в Боге (Рим. 5:1) живет смертью Христа,

он получает существование из потусторонней жизни, которую мы можем видеть только как смерть нашей жизни². Смерть воспринимается как «дверь», переход в трансцендентное. Смерть для христианина – что утренняя фея для ребенка. Как провозглашает Иисус в опере *Jesus Christ Superstar*: «Жить вечно можно только... смертью смерть поправ».

Первые века христианства характеризуются многообразными формами добровольного и зачастую радостного суицида мучеников, «подражающих» Христу – от предания себя в руки палачей до собственноручного самоубийства. Апостол Петр (Шимон) просит солдат перевернуть себя распятого на кресте наоборот, вверх ногами, дабы не оскорблять памяти Христа.

Во время монголо-татарского «ига» перед защитниками русских городов вопрос стоял не в том, как бороться с захватчиками, а как обрести спасение: в сражении погибнуть с молитвой или без борьбы сложить голову. Проблема противостояния врагам вытеснялась проблемой спасения в смертном страдании.

В религии утверждается необходимость подражать мертвым в равнодушии. В святоотеческой традиции частенько вместо «бесстрастия» говорится о «внутреннем омертвлении». Св. Георгий провозглашает: «Никто не получает так много от Бога, как тот, кто умер». Будде приписывается сентенция: «Лучше сидеть, чем стоять, лучше лежать, чем сидеть, лучше умереть, чем жить».

Общение с останками умерших святых призвано даровать надежду, чувство благодати. В некрофилической парадигме фетишизируются мощи великих политиков и святых. Символом вечности и неизменной благотворной власти святого или политика являются их нетленные останки. Поэтому, никогда не зарастет народная тропа к усыпальнице Хо Ши Мина, мощам Симеона Верхотурского, мавзолею Ленина. Верующий нуждается не только в изображении, иконе святого, но и в тактильной евхаристии, физическом контакте с его останками. На протяжении тысячелетий в Египте производился лекарственный порошок из древних мумий, призванный выполнять магические функции. Мумии животных и людей являют собой вечную молитву богам, через них достигается доступ

к их всемогуществу. Через мощи, выставляемые в церквях, дух святой призван нисходить в души и на тела людей.

Устойчивое стремление к древней тотемистской технологии причастия – вкушению крови и плоти божества, его мумифицированных представителей – рассматривается в качестве пути спасения. Некрофилическая – тотемистская и общерелигиозная – евхаристия есть общечеловеческая архетипическая установка, есть классическая форма сакральной некрофагии.

С первых веков существования в христианском мире распространены крипты – места захоронения монахов, святых в катакомбах в виде костей, черепов, служащие местами богослужений. Широко известная чешская церковь Костница богато декорирована человеческими костями.

Почитание, сакрализация покойных характеризует всю историю человечества. В покойном состоянии человек пользуется гораздо большим почитанием и любовью, чем при жизни. Он становится приближенным, «родственником» Бога. До сих пор деревенские жители на кладбищах ведут себя как в храме: крестятся на входе, у могил, которые выполняют функции икон. Через могилу покойного, мученика открывается связь с Богом. У суфиев высокая шапка символизирует надгробие, черные одежды (как и в христианстве) – могилу.

После смерти условно сакральный фараон окончательно становится Богом (даже если при жизни для современников он был «кровавым»). Смерть – простейшая технология сакрализации как первоправителей, так и рядовых членов общества.

Добровольная смерть оказывается предпочтительней насильственного прозелитизма, смены веры, воспринимаемой в качестве потери спасения. Нормы Талмуда позволяют иудею убить себя, если иначе он может впасть в грех идолопоклонства. В средние века групповой суицид осуществляли целые иудейские общины, которым грозило насильственное крещение. С середины XVII столетия в течение более двух столетий десятки тысяч российских старообрядцев сжигали себя в избах-скитах, спасая душу в противостоянии никонианскому православию. И сейчас мы слышим воззвания: за «предатель-

ство веры», за выход из православия, ислама – смерть.

Людей с некрофилической ориентацией притягивает созерцание мертвых тел, их влечёт на кладбища, на отпевание. Религиозный путь понимается в качестве удалённости миру, смерти при жизни. Некрофилы благоговеют к мёртвым и цинично относятся к живым. Почитая только умерших святых, боясь, преследуют современных богословов и мистиков. Историческая институциональная церковь исходит из идеологии: святой не может быть живым, «хороший святой – это мертвый святой». Беатификация, сакрализация святых возможна лишь после смерти. Некрофилы переживают состояние энтузиазма при созерцании статуй, мощей святых, статичных икон. Некрофил видит мир падшим, лишённым значимости, святости, абсурдным, «дерьмообразным», а будущее его – ужасным, апокалиптическим. Эмпатийные чувства к миру и чужой жизни исключаются. Циничное отношение к миру есть форма проекции собственных подавленных комплексов неполноценности.

Жесты некрофила безжизненны, однообразны, лицо не выражает ничего, кроме отчуждённости, плохо скрываемого цинизма, презрения. Мумифицированность мимики и жестикологии зачастую подается и воспринимается в качестве признака святости. Голос лишен жизненных оттенков. Смех его функционален и коммуникативен, в целом оценивается в качестве проявления ереси и богохульства. Он тяготеет к механическим ритуалам, многочасовой изнуряющей церковной службе.

Некрофил предпочитает темную, черную одежду, понимаемую в качестве одеяния заживо погребённого, символизирующую смерть для мира при жизни. Мирские, яркие цвета в одежде оцениваются в качестве признака безбожности. Образ жизни и одеяние монаха призваны символизировать архетипическую идею «смерти в миру – ради рождения свыше».

Некрофилический паттерн, анализируемый Э. Фроммом, соответствует анально-садистическому характеру и инстинкту смерти З. Фрейда. Когда, по замечанию первого, «вещи правят человеком, мёртвые – живыми; некрофил всегда предпочитает иметь, а не быть»³. Для некрофилов ограничения священные, жизнь, полно-

та, избыточность – греховны. Они почитают смерть во имя веры – свою и чужую. Религия в качестве системы – невротизирующих – психологических защит возникла из необходимости примирить человека с ужасной жизнью и с ужасной смертью. Сделка со Всемогущим, по-видимому, не состоялась, обеты ради устранения смерти оказались напрасными, и человеку остается лишь «получать удовольствие» в ожидании опыта фатального ужаса.

Некрофилы, согласно Э. Фромму, живут прошлым и не живут будущим. Они не живут и настоящим. Это традиционалисты. Агрессивное отношение к новому в религии, отождествление его с «еретическим», сакрализация прошлого, неизменности, противостояние творческому, ортодоксия также носят некрофилический характер.

Религия превращается в стратегию умирания. Некрофил аккумулирует нездоровье. Болезни телесные рассматриваются в качестве критерия здоровья духовного, печати богоизбранности. «Страдающий плотию, – пишет ап. Петр, – перестает грешить» (1Пет. 4:1). И аскетизм выступает первичной формой некрофилии. Полагается, что устранение чувств есть путь превращения человека в праведника. Человек, призывающий к этому, подспудно стремится к добиологическому состоянию. Н.В. Гоголь уморил себя голодом, постом. Его духовник внушал отказаться от творчества, от Пушкина. Пролонгированное самоубийство Гоголя было связано с религиозными поисками. Последними его словами были: «Как сладко умирать».

Некрофилично-суицидальный «инстинкт» Танатос одновременно сублимирует и Эрос. В религиозной жизни обыденным правилом является поцелуй мощей, могильных стел (те же самые действия, но в «мирской» форме, вызывают отвращение). В храме неприлично не целовать трупы. Сексуальная некрофилия также выполняет литургические функции: она «ритуально преодолевает окончательность смерти, воплощая тем самым потаенные упования человечества, но одновременно десакрализует страх перед нею, нарушая тем самым одно из наиболее прочных табу, доставшихся нам в наследство от предков»⁴. В парадоксальной форме она трансформирует безусловность смерти в ее

условность, ограничивает и вытесняет смерть жизнью и любовью.

Для пассивного некрофилического религиозного типа характерны угрызения совести и чувство вины, превращающиеся в маниакальные комплексы. Такой человек позитивно оценивает негативные повороты судьбы, видя в них оправданное наказание свыше. Некрофил близок женскому началу. Один из атрибутов Инь – это пассивность, смерть, небытие. Он стремится создавать проблемы, «наткаться на углы», подвергаться суетному риску, цинично относится к чужой и собственной жизни. Некрофил ничего не боится: он ищет дело, ради которого можно пожертвовать жизнью. Суицидальная установка личности рационализируется и сакрализуется: обосновывается необходимостью выработки адреналина, зарабатывания денег на опасной работе, самопожертвования ради божественных целей.

«Активные» некрофилы верят в то, что ради религии и Бога возможны манипуляция, репрессии, убийства. Испытывая стремление к осуждению, вынесению приговоров, наказаниям, уничтожению неверных ради спасения они любят приносить в жертву Богу чужие ресурсы и жизни. В технологии инквизиции насильственная мучительная смерть является гарантией спасения заблудшей души еретика. Собственные решения представляются им проявлением божественной воли, чужие, не совпадающие с ними – ересью. Жизненность активного некрофила проявляется в агрессии. Они освящают смерть, военные акции, орудия убийства. Участие в военных событиях против «неверных» оценивается в качестве подвига веры, определяемого перстом Божиим. На войне во время христианского поста не возбраняется потребление мясной пищи. Поражение врагов отечества выступает гораздо более священным долгом для христианина, чем соблюдение заповеди «не убий». «Активные» некрофилы – это некрофаги.

Некрофагия проявляется в «бархатных», незаметных (при этом во всем известных), «духовных» формах. В ситуации тотального обнищания значительной части населения страны обильное госбюджетное финансирование церкви. На фоне «демократической» поляризации доходов населения строительство дорогостоящих храмо-

вых комплексов. Принятие «антисиротского» закона – это откровенная некрофагия. Если бы мы были поэтами, то могли сказать: «Страною правят некрофилы и некрофаги».

К «некрофильским профессиям», отмечает Е. Горный, относятся те, которые связаны не столько с сохранением мертвого, сколько с манипуляцией живым: идеолог, политик, «политтехнолог». Им присуще чувство избранности, циничное отношение к «морали», что и мясникам или патологоанатомам. Они воспринимают мир как «мир объектов», в котором единственным субъектом являются они сами⁵. Цинизм российских «виннеров», «олигархов», чиновников также носит некрофилический характер. (Следует признать, что и в самой дисциплине история философии также достаточно некрофилии, «духовного родства» с деятельностью таксидермиста. Историк философии – это некромант, маг, «оживляющий» мертвые тела и вопрошающий их неупокоенные души ради решения собственных жизненных проблем).

Некрофилы любят официоз, статусность, отчужденность, технологичность, закон, институциональность, бюрократизм, государственную власть (для которой в России также характерно деструктивное некрофилическое отношение к собственному народу). Все проблемы, отмечает Фромм, некрофилы стремятся решать только с применением силы, тяготеют к запретительным мерам; требование репрессий против инакомыслящих является некрофилической чертой⁶. Они стремятся к взаимовыгодной поддержке деструктивных («сатанинских») политических режимов.

В истории суицид зачастую оказывается последней формой социального протеста. (В суициде человек приобщается к таким атрибутам Бога как всемогущество и свобода). Его церковный запрет выступает формой подавления протестных устремлений, утверждения власти в отношении последнего, «ультимативного» проявления воли человека.

Некрофилическая интенциональность характеризует не только индивидов и малые группы, но и общности национальные, государственные. Подобная суицидальность – в виде разрушения образования, науки, здравоохранения, культуры, интеллекта – синонимична таким понятиям как «регрессия», «вырождение».

В соответствии с критерием исторической продолжительности, массовости восприятия и проявления, некрофилия есть утрामбованная в индивидуальное и коллективное бессознательное архетипичная, априорная инварианта человеческой психики. Некрофилия – не всегда осознаваемый фон, «замес» любой религиозности и многих форм повседневной жизни.

Литература:

1. См.: Романов А.В. Вера и религиозность. – Издательство Урал. гос. пед. ун-та. – Екатеринбург, 2004;

Романов А.В. Парадигма религиосинтеза // Психологические проблемы развития и существования человека в современном мире: Сборник научн. трудов // Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2009. – С. 89–111.

2. См.: Барт К. Послание к Римлянам. – М.: Библийско-богословский институт св. апостола Андрея, 2005. – С. 132, 133.
3. Фромм Э. Адольф Гитлер: клинический случай некрофилии. – М.: Высшая школа, 1992. – С. 18.
4. Горный Е. Некрофилия как структура сознания // (Электронный ресурс). – Режим доступа: <http://www.netslova.ru/gorny/necro.html>.
5. Горный Е. Указ. соч.
6. Фромм Э. Указ. соч. – С. 16, 20.

Русакова О.Ф., Русаков В.М.

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ СМЫСЛ ДИСКУРСА ВОЗМОЖНЫХ МОДЕЛЕЙ КАРТИН МИРА

(Доклад подготовлен при поддержке Уральского отделения РАН в рамках курсных программ фундаментальных научных исследований, проект № 12-И-6-2066)

**Русакова
Ольга Фредовна**

доктор политических наук, профессор, заведующая
отделом философии Института философии и права
УрО РАН, президент МАДИ

**Русаков
Василий Матвеевич**

доктор философских наук, профессор,
Институт международных связей

Вопрос о возможных/невозможных моделях картин мира имеет не только эпистемологическое значение (проблема конструирующей способности сознания и мышления), но и вполне прагматическое измерение: когда «внезапно» рушится одна картина мира и на ее место водружается прямо противоположная – общество испытывает социальную травму. Так, до начала II-й Мировой войны не только немцы считали невозможным фундаментальное перерождение всех мировоззренческих и смысложизненных ориентаций в картине мира (жившей в общественном сознании) подавляющего большинства населения Германии, сделавшее возможным совершение массовых преступлений против человечества и человечности. Процесс «денацификации» немецкого

общества растянулся на десятилетия и стал крайне болезненным. В настоящее время Россия переживает аналогичный период тотальной деструкции прежней просветительской, сциентистско-рационалистической и гуманистически-утопической картины мира: под давлением государственного пресса клерикализма, насаждения иррационализма в массовом сознании и сервильности в поведении людей производится построение картины мира, еще совсем недавно казавшейся в принципе невозможной. Страна и общество решительно подталкиваются к национальной катастрофе.

Речь идет о процессах не только в массовом сознании. С разрастанием потребительского общества «коррозии» подвергается научная картина мира или ее существенные

фрагменты – в оборот властно запускаются всевозможные псевдонаучные картины «конца истории», «однополярного мира», «глобального потепления», «глобального похолодания» и т. п.

Более того, на волне постмодернистского нивелирования всех дискурсов, эпистемологического анархизма («все дискурсы равноправны») производится систематическое внедрение идеи о том, что не только любая модель картины мира имеет право на существование («это моя точка зрения, имею право»), но дискредитируются любые попытки сравнения их и тем более – выяснения их состоятельности/несостоятельности. Например, под соусом тезиса о том, что любые моральные, политические, ценностно-мировоззренческие принципы и нормы имеют чисто конвенциональный, игровой характер.

Различные картины мира – общенаучная, частонаучные, ненаучные, антинаучные, – «живут» в системах так называемых антропологических практик или «практик себя» (М. Фуко), т. е. способов собственно «человеческого» существования: что в данном обществе индивида делает «человеком»? Для нас здесь важно то, что антропологические практики, приобрели столь бесчеловечный характер (тотальное отчуждение, наркотизация, всевозможные формы «эскапизма», иррационализация общественного сознания), что впору говорить о «деантропологизации» человека и общества. Возникает вопрос: способно ли общество сегодня достаточно ясно сформулировать, что оно понимает под человеком и «человечностью»? А в этом сегодня самым прямым и непосредственным образом нуждаются такие сферы, как образование (кто получится в итоге образования?) и воспитание, медицина (что или кого лечим?), юриспруденция и экономика, наука и политика. Каков будет человек, и в чем будет заключаться человечность в новом тысячелетии – сегодня конструируется широкий спектр картин мира и места в ней человека и всевозможных сценариев его ближайшей судьбы («Homo loudens», «киборг», человек потребляющий и т. п.).

Не случайно, в современной философско-антропологической литературе возникла тема «антропологической катастрофы». А. Азимов

в своей работе «Выбор катастроф» (Москва, 2003) проницательно заметил, что термин «катастрофа» хорошо выражает суть сложившейся ситуации, поскольку означает крутой поворот, вначале которого не просматривается его конечная часть. Другими словами, человечество вступает в такой период своего изменения и развития, результаты которого сегодня пока что не поддаются никакому прогнозу: одно ясно, что такими способами, какими оно существовало до сих пор («практиковало себя»), далее оно существовать не сможет, а отказаться от них оно не в состоянии. В некотором смысле это можно охарактеризовать как «точку бифуркации».

Добавим, что нынешние условия тем радикально отличаются от прошлых эпох, что новые антропологические практики, в которых формируется «новый человек», не вызревают стихийно в течение длительного исторического перехода, а сознательно разрабатываются, массированно и агрессивно навязываются в качестве «побочных», прикладных аспектов таких социальных «технологий», как безудержная нажива и обогащение любой ценой (торговля оружием, порнография, наркоторговля, работоторговля и торговля органами), обеспечение безоговорочного монопольного (привилегированного) положения в мире, экономике, политике – любыми средствами, клерикализм, терроризм и экстремизм, наркотрафик.

Характерной особенностью нынешнего конструирования различных картин мироздания и места в нем человека является введение в него альтернативности и вариативности – как одного из основополагающих принципов. Другой особенностью является разрастающаяся виртуализация реальности. Картина мира наполняется широким спектром симулятивных практик, внешне предлагающих каждому индивиду «делать себя» как угодно произвольно, не привязываясь ни к биологической, ни к социальной «телесности», ни к каким-либо фундаментальным ценностям (реализующимся в социальных институтах). Любая прежняя «константа» человека и человечности может быть произвольно диверсифицирована или плюрализована: пол, возраст, брак и семья, облик

(лицо), деторождение и т. д. Пол оказывается куда более вариативен, чем гендер. Возраст достаточно произвольно модифицируется, теряя «привязку» к количеству прожитых лет и социальным функциям (инфантилизация, тотальное тинэйджерство, технологии «ювенилизации»). Однополые браки и суррогатное материнство, экстракорпоральное оплодотворение кардинально меняют фундаментальные «устои» того, что мы связываем с человеком, человечностью и ее нормой. Пластическая хирургия, современная гормонально-стероидная диетология и трансплантология в скором времени покажутся детскими забавами в свете перспектив агрессивной генной инженерии, технологии стволовых клеток и фармакологического «парадайзинжиниринга».

В таких условиях интенсивно размывается ценностно-смысловое ядро традиционно почитавшегося ясным концепта «человек»: на практике все труднее оказывается прийти к консенсусу по вопросу о том, что считать признаком человека и человечности, поскольку то, что считается нормой и идеалом для одних (правоверный, моджахед и шахид, гей и транс-сексуал), то для других означает зоологический трайбализм и преступный фанатизм, либо загадочную болезнь. В условиях политэтничности и многоконфессиональности современных обществ и практики превращения всех даже самых мельчайших социальных групп в автономные субъекты социальной жизни – такое противоречие ведет к накоплению громадного объема взрывоопасного социального материала. В прошлые эпохи такие конфликты стихийно возникали, стихийно же и разрешались в течение достаточно длительного периода (например, путем геноцида или тотальной насильственной ассимиляции). Современный мир выработал небывалые ранее нормы и институты, ориентированные на обеспечение права на существование любой возможной картины мира и ее субъекта, но и небывалые средства насилия, манипулятивного воздействия, опосредованного принуждения и массового уничтожения.

Как глубоко отметил Ю. Хабермас, современная господствующая политическая картина

мира обогащается такими оксюморонами, как «гуманитарная бомбардировка», «гуманитарная интервенция».

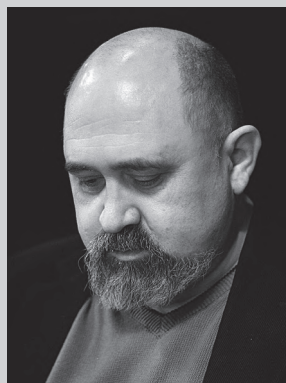
Дискурс-анализ калейдоскопически мелькающих сегодня картин мира (повторим, как научных, так и вненаучных и антинаучных) эвристически продуктивно нацеливает нас на рассмотрение по крайней мере трех весьма актуальных аспектов этого явления – а) семиотического, б) институционально-прагматического и в) кратологического. А) Дискурс возможных картин мира интенсивно переозначивает семиотическое пространство современной культуры, радикально меняя как смыслы (старые и вводя новые), так и смысложизненные ориентации: для идеологического оправдания этой системы придумана теория о крушении в XX веке всех фундаментальных идеологий (гуманизма, коммунизма, христианства, либерализма). Б) Дискурс возможных картин мира стремительно обрастает разнообразными институциональными воплощениями: под эти картины создаются общественные фонды, исследовательские центры, составляются конвенции и заключаются международные договоры, прорабатываются различные санкции. В) Дискурс возможных картин мира обладает определенным властно-распорядительным ресурсом: как известно, даже научное сообщество, «исповедующее» ту или иную парадигму, выступает мощной силой, способной навязывать ее другим и длительное время сопротивляться новациям, проводя свое влияние через множество институтов – а тем более транснациональные корпорации, бизнес-сообщества, профессиональные организации.

Социально-философское знание явно находится в состоянии глубокого кризиса, заключающегося в утрате коренных смысло-жизненных ориентиров, которые бы направляли конструирующее сознание, т. е. сознание, конструирующее возможные модели мироздания. Однако складывается убеждение, что глубокий кризис переживают не фундаментальные ценности, а тот способ организации общественной жизни, который был навязан России определенной социальной группой в ее узкогрупповых своекорыстных интересах.

Богомяков В.Г.

ДИСКУРС НЕИМПЕРСКОГО ПРОСТРАНСТВА

(Мы публикуем данный фрагмент новой книги В.Г. Богомякова, представленный в качестве доклада на конференции «Дискурс индонезийского травелога» (5 февраля 2011 г., Нуса-Дуа, о. Бали, Индонезия))

Богомяков
Владимир
Геннадьевич

доктор философских
наук, профессор
Тюменского
государственного
университета,
академик МАДИ,
г. Тюмень

Уходит в прошлое традиционная геополитика: немецкая классическая геополитика с её примитивной метафизикой, абсолютирующей фатальную борьбу Левиафана и Бегемота; англо-саксонская геополитика с её одномерным прагматизмом. На её место приходят более сложные способы осмысления взаимоотношений человека и пространства, такие как геософия, геокультура, геопэтика. Развитие этих направлений стимулируется ожесточённым поиском идентичности во всех уголках современного мира, попытка осмыслить себя и пространство, в котором мы обитаем, в новом глобальном и человеческом контексте. Далеко не случайно в последние годы у нас в стране появляются такие странные, на первый взгляд, художественные течения, как геосимволизм, который хочет, по всей видимости, основываться не на имперской, этатистской географии, а на географии личностной и групповой. Развивается психогеография, возникшая ещё в середине прошлого века, в качестве «городского релятивизма», формирующего особый подход к урбанистическому пространству. В этом же ряду следует назвать и травелог, для которого весьма важен момент герменевтический: попытка описания и понимания иных

культур, существенно отличающихся от нашей собственной культуры. Новая геософия и геокультура уходят от монизма, фундаментализма, элементаризма и редукционизма, свойственных классической геополитике.

По нашему мнению, для новой геософии весьма интересным становится двойничество стран и территорий, параллелизм существенных характеристик и условий развития, который может принимать совершенно различные формы. Семантика страны-двойника предполагает, как правило, амбивалентность двойнических отношений: одинаково вероятны и желание избавиться от страны-двойника, и слиться с ней. Двойничество часто постигается через обнаружение неких глубинных связей, свидетельствующих об общей судьбе, благодаря которой две страны рассматриваются в качестве стран-близнецов или же стран-антагонистов. Зачастую между двумя странами-двойниками возникает некая зеркальность: иногда это способ быстрого установления взаимоотношений, когда субъекты настроены на одну волну и даже повторяют жесты друг друга. Но иногда одна культура видит в другой лишь полную инаковость или экзотику и, пристально всматриваясь и всматриваясь в незнакомые черты, вдруг убеждается, что, по сути дела, мало чем отличается от этой экзотической культуры.

Весьма интересно посмотреть с этой точки зрения на Россию и Индонезию, страны, вроде бы, совершенно непохожие и культурно далёкие, хотя и ту и другую страну символизируют похожие птицы: Россию – двуглавый орёл, а Индонезию – Гаруда Панчашила. Если Индонезия – это «ожерелье экватора», то Россию с полным правом можно именовать «ожерельем Северного Полярного круга»: для многих стран и культур Россия – суровая страна льдов, снегов и жестоких морозов.

Индонезия – крупнейший в мире архипелаг – в его состав входит 17 000 островов (иногда называются цифры большие и меньшие). Россия – тоже архипелаг, где островами являются населённые пункты и деревеньки, затерянные среди тайги и болот Сибири и Дальнего Востока. Индонезия и Россия – страны исчезающих островов: в России за 20 лет исчезло 23 000 посёлков и деревень; в Индонезии в связи с хозяйственным освоением и другими факторами тоже исчезают острова, по поводу чего грустит индонезийское сознание, подобно тому, как русское сознание грустит по поводу исчезающих деревень. Наверное, Иван Ильин Индонезию, точно так же, как и Россию в своё время, мог бы назвать «страной с разбегающимся пространством». Это «разбегание пространства» чревато двумя тенденциями, которые постоянно продуцируются в новых исторических условиях: тенденцией авторитарной власти и твёрдой руки, и тенденцией противоположной – анархической.

Обе культуры воспринимают себя в качестве земель многолюдных, хотя Индонезия, в которой живёт более 200 млн. человек, занимает сейчас четвёртое место в мире по численности населения, Россия же – всего только девятое. Населены две страны крайне неравномерно: наряду с огромными мегаполисами (Джакарта и Москва) есть территории, где не ступала нога человека. Индонезийский лозунг «единство в многообразии» подозрительно напоминает «цветущее многообразие» Константина Леонтьева и индонезийское этническое многообразие и в самом деле поразительно: как и в России, здесь живёт тысяча этносов, многие из которых совершенно далеки друг от друга, подобно жителям Кавказа и ямальским оленеводам. Д. Крылов в книге «Индонезия» пишет, что индонезиец скромн, добр, незлобив и богобоязнен, словно русский крестьянин, согласно теории официальной народности графа Уварова. Сначала Ф. М. Достоевский, а за ним и Р. Челлен противопоставили Россию остальным европейским державам в качестве молодой страны; теперь такое противопоставление получило новый смысл после слов президента

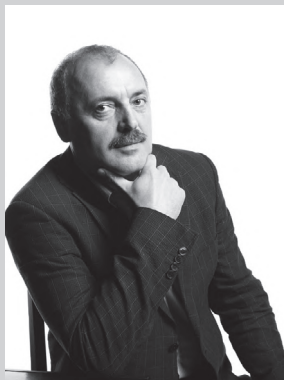
Д. А. Медведева о том, что Россия молодая страна и всё у неё впереди. Индонезия – страна с тысячелетней историей тоже ощущает себя, как молодая страна, совсем недавно сбросившая оковы колониализма и устремлённая вперёд.

Но, самое главное, Индонезия, как и Россия, по всей видимости, не очень понимает, как ей распорядиться всеми своими огромными богатствами и бесконечными пространствами, с трудом видит своё непонятное таинственное будущее. Сидит индонезиец на улице, никуда не спешит и молча смотрит вдаль; принесла ему жена тарелку риса, съел её степенно и опять вдаль глядит и молчит, и различает там вдали что-то одному ему ведомое. Вот так и русский крестьянин, писал Ф. М. Достоевский, заедет зимой в лес, – снег, тишина, а он остановится, как вкопанный и замрёт и смотрит вдаль и различает там вдали что-то одному ему ведомое.

В своей книге я хочу поразмышлять о взаимоотношениях человека и пространства. Геополитически-эстетическому пониманию пространства и его освоения будут противопоставлены иные человеческие, гуманистические подходы, которые бурно развиваются в последние десятилетия. Человек имеет право на пространство и на своё личностное самоопределение по отношению к пространству вне самоопределения национально-этнического или государственно-политического. Будут описаны различные современные пространственные практики, возникновение которых, по всей видимости, связано с выработкой нового позитивного понимания пространства, когда оно выступает для человека в качестве важной ценности и особого авторитета. Не лежат ли в основе данных практик пустые или ложные цели? По-моему мнению, нет, и залогом этого является тот восторг, который наполняет душу человека, когда он оказывается один на один с пространством.

Саранчин Ю.К.

ГЛОБАЛИЗМ И ЕВРАЗИЙСТВО – ВОЗМОЖЕН ЛИ КОМПРОМИСС?

Саранчин
Юрий
Константинович

доктор философских
наук, профессор
Уральского
государственного
экономического
университета

Историческая судьба России в ее трагических противоречиях опять заставляет исследователей обращаться к проблеме зависимости российской цивилизации от пространства, неразрывной связи государства и пространства. В то же время удельный вес работ, посвященных исследованию специфики и реальному устройству российского пространства обсуждается, крайне мал по сравнению с публикациями, посвященными самобытности русской культуры и исторического пути государства российского. Пространство России по-прежнему мифологизировано и мистифицировано. Это относится как к научным публикациям, так и к реальной политике России, проводимой на территории евразийских государств.

В современном цивилизационном развитии человеческого сообщества в предельном случае выявляются два вектора: евроатлантический (глобализм) и локально-цивилизационный (к которому можно отнести и евразийство).

Сегодняшние попытки социально-экономического реформирования России, а также связанные с ними явные провалы и неудачи, объясняются, прежде всего, тем, что в основу принципов осуществляемого курса её модернизации была положена изначально ложная теоретическая посылка, связанная с первым вектором, суть которой как раз и заключается в том, что в её основе расположен современный

вариант либерализма (неолиберализм), утверждающей, что судьбы всех стран мира, в том числе России, подчинены действию единых для всех законов общественного развития, позволяющих определять магистральное направление развития человечества. Это значит, что существует общий, универсальный путь экономического, социально-политического и культурного развития, открытый США и рядом европейских стран, по которому должны следовать все государства, стремящиеся к процветанию и развитию. При этом природные, социальные и национальные особенности несущественны. Все человечество, так или иначе, «обречено» развиваться в направлении свободного рынка, демократии, роста свободы и индивидуализма, ограничения роли национальных государств, доминирования международного права над национальным правом, защиты прав человека и так далее. За данной методологической установкой явно просматриваются идеологические ценности «евроатлантического либерализма». С этой точки зрения все противоположные представления о возможных вариантах развития есть некий артефакт, выходящий за рамки этих «ценностей», умышленно навязываемый обществу противниками данной методологической установки. Обращает на себя внимание факт, что в России сторонников евроцентризма несколько не смущает их понимание современного социального развития, напоминающее основной постулат советской идеологии, что единственно верный путь развития всех стран и народов – это путь к коммунизму.

Успехи в социально-экономическом развитии таких стран, как Япония или Южная Корея, трактуются идеологами неолиберализма как «незначительные отклонения», обусловленные спецификой этих обществ, которые со временем будут преодолены. Между тем, успешными после Второй мировой войны они стали во многом благодаря тому, что особенностью их развития стали не идеалы «евроатлан-

тического либерализма», а национальные традиции, глубоко укорененные в сознании народов этих стран и связанные с ними представления об особенностях японского или корейского «национального духа». Всё это может служить иллюстрацией тому, что особенности развития стран не есть «досадное отклонение», которое необходимо преодолеть во имя навязываемых утопических идеалов, а то, что социальный мир по своей сути многообразен. Различным культурно-историческим типам, запечатленным в определённых национальных традициях, обычаях и нравах, в религиозных верованиях, фольклоре и литературе, соответствуют различные типы социокультурного и хозяйственного развития. Все цивилизации разнятся своими системами ценностей, отношением к природе, труду, своим пониманием обязанностей перед семьёй, коллективом, обществом. Именно недооценка социокультурного разнообразия цивилизаций как особого мира со своей цивилизационной идентичностью, может служить основной причиной неудач реформирования любого социального организма. В результате становится очевидным то, что реализация социального проекта в контексте «евроатлантического либерализма» возможна только при одном условии. Новые идеалы должны получить свое глубокое духовное обоснование, войти в плоть и кровь народа, а не базироваться на одном лишь интересе к высокому материальному уровню жизни в западных странах. Следуя этой логике, социальное ориентирование народов в духе идеалов новой демократии объективно невозможно в короткий срок. Необходима смена многих поколений людей, чтобы новая идеология была воспринята ими, а старые традиции стали достоянием истории. Поэтому там, где курс на вестернизацию не удаётся внедрить «мирным» путём, его навязывают извне при помощи разнообразных санкций и даже оружия.

Что касается России, то ускоренное внедрение либеральных идей и её движение в сторону евроцентризма, то есть в сторону сочетания рынка с полной внешней открытостью миру, иначе как заведомо ложным определить нельзя. Наиболее приемлемое решение для

самоопределения России – это позиционирование себя в рамках концепции локальных цивилизаций, другими словами, осознание своей национально-культурной идентичности и смене модели экономического развития, ориентированной, прежде всего, на внутренний рынок.

Хорошо известно, что функционирование и развитие любого общества детерминировано различными факторами экономического, социокультурного, исторического характера, и Россия здесь не исключение. Как говорилось, одним из определяющих детерминирующих факторов в объяснении специфики характера и направленности развития современной российской цивилизации является природно-климатический фактор. Особенности географического положения и тесно связанные с ними особенности исторического пути России, наложили свой отпечаток на формирование сознания русского народа и на весь её многонациональный состав. Приверженность к аскетизму и этике самоограничения, соборность, коллективизм, служение отечеству – все эти качества, свойственные русскому народу, были ему просто необходимы в суровых природно-климатических условиях и были сформированы под их воздействием. Огромнейшая территория при отсутствии естественных природных границ, богатые залежи полезных ископаемых, постоянная борьба в суровых природно-климатических условиях за выживаемость, военные столкновения выступали детерминантами в историческом развитии России и в формировании только ей характерных особенностей (1). Известно, что географические условия являются важнейшими в определении типа и форм хозяйственной деятельности, которые формируются у того или иного народа. Следовательно, западноевропейская форма хозяйствования сформировалась в западноевропейской климатической зоне, которая значительно благоприятней восточноевропейской зоны. Становится очевидным, что в более суровых природно-климатических условиях России, западноевропейская модель хозяйствования просто объективно неприемлема.

Далее, одним из последствий глобализации как процесса вестернизации, является подавле-

ние и выхолащивание национальных культур, что, вне всякого сомнения, ведёт к обеднению мировой цивилизации в целом. Подобное положение в перспективе способно привести к установлению духовного тоталитаризма, где в одномерном, унифицированном мире, люди лишаются ценностей национально-культурной идентичности. Данные тенденции могут спровоцировать жесткую реакцию со стороны незападных наций и породить предсказанное Хантингтоном столкновение цивилизаций.

Но если глобализация объективна и неизбежна, то как человечеству преодолеть указанные угрозы? Ответ, возможно, следует искать в плоскости изменения характера глобализации. В настоящем случае возможны два проекта глобализации. Согласно первому, в общую копилку человечества вносятся проекты и тезисы, обобщающие исторический, культурный, хозяйственный, социальный, политический, национальный, религиозный опыт различных народов и государств. С учётом второго проекта, предполагается, что человечество выбирает, добровольно или под нажимом, в качестве универсальной схемы какую-то одну цивилизационную модель, которая становится общеобязательным эталоном в политике, общественном устройстве, экономике, культуре. Ни у кого не вызывает сомнения, что первая модель глобализации более плодотворна и полезна для всего человечества, хотя очевидно, что в настоящее время реализуется второй вариант, т. е. вариант американизации. В этой связи чрезвычайно интересна позиция крупнейшего историка и философа XX века, А. Дж. Тойнби, который пришёл к выводу, что объединение человечества неизбежно, но путь к нему долог, что это будет синтез всех цивилизаций, и вклад в неё западной цивилизации будет сравнительно скромным (2). Более того, Тойнби полагал, что Запад сам должен обогатиться за счёт других цивилизаций и предупреждал против соблазна быстрого и насильственного объединения человечества. Попытки же реализации первого варианта глобализации требуют от мирового сообщества, в том числе и от России, серьезных усилий,

направленных на обуздание американского «культурного» экспансионизма, и предполагают консолидацию национальных цивилизаций и культур. Многое зависит от способности той или иной культуры к творческому восприятию исходящих извне воздействий, от умения трансформировать заимствованное в соответствии с собственными традициями и ценностями и отсеивать при этом всё то, что с этими ценностями несовместимо. Но это – проблема внутреннего потенциала, творческой состоятельности и состоятельности самой культуры, а не внешних регламентаций и искусственных запретов, стремящихся к сохранению культурной самобытности и национальной идентичности народов. Из вышесказанного следует, что неолиберальная парадигма проигрывает в методологическом отношении евразийской парадигме в объяснении перспектив развития российской цивилизации и сохранения российской национально-культурной идентичности. Да не только российской: в той или иной степени все народы планеты стремятся к сохранению национально-культурной идентичности, к прогрессу своих цивилизаций.

Что касается реальной политики, то в отношениях со странами евразийского региона, который еще только формируется, России необходимо отказаться от политики доминирования. Неверно считать, будто сильный и слабый не могут быть равноправными партнерами. Пришло время уяснить, что лидерство определяется не валовыми, но качественными параметрами экономики, а политический авторитет – адекватностью и последовательностью действий. Россия должна стать привлекательной как государство, как экономический, технологический, гуманитарный, интеллектуальный, наконец, партнер. Сегодня этого нет, что и заставляет молодые государства искать более интересных во всех отношениях друзей.

Литература:

1. В.П. Воронцов. Интеллигенция и культура. М., 2008. – С. 643.
2. Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории. СПб., 1996. – С. 234–236.

Фан И.Б.

«ХОЧЕТСЯ ЖИТЬ В СПРАВЕДЛИВОМ МИРЕ»

ИНТЕРВЬЮ С О.Ф. ШАБРОВЫМ

Олег Федорович Шабров – видный специалист в сфере политического управления, моделирования социально-политических процессов, политических технологий и выборов; доктор политических наук (1998), профессор, зав. кафедрой политологии и политического управления Российской Академии государственной службы при Президенте РФ, Президент Академии политической науки (2009), генеральный директор консалтинговой компании «Академ-Групп», член Правления Национальной коллегии политологов-преподавателей Учебно-методического совета по политологии УМО по классическому университетскому образованию, член научного совета РАПН, член программного комитета ежегодной научной Международной конференции «Информационные технологии в науке, образовании, телекоммуникации и бизнесе», главный редактор научного альманаха «Моделирование в социально-политической сфере».

О.Ф. Шабров родился в 1946 г. в Москве, в 1970 г. окончил факультет физической и квантовой электроники Московского физико-технического института (МФТИ). В 1969–1971 годы – заместитель секретаря, секретарь комитета комсомола МФТИ. Работал в Московском обкоме, ЦК ВЛКСМ, Московском обкоме КПСС, Комитете народного контроля РСФСР. Был заместителем начальника Научно-исследовательского центра

МФТИ. После окончания аспирантуры и защиты кандидатской диссертации (1988) остался в АОН преподавателем, впоследствии был заместителем директора политологического центра Российской академии управления. С 1995 г. – участник и руководитель ряда избирательных, образовательных, PR-проектов агентств «Эмиссар», «Миссия-Л» и других консалтинговых фирм.

Олег Федорович является автором более 130 научных и научно-публицистических работ, среди них: Шабров О.Ф., Анохин М.Г., Дзиев М.И. и др. Компьютерное моделирование социально-политических процессов / Под общей ред. О.Ф. Шаброва. М., 1994; Обновление политической системы России / Автономов А.С., Анохин М.Г., Шабров О.Ф. и др. / Под ред. М.Г. Анохина, В.С. Комаровского, Ю.И. Матвеевко. М., 1996; Шабров О.Ф. Политическое управление: проблема стабильности и развития. М., 1997; Эффективность государственной власти и управления в современной России / Игнатов В.Г., Понеделков А.В., Шабров О.Ф. и др. / Под ред. В.Г. Игнатова. Ростов-на-Д., 1998; Шабров О.Ф. испытание разнообразием: пределы управления в современном мире // Государственная служба. 2007. № 2; Шабров О.Ф. Системный подход и моделирование: общие принципы и специфика применения в политической сфере // Моделирование в социально-политической сфере. 2007. № 1; Шабров О.Ф. Корпоративистское государство в условиях картельной многопартийности // Политическое управление и публичная политика XXI века: Государство, общество и политические элиты / Редкол.: О. Гаман-Голутвина (отв. ред.) и др. М.: РАПН, РОССПЭН, 2008 и другие.

– Олег Федорович, знакомство с Вашей биографией показывает, что иногда Вы довольно решительно меняли основное направление деятельности. Меня поразила тема Вашей дипломной работы «Расчет модели шаровой молнии». Вы «поверяли алгеброй» таинственное явление природы, воспринимаемое большинством людей романтически и даже мистически. Похоже,

у Вас складывались предпосылки карьеры ученого в Институте физических проблем АН СССР, который возглавлял академик П.Л. Капица. Но после окончания МФТИ Вы выбрали карьеру общественного деятеля по линии ВЛКСМ и КПСС. Чем был обусловлен этот выбор?

– Да, была возможность остаться в аспирантуре. Но не в Институте физпроблем. Я ведь был активным общественником, секретарем комитета комсомола физтеха, где я учился. Петр Леонидович был человеком цельным, высоких стандартов и считал, что профессии надо отдавать себя целиком. Он сам говорил мне: выбирай, – или наука, или общественная работа. Остаться в физтеховской аспирантуре мне действительно предлагали, за что я безмерно благодарен моим учителям. Как предлагали и аналитическую работу в КГБ, – разумеется, по профилю моей специальности. Я ведь неплохо учился и претендовал на «красный» диплом. Но чисто кабинетная работа не по мне. Хочется жить в справедливом мире и делать что-то ради торжества справедливости. В молодости мы все немного наивны и чрезмерно верим в себя. Так что когда мне предложили работу в обкоме комсомола, я согласился, не раздумывая.

– Во время перестройки, в 1988 г. Вы защитили диссертацию «Повышение роли народного контроля как важного звена социалистического самоуправления в утверждении социальной справедливости» на соискание степени кандидата философских наук в Академии общественных наук при ЦК КПСС. Затем остались там преподавать. Сейчас Вы стали заведующим кафедрой политологии и политического управления Российской академии государственной службы при Президенте РФ. Таким образом, Вы проделали путь из физиков в философы, а затем в политологи. Возникает впечатление, что Ваша личная карьера развивалась в связи с общественно-политическими процессами в нашей стране и определялась политической конъюнктурой. Так ли это?

– Не совсем так. Конъюнктура, и не только политическая, важна для всех, но не следует преувеличивать ее значение. Я рассматриваю ее как внешнее по отношению к человеку условие, а как он в этих условиях распорядится собой, зависит от него самого. В моем случае нет в этом смысле ничего особенного. Проблема профессионального

выбора встала для меня, как и для всех, накануне окончания школы. Тянуло в разные стороны, я ведь «близнец»: философия и обществоведение, с одной стороны, физика и математика – с другой. И уж, конечно, общественная активность. Надо ведь было и за справедливость постоять, и девчат защищать. Район Москвы, где мы жили, был хулиганистый, вот я и организовал из старшеклассников (мы тогда 11 лет учились) оперативный отряд, который вошел в состав комсомольского оперотряда МАИ, стали порядок наводить.

Ну а поступать я готовился на философский факультет МГУ. Но примерно за полгода до вступительных экзаменов выяснилось, что берут туда только после армии или с двухлетним производственным стажем. Решил переориентироваться, стал готовиться на физтех. Не потому, кстати, что армии боялся. Чтобы «откосить», можно было выбрать что-нибудь попроще. Просто из самомнения: мол, всё остальное ниже моего достоинства. И поступил, с 20 баллами из 20. Но тяга к философии, причем больше к философии социальной, осталась. После работы в обкоме партии я вернулся работать на физтех, сдал экзамены кандидатского минимума и еще не остепенённым стал вести семинары по научному коммунизму у студентов. Я хотел идти в аспирантуру на философский факультет МГУ. Физтеховское руководство даже место для меня в целевой аспирантуре выхлопотало. И я пошел бы, но предложили должность в орготделе Комитета народного контроля РСФСР. Там зарплата была в два с лишним раза больше университетской стипендии, даже целевой. А у меня жена, дети...

Дальше, действительно, политическая конъюнктура. Ведь процесс демократизации начался еще накануне перестройки. Усилилось внимание к общественной составляющей государственного управления, в том числе и к народному контролю. В 1983 году впервые состоялось Всесоюзное совещание народных контролеров. Немного позднее снизился уровень номенклатурных требований к поступающим в партийные учебные заведения. В 1985 году ответственный советский работник моего уровня мог быть принят в Академию общественных наук при ЦК КПСС. Зная о моей тяге к науке, руководство Комитета дало мне соответствующую рекомендацию. Я не раздумывал: стипендия здесь устанавливалась равная зарплате в комитете народного контроля. Защитившись, я по-

лучил приглашение остаться на преподавательской работе, чем и воспользовался с глубоким удовлетворением, навсегда оставив номенклатурную карьеру.

После знаменитого «путча» опять политическая конъюнктура: АОН закрыли, а на ее месте в 1992 году открыли Российскую академию управления. Сергей Владимирович Рогачев, возглавивший политологический центр РАУ, пригласил меня стать его заместителем. Я в то время был фактически безработным. Но мое согласие было продиктовано не только этим. Новое для нас образовательное и научное направление, необычайно интересный в те годы объект исследований – российская политика, сложный, но высокопрофессиональный профессорско-преподавательский коллектив, уважаемый руководитель... Не было ни минуты колебаний. Так я прошел путь от физики через социальную философию к политической науке. Внешне он и впрямь был не прямым, но вполне логичным и внутренне последовательным. В итоге мне удалось в профессиональной сфере реализовать себя, осуществить синтез тяги к науке и к общественной активности. В рамках физики и философии это не было бы возможным: первая далека по своему предмету от общества, вторая – от практики. Докторскую, кстати, я защитил-таки в МГУ.

Но уж в чем меня невозможно, надеюсь, упрекнуть, – так это в колебаниях «вместе с линией партии». И если на моем сайте вывешены не все мои работы, так только потому, что некоторые из них не представляют особого интереса или по содержанию в значительной мере повторяют то, что там уже представлено. Следования «политической конъюнктуре» Вы в них точно не увидите.

– *Можно ли считать, что защита диссертации на соискание ученой степени доктора политических наук по теме «Эффективность политического управления: системно-кибернетический подход» (1998, МГУ) стала для Вас синтезом технического и социального знания? А может быть Ваша позиция – это стремление утвердить не умеренный, но всё же технократический подход в социальных науках? Насколько систему управления государством и обществом можно представить в виде некой машины, механизмы действия которой можно рассчитать? Можно ли полностью учесть роль разнонаправленных индивидуальных действий, продиктованных их свободной волей, роль со-*

циальной неопределенности, случайности, постоянное изменение общественных настроений и ситуации под влиянием борьбы индивидов и групп?

– Да, это синтез. Естественнонаучная подготовка, тем более такого уровня, которую дает физтех, формирует особый стиль мышления. Это главное, конкретные знания второстепенны. Не так важно, где ты работаешь. Ректор МФТИ Олег Михайлович Белоцерковский говорил студентам, что когда они придут на предприятия, в НИИ, им надо будет забыть всё, чему их учили. Главное – научиться добывать знания и ими распорядиться. В наш век конкретные знания устаревают за 10–15 лет. Как примитивно, архаично выглядят рассуждения некоторых «специалистов» от образования (родителям простительно) о ненужности школьникам тех или иных разделов и целых предметов, которые не пригодятся им в жизни!

Что же касается технократизма, то здесь разговор особый и важный. В своей докторской диссертации (ее текст тоже «висит» на сайте) я отвел ему особое место и даже сформулировал восемь (!) «заблуждений технократизма», – заблуждений небезопасных, особенно когда им подвержены большие политики. И еще не самое худшее, когда на общество смотрят как на машину: здесь хоть на права надо экзамен сдать. Самым опасным из этих заблуждений представляется уверенность, что с человеческой памятью можно обходиться, как с любым природным объектом. Призывы «подправить ментальность» не просто наивны. Наличие социальных ценностей, стереотипов поведения, «записанных» в коллективном бессознательном в результате вытеснения опыта всех предшествующих поколений и составляющих основу духовной культуры, отличают народ от населения. Народ – это не те, кто живет на территории страны, а те, кто помнит и чтит своих предков и благодаря этому способен заботиться о будущих поколениях. Ни одна модернизация в истории, – ни в Европе, ни на Востоке, ни в России, – не была осуществлена вопреки традициям. Наши постсоветские трансформации стали наглядным подтверждением того, что политические формы, заимствованные без учета специфики национальной культуры, не только не приживаются, но и разрушают национальную идентичность, атомизируют общество и могут иметь плачевные для него последствия.

Другое опасное заблуждение состоит в представлении, что всеми процессами можно управлять. Ему подвержены, кстати, не только политики. Но в политике особенно опасно не учитывать специфику процессов самоорганизации. И сегодня Россия в очередной раз подходит к так называемой точке бифуркации – ситуации, моменту, когда последствия воздействия на систему становятся принципиально не предопределенными. Невозможно однозначно прогнозировать будущее.

– В ряде публикаций Вы писали о необходимости обратной связи для эффективного политического управления. Подтверждает ли состояние нынешней российской политической системы Ваши теоретические идеи?

– Не совсем так. Обратная связь не просто необходима, она присутствует в любом управлении. Это как третий закон Ньютона: действие равно противодействию. Только в политике, в отличие от механики, обратная связь реализуется не столь зримо и однозначно. Она может быть стихийной или организованной, явной или латентной и т.п. Общество может по-разному сигнализировать власти о своем отношении к ней, например, – уклонением от исполнения, что наиболее характерно для России в период «медленного запрягания». Но неадекватная реакция на сигналы обратной связи неизбежно влечет за собой накопление ошибок управления, и в этом общество не отличается от машины. Отличие в том, что не реализуется также главное предназначение политики: находить компромиссные решения, отвечающие интересам значимых социальных групп. Значит, в обществе растет, к тому же, социальное напряжение, и на смену «медленному запряганию» приходит свойственная России в этой ситуации «быстрая езда». Мне кажется, сейчас у нас всё идёт по теории.

– В одной из статей российское государство Вы назвали корпоративистским. Как долго может существовать такое государство и система управления, нацеленная на реализацию интересов исключительно руководства госкорпораций и исполнительной власти? Ведь цена такому существованию – недоразвитие общества, если не его деградация.

– История дает разные примеры корпоративистского государства. От Италии 30-х с Бенито Муссолини во главе, когда место парламента заняла

палата фаший и корпораций, – до корпоративистских демократий в современной Европе. В последнем случае одной из влиятельных корпораций являются профсоюзы, а совокупное корпоративное влияние уравнивается эффективной партийной системой, результатом чего возникает то, что называют социальным демократическим государством. В России всего этого нет, и в результате, Вы правы, деградация. Иного и быть не может из-за крайней степени деформации каналов обратной связи. Что мы и наблюдаем практически во всех сферах, включая экономику. Ну а что касается сроков и вероятных последствий, то однозначного ответа нет. Во-первых, из-за отсутствия необходимых для прогнозирования научных исследований, а, во-вторых, из-за специфики процессов самоорганизации: в политике возможны лишь сценарные прогнозы.

– В 1990-е годы Вы были руководителем ряда избирательных и других проектов в сфере политики и образования. Наверное, участие в выборах в качестве политтехнолога или консультанта – это не только профессиональная деятельность, но и азартная игра. Как специалист по моделированию политических процессов и генеральный директор консалтинговой компании «Академ-Групп» видите ли Вы какие-либо перспективы для такой игры в России?

– Не только в 90-е, и в «нулевые» тоже. Но сегодня предвыборная игра настолько проста, что потребность в сложных политических технологиях отпала. Хотя за консультациями всё-таки обращаются. Но для азарта необходимо соперничество. Это не азарт картежника, рассчитывающего на фортуна. Это азарт борьбы, когда тебе противостоит умный соперник, располагающий достаточными ресурсами. Тогда действительно интересно, но сегодня о таких проектах приходится только мечтать. Перспектива? Это опять прогноз, о нем я сказал выше. Знаю одно: если перспективы для такой игры в России нет, то нет перспективы и у России.

– Наше время, к сожалению, дает большие основания для отождествления политического управления и манипуляции общественным сознанием. Но перспективы систематической манипуляции безрадостны. Есть ли исторические пределы манипулятивным системам управления?

– Манипулирование – это один из способов подчинения, реализации власти. В какой-то мере

в управлении людьми оно присутствует всегда. И не обязательно это так уж плохо. Разве родители не манипулируют поведением детей, не просят их съесть ложечку каши за папу, за маму... А дети, – не отвечают ли они родителям тем же? Проблема в мере и в целях манипулятора. Одно дело манипулировать любя, другое, – в корыстных целях. И в том, что успешное манипулирование общественным сознанием переводит обратную связь, проявления недовольства из явного состояния в латентное. Тогда у властвующих создается впечатление всеобщего согласия, спокойствия и возможности продолжать в том же духе. Но результат неизбежен: накопление ошибок управления и рост социальной напряженности с последующим взрывом.

Что же касается исторических пределов, то это вопрос важный и непростой. Человечество вообще вступает в эпоху постмодерна, когда информационные процессы, а с ними и возможности манипулирования приобретают глобальный характер. Это касается не только России: сегодня во всем мире люди голосуют не за реального представителя их интересов, а за образ на экране телевизора, за «симулякры» по образному выражению французского социолога Жана Бодрийяра. Это в принципе ставит под вопрос перспективы политического устройства современного государства. И если говорить об исторических (не календарных) пределах манипулятивных систем управления, этим пределом может стать переход к совершенно иной миросистеме, в которой современное государство покажется безнадежным анахронизмом.

– В рамках исследований по грантам Вы занимались оценкой российской правовой системы. Назовите самые общие ее параметры и черты, связанные с функционированием политической системы. Есть ли какие-то позитивные сдвиги в работе институтов права, в утверждении их независимости от исполнительной власти, в осуществлении правосудия?

– Правовая и политическая системы связаны реализацией принципа разделения властей. В России доминирует исполнительная власть, это общеизвестно. Если же помножить эту деформацию на главенствующую во власти роль корпораций, то Вы поймете причины особенностей нашей правовой системы. Отношение общества к ней,

естественно, негативное, уровень доверия низкий. Что касается сдвигов, то объективно судить не могу, поскольку последнее исследование в этой области проводил в 2008 году. Но косвенно судить о них можно по динамике инвестиций в российское производство, прежде всего иностранных. Потому что одним из главных сдерживающих факторов здесь являются риски, связанные с отсутствием правовой защищенности. Пока дела в этой сфере не обнадеживают.

– Каковы возможности и пределы компьютерного моделирования политических процессов?

– Компьютер, – это, конечно, одно из величайших достижений человеческого рассудка, но он всего лишь инструмент, предназначенный для быстрой обработки большого количества информации. Это – его возможности. А пределы ставит сам исследователь своей способностью правильно сконструировать концептуальную модель, подобрать или составить уникальный, соответствующий целям исследования, алгоритм обработки и, наконец, добыть достаточную и достоверную эмпирическую информацию.

– Вы также причастны к разработке новых государственных стандартов в сфере высшего профессионального образования. В чем лично для себя Вы видите смысл этой работы?

– Хотя как-то повлиять на этот странный процесс.

– Как эксперт в области политологического образования, Вы, очевидно, уже сформулировали основные риски для российской системы высшего образования, которые несет данная реформа. В чем они состоят? Поделитесь с неравнодушными читателями, ведь все мы так или иначе вовлечены в этот процесс – в качестве преподавателей, студентов, родителей.

– Дело не только в политологии. Проблема шире. Идея сделать так, чтобы наш диплом признавали на Западе, в принципе, верна. Но ее реализация вызывает недоумение. Если менять, то не форму, а содержание, необходимо было бы поднять уровень требований к качеству подготовки и переподготовки преподавателей. Выпускников физтеха, МГУ и некоторых других авторитетных российских вузов и со старыми советскими дипломами приглашали и в Европу, и в Америку. Что

хорошего дает переход на двухуровневую систему, я не представляю. За исключением, понятное дело, экономии бюджетных средств: далеко не всем бакалаврам государство предоставит возможность продолжить обучение в магистратуре.

На примере нашей специальности, — да и не специальность это уже, а направление, — могу сказать, что бакалавр вряд ли легко подыщет себе работу, ему не хватит знаний там, где нужен специалист. А для продолжения образования по магистерским программам ему не будет хватать общей гуманитарной подготовки: знание культуры, социологии стало для политолога обязательным. Исчез из стандартов, к сожалению, и русский язык, хотя все знают, насколько снизился уровень языковой подготовки в российских школах. Или мы уже не для России кадры готовим?

С другой стороны, существенно сократился гуманитарный цикл в экономических и технических направлениях. Специалистам (язык не поворачивается называть их «направленцами») предстоит работать с людьми и для людей, в обществе и для общества, вне зависимости от профиля подготовки. Если мы хотим еще и двигаться в сторону демократии, то неплохо было бы ожидать, что выпускники вузов освоят хотя бы азы науки о политике, чтобы, как минимум, осмысленно голосовать. Запрос на политологию прямо пропорционален запросу на демократию. Судя по нынешним стандартам, грамотный избиратель в ближайшие годы востребован не будет.

В целом же можно сказать, что нынешние стандарты, особенно магистерские, больше ориентированы на подготовку специалистов узкого профиля, вплоть до ориентации на конкретного работодателя. Это плохо соотносится с потребностями современного рынка труда: постиндустриальный технологический уклад, тем более в условиях модернизации, неизбежно потребует от работника большой профессиональной мобильности. А для этого нужно более фундаментальное и широкое, включая гуманитарное, образование. Кстати, именно оно позволило большинству людей, окончивших советские вузы, адаптироваться к резкой смене технологического и социального укладов, происшедшей за последние два десятилетия. Отсюда и риски. Российский человек, как известно, изворотлив, и новые стандарты позволяют

готовить специалистов необходимого уровня в той мере, в которой недостатки закона будут компенсированы, в традициях России, необязательностью его исполнения. То, что навязывают чиновники, годится скорее для страны, которой модернизация не грозит.

— *У Вас очень внушительный и интересный перечень публикаций. Например, «Место избранных», «Фантомы демократии» или «Политическое управление: система или псевдосистема?». Как рождаются любопытные и неординарные формулировки, выдающие работу не только понятийного, но и образного мышления?*

— «Место избранных» придумал не я, а Роза Цветкова из Независимой газеты. Что до остального — не знаю, высказывают сами. И не всегда, когда зову.

— *В качестве одного из хобби Вы указали игру на гитаре. Какие песни Вы любите петь?*

— Тут я остановился в развитии. Даже семиструнную на шестиструнку не поменял. Люблю романсы — Вадима Козина, например, «Осень, прозрачное утро». По-прежнему пою песни Булата Окуджавы, Александра Городницкого, Владимира Высоцкого. Когда грустно, Сергея Есенина. И обязательная, почти культовая — Олега Митяева «Как здорово, что все мы здесь сегодня собрались...».

Редколлегия журнала «Дискурс-Пи» и коллектив сотрудников Института философии и права УрО желают Олегу Федоровичу удачного осуществления новых проектов и планов, и надеются на плодотворное сотрудничество в будущем!

**Фан
Ирина Борисовна**

доктор политических наук, старший научный сотрудник Института философии и права УрО РАН, член-корреспондент МАДИ

Некрасов С.Н.

МОДЕРНИЗАЦИЯ КАК СЕКСУАЛЬНАЯ КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ

Некрасов
Станислав
Николаевич

доктор философских
наук, профессор
УрГСХА,
действительный член
РАЕ,
член Общественной
палаты Свердловской
области

В условиях «Русского креста» женщины отказываются рожать (не решаются «плодить нищету»), а мужчины отказываются от ценностей семейной жизни, поскольку остающиеся свободными – не только от семейных уз, но и от зоны, наркотиков, болезней – дееспособные мужчины не способны полноценно содержать и воспитывать семью. Старое предложение ЛДПР о введении института многоженства и многобрачия сталкивается с традиционной культурой русской бабы – мужчина должен принадлежать ей целиком. Он нужен, как нужен шкаф в доме. Пусть плохонький, но пусть стоит. Эта острейшая проблема вымирания не только русской нации и замены населения иммигрантами может быть для полноты понимания вписана в конкретно историческую реальность, в которой принято выделять направление развития, главное противоречие и основного врага. Копирование новейшего западного опыта в сфере половой морали и нравственности губительно для России – можно ожидать, что к нам вслед за поборниками толерантности и мультикультурализма придут сторонники асексуального образа жизни и поклонники «нью эйдж» и «чайлдфри». Все это было бы само по себе не столь опасно, но вторжение армий соседей будет неизбежным актом вслед за полным обезлюживанием территории России. Примененный нами термин «обезлюживание» взят из директивы Гитлера к составлению плана «Барбаросса».

В западной традиции принято усматривать три основных типа общества: традиционное общество, модерн, постмодерн. Такая понятийно-образная цепочка «традиционное общество» – «модерн» – «постмодерн» отражает исключительно исторический опыт Запада. Этот опыт выстроен на векторном характере истории, предполагающем Конец истории. Для Запада и глобалистов уже сегодня очевидно, что история заканчивается, для остальных цивилизаций такая постановка вопроса неверна. Подобно тому, как христианство и таинство Троицы – «для эллинов безумие, для иудеев – соблазн», так и идея бесконечности истории – безумие для либеральных глобалистов. В России благодаря деятельности таких успешных политтехнологов как В.И. Ленин и И.В. Сталин был удачно обеспечен новый синтез веры и цивилизации в виде веры русского народа в социализм: в ней произошел уход от формационно-классового подхода, от конфликта надстрочных феноменов науки и религии, церкви и государства. Переход к практическому синтезу веры и цивилизации во многом обеспечил грандиозные успехи СССР, в том числе гарантировал метафизическое обеспечение прочности Великой Победы 1945 г.

Сегодня понимание роли и места России в глобализационном процессе формирования информационного общества нуждается в созидании проектов будущего, конструировании новой духовной идентичности в российском культурном пространстве, в формировании национальной идеологии. Все это должно быть вписано в общую тематику цивилизационного анализа дальнейшей эволюции современного общества: от постиндустриального состояния общества так называемой «третьей волны» (О. Тоффлер) через информационное общество и далее к «обществу знаний». Вводимая нами с группой коллег категория «неоиндустриализма» позволяет поставить вопрос о научной неполноценности и практической несостоятельности навязанной не столь давно нашей стране футурологической неолиберальной и неоконсер-

вативной парадигмы: разрушительной неомальтузианской идеологии устойчивого развития, квазимарксистской идеологии постиндустриализма, американско-канадской маклюэновской мифологии информационного общества, утопизма евроконструкта «общества знаний». В этом мире исключительно западной культуры возникли контрсексуальные тенденции, иногда называемые сексуальной контрреволюцией – появление ряда движений, отвергающих сексуальную сферу жизни человека и открывающую другую скрытую за сексом истину – истину смерти, истину обреченности человека.

Утешение этой истине не может дать ни церковь, ни светские идеологии построения царства счастья и справедливости на земле. Нечто подобное произошло с конструкцией З. Фрейда, обнаружившей свою принципиальную неполноту. В сущности, Фрейд обнаружил это в конце жизни, когда дополнил в своей объяснительной психологической системе полноту Эроса скрытым Танатосом. Также и К. Маркс объясняющую полноту Труд (вспомним ленинское «владыкой мира станет труд» или герценовское «труд – наша молитва») в конце жизни дополняет множеством «превращенных форм». Эта модель дополнения к единому объясняющему принципу распространяется и на И. Ньютона и на А. Эйнштейна – последний допустил существование «темной материи» во Вселенной. В западном обществе с его третьим «крушением Царства разума» усиливается такой объем социальной «темной материи» – асексуалы, сторонниками движений childfree. Усилиями социалистических правительств и социалистических президентов все более внедряется институт однополых браков, где родители нумеруются и утрачивают гендерное и сексуальное измерение. И нам еще предлагают модернизацию в целях приближения к идеалам такого общества!

При президенте Д.А. Медведеве настоятельно ставилась задача модернизации общества, предполагалось вслед за С. Карагановым, что модернизация начнется с модернизации сознания. Все это невозможно, поскольку модернизация начинается с традиционного общества. С. Караганов по сути предлагает разобрать завод заводов Уралмаш, людей разогнать по деревням

и после этого начать тоталитарную модернизацию сознания как десоветизацию народа. Будет ли счастлив народ в таком векторе развития, получит ли он утешение в водке, банной эротике и традиционном православном образе жизни? Полагаем, что нет, поскольку большая часть народа окажется в идеологической и культурной резервации как люди социально неполноценные и неподготовленные к ценностям европейской цивилизации.

Сегодня речь идет о поиске глубинных культурных ресурсов и народной энергии для перехода от подвергнутого в 1990 гг. деструктивной практической критике тезиса (формационный анализ) и амбивалентно утверждаемого антитезиса (цивилизационный подход к культуре в рамках культурологической науки) к жизнеутверждающему синтезу гуманитарного и социально-экономического знания – синергетической матрицы персоналистского коллективизма. Первая попытка исторического утверждения персоналистского коллективизма была предпринята нашими предками в виде «русского социализма». Важнейшей практической задачей сегодня в условиях краха политики мультикультурализма (что было признано летом 2011 г. президентами ведущих западноевропейских государств), на фоне обнаружения деструктивной роли толерантности и политкорректности является сохранение инвариативности культурного наследия и возрождение культурно-нравственных ценностей современного национального государства и современного гражданского общества. Все это возможно только в социокультурной динамике национального кода взаимодействия души народа, цивилизации и религии. Очевидно, что для упрочения лидерства в современном мире наша страна нуждается в разработке и обосновании теоретико-методологических принципов сохранения культурного наследия, теории управления социокультурной динамикой в условиях общего кризиса постиндустриального общества и перехода к неоиндустриальной цивилизационной динамике – третьей модели социализма. Особенно острым при конструировании будущего оказывается для России национальный вопрос – конституционная реформа с целью переименования элементов административ-

ного деления, различие государственной принадлежности и национально-культурного состояния.

Эта проблема может получить удовлетворительное разрешение при помощи выработки модернизационных механизмов культурной трансляции ценностей и артефактов, адекватных культурному коду нации. Важнейшей практической задачей сохранения культурного кода становится контроль за чужими культурными кодами, пресечение попыток диалога и преодоление мифологемы толерантности. Может быть поставлен вопрос о Культурном и сексуальном потенциале русского человека в XXI веке как ресурсе модернизации страны и новой формы реализации «русской идеи», поскольку сегодня «русская идея», к сожалению, реализуется только в альтернативной истории о «попадании в прошлое» и его исправлении – в паранаучных разработках и фантастической литературе русских авторов о возможных путях модернизации. Интегрально в реальности и в реализуемом национальной правящей элитой под модернизацией понимается неоиндустриальный выбор развития. В связи с этим становится понятным, что теперь «иное дано» – исторически России задан не западнический постиндустриальный вектор развития, но неоиндустриальный путь прорыва в будущее.

В России единственным источником власти является многонациональный российский народ. Требуется переход от правых реформ к их следующему этапу – «неоиндустриальному», вбирающему в себя позитивные черты предшествовавших формаций, использующему весь накопленный историей культурный потенциал и специфическую ментальность русского народа. Новая цель развития народа в своей стране – качество жизни, формирование культуротворческого потенциала человека. Естественно, возникает необходимость создания единого культурного проекта научного, религиозного и политико-утопического характера – новой народной мечты как народной идеи о качестве жизни. Необходимость такого Большого проекта задается нуждой в захватывающем в первую очередь русскую молодежь социальном мифе – утопии достойной неоин-

дустриального общества. В основу этого мифа и живой утопии может быть положена только Любовь, только преодоление наступающей сексуальной контрреволюции. Мир можно спаять кровью, но лучше соединить его любовью.

Переход России из мира количества, задающего параметры качества постиндустриальной цивилизации Запада, в мир качественного изменения и прорыва в неоиндустриальное цивилизационное измерение, предполагает обращение к внутренним ресурсам традиционного русского мироустройства. Поскольку нами – в серии проведенных в качестве председателя оргкомитета российских и международных конференций – введено в 2005–2005 гг. в научный и административный оборот понятие «Качество жизни», в 2006–2011 гг. понятия «Неоиндустриализм» и «Вторая индустриализация России», в настоящее время вводится понятие домашнего «репродуктивного труда» женщин и запущена матрица Конституционной реформы для активизации культурного потенциала русского народа как стратегического ресурса комплексной Модернизации России. Понятно, что важнейшей неоиндустриальной ценностью новой эпохи оказываются знания народа, природная сметка и инженерный гений народа.

Поскольку Россия не в состоянии приобрести машины и программы постиндустриальной терминальной стадии развития Запада, отечественным инженерам предстоит создать новые машины и открыть новые научные принципы для неоиндустриальной эпохи, задающие новое неоиндустриальное качество жизни. Женщина способная выращивать и воспитывать талантливых людей становится ключевой фигурой русского развития. Любая утрата наших женщин, вывоз их за рубеж в качестве жен, работниц, служительниц борделей является национальным тягчайшим преступлением и может приравняться к национальной измене, что следует зафиксировать не только в моральном кодексе россиянина, но и в национальном законодательстве. Здесь большое поле работы депутатов новой Государственной Думы.

В Библии женщина – это прежде всего Ева – в переводе жизнь. Она заполняет все

пространство, и только мужчина придает ей форму в ходе замужества. Мужчина и женщина не равны, при достижении пубертатного периода природа делает женщине подарок – мозг ее делает фазовый переход и быстро созревает так, что разница сверстников, однодокров мужчин и женщин достигает 16–20 лет. Зрелый мужчина может понять женщину, полюбить ее и пожалеть. В русской, в том числе православной традиции любить – значит жалеть. Для него женщина ребенок. Ее нельзя испытывать на верность (обязательно изменит), нельзя разрешать свободно общаться с подругами. Все это говорит о необходимости развития Женской доктрины в России, поскольку даже психологи и антропологи слабо понимают специфику женского мышления, женскую логику, структуру женского мозга. По сути, мы – мужчины и женщины – принадлежим к разным видам человека. Все это говорит о неизбежности выделения женских и мужских профессий, необходимости специфического раздельного обучения мальчиков и девочек, темпоритмы созревания которых принципиально различны.

Стало очевидным, что количественные изменения западной контрнаркосекскультуры достигнутые в ходе молодежной революции XX в. – эта мутация культурной парадигмы в 60 гг. – уже привела к деструкции качества жизни, на которое мы более не можем равняться как на устаревшую модель культурной динамики в социальном государстве еврасоциалистического типа. Эта деструкция уже образовала глобальный феномен постсовременной истории и постмодернизма в культуре, в которых как в королевстве кривых зеркал, все наоборот. Для России сегодня речь идет о создании собственного качества жизни, формируемого в созидательном труде миллионов наших граждан – верующих и неверующих, атеистов и теистов – в едином порыве и в соответствии с новым обликом русской национальной идеи персоналистского социализма, которую в наиболее общем виде следует сформулировать так: «За наше свободное качество жизни на основе неоиндустриализма!».

Возвращение России из тупика постсовременности и соответствующего ей постинду-

стриализма предполагает активизацию энергии масс русского народа. Поскольку Россия олицетворяет собой государственное единство русского народа с другими народами российской федерации, государствообразующая роль русских должна состоять в просвещении, образовании, научных разработках и создании неоиндустриального качества жизни. Для нового качества жизни нужна единая социалистическая Россия. Очевидно, что руководству краев и областей необходимо соблюдать требования единого экономического пространства, ввести в ряд показателей неоиндустриального развития важнейший вклад репродуктивного труда женщин в производство человеческого капитала, самоорганизоваться лицам интеллигентных профессий посредством отстаивания своих интересов в четырехсторонних комиссиях по расценкам труда во всех субъектах федерации. Особо важно принять законы об ответственности органов государственной власти за качество жизни граждан РФ. Буквально, если рождаемость падает, фертильность разрушается, мужская потенция в детородном возрасте по психологическим, нравственным, общекультурным и экологическим причинам нарушается, руководители субъектов Российской Федерации несут за это прямую персональную ответственность!

Развитие России предполагает проведение конструктивных экономических реформ в интересах народа, восстановление народной власти на местах, последовательное проведение демократических принципов выбора властей, всемерную поддержку православия, традиционных религий и русского языка на всех территориях, подготовку к проведению конституционной реформы по формированию крупных губерний не по национально-этническому, но по территориальному принципу. Таким образом, превратности XX в. будут преодолены, будет устранена опасность модернизации как скрытой сексуальной контрреволюции, и Россия войдет в III тысячелетие как унитарное могучее государство третьей социалистической модели – лидер нового качества жизни – неосовременности на основе неоиндустриализма.

Кожемякин Е. А., Артамонова Е. С.

СОВЕТСКИЕ МИФОЛОГЕМЫ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ МЕДИАДИСКУРСЕ: ОТ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ ДО МИФОЛОГИЧЕСКОЙ ДЕСАКРАЛИЗАЦИИ

Кожемякин
Евгений Александрович

доктор философских наук,
доцент Белгородского государственного
национального исследовательского университета

Артамонова
Екатерина Сергеевна

магистр Белгородского государственного
национального исследовательского университета

Последние десятилетия, прошедшие со времени распада СССР, характеризуются динамическими принципиальными изменениями дискурсного поля в России. «На смену идеологически обоснованной коммуникативной среде, создающей целостный дискурс, являющийся коммуникативно-языковым воплощением единой концептуальной картины мира, приходит его многовариантность» (Резанова, 2008: 63). Формирование открытого общества способствовало широкой деидеологизации русского языка (Ермакова, 1997; Русский язык., 1996; Скляревская, 2001; Современный русский язык, 2003). Тем не менее, в современном дискурсе по-прежнему частотно цитирование инодискурсивных элементов, обнаруживающих принадлежность к советскому языку. Это преимущественно его идеологические (в советский период развития русского языка слово *идеология* стало преимущественно употребляться для обозначения семантической сферы политического (Кутенева, 2008: 7)) и мифологические фрагменты (мифологемы как языковые носители мифов), так как они являлись «основными единицами тоталитарного языка, передающими определённую мировоззренческую установку и имеющими предписательный характер» (Купина, 2008).

Цель статьи состоит в том, чтобы рассмотреть, какую функцию выполняют и как трансформируются советские мифологемы в современных российских изданиях («Завтра», «Коммерсант», «Известия») с различными

идеологическими позициями и особенностями медиатекстов. Также мы сможем ответить на вопрос, какое отношение к советскому наследию превалирует, и какие фрагменты произведений «мифологической машины» все еще функционируют, открыто или завуалировано.

Как отмечает Г. Г. Почепцов, новые ценности мифологического порядка в раннем СССР постулировались по модели «советский + X», которая акцентировала характеристики, отличные от описывающих «**буржуазное общество**» (Почепцов, 2001).

По этой модели был сконструирован миф о создании новой человеческой формации – **советского человека**, «гармонично сочетающего в себе духовное богатство, моральную чистоту и физическое совершенство» (программа КПСС, 1961), а также мифологема новой исторической общности – **советского народа**, которые по отношению к перечисленным выше характеристикам буржуазного общества должны были занимать противоположный полюс.

«Практически любая область жизни была «закрыта» той или иной мифологемой, – пишет Г. Г. Почепцов. – При этом они работали как некий стабилизирующий фактор, задающий условия функционирования. Такая мифологема действовала как сильный центростремительный феномен, запрещая отклонения от сформулированных эквивалентностей. Эти мифологемы строят подобные цепочки эквивалентностей, задавая необходимую иерархизацию обще-

ства» (Почепцов, 2001). В качестве примеров символов-конденсаторов ситуации исследователь приводит следующие: *мы пойдем иным путем; народ и партия едины; слава КПСС; здоровье народа – богатство страны; ум, честь и совесть; решения <...> съезда в жизнь; решения <...> съезда выполним; профсоюз – школа коммунизма; партия – наш рулевой.*

Фундаментальной чертой «нового сознания» являлся утопизм. В большей степени он проявляется в представлении о социализме (коммунизме). Советские словари определяли эту мифологему как «бесклассовый общественный строй с единой общенародной собственностью на средства производства, полным социальным равенством всех членов общества, где вместе с всесторонним развитием людей вырастут и производственные силы на основе постоянно развивающейся науки и техники, все источники общественного богатства польются полным потоком и осуществится великий принцип «от каждого – по способностям, каждому – по потребностям»» (10). Мифологема коммунизма являлась фундаментальной мировоззренческой мифологемой XX века. В «Истории КПСС» 1986 года говорилось: «Коммунизм стал самой революционной силой развития человечества, господствующей идеологией нового общества, в котором живут уже сотни миллионов населения мира» (Толковый словарь..., 1998: 311).

Близка к мифологеме коммунизма мифологема **пути «к светлому будущему»**, сквозь призму которой «была осмыслена вся история европейского и российского революционного движения и путь культурного, прежде всего промышленного освоения новых территорий, строительства новых дорог, коммуникаций, поселков и городов, предприятий, освоения космоса» (Лелеко, <http://>).

Советская культура позиционировала себя как культура героев, и необходимое предельное напряжение всех сил породило и «трудовые» мифологемы: **трудовой подвиг, передовик, ударник, отличник** и т. д. Как пишет Д. Быков, и это наиболее распространенный современный взгляд на данный тип советских мифологем, «меркой результативности труда в советском искусстве являлось прежде всего

его количество, затем – степень тяжести (желательно максимальная, вплоть до риска для жизни) и, наконец, его иррациональность – в смысле принципиальной нерациональности» (Быков, 2002: 11–16).

Так как движение к коммунизму и светлому будущему должно было осуществляться единомышленниками, связанными чувством идейной близости, в ход шли мифологемы **дружба народов**, под которой понималось «всестороннее братское сотрудничество и взаимопомощь народов и наций, ставших на социалистический путь развития; в многонациональных государствах – одна из движущих сил развития социалистического общества; в межнациональных отношениях социалистических стран – основа единства в борьбе за мир, за сохранение и умножение социалистических завоеваний, за торжество идей коммунизма» (БСЭ), а также **интернационализм** как «международная солидарность рабочих, трудящихся различных наций и рас, проявляющаяся в психологии, идеологии и политике» (БСЭ).

Одной из наиболее фундаментальных черт советской культуры являлся мотив врага и пафос борьбы с ним. Деление на своих и чужих, поиски «чужих» внутри страны и противоборство с капиталистическими странами породили множество мифологем: «враг народа», **загнивающий капитализм, агрессивный американский империализм, вражеское окружение, американская угроза, поджигатели войны** и др. В. Легойда отмечает: «В Советском Союзе роль советской идеи, призванной скреплять общество, долгое время выполняло представление о противоборстве двух систем. Биполярный мир, который идеология послевоенного мира и экономические интересы военно-промышленного комплекса привели к гонке ядерных вооружений, очень четко делил всех и вся на своих и чужих» (Легойда, 1998: 111).

Итак, уточним содержание понятия «мифологема». Мифологемой является то, что следует за словами «миф о ...». Это слово или словосочетание, которое выступает в тексте как имя собственное: «Мифологемы – коллективные и индивидуальные – являются именами

собственными, либо выступают в функции имен собственных. Говорить <...> о содержании имен собственных или, тем более, пытаться разложить это содержание на компоненты, было бы бессмысленно. Однако каждое слово, а мифологема – особенно, помимо своего референциального значения и вне зависимости от того, обладает ли оно сигнификативным значением или нет, в памяти говорящего/слушающего включено в некоторый круг привычных ассоциаций, понятных только носителю данной культуры. Подобного рода ассоциации могут материализоваться в виде постоянных эпитетов или других слов-спутников, сопровождающих, как правило, появление данной мифологемы в тексте» (Лотман, 1982: 395).

Перечислим основные признаки, по которым мы выделяем советские мифологемы в тексте:

- клишированность. Мы понимаем под клише «стилистически окрашенное средство речи, отложившееся в коллективном сознании носителей данного языка как устойчивый, готовый к употреблению и поэтому наиболее удобный знак для выражения определенного содержания» (Ярцева, 1990);

- номинация. Советские мифологемы являются знаковыми языковыми единицами, предназначенными для именования и вычленения фрагментов действительности, формирования соответствующих понятий о них в форме слов, словосочетаний, фразеологизмов, предложений;

- отнесенность к советскому прошлому;
- определенный эмоциональный заряд, магическая функция.

Советские мифологемы в идеологическом дискурсе газеты «Завтра»

Ориентация на Советский Союз, воспроизведение советской идеологии, поиск ответов на актуальные вопросы в прошлом, надежда на возрождение коммунизма, – газета «Завтра» формирует специфическую картину мира, разделяя историю СССР на два периода – «великой державы» времен Ленина и Сталина, которую населяли «люди сверхсознания»

(мифологема «нового советского человека»), и последующий период, когда «Советский Союз, раздавленный гниющей бюрократией, уже не был фактором раскрепощения человека» (№ 16, 2008).

Основной развиваемый миф – демиургическая деятельность Ленина-Сталина в прошлом. Публикации, посвященные Ленину, словно перепечатаны из советских газет времен апогея его культа: речь идет о выдающихся качествах его личности, исторической значимости основателя советского государства:

«Первое, что бросается в глаза в фигуре Ленина, – тактическая гениальность.

... Жестокие и часто внезапные тактические повороты Ленина никогда не были, как это кажется иногда при чтении по диагонали учебников враждебно настроенных к нему авторов, беспорядочными, суетливыми метаниями. Они были всецело подчинены, как движение парусного судна галсами в условиях встречного ветра, достижению стратегической цели, которую он понимал на всем протяжении своей сознательной жизни четко и однозначно.

... Целью Ленина было построение в условиях уже более чем столетней давности более свободного, более справедливого, более гуманистического общества.

И, несмотря на весь ужас, грязь и кровь революционной деятельности и гражданской войны, несмотря на то, что основная часть созидательной работы была сделана уже после его смерти, а во многом и помимо его непосредственных замыслов, она была сделана его людьми и его организацией, любовно собранной и свинченной им буквально вручную – по человечку, по камешку.

И потому он – победитель» (№ 16, 2008).

Публикации о Сталине наполнены другим содержанием. Прежде всего, Сталин – вождь победы, народов, создатель великой державы и новой формации – советских людей, обладающих «трехмерным сознанием», продолжатель дела Ленина:

«В чем же притяжение фигуры Вождя Народов и почему, даже спустя более полвека, его так и не удаётся окончательно похоронить в народной памяти? Почему он по-прежнему

незримо пронизывает всё окружающее нас пространство?

Судя по соцопросам, таким телепроектам, как «Имя России» или «Суд времени», **Генералиссимус** и по сей день остается символом не только славного прошлого **великой державы**, но и возможного **светлого будущего** для огромных масс россиян...

Как был прозорлив президент Франции Шарль де Голль, которому принадлежит высказывание: «**Сталин** не ушел в прошлое. Он растворился в настоящем» (№ 21, 2011).

Таким образом, фигуры вождей, как и в советские времена, наделяются бессмертием.

По-прежнему сильна мифологемная оппозиция «**социализм (коммунизм) – капитализм**». Противопоставление мифологем способно создавать эффект легкой иронии:

«Как ни петляла избранная нами в мутные революционные девяностые годы дорожка, а вывела-таки к простой истине: не той она оказалась, совсем не той. Мы всё говорили в старой жизни о «**социализме с человеческим лицом**», старались всем миром, чтобы так оно и было. И ведь получалось! Относились друг к другу – не всегда, но в большинстве своём – по-братски. Старались, во всяком случае.

Потому, может, и так приятно смотреть «старые» советские фильмы, где у нас действительно человеческие лица, да и поступки, в общем-то, далеки от сегодняшних, от **капиталистических**» (№ 11, 2011).

Россия, как и Советский Союз, представляется со всех сторон окруженной **врагами**, внутренними и внешними. Мифологема «враг народа» имеет мало общего с тем, что она означала в советское время, так как врагами народа называются те, кто «уничтожает и грабит население» – олигархи и чиновники. Однако внешние враги остаются теми же, что и в эпоху «холодной войны», более того, утверждается, что холодная война еще не закончилась: «**Всё это говорит об одном: Холодная война, как мы её знали, не прекратилась в 1991 году. Сегодня она разгорается вновь. Эту войну ведет Запад против России. Нынешний кризис – одна из фаз Холодной войны. Она не кончится ни завтра, ни через год. Вся внутренняя и внешняя полити-**

ка нашей страны отныне будет определяться категориями Холодной войны. И цель войны, со стороны **Запада**, глобальна и смертельна для нас – уничтожение России, предуготовление ей судьбы СССР» (№ 35, 2008).

Особым образом в газете осмысливается мифологема **дружба народов** (а также **интернационализм**). Авторы не отрицают, что «дружба народов» была, прежде всего, идеологическим постулатом СССР, однако считают, что она принесла огромную пользу и привела к реальной дружбе народов:

«Горжусь своим происхождением из породы поэтов, которые выросли на **интернациональном братстве**. На улице нашего детства под термоядерным Семипалатинском жили русские и казахи, украинцы и крымские татары, немцы и уйгуры, китайцы и чеченцы. Если бы нашу непобедимую команду назвали «**Интер**» – это было самым точным именем собственным. Но мы не знали таких тонкостей» (№ 19, 2011).

Близка к ней мифологема **советского народа** как новой исторической общности, к сплочению которого сегодня призывают со страниц газеты:

«...Прошло 65 лет с того дня...

...Где Советский Союз? Где **Советский Народ**, одержавший Ту Победу?

...Ах, мои родные братья, где нынче **Братство Народов**?.. Где любовь людей?..

Но Советский Народ не уничтожен! Народ нельзя уничтожить!

...

Да здравствует, да воскреснет великий бессмертный **Советский Народ!**...» (№ 18, 2010).

Наряду с дружбой народов авторы предлагают возродить былое значение **труда** и **трудовых подвигов**. **Герои пятилеток, великих строек, труда** выступают в качестве образцов для подражания:

«Развитие невозможно без того, чтобы опять не вернулся на экраны **человек труда**, созидатель, мудрец, философ. Человек огромных горизонтов, огромного жизненного опыта, способный на **духовный, трудовой, боевой подвиг**» (№ 22, 2008).

Подчеркивается непреходящее величие советской символики и верность **красному флагу**:

«Вот они сядут меж нами – отцы наши, братья и деды. Глянут в глаза сыновьям или внукам пылливо: «Ну, каково тут, родимые, вам после нашей Победы? Вся ли Отчизна живёт хорошо и счастливо?..»

Вы уж привыкли, поди, к тому самому светлему завтра, что политрук обещал нам, когда одолеем вражину? Эх, не дошли мы... Но всё ж на душе не досадно: значит, не зря свои головы мы положили...

Вон как живёте: дворцов понастроили разных, всюду машины, витрины – чего, брат, в Москве только нету!.. Только постойте: а флаг над Кремлём – вроде как бы не красный! Что это значит?! А ну, растолкуйте нам это!..

*Вон на горе – не музей ли Победы, однако? Вроде и танки, и пушки стоят для обзора... Купол и шпиль... Но и там нету **Красного Флага**! Как же дошли вы, сынки, до такого позора?..» (№ 19, 2009).*

Красный флаг, восходящий к Святой Руси, противопоставляется современному российскому флагу, ориентированному на Европу:

«В Святой Руси флаг был треугольный красный. Именно такой красный треугольный флаг изображен на православных иконах «Благословенно воинство Царя Небесного», «Бой Суздальцев с Новгородцами», «Покорение Сибири Ермаком» и др.

Синий цвет «европейского просвещения» с коммерческим «триколором» и военно-морским «андреевским крестом» принес в символику России Петр I. Ныне это цвет флагов Евросоюза, НАТО и либеральной демократии в целом» (№ 19, 2010).

Таким образом, являясь носителем советской идеологии, газета «Завтра» оперирует большинством советских мифологем. Они используются для сравнения современной «капиталистической» реальности с социалистической, где были «великие стройки», «трудовые подвиги», «вожди-отцы», «герои» и т. д. не в пользу первой. Многие материалы посвящены проблеме вытеснения советских ценностей и мифологем из умов россиян,

разоблачению современных мифов, дискредитирующих Советский союз. Целью издания видится возвращение советских мифологем в первозданном виде, напоминание о них, воссоздание духа эпохи и отрицание современной действительности, в которой им уже нет места.

Использование советских мифологем как языковая игра в газете «Коммерсант»

В газете «Коммерсант» активно используются такие советские мифологемы как «светлое будущее», «коммунизм», «капитализм», «дружба народов», «вождь», «герой труда», «трудовой подвиг» и др. В духе сегодняшнего времени они лишены своей идеологической подпитки и располагаются на отрицательном полюсе оценочной шкалы. Однако негатив критики «тонет» в удовольствии от языковой игры, которой авторы окутывают каждую мифологему. Языковая игра понимается нами как генератор смысла, образующий семантическую структуру журналистского текста.

Рассмотрим, к примеру, употребление мифологемы пути (к **светлему будущему**). С помощью парцелляции, основываясь только лишь на игре смыслов, автору следующего текста удастся активировать целый пласт значений этой мифологемы, появившихся позднее: «будущее-утопия», «пустые обещания», «враньё»:

*«Личным примером политической сознательности на сограждан воздействовал и президент ПМР Игорь Смирнов, бесценно возглавляющий регион уже 20 лет. Проголосовав, он сообщил, что отдал голос «за народ и его будущее». Разумеется, **светлое**». Далее выясняется, что «Ситуация в ПМР, сложившаяся в первую очередь благодаря Смирнову, противоречит интересам приднестровского народа. Но не противоречит интересам Смирнова и его семьи. Руководство РФ должно последовательно давить на Смирнова, с тем чтобы гармонизировались не только законы ПМР и России, но и практика их применения, – заявил господин Островский «Ъ» (№ 230/П, 2010).*

В следующем примере эффект легкой иронии и извлечение новых смыслов создаются путем обыгрывания речи респондента:

«Перед началом спектакля директор агентства театров танца ЦЕХ Елена Тупысева рассказала о критериях отбора молодых хореографов из Швейцарии, Португалии и Франции (об отечественных участниках фестиваля см. «Б» от 24 июля). Главное, что их объединяет, – это эксперимент. Госпожа Тупысева предупредила, что их спектакли могут быть спорными и неоднозначными, но за ними видится **будущее** современного танца. Эти слова не разошлись с танцем Марисы Годой. <...> Чего нельзя сказать про португальца Иво Серра из ассоциации «Бомба суицида». Резкие вспышки света, невнятная рябь на экране и еле различимый в темноте танцор, по преимуществу занимавший горизонтальное положение, нагоняли тоску. И показалось, что с этим португальским экспериментатором суицид более вероятный исход, чем то **светлое будущее**, про которое вначале говорила госпожа Тупысева» (№ 130, 2008).

Иллюзорный, утопичный характер в трактовке издания носит мифологема **коммунизма**, примыкающая по семантике к мифологеме **светлое будущее**. В основном, они используются в издании не для разоблачения советской идеологии, а для развлечения читателя:

«Коммунизм-на-Амуре»

Владимир Путин вернул завод государству **по просьбе трудящихся**. Господин Путин, зная, очевидно, о плачевных делах Амурского судостроительного завода, был все-таки под впечатлением увиденного. На совещание он взял с собой рабочего Александра Астраханцева, который в одном из цехов начал говорить премьеру, как было бы хорошо, если бы предприятие вернули государству (сейчас оно принадлежит группе частных акционеров). Появление таблички «Астраханцев Александр Сергеевич» рядом с премьерской табличкой вызвало ажиотаж среди участников совещания.

– Это кто такой-то? – ревниво спрашивал у коллег губернатор Приморья господин Дарькин.

Когда все разъяснилось, кто-то из участников совещания негромко сказал:

– Да, **Ленин и печник...**

Печнику между тем было суждено сыграть историческую роль в этом совещании» (№ 82/В, 2009).

Так как советская мифологема **«коммунизм»** в газете подвергается обличению и иронии, то логично было бы увидеть, как оппозиционная мифологема **«капитализм»**, в советское время характеризовавшаяся эксплуатацией наёмных рабочих капиталистами, присвоением ими создаваемой трудом наёмных рабочих прибавочной стоимости и т.д., также меняет полюс своей оценки. Однако этого не происходит – негативная оценка капитализма по-прежнему сохраняется:

«В отличие от Рогинского Григорьева очень тонко среагировала на изменения в колорите и поведении своих персонажей, происшедшие с Россией после перестройки. Чем дальше в 90-е, тем более резкие цвета вводит она в работы. Ее, может быть, главная картина «Передача чайника» представляет собой сценку с налетом доброго абсурда: одна баба в ситце протягивает другой кислотно-зеленый чайник китайского производства. Григорьева идеально ловит дешевизну и яркость нового, **капиталистического мира**. Любимые ею бабы, чем дальше, тем больше фривольны. Они запрокидывают головы с яростью вакханок, а портреты курящих девушек двухлетней давности напоминают по раскованности героинь сериала «Школа» (№ 233, 2010).

Однако до активного использования советских штампов времен «холодной войны» в отношении капитализма и западных стран не доходит. Высмеивание фильма «Чужие» Юрия Грымова, а заодно и советских мифологем **загнивающий империализм**, **американская демократия** и т.д. происходит в следующей публикации:

«Хороши все жанры, кроме скучных, так что и этот не вызвал бы особого протеста, если бы патриотизм не накачивался методом «от противного» в славных традициях советского агитпропа, да и тот редко доходил до подобной оголтелости в изображении **загнивающего империализма**.

...

Скорее по этому поводу вспоминается другой фильм того же Скотта «Черный ястреб»,

где военная операция американцев в Сомали показана как противостояние масс, а не идеологий, или выходящая на экран «Совокупность лжи». Именно от визионера Грымова, неплохо чувствующего физические фактуры, можно было ждать чего-то в этом роде. Но нет, он оказался в плену самой же жестко прочерченной схемы, совпавшей с **генеральной линией партии и правительства**» (№ 206, 2008).

Далее рассмотрим, как отражаются в газете «Коммерсант» мифологемы-антропонимы **Сталин** и **Ленин**. Заметим, что имена советских правителей по-прежнему содержат в своей когнитивной структуре приписываемые политикам атрибуты: Сталин зовется отцом народа, Ленин – вождем мирового пролетариата и т. д., однако это сделано опять же для создания эффекта иронии:

«Сталина на них нет. «Девушка и революционер» в театре «Практика».

«Интересно поставлено», – задумчиво одобрила зрительница странные вольности режиссера спектакля Владимира Агеева.

*Где-то в середине спектакля она наконец-то поняла, что человек, которого на сцене уже раз двадцать называли Иосифом, не кто иной, как **товарищ Сталин** и что речь идет об **Октябрьской революции**, которую **будущий отец народов** коротал с юной прелестницей Надеждой Аллилуевой. Многие, конечно, это поняли раньше, потому что к тому времени со сцены уже упомянули Бронштейна, Каменева, Зиновьева и даже самого Ильича... В пьесе Игоря Симонова все ясно: Иосиф представлен (Евгений Стычкин – умелый, энергичный артист, смотреть на него интересно) циничным, ни во что не верящим хитрецом и грубияном, уже созревшим для всех злодеяний, которые ему предстоит совершить. Правда, по сюжету «Девушки и революционера» выходит, что на будущие «подвиги» его вдохновляет жена, но что это меняет?» (№ 72, 2009).*

В издании «Коммерсант» на первое место выходит критика не его культа, а его злодеяний, отсюда и игровой заголовок – «Сталина на них нет».

Интересно, что когда, к примеру, мифологема **отец народа** полностью отрывается от личности Сталина, она приобретает другие

оттенки значения, вплоть до положительных. Так, заголовок публикации о том, что Рамзан Кадыров стал генсеком Всемирного чеченского конгресса, звучит: «Молодой **отец чеченского народа**» (№ 191, 2010).

Ленина, в отличие от Сталина, не критикуют: его образ подвергается десакрализации, снижению, что, прежде всего, отражается в заголовках: «**Владимира Ильича** поздравили венками и клятвами», «Дырка от **Ленина**» («Взрыв самодельной бомбы пробил метровое отверстие в плаще бронзового **Ильича** чуть ниже спины. Как сообщили «Ъ» сотрудники предприятия, покушения на этот памятник были и раньше: около полугода назад **фигуре вождя** оторвали голову и бросили ее в мусорный бак» (№ 58, 2009), «**Ленин** в разлив».

Наряду с образом Ленина десакрализации подвергается и **Великая Октябрьская социалистическая революция**:

*«Согласно Виктору Пелевину, Октябрьский переворот произошел оттого, что у двух юнкеров, дежуривших на Шпалерной, случился отходняк после кокаина с эфедрином. Такой жестокий, что они не заметили крадущегося в Смольный **Ленина**. Во время дежурства 24 октября 1917 года юнкера Юрий и Николай нюхают кокаин, читают стихи и рассуждают о Шпенглере. Впрочем, службу они поначалу несут ревностно. И если капитан Приходов (фамилия, конечно, говорящая) велел «не пропускать к Смольному ни одну штатскую б...» – будьте уверены, не только б... не пройдет, но и **будущему вождю мирового пролетариата** прокрасться будет сложно. Как водится в русских сказках, добрых молодцев у Виктора Пелевина испытывают трижды: сперва **Ильич** является им в образе чеховского интеллигента с тросточкой, потом в виде заматанного бинтами участника Брусиловского прорыва и, наконец, спрятавшись среди бутылок в тележке с лимонадом, которую везет под видом торговца **товарищ Эйно Рахья**. Юнкера к этому моменту успевают так нанюхаться кокаина, а потом еще догнаться эфедрином, что принимают за чистую монету рассказ о лимонаде, которым велено напоить все воинские части. И **хитрый Ильич** проникает в Смольный (№ 48, 2008).*

Иное значение, нежели в советские времена, приобретает мифологема **дружба народов**: «По мере того как **Россия становится все большим другом венесуэльского народа и президента Уго Чавеса**, все чаще возникает вопрос: «Что Кремлю, собственно, надо в Латинской Америке?» (№ 168, 2008).

В том же ключе осмысливается мифологема **дружба народов** в интервью с главой Северной Осетии Таймуразом Мамсуровым о том, почему на Кавказе происходят теракты:

«— У вас есть чувство вины?

— Конечно. Я же глава республики. И я знаю, что ни я, ни президент Ингушетии, ни центр — никто ничего не может сделать в одночасье, чтобы остановить это. Это война. И мы должны своим людям честно об этом сказать. Не петь про то, что **все хорошо и дружба народов**, а дурак, который пришел нас взрывать, он будет последним, мы поймем его, накажем, и все закончится. Я эту чушь горюдить не собираюсь» (№ 178/П, 2010).

В газете «Коммерсант» также преломляются советские мифологемы **герой труда**, **трудовой подвиг** и **великие стройки**:

«1-я Уральская индустриальная биеннале в Екатеринбурге. С рабочих, собственно, все и начинается. При входе можно посмотреть документальный фильм голландского режиссера Йориса Ивенса «Песнь о героях» 1932 года, замечательный памятник заблуждения иностранца перед лицом **великих строек**, сравнимый, наверное, только с книгой «Москва, 1937 год» Лиона Фейхтвангера. Голландец в упор не видит **принудительного труда**, для него масса рабочих — просто «герои». В пару к фильму кураторы подобрали портрет «**ударника** и изобретателя Макарова» малоизвестного художника 1930-х Амиея Нюрнберга, представленный на выставке в виде копии. К современности все это привязано рассуждениями о том, что современные художники тоже **ударники**, а искусство должно принадлежать каждому».

Мифологема **трудовой подвиг** используется все с той же присущей изданию иронией:

«Легконогая Екатерина Осмолкина играла в концерте роль палочки-выручалочки, отвечающая и за технику, и за «лирику». Ни в том,

ни в другом она особо не преуспела. В «балконном» дуэте из «Ромео и Джульетты» Леонида Лавровского ее анемичная героиня строго держалась в рамках приличий. А в убийственном по сложности па-де-де «Диана и Актеон» балерина убрала из коды все вращения, чем обесмыслила свой **трудовой подвиг**» (№ 77, 2008).

Из-под пера журналистов выходят словосочетания «**передовики угарного труда**, **ударная душа советских людей**» (№ 90, 2008) и многие другие. Однако столкновение мифологем способно продуцировать гораздо больше новых смыслов. Рассмотрим следующий пример:

«Банкиры пришли за премиальными. Поздравить **передовиков капиталистического труда** прибыли также советник президента ОАО РЖД Татьяна Парамонова, губернатор Нижегородской области Валерий Шанцев, вице-спикер Госдумы Олег Морозов и другие» (№ 228/П, 2009).

Мифологемы **передовик** и **капиталистический труд** имеют в газете критическое звучание, однако в данном примере, на наш взгляд, автор не ставит цели критиковать героев публикации — это всего лишь удачный пример языковой игры, направленной на привлечение внимания к тексту и обогащение его новыми смыслами.

В контексте данного издания не могла не потерять вложенного в нее в советские времена значения мифологема **интернациональный долг**:

«Когда кризис по настоящему ударит по дряхлой белорусской экономике, вот тогда Лукашенко и может обратиться к Москве, а Россия выполнит свой **интернациональный долг**. Оппозиционер всерьез опасается, что под вопросом может оказаться независимость Белоруссии: «Известно, что российские войска в страну охотнее входят, чем выходят. Ограничится ли их миссия просто учениями?» (№ 166, 2009)

Мифологема **враг народа**, которой, согласно сталинскому тезису, обозначались классовые враги (**контрреволюционеры, вредители, шпионы, диверсанты, врачи-убийцы**), в газете «Коммерсант» встречается редко. Но журналистам удается извлечь юмор и из нее:

«Вышедший на экраны *«Концерт»* Раду Михаэляну – фильм-анекдот, ни на что особенно не претендующий, получил заметный резонанс в Европе. В брежневские времена дирижер Большого театра Андрей Филиппов (Алексей Гуськов) отказался увольнять из оркестра евреев, в результате гэбэшник прямо во время концерта с криком *«Враг народа!»* сломал его дирижерскую палочку, а заодно и карьеру. Прошли годы, наступила перестройка. Мечта сыграть перед достойной публикой любимый концерт Чайковского живет в душе экс-дирижера, ныне уборщика в том же Большом» (№ 197, 2010).

Использование советских мифологем в газете часто связано с намерением автора дистанцироваться от советской эпохи, показать, что она со всеми своими мифами осталась в прошлом. В таком случае он, как правило, прибегает к совокупности мифологем, например:

«В корпусе Бенуа Русского музея открылась выставка *«Гимн труду»*. На ней представлено более двухсот произведений живописи, скульптуры, графики и декоративно-прикладного искусства, посвященных **трудовым подвигам советского народа**. Проникнутыся **производственным энтузиазмом** попытался СТАНИСЛАВ САВИЦКИЙ» (№ 143/П, 2010). Последнее предложение лида, а также заголовков *«Герои труда в залах выставки похожи на исторические окаменелости»* уже задают читателю угол чтения: *«Сталевары перед мартиеновской печью, промышленные гиганты, сулящие светлое будущее молодой советской республике, и сцены **трудового порыва** представлены в залах корпуса Бенуа как экзотический раритет. Кураторы экспозиции подчеркивают не карикатурность этого искусства, но его уникальность и эксцентричность, в очередной раз пытаясь привить зрителю пие-тет к советской эпохе»*, чего автор публикации, разумеется, делать не стал.

Цитирование мифологем, а также фрагментов советских текстов и лозунгов, является действенным приемом, использующимся для создания эффекта иронии, поэтому нередко инодискурсивные фрагменты выносятся в заголовки: *«Нет таких областей, которых не могли бы взять коммунисты»* о драках

на митингах КПРФ (№ 184, 2009); *«Всесоюзный стилистический субботник»* (№ 238/П, 2009); *«Мир – народам, земля – христианам»* о том, что Минэкономразвития придумало, как экономически развить все конфессии (№ 32/В, 2009); *«Пролетариат запретят сдавать в аренду»* (№ 207, 2010).

«Коммерсант» является одной из немногих газет, в которых повышенное внимание уделяется не только содержанию, но и языку. Поэтому в силу своей противоречивости советские мифологемы представляют для издания огромный интерес. Они используются для создания эффекта иронии, продуцирования новых смыслов. Здесь нет разоблачения – да и к чему оно? Советские мифологемы превратились в настолько безобидные понятия, что над ними можно только посмеяться.

Советские мифологемы как предмет разоблачения и десакрализации в газете «Известия»

Газета «Известия» принадлежит медиамагнату из Санкт-Петербурга Юрию Ковальчуку и группе «Согаз». На должность заместителя главного редактора взят партийный функционер «Единой России» Илья Киселев. Исходя из того, что газета является общественно-политической и проправительственной, в ней весьма часто встречаются формулировки мифологем, преподносимые в контексте разоблачения, ведь, как отмечает Е. Шейгал, политический дискурс отражает борьбу между теми, кто создает мифы, и теми, кто их разоблачает (67, 140). Особенно это касается большинства советских мифологем, таких как дружба народов, интернационализм, враг народа и др. Авторы не скрывают своего негативного отношения к Советской эпохе и идеологии. Языковая категория оценочности проявляется в газете довольно ярко.

На страницах «Известий» разоблачается миф о **Великой Октябрьской социалистической революции**, говорится о «более не великом октябре», а само это событие носит в газете название **октябрьского переворота**, значение которого оценивается не более и не менее чем «изменение хода мировой истории» вместо его советского определения как «первой в истории

победоносной социалистической революции, совершенной в 1917 рабочим классом России в союзе с беднейшим крестьянством под руководством Коммунистической партии» (БСЭ):

*«92-ю годовщину **октябрьского переворота** отметили по всей России. Несмотря на то, что 7 ноября уже несколько лет как не красный день календаря, на улице с флагами или просто погулять вышли люди самых разных возрастов. При любом отношении к октябрьскому перевороту, большевикам и Владимиру Ильичу Ленину лично нельзя не признать, что эти события изменили ход мировой истории» (09.11.09).*

*«Зюганов – не **Ленин**, а «Единая Россия» – не Временное правительство. Мифы о том, что **коммунизм и революции** – это романтика и ведут к прогрессу, слишком живучи. Накануне 7 ноября представители клубов «Единой России» поделились с «Известиями» размышлениями о более не великом **октябре**» (06.11.09).*

Авторы прибегают к собственному толкованию октябрьских событий, чтобы лишить их священного ореола:

*«Сегодня, в канун 7 ноября, мы вспоминаем **события 1917 года**. Что происходило тогда в России? 3 апреля в воюющую страну въехал вагон, в котором находился человек, открыто призывавший к поражению собственной страны в войне. Этого человека бережно вез неприятель – немец. И удивительным образом Временное правительство, забыв о здравомыслии, пропустило его. Многие надеялись, что с момента свержения царя этот человек изменил свои позиции. Но стоило ему подняться на броневик и произнести с характерной картавинкой свою речь, стало понятно: позиции свои он не изменил.*

*Он по-прежнему требовал поражения собственной страны. Он по-прежнему был за разжигание анархии, по-прежнему – за то, чтобы обрушить только что, месяц назад, созданное и очень робкое Временное правительство, которое пыталось восстановить в воюющей стране хотя бы какой-то порядок. Этим человеком был **Владимир Ленин**» (06.11.09).*

Демифологизации подвергаются образы И. Сталина и В. Ленина.

Как и в советские времена, авторы рассуждают о личных качествах В. Ленина, однако

теперь в текстах появляется отрицательная оценка:

*«Надо отдать **Ленину** справедливость: идея преобразовать отнятые дачи, дворцы и монастыри в рекреационно-лечебные учреждения связана, прежде всего, не с комфортом советских сановников (сановников в нынешнем понимании тогда и не было еще), а с воспитанием и лечением детей. Не сказать, чтобы **Ильич** так уж сильно любил их, как приписывают ему бесчисленные слезливые мемуары: он вообще никого в собственном смысле не «любил», не понимал вообще, что это такое. Тут был какой-то врожденный порок, эмоциональный дефицит – ненавидеть-то он умел великолепно» (13.05.11).*

Как мы видим, оценка деятельности и личности Ленина в целом отрицательная, однако не до такой степени, как Сталина:

«...И тут капитан выдал такую порцию отборнейшего русского мата в адрес лидера своей страны, что на душе посветлело.словно на родине побывал.

*– Ведь у вас же был **Сталин**, забыли уже? Каддафи хуже **Сталина**. Хуже Саддама! Каддафи, как Гитлер, – капитан обрадовался точному сравнению. – Он своим дает все, а остальных убивает. Нам еще предстоит узнать о зверствах, которые творились в Ливии последние 30 лет.*

– Так что ж вы его терпели так долго?

– А вы сколько терпели коммунистов?

Крыть было нечем» (13.10.10).

*«В 37-м году словно Божий гнев излился на часть организаторов революции. «Старые большевики» не могли понять – за что? Самое страшное наказание – непонятное, беспричинное... Мы же в одной банде, подельники... Чем Ворошилов лучше травившего крестьян газами Тухачевского? Чем Берия лучше Ягоды и Ежова? Калинин – Каменева и Зиновьева? Приговоренные каялись и взывали к **Сталину** как главарю банды – требовали суда «по понятиям»... Может, не к тому Суду взывали?*

*Но и те из «**вождей**», кто пережил репрессии, все равно будут прокляты вовек – следующими поколениями» (06.11.09).*

Нетрудно догадаться, что в современных дискуссиях на вопрос, можно ли приравнять

сталинизм к фашизму, газета отвечает положительно:

«Дмитрий Быков в «Тупике Гамсуна» отметил по модной нынче теме сравнения фашизма и **сталинизма**. Обращаясь к творчеству Кнута Гамсуна, проколовшегося, как известно, на симпатиях к Гитлеру, кумулист нашел «принципиальную, неистребимую разницу между фашизмом и **коммунизмом**, которую не сотрут никакие заявления ПАСЕ». Красная де устремлена в будущее, она – идеология модерна, коричневая же – в архаику. Она – «попытка искусственного возвращения в Средневековье и даже глубже». Забористо, но, увы, неверно. Тут-то они близнецы-братья вопреки коммунистической словесной буффонаде. На самом деле сталинский социализм оказался откатом в отдаленную архаику, реанимировав формы рабовладения (ГУЛАГ), феодализма (колхозы), обожествление властителей и т. п. Даже во внешнем антураже вроде ступенчатой пирамиды на Красной площади. Это ведь Египет фараонов» (07.08.09).

К фашистским приравняются советские символы – серп и молот:

«О том, что у Сталина был только один друг – Гитлер, я узнала еще в рижской школе от рискованного практиканта-историка. А в конце 80-х мы увидели плакаты, где между свастикой и **серпом с молотом** стоял знак равенства. Тогда люди узнали о договоре 1920 года, когда Россия «навсегда» отказалась от претензий на территорию Латвии, о пакте Молотова-Риббентропа, который позволил Германии войти в Польшу, а СССР – в Прибалтику. Журналы начали публиковать дневники из сталинских лагерей. Это было откровение» (21.03.08).

Красный флаг, лишенный своего мифического подтекста, отныне – символ российской армии и победы в Великой отечественной войне:

«Спустя 12 лет возрожденный бело-синекрасный стяг окончательно утвердился как государственный в сознании большинства наших сограждан. А красное полотнище заняло почетное, но свое место.

...Другой важной особенностью массового сознания является то, что наше обще-

ство еще более единодушно, чем возрождение государственного флага, приняло утверждение Владимиром Путиным в этом году **красного флага** в качестве знамени армии: 80% опрошенных относятся к этому факту положительно или скорее положительно. При этом социологи «РОМИР мониторинга» подчеркивают, что никакого раздвоения общественного сознания, как это часто случается при опросах на столь важные темы, в данном случае не произошло. Боевая слава всегда воспринималась в нашей стране как непререкаемая ценность, а главную свою победу страна одержала в прошлом веке именно под **красным знаменем** – оно развевалось над поверженным фашистским рейхстагом» (22.08.08).

Мифологемы, которыми изобиловала советская пресса времен холодной войны, в газете «Известия» не встречаются, напротив, ведется борьба с их пережитками в сознании людей:

«**Американский заговор**» – это один из самых мощных мифов не только в России, но и в мире. А вот что говорят цифры: в целом США тратят по всему миру – это гуманитарная помощь, экология, все на свете – 47 млрд. А на поддержку российских гражданских организаций – 65 млн. долларов. Кому идут эти деньги? У меня есть данные за 2010 год – огромный перечень организаций, и среди них нет ни одной оппозиционной политической организации. Эти 65 млн. долларов, львиная доля которых расходуется на правозащиту и информационную защиту, они что, в состоянии изменить внутреннюю политику РФ? Это миф, который нужно разоблачать. У американцев есть своя стратегия, с ней можно соглашаться или нет, – они считают, что чем больше будет в мире демократических государств, где правительства избираются народами и им подотчетны, тем безопаснее будет мир» (11.04.11).

Перейдем от врагов внешних к врагам внутренним. Авторы с горечью вспоминают, как лучших людей страны клеймили иностранными шпионами и вредителями:

«Клеймо **«враг народа»** еще не вошло в обиход, но тюрьмы и лагеря уже были переполнены после многочисленных «дел» рube-

жа 30-х годов (Шахтинского, Промпартии, Трудовой крестьянской партии, процесса вредителей рабочего снабжения, дела об убийстве Кирова). Кровью и потом заключенных возводились **величественные стройки социализма**.

...В 1940 году Вавилова арестуют как **врага народа**, иностранного шпиона, и вскоре он погибнет в тюремной больнице от болезни и истощения. Накануне пресловутой коллективизации этот человек думал о том, как накормить страну, не забывшую голода гражданской войны» (12.10.09).

Чтобы пролить свет на советскую историю, газета разоблачает обстоятельства, в которых осуществлялись поиски врагов народа:

«В 1937–1938 годах на поиски химического оружия на территории артиллерийско-газового полигона в Кузьминках наложили свой отпечаток сталинские репрессии. Некоторые фигуранты той «экологической» экспедиции, боясь за свои жизни, с большим рвением искали **врагов народа**, чем опасную химию.

Солдаты начали поиски химоружия в октябре, имея на руках опись захороненного имущества – она сохранилась. О первых результатах Ворошилову доложили Буденный и член Военного совета, корпусной комиссар Троянker еще 22 октября. За перечнем бочек и боеприпасов, начиненных химоружием, следует вывод: «химия» спрятана **«врагами народа»** и предназначалась для диверсионных целей... Прошу назначить по этому делу специальную комиссию».

К этому времени главный **враг народа** в погонах – маршал Тухачевский – был уже 4 месяца как расстрелян, и военным, на чьем полигоне было закопано столько химии, что ею можно было отравить весь город, несложно было найти козлов отпущения» (15.06.09).

Ознакомление читателей с этими фактами способствует дискредитации советской идеологии. Сам по себе поиск врагов народа представляется авторам газеты «Известия» нелепым, сфабрикованным, поэтому, когда подобные прецеденты возникают в современном мире, они вызывают лишь насмешку, которая лингвистически выражается с помощью иронии и языковой игры:

«Список **«врагов грузинского народа»** пополнился новыми именами. К популярнейшей певице Нани Брегвадзе и блистательному оперному басу Паате Бурчуладзе добавились звезды шоу-бизнеса Тамара Гвердцители, Тина Канделаки и Сосо Павлиашвили. Всех их записали в «**российские агенты**».

Разоблачил **«подрывные элементы»** Леван Рамишвили – глава «неправительственной» организации Институт свободы, снабжающей кадрами правительство Михаила Саакашвили. Местные политологи не без оснований считают его «серым кардиналом» президента и главным идеологом грузинских «младореформаторов» (04.12.09).

Разоблачаются мифологемы **дружба народов и интернациональный долг** – «обкатанные штампы», которыми, по мнению авторов, советская власть прикрывала свои интересы. Их «лживый» характер призывает раскрыть публикация о вводе советских войск в Чехословакию:

«Близилась годовщина ввода танков стран Варшавского договора в Чехословакию – и страницы нашей печати вновь запестрели обкатанными штампами: **«интернациональный долг»**, **«акт бескорыстной помощи»**, **«подрывная деятельность империалистических разведок и антисоциалистических сил в Чехословакии»**. В «Известиях» из номера в номер – материалы, так или иначе возвращающие к событиям годичной давности.

...Наша пропаганда продолжала убеждать мир, что СССР спас Чехословакию от сползания в **капиталистическую пропасть**. При этом с удовлетворением отмечалось, что во время «миротворческой» акции не было пролито ни капли крови. О национальном достоинстве народа, брошенном под гусеницы танков, официальная печать, разумеется, молчала. Напротив, превозносила **«крепнувшие узы дружбы»**: только что закончился дружественный визит в Прагу делегации московского горкома КПСС во главе с В. Гришиным. Но и на этих встречах звучал призыв к бдительности: «Правые силы стремятся подорвать традиционную дружбу чехословацкого народа с советским народом» (03.08.10).

Мифологемы **трудовой подвиг, герой труда** и др., связанные с трудовой тематикой, встречаются в газете редко, так как большее внимание уделяется мифологемам, относящимся к советской власти. Однако отношение авторов к советскому труду можно предугадать, исходя из общей позиции газеты. Приведем достаточно яркий пример употребления мифологем этой категории:

*«Он дожил до времени, когда спорт признали, наконец, профессией – и первым из спортсменов, удостоенных золотой звезды **Героя Социалистического Труда**, разумеется, стал Лев Яшин. С вручением награды до кощунственного неприличия затянули – и звезду героя получил почти буквально на краю могилы.*

*В неизбежной переоценке ценностей награда вроде бы и теряет смысл – **труд** на таких условиях ставится узнавшими вкус послабления потомками под сомнение. Но Яшин в исторической перспективе – и обратной, и дальнейшей – не только выше награды, а еще и наполняет, как и подобает настоящему герою, ее значением»* (22.10.09).

Но главными мифологемами, которые подвергаются разоблачению, становятся **коммунизм и социализм**:

*«Идея **победного шествия социализма по планете** всячески внедрялась в массовое сознание. Прозвучала она и в заметках французского публициста Шарля Ароша: «Победа социалистической системы в мировом соревновании неизбежна». Его статья называлась еще более категорично – «**Грядущая победа коммунизма**».*

*Воистину идеи овладевают массами, пересекая границы стран. В том же номере «Известий» узбекский поэт Максуд Шейхзаде, используя любимый жанр своего великого предшественника Омара Хайяма – «рубаи», выдал такое четверостишие: «Все дни недели полным мы трудом,/ Чтобы седьмой вошел как праздник в дом.../ Века готовят **праздник коммунизма!**/ А мы в него как в дом родной войдем...».*

Ответ на эти смелые пророчества можно найти у самого Омара Хайяма: «Вразуми,

всемогущее небо, невежд,/ Где уток, где основа всех наших надежд?/ Сколько пламенных душ без остатка сгорело!/ Где же дым? Где же смысл? Оправдание – где ж?» (03.08.10).

Коммунизм рисуется как строй, лишенный морально-этической основы:

*«**Коммунизм по сути есть вера в историческую необходимость, закономерность, ведущую в светлое будущее. Являясь такого рода верованием, он открывал дорогу для массового «бегства от свободы», перекладывая на историческую необходимость бремя выбора и ответственности. Кстати, и химера совести растворялась в ярком свете будущего дня. Учил же Ленин: морально всё то, что способствует победе коммунизма. А способствование определялось линией партии, чертимой корифеем всех наук – Сталиным. Попробуй, уклонись!»*** (07.08.09).

Капитализм, сменивший коммунизм, занял его место и в советских конструкциях, штампах («**Моральный кодекс строителя капитализма**», «**Как быть рядовому строителю капитализма?**» и т. д.).

Таким образом, несмотря на небольшое количество примеров, в которых советские мифологемы используются для языковой игры, остальные публикации в газете «Известия» нацелены на опровержение их в серьезном тоне, отчуждение от них. Издание, видимо, еще не считает, что они ушли в прошлое, и поэтому старается обличить их, показать, что в советской эпохе не было ничего хорошего, убедить читателя, что возвращение к советскому прошлому ни к чему не приведет. Отсутствие на страницах газеты других точек зрения позволяет четко проследить именно эту линию.

Исследование современных российских изданий позволило нам прийти к заключению об отсутствии целостной непротиворечивой позиции в отношении советских мифологем, формируемой ими. В каждой из газет мифологемы получают различные семантические прибавки. Так, в «Известиях», представляющих собой проправительственное издание, в коннотативную зону употребляемых мифологем советской культуры в большинстве

случаев входят: эмотивная коннотация «кошмар», идеологическая коннотация «не наш», негативная ассоциативная «аура», компонент фидеистической оценки «не верю». При употреблении мифологем возникает смысловой эффект снижения, десакрализации. В частной газете «Коммерсант», нацеленной на деловую аудиторию, наблюдается, в основном, нейтральная эмотивная коннотация и ассоциативная «аура» мифологем, однако фидеистическая оценка и идеологическая коннотация совпадают с позицией газеты «Известия». Возникающий смысловой эффект – ирония. В оппозиционной газете «Завтра» эмотивная коннотация мифологем близка к «идиллии», идеологическая коннотация – «наш», ассоциативная «аура» – гордость за «великое прошлое», фидеистическая оценка – «верю». Мифологемы советской культуры в данном издании адаптируются к современной российской культуре.

Различаются и функции употребления мифологем в каждом из изданий. В газете «Известия» советский миф разоблачается, образы вождей лишаются сакрального ореола, советское получает негативную оценку. «Коммерсант» использует мифологемы в качестве объекта для языковой игры, чтобы с их помощью достичь эффекта иронии и разнообразить язык. Газета «Завтра» прибегает к советским мифологемам с идеологической целью.

Прав был Ю.Н. Караулов, когда писал об огромном влиянии советской культуры на языковое сознание носителей русского языка: «Советская эпоха внесла в русское национальное самосознание специфические черты, которые, отлившись в устойчивые вербальные формы, в стереотипы, на длительный период стали определять отношение к тем или иным сторонам и явлениям действительности, влиять на поведение носителей языка, на позицию «я» в мире» (Караулов, 1994: 202). Журналисты современных изданий, сами того не замечая, воспроизводят те же схемы, против которых ведут войну. Только теперь «чужой» объявлена советская культура.

Литература:

1. Большая советская энциклопедия. – Элект. изд. – Режим доступа к изд: <http://bse.sci-lib.com/>.
2. Быков, Д.Л. Блуд труда: Эссе. – СПб, «Лимбус-Пресс», 2002. – 416 с.
3. Ермакова, О.П. Тоталитарное и посттоталитарное общество в семантике слов // Русский язык / Под. ред. Е.Н. Ширяева. Ополе, 1997. – С. 121–165.
4. Караулов, Ю.Н. Русский ассоциативный словарь как новый лингвистический источник и инструмент анализа языковой способности / Ю.Н. Караулов, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов, Н.В. Уфимцева, Г.А. Черкасова // Ассоциативный тезаурус русского языка: Русский ассоциативный словарь (АТРЯ). – Кн. 1. – М., 1994. – С. 190–218.
5. Купина, Н.А. Вербализованные идеи новейшего времени: актуальные тенденции и опознавательные знаки советского идеологического кода. Материалы научной интернет-конференции. Екатеринбург 28–29 мая 2008 г. – Элект. изд. – Режим доступа к изд: <http://elar.usu.ru/bitstream/1234.56789/1847/1/Part2+2008-01.pdf>.
6. Кутенева, Т.А. Смысловая динамика базовых идеологем советской эпохи (от идеологии, пропаганды, агитации до пиара): Автореф. дис. на соискание канд. филол. наук. – Урал. гос. ун-т им. А.М. Горького, Екатеринбург, 2008. – 24 с.
7. Легойда, В. Главная опасность нашего времени // «Pro et Contra». – 1998. – Т. 3, – № 4. – С. 99–113.
8. Лелеко, В.В. Советская мифология как совокупность мифологем. – Элект. изд. – Режим доступа к изд: http://www.culturalnet.ru/main/congress_person/57.
9. Лотман, Ю.М. Литература и мифы // Мифы народов мира: Энциклопедия. – М., 1982.
10. Почепцов Г.Г. Теория коммуникации. – Элект. изд. – Режим доступа к изд: <http://www.culture.niv.ru/doc/communications/pocheptsov/index.htm>.
11. Программа КПСС. – М.: Политиздат, 1976. – 256 с.
12. Резанова, З.И. Трансформации советских стереотипов и мифологем в дискурсе региональных СМИ // Язык и культура. – Томск: Изд-во ТГУ, 2008, – № 3. – С. 63–72.
13. Русский язык конца XX столетия (1985–1995) / Отв. ред. Е.А. Земская. – М., 1996. – 203 с.
14. Складневская, Г.Н. Слово в меняющемся мире: Русский язык начала XXI столетия: состояние, проблемы, перспективы // Исследования по славянским языкам. Сеул, 2001. – С. 177–202.
15. Современный русский язык: социальная и функциональная дифференциация / Отв. ред. Л.П. Крысин. М., 2003. – 568 с.
16. Толковый словарь русского языка конца XX в.: языковые изменения / под ред. Г.Н. Складневской. – СПб.: Фолио-Пресс, 1998. – 704 с.
17. Ярцева, В.Н. Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 685 с.

Бушев А.Б.

ДИСКУРС ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА

Бушев А.Б.

доктор филологических наук,
Москва

Дискурсивные исследования уже дано не понимаются столь узко – в том значении, как их понимал З. Харрис, для которого дискурс являл собой цепочку слов и предложений, которую автор анализировал при помощи методов структурной лингвистики. Дискурс-анализ уже и не анализ ментальных схем, используемых людьми при понимании текста (работы Т. ван Дейка 80-х годов). Дискурс – это сложная система иерархии знаний, включающая кроме текста, еще и экстралингвистические феномены разного рода (знания о мире, мнения, цели, установки, идеология, властные отношения). Иными словами, дискурс-анализ – это интерпретация текста в конкретных исторических обстоятельствах, в конкретной культуре, в конкретных условиях.

Истоки дискурс-анализа общеизвестны: лингвистика, марксизм, психоанализ. В основании теории дискурса находятся и семиотика, и социолингвистика, и коммуникативистика, и политология, ее история представлена такими именами как А. Грамши, Л. Альтюссер, М. Фуко, М. Бахтин, Ж. Делез... В разработку теории дискурса значим вклад Т. ван Дейка, П. Рикера, Я. Торфинга, Р. Барта, Ж. Деррида, Ю. Кристевой, Ю. Хабермаса, Ж. Бодрийяра, С. Бенхабиб, Ф. Бенетона, Н. Фэркло. Именно осмысление роли языка в социальной жизни заставляет говорить о методологии дискурс-анализа. Речь идет о выявлении социокультурных предпосылок речевой деятельности, заставляющей нас говорить о той или иной степени ангажированности адресанта.

Среди работ, пытающихся осмыслить различные варианты дискурсивных исследований должно назвать «*Дискурс-анализ. Теория и метод*» скандинавских авторов Марианне В. Йоргнесен и Луизы Дж. Филипс (Йоргнесен 2008). Эти ав-

торы приводят концепции, лежащие в основании разных дискурсивных подходов, приводят обширную современную библиографию вопроса. Однако приведены преимущественно исследования, ограниченные англосаксонским миром и выполненные на западно-европейском материале.

Такое направление когнитивных исследований, как *критический анализ дискурса*, представляется одним из наиболее институционализированных направлений и получило в мировой науке признание благодаря работам Т. ван Дейка, Р. Водак (например, van Dijk 2011).

Среди истоков дискурсивных исследований – работы французских структуралистов (К. Бремон, Ж. Женнет, Ю. Кристева, Ц. Тодоров) и исследователей дискурса (М. Фуко, А. Греймас, П. Серио, М. Пеше, Р. Барт, Ж. Деррида, Ф. Растье), североамериканские структуралистские истоки теории дискурса (З. Харрис), которые приводят к постструктуралистскому исследованию дискурса. Иными словами дискурсивные исследования проделали путь от прикладной лингвистики к политике и культуре. Сегодняшние дискурсивные исследования фундированы работами по постструктуралистской критике знака (Р. Барт, Ж. Деррида, Ж. Лакан). Дискурс-анализ в эпоху постнеклассической рациональности не может не включать в себя философских и онтологических предпосылок (Л. Альтюссер, Г. Маркузе, Г. Дебор). Труды Эрнесто Лаклау и Шанталь Муфф сформулировали оригинальный путь дискурсивных исследований: ядро политики – это дискурсивная реальность. Дискурсивны популизм, апартеид, идеология, государственный язык. Отсюда явственной становится значимость метода.

Легализация субъективного опыта, рефлексия субъективности – феномен на грани между неклассической и постнеклассической рациональностью. Среди концепций, повлиявших на теорию дискурса – теория когнитивных конструктов Дж. Келли, нарративный подход к анализу текста. Должно упомянуть и спектр новой исторической науки, нарождающейся после школы «Анналов» – история ментальностей, гендерная история, микроистория, историческая антропология,

историческая когнитивистика, нарратология, постстарная имагология. Интеллектуальная история осуществляет представление знаний как продукта дискурсов. Показательны труды исследователей менталитета, французской школы «Анналов» (М. Блок, Л. Февр, Ж. Ле Гофф), А.Я. Гуревича, семиотиков. Внимание привлекают историческая и культурная обусловленность знаний, различные возможности их категоризации.

Рефлексии подвергаются ценности дискурса, аксиологическое его измерение. Невозможным становится избежать анализа такого феномена, каким являются современные нам масс-медиа. В качестве трудов, фундирующих рефлексии над самим феноменом медийности, необходимо отметить современный французский философский дискурс (М. Мерло-Понти, Ж. Делез, Ж. Лиотар, Ф. Гваттари, Ж. Деррида, Ж. Бодрийяр, П. Бурдьё), труды футурологов и теоретиков глобализации (Э. Тоффлер, М. Кастельс, Э. Гидденс, Р. Робертсон, Г. Шиллер), труды российских политологов – представителей отдельных, наиболее заметных политических медийных дискурсов и их отражения в масс-медиа.

Активно формируются дискурс-анализ и на северо-американском континенте (Д. Таннен, Л. Камерон, Д. Шифрин, Дж. Лакофф, Дж. Юл, Блумарт) (Дискурс 2011).

Можно отметить разработку современных качественных методов в отечественной гуманитарной науке, среди которых свое место занимает метод дискурс-анализа (Гусельцева 2009, Мусихин 2011, Плахов 2011, Тетерин 2011, Трахтенберг 2006, Углов 2009). Развивается и отечественная теория политического дискурс-анализа (О.А. Малинова, Г.И. Мусихин, О.Ф. Русакова, А.Д. Трахтенберг). Возникают направление исследований, связанное с анализом языковой личности и лингвистической идентификацией личности (В.В. Наумов). Здесь должно назвать и теорию языковой личности, и филологическую герменевтику и стилистику декодирования. Показательна теория политической лингвистики – значимы подходы к теории метафоры в политическом дискурс-анализе, среди которых выделяют риторический, когнитивный, и критический в духе критического анализа дискурса (школа политической лингвистики А.П. Чудинова). Свой вклад в создание метода дискурсивного анализа вносят

школа изучения метафоры Дж. Лакоффа и его последователей, направление исследований «политическая персонология», инициированное семинаром по исследованию политического дискурса (Политический дискурс 2007). Существенный вклад в развитие теории дискурса вносит книга Г.И. Богина «Обретение способности понимать». Можно указать и на большое количество прикладных исследований – например, работы по гендерной специфике дискурса, работы Г.Г. Почепцова и многочисленные работы по электоральным технологиям.

Особую значимость приобретают когнитивные исследования в лингвистике, проливающие свет на концепты, ценности, типы дискурсов (В.И. Карасик). Эти исследования смыкаются с когнитологическими исследованиями, связанными с концептосферой личности и культуры.

Итак, дискурс-анализ представляет собой такую технику интерпретации, которая бы выявляла социокультурные, идеологические, политические религиозные и прочие предпосылки организации высказывания. Дискурс анализ в поиске своей методологии затрагивает такие фундаментальные вопросы как соотношения философии, антропологии и социологии познания, формирование категорий социальной перцепции. Показательно, что дискурс-исследования не пренебрегают теориями, возникшими в русле смежных дисциплин, что являет собой лишнее свидетельство междисциплинарности анализа дискурса. Это, прежде всего, теория текстовых миров, антропологические исследования, дискурсивная психология, рефлексивная социология, феноменологическая социология, социоконструктивизм и социоконструкционизм, исследования виртуального дискурса. Необходимым представляется отметить инновационность самого метода коммуникации и дискурса в Интернете, оценка социальной значимости которой складывается в наши дни – дискурс мультимедийной журналистики, социальный веб, организационные коммуникации, телемаркетинг, социальные медиа, PR 2.0, политическая мобилизация и информационное противоборство, коммуникативно-информационное освещение экстремальных событий, подкастинг, педагогическая коммуникация (сайт НИЛ 2011).

Дискурсивные исследования способствуют выработке оптики по прочтению текстов масс-

медиа. Здесь дискурс-анализу «помогают» медиалогия, социология масс-медиа. Показательны конструкция в современных СМИ политических платформ, социальных проблем, расы, гендера, сексуальности. Активно расширяется проблематика информационного права, права на информацию; это особенно актуально потому, что информационные войны и выборные технологии стали приметой наших дней.

Дискурсивный анализ актуальных политических явлений чрезвычайно сложен, а методология такого анализа только разрабатывается. Каковы языковые и риторические феномены, заставляющие нас занимать ту или иную точку зрения?! Насколько в критических исследованиях дискурса исследователь абстрагируется от этической позиции?!

Исследование актуального дискурса есть ни что иное, как известная еще издревле практическая политическая риторика, восходящая к античной полемике. Она вбирает в себя традицию критического анализа дискурса, представленную в работах Дж. Оруэлла, Т. ван Дейка и Р. Водак, традиции французской школы новой исторической науки и школы исследования дискурса (М. Пеше, П. Серио, М. Фуко, деконструктивизм, школа медиалогии), исследований метафоризации (Дж. Лакофф и М. Джонсон). Рассмотрение глобальных вопросов информационных технологий характерно для трудов М. Кастельса, Э. Тоффлера, Р. Дебре, М. Маклюэна, Г.Д. Лассуэла, Э. Гидденса, Д. Белла, П. Друкера, Ч. Хэнди, Г.Г. Почепцова, О.В. Гаман-Голутвиной, исследователей социологии массовой коммуникации и других исследователей.

Монополизация социальных представлений глобальными СМИ – проблема общественного мнения в понимании П. Бурдьё. Значима для данных исследований традиция социоконструктивизма. Показательны конструкция в современных СМИ политических платформ, социальных проблем, расы, гендера, сексуальности. Много и часто справедливо говорят и о манипулируемости социумом при помощи масс-медиа, выстроенности такого социального института медиа, который в своих гениальных антиутопиях предсказали О. Хаксли и Дж. Оруэлл. В двадцать первом веке в «обществе спектакля» коммуницируемым становится весь мир. Место феноменологии бытия

занимает феноменология коммуникации. Прессу давно, еще со времен классических исследований Торонтской школы, обвиняют в том, что она нагло, цинично, исподтишка управляет новостями, телевидение рассматривают как возможность поддерживать визуальный контроль над собственной жизнью. В столь широком ключе опыт медиа пытаются обсуждать Н. Хомский, Д. Боллинджер, Г. Лассуэл, У. Вайнрайх, П. Бурдьё. Критическая направленность исследований дискурса масс-медиа характерна в целом и для Франкфуртской школы (Т. Адорно, Ю. Хабермас).

В социологической теории глобальные проблемы распространения информации обсуждаются с позиций теории культурного империализма как варианта теории зависимого развития. Разработка мифологии СМИ проводится в традиции критического анализа дискурса. Р. Блакар пишет о языке как инструменте социальной власти, Г. Дебор говорит об обществе спектакля, им вторит П. Вирилио. Любое исследование этой проблематики неизбежно отталкивается от взглядов Г. Лебона, Дж. Мида, Ч. Кули, Г. Лассуэла, П. Лазарсфельда, Г. Тарда, Г. Инниса, М. Маклюэна, К. Ховланда, Г. Гадамера. Влияние современной коммуникации на опыт человека изучается в мире (Торонтская школа, Анненбергская школа, Бирмингемская школа, Бодрийяр, Лиотар, другие представители постмодерна). Социологи активно обсуждают функции массовой коммуникации, концепции общественного вещания, четвертой власти, свободы печати, влияние СМИ на формирование массового сознания и социальных представлений. В мировой социологии массой коммуникации сформировались четыре теории прессы – авторитарная, либертарианская, теория социальной ответственности, тоталитарная теория. Активно расширяется проблематика информационного права, права на информацию; это особенно актуально потому, что информационные войны и выборные технологии стали приметой наших дней.

Непонятно, сама ли действительность оперативнее представляет материал, или активнее идет накопление знаний и разработка самого метода дискурсивного анализа. Отметим, что в наших исследованиях на первоначальном этапе наше внимание привлекли освещение бомбардировок Косово 1999 года и их освещение в сети Интернет.

Определенной оптикой снабдила исследователей информационные войны на Северном Кавказе. Экспланаторной силой обладают и работы школы Г.Г. Почепцова, связанные дискурсом Оранжевой революции на Украине (Почепцов 2005). После событий 11 сентября 2001 года нами проведено исследование военно-политической риторики операции «Несокрушимая свобода» и «Иракская свобода», активно освещаемой мировыми масс-медиа. Определенный материал дали этно- и социально-окрашенные выступления в Париже 2005 года – нами проводилось исследование беспорядков во Франции в 2005 году. 2011 год представил материал по беспорядкам в Великобритании. И публичная политика тоже способствует формированию представлений о критическом анализе дискурса. В последние годы мы могли наблюдать в Интернете и масс-медиа избирательная кампании по выборам президентов США и Франции, которая уже выплеснулась и на пространство блогосферы, что, безусловно, представляет собой новый феномен. Последние самые актуальные материалы опять вновь спешит «поставить» исследователю жизнь – движение индигнадос в Испании, акция Occupy the Wall Street и демонстрации в Греции, наконец, операция коалиционных сил в Ливии и уничтожение М. Каддафи, С. Хуссейна, О. Бен Ладена. Дискурс об экономическом кризисе и дискурс мультикультурализма также способствуют разработке категориального аппарата дискурсивных исследований (Бушев 2010).

В наших работах нами показана важность номинации явлений в политическом дискурсе, использование клише и штампов как частного случая стереотипии, использования аксиологической лексики, метафоры, эвфемии, повторов, перифраз, сложности дефинитивности терминов, манипуляция фактами, выдача мнения за знания и некоторые другие облигаторные явления политического дискурса.

Подводя итог, посмотрим на институционализацию дискурс-исследований. В России начал издаваться журнал «Современный дискурс-анализ» (СДА 2011). Тексты, принимаемые в журнал, должны соответствовать одной из следующих предметных областей: теория дискурса; методология и методика дискурс-анализа; анализ конкретных типов дискурса; конверсационный анализ; критическая теория; социология знания;

философия языка; коммуникативные и медиа-исследования, а также смежные и аналогичные исследовательские области. Известны несколько публикаций уральской Группы «Дискурс Пи» (Макаров 2007, Русакова 2006, Современные теории дискурса 2006). Кросс-культурное измерение характеристики дискурсов представляет монография Т.Д. Венедиктовой «Дискурс торга» (Венедиктова 2002).

Активно проблематизируется поле бизнес-коммуникаций – институализируются орглингвистика, бизнес-лингвистика, изучающие инновации и властные отношения в бизнес-коммуникации, анализа дискурса в Интернете, различных «экстремальных» видов дискурса – террористической угрозы и антитеррористического дискурса.

Целью ближайших лет является создание интегративной концепции критического анализа дискурса, осмысляющей новую роль дискурс-анализа как метода анализа разных дискурсов в социально-экономической коммуникации в новых условиях инфокоммуникативного общества и цивилизации знаний.

При том, что ширятся методы интерпретативной, качественной оценки, непонятно, насколько ценными остаются конкретные методы исследования социальных коммуникаций – выборочные опросы, методы экспертных оценок, метод наблюдения, тестирования, социометрии, другие виды анализа – корреляционный, факторный, детерминационный, структурный анализ, метод имплицитных шкал, контент-анализ, мотивно-целевой анализ и т. д.

Задачами выступает выделение соответствующих подходов в качестве магистральных стратегий исследований, осуществляемых в рамках анализа дискурса, например, психологических (когнитивных, культурно-исторических и т. д.), лингвистических (грамматических, текстологических, стилистических и пр.), семиотических (семантических, синтаксических, прагматических), философских (структуралистских, пост-структуралистских, деконструктивистских), логических (аргументативных и аналитических), информационно-коммуникативных (риторических) и анализ различного рода дискурсов и их типологизация.

В настоящей статье дискурсивному анализу подвергаются типичные особенности экономиче-

ского дискурса. Материалом являются научные и публицистические тексты об экономическом кризисе, охватившем мир в 2008 году.

Когда речь заходит о деньгах, в дискурсе особенно часты **иносказания и эвфемия**: так, слова *resources, funds, finances* употребляются привычно вместо *money*.

Иной пример частотного эвфемизма, камуфлирующего нелицеприятную действительность: *подтасовка отчетности* вызывает названия типа *creative book-keeping, черная бухгалтерия*

Devaluation привычно заменяется на *exchange rate adjustment*.

Ставшие последние годы традиционными сообщения о кризисе изобилуют эвфемизмами типа *рост без развития, нулевые темпы роста, коррекция вниз = кризис, либерализация цен = их повышение, проблемы с ликвидностью = нехватка денег, высвобождение кадров = оптимизация занятости, социальное пособие = пособие по безработице*.

А как загадочны и необычны транслитерированные в русском языке экзотические термины: *флуктуация, аддикция, рецессия*...

Посмотрим на метафорику бирж: *Рынок в неважной форме, превалирует медвежье настроение, рынок не бьет рекорды*...

Говоря о **метафорике экономического дискурса** в целом, не надо забывать, что этот дискурс изобилует банальными, стертыми метафоризациями, метафорическими рефлексам — свидетельствами метафорического переноса в словообразовании:

Cut the interest rates, the prices soared, tightening credit, put downward pressure on consumer spending, a key economic engine, outstanding debts, a period of global growth, the debt grew, speculative bubbles, to lower the underwriting standards, to increase their loan volume and total profit, to issue bonds to hold to maturity, financial leverage, mortgages began to default, to hedge risks, stock indices entered a bear market, a bailout plan, credit crunch, to have a history of loan delinquency, predatory lending practices, a cash flow waterfall, easy money, loose credit.

Инвентаризация **банальных метафор** — не наша задача. Затуманенные метафоризации не несут ничего нового, не воспринимаются говорящим и слушающим. Это автоматизации. Однако отметим, что в традиции Американской теории

метафоры существует множество публикаций, описывающих конечное число моделей таких метафоризаций — например, роста, животного мира, болезни, дороги и т. д.

Терминология кризиса нова: слов *subprime, bailout, credit crunch* в привычном для нас значении нет в словарях даже девяностых годов двадцатого века. Это — свидетельство развития язык и менталитета, так как за каждым этим словами находятся концепты.

Иные термины существуют давно, но не понятны без предварительной семантизации: *first lien mortgage, markdowns, margin calls, underwriting standards, non-recourse loans, adjustable rate mortgages, mortgage-backed securities*.

Lenders had begun foreclosure procedures.

Так словосочетание *subprime mortgage crisis* требует семантизации слова *subprime*, в современном своем значении известного с 1993 года и ставшего словом года 1998 года:

Subprime lending is the practice of lending, mainly in the form of mortgages for the purchase of residences, to borrowers who do not meet the usual criteria for borrowing at the lowest prevailing market interest rate.

Credit default swaps are insurance contracts used to protect debt holders, in particular MBS investors, from the risk of default. (Здесь, кроме всего прочего, пояснения требует и *MBS = mortgage backed securities*). *Like all swaps and other financial derivatives, CDS may either be used to hedge risks (specifically, to insure creditors against default) or to profit from speculation.*

Причина кризиса проста, сколько не укрывай ее за эвфемизмами: *Mortgages were issued to households with low incomes and assets and with troubled credit histories. Lenders have offered increasingly risky loan borrowers.*

Посмотрим на **эвфемизмы**, свойственные дискурсу о кризисе:

housing bubble, higher risk lending practices, liquidity risk, mortgage default, lending to uncreditworthy borrowers, capital flows, opaque financial products.

Все риски игры на бирже укрыты за эвфемизмами:

To assume difficult mortgages in the belief they would be able to quickly refinance at more favorable terms.

The risks to the broader economy created by the housing market downturn

The federal government bailout of thrifts during the savings and loan crisis of the late 1980s may have encouraged other lenders to make risky loans, and thus given rise to moral hazard.

Укрыты за эвфемизмами и последствия неразумной погони за доходными финансовыми операциями по вложению в сомнительные ценные бумаги:

To minimize collateral damage to the economy.

Плюс вторая причина – создание таких финансовых инструментов, как деривативы. Этот феномен нуждается в семантизации.

A variety of financial innovations have gradually made it possible for lenders to sell the right to receive the payments on the mortgages they issue, through a process called securitization. The resulting securities are called mortgage backed securities and collateralised debt obligations.

Отсюда понятен становится и результат, сколько не скрывай его за метафоризированными эвфемизмами:

Borrowing at a lower interest rate and investing the proceeds at a higher interest rate is a form of financial leverage. The prices began to decline and mortgages began to default.

Многочисленные **аббревиации** не вносят ясности в воспринимаемый текст:

MBS, ARM, CDO, CDS = credit default swaps.

Естественным для отправителя, но затрудняющим рецепцию текста для читателя является факт наличия в текстах об экономическом кризисе различного рода **цивилизационных реалий** фигурантов экономического кризиса, требующих экстраязыковых знаний:

Emergency Economic Stabilisation Act of 2008, MBSs, CDOs, the State foreclosure Prevention Working Group, Bank of America, Fannie Mae, Freddie mac, Northern Rock, Bear Sterns, J. P. Morgan Chase, Merrill Lynch, HBOS, Lehman Brothers, AIG, federal Reserve, USA Office of Thrift Supervision, Citigroup, TARP funds, Federal Home Loan Banks.

Порой требуется **понимание самих концептов** типа *government sponsored enterprises (GSE)*.

Приведем пример знаков, требующих экстралингвистического знания:

*In November 2008 the Fed announced the \$200 billion **Term Asset –Backed Securities Loan Facility***

(TALF). This program supported the issuance of asset-backed securities (ASB), collateralised by loans, related to autos, credit cards, education, and small businesses.

Постоянные явные и коннотированные оценки в тексте: *predatory lending practices, exorbitant fees.*

Усложняют процесс понимания текстов о кризисе термины. Так, например, частотен термин *securitization*, означающий сомнительный с традиционной точки зрения действие в отношении ценных бумаг:

Securitization meant that issuers could repeatedly lend a given sum, greatly increasing their free income.

В экономическом дискурсе терминологизированы и слова типа *liquidity, solvency, credit crunch.*

Усложняют понимания **наименования эпонимические, метафорические, аббревиации.**

The Ponzi borrower – who relies on the appreciation of the value of his assets to refinance or pay off his debt, while being unable to repay the original loan.

Credit default swaps are insurance contracts used to protect debtholders, in particular MBS investors, from the risk of default.

Liberal economist Robert Kutner has suggested that the repeal of the Glass-Steagall Act by the Gramm-Leach-Bliley Act may have contributed to the subprime meltdown, but this is controversial.

Итак, метафоры, **эвфемизмы и перифразы, неясные и сложные термины, аббревиатуры и неологизмы, работающие не неясность** – конституенты дискурса экономического кризиса.

Еще одним конструктом общественно-политического дискурса является **оценочная лексика и семантика оценки:**

More favorable mortgage terms (i. e. refinancing, loan modification or loss mitigation).

С оценочностью связана и эвфемия:

*Corporations, trade groups, and consumer advocated have begun to cite data on the numbers and types of borrowers assisted by **loan modification programs**. Consumer groups claimed these modification affected less than 1% of the 3 million ARM subprime mortgages outstanding as of the third quarter.*

Множатся работы, утверждающие и демонстрирующие, что язык накладывает опреде-

ленную структуру на реальность, задает способ видения объекта. В экономической теории мелиоративная оценка присуща изначально нейтральным терминам (типа *равновесие*, *совершенная конкуренция*). Слышим «естественный уровень инфляции» – и сразу сказывается семантика слова «естественный». И вот уже такой уровень понимается как «неизбежный, желательный, оптимальный природой».

Многие оперативные термины представляют из себя убеждающие метафоры, а не строгие понятия. Широко распространены классические экономические метафоры «невидимая рука», «ночной сторож», психология *laissez-faire* (тут в семантике термина участвует и компонент «офранцузивания»: согласимся: это понимается не так, как буквальный перевод «делайте, что хотите»).

Существуют и мировоззренческие метафоры – *свободный рынок*, *открытый рынок*, *открытое общество*. В утверждении «переходный период» кроется признание ситуации приемлемой в силу временного характера.

При этом лексикологи оперируют понятиями «значение» и «понятие» (Арнольд 2002: 151): «Под лексическим значением слова... понимается реализация понятия, эмоции или отношения средствами языковой системы. Поскольку в понятии отражается реальная действительность, значение слова соотнесено с внеязыковой реальностью, вместе с тем понятие не тождественно значению, поскольку последнее имеет лингвистическую природу, включает неконцептуальные компоненты: экспрессивные, эмоциональные и другие коннотации. Мы не только называем понятие (денотативное значение), но и «второй части сообщения, связанной с условиями и участниками общения, соответствует коннотация, куда входят эмоциональный, оценочный, экспрессивный и стилистический компоненты значения» (Арнольд 2002: 153). Характерна и семантическая иррадиация, которая заключается в том, что одно необычное, свежо звучащее слово «заряжает» весь текст, является его семантической доминантой, определяет и задает главный смысл (*foregrounding*, *эффект обманутого ожидания*, *выдвижение*). Г.И. Богину эта тема виделась как исследование *актуализаций* в русле учения пражцев и особен-

но Я. Мукаржевского. Обращаются к феномену актуализации и исследователи риторики художественного текста (И.В. Арнольд, П.Е. Бухаркин, В.А. Кухаренко). При этом надо учитывать, что не всякая метафора свежа. Дискурс изобилует банальными метафоризациями, семантическая нагрузка которых часто ничтожна, основные модели которых поддаются исчислению (Дж. Лакофф, А.Н. Баранов). Перечислим расхожие метафоры общественно-политического дискурса об экономическом кризисе последнего месяца: *economy is in bad shape; to set politics aside; to beef up the state of the intelligence; tax cut; American voters have spoken clearly; a weight has been lifted from my shoulders; a huge burden of expectations; amid a sea of supporters; running neck in neck; the clock is already ticking; to bury the hatchet; swing state; redesign the future; a new capitalism should be built out of today ruins; the shares are sliding; no-casino capitalism; chasing profits; slide into recession; removal of the trade barriers...* В речах Б. Обамы во время проводимой предвыборной кампании встречаем автоматизации типа *Destiny is written not for us, but by us. The wind of change is blowing*. Это рефлекс метафоризации как семантического способа словообразования. Свежесть такой метафоризации не больше, чем у предложения «Мадам, вы прекрасны как роза».

Потенциал затертой метафоризации был показан нами в военном переводе, в экономическом и общественно-политическом переводе, в историческом дискурсе. В экономическом дискурсе постоянно встречаются затертые метафоры: *naked short selling, credit default swaps, credit crunch, bailout, asset price bubble*. Оценим стандартность образности: *The markets liked the medicine shares have jumped. Рынки подскочили*.

Еще раз отметим, что отдельного обсуждения в связи со своей функциональной ролью заслуживает такое явление, как *эвфемия*: *executive remuneration = bonuses = overcompensation; low income food; risky spending; toxic assets = troubled assets; loose fiscal policy; financial malaise...* Ситуативной может быть *отрицательная коннотация эвфемизма*: *mortgage-related assets. Феномен скрытой и явной оценочности* требует внимательного изучения в связи с социальной значимостью и в дидактике, и в риторике,

и в юрислингвистике. Явление эвфемии и феномен стереотипии (штамп, клише) также, наряду с затертой метафоризацией, являются текстовыми маркерами автоматизации (Бушев 2010). Затертости смысла такого дискурса (сознательной или подсознательной) способствует и неясная семантика ряда рекуррентных коллокаций: *failed countries, humanitarian catastrophe...*

С семантическими играми связан **язык политической корректности**, проявляющейся прежде всего в феномене эвфемии – *рецессия, постепенный рост цен и зарплаты = инфляция, затишье на рынке отсутствие активности, бюджет увеличивается вам это будет дорожке, малопривилегированные люди = люди, попавшие в сложные жизненные обстоятельства = нуждающиеся = люди, лишенные жизненных благ.*

Лишь понимание функциональной роли всех этих знаков позволяет нам подняться от первого уровня понимания экономического дискурса (простой семантизации его конституентов) до когнитивно-распредмечивающего понимания и аналитико-прогностической работы. Приведем для примера экономический дискурс из журнала Newsweek начала 2011 года.

What do you think will be the most contentious economic issue this year and why?

The contention flows from the tension in resolving challenges without burdening others. Because money is the medium that interconnects economies, differences will be reflected in complaints about the international monetary system; exchange rates for currencies; large and perhaps volatile shifts of capital; and domestic monetary policies that could have international effects.

These differences could spill over to other channels of interaction, such as protectionism in trade, uncompetitive favoritism of national companies and workers, or export bans of agricultural products. On the other hand, sustainable growth, with a rebalancing of demand both between domestic sources and trade, and across countries at various stages of recovery and development, could create win-win opportunities that ease tension.

Согласимся, что эффективное понимание этого текста выходит далеко за рамки собственно

лингвистической трактовки и семантизации его знаков. Мы выходим к проблематике предпереводческого анализа и стандартного и актуализированного в дискурсе.

Литература:

1. Арнольд И.В. Стилистика английского языка. М., 2007.
2. Бушев А.Б. Русская языковая личность профессионального переводчика. Дисс. д-ра филол. наук. Москва, 2010.
3. Венедиктова Т.Д. Дискурс торга в литературе США. М.: НЛЮ, 2002.
4. Гусельцева М.С. Методологическая «оптика» постнеклассической и неклассической рациональности // Журнал практического психолога 2009, № 6. С. 4–25.
5. Дискурс. Энциклопедия «Кругосвет».
6. Йоргенсен М.В. Дискурс-анализ. Пер. и науч. ред. А.А. Киселевой. Харьков: Гуманитарный центр, 2008–350 с.
7. Макаров Д.И. Дискурсология: проблемы и вызовы сегодняшнего дня // Свободная мысль, 2007. № 6. С. 217–221.
8. Мусихин Г.И. Дискурсивный анализ идеологий // Полис, 2011. № 5. С. 128–144.
9. Плахов В.Д. Социология как дискурс / дискурсы // Социологические исследования, 2011. № 6. С. 60–66.
10. Политический дискурс в России. Хрестоматия. Сост., общая ред. Базылева В.Н. М.: ГИРЯ им. А.С. Пушкина, 2007. – 208 с.
11. Русакова О.Ф. Политическая дискурсология: предметное поле, теоретические подходы и структурная модель политического дискурса // Полис. 2006. № 4. С. 26–43.
12. Тетерин А.Е. Применение качественных методов в политологическом исследовании (на примере критического анализа Н. Фэркло) // Полис, 2011. № 5. С. 145–150.
13. Трахтенберг А.Д. Дискурсивный анализ массовой коммуникации и парадоксы левого сознания // Полис, 2006; № 4. С. 44–52.
14. Сайт НИЛ 2011 – Научно-исследовательская лаборатория в области исследования бизнес-коммуникаций НИИ «Высшая школа экономики». Интернет-источник: <http://buscom.hse.ru/news>.
15. СДА 2011 – Современный дискурс-анализ. Интернет-источник: <http://www.discourseanalysis.org>.
16. Современные теории дискурса: мультидисциплинарный анализ (Серия «Дискурсология») – Екатеринбург: Издательский Дом «Дискурс-Пи», 2006, – 177 с.
17. Углов Д.В. Теория коммуникативного действия Ю. Хабермаса и дискурс как условие справедливости // Гуманитарные и социально-экономические науки, 2009. № 2. С. 24–28.
18. Van Dijk 2011. Teun A. van Dijk web site. Интернет-источник: <http://www.discourses.org>.

Матвеева А.И.

ТРАВЕЛОГ ТРУДОВЫХ МИГРАНТОВ В СОЦИАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЧУЖБИНЫ

Матвеева А.И.

доктор философских наук,
Уральский государственный
экономический университет

В век глобализации трудовая миграция стала частью международных экономических отношений. Проблемы социально-экономической адаптации трудовых мигрантов можно условно поделить на три блока: материальные (аренда жилья, поиск работы) и нематериальные (отношения с местными жителями и государственными органами). Отдельным блоком выделим проблему духовной социализации трудовых мигрантов.

С экрана каждого телевизора, СМИ ежедневно мы слышим слова правительства о развитии духовности в нашем обществе. Духовность, согласно современным философским взглядам, – это высший уровень развития и саморегуляции зрелой личности. На этом уровне мотивом и смыслом жизнедеятельности человека становятся не личные потребности и отношения, а высшие человеческие ценности.

Говоря о трудовой миграции, стоит обратить внимание на три государства Центральной Азии, служащих основными поставщиками рабочей силы, в виду своего географического и стратегического положения. Важным является и то, что все государства Центральной Азии, кроме Казахстана, относятся к семи самым малообеспеченным странам СНГ (так называемая «семёрка СНГ»: Азербайджан, Армения, Грузия, Кыргызстан, Молдова, Таджикистан и Узбекистан).

Подавляющему большинству трудовых мигрантов (тем, которые, не имея ничего в своей стране, приезжают в Россию, чтобы стать рабочей силой) приходится преодолевать большие трудности, начиная с проблем с местом жительства, заканчивая отношениями с местным населением. А ведь везде процесс адаптации мигрантов к но-

вой культуре проходит с большими сложностями, причем проблемы возникают не только у мигрантов, но и у местных жителей.

В своей статье «Цена рабства» политолог Георгий Бовт говорит: «Миллионы полуграмотных, не знающих ни наш язык, ни основ нашей бытовой и прочей культуры людей, все более стремительно заселяющих наши просторы, оказывают негативное воздействие на многие стороны общественной жизни. Начиная от распространения болезней, казалось, ушедших в прошлые века, к примеру, туберкулеза (сколько стоит лечение зараженных им людей?), и кончая криминальным воздействием на бытовую среду, деградирующим влиянием на образование, когда их дети, словно Маугли, идут в обычные школы, задавая пониженный стандарт преподавания там самим фактом своего присутствия среди других детей. Приезжих становится все больше, во многих региональных и даже московских школах они составляют уже существенную долю учеников. Скоро это поколение неучей хлынет в вузы, где уровень образования за последние годы и так упал катастрофически»¹. – Нежелание и попросту неспособность гастарбайтеров интегрироваться в повседневную жизнь страны создаст миллионы конфликтных ситуаций.

Поэтому изучение проблем **Духовной социализации** трудовых мигрантов является одной из наиболее значимых социально-философских проблем.

Духовная социализация трудовых мигрантов как составная и базовая часть социализации требует от человека способности к духовной любви, созерцанию, воли к совершенству, продуктивно-творческого воображения, осуществления «совестливого акта», развитого чувства социальной справедливости и социальной ответственности, сохранения и расширения духовного пространства во всей его жизнедеятельности. В процессе социального взаимодействия трудовые мигранты неизбежно сталкиваются с проблемами формирования духовной культуры, понимания ее национальных особенностей,

осмысления конкретных проявлений духовной социализации – социальной ответственности и национального самосознания.

А какой духовной социализации может идти речь, если низкие зарплаты миллионов иностранных работников, к тому же в массовом порядке переводимые на родину (ВВП Таджикистана на 47% зависит от денежных переводов из России), выводятся с внутреннего рынка, ведут к сжатию спроса на товары и услуги. Не растет деловая активность, идет деградация и самого этого потребительского внутреннего рынка, в значительной степени ориентированного на полунищих работников. Зарплаты наемных работников – это во всех странах существенный фактор внутреннего спроса, они стимулируют естественный экономический рост. С другой стороны, национальные диаспоры иммигрантов захватывают уже целые сектора экономики – розницу, услуги строительства для частных лиц, частично ЖКХ и т. д., вытесняя оттуда трудовых мигрантов, выстраивая собственные структуры, привлекая новых работников из соплеменников.²

Даже из малой части перечисленных проблем мешающих духовной социализации трудовых мигрантов мы видим, сто без помощи государства тут не обойтись.

Проблема, однако, заключается в том, что миграционная политика на Евразийском пространстве сегодня ориентируется только на доступное для России миграционное предложение со стороны стран-доноров и пока слабо разрабатывает собственные приоритеты и селективные программы миграции квалифицированной рабочей силы. Если же ничего толком дальше не делать, занимаясь лишь упражнениями по русскому языку с бессмысленной и бесполезной регистрацией (в целях, очевидно, подкормить работников ФМС), то через пару десятков лет на территории России будет жить совершенно другая человеческая общность. Так как по данным Госкомстата легально в Российской Федерации трудятся 1,2–1,4 млн. человек, а нелегально – до 8 млн. человек.

Духовная социализация, адаптация и интеграция мигрантов в стране приема является очень сложным и неоднозначным процессом. Он зависит от многих факторов: от особенностей иммиграционной политики страны приема, от толерантности местного населения по отношению

к мигрантам, от взаимодействия государства с гражданским обществом. Местное население. Чаще всего негативно относиться в «приезжим», не учитывая, что трудовые мигранты вынуждены покинуть родину с целью зарабатывания средств пропитания и проживания. Чаще всего трудовые мигранты испытывают социальную отчужденность, у них возникают сложности с социальной, профессиональной и психологической адаптацией. Хроническая усталость, стрессы в связи с непредсказуемостью и нестабильностью финансово-экономической и социальной ситуации; фрустрации, возникающие в связи с неопределенностью статуса (занятый/незанятый, бедный/богатый, законный/незаконный бизнес и т. д.), создают тот негативный психологический фон, на котором протекает повседневная жизнь мигранта, отрицательно сказываются на процессе его духовной социализации.

Духовная дезадаптация трудовых мигрантов на евразийском пространстве отражает их неустойчивое экономическое положение и неопределенный социальный статус. Компенсацию за напряжение и перегрузки, проблемы со здоровьем, ухудшение качества воспитания трудовых мигранты видят в том, чтобы дать детям качественное образование. Многие из родителей надеются, что детям, благодаря этому, не придется заниматься коммерческой миграцией или иной работой на выезде.

Трудовая миграция не должны быть хаотичной. Решить проблему духовной социализации страны-экспортеры не в состоянии. Однако страны-импортеры не могут вот так запросто откеститься от этой проблемы, ибо могут стать государствами, куда ринутся большие массы нелегальной рабочей силы. Поэтому России и Казахстану, с одной стороны, Узбекистану, Киргизии и Таджикистану, с другой стороны, необходимо сесть за стол переговоров и попробовать решить проблему сообща.³ Так как сохранение нравственности, обеспечение преемственности и защита культурно-исторического наследия, утверждение в обществе патриотизма и гуманизма, развитие многовековых духовных традиций должны стать приоритетами в духовной сфере жизни Евразийского пространства. В данном контексте социально-философское осмысление проблем духовной социализации

трудовых мигрантов как основы социального взаимодействия приобретает особую мировоззренческую значимость и принимает характер не просто абстрактно-этический, а социальный и вполне конкретный.

Литература:

1. Бовт Г. «Цена рабства» Режим доступа: <http://www.gazeta.ru/column/bovt/4876749.shtml>.
2. Бовт Г. «Цена рабства» Режим доступа: <http://www.gazeta.ru/column/bovt/4876749.shtml>.
3. Дмитрий ПЕРЦЕВ. «Gazeta.kz», 5 января 2009 год.

Моисеенко Я.Ю.

ДИСКУРС КОНФОРМИЗМА

**Моисеенко
Ян Юрьевич**

магистрант Института социально-политических наук
УрФУ им. первого Президента России Б.Н. Ельцина

Любое толкование понятия «политика», так или иначе, отражает собой одну из присущих его содержанию отличительных черт, а именно сложную структуру всякой политической деятельности, обусловленную, в том числе, наличием целого спектра участвующих в ней элементов. Под элементами подразумеваются и одушевлённые участники политики – её многочисленные субъекты, такие как социальные группы, слои, массы; а также, наряду с ними, неодушевлённые составляющие – среди них и политическая власть, и политическая культура, и политическое сознание, которые в совокупности и определяют специфику протекания процессов реализации государственной власти субъектами политики. «Политическое сознание» является, бесспорно, одним из фундаментальных элементов структуры политики, и изучение его основных характеристик – таких как политическая психология, политическая идеология, и особенно, мотивов политического участия, позволит выявить те «глубинные течения», которые позволят во многом объяснить поведение субъектов политики, действия которых не поддавались анализу при более поверхностном рассмотрении и от того, трактовались как стихийные. Более того, изучение политического сознания в целом, а также его отдельных компонентов, позволит спрогнозировать основной «курс» развития общества в дальнейшем, что немаловажно

в контексте позитивного осмысления опыта при оценке принятия новых политических решений.

В структуре самого политического сознания выделяют политическую идеологию и психологию, где идеология вторична и является «надстройкой» над политической психологией. Как продукт интеллектуальной деятельности любая «прижившаяся» политическая идеология является только отражением господствующих в обществе и разделяемых в обществе идеалов, эмоций и ценностей – на основе них и происходит первичная оценка окружающей политической действительности. Следовательно, тип ценностной ориентации субъектов политики является отправным пунктом выстраивания отношения к реальности, так как все их дальнейшие предпочтения, а значит и мотивы их политического участия, рассматриваются ими через призму разделяемых ими ценностей, и на основании этого, определяются как позитивные, негативные или нейтральные. Также от типа ценностной ориентации, господствующей в обществе, зависят и базовые характеристики самих субъектов политики, их число, а также формы их взаимосвязи, что уже в свою очередь определяют специфику реальных отношений между государством и обществом – то есть политический режим.

На современном этапе развития, наблюдается всё более возрастающее влияние глобализационных процессов, в том числе и в сфере политической жизни большинства обществ, включённых во всеобщий процесс культурной, социальной и прочей интеграции. На этом фоне происходит и сближение политических ценностных ориентации обществ, в прошлом отличных друг от друга на культурно-ментальном уровне. Всеобщий транзит демократических идеалов и ценностей приводит к унификации потребностей и предпочтений

субъектов политики, что не может не сказаться на ценностных ориентациях обществ в целом, так как этот процесс затрагивает глубинные структуры области политического сознания. Подобная унификация ценностей протекает за счёт их глобальной переориентации, в данном случае, на демократическое русло, со всеми вытекающими из того последствиями. Всеобъемлемость процесса смещения идеалов в мире подтверждается масштабами реализации идеи демократических ценностей, её успешной адаптации в странах с разным историческим наследием, а также в государствах переживших тоталитарные и авторитарные политические режимы. Возникает вопрос, благодаря какой черте, присущей каждому обществу, стало возможным подобное приведение под некий «общий знаменатель» их ценностных ориентаций, невзирая на сложившиеся культурные традиции и уникальное историческое наследие?

Для того чтобы дать ответ на этот вопрос, можно обратиться к опыту социальной психологии, так как в рамках этой науки проводились изыскания в области зависимости мнения и поведения человека от внешних факторов, в том числе от мнения и поведения большинства, либо референтной группы. А уже в дальнейшем, можно будет экстраполировать некоторые полученные выводы на область поведения политических субъектов, что представляется возможным благодаря смежности социальной и политической психологии.

Феномен изменения поведения или мнения вследствие реального или воображаемого давления этой группы (или большинства) получил название «конформизм» – термин был введён и истолкован американским психологом, профессором, Соломоном Ашем в 1956 году. Аш определял конформизм как «отказ индивида от дорогих и значимых для него взглядов ради того, чтобы оптимизировать процесс адаптации к группе». Конформное поведение, таким образом, показывает меру подчинения индивида групповому давлению, принятия им определенного стандарта, стереотипа поведения, ценностей, ценностных ориентации группы. Противоположным конформизму является поведение самостоятельное, устойчивое к групповому давлению.

В отношении к давлению группы Аш различал четыре типа поведения:

внешний конформизм – мнения и нормы группы принимаются человеком лишь внешне, а внутренне, на уровне своего самосознания, он продолжает не соглашаться с группой, вслух этого не высказывает – это тип поведения приспосабливающегося к группе человека. Во-вторых, Соломон Аш выделял **внутренний конформизм**, при котором человека действительно усваивает мнение большинства, он полностью согласен с ним, что показывает высокий уровень внушаемости данного человека. Это тип приспосабливающегося к группе человека. Далее следовал **негативизм**, характеристикой которого, является сопротивление человека давлению группы, активное отстаивание своего мнения, активная демонстрация независимости собственной позиции, стремление к тому, чтобы его индивидуальное мнение стало мнением всей группы, а также открытое заявление об этом желании. Такой тип поведения присущ человеку, несклонному приспосабливаться к группе, а стремящемуся приспособить группу к самому себе. Наконец, **нонконформизм**, Аш выделял как четвёртый тип поведения. Ему также свойственны независимость, самостоятельность норм, ценностей, суждений, неподверженность давлению, но в отличие от негативизма, этот тип поведения присущ самодостаточному человеку, который не меняет свою точку зрения в угоду большинству, но и не навязывает её другим.

Другой американский социальный психолог Д. Майерс называет три основных причины конформного поведения. В первую очередь, он выделяет, что настойчивое и упрямое поведение других людей может убедить человека в ошибочности его первоначального мнения. Во-вторых, любой член группы осознанно или неосознанно стремится избежать наказания, порицания, осуждения, ostracизма со стороны группы за несогласие и непослушание. В-третьих, неопределенность ситуации и неясность информации способствует ориентации человека на мнения других людей, которые становятся для него, определенным и ясным источником информации. В целом, Майерс делает вывод о том, что в групповом взаимодействии эффект конформизма играет существенную роль, поскольку он является одним из основополагающих механизмов принятия группового решения.

Используя результаты научной деятельности социальных психологов, постараемся дать ответ

на поставленный вопрос о феномене популярности и успешности демократических идей в мировом политическом процессе, базируясь на проводимых ими экспериментах по выявлению конформности отдельных индивидов (эксперименты Шерифа, Аша, Милграма). Бесспорно, эксперименты показывают, что индивиды склонны к коррекции личного мнения относительно господствующего мнения большинства, при условии, что это приведённое в соответствие с «*общепринятым*» мнение гарантирует им ряд определённых благ, ими может стать как успешная адаптация к группе, так и получение определённых дивидендов и т. п. На основании этого, можно предположить, что и социальные группы, целые массы привержены к изменению присущих им ранее взглядов, убеждений, в случае, если это позволит им адаптироваться к установившейся реальности с наименьшими потерями для них. Если люди по отдельности склонны проявлять один из типов конформизма в различных жизненных ситуациях (а эксперимент Аша доказал, что процент полностью конформных людей приблизительно равен 37), то они формируют собой общество конформистов, которое, как субъект политики, становится конформным уже само по себе, рассматриваемое как единое целое. И, соответственно, ориентирует присущие ему идеалы, взгляды и ценности согласно мнению большинства – в данном случае, большинство являет собой мировая общественность.

Классификация типов конформизма, предложенная Соломоном Ашем, может быть использована и в плане классификации типов конформного сознания отдельных политических групп. Так, внешний, а в некоторых более редких случаях и внутренний конформизм, исповедуют группы с изначально «заниженной самооценкой», а также которые характеризует высокая степень сплочённости внутренней структуры. Более того, конформность таких групп находит своё проявление особенно активно, если они поставлены внешними обстоятельствами перед трудновыполнимыми задачами, в решении которых, они чувствуют себя неуверенно, будучи некомпетентными. Авторитетность оказывающего на них давление общественного мнения только усиливает их тягу присоединиться к нему, переориентировав прежние ценности на нужное для того направление.

Негативизм, который склонны проявлять группы по большей части маргинального характера, противостоящие главенствующим в обществе тенденциям политики, тоже является типом конформного сознания, только такой конформизм определяется как «конформизм от противного». Во-первых, это обусловлено тем, что негативизм не является самостоятельно-ориентированной формой политического сознания, в основном, в силу того, что его существование поставлено под прямую зависимость от конформизма окружающих. Во-вторых, сама ценностная ориентация негативизма основана на отрицании мнения большинства, вне зависимости от его сущностных, ценностных составляющих, то есть, по определению, далека и от претензии на звание «ценностной ориентации». Таким образом, только неконформизм можно считать ценностной ориентацией политического сознания, но на практике это явление достаточно редкое, так как требует от субъектов политики высокой, приближающейся к идеалу, политической культуры.

Делая вывод, можно остановиться на том факте, что конформизм, по своей сущности, не является типом ценностной ориентации, но в реальности, всё больше претендует на то. Оптимизация процесса адаптации к той или иной группе, по существу означает только отказ от одних ценностей в пользу других, но никак не означает исповедование ценностей самого процесса адаптации. К сожалению, этапу развития мирового политического процесса сегодняшнего дня, свойственно именно такое искажение самого понятия «ценностная ориентация», когда за его рамки удаляются сами ценности, их имманентные характеристики, которые и позволяют трактовать их как позитивные, негативные или нейтральные. Вместо этого, акцент смещается непосредственно на сам процесс этого перехода, некритическое принятие окружающей политической действительности, в независимости от свойств этой же действительности. В этом случае, конформизм из «ориентирования на что-либо» превращается в самодостаточную «ориентацию чего-либо», что способствует процветанию в обществе пассивности, отчуждения и вытесняет из участия в политическом процессе множество потенциальных субъектов.

Лобовиков В.О.

МЕТАФИЗИКА И ФИЗИКА ПАРМЕНИДА И МЕЛИССА В СВЕТЕ ДВУЗНАЧНОЙ АЛГЕБРЫ ФОРМАЛЬНОЙ АКСИОЛОГИИ

(ОБОСНОВАНИЕ НЕВОЗМОЖНОСТИ СУЩЕСТВОВАНИЯ ВЕЧНОГО ДВИГАТЕЛЯ В ДИСКРЕТНОЙ МАТЕМАТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ МЕТАФИЗИКИ МЕЛИССА)

Лобовиков
Владимир Олегович

доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии и права УрО РАН, академик МАДИ

Физика, бойся метафизики!

И. Ньютон

Со времен Г. Галилея до наших дней физика претерпела качественные изменения: современную всесторонне математизированную теоретическую физику и ее опытную основу – экспериментальную физику невозможно спутать с тем, что излагал Аристотель в своей «Физике» исключительно на естественном языке. Если сравнить «Физику» Аристотеля с его «Метафизикой», то существенного различия соответствующих друг другу фрагментов почти не видно (иногда совпадение бывает даже почти дословным). В своей «Физике» Аристотель, по сути дела, излагает *метафизику* природы. И до него у других античных авторов дело обстояло аналогичным образом. Философские трактаты с типичным названием «О природе» были посвящены *метафизике* природы и при этом авторов называли физиками! В этом значении слова «физик», и Гераклит, и элеаты (Парменид, Зенон, Мелисс) – физики. Но нередко современные исследователи с удивле-

нием констатируют факт, что основным предметом обсуждения, у этих так называемых «физиков», были почему-то *ценности и смыслы* деятельности, законы как *нормы должного поведения*, т. е. предмет *этики и права (естественного)*, а не физики в современном значении слова. Однако эта странная ситуация свойственна не только античной Греции. В Европе XVII–XVIII веков сочинения с типичным названием «Закон природы» очень часто были посвящены не физике в современном значении слова, а естественному праву и морали (естественной), морально-правовым рассуждениям о добре и зле, должном и недопустимом. В настоящей работе мы попробуем разобраться в указанном логико-лингвистическом недоразумении, относящемся к «природоведению», систематически используя для этого искусственный язык, понятия и методы *алгебры формальной этики и естественного права*. Интересно, насколько далеко зашло спутывание априорной метафизики (ценностей) и апостериорной физики (фактов)?

В современной научной литературе существует гипотеза, согласно которой, *в сущности, метафизика есть формальная аксиология, в частности, формальная этика*. С точки зрения этой гипотезы, алгебра метафизики есть алгебра формальной аксиологии, в частности, алгебра формальной этики¹. В небольшой работе невозможно определить все используемые понятия алгебры формальной этики; поэтому, отсылаю читателя к монографиям². К данным в этих монографиях дефинициям основных понятий добавим следующий глоссарий.

Глоссарий (словарь используемых обозначений терминов) для таблицы 1. Пусть символ *Ба* обозначает морально-правовую ценностную

функцию «бытие (чего) a ». Символ Ha – ценностную функцию «небытие (чего) a ». Da – «движение, изменение, перемещение (чего) a ». Za – «невозможность (чего) a ». Ba – «возможность (чего) a ». Ma – «множество (чего) a ». Pa – «противоречие в (чем) a ». Ga – «бесконечность (чего) a ». Ka – «конечность, конец (чего) a ». Ba – «материальность, материя (чего) a ». Aa – «внутреннее (что) a ». Sha – «внешнее (что) a ». Va – «двигатель (чего) a ». $Эa$ – «сила (чего) a ». Ценностно-функциональный смысл перечисленных унарных операций определяется в алгебре формальной этики следующей таблицей 1.

Таблица 1 – Унарные операции

a	Ba	Ha	Da	Za	Ba	Ma	Pa	Ga	Ka	Ba	Aa	Sha	Va	$Эa$
х	х	п	п	п	х	п	п	х	п	п	х	п	п	х
п	п	х	х	х	п	х	х	п	х	х	п	х	х	п

Глоссарий для таблицы 2. Fa – «причина (чего) a ». $Чa$ – «чрезмерность, т.е. нарушение меры, (чего) a ». Ca – «продолжение (чего) a ». Wa – «противоположность для (чего) a ». La – «предел (граница) для (чего) a ». Oa – «определенность (определение), ограниченность, ограничение (чего) a ». Ra – «противоречивость (чего) a ». Ya – «пустота (чего) a ». Da – «единое (что), единство (чего) a ». Ya – «единство (объединение) против (чего) a ». Ua – «неопределенность, неограниченность (чего) a ». $Φa$ – «полнота (чего) a ». Ta – «непротиворечивость (чего) a ». Ia – «отражение, обращение вспять (чего) a » или «изменение направления (чего) a на прямо противоположное».

Таблица 2 – Унарные операции (продолжение)

a	Fa	$Чa$	Ca	Wa	La	Oa	Ra	Ya	Da	Ya	Ua	$Φa$	Ta	Ia
х	х	п	х	п	п	п	п	п	х	п	х	х	х	п
п	п	х	п	х	х	х	х	х	п	х	п	п	п	х

ОПРЕДЕЛЕНИЕ: Морально-правовые формы деятельности, отвлеченные от конкретного содержания, т.е. морально-правовые ценностные функции, a и b называются *формально-аксиологически эквивалентными*, если и только если они (a и b) принимают одинаковые морально-правовые значения из множества {х (хорошо); п (плохо)} при любой возможной комбинации морально-правовых значений (х или п)

переменных, входящих в эти формы. Отношение *формально-аксиологической эквивалентности* морально-правовых форм (ценностных функций) a и b обозначается символом « $a=+=b$ ».

В естественном русском языке отношение формально-аксиологического тождества ($a=+=b$) выражается разными средствами. Например, словами «значит», «означает», «является», «есть», иногда заменяемыми тире. Однако общеизвестно, что эти слова имеют *формально-логические* значения. А вот то, что те же самые слова имеют еще и *формально-аксиологические* значения, обычно не осознается. Вопреки этому неосознанному обычаю, в данной работе систематически используются и исследуются именно формально-аксиологические значения вышеупомянутых слов-омонимов. Употреблять эти омонимы на стыке формальной логики и формальной этики нужно, соблюдая логико-лингвистические предосторожности, исключающие возможность недоразумений, закономерно порождающих иллюзии логических противоречий.

С помощью данного определения отношения « $=+=$ » и приведенных выше таблиц 1 и 2 можно получить следующие ниже уравнения (формально-этические эквивалентности), моделирующие положения метафизики Парменида и Мелисса. Справа от каждого уравнения (после двоеточия) помещен его перевод на естественный язык. Слово «есть» (и тире) обозначает в этих переводах формально-аксиологическую эквивалентность ценностных функций, обозначаемую знаком « $=+=$ ».

- 1) $Ba=+=a$: (бытие a) есть a .
- 2) $a=+=Ba$: a есть бытие a .
- 3) $Ba=+=Ba$: (бытие a) есть бытие a (Парменид: «Бытие есть»³).
- 4) $Ha=+=Ha$: (небытие a) есть небытие a (Парменид: «Небытия нет»⁴).
- 5) $NBa=+=Ha$: небытие бытия a есть небытие a .
- 6) $BHa=+=Ha$: бытие небытия a есть небытие a .
- 7) $NNa=+=Ba$: небытие небытия a есть бытие a .
- 8) $Ba=+=NNa$: бытие a есть небытие небытия a (Парменид: «Небытия нет»⁵).
- 9) $Ha=+=Da$: (небытие a) есть движение a .

- По проблеме конечности или бесконечности бытия взгляды Парменида и Мелисса разошлись, и это расхождение является не пустяковым, а принципиально важным. В переводах представленных выше урвнений на естественный язык уже упоминалось, что, *согласно Мелиссу, бытие бесконечно; конечность эквивалентна небытию*. Парменид же полагал, что бытие конечно. Это разногласие является существенным не только для

метафизики, но и для физики, являющейся учением о движении. Промоделированные выше сентенции Парменида о движении (в частности, «движения нет») Мелисс полностью разделял и отстаивал в дебатах с противниками Парменида. А вот следующие ниже уравнения моделируют следствия из того, что в учении о движении присуще только Мелиссу; речь идет о следствиях из такой системы положений метафизики элеатов, в которой логическое противоречие между Парменидом и Мелисом разрешается в пользу Мелисса. *Конечность эквивалентна небытию; бытие бесконечно!* В таком случае список уравнений (1–55) может быть продолжен следующим ниже списком (56–64). В наше время в распоряжении историков философии нет достоверных источников, позволяющих всерьез заявлять, что Мелисс фактически утверждал то, что моделируют приведенные ниже уравнения. Однако речь в данной работе идет не о том, что фактически утверждал Мелисс, согласно дошедшим до нас письменным источникам, а о том, что логически следует из двужначной алгебраической модели формально-аксиологического аспекта его метафизики и физики (определенной согласно сведениям, имеющимся у современных историков философии). Итак, продолжаем список уравнений двужначной алгебры метафизики.

56) $Ба=+=HFDa$: бытие a – небытие причины движения a .

57) $Ба=+=HGFDa$: бытие a – небытие бесконечной причины движения a .

58) $Ба=+=KFDa$: бытие a – конечность причины движения a .

59) $Ба=+=KDa$: бытие a – конечность движения a .

60) $FDa=+=Va$: причина движения a – двигатель a .

61) $Va=+=FDa$: двигатель a – причина движения a .

62) $Ба=+=KVa$: бытие a – конечность двигателя a .

63) $Ба=+=HGVa$: бытие a – небытие бесконечного (вечного) двигателя a .

64) $Ба=+=ZGVa$: бытие a – невозможность вечного (бесконечного) двигателя a .

Таким образом, оригинальная позиция Мелисса в отношении проблемы конечности или

бесконечности бытия означает принципиальную возможность логически последовательного и систематического развития «финитизма» не только в философских основаниях математики¹¹, но также и в философских основаниях физики. Математика изучает множества, а множество в алгебре метафизики есть ценностная функция-инверсия. Физика изучает движение, а движение в алгебре метафизики тоже есть ценностная функция-инверсия. Чтобы в алгебре метафизики получить композицию функций-инверсий, которая эквивалентна ценностной функции «бытие», необходимая еще какая-нибудь ценностная функция-инверсия. Например, в этой роли может выступить ценностная функция-инверсия «конечность (небытие вечности)». В результате получается «финитизм» и в философии математики (конечность множеств), и в философии физики (конечность движений и их причин – двигателей).

Теперь на языке исследуемой алгебры сформулируем и обоснуем метафизический принцип, утверждающий относительность конечности (финитности). Для его точной формулировки определим таблицей 3 некоторые бинарные операции алгебры ценностей.

Глоссарий для таблицы 3. Символ O_{2av} обозначает морально-правовую ценностную функцию «(что) a относительно (чего) v », т. е. «(что) a по отношению (или в отношении) к (чему) v ». A_{2av} – «действие (акция), воздействие (чего) v на (что) a ». Z_{2av} – «противодействие, сопротивление (чего) a (чему) v ». R_{2av} – «ответ (чем) v на (что) a , т. е. реакция на a (чем) v ». Ценностно-функциональный смысл перечисленных операций точно определяется таблицей 3.

Таблица 3 – (бинарные операции)

a	v	O_{2av}	O_{2KvKa}	O_{2HvHa}	O_{2DvDa}	A_{2av}	Z_{2av}	R_{2av}
х	х	п	п	п	п	п	х	х
х	п	п	п	п	п	п	х	п
п	х	х	х	х	х	х	п	х
п	п	п	п	п	п	п	х	х

В двужначной алгебре метафизики принцип относительности конца (конечности) обосновывается следующей последовательностью уравнений.

65) $Oav=+=OKvKa$: закон контрапозиции (обосновывается таблицей 3).

66) $OKav=+=OKvKKa$: из $OKav$ по закону контрапозиции (65).

67) $OKvKKa=+=OKva$: по закону снятия двойной инверсии (KK).

68) $OKav=+=OKva$: из (66) и (67) по закону транзитивности отношения « $=+=$ ».

Теперь в свете алгебры метафизики рассмотрим принцип относительности небытия. Он (точнее, его формально-аксиологический аспект) тоже может быть представлен как принцип контрапозиции бинарной операции «*a* относительно (чего) *b*». Обоснование приведено ниже.

69) $Oav=+=ONvNa$: закон контрапозиции (обосновывается таблицей 3).

70) $ONav=+=ONvNHa$: из $ONav$ по закону контрапозиции (69).

71) $ONvNHa=+=ONva$: по закону снятия двойной инверсии (HN).

72) $ONav=+=ONva$: из (70) и (71) по закону транзитивности отношения « $=+=$ ».

Наконец рассмотрим в свете алгебры метафизики принцип относительности движения. Он (точнее, его формально-аксиологический аспект) тоже может быть представлен как принцип контрапозиции бинарной операции «*a* относительно (чего) *b*». Обоснование приведено ниже.

73) $Oav=+=ODvDa$: закон контрапозиции (обосновывается таблицей 3).

74) $ODav=+=ODvDDa$: из $ODav$ по закону контрапозиции (73).

75) $ODvDDa=+=ODva$: по закону снятия двойной инверсии (ДД).

76) $ODav=+=ODva$: из (74) и (75) по закону транзитивности отношения « $=+=$ ».

Последнее уравнение (№ 76) означает, что: движение (чего) *a* относительно (чего) *b* эквивалентно движению (чего) *b* относительно (чего) *a*. Иначе говоря, в формально-аксиологическом отношении «движение *a* относительно *b*» и «движение *b* относительно *a*» неразличимы (тождественны). Выбор привилегированной системы отсчета возможен, но является совершенно произвольным (чисто условным). Принцип относительности движения и принцип невозможности вечного двигателя известны уже давно из опыта (апостериори). Поэтому,

научная новизна настоящей работы состоит не в их открытии, а в открытии возможности их открытия и обоснования *априори* в рамках дискретной математической модели формально-аксиологического аспекта метафизики природы, в частности, движения, разработанной элеатами (в особенности Мелиссом). Для философии и, особенно, для истории философии такое открытие очень интересно. Интерес этот может быть усилен привлечением внимания к тому, что закон классической механики, отождествляющий силу действия и силу (обращенного) противодействия также может быть обоснован *априори* в рамках алгебры формальной аксиологии. Упомянутый закон механики моделируется уравнением 77.

77) $\mathcal{E}A_{2av}=+=\mathcal{E}IZ_{2av}$: сила действия (чего) *b* на (что) *a* эквивалентна силе отраженной (обращенной вспять) силе противодействия (чего) *a* (чему) *b*.

И. Ньютон официально декларировал стремление физики избегать метафизики, но нередко эта его декларация о намерениях расходилась с его же собственными делами и даже со словами некоторых фрагментов его трактатов: в них слишком много скрытой метафизики. Эту скрытую метафизику можно выявить и уточнить средствами алгебры метафизики.

Литература:

1. Лобовиков В.О. Математическая этика, метафизика и естественное право. Екатеринбург: УрО РАН, 2007; Он же. «Нищета философии» и ее преодоление «цифровой метафизикой». Екатеринбург: УрО РАН, 2009.
2. Там же.
3. Досократики. Минск: Харвест, 1999.
4. Там же.
5. Там же.
6. Там же.
7. Лебедев А.В. Мелисс // Фрагменты ранних греческих философов. Ч. 1. М.: Наука, 1989. С. 315–330; Loenen J.H.M. Parmenides, Melissus, Gorgias; a reinterpretation of Eleatic philosophy. Assen, Netherlands: Royal VanGorcum Ltd., 1959; Solmsen Friedrich. The 'Eleatic One' in Melissus. Amsterdam: North-Holland Publ. Co., 1970.
8. Там же.
9. Там же.
10. Там же.
11. Лобовиков В.О. Финитизм Д. Гильберта, «наивный финитизм» Л. Кронекера и метафизика элеатов (Парменида и Мелисса) с точки зрения двужанной алгебры формальной этики // Философия науки. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2009, № 4 (43). С. 34–46.

Булекбаев С.Б.

ФЕНОМЕН СОЗНАНИЯ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ

Булекбаев С.Б.

доктор философских
наук, профессор
КазУМОиМЯ,
г. Алматы, Казахстан

Большинство людей живут... в весьма ограниченном круге своего потенциального бытия. Они используют очень малую часть возможностей своего сознания и ресурсов своей души в целом, почти так же, как если бы человек имел привычку из всего своего телесного организма пользоваться и шевелить только мизинцем.

Уильям Джеймс

Самые революционные изменения в области общественных наук в последние десятилетия происходят в области психологии. Эти изменения столь серьезны, что заставляют уточнить, а может быть и коренным образом пересмотреть некоторые фундаментальные понятия из области сознания. Необходимость этого пересмотра необходимо вытекает из тех открытий, которые сделаны трансперсональной и квантовой психологией. Отсюда цель данной статьи – раскрыть особенность и преимущество этого подхода на проблему сознания.

Начнем с того, что наш интеллект функционирует на нескольких уровнях сознания. Мы полностью информированы об одних процессах, частично знаем о других и не имеем никакого представления о третьих. Не знаем мы потому, что с точки зрения официальной психологии принято выделять два основных состояния сознания. Это бодрствующее сознание и сновидение. Последнее проявляется в виде легкого и глубокого сновиде-

ния или же сон без сна. Как правило, бодрствующее сознание мы считаем высшей формой его проявления, а другие формы мы расцениваем, как низшие и называем их подсознательными или бессознательными. Общая структура сознания согласно российскому академику Андрееву такова. Сознание делится на сознательное и бессознательное. Сознательное – это бодрствующее рациональное сознание. Бессознательное делится на подсознание и сверхсознание. Сознательное сознание ограничено тем, что оно способно воспринимать информацию только с помощью известных пяти чувств и обрабатывает ее также с учетом мыслительных и социально-культурных рамок. В целом сознание определяется накопленным опытом в бесконечном этапе эволюции всего живого. Если изобразить эволюцию сознания по «прямой» линии, то подсознание это то, что несет в себе эволюция всего живого от минус бесконечности до современности. Текущее сознание (или, как часто его называют, сознательный разум) – это точка на этой линии. Это сознание настоящего, а сверхсознание – это сознание будущего, это движение в сторону плюс бесконечности. Подсознание несет в себе знание обо всей Вселенной, о любой ее точке. Подобно тому, как любая клетка несет в себе информацию обо всем организме, как показывает клонирование, так и человек, будучи частью Вселенной, несет в себе потенциальную возможность выхода на Вселенское информационное поле. Это утверждение согласуется, точнее, основывается на утверждении физиков, которые говорят: «Мир – колоссальная голограмма. Каждая точка обладает полнотой информации о Мире в целом». Вот эта гигантская голограмма есть структура Вселенского Сознания, а индивидуальное сознание человека представляет собой «частичку» голографического Сознания Вселенной. Кроме всего этого Подсознание в отличие от сознательного способно воспринимать информацию, которая не регистрирует с помощью обычных чувств и при обработке информации также не имеет никаких ограничений, и поэтому подсознание можно считать не низшей, не высшей формой

сознания, а называть суперсознанием, говорит академик Андреев. К примеру, мы обладаем самой полной информацией о функционировании нашего организма и наличии внешних энергетических полей, но вся она регенерируется только на уровне подсознания. Что это означает? Это свидетельствует о том, что мы получаем гораздо больше информации, чем думаем, поскольку по какой-то причине наше сознание запрограммировано так, что оно не воспринимает значительную долю поступающей информации. Это объясняется тем, что в процессе эволюции живые существа выработали в себе способность «освобождаться от мешающей информации не путем ее стирания, как это происходит на ленте магнитофона, а запускать, излучать ее в биологическое поле, чтобы в случае необходимости «вспоминая», настраиваться на собственную информацию, заключенную в энергетическом комплексе. Короче говоря, подсознание есть своеобразный информационно-энергетический центр, точнее, система, которая содержит информацию о любом событии в любой точке Вселенной. Как в каждой клетке закодирована на генетическом уровне информация обо всем организме, так и в каждом человеке содержится информация обо всей Вселенной, частью которой он является. Образно говоря подсознание подобно подводной части айсберга, оно гораздо больше сознания и в то же время скрыто от нас. В подсознании хранится вся информация о нашей жизни, записанная на «дорожках» пяти человеческих чувств. Механизм памяти, управление всеми функциями организма через центральную нервную систему, рефлексy и инстинкты, машинальные действия и привычки, порождение мыслей и поведения – далеко не полный перечень услуг, оказываемых нам подсознательным разумом.

К сфере подсознания относится также все то, что когда-то было осознаваемым или может стать таковым в определенных условиях. Это – хорошо автоматизированные и потому переставшие осознаваться навыки, глубоко усвоенные социальные нормы, регулирующая функция которых переживается как «голос совести», «зов сердца», «чувство долга», и т. д.

Подсознание знает все, что вы, когда-либо знали, умеет все, что вы когда-либо умели, и помнит до мельчайших подробностей все, что происходило задолго до вашего рождения. Оно

автоматически напоминает, когда вы должны вздохнуть или выдохнуть. Это оно напоминает вам извиваться и вскрикивать, когда вас щекочут и. д. Как только мыслящее «Я» желает чего-нибудь узнать подсознание пытается дать ответ (как хороший библиотекарь).

В обычном состоянии в сознание человека из подсознания наступает только небольшая часть знаний, необходимых для жизни. Нервная система, и, прежде всего головной мозг «гасят» большую часть сенсорных стимулов на входе индивидуального сознания, более того, отбирают из них только ту информацию, которая требует к себе пристального внимания и ответных действий. Подобная система защищает сознание и от большей части экстрасенсорной информации. Это позволяет объяснить парапсихологические феномены как аномалии работы головного мозга. Он перестает исполнять роль фильтра, начинает воспринимать происходящее в расширенном диапазоне. Действительно, жизнь человека стала бы невозможной, обладая он всей имеющейся во Вселенной информацией. Информационный канал из подсознания к сознанию закрыт «заглушкой», которую контролирует мозг. Поэтому на уровне сознания мы воспринимаем только лишь часть получаемой нами информации, а остальной ее объем воспринимается и хранится на подсознательном уровне. Все это означает, что мы имеем возможность значительно повысить уровень восприятия, поскольку обладаем значительными интеллектуальными возможностями, которые практически не используем. Наиболее универсальным способом взаимодействия с Подсознанием, а, следовательно, и Информационным полем Земли являются измененные состояния сознания (ИСС). В этих состояниях (ИСС), человек имеет потенциальный эмпирический доступ ко всем ее частям и в некотором смысле является как всей Космической сетью, так и бесконечно малой ее частью, отдельной и незначительной биологической сущностью. В измененных состояниях сознания происходит получение экстрасенсорной информации из неизвестного источника неизвестным способом, которые отличаются от обычной сознательности. Человек приобретает уникальную возможность дистанционно взаимодействовать с Информационным Полем Земли, получать информацию обо всей Вселенной. Он в этом

случае получает доступ к источникам информации, которые не являются его индивидуальным достоянием. Это нечто Всечеловеческое. Это эволюционная память. Это совокупный духовный опыт Человечества, это Единое Информационное Поле Вселенной.

Следует отметить, что феномены измененного состояния сознания уже давно, тысячелетия назад, использовались и используются до сих пор многими духовными практиками. Это в первую очередь шаманские практики сибирских народов, духовный опыт и практики «баксы» на территории Казахстана (к сожалению, фактически мало изученный), опыт магов-индейцев Америки, духовные практики йоги и т. д.

Эти состояния сознания уже неоднократно описывались и в различных духовных философских и мистических традициях, как веданта, буддизм, хиньяны и махаяны, даосизм, суфизм, христианский мистицизм и в прочих сложных духовных системах. Однако, эти исследования не вписывались в господствовавшее в европейской науке представление о научности, и поэтому отбрасывались как ненаучные или чуть ли не как шарлатанские.

В последние десятилетия многие науки изучающие проблему сознания, мозга под напором многочисленных фактов, которые не вписывались в рамки старой парадигмы науки, были вынуждены обратиться к данной проблеме, как важной стороне человеческого сознания, вне которой нельзя по существу ни понять, ни объяснить природу сознания. В последние десятилетия эта проблема особенно интенсивно изучается науками, изучающими проблему сознания и мозга, в частности современной психологией. Согласно их воззрениям, человечество разработало несколько путей, которые позволяют проникнуть через препятствующий шлюз – блокиратор, к подсознательной информации. Это:

- хирургическое или шоковое вмешательство в деятельность мозга;
- использование наркотиков;
- применение гипноза;
- регрессивная, холотропная, сенсорная и другие терапии;
- медитация, шаманская магия.

Духовные практики человечества этими путями уже давно могли входить в измененные

состояния сознания. Именно они, как мы отметили выше, являются наиболее универсальными способами связи с подсознанием, а, следовательно, и с Информационным полем Вселенной.

Очень серьезные наработки в этой области имеются у представителей современной трансперсональной психологии. Одним из ярких представителей этого направления, безусловно, является Станислав Гроф, Он в одном из своих последних книг, подводя итоги более чем сорокалетних опытов, наблюдений и исследований за необычными состояниями сознаний отмечает, что эти состояния сознания содержат огромный потенциал, которое со временем для человечества могут иметь масштабные последствия. Значение этих состояний в том, что они могут внести более глубокое содержание в наше понимание природы сознания и человеческой психики, да и реальности вообще. Согласно Грофу, в этих состояниях содержится не только огромный эвристический потенциал, но и также большие целительные, преобразующие и развивающие возможности.

Однако чтобы использовать эти возможности и способности, как показывает практика нужно, в первую очередь изменить свое представление о мышлении и более основательно обратить внимание на подсознательные процессы, на ее неисчерпаемые возможности. Однако к этому сегодня официальная наука, здесь имеется в виду традиционная психология и материалистическая философия, оказывается, не готова. Не готова, согласно С. Грофу потому, что это вызвано необходимостью существенного пересмотра ее фундаментальных понятий, трактующих сознание в рамках метапарадигмы западной науки. Сегодня выясняется, что измененные состояния сознания дают возможность иначе взглянуть на многие понятия и представления о сознании. Более того, измененные состояния сознания достаточно убедительно объясняют на базе современных физических и психологических теорий многие экстрасенсорные и паранормальные явления, которые не находили должного объяснения в рамках традиционной западной науки о сознании. К примеру, как телепатия, психодиагностика, психометрию, ясновидение и яснослышание, предвидение, опыт выхода из тела, видение на расстоянии и другие.

Одной из причин, по которой ученым было трудно принять факт существования экстрасенсорных способностей, выходящих за пределы привычных пяти чувств был концептуальный барьер, созданный материалистической теорией познания и понятием научности, согласно которой истинной является только то, что можно проверить, измерить и т. п. Все, что не подпадало под такое представление научности считалось не истиной. Понятие экстрасенсорных явлений не подпадало под такое представление научности, поэтому многие скрытые возможности и способности, проявляемые в измененных состояниях сознания, оставались не востребованными и не реализованными. В то время как выход на измененные состояния сознания означает не только подключение к Банку Вселенской информации, но и выявление необычайных психических возможностей человека.

Последнее, то есть раскрытие особых способностей или возможностей человека, особенно характерны для многих мировых религиозных традиций и духовных практик, особенно Востока. Здесь имеется в виду то, что учения Востока о сознании имели не только теоретическое, но и практическое значение. Это в первую очередь, управление, контроль над своим телом в Йоге, фантастические возможности человека, выявляемые в области восточных единоборств. Как известно, восточные монахи в процессе изучения и освоения философии и боевых искусств, с помощью упорных тренировок и медитации выявляют и развивают в себе многие способности и качество, характерные для животных. В карате, к примеру, существуют такие стили как «дракон», «тигр», «обезьяна», «богомол» и т. д. Бесспорно, к этой области можно отнести и многие необыкновенные физические возможности, связанные с управлением и контролем над своим телом и психикой в йоге. К примеру, йог одним только устным внушением может ускорить или замедлить сердцебиение. Кровообращение также может быть замедлено в какой-то части тела при помощи внушения. Индуистские монахи могут прекращать циркуляцию крови при полном сознании: по команде порез может то кровоточить, то не кровоточить. Некоторые так близко подходят к нирване, что в состоянии контролировать свое физическое состояние. Или, к примеру, то, как тибетские монахи могут бежать сутками – без перерыва! – по труднопреодолимой местности.

Все эти достижения базируются на более целостном и более глубинном понимании человека, его сознания, психики, тела. На Востоке тело, чувство, разум рассматриваются как целостная система. Поэтому такие практики, как йога, буддистская медитация, содержат развернутые, подробные наставления о том, как культивировать эти силы, как управлять и контролировать свою психику и тело. В конечном счете, как выявить необычайные для обычного состояния способности и возможности.

Вышеуказанные примеры однозначно указывают, что в измененных состояниях сознания, человека меняется частично или полностью. Он видит иную реальность и действует иначе, чем в обычной жизни. В этих состояниях Человек как бы «пробуждается». Его ресурсные состояния включаются в работу. Для обычного человека возможности и способности пробужденного кажутся сверхчеловеческими, ибо он способен пройти через огонь, не получив ожогов, выдержать удар ножа, не получив повреждений, снять болевой приступ, не прибегая к обычным методам обезболивания. Развитая интуиция позволяет ему предугадать любой, даже самый неожиданный поворот событий, мгновенно определить психоэмоциональное состояние другого человека. Наконец, он обладает необъяснимой гипнотической властью над другими. Сверхвозможности – это не что иное как освободившаяся от страха дремлющая в нас внутренняя сила. В экстремальной ситуации, преодолев страх, человек высвобождает огромный потенциал энергии. Но замкнутый в круг самоограничений, стереотипов мышления и комплексов неполноценности, человек стал заложником своих страхов и легкой мишенью для поражения. Нам с детства внушили, что огонь обязательно обжигает, в воде можно утонуть, ножом можно порезаться и так далее. Так и живем – режемся, обжигаемся, падаем на ровном месте, потому что всего боимся и не доверяем своему телу. И тело мстит нам болезнями, травмами, увечьями.

Понятно, что такие способности и возможности раскрываются не в обычных состояниях сознания, а в измененных. Как мы отметили выше, разнообразие выходов на измененные состояния сознания, оказывается достаточно велико. Отметим лишь некоторые виды выхода на измененные состояния сознания. Это в первую очередь – гипноз,

медитация, духовный экстаз, наркопсихотерапия, быстрая фаза сна, сновидение и т. д.

Большинство таких техник основано на развитии способности к максимально глубокой концентрации сознания, не свойственной обычным людям. Говоря иначе, умение входить в измененные специфические состояния сознания подвластно не всем. Это есть искусство, которое достигается не только предрасположенностью к этому, но и огромным трудом в овладении специальной практикой и техникой. Мистические традиции всего мира разработали целую систему техник для целенаправленного достижения измененных состояний сознания. Эти техники представляют собой технологию трансцендентного, или, так называемую технологию сакрального опыта, с помощью которого вызываются специфические состояния сознания.

Большой вклад в понимание природы и сущности измененного состояния сознания внесла и современная трансперсональная психология, которая в отличие от восточных учений не сосредотачивается на умозрительных построениях, а занимается непосредственно экспериментальным изучением внеличного – трансперсонального сознания. Трансперсональная психология изучает феномены, связанные с расширением сознания, выходом за границы обыденного Эго, за пределы индивидуального организма – в сферу коллективного бессознательного, учитывая при этом религиозный и мистический опыт. Расширение сознания, вовлечение в сферу его активного действия подсознания и сверхсознания стремительно раздвигает рамки человеческих возможностей. Полное овладение человеком подсознательной и сверхсознательной частей сознания приводит к появлению сверхспособностей – телепатии и ясновидения, левитации и телепортации, способности к «выходу из тела» и путешествиям в параллельных мирах. Такое расширение сознания называется космическим сознанием. Ему присущи следующие черты: исчерпывающее постижение всех вещей в их прошлом, настоящем и будущем, то есть тот уровень всеведения, когда для человека практически нет тайн; высокое духовное развитие и полная духовная свобода; полное владение своим телом и психическими процессами; раскрытие сверхспособностей; постижение органического

единства с Абсолютом, отсутствие каких-либо эгоистических стремлений к могуществу, власти, богатству, альтруизм и любовь ко всем без исключения людям.

Такие выводы и обобщения, сделанные современной психологией, базируются, как на обобщении тысячелетнего опыта понимания природы человека на Востоке, так и на основе некоторых идей и методов современной западной науки. И самым важным здесь представляется экспериментальная база исследований трансперсональной психологии, которая на основе сорокалетних исследований проведенных в лаборатории С. Грофа, приходят к более глубокому пониманию природы сознания. Согласно ученому, современные исследования в области психологии радикально меняют статус человеческой психики, показывая, что психика индивида в ее самом широком диапазоне, по сути, соизмерима со всем бытием и абсолютно тождественна космическому творческому принципу. Наряду с этим, считает он, современные исследования сознания раскрыли перед нами грандиозный замысел, лежащий в основе творения, и показали, что высший разум пронизывает все бытие. Очень важным представляется, что трансперсональная психология ставит задачу понять природу человека, рассмотреть эту проблему в широком мировоззренческом плане.

К глубокому сожалению, эта точка зрения пока не имеет достаточно широкого признания официальной науки о сознании. Здесь имеется в виду то, что традиционная психология и материалистическая философия, до сих пор основывают свое представление о сознании на ньютоно-декартовской парадигме, лежащей в основании западной науки. В то время как принятие новой точки зрения на сознание способно радикально изменить наше понимание человеческой природы, культуры и истории, да и самой реальности как таковой. Здесь можно согласиться с утверждением, выдающихся ученых современности о том, что причины мирового системного кризиса, возможно, заключаются в том, что наши фундаментальные представления о Человеке, о сознании, о реальности не совсем точны. И выход из этого кризиса, по их мнению, видится в том, чтобы уточнить и скорректировать эти понятия. В унисон этим утверждениям, С. Гроф говорит, что

человек нашей культуры функционирует гораздо ниже его действительных возможностей и способностей. Это обеднение происходит за счёт того, что он отождествляет себя только с малой долей собственного бытия – с физическим телом и эго. Такое ложное отождествление ведёт к неполному, нездоровому и неплодотворному способу жизни и способствует развитию эмоциональных и психосоматических нарушений психологического происхождения. Согласно С. Грофу, развитие (массовых) дистрессов, не имеющих органического происхождения можно рассматривать как показатель того, что личность опирающийся на ложные предпосылки достигла критической отметки, прежний образ жизни не работает, не состоятелен. Это может сказаться на некоторые области жизни: брак, секс, профессиональная деятельность и т. д. и оказывать свое разрушительное воздействие. Все это, в конечном счете, результат того, что человек нашей культуры функционирует гораздо ниже своих реальных возможностей и потенциальных способностей. И такое обеднение происходит потому, что идентифицирует себя только с одним аспектом своего Бытия, физического тела и Эго.

И это в то время когда современные научные исследования трансперсональной и квантовой психологии, уже несколько десятилетий тому назад, выявили о существовании неоткрытой внутренней вселенной, о неисследованных пространствах сознания. Оказывается, что этот мир бесконечно богаче и сложнее, нежели искусственные структуры внешнего мира. Наконец-то, пришло осознание того, что логический концептуальный разум далеко не единственный и далеко не самый совершенный. Также со временем пришло понимание того, что наше обычное бодрствующее или, как мы называем рациональное сознание, есть лишь одна из разновидностей сознания, за пределом которого находятся потенциальные возможности сознания всецело иного, и которое имеет право как на существование, так и на приложение ее в какой-нибудь другой сфере бытия. В свете этих новых представлений, ни одно описание вселенной в ее целостности не может быть окончательным, если оно не принимает во внимание эти другие формы сознания. Другие формы сознания не являются продолжением обычного сознания. В тоже время, они, по мнению Алана Уотса, расширяют спектр

восприятия, хотя и не дают готовых описаний; они открывают новые пространства, но не предлагают их карты. Эта область иного сознания, которая содержит огромные потенциальные возможности, достаточно полно описана восточными учениями. Однако эти учения до недавнего времени игнорировались, как мы отметили выше, в силу того, что их представления не вписывались в так называемые научные представления. Хотя эти открытия, по мнению С. Грофа, в состоянии полностью перевернуть наши представления о человеческой психике, ее патологии и перспективах лечения. Некоторые из этих данных по своей значимости выходят за рамки психологии и психиатрии и бросают вызов всей ньютоно-декартовской парадигме, лежащей в основании западной науки. Они могут радикально изменить наше понимание человеческой природы, культуры и истории, да и самой реальности как таковой. Что в свою очередь, совершенно очевидно, несет масштабные последствия всего человечества.

Литература:

1. Андреев Олег. Техника развития подсознания, М.: АСТ: Астрель: Полиграфиздат, 2011, –256 с.
2. Гроф Станислав. Психология будущего. Источник OCR: <http://www.hippocrat.ru/>.
3. Алан Уотс. Космическая радость просветления. М., 2002. С. 5.
4. Тихоплав Виталий и Татьяна. Время Бога: сознание и жизнь. – М.: АСТ: Астрель, 2005. – 334 с.
5. Гроф С. За пределами мозга. – М., 1992 г. – С. 27.
6. Кастурбин Э.М. Трассовые состояния и «после смысла». М.: КСП, 1995. – С. 288.
7. Науменко Г.Н. Тайны сознания: путь к здоровью. – М.: Алетейя. – С. 584.
8. Межлумянс. На грани невозможного. На грани невозможного. 1995. № 12. – С. 8.
9. Гроф С. Надличностное видение: Целительные возможности необычайных состояний сознания: пер. с англ. М.: АСТ, 2004. – 238 с.
10. Талбот Майкл. Голографическая Вселенная / Перев. с англ. – М.: Издательский дом «София», 2004. – с. 6.
11. Гроф. Космическая игра: исследование рубежей сознания. Пер. с англ. Ольги Цветковой. – М.: Издательство Трансперсонального Института, 1997. – 256 с.
12. Кастурбин Э.М. Трансовые состояния и «после смысла». М.: КСП, 1995. С. 288.

Русакова О.Ф.

ДЕЦИЗИОНИЗМ КАК БАЗОВЫЙ КОНЦЕПТ КОНСЕРВАТИВНОГО ДИСКУРСА К. ШМИТТА

Русакова
Ольга Фредовна

доктор политических наук, профессор, заведующая
отделом философии Института философии и права
УрО РАН, президент МАДИ

Карл Шмитт – известный немецкий политический философ консервативного типа, который прославился своей дуалистической моделью сферы политического, критикой либерализма и парламентской демократии, апологетикой сильной власти и приверженностью к решительной политической деятельности.

Политико-философские взгляды К. Шмитта приобрели широкую известность в 20-е годы прошлого века, когда вышли в свет такие его работы как «Диктатура» (1921 г.), «Политическая теология» (1922 г.), «Римский католицизм и политическая форма» (1923 г.), «Духовно-историческое состояние современного парламентаризма» (1923 г.), «Понятие политического» (1927 г.). Именно в это время Шмитт формулирует главные постулаты своей политической философии, к которым, в первую очередь, относятся: учение о сильной суверенной власти и типах диктатуры, концепция теологическая концепция происхождения государства, диалектический конструкт «друг-враг» как критерий политического. При всем разнообразии политико-философской проблематики, рассматриваемой Шмиттом, базовым концептом его теоретических построений выступает *концепт децизионизма*.

Понятие децизионизма образовано от введенного в оборот Шмиттом термина «Dezision», который, в свою очередь, происходит от латинского термина «decisio» («я решаю»), означающего принятие ответственной инстанцией окончательного, не подлежащего дальнейшему обсуждению, политического решения по тому или иному вопросу.

По сути, под понятием «Dezision» Шмитт подразумевал наличие сильной политической воли, способной в условиях кризиса и при чрезвычайных обстоятельствах действовать решительно, прини-

мая безотлагательные и ответственные решения, прекращая тем самым всякие политические дискуссии и баталии.

Концепт децизионизма лежит в основе теории суверена, представленной в работе «Политическая теология», которая имеет подзаголовок – «Четыре главы к учению о суверенитете». Первая глава посвящена анализу понятия «суверенитет»; вторая – критике либеральных концепций суверенитета, представленных в работах таких видных либеральных теоретиков государства и права как Кельзен, Крабе и Вольцендорф; третья – основам и ключевым вопросам политической теологии; четвертая – зарождению и обоснованию теории политического децизионизма.

По мнению Шмитта, первым, кто включил в понятие суверенитета элемент *Dezision*, был Боден. Именно он стоял у истоков теоретической традиции децизионизма. Первый тезис концепции децизионизма гласит: суверен это тот, кто принимает решение о чрезвычайном положении¹. Под чрезвычайным положением Шмитт имеет в виду не систему чрезвычайных мер или постановление об их введении, а саму пограничную ситуацию в существовании государства, когда возникает реальная угроза его системного краха. Именно в таких условиях особенно важна способность принимать ответственные политические решения. Сувереном следует считать того, кто в состоянии решать, может ли быть приостановлено действие закона, если того требует чрезвычайное положение. Суверен как субъект государственного суверенитета обладает монополией последнего решения. Суверен стоит вне нормально действующего правопорядка, но при этом принадлежит ему, «ибо он компетентен решать, может ли быть *in toto* приостановлено действие конституции»².

По Шмитту, такие понятия как «суверен» и «суверенитет» неразрывно связаны с принятием в условиях чрезвычайных, исключительных, судьбоносных для жизни государства решений. Именно в этом состоит сущность государственного суверенитета. Другими словами, государство демонстрирует свой суверенитет в ситуациях исключительных, когда прерывается нормальный,

обыденный поток жизни. При этом происходит усиление жизненной энергии, что явно приветствуется Шмиттом. Исключение, отмечает он, интереснее нормального случая. «В исключении сила действительной жизни взламывает кору застывшей в повторении механики». Исключение мыслит всеобщее с энергической страстностью³.

В конце 1920-х годов Шмитт, опираясь на концепт децизионизма, станен главным идеологом и разработчиком правовой базы введения чрезвычайного положения в Германии и займет, благодаря своей инициативе по данному вопросу, высокую должность госсекретаря «президентского кабинета» Папена⁴.

В эпоху государственного кризиса, по убеждению Шмитта, неуместен нормативный подход к проблемам регулирования социальной жизни. Те, кто стоят на позиции нормативизма, теряются перед лицом экстремального случая. Поэтому нормативный подход должен быть заменен децизионистским. Нормативное право должно отойти на задний план. Возникающее при этом положение нельзя назвать ни хаосом, ни анархией. Данное положение – это не правопорядок, а новый порядок. В условиях нового порядка политическое решение освобождается от нормативной связанности и приобретает характер абсолютного решения. Приостановка действия правовых норм Шмитт объясняет необходимостью самосохранения государства перед угрозой хаоса. В ходе своих рассуждений Шмитт отмечает: норма нуждается в гомогенной среде, не существует нормы, которая была бы применима к хаосу⁵.

Монополия суверена на принятие ответственного решения в исключительных ситуациях, требующих выхода за нормы права, ассоциируется у Шмитта с идеей монархизма, которая в условиях кризиса роялизма перерастает в идею диктатуры. С окончанием эпохи роялизма децизионалистское мышление закономерно приходит к идеи диктатуры⁶.

В процессе теоретической разработки концепта децизионизма Шмитт обращается к творчеству консервативных политических философов, таких как де Местр, Бональд, Доносо Кортес. По мнению Шмитта, центральное место в их консервативном мышлении периода между революциями 1789 и 1848 гг. занимает понятие *Dezision*⁷. Консервативные идеи де Местра рассматриваются сквозь призму обозначенных им ценностей государства и Церкви, как инстанций, принимающих

судьбоносные решения. Ценность государства, согласно де Местру, состоит в том, что оно принимает решения. Ценность Церкви заключается в том, что ее решения не подлежат обжалованию⁸. Главное заключается в том, чтобы вопрос был решен безотлагательно и бесповоротно. В этом суть власти политического авторитета как суверена. К такому же выводу пришел испанский католический философ государства Доносо Кортес.

К. Шмитт разделяет позицию Доносо Кортеса, согласно которой буржуазный дискуссионно-парламентский либерализм противопоставляется борьбе за принятие авторитарного решения. Более того, Кортес определяет буржуазию как «дискутирующий класс» (*una clase discutidora*), который уклоняется от принятия окончательного решения⁹.

Либеральная буржуазия, согласно Шмитту, представляет собой класс, который переносит всю политическую активность в говорение, в прессу и парламент, то есть в дискурс. Дискурс, распространяемый в форме культа свободы слова и печати, выступает своеобразной «религией» буржуазного либерализма¹⁰. Альтернативой дискуссионного буржуазно-парламентского дискурса, по Шмитту, выступает диктатура. Диктатура предполагает недискутирующую репрезентативную речь, которая содержит решение большой жизненной значимости¹¹.

Разработка концепта децизионизма логически приводит Шмитта к обращению к идеям Г. Моска о формах радикальных решений, которые являются средствами против недостатков либеральной парламентской системы. В качестве таких форм выступают диктаторские режимы в виде диктатуры пролетариата, диктатуры бюрократии, диктатуры организаций синдикатов.

Особый интерес у Шмитта вызывает синдикалистская диктатура как один из вариантов воплощения концепции децизионизма. В этой связи Шмитт обращается к политическому творчеству Жоржа Сореля – идеолога социалистического синдикализма, который предпринял попытку соединения теории жизни Бергсона с марксизмом и бакунизмом.

В политической философии Сореля Шмитта привлекает в первую очередь идея жизненной, инстинктивной силы масс, идея творческого пролетарского активизма, выражающаяся в способности к решительному применению силы, пафос энтузиазма, культивирование героического мифа о миссии пролетариата, о новом справедливом мире. Шмитт

отмечает: «Из глубины подлинных жизненных инстинктов, не из разумных суждений или соображений целесообразности, возникает великий энтузиазм, великое моральное решение *Dezision* и великий миф. В непосредственной интуиции воодушевленная масса создает мифический образ, который увлекает вперед ее энергию и дает ей силу мученичества и решимость применить силу. Только так народ или класс становится мотором мировой истории»¹².

Современная буржуазия, считает Шмитт, лишена витальной силы и совершенно деградировала от страха потерять свои деньги и собственность. Она морально расшатана скептицизмом, релятивизмом и парламентаризмом. Работа в парламенте подтачивает энтузиазм путем болтовни и интриг, убивает подлинные инстинкты и интуиции, из коих исходит *Dezision*¹³.

Как политическая теория и политическая практика либерализм, по его мнению, является системой уклонения от принятия решений, системой компромиссов и отсрочек, годной для спокойных и ровных времен. Вместо точного и конкретного ответа на злободневный вопрос, принимается парламентское решение об отсрочке или об учреждении комиссии по расследованию.

Концепт децизионизма логически связан у Шмитта с его теорией политического. В знаменитой работе «Понятие политического» политическое рассматривается как умение «различать друга и врага». При этом важнейшим признаком суверенного государства как организованного целостного единства является способность принимать решение относительно того, кто его враг, а кто друг. Решение данного рода свидетельствует о высокой интенсивности социальных отношений. Там, где люди интенсивно связаны или разобщены друг с другом, там мы имеем в наличии высшую форму политического, а, следовательно, борьбу жизненно важных интересов «своих» и «чужих»¹⁴.

Иначе говоря, феномен политического рождается в процессе децизионистского акта суверена, определяющего для нации, каковы ее друзья и враги. Право определять друга и врага – суть политической экзистенции и высшая точка политического децизионизма. В наиболее интенсивной форме данное право осуществляется в объявлении войны с обозначенным врагом и в мобилизации граждан на борьбу

с ним. В том случае, когда какое-либо государство позволяет, чтобы другие субъекты определяли, кто его друзья, а кто враги и как с ними бороться, то оно больше не является суверенным государством¹⁵.

В первой половине 1930-х гг., в период своего сотрудничества с нацистами Шмитт, активно работая над доктриной «новой Германии» и планом введения чрезвычайного положения, дополняет свою концепцию децизионизма новым теоретическим построением – учением о «мышлении конкретного порядка и образа действий». Главная цель «мышления конкретного порядка» – установление правового порядка особого рода. По Шмитту, новое мышление имеет три интеллектуальных источника: нормативизм, децизионизм и теория «мышления конкретного порядка и образа действия»¹⁶. Децизионизм в условиях нового порядка становится тотальным, ничем не ограниченным, правом суверена определять врагов и друзей государства, мобилизовывать народ на борьбу с врагами.

Национал-социалистическое государство рассматривается Шмиттом в качестве политической модели нового правового децизионизма и нового мышления конкретного порядка. При этом фюрер представляется гарантом государственного единства и защитником нового права. В статье с говорящим названием «Фюрер защищает право» (1934 г.) Шмитт выступает против либеральной идеи правового государства, которая, по его мнению, привела к ослаблению борьбы против внутренних и внешних врагов Германии в годы первой мировой войны и в период Веймарской республики. Более того, употребление формулы «правовое государство» либералами, парламентариями, а также клерикалами и представителями левых сил, согласно Шмитту, следует рассматривать не иначе как прием антигерманской пропаганды, используемый внутренними врагами Германии. В результате данной пропаганды подлинное немецкое право и чувство чести потерпели крах.

Спасение и нравственное возрождение нации Шмитт увидел в вождистском децизионизме Гитлера: «Все нравственное возмущение позором подобного краха сконцентрировалось в Адольфе Гитлере и стало в нем движущей силой политического действия»¹⁷. Знание врага и понимание уроков истории, по мнению Шмитта, дает Гитлеру право и силу для обоснования нового государства и ново-

го порядка. У фюрера также есть право своей силой вождя выступать в роли высшей судебной инстанции, высшего судебного главы народа: «Подлинный вождь всегда также является судьей. Из вождизма вытекает судебная власть. Тот, кто желает отделить одно от другого или даже противопоставить их, превращает судью или в альтернативного вождя, или в инструмент альтернативного вождя и пытается свергнуть государство при помощи юстиции. Это часто опробованное средство не только разрушения государства, но и разрушения права»¹⁸. При Гитлере немецкое государство, по словам Шмитта, «имеет силу и волю для различения друга и врага»¹⁹. Германия, утверждает он, не должна принести свое политическое существование в жертву идолам либерализма. Немецкий народ должен подготовиться к великой духовной борьбе, чтобы защитить новое право и новый порядок.

Концепт децизионизма неявно присутствует и в поздних работах Шмитта, к примеру, в его книге «Теория партизана», написанной в 1963 году. Партизан для Шмитта выступает символической фигурой революционной борьбы и сопротивления. Образ партизана олицетворяют такие харизматические фигуры как Мао Цзедун, Хо Ши Мин, Фидель Кастро.

В XX веке партизан становится некой независимой политической силой, которая защищает свое право на ведение народной войны. Партизан – это воплощение силы, способной самостоятельно принимать решения относительно своего врага, неповиноваться закону и прерывать ткань легальности. Децизионизм партизана трактуется Шмиттом как дело сугубо политическое, поскольку партизан действует в ситуации экстремальной, поскольку враг им четко определен и поскольку в целях борьбы с ним обретается право на переход к нелегальным действиям. В партизанской вражде, отмечает Шмитт, незаконное действие находит свое право, свой правовой смысл²⁰.

Партизан обладает особыми отличительными чертами и особой техникой ведения подрывных действий. Шмитт выделяет четыре критерия, по которым можно распознать партизана. К таковым относятся: нерегулярность военных действий; повышенная мобильность активного боя; интенсивная политическая ангажированность; теллургизм (почвенность, защита своей Земли).

В итоге фигура партизана выступает у Шмитта в качестве активного политического субъекта, претендующего на суверенитет народа и способного от его имени принимать ответственные политические решения, касающиеся определения врага и ведения против него партизанской нелегальной борьбы.

В настоящее время концепт децизионизма в превращенной форме содержится в современных правых идеологиях, провозглашающих необходимость консервативной революции для преодоления неолиберальных и неомарксистских трендов в политическом дискурсе. Это относится и к идеологическим процессам России, где неоевразийская риторика приобретает широкий масштаб. Не секрет, что именно неоевразийство сегодня активно продвигает идею Евразии как социокультурного и духовного пространства, наделенного сильным волевым и энергетическим началом, способным осуществить глобальную геополитическую революцию и установить новый мировой порядок.

Литература:

1. Шмитт К. Политическая теология. Сборник / Переводы с нем. Заключ. Статья и составление А. Филиппова. – М.: «КАНОН-пресс-Ц», 2000. С. 15.
2. Там же. С. 17.
3. Там же. С. 28.
4. См.: Гайда А.В., Максудов А.Б. Теология власти. Екатеринбург: УрО РАН, 2001. С. 81–82.
5. Шмитт К. Политическая теология... С. 26.
6. Там же. С. 78.
7. Там же. С. 80.
8. Там же. С. 82.
9. Там же. С. 88.
10. Там же. С. 93.
11. Там же. С. 132.
12. Там же. С. 241.
13. Там же. С. 246.
14. Шмитт К. Понятие политического // Вопросы социологии. 1992. Т. 1. № 1. С. 39–46.
15. Там же. С. 52–53.
16. См.: Гайда А.В., Максудов А.Б. Теология власти. Екатеринбург: УрО РАН, 2001. С. 133–134.
17. Шмитт К. Государство и политическая форма [Текст] / пер. с нем. О.В. Кильдюшова; сост. В.В. Анашвили, О.В. Кильдюшов. – М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010. С. 264.
18. Там же. С. 264–265.
19. Там же. С. 270.
20. Шмитт К. Теория партизана. – Электронный ресурс: www.velesova-sloboda.org/polit/Schmitt-teoriya-partizana.html.

Чемакин Ю.В.

К ПРОБЛЕМЕ ТИПОЛОГИИ КОРПОРАТИВНОЙ ПРЕССЫ

**Чемакин
Юрий Владимирович**

кандидат политических наук, доцент кафедры истории журналистики департамента «Факультет журналистики» УрФУ им. Первого президента России Б.Н. Ельцина

Типологический метод можно признать одним из основных и перспективных методов исследования средств массовой информации. Относится это и к корпоративным медиа (КМ), которые, в соответствии с данными исследований, проведенных разными организациями в 2010–2011 годах, продолжили успешно развиваться в России¹ и к настоящему времени занимают значимое место в системе российских СМИ.

Под типологией средств массовой информации мы понимаем метод, а также результат научного познания, научной систематизации СМИ на основе общих для них признаков и свойств. Корпоративные медиа – СМИ, отражающие интересы конкретных корпораций-учредителей, издающиеся по их инициативе, способствующие их развитию, решению стоящих перед ними задач путем установления и поддержания контакта со значимыми для этих корпораций группами общественности.

В России уже началось серьезное научное изучение КМ. Защищено десятков диссертаций, вышло несколько монографий, посвященных корпоративной прессе, огромное количество статей в профессиональных журналах и научных сборниках². Однако даже в наиболее основательных исследованиях российских

корпоративных медиа недостаточно разработанным (либо дискуссионным) остается ряд важнейших теоретических вопросов. К таковым мы относим и проблему типологии КМ. До сих пор не выработано достаточно полной, четкой и аргументированной типологии, учитывающей особенности данного вида СМИ³. Между тем, это необходимо для серьезного теоретического осмысления развития корпоративных средств массовой информации. Отметим, что с проблемой типологии тесно связан ряд других важных теоретических проблем, таких, например, как границы понятия «корпоративные медиа», функциональная специфика КМ, место корпоративной прессы в системе СМИ.

Данная статья представляет собой попытку предложить более полный и четко структурированный вариант типологии корпоративной прессы.

В зависимости от формы обработки и распространения информации корпоративные СМИ можно разделить на следующие основные виды: периодические печатные издания; радиопрограммы; теле-, видеопрограммы; электронные сетевые ресурсы. Будучи ограниченными размером статьи, сосредоточимся на рассмотрении типологии печатных корпоративных изданий – наиболее представительного и распространенного вида КМ.

За основу своего варианта типологии мы возьмем подзабытый многими подход к типологии специальных журналов, предложенный отечественным исследователем А.И. Акоповым еще в 1985 году⁴. По существу, наша задача заключается в том, чтобы скорректировать этот подход с учетом современных реалий и особенностей корпоративных медиа.

Суть подхода А.И. Акопова состоит в том, что он распределил типологические признаки по трем группам, в зависимости от их значимости для формирования типа издания.

Главные признаки, которые непосредственно влияют на тип издания, определяют его, исследователь назвал «*типобразующими*» (или «*типоформирующими*»). К их числу он отнес три взаимосвязанных признака, «которые в различной последовательности своего воздействия и создают тип издания»: *издающий орган, цели и задачи, читательская аудитория*. Ко второй группе признаков, названной «*вторичные (зависимые)*», так как они зависят от типобразующих признаков, А.И. Акопов отнес следующие четыре признака: *авторский состав, внутренняя структура издания, оформление, жанры*. Наконец, по мнению данного автора, в еще более подчиненном, зависимом состоянии находятся такие признаки, как *периодичность, объем издания и тираж*, поэтому они названы *формальными*. Однако обозначение признаков терминами «вторичные» и «формальные» «не снижает значение этих признаков, которые в конкретных условиях могут играть существенную роль. Речь идет о логических связях и их последовательности»⁵.

Итак, опираясь на наработки А.И. Акопова, предложим матрицу типологического анализа современных корпоративных СМИ.

Группу основных, типоформирующих признаков, по нашему мнению, составят: *учредитель (владелец), цели издания, читательская аудитория*.

Учредитель СМИ – важнейшее основание для типологии, так как в первую очередь именно от учредителя зависит все остальное. Именно учредитель определяет и цели издания, и издателя (далеко не всегда сам выступая в роли такового), и принципы редакционной политики и т. д.

По данному критерию можно выделить корпоративные СМИ, учрежденные коммерческими компаниями, государственными и муниципальными структурами, некоммерческими организациями.

Далее эти признаки можно конкретизировать по разным основаниям, например, таким, как сфера деятельности, величина и т. д. Так, коммерческие компании бывают открытыми

или закрытыми акционерными обществами, обществами с ограниченной ответственностью, они могут быть представителями малого, среднего или крупного бизнеса, сферы их деятельности могут быть самые разнообразные – от торговли продуктами питания до нефтедобычи, от индустрии красоты до производства военной техники.

Государственные и муниципальные структуры, некоммерческие организации, выступающие учредителями корпоративных СМИ, тоже бывают самыми разными и по величине, и по составу, и по сферам деятельности. Свои СМИ издают, к примеру, структуры МЧС, МВД, Минобороны, других министерств и ведомств. Очень представительная часть государственных и муниципальных корпоративных медиа – это СМИ учреждений культуры, науки и образования: издания гимназий, колледжей, вузов, музеев, театров и т. д.

К корпоративной прессе некоммерческих организаций относятся издания, учрежденные различными фондами, общественными объединениями и движениями, некоммерческими партнерствами и т. д.

Основные *цели* корпоративного издания – следующее важнейшее основание для типологизации. *По ключевым целям (целевому назначению), по нашему мнению, можно выделить такие типы КМ:*

– PR-СМИ (имиджевые). Функцию формирования позитивного имиджа компании-учредителя выполняют, так или иначе, практически все качественные корпоративные СМИ. Но у некоторых она является основной.

– Идеологические. Их важнейшая цель состоит в распространении определенных ценностей, идей, формировании корпоративной культуры.

– HR-СМИ (мотивационные). Направлены на формирование у работников мотивации к добросовестному труду на благо компании.

– Информационные.

– Аналитические.

– Коммуникационно-интеграционные.

– Маркетинговые.

- Коммерческие рекламные.
- Просветительские.
- Образовательные.
- Рекреационные.
- Творчески-развивающие (СМИ, предназначенные для реализации творческих способностей, например, детей, подростков).

Возможны и другие ключевые цели, а также их различные комбинации (например, речь может идти о рекреационно-маркетинговом или об информационно-имиджевом издании и т. д.).

Именно учредитель, в зависимости от собственных целей, определяет, и на какую аудиторию будет направлено СМИ. Корпоративные издания выходят, даже если не слишком интересны аудитории, но интересны своему учредителю; они создаются по другим мотивам (и по другим схемам), чем остальные современные СМИ. Этими мотивами, как и своими функциями, они напоминают советскую периодическую печать. Неудивительно, что работы советских теоретиков прессы, при условии их творческого переосмысления, могут быть актуальны для нынешних корпоративных СМИ.

По *аудиторному признаку* корпоративные СМИ принято делить на следующие основные типы:

- b2p (business-to-personnel) – внутрикорпоративные, предназначенные для сотрудников компании,
- b2c (business-to-client/customers) – клиентские, для клиентов компании, потребителей ее продуктов или услуг,
- b2b (business-to-business) – издания, ориентированные на бизнес-партнеров,
- отраслевые корпоративные СМИ, предназначенные для экспертов той отрасли, в которой работает компания-учредитель, в том числе представителей власти, «большой» прессы, научного сообщества и т. д.

Описание аудитории КМ полезно дополнять также такими принятыми в социологии журналистики демографическими критериями, как пол, возраст, профессиональная принадлежность, уровень доходов, уровень образования, стиль жизни...

После рассмотрения типобразующих признаков, перейдем к *зависимым* от них, *вторичным*. К таковым мы отнесем: *содержательно-тематическую направленность, особенности подачи информации, тип финансирования, способ производства, способ распространения*.

Содержательно-тематическая направленность корпоративной прессы очень многообразна. В зависимости от учредителя, его сферы деятельности, целей и специфики аудитории, корпоративное СМИ может быть посвящено проблемам промышленного производства, образования, культуры, банковским, страховым услугам, вопросам индустрии красоты, автомобилям, сотовым телефонам, продуктам питания и т. д. (перечень можно долго продолжать).

Под *особенностями подачи информации* подразумевается, прежде всего, ориентация издания на качественную, либо на массовую прессу. Та часть корпоративной прессы, которая ориентирована на высокообразованную и статусную аудиторию бизнесменов, менеджеров, представителей власти, по своему дизайну и подаче информации обычно стремится соответствовать образцам качественной деловой прессы (таким, как журнал «Эксперт», газета «Ведомости» и т. п.), публиковать серьезные статьи, обзоры рынка и т. д. Издания же, ориентированные на более «простую» аудиторию, например, рабочих, домохозяек, студентов, зачастую заимствуют приемы подачи информации, характерные для массовых изданий, таких, как «Комсомольская правда»: броские заголовки, обилие иллюстраций, небольшой размер публикаций, упор на информацию, а не на аналитику...

По *типу финансирования* корпоративные СМИ правомерно разделить на следующие категории: 1) полностью финансируемые учредителем, 2) частично самоокупаемые, 3) самоокупаемые, 4) приносящие прибыль. Большинство современных корпоративных СМИ России относятся к первой категории. Некоторые издания (прежде всего, СМИ крупных корпораций, предприятий, такие, как газета «Верх-Исетский рабочий») часть средств зарабатывают сами.

Полностью самоокупаемых корпоративных СМИ и изданий, приносящих прибыль, в нашей стране пока не много. Издания второго, третьего и четвертого типов зарабатывают деньги, в основном, за счет привлечения коммерческой рекламы и/или платной реализации тиража.

По способу производства корпоративные СМИ можно разделить на три основные категории: 1) издающиеся собственными силами компании (сотрудниками данного предприятия), 2) издающиеся с помощью дочерних фирм, 3) издающиеся на аутсорсинге (с помощью специалистов, привлеченных «со стороны», например, из каких-нибудь издательских домов, редакций СМИ или агентств). Часто используются разные «переходные» варианты. И степень «стороннего участия» в выпуске корпоративного издания может быть самой разной.

По способу распространения можно выделить две основные разновидности корпоративных СМИ: 1) распространяемые платно и 2) распространяемые бесплатно. Платно издания обычно распространяются по подписке, но иногда и продаются в розницу. Большинство современных корпоративных СМИ в России распространяется бесплатно. Внутрикorporативные издания, как правило, разносятся по отделам предприятия либо оставляются «на вахте». Издания для внешней аудитории могут раздаваться на выставках, презентациях или иных массовых мероприятиях; оставаться у входа в учреждение (офис, магазин и т. д.); рассылаться по почте.

Наконец, к *формальным (техническим)* мы относим следующие критерии типологизации КМ: вид издания (информационный листок, газета, журнал, альманах), цветность, объем, формат, периодичность, тираж и наличие (либо отсутствие) официальной регистрации в качестве средства массовой информации.

По нашему мнению, перечень из упомянутых типологических признаков, не являясь исчерпывающим, является достаточным. Совокупность этих критериев дает адекватное представление о том или ином корпоративном издании.

Литература:

1. См., напр.: Корпоративная пресса. Руководство к действию. – М.: ИД «Медиалайн», 2011. С. 36–43.
2. См.: Чемякин Ю.В. Проблемы изучения и преподавания современной российской корпоративной прессы // Известия Уральского государственного университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. № 2 (89), 2011. С. 98–105.
3. См. подробнее там же.
4. Акопов А.И. Методика типологического исследования периодических изданий (на примере специальных журналов). – Иркутск: Изд-во Иркутского ун-та, 1985. – 96 с.
5. Там же. С. 37.

Ковалева Д.М.

ГУМАНИТАРНЫЙ ИМИДЖ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Ковалева
Дарья Михайловна

студентка 2 курса
магистратуры
института социальных
и политических наук
Центра классического
образования УрФУ
им. Первого президента
России Б.Н. Ельцина

Российские регионы вступают в эпоху, в которой им предстоит конкурентная борьба за инвестиции, социальные и культурные проекты, транспортные, информационные и туристические потоки, высококвалифицированных специалистов. Ожидается, что в дальнейшем конкуренция будет только возрастать, и в выигрыше окажется тот регион, который не только будет обладать достаточным количеством ресурсов и накопленным потенциалом, но и сумеет построить грамотный имидж, отражающий все преимущества данного региона.

Имидж (с лат. image – образ) – это сложившийся в массовом сознании и имеющий характер стереотипа эмоционально окрашенный образ кого-либо или чего-либо. Формирование имиджа происходит стихийно, но чаще оно – результат работы специалистов в области политической психологии, психологии рекламы, маркетинга и пр. Самый эффективный путь создания имиджа – использование средств массовой коммуникации¹.

Так как в статье мы рассматриваем имидж Свердловской области, целесообразно отметить, что мы понимаем под **имиджем области или региона**: это относительно устойчивая и воспроизводящаяся в массовом и/или индивидуальном сознании совокупность эмоциональных, рациональных представлений, убеждений и ощущений людей, которые возникают

по поводу особенностей области или региона, складываются на основе всей информации, полученной об области или регионе из различных источников, а также собственного опыта и впечатлений².

При формировании имиджа определенного региона или области важно учитывать его направленность. Возможны 3 уровня трансляции имиджа: 1) внутренний (направленность на жителей данного региона); 2) уровень государства – общероссийский уровень; 3) международный уровень, обусловленный тенденциями глобализации и усиления межрегионального сотрудничества. С точки зрения целевой аудитории, при формировании желаемого имиджа учитываются следующие группы его потребления: жители региона, туристы, федеральная власть и представители бизнеса.

Винель И. полагает, что «часто, концентрируясь на жизни в своем регионе, мы не знаем о том, что происходит в других частях страны. Когда возникают вопросы о необходимости привлечения инвестиций в тот или иной регион, оказывается, что не внешние, ни внутренние инвесторы не готовы делать какие-либо вложения в территорию, возможности и преимущества которой им неизвестны»³. Действительно, наиболее частой причиной формирования позитивного имиджа региона является желание привлечь инвесторов. Однако ориентация на людей, проживающих на данной территории, также очень важна: положительный образ региона в сознании его жителей создает на психологическом уровне чувство удовлетворенности и довольства, желание трудиться во имя процветания региона и препятствует «утечке мозгов».

Из каких составляющих может быть сформирован имидж определенного региона? Имидж состоит из сложившихся представлений о населении, образовании, экономике, науке, культуре, здравоохранении, политической жизни и региональных лидерах, коммунальном

хозяйстве, транспортной структуре, архитектуре и историческом прошлом. Коновалов А. и Еремина Е. в статье журнала «Эксперт-Урал» пишут, что «существует две точки зрения: по одной – имидж региона должен определяться его экономическими успехами, по другой – ставку надо делать на социокультурные факторы»⁴.

Мы полагаем, что лучшей стратегией при формировании имиджа региона будет учет и тех, и других факторов, и даже настаиваем, что особый упор необходимо делать на социокультурные реалии. В стремительно изменяющихся условиях надо ориентироваться на новые стандарты. Вспомним модели постиндустриального общества Д. Белла и Э. Тоффлера, в которых сфера производства уступает свои позиции науке, культуре, образованию, организации туризма и развлечений, а научно-технические специалисты становятся самым важным классом. Мы уже шагаем в это новое общество, и учитывать данное положение вещей при формировании имиджа региона очень желательно. Назовем вышеперечисленные факторы «гуманитарными» и остановимся на гуманитарном имидже Свердловской области.

Термин «гуманитарный» употребляется 1) по отношению к научным дисциплинам, имеющим отношение к человеку, его духовной, умственной, культурной и общественной деятельности; 2) в связи с правами человека (например, «гуманитарная катастрофа»). При употреблении словосочетания **«гуманитарный имидж области/региона»** имеется в виду сложившаяся в массовом или индивидуальном сознании совокупность представлений людей по поводу культурного потенциала региона, развитости искусства, научной деятельности и архитектурно-исторического наследия. Проведенный нами анализ текстов в сети Интернет показал, что словосочетание «гуманитарный имидж» является новым, оно еще не вошло прочно в научные тексты и новостные ленты и используется довольно редко. Там нам встретились такие упоминания: «достойный, полноценный, международный гуманитарный имидж Казахстана»; «гуманитарный имидж

определяется вкладом страны в копилку общечеловеческого опыта: создание философских и морально-этических систем, произведений искусства, спортивных достижений, научных открытий, изобретений, выдающихся достижений в здравоохранении, медицине и др.»⁵; «работа на новый, современный гуманитарный имидж области и города: Оренбург в глазах соотечественников и мирового сообщества перестает быть местом ссылки и становится одним из центров интенсивной духовной деятельности»⁶; «Янукович активно эксплуатирует гуманитарный имидж» [упоминается по отношению к открытию туберкулезного диспансера, путепровода и Луганской областной филармонии]. Таким образом, мы видим, что термин «гуманитарный» используется по отношению к сфере искусства, науки, интеллектуального и духовного вклада, а также при упоминании медицинской сферы (видимо, воскрешая в памяти второе значение данного понятия и сочетания типа: «гуманитарные медицинские организации», «гуманитарную помощь», «гуманитарные катастрофы»).

Культурная составляющая имеет огромное значение при формировании гуманитарного имиджа региона. Чарльз Лэндри, ведущий специалист в области культурной политики, подчеркивает, что культура является инструментом, формирующим своеобразие территорий и соединяющим людей, которые принадлежат к различным сообществам. Культура позволяет решать социальные задачи, *помогает улучшать имидж места и привлекать инвестиции*, является источником и стимулом для развития общества⁷.

Остановимся подробнее на вопросе гуманитарного имиджа Свердловской области, выясним, ведется ли какая-то целенаправленная работа по его формированию, осознается ли значимость гуманитарного имиджа властями и местным сообществом.

Коновалов А. и Евгения Е., полагают, что в современном информационном, медийном обществе большую роль в процессе формирования имиджа региона играют средства массовой информации⁸. Исследователи приходят к сле-

дующим выводам: федеральные СМИ чаще всего интересуются «горячими» новостями (криминал, социальные проблемы, продажные чиновники). Печать дает более объективную картину. Так, можно найти упоминания о туристических местах Урала, учениях ШОС, памятнике Beatles в Екатеринбурге, музыкальных фестивалях. В 2007 году культурные обозреватели старались показать местных героев: драматурга Николая Коляду и писателя Алексея Иванова. К сожалению, количество статей о культурной жизни Перми и Пермского края, по мнению авторов, значительно превышает число сообщений о культурных делах Свердловской области. Интернет-СМИ, аудитория которых возросла за последние годы во много раз, действуют по законам сети: чем ярче, жестче материал, тем больше шансов, что пользователь перейдет на сайт. Полноценный образ Свердловской области и Урала в сети Интернет сформировать пока не удастся. Коновалов А. и Евгения Е. считают, что *позитивный имидж* мог бы обеспечиваться мощными культурными традициями. В Екатеринбурге работают первоклассные коллективы, к примеру, лучший в стране филармонический оркестр, но остро не хватает новых героев и громких акций. Чтобы прозвучать в российском и международном контекстах, Екатеринбургу требуется фестивальная идея, периодическая художественная встряска с повышенной концентрацией премьер, концертов. Чтобы получить феномен культуры, необходим феномен отношения к культуре – в первую очередь властей и делового сообщества.

Тем временем власти Свердловской области нельзя упрекать в абсолютном бездействии: в феврале 2011 года губернатор А. Мишарин провел встречу с деятелями культуры с целью улучшения имиджа Свердловской области. Тема встречи была следующая: «Культура как фактор социально-экономического развития Свердловской области». Ошуркова И., автор статьи, рассказывающей о данной встрече, пишет о ее цели так: «В переводе на более простой язык ее можно прочитать следующим образом: что могут сделать наши театры, ансамбли и прочие творческие объединения для того, чтобы

Средний Урал засветился минимум в российском, а максимум в мировом масштабе, чтобы общепризнанные таланты считали за честь поездку к нам, а свердловчане не мыслили бы и дня без музыки, живописи, качественного кино и чтения»⁹. В ходе встречи поступали предложения о проведении музыкального фестиваля, Дня губернии (аналог Дня города, но более масштабный проект, призванный объединить всю Свердловскую область), арт-пленеров, создания краеведческих печатных изданий и детских книг, которые бы стали уральской классикой, подчеркивалась важность продвижения культурно-образовательных услуг в отдаленных территориях (например, организация виртуальных концертных залов в малых населенных пунктах Свердловской области).

Участие губернатора А. Мишарина в XVI заседании Совета глав субъектов РФ при МИД России объясняется, во-первых, пониманием самой властью важности положительного международного имиджа регионов России, а, во-вторых, растущими связями Свердловской области с зарубежьем и плодотворными контактами на межрегиональном уровне. Отметим, что чаще всего основная цель повышения имиджа регионов, с точки зрения федеральных и региональных властей, – привлечение и реализация как можно большего количества инвестиционных проектов.

Повышению имиджевой привлекательности области должна была способствовать выставка промышленных инноваций и научных достижений «Иннопром», которая проводилась 14–17 июля 2011 года. Участие в выставке приняли более 400 российских и зарубежных компаний, за 4 дня работы «Иннопром» посетили порядка 50 000 человек, подписаны соглашения на сумму, сравнимую с годовым консолидированным бюджетом Свердловской области¹⁰. Бесспорно, подобные мероприятия нужны области, они благоприятно сказываются на ее гуманитарном имидже, однако, информационная стратегия должна быть более продуманной. В первый день работы форума только на Интернет-портале «Ведомостей» появился небольшой баннер про выставку, а новости

«Первого канала» ограничились фразой: «В Екатеринбурге состоялась промышленная выставка, и премьер общался с ее участниками в режиме видеоконференции». В последующие дни работы выставки сообщения о ней в российских СМИ были, с нашей точки зрения, недостаточно полными и массивными.

Архитектурно-историческое наследие Свердловской области достаточно велико, вопрос лишь в его популяризации. После выхода на телеэкраны фильма «Хребет России», региональные власти заинтересовались одним из его авторов – Алексеем Ивановым и предложили ему заняться улучшением имиджа области и региона. Иванов примет участие в создании фотоальбомов Среднего Урала, работа над которыми будет включать несколько экспедиций с целью продвижения территории Урала как исторического и социального феномена, а также территории, интересной для туризма. Возможно открытие туристического маршрута «Железный пояс» (в России уже есть его аналоги – «Золотое кольцо», которое представляет цивилизацию Древней Руси и маршрут «Северное ожерелье» – северная Русь и Поморье)¹¹.

Исходя из выше написанного, можно сделать вывод, что работа над построением гуманитарного имиджа Свердловской области ведется. В областной целевой программе «Развитие культуры в Свердловской области на 2011–2015 годы» сказано, что «сегодня Свердловская область испытывает серьезное соперничество со стороны соседних регионов... Для повышения конкурентоспособности Свердловской области необходимо активизировать работу по представлению культуры области в российских регионах и за рубежом...»¹². Подчеркивается, что «плодотворное международное культурное сотрудничество должно положительно сказаться на инвестиционной привлекательности региона, способствуя его социально-экономическому развитию». Бесспорно, построение гуманитарного имиджа – это очень хорошая и, главное, современная стратегия, позволяющая увеличить денежные потоки в регион, но нам кажется, что не стоит забывать и о его жителях. Трансляция имид-

жа должна быть направлена не только вовне, но и внутрь региона, способствуя повышению удовлетворенности жителей качеством жизни. С этой позиции отрадно, что целевая программа развития культуры обращает внимание на популяризацию культурных ресурсов для населения Свердловской области, а своей глобальной целью видит «повышение качества жизни всех членов общества...».

Литература:

1. Имидж [Электронный ресурс] // С.Ю. Головин. Словарь практического психолога – URL: <http://vocabulary.ru/dictionary/25/word/%C8%CC%C8%C4%C6> (дата обращения 19.12.2011).
2. Шаталов Г. Образ, имидж, бренд и репутация региона – что это такое? // Коммуникативная группа Регион PR – психолога – URL: <http://www.regionpr.ru/page122.html> (дата обращения 19.12.2011).
3. Винель И. Образ, имидж, бренд и репутация региона // ИА «Экзистенция» – URL: <http://existenzia.ru/theory/brend> (дата обращения 21.12.2011).
4. Коновалов А., Еремина Е. Отстойный край державы // Эксперт-Урал № 5 (314) от 4.02.2008.
5. Управление инновационно-инвестиционной деятельностью в народном хозяйстве России // URL: <http://123diplom.ru/item/items5172729.html> (дата обращения 21.12.2011).
6. Павлова Е. Строки, прозвучавшие музыкой // Вечерний Оренбург – URL: <http://www.vecherniyorenburg.ru/cat179/show4071> (дата обращения 19.12.2011).
7. Пахтер М. Культура на перепутье. Культура и культурные институты в XXI веке. Пер. с англ. / М. Пахтер, Ч. Лэндри – М.: Классика ХП, 2003. – С. 43.
8. Коновалов А., Еремина Е. Отстойный край державы // Эксперт-Урал № 5 (314) от 4.02.2008.
9. Ошуркова И. В поисках «изюминок» Александр Мишарин и деятели культуры нашли способ, как улучшить имидж Свердловской области // Областная газета – URL: <http://www.oblgazeta.ru/home.htm?ca=1.2011&st=3-1.sat&dt=11.02.2011> (дата обращения 19.12.2011).
10. Презентация по итогам проведения выставки и форума Иннопром-2011 // URL: <http://www.innoprom.org/get-file.aspx?id=584&DBCode=UploadedFile> (дата обращения 22.12.2011).
11. Известный российский писатель отправится в экспедицию по Среднему Уралу // Новости Е1 – URL: http://www.e1.ru/news/spool/news_id-354049.html (дата обращения 22.12.2011).
12. Областная целевая программа «Развитие культуры в Свердловской области // Министерство культуры и туризма Свердловской области – URL: http://mkso.ru/data/File/OCP_kulyura/1OCP_kultura_26_10_10.pdf (дата обращения 19.12.2011).

Некрасов С.Н.

РОССИЯ В КОНЦЕ СВЕТА: ИЛИ ЧЕМ ЗАВЕРШАЕТСЯ ГОД ЕЕ ИСТОРИИ

Некрасов
Станислав
Николаевич

доктор философских
наук, профессор
УрГСХА,
действительный член
РАЕ,
член Общественной
палаты Свердловской
области

2012! Вместо объявленного календарем майя «конца света» – официально принятый год истории России, поскольку исходит из не столь давно обнаруженной историками даты 1150-летия образования государственности в России (862–2012 гг.). Изначальный год очень удобен во всех отношениях – от него легко отсчитывается и укладывается в памяти общества Смута 1612 г. и ее завершение, победа в Отечественной войне 1812 г., еще вспоминают столетие со дня рождения Л. Н. Гумилева, сына двух поэтов и историка-евразийца. Добавим к этому официальному и широко поминаемому в пропаганде перечню дат, другие не менее важные даты, позволяющие проводить через них собственные интеллектуальные траектории. В научной работе и в секретной выработке той или иной идеологии, а также для реализации обыкновенной для каждого аспиранта ищущего ученой степени – постановки проблем – принято выделять так называемые «реперные точки», желательные символические даты прошлого. Обычно я так и предлагаю начинающим аспирантам выделить одно состояние объекта – в прошлом, затем другое – в настоящем и, наконец, третье – в желаемом будущем. Именно так в жизни общества получается «самоосуществляющееся пророчество». Такая постановка также обыкновенно ложится в основу структуры глав диссертационной работы. Зададим и мы принципиально важную для российской государственности аналогичную траекторию: от 1922 г. – к 1942 г. и далее – к 1962 г., наконец,

к трагическому 1992 г. и из него в наш, несомненно, исторический 2012 г.

В декабре 1922 г. был образован СССР. Все мы дети этого блестящего и еще не заверщенного, но прерванного и введенного в иную реальность, эксперимента. Эксперимента связанного с преобразованием российской империи в многонациональную республику. Образованная на распаде СССР временная структура, такая как РФ, была сформирована на mine замедленного действия – на федеративной неунитарной структуре новой формы государства. Конспирологи предпочитают говорить здесь о «коварном замысле Лондона», который через Ленина заложил проект распада России на много лет вперед, и эту мину не смог обезвредить сам прозорливый Сталин. В эту схему, основанную на дискуссии великих основателей СССР по поводу «права наций на самоопределение вплоть до полного отделения», всерьез поверил ни кто иной, как А. Гитлер.

В 1942 г. его практическая проверка «колосса на глиняных ногах» на прочность завершилась окружением и разгромом ударной группировки Запада на берегах Волги. Мой отец там – в этом городе с символическим названием – вступил в партию и это я всегда помню. Нацисты и следовавшая с ними объединенная Европа не смогли оправиться от этого удара – следующим крахом такого масштаба был Корсунь-Шевченковский котел, где в плен попали 50 тысяч врагов России – но то было в 1944 г.

14–28 октября 1962 г. схлестнулись две операции – «Мангуста» и «Анадырь». Кто-нибудь помнит сегодня, почему «Анадырь»? Это была операция генштаба СССР, разработанная и реализованная по решению высшего политического руководства. Вообще у американцев все военные операции обозначаются ясными и твердыми выражениями вроде «Буря в пустыне» или «Решительная сила». У нас как в комедии 60-х в уморительно-виртуозной игре Ю. Никулина предлагалось назвать операцию (где «все уже украдено до нас») «операцией Ы» («почему Ы?», спросил в ужасе завбазой) – «чтоб никто не догадался!» Вот и «Анадырь» – блистательная

операция «Ы» по размещению ракет и ядерного оружия, 50 тыс. группировки войск на Кубе. Напомним, Куба у нас тогда расшифровывалась в эйфории наступления на обнаглевший империализм янки как «Коммунизм у берегов Америки»... До сих пор войны преследовали человечество как кошмар, как сумасшедший с бритвою в руке из ночного кошмара – война сменялась мирной передышкой, перегруппировкой сил и вновь войной. Но так было только до создания и накопления достаточного количества ядерного оружия – этого оружия последнего (судного) дня. Контуженный на войне Д. Кеннеди и фронтовик Н. Хрущев, ненавидевший И. Сталина, расстрелявшего его сына за работу в немецкой фронтовой радиоустановке, пришли к выводу о недопустимости войны. Кеннеди расплатился за этот шаг жизнью, а Хрущев – высокой должностью.

Сейчас появилось новейшее поколение политиков, иногда и не служившее в армии. Оно не против того, чтобы попробовать старое ядерное оружие, а потом попробовать еще раз. Эти «всадники без головы», ковбои в шляпе на туловище как в карикатурах Кукрыниксов, уже победили в 1992 г. Денег у них сегодня хватает на 2–2,5 локальных войны в третьем мире одновременно, а значит и на одну глобальную, прямую войну хватит тоже. В 1992 г. победили не наши генералы. Конгресс США провел торжественное заседание по случаю победы в войне, был проведен военный парад в честь победы над СССР в войне 1945–1992 гг., а также выпущена медаль с этими датами. Руководители советологических центров, генералы-победители (здесь явная ирония истории – нас победили женщины, эти гражданские генералы в юбках) за победу в этой войне с холодными и многочисленными горячими эпизодами стали руководителями Госдепартамента США – органа с собственной разведкой, органа управления заморскими оккупированными территориями. Так Россия вслед за Германией и Японией получила статус колонии, зависимой территории, управляемой Госдепом через послов и туземное местное правительство, парламент и политические партии, агентов влияния и грантополучателей. В результате, нашей стране была написана Конституция 1993 г., по которой мы не имеем государственной идеологии (то есть, слепы, не имеем целей), наш Центробанк для свободной покупки долларов и прочей валюты победителей отделен от прави-

тельства, и может с ним судиться. При этом президент и премьер являются лишь по их собственному признанию «менеджерами по управлению государством», причем менеджерами среднего уровня, когда глобальные решения принимаются за океаном на уровне «двадцатки», «восьмерки», Госдепа. Впрочем, такова же ситуация даже в мощной объединенной оккупированной Германии, где есть президент, но сами немцы не знают, кто это. Впрочем, и мы не знаем немецкого президента. Как и наш президент, чиновник этого уровня – ни царь, ни генеральный секретарь, объем его полномочий их президента сводится к проверке и контролю за бумагооборотом и выполнением указов.

Какое все это имеет отношение к нашей конференции? Разговоры об инновациях и модернизации пусты и беспочвенны без работы по созданию аутентичного социального субъекта суверенной страны. Сегодня у нас два субъекта – производители интеллектуального продукта (они иногда неверно определяются как постиндустриальные творцы в противовес уэллсовским морлокам – людям материального производства из цивилизации второй волны). Вторые – творцы бюрократического управления и распоряжения. Настоящий конфликт разворачивается между этими субъектами, а третьего субъекта нет, так как он сверху не создается, а вырастает в напряженной национально-освободительной борьбе. Сегодня на повестке дня – задачи национального освобождения, при котором усилия президента В. Путина сверху встречают широкую низовую поддержку. Русским чудом явилась победа В. Путина на выборах – ответ русского народа в историческом 2012 г. был точен и настолько же выверен как 400-летней давности выбор в условиях смуты против псевдопомазанника ЛжеДмитрия и оккупантов.

Перестройка вырастает из объективных потребностей реформирования общества. Весь вопрос заключается в том, в каком направлении эта перестройка настраивается и реализуется. Первый раз такая острая необходимость преодоления антисоциалистических тенденций возникла еще до смерти И. Сталина и обострилась в период перехода к развернутому строительству коммунизма. В 50-е гг. XX в. возникла «первая перестройка» – протоперестройка, результатом которой мог быть не переход к коммунизму, но быстрый демонтаж самих основ социализма, как это, в сущности,

произошло в ходе «второй перестройки» во второй половине 80-х гг. прошлого столетия при провозглашенном КПСС курсе «больше демократии, больше социализма». Изменение губительного для социализма курса первой перестройки и формирование протоперестройки возникло не спонтанно. Н. С. Хрущев разгромил коррумпированную советскую партийно-хозяйственную машину в Узбекской ССР не спонтанно. На Лейпцигской выставке в 1959 г. он получил через Е. Стасову, секретаря В. И. Ленина, письмо и докладные записки твердых коммунистов-ленинцев о положении в республике. Последовали визит первого секретаря ЦК КПСС в Ташкент, жесткие меры, введение расстрельных статей в силу. Мне известны ныне живущие авторы и содержание этих записок, которые еще предстоит постепенно внедрить в научный оборот. Главное, однако, состоит в том, что ход истории способен изменяться под воздействием точечных акций людей, обладающих знанием законов истории. Уже в конце 1950-х гг. была возможность избежать застойной петли в социалистической динамике, предупредить разрыв с Китаем и совершить совместно с КНР тот модернизационный марш, который удалось осуществить китайским коммунистам в одиночку только в XXI столетии. К сожалению, в 1985 г. не удалось повторить корректирующее воздействие – вторая перестройка началась. Историкам еще предстоит найти объяснение, почему перестроечные силы зарубежных агентов влияния оказались мощнее сил социалистического переустройства. Известно лишь, что заработавшая с опозданием на 20 лет перестроечная «команда реформ» начала 1990-х гг. была ориентирована на перекачку средств России в гигантский финансовый пузырь Запада.

В России после показательного перестроечного расстрела верховных органов Советской власти в 1993 г. и разгона советского народа, разгрома его индустриальной культуры, вырывания культурного ядра из цивилизационного кода русской Традиции, единственным источником власти объявляется многонациональный российский народ. По Конституции России 1993 г. «РФ – социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека». В нашей стране должны охраняться труд и здоровье людей. Реальные же условия привели к противоположному результату. Это означает, что формирующий их

строй оказался не способен обеспечить достойные условия для поддержания жизни и свободного развития большинства. Тем самым обнаруживается, что «социально-экономический строй» и «конституционный строй» суть разные вещи. Первый вступил в противоречие со вторым, осуществляя фактически его насильственное свержение. В такой ситуации гражданским долгом Президентов РФ, юристов Д. А. Медведева и В. В. Путина выступал бы буржуазно-демократический призыв к защите Основ конституционного строя. Задача дня в российской буржуазной республике на постсоветском пространстве – демократическими методами обеспечить установление в интересах русского этнически-культурного большинства нового общественно-экономического устройства: гуманного, эффективного и справедливого. Легитимность такого социально-эволюционного призыва не вызывает сомнений. Для его реализации потребуются переход от правых антинародных реформ в интересах агрессивно-хищного меньшинства к их следующему этапу – «неоиндустриальному», вбирающему в себя позитивные черты предшествовавших формаций, использующему весь накопленный историей культурный потенциал и специфическую ментальность русского народа. В противном случае, соблюдение формальной законности при отказе от практического вмешательства в общественные процессы в интересах большинства будет вполне соответствовать классической характеристике юридического мышления: юридически – значит фальшиво. Или как сформулировал В. В. Маяковский: «Кому бублик, а кому дырка от бублика – это и есть буржуазная республика!» В Конституции РФ нет ни слова о капиталистическом рыночном обществе, равно как и о составляющем большинство населения России, русском народе, а потому стремление буржуазно-консервативной правящей партии «Единая Россия» навязать народу и реализовать свою «стратегию 2020» в буржуазно-цивилизационных рамках является нелегитимным.

Прошедшие в 2009–2012 гг. выборы показали, что они вполне соответствовали такой культурной классификации – были свободными, легитимными, формально-юридически законными, даже прозрачными, но несправедливыми. Почему же люди их приняли за фальсифицированные выборы? Несправедливыми они были с точки зрения

культурно-русской части общества. Эта и другая части общества еще долго будут настаивать на возврате к доперестроечному старому советскому социализму. Таковы адепты и человеческий потенциал традиционных левых партий, в первую очередь, КПРФ. Старый советский социализм характеризовался всеилием государства, господством плана, полным подчинением личных интересов общественным, уничтожением частной собственности на все средства производства. Однако с середины 1960-х гг., когда все перечисленное существовало, в СССР стал нарастать системный кризис, приведший к социальному взрыву. Наш советский народ прекрасно понимал, что в стране отсутствуют свободные выборы, и Верховный Совет не представляет истинное народовластие. Обюрократившаяся КПСС не способна была оставаться «определяющей и направляющей политической силой». В социально-экономической области, с одной стороны, была гордость за бесплатное образование, здравоохранение, низкую квартирную плату, уверенность в завтрашнем дне, мощную науку, непобедимую армию, поддержку развивающихся стран, но в то же время – бесконечные очереди, унижающий дефицит, отчуждение трудящихся от результатов собственного труда. Старый политический режим создавал атмосферу несвободы, двойной морали, озлобленности. В погоне за экономическим могуществом государство проглядело нарастающее социальное разочарование, снижение качества жизни, что проявилось ростом смертности за 1965–80 гг. на 40%, убийств – на 80%, самоубийств – на 60%.

В результате, к началу 1980 гг. советские люди в полной мере осознавали необходимость политических и экономических преобразований для исправления накопленных за десятилетия ошибок и перехода к новому этапу развития. Призыв «Больше демократии, больше социализма» поддержало тогда большинство населения. Однако обнаружилось, что ни власть, ни общество не имеют проекта нового пути. Люди не видят, куда идти – потерял высокий смысл жизни, а выдвинутый «Единой Россией» в ходе избирательной компании «план Путина» из серии семи статей лишь говорил о том, как превратить наше общество в «корпорацию Россию», сделать страну всего лишь «конкурентоспособной». Обществу в период избирательной компании навязывалось мнение, что «иного не дано» и что

выбор сделан. В этом и была причина депрессии и молчания, использования административного ресурса властью и игнорирования выборов всех уровней большинством народа. Никто в тот момент не обратился к русскому народу, не нашел слова о его духовности и всемирно-историческом призвании. Никто не сказал этому мировому субъекту «Братья и сестры!» В результате русские мужчины предпочитают умирать молодыми, а женщины не желают рожать – когнитивный и демографический потенциал этого великого народа подорван. Никто кроме отвязных картинно-картонных националистов, провокационно сконструированных в ходе манипуляций спецслужб с их идиотскими лозунгами «Россия для русских» не называет наш народ русским, не соглашается даже рассмотреть вопрос о коррекции Конституции в части определения субъектности источника власти и суверенитета в России.

В результате нерешенности фундаментальных вопросах о целях, движущих силах и динамике исторического движения в ближайшие годы нам предстоит «третья перестройка» новой двадцатилетней буржуазной России, республики с необъявленным культурно-этническим составом. Станет ли она культурно-историческим синтезом – после тезиса и антитезиса – покажет время. Любые действия, направленные на деградацию или развитие культуры, разрушение или созидание традиционной нравственности, воссоздание или разделение частей некогда единой страны, разрушение или интеграцию нынешней РФ, могут и должны рассматриваться в едином силовом поле исторического процесса. Например, изменение структуры федеративного устройства России и переход на укрупненную систему городских агломераций, может по-разному рассматриваться в контексте образования русского социалистического государства или в контексте распада буржуазной российской государственности и формирования панславянского мондиалистского союза. Будет ли трагедией распад нерусской РФ для русского народа и его ядра – работающих на земле индустриализированных еще социализмом людей социалистической ориентации? Полагаем, что нет, поскольку сегодня у русских людей (как бы ни понимать это слово – как существительное или прилагательное) «забрали» государство, его нет, а потому распад России станет ступенью к дальнейшей эволюции

подобно тому, как распад Римской империи не был трагедией входивших в его состав народов – он стал началом возникновения и развития современных европейских наций.

Таким образом, в стране готовится третья перестройка. Ее разрушительный цвет уже виден – она грядет оранжевая, то есть нацеленная на снос политического руководства, ныне сдерживающего все силы социального ада, которые, несомненно, ворвутся к нам – извне (с враждебного Запада) и изнутри как «инферно» необузданных социальных агрессоров. Почти религиозно-метафизическая сакральная роль власти в России как «катехона» («удерживающего») в случае с В.В. Путиным проявляется наиболее рельефно в его третий президентский срок.

Сегодня всех нас объединяет один вопрос – что будет с российским государством? Распадется ли оно? Как распадется, в какие сроки и заметим ли мы это или будем спокойно выдавать студентам дипломы национального государства Урал-Идельского государственного экономического университета? Естественно, в карликовом государстве выдают дипломы, повышают качество жизни и моментально забывают свое мессианское призвание, последнего великого цезаря Сталина и национальную идею третьего Рима. Я посетил Югославию этим 2012 г. летом вновь – карликовые государства отравили жизнь людям, которые помнят величие социалистической федеративной республики. В новых странах нет армий, флота, зато много пограничников. ВМФ СФРЮ ржавеет бесхозный у причальной стенки порта Бара. Сегодня сама Россия как некая мистическая Северославия готова распасться на государственные фрагменты-анклавы. Но изменение форм государственного устройства страны не есть конец ее государственности.

А. Тойнби в «Постижении истории» показал, что, казалось бы, все цивилизации погибали безвозвратно. И сегодня мы живем как на кладбище мировых цивилизаций, где уже умерли все, а пока временно живущие в качестве служебной функции могильщиков лишь хоронят великих покойников. Но есть две страны – цивилизации, две мир-цивилизации: Китай и Россия, именно они всегда оживали. Уже сегодня ясно, что Россия прошла семь этапов своей истории, что уже было

семь Россией! А еще не столь давно Н.А. Бердяев говорил о пяти отдельных Россиях. И впереди нас ждет вечность, если мы не распадемся. И что в этой вечности – русский будет существительным или прилагательным? В этом суть выбора между предстоящей губительной направляемой нашими историческими противниками мутации России в виде ее третьей перестройки и преображением России, достигаемым при удержании нашим народом государства. Речь идет о вхождении исторической России в новую государственную форму в процессе обретения русского народа всей полноты суверенитета как субъекта, «даймона» всемирной истории. В этой истории начнет завершаться предыстория, в подлинной истории благодаря нам мир инферно будет отеснен на периферию, восторжествует Рай в социуме и душах.

В завершении укажу на внимание к датам пронизательнейшего из лидеров несистемной российской оппозиции. Как литератор и мыслитель Э. Лимонов обращает внимание на то, что «2012 год у нас дважды юбилейный. Отмечается 200-летие отечественной войны с Наполеоном. Широко и шумно. Не отмечается, скорее, замалчивается 20-летие великого всероссийского преступления – ваучерной приватизации. За ней последовали залоговые аукционы. Между тем, приватизация опустошила страну, как не сделали бы и сто Наполеонов. Народ метко окрестил её «прихватазацией». В результате имеем в стране ДВЕ ТЫСЯЧИ ЗОЛОТЫХ СЕМЕЙСТВ с состоянием свыше ста миллионов долларов каждое. И российский великий океан неимущих, в котором и лишний раз за метро заплатить – проблема. И молчат»¹. Пессимистично и почти по пушкинскому «Борису Годунову» – «народ безмолвствует»... Но народ не безмолвствует – он действует. В 2012 г. состоялось «русское чудо» – несмотря на либеральную истерию, народ своим действием избрал сохранение государства российского. Он выбрал своим действием В.В. Путина совершенно так же, как в условиях информационного обмана исторической Смуты XVII века отверг лжепомазанника Лже-Дмитрия.

Литература:

1. limonov-eduard.livejournal.com, 22 октября 2012 г.

Грибовод Е.Г., Грибовод Е.Г.

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРОЕКТА «ДИСКУРС SOFT POWER В СОВРЕМЕННЫХ КОММУНИКАЦИЯХ»

(Статья написана при поддержке Уральского отделения РАН в рамках конкурса интеграционных проектов фундаментальных исследований: проект № 12-У-6-1002)

Грибовод
Елена Григорьевна

лаборант-исследователь Института философии
и права УрО РАН

Грибовод
Екатерина Григорьевна

магистр политологии, аспирант Института философии
и права УрО РАН

С 2012 года при поддержке Уральского отделения РАН в Институте философии и права УрО РАН в рамках конкурса инициативных проектов фундаментальных исследований реализуется проект № 12-У-6-1002 «Дискурс Soft Power в современных коммуникациях». Авторы проекта поставили перед собой цель – разработать комплексные теоретические модели Soft Power различных видов Soft Power в международных коммуникациях.

В результате реализации проекта «Дискурс Soft Power в современных коммуникациях» исследователи провели библиографическое исследование отечественной и зарубежной литературы по заявленной теме. В итоге были разработаны структурированные модели политического дискурса Soft Power (Political Soft Power), предложена методика измерения ресурсов Soft Power, проведен сравнительный анализ Soft Power в странах Юго-Восточной Азии, Европейского Союза, России и США. А так же разработана методика экспертного опроса по проблемам использования инструментов Soft Power в экономической, гуманитарной, политической и других сферах. В последствии потребовавшая, введения в рамках проекта, категории и понятия, характеризующие различные виды

Soft Power, которые можно активно использовать в научном обороте по данной тематике.

Материалы исследования получили освещение в монографиях и публикациях авторов проекта¹, исследуемая тема очень актуальна и интересна для современной философии и политической науки. Результаты, которых достигли авторы проекта всего один из этапов комплексного исследования поставленной цели.

Более того, были апробированы полученные теоретические результаты на Всероссийских и международных конференциях: междисциплинарная научно-практическая конференция с международным участием «Контур постфордизма в современной России: между неопределенностью и устойчивыми институтами», Екатеринбург, 31 мая – 1 июня 2012 г., VI российский философский конгресс «Философия в современном мире: диалог мировоззрений», Нижний Новгород, 27–30 июня 2012 г., Шестой Всероссийский конгресс политологов, Москва, 22–24 ноября 2012 г.

Литература:

1. Русакова О.Ф. Современная политическая философия: предмет, концепты, дискурс. Екатеринбург: Издательский Дом «Дискурс-Пи», 2012. – 400 с.,

Русакова О.Ф. Дискурс soft power во внешней политике // Вестник ЮУрГУ. 2012. № 32 (291). С. 118–121. Русакова О.Ф. Дискурсы и концепты «мягкого» влияния в современном гуманитарном знании // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. Том 10. Выпуск 3. 2012. С. 161–167. Фадеичева М.А. Культурная политика большевиков: упущенные

возможности «мягкой» власти // Вестник ЮУрГУ. 2012. № 32 (291). С. 122–125. Грибовод Е.Г. Медиатизация политики как концепт современного политического процесса // Развитие политических институтов и процессов: зарубежный и отечественный опыт: материалы III Всероссийской научно-практической конференции. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2012. С. 36–38.

Грибовод Е.Г., Грибовод Ек.Г., Ильченко М.С., Трескова П.П.

ПЕРВЫЙ ЭТАП РЕАЛИЗАЦИИ ПРОЕКТА «СОЗДАНИЕ СЕТЕВОГО РЕСУРСА «ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ДИСКУРС-АНАЛИЗА В СОВРЕМЕННОЙ НАУКЕ»

(Статья написана при поддержке Уральского отделения РАН в рамках конкурса интеграционных проектов фундаментальных исследований: проект № 12-У-6-2066.)

**Грибовод
Елена Григорьевна**

лаборант-исследователь Института философии
и права УрО РАН

**Грибовод
Екатерина Григорьевна**

магистр политологии, аспирант Института философии
и права УрО РАН

**Ильченко
Михаил Сергеевич**

кандидат политических наук, научный сотрудник
Института философии и права УрО РАН

**Трескова
Полина Прокопьевна**

кандидат педагогических наук,
директор Центральной научной библиотеки УрО РАН

В рамках конкурса интеграционных проектов фундаментальных исследований с 2012 г. при поддержке Уральского отделения РАН реализуется проект № 12-У-6–2066 «Создание сетевого ресурса «Теория и методология дискурса-анализа в современной науке». Систематизация библиографического материала по разработанному рубрикатору для электронной библиотеки, а именно, **Энциклопедии по дискурсологии**, включающей описание документов и полнотекстовых материалов по проблемам дискурса-анализа является основной целью проекта.

Создание Энциклопедии – это попытка создания интегрированного информационного сетевого ресурса, предоставляющего пользователям Интернет через единую точку входа разнородную информацию (библиографическую, реферативную, полнотекстовую, фактографическую) по проблемам дискурса-анализа, сформированную в виде энциклопедии. Создаваемый ресурс (энциклопедия) призван способствовать развитию дискурсологии как новой комплексной научной дисциплины, в рамках которой успешно развиваются такие

теоретические направления как критический дискурс-анализ, конверсационный анализ, нарративная семиотика, кратологическая теория дискурса, теория медиадискурса и др.

При разработке энциклопедии авторами были учтены основные особенности создания электронной энциклопедии. С одной стороны, качество создаваемой энциклопедии (определяется близостью к привычным энциклопедиям), а с другой, сложность подготовительного этапа, включающего в себя создание и ввод исходных материалов (словарей, каталогов и др.), необходимых для работы системы, а также обучение системы выявлению статей, а так же сложность программирования.

В результате реализации проекта в 2012 г. разработана методика информационного обеспечения, проведены исследования по оптимизации тематического аспекта информационных ресурсов в интересах будущих пользователей, а так же сформировано единое справочное пространство информационных ресурсов.

При создании БД энциклопедии реализуются два взаимосвязанных технологических процесса: создание контента (статей) и создание и ведение базы данных (формирование справочного аппарата). Таким образом, конечный продукт – справочный информационный ресурс – это единство результатов создания контента и формирования справочного аппарата. Авторы проекта на первом этапе разработали методы и программные средства автоматизации наиболее трудоемких этапов формирования электронной энциклопедии, а именно выбор предмета описания, составление статей, их названий, поиск определений.

Материалы исследования были апробированы в монографии, ряде статей и публикаций в отечественных изданиях¹. Результаты исследования доложены на следующих конференциях: междисциплинарная научно-практическая конференция с международным участием «Урбанистическая культура как фактор социальной безопасности: проблемы, тенденции, перспективы», 29–30 мая 2012 г., Екатеринбург, междисциплинарная научно-

практическая конференция с международным участием «Контурсы постфордизма в современной России: между неопределенностью и устойчивыми институтами», 31 мая – 1 июня 2012 г., Екатеринбург, VI российский философский конгресс «Философия в современном мире: диалог мировоззрений», 27–30 июня 2012 г., Нижний Новгород, Молодежная научная конференция «Информационная школа молодого ученого», 27–31 августа 2012 г., Екатеринбург.

Работа над Энциклопедией находится на начальном этапе своего создания. Однако за год реализации проекта он доказал свою ликвидность и пользу для пользователей и ученых.

Литература:

1. Русакова О.Ф. Современная политическая философия: предмет, концепты, дискурс. Екатеринбург: Издательский Дом «Дискурс-Пи», 2012. – 400 с., Русакова О.Ф. Дискурсы и концепты «мягкого» влияния в современном гуманитарном знании // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. Том 10. Выпуск 3. 2012. С. 161–167, Русакова О.Ф. Дискурс-исследования травелога: ключевые подходы // Дискурс философского пути. Материалы круглого стола VI российский философский конгресс, Нижний Новгород, 27–30 июня 2012 г. / Под ред. О.Ф. Русаковой. – Екатеринбург: ИД «Дискурс-Пи», 2012. С. 5–8. Трескова П.П. Дискурс-анализ в современных исследованиях: проблемы отображения результатов библиографическими методами // Информационная школа молодого ученого (2; 2012; Екатеринбург) II Информационная школа молодого ученого: сб. научных трудов / ЦНБ УрО РАН; отв. ред. П.П. Трескова; сост. О.А. Оганова. Екатеринбург, 2012. С. 110–116.

Стецова С.С.

ИНФОРМАЦИОННЫЙ ДИСКУРС МЕЖДУНАРОДНОГО ТЕРРОРИЗМА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Стецова
Софья Сергеевна

магистрант факультета политологии и социологии
УрФУ им. Первого президента России Б.Н. Ельцина

Международный терроризм является одним из самых опасных явлений современности. Он угрожает безопасности и общественному спокойствию населения, уничтожает материальные и духовные ценности, а также сеет межгосударственную и межнациональную и религиозную вражду.

На сегодняшний день международный терроризм является угрозой и вызовом безопасности для всего мира. Данная проблема признается одной из наиболее опасных на международном уровне. Противостояние международному терроризму – первостепенное направление внешней политики передовых государств мира.

На современном этапе феномен международного терроризма является фактором, серьезно дестабилизирующим нормальное развитие международных отношений. Особую опасность могут представлять террористические посягательства с использованием ядерных и иных средств массового поражения.

Своеобразным «средством массового поражения» являются и средства массовой информации, которые оказывают значительное влияние не только на формирование общественного мнения, но и являются оружием в руках преступных группировок, в том числе и террористов.

Главной задачей террористов является оказание психологического влияния на общественность. С латинского языка слово «terror»

переводится как страх, ужас. Психологическую составляющую терроризма с своих работах изучает известный политолог, социальный психолог, доктор политических и кандидат психологических наук, академик Международной академии информатизации Ольшанский Д.В. Он дает следующее определение террора в своей книге «Психология терроризма». По мнению Ольшанского «Террор – это и есть возникающий в результате некоторых действий (прежде всего, насилия) ужас от утраты человеком спокойствия или безопасности. Таким образом, с точки зрения психологии террор – это состояние очень сильного страха (ужаса), возникающее как реакция на некоторые действия, имеющие целью вызвать именно это состояние у тех, в отношении кого они осуществляются или же тех, кто является их свидетелем»¹.

Чувство незащищенности граждан со стороны государства не только создает почву для общественно-политической нестабильности, но и толкает правительства на определенные действия. Таким образом, через насилие и убийства мирных граждан террористы оказывают влияние на внешнюю и внутреннюю политику государств – что и является их прямой целью.

В данной цепочке средства массовой информации являются проводником, который доставляет информацию о произошедшем теракте ее непосредственному потребителю – обычному гражданину. Данная информация и является источником образования хронического чувства страха у населения, к которому и стремятся террористы.

Освещение террористической деятельности через СМИ являются частью дискурса терроризма. Участие в формировании информационного дискурса терроризма принимают

СМИ, соответствующие структуры государств, а также субъекты террористической деятельности, имеющие доступ к источникам массовой информации

Необходимо отметить, что на феномен международного терроризма оказало значительное влияние развитие средств массовой информации во второй половине 20 века. Международный терроризм получил ресурсную базу, благодаря которой стало возможным не только распространение радикальных идей, но и освещение террористических актов через СМИ по всему миру. Формирование информационного дискурса терроризма происходит на мировом уровне.

Информационный дискурс международного терроризма оказывает как позитивное, так и негативное влияние на общественность. Более того дискурс терроризма является частью самого терроризма. С одной стороны, освещение феномена терроризма в СМИ информирует население о территориях, на которых распространяется террористическая активность, о потенциально опасных местах, где можно стать жертвой террористического акта, о действиях, которые необходимо предпринимать, если вы все-таки подверглись нападению. Вся эта информация, безусловно, направлена на снижение потенциальных рисков и увеличение безопасности населения.

С другой стороны, вместе со средствами массовой информации терроризм распространил свое влияние на весь мир. Освещение терактов через СМИ, присвоение международному терроризму статуса глобальной мировой проблемы делает мировое сообщество более уязвимым в психологическом плане, так как оно подвергается устрашающему влиянию терроризма, осуществляющегося не только на конкретной территории, а во всем мире. Таким образом, формирование информационного дискурса терроризма на международном уровне способствует усилению его влияния. СМИ невольно становятся инструментом терроризма и источником информации, способствующей устрашению населения.

Двоякая роль информационного дискурса терроризма и средств массовой информации является непреодолимым на сегодняшний день моментом. С одной стороны, устрашение населения посредством информирования о регулярно происходящих террористических актах по всему миру на руку самим террористам, так как без данного момента вся террористическая деятельность теряет свои смысл или хотя бы масштаб. С другой стороны, преимущественно либеральные ценности современного общества, на которое распространяет свое влияние международный терроризм, не позволяют скрывать или искажать данную информацию. В идеале, специфика работы СМИ в либеральном обществе характеризуется в первую очередь независимостью и существованием в конкурентной среде. Таким образом, двойственная роль дискурса в этом вопросе на сегодняшний день непреодолима.

Кроме того, необходимо отметить, что вектор современного дискурса терроризма преподносит его как проявление экстремистских настроений, трансформирующееся в насилие против мирного населения с целью оказания влияния на мировую политическую верхушку. Но, совершенно упускает проявление терроризма в качестве средства геополитического влияния.

Таким образом, информационный дискурс международного терроризма является однобоким явлением, при этом оказывающим двойственное неоднозначное и даже опасное влияние на общественные массы. Поставить информационное поле под правительственный контроль – значит нарушить права и свободы граждан. Бездействовать – значит способствовать усилению устрашающего эффекта терроризма.

Литература:

1. Ольшанский Д.В. Психология терроризма. СПб.: Издательство «Питер», 2002. С. 40.

Русаков В.М.

VI НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ДИСКУРС ТРАВЕЛОГА»

(3 ФЕВРАЛЯ 2012 Г. ПАТТАЙЯ, ТАИЛАНД)

**Русаков
Василий Матвеевич**

доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и культурологии Института международных связей, вице-президент МАДИ, г. Екатеринбург

Тема «Дискурс травелога» стала уже традиционной для уральских философов, в шестой раз собравшихся для обсуждения этой, пока еще экзотической, в России проблематики. Дискурс-исследования в нашей стране набирают темпы, постепенно снимая предубеждения и настороженность. Есть в этом и здоровый консерватизм, и несомненные проявления ограниченности, отсутствия широты кругозора. Уральские дискурс-исследования, активно развернувшиеся с 2000 г., становятся все более плодотворными: ведется систематическое изучение данной методологии и ее применения¹, пишутся работы, готовятся и защищаются дипломные, магистерские, кандидатские и докторские диссертации², издаются альманахи³ и сборники материалов проводимых конференций⁴ и статей⁵.

Концепт «травелог», активно вносимый в нашу научную литературу лингвокультурологическими и филологическими исследованиями⁶, не избег подобного же противоречивого отношения. Группа российских ученых, постоянных авторов альманаха «Дискурс-Пи» (Р. А. Бурханов (Нижевартонск), В. Г. Богомяков (Тюмень), Л. М. Аманова (Челябинск), М. А. Малышев (Толука, Мексика),

И. В. Гладкова, Л. А. Мясникова, К. С. Романова, О. Ф. Русакова, В. М. Русаков, Ю. К. Саранчин, Ю. А. Толкачев, М. А. Фадеичева (все – Екатеринбург) и др. – вот уже несколько лет обращает пристальное внимание на круг проблем, связанных с дискурс-анализом концепта «травелог»⁷.

В 2007 г. во время организации и совместной российско-китайской научной конференции в г. Чанчунь (КНР) родилась идея проведения отдельной конференции, посвященной дискурсу травелога. Особенностью ставших с 2008 г. традиционных конференций «Дискурс травелога» стало их проведение обязательно на берегу какого-нибудь теплого моря-океана и главным образом силами небольшого заинтересованного коллектива в достаточно свободной неформальной обстановке. Так прошли конференции на о. Хайнань (2008), в г. Фантьет (Вьетнам, 2009), Гоа (Индия, 2010), о. Бали (Индонезия, 2011). Следующая планируется на о. Цейлон (Шри Ланка, 2013).

Оргкомитет конференции «Дискурс травелога» принципиально открыт для творческого сотрудничества со всеми, кого интересует эта проблематика и потому вокруг основного ядра постоянных участников образуется некий «кипящий слой», пополняющий и расширяющий не только круг участников, но и круг идей, аспектов исследования травелога.

На 6-й конференции участники ее не только заслушали ряд докладов по дискурс-анализу травелога, но и обсудили проект диссертационной работы. По мере готовности докладов и статей они публикуются в данном журнале или объединяются в сборники⁸.

Материалы обсуждений обыкновенно ложатся в основу публикуемых статей, готовящихся диссертаций, будущих перспективных исследований и монографий.

Литература:

1. Современные теории дискурса: мультидисциплинарный анализ. (Серия «Дискурсология». Вып. 1). – Екатеринбург: Издательский Дом «Дискурс-Пи», 2006. – 210 с.; Многообразие политического дискурса. Екатеринбург: ИФиП УрОРАН, 2001.
2. Фурман Ф.П. Дискурсивно-идеологический комплекс народничества: историко-философский анализ. Автореф. докт. дисс. Екатеринбург: ИФиП УрОРАН, 2011.
3. См.: Дискурс-Пи. Научно-практический альманах. Екатеринбург: Издательский Дом «Дискурс-Пи», Вып. 1–10 // www.discourse-pm.ur.ru; www.madipi.ru.
4. См. Дискурсология: Методология. Теория. Практика. Доклады международных научно-практических конференций 2006–2011 // www.discourse-pm.ur.ru; www.madipi.ru.
5. См.: Дискурс травелога // Дискурс-Пи. Научно-практический альманах. Вып. 9–10. Екатеринбург: Издательский дом «Дискурс-Пи», 2010.
6. Беглые взгляды: новое прочтение русских травелогов первой трети XX века: Сборник статей / Перев. с нем. Г.А. Тиме. М.: Новое литературное обозрение, 2010. – 400 с.; Эткинд А.М. Толкование путешествий. Россия и Америка в травелогах и интертекстах. М.: Новое литературное обозрение, 2001. – 496 с. и др.
7. См.: Дискурс травелога. Сборник ст. / Авт. – сост.: О.Ф. Русакова, В.М. Русаков. Екатеринбург: Издательский Дом «Дискурс-Пи», 2009. – 190 с.
8. См. напр.: Дискурс философского пути. Материалы круглого стола VI Российского философского конгресса. Нижний Новгород 27–30 июня 2012 г. Екатеринбург: Издательский дом «Дискурс-Пи», 2012. – 128 с.

Аманова Л.М.

ДИСКУРС ГРАЖДАНСКОГО ВОСПИТАНИЯ ЭПОХИ АНТИЧНОСТИ ГРЕЧЕСКОГО ПЕРИОДА

**Аманова
Ляля Мугалимовна**

научный сотрудник
Южно-Уральского
государственного
университета, г.
Челябинск

E-mail: L.M.Amanova@mail.ru

В политологии существуют различные подходы определения понятия политической социализации, однако большинство ученых все же сходятся в том, что важнейшими функциями политической социализации являются достижение личностью умений ориентироваться в политическом пространстве и выполнять там определенные властные функции. В этом смысле «политическую социализацию личности можно определить как процесс активного воспроизводства личностью политического опыта, определенной системы норм, ценностей

и установок политической деятельности и политических отношений» (Волчков А.).

В современной педагогической науке категория «воспитание» имеет десятки трактовок, и в рамках социоцентрического подхода значение воспитания в узком смысле слова очень точно отразил С.Д. Поляков, давший следующее ее определение: воспитание – это приоритетно «... целенаправленное влияние на ценностно-мотивационную сферу человека» (6). В процессе воспитания у человека формируется система «личностных смыслов» (А.Н. Леонтьев), т.е. система значимых для человека отношений к окружающей действительности и самому себе, которая проявляется через его интересы, мотивы, установки, стремления, ценности. Воспитание – всегда целенаправленный процесс, предполагающий определенное (более или менее жесткое) преобразование, изменение системы личностных смыслов человека.

Если сравнить отношения между понятиями «политическая социализация» и «воспитание» по объему, то эти понятия являются перекрещивающимися, так как область ча-

стичного совпадения их объемов приходится на характеристику признаков этих понятий: «*политическая социализация* – процесс... воспроизводства... системы норм, ценностей и установок (политической деятельности и политических) отношений» и «*воспитание* – целенаправленное влияние..., в процессе которого... формируется система... отношений к окружающей действительности..., которая проявляется через его интересы, мотивы, установки, стремления, ценности».

Для достижения эффективной политической социализации любой конкретной личности в обществе необходимо выстроить соответствующий воспитательный процесс. В политологии рассматривается два вида воспитательного воздействия на личность с целью ее политической социализации: политическое воспитание и гражданское воспитание. Отношение к реализации политического воспитания подрастающего поколения в различных государствах очень неоднозначное, и это связано в основном с общественной позицией отрицания политизации дошкольного и школьного образования. Совсем другое отношение к осуществлению гражданского воспитания молодежи, хотя понятие «гражданское воспитание» однозначно не определено в политологии, а в педагогике под гражданским воспитанием понимают формирование гражданственности как интегративного качества личности, позволяющего человеку ощущать себя юридически, социально, нравственно и политически дееспособным (Педагогический словарь). И. Б. Фан гражданственность определяет как «практически-духовное комплексное качество политической культуры (как единства политической ментальности и политического поведения), присущее активной части граждан как основы нации. Это качество включает когнитивные, аффективные, оценочные и поведенческие компоненты и проявляется в установках к реально-должному политическому поведению. Как многомерное и многоуровневое образование, гражданственность характеризуется сочетанием элементов теоретического, эмпирического и обыденного уровня политического сознания и опыта социально-политической деятельности» (2,

с. 277). Обобщая вышеизложенное, под **гражданским воспитанием** мы понимаем компонент политической социализации, характеризующий процесс формирования и развития плюралистического типа взаимоотношений субъекта с институтами власти, его ответственного отношения к политике, к общечеловеческим ценностям, формирование критического мышления и выборочности в восприятии политической информации.

В политике индивид выступает в качестве гражданина. Стать таким он может только в процессе взаимодействия с другими индивидами, политическими и неполитическими институтами, с обществом в целом. Каждое новое поколение застает мир таким, каким он был создан отцами и дедами. Как он войдет в этот мир? Как воспримет ценности и обычаи предыдущих поколений, как распорядится тем, что досталось ему по праву наследования? Для обеспечения преемственности политического развития и сохранения целостности общества при смене поколений политической элите было необходимо осуществлять трансляцию политических ценностей и стандартов политической жизни от одного поколения к другому, контролировать становление политического субъекта. Речь шла об управлении общественным сознанием, в которое необходимо было привнести правила и запреты, направленные на подавление всего, что не соответствует принятым в определенном сообществе нормам. И таким властным ресурсом стал дискурс.

По определению О. Ф. Русаковой дискурс – это символический капитал, производящий и транслирующий смыслы и способы означивания разнообразных реалий. Исследование дискурса как властного ресурса рассматриваются в трудах Мишеля Фуко, Жана Бодрийера, О. Ф. Русаковой, А. Е. Спасского. О. Ф. Русакова и А. Е. Спасский отмечают: «Сила дискурсов как социальных контролёров проистекает из привносимых ими в общественное сознание оценочных схем, разделяющих слова, мысли, поступки на дозволенные и недозволенные, приличные и неприличные, артикулируемые и подлежащие умолчанию» (1, с. 151). Ими же предложена структура и выявлены три основные функции дискурса как символического

властного ресурса (1, с. 162). Используя предложенную структуру дискурса, исследуем дискурс гражданского воспитания в эпоху античности.

Временные рамки существования эпохи античности исследователями определяются с VI–IV вв. до н.э. по III–I вв. до н.э. и охватывают развитие государственности в странах Древней Греции и Древнего Рима. Согласно словарю античности, греческий гражданин (*polites*) определяется как житель полиса, обладающий определенной совокупностью прав и обязанностей публичного и частного характера в соответствии с греческими и римскими законами (8). Проблемы исторического становления феномена гражданина как центральной фигуры западноевропейской цивилизации исследовались в монографии Фан И.Б. Она отмечает, что особую роль в организации полиса играет принцип политического участия гражданина – принцип чести. Участие в священных ритуалах, заседаниях суда, несение службы на благо полиса – это и обязанности, и права одновременно, поскольку права подразумевают обязательное их осуществление. Наказание в виде «поражения в правах средней тяжести» лишает античного человека свойства быть персоной, а сам он переходит в положение вещи или раба (2, с. 91; 94; 121). В связи с этими особенностями гражданское воспитание юных греков имело государственный характер и предполагало наличие всех структурных элементов дискурса как властного ресурса.

На этапе становления государственности Древней Греции интенциональный план дискурса гражданского воспитания был представлен стратегией воспитания гражданина-воина, обладающего воинской доблестью, мужеством, способным побеждать внешних врагов и переносить с достоинством тяготы и превратности судьбы, что отражено в рассуждениях Гераклита, в поэмах «Илиада» и «Одиссея» Гомера. В период афинской демократии интенция дискурса меняется, так как на практике намечается противоречие между человеком и гражданином: по Сократу, «частный человек, мудрец, в отличие от невежественного гражданина и безнравственного государственного мужа, обладает большей доблестью, справедливостью, нравственностью, а это имеет для чести города

большее значение», то есть новой стратегией гражданского воспитания становится воспитание гражданина-мудреца. Афинская система воспитания существенно отличается от спартанской: наряду с физическим воспитанием в содержание образования вводятся 7 свободных искусств, в гимназии (старших классах) проводятся занятия с философами и политиками по вопросам морали и права, а обучение военному делу и само прохождение службы осуществляется непосредственно перед выпуском из учебных заведений. Однако существующая система воспитания и государственное управление в Древней Греции были далеки от идеала, поэтому Сократ, а в последующем и его ученики Платон, Ксенофонт, Антисфен описывают свои модели воспитания граждан, усовершенствуя существующие спартанскую и афинскую системы. К началу эпохи эллинизма (III–I вв. до н.э.) новую концепцию гражданского воспитания предлагает Аристотель. Принцип человека как меры всех вещей пронизывает аристотелевский образ идеального государства; добродетель – это не индивидуальное качество человека, связанное с внутренним миром, а некая умеренность в следовании законам и этическим нормам полиса. Интенциональный план нового дискурса гражданского воспитания предполагает следующую стратегию: воспитание публичного гражданина, реально участвующего в жизни государства для реализации идей справедливости, обладающего разумом, досугом, личной свободой, свободой от необходимости зарабатывать себе на жизнь, стремлением к участию в управлении.

В виртуальном плане дискурса гражданского воспитания первоначально преобладали аристократические ценности, восходящие к мифической героике и идеалах знати. Утверждался идеал правления «лучших» людей, знатных, имеющих заслуги. Каждый свободнорожденный грек идентифицировал себя с гражданским единством полиса. В период расцвета полиса военно-аристократический идеал гражданина приобретает более демократический смысл: новым героем политики должен стать гражданин-мудрец (по Сократу), так как в совокупности гражданских добродетелей первостепенную роль играет человеческая мудрость. Однако это не поворот к демократии, Сократ сохранял свою

приверженность к аристократизму. Платон же выдвигает идею подобия души гражданина с устройством полиса, то есть согласно делению гражданского общества на сословия (низшее, среднее и высшее) выстраиваются и добродетели: 1) дисциплина желаний (умеренность, умение подчиняться); 2) мужество и воля защищать государство; 3) мудрость, связанная со способностью созерцать Благо и умение управлять (господствовать). И. Б. Фан резюмирует: подобно тому, как разумность должна господствовать над растительной и вожделеющей частями души, так добродетель мудрости... должна господствовать над добродетелями мужества и послушания (2, с. 112). В эпоху эллинизма ценностную основу дискурса гражданского воспитания составляет неразличимость блага государства и отдельного человека, публичной и частной жизни. По Аристотелю, высшее счастье для каждого отдельного человека заключается в проявлении его природы (сущности), то есть разума человека. Способность употребления разума и есть добродетель, её реализация приносит удовлетворение и наслаждение. А добродетель в его изложении – это не индивидуальное качество человека, а некая умеренность в следовании законам и этическим нормам полиса.

Политический перформанс (актуальный план) дискурса гражданского воспитания всегда разворачивался в присутствии знатных горожан, а иногда и на глазах всех жителей полиса, которые оценивали успехи подрастающего поколения при проведении спортивных состязаний, при проведении дискуссий с известными философами полиса, при проведении состязаний по пению и стихосложению. Градус удовольствия повышался, когда политический перформанс разыгрывался на улицах и площадях полиса для получения эффекта доминирования и тотального политического присутствия.

Психологический план дискурса гражданского воспитания проявлялся в состязаниях по стихосложению, а также песнопению, в которых восхвалялись мужество и отвага сильных воинов, знатных военачальников, одержавших победы над врагами. Для повышения эмоциональной заразительности состязаний победы

состязующихся посвящались определенным богам, что способствовало культивированию религиозных чувств граждан полиса.

Чтобы раскрыть контекстуальный план дискурса гражданского воспитания, обратимся к исследованию И. Б. Фан по вопросам гражданственности. Все многообразие дискурсов гражданственности она обобщает в единое смысловое поле этоса гражданственности, рассматривая диахронический и синхронический аспекты, что способствовало получению инструментария бинарных оппозиций культуры («свой – чужие», «господство – подчинение», «эгалитарное – элитарное», «частное – публичное», «открытость – закрытость» и другие) для анализа данного понятия. Наше исследование потребует применение системного анализа гражданского воспитания для выявления контекста дискурса гражданского воспитания как властного ресурса. В начале статьи, исследуя логическое отношение понятий «политическая социализация» и «воспитание» по объему, мы выявили перекрещивание объемов данных понятий, что позволило определить гражданское воспитание как компонент политической социализации. Анализ становления теории политической системы в трудах Т. Парсонса, Д. Истона, Г. Алмонда, Г. Пауэлла, Д. Эптера, К. Дойча и других показал, что политическая социализация видится в данной теории как элемент системы третьего порядка (по Т. Парсонсу элемент культурной подсистемы политической системы) или элемент политической системы, отвечающей за функцию адаптации и сохранения данной системы (у Г. Алмонда и Г. Пауэлла – на «выходе» системы как воздействие системы на процесс усвоения индивидом политической культуры; у Д. Истона и Д. Эптера – на «входе» системы как реакция окружающей среды на воздействие политической системы). А. Ф. Паньков в своей монографии «Теория развития систем и системная теория логики» отмечает: «Сравнивая элементы системы и саму систему, обнаруживаем, что каждый элемент системы является в то же время системой низшего порядка, или уровня» (4, с. 39); «деление элементов системы на простые

и сложные наблюдается во всех без исключения системах и предстает перед исследователем в каждом конкретном случае то, как господство и подчинение, реактивность и инертность, консервативность и активность, независимость и зависимость, основное и второстепенное и т.д., за которым скрывается деление системы на две группы, играющие различную роль во взаимодействиях системы» (4, с. 47); «при изменении среды меняется и характер взаимодействия системы со средой. В первую очередь на эти изменения реагируют простые элементы системы и только потом реагируют сложные, в то время как воздействию подвергаются одинаково все элементы системы. Различие реакций происходит из-за различия в пороге чувствительности у различных элементов» (4, с. 45); «сложные и более развитые элементы играют основную роль во внутренних взаимодействиях, реагируют на изменение внешних взаимодействий только тогда, когда эти изменения достигают определенной величины. Изменения во взаимодействиях накапливаются, и это приводит к тому, что соотношение старых и новых взаимодействий в системе меняется: накопление изменений подходит к определенному пределу, где прежнее состояние системы меняется на новое. Количество старых взаимодействий становится меньше новых; внешне это выглядит как резкий скачок, переход от одного качественного состояния к другому» (4, с. 46).

Резюмируя выше изложенное, мы полагаем, что гражданское воспитание является системой низшего порядка по сравнению с системой политической социализации и является одновременно её элементом. В свою очередь политическая социализация сама проявляет свойства социальной системы и является элементом культурной подсистемы социального общества, одновременно выполняя функции адаптации и сохранения политической системы. Гражданское воспитание, являясь компонентом политической социализации (элементом системы политической социализации граждан государства), несет в себе властный ресурс по воздействию политической системы общества на процесс усвоения индивидом полити-

ческой культуры. На ранних этапах развития политической системы государства (античность греческого периода) система гражданского воспитания представляла собой простую социальную систему, которая при взаимодействии со средой быстро реагировала на внешние воздействия и изменяла свои свойства внутри системы. На этапе становления государственности Древней Греции в содержании гражданского воспитания преобладают идеалы и ценности воинской доблести и отваги, так как элитой греческого общества были представители военной олигархии. В период афинской демократии смысловое поле дискурса гражданского воспитания расширяется, так как меняется элита общества, которая перестает быть однородной за счет вхождения разбогатевших горожан из более низких сословий в состав политической элиты полиса, а это приводит к изменению содержания гражданского воспитания в сторону «демократизации».

Литература:

1. Русакова О.Ф., Спасский А.Е. Дискурс как властный ресурс / Современные теории дискурса // Дискурс Пи. Выпуск 1. – Екатеринбург: Издательский дом «Дискурс Пи» – 2006. – 208 с. – С. 151–164.
2. Фан И.Б. От героя до статиста: метаморфозы западноевропейского гражданина. – Екатеринбург: УрО РАН, 2006. – 315 с.
3. Фан И.Б. Многообразие дискурсов гражданственности: проблема единства смысла / Современные теории дискурса // Дискурс Пи. Выпуск 1. – Екатеринбург: Издательский дом «Дискурс Пи» – 2006. – 208 с. – С. 110–122.
4. Паньков А.Ф. Теория развития систем и системная теория логики. Кн. 1. – Пермь: МП «Книга», 1993. – 196 с.
5. Пугачев В.П., Соловьев А.И. Введение в политологию. – М., 2000 – http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/Pugach/index.php. – Ресурс просмотрен 01.09.2011 г.
6. Поляков С.Д. Технологии воспитания: Учеб. – метод. пособие. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2003. – 144 с.
7. Пискунов А.И. Хрестоматия по истории зарубежной педагогики. Сост. и авт. вводных статей чл. – корр. Акад. пед. наук СССР, проф. А.И. Пискунов. – М.: Просвещение, 1971. – 560 с. с илл.
8. Словарь античности. М., 1994. С. 155.

Фадеечева М.А.

ДИСКУРС НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ. ТЕОРИЯ. ПРАКТИКА»

Фадеечева
Марианна
Альфредовна

доктор политических
наук Академик МАДИ,
главный научный
сотрудник Института
философии и права
УрО РАН

Научная конференция представляет собой такую форму развития науки, когда в процессе коммуникации и интеракции в ходе дискуссий осуществляется приращение научного знания. Традиционная, давно сложившаяся форма в постмодерне меняет свой вид, обрастает новыми форматами, переоформляется, переформатируется. Отношение к этой форме развития науки также меняется, становится неоднозначным в зависимости от принадлежности к той или иной научной субкультуре. Можно выделить, как минимум, три различных подхода или модели отношений к научной конференции. Первую модель можно обозначить как конференц-скептицизм, посредством которого выражается основательное сомнение в пользе и эффективности научных конференций для науки и практики. Это сомнение обосновывается интуитивно определяемым незначительным результатом в приращении научного знания, отсутствием научных открытий на такого рода мероприятиях и разрешается дистанцированием от них. Вторая модель может быть названа конференц-нигилизм, который полностью, абсолютно отрицает значение научных конференций. Конференц-нигилизм может выступать как в отрефлексированной форме с приведением аргументов, в которых отрицается сама возможность приращения научного знания в любой мере, так и в форме неотрефлексированного принципиального неучастия

в научных конференциях. Третья модель может быть представлена как конференц-гностицизм, признающий значение научных конференций как места консолидации научного сообщества, формирования профессиональной среды, как места появления нового знания и рождения истины. Без этого необходимого условия развития научного знания не только невозможно его приращение, но и не состоятся научные открытия, толчком к которым могут служить идеи, возникшие в ходе конференционных дискуссий. Это обеспечивается не только формальным участием, но означает вовлеченность, приверженность и горячую поддержку научных конференций.

Эти общие тренды проявляются и осуществляются в конкретных случаях, которые могут быть подтверждением каждой из приведенных моделей. Подтверждением истинности и преимуществ третьей модели, конференц-гностицизма, может быть особый кейс – Международная научно-практическая конференция «Дискурсология: методология, теория, практика». Первая конференция в рамках этого проекта состоялась в 2006 г. С тех пор конференция проходит ежегодно. В настоящее время, в 2011 г. имеет место VI-я конференция такого формата, что уже является значимым, когда в условиях преходящего и мгновенно текущего постмодерна 5-летие любой структуры или организации признается достижением и отмечается как юбилей. Поэтому 5-летие – формальный повод проанализировать на шестом году достигнутые за предыдущие годы результаты и подвести промежуточные итоги. Именно промежуточные итоги, так как этот проект не может носить завершенный характер в силу масштабности объекта исследования и многообразия предметных полей, вовлеченных в круг интересов представителей научного сообщества – участников конференции по дискурсологии. Вполне обоснованно можно утверждать, что формируется сетевое сообщество дискурсологов. Создается научная сеть, где в качестве узловых элементов выступают постоянные

участники конференции, и вплетаются новые элементы в виде вновь примкнувших ученых. За пять лет в работе конференции приняло участие порядка шестисот авторов, что подтверждается пятью опубликованными сборниками докладов конференций, два из которых вышли в двух томах.

Дискурсология: Методология. Теория. Практика. Доклады **Первой** Междунар. науч. – практ. конф. / Под общей ред. О.Ф. Русаковой. – 15–16 декабря 2006 г. – Екатеринбург: Изд. Дом «Дискурс-Пи», 2006. – 172 с.;

Дискурсология: методология, теория, практика. Доклады **Второй** Междунар. науч. – практ. конф., посвященной памяти Жана Бодрийяра / Под общей ред. О.Ф. Русаковой. – 21 ноября – 14 декабря 2007 г. Т. 1. Екатеринбург: Изд. Дом «Дискурс-Пи», 2007. – 156 с.; Дискурсология: методология, теория, практика. Доклады **Второй** Междунар. Науч. – практ. конф., посвященной памяти Жана Бодрийяра / Под общей ред. О.Ф. Русаковой. – 21 ноября – 14 декабря 2007 г. Т. 2. Екатеринбург: Изд. Дом «Дискурс-Пи», 2007. – 212 с.;

Дискурсология: методология, теория, практика. Доклады **Третьей** междунар. науч.-практ. конф., посвященной 40-летию студенческой революции 1969 г. и корифеям Франкфуртской школы / Под общей ред. О.Ф. Русаковой. – 2 окт. – 19 дек. 2008 г. Т. 1. – Екатеринбург, Изд. Дом «Дискурс-Пи», 2008. – 228 с.; Дискурсология: методология, теория, практика: доклады **Третьей** междунар. науч. – пркт. конф. посвященной 40-летию студенческой революции 1969 г. и корифеям Франкфуртской школы / Под общей ред. О.Ф. Русаковой, В.Е. Хвощева, М.А. Малышева. 2 окт. – 19 дек. 2008 г. Россия-Мексика – Екатеринбург, Челябинск: Изд. Дом «Дискурс-Пи», Изд-во ЮУрГУ, 2009. Т. 2. – 381 с.;

Дискурсология: методология, теория, практика (Discursologia: metodologia, teoria, practica): доклады **четвертой** Междунар. науч. – практ. конф.; ноябрь–декабрь 2009 года. Россия–Мексика / Под общей ред. М.А. Малышева, О.Ф. Русаковой, В.Е. Хвощева. – Челябинск: Изд. центр ЮУрГУ, 2010. – 552 с.

Дискурсология: методология, теория, практика: доклады **пятой** Междунар. науч. – практ. конф., посвященной памяти Льва Николаевича Толстого и его идеям ненасильственного со-

противления. 19–20 ноября 2010 года. Россия–Мексика. / Под общей ред. М.А. Малышева и В.Е. Хвощева. – Челябинск: Изд. центр ЮУрГУ; Изд-во НОЦ «КПОН», 2011. – 448 с.

Сборники статей и докладов конференций имеют высокий библиографический статус, снабжены аннотациями, предисловиями, сведениями об авторах, что сокращает их путь к читателю и позволяет продолжать научное общение в пространстве книжного текста.

Особо следует осветить вопрос об инициаторах и организаторах конференции. Данный проект был инициирован Институтом философии и права Уральского отделения Российской академии наук и Издательским Домом «Дискурс-Пи». Персонологический подход и научная справедливость требуют указать персоналию инициатора. Конференция по дискурсологии – детище заведующей отделом философии Института философии и права УрО РАН, д.полит.н., профессора О.Ф. Русаковой, о чем, в частности, свидетельствует тот факт, что все сборники докладов конференции составлены под ее общей редакцией. Центром притяжения единомышленников – участников конференции стала Международная академия дискурс-исследований (МАДИ), также организованная по идее и по инициативе О.Ф. Русаковой. Инициатива осталась бы втуне, если бы не была поддержана единомышленниками, академическим и университетским сообществами, учреждениями, которые выступили соорганизаторами проекта. К их числу относятся Уральский государственный университет им. А.М. Горького, Уральский государственный университет путей сообщения, Уральская академия государственной службы, Гуманитарный университет (г. Екатеринбург), Южно-уральский государственный университет, Тюменский государственный университет, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского. Мероприятия приобрели широкий масштаб и приобрели статус международных, так как состоялись при участии авторов, представивших к публикации свои доклады, – ученых зарубежных университетов и исследовательских центров, к числу которых относятся Стокгольмский университет, (Швеция), Александрийский институт университета г. Хельсинки (Финляндия), Национальный Автономный университет Мехико, Автономный

университет штата Мехико, Национальная школа Антропологии (Мексика). Университетская и академическая наука в глобальном мире имеет вполне определенные географические очертания, это – Россия и Мексика, Финляндия и Швеция. Российская география проведения пленарных заседаний, заседаний тематических сессий и круглых столов представлена крупными уральскими и сибирскими городами, известными научными центрами, это – Екатеринбург и Челябинск, Тюмень и Омск. Они, в свою очередь стали центрами притяжения ученых из тридцати городов Российской Федерации, в том числе из Москвы и Санкт-Петербурга, Перми и Ростова-на-Дону, Казани и Ульяновска, Нижневартовска и Новокузнецка, и других.

Мировая наука, неотъемлемой частью которой является российская наука, богата событиями, именами выдающихся теоретиков и памятными датами, значимыми для научного сообщества, охватывающими не только сферы профессиональных интересов ученых, но имеющими отношение к гражданским позициям, личным идеологическим установкам и ценностным ориентациям. Примечательно, что организаторам этой конференции удалось избежать монотонности хронологии, дополнив и обогатив ее идеологией при неизменности темы, обратить внимание на эпохальные и знаковые события в науке, в социально-политической сфере, в биографии выдающихся мыслителей. Поэтому некоторые из конференций по дискурсологии наряду с названием общей темы, указанием их статуса и обозначением порядкового номера содержат посвящения. Так, например, вторая конференция была посвящена памяти Жана Бодрийяра, третья – 40-летию студенческой революции 1968 г. и корифеям Франкфуртской школы, четвертая – 80-летию Юргена Хабермаса, пятая – памяти Льва Толстого и его идеям ненасильственного сопротивления, что служит данью уважения и признанием авторитета людей и событий в науке.

В рамках конференции имеют место различные форматы, как традиционные, так и новые. В частности, пленарные заседания, тематические сессии и круглые столы, презентации научных журналов и монографий, мастер-классы. Можно обнаружить и обозначить семь сложившихся в рамках конференции принципиально важных

для науки и практики общих направлений, вокруг которых были организованы обсуждения, состоявшиеся в научном пространстве тридцати сессий. **Первое направление** посвящено теории и методологии дискурс-исследований, к которому относятся следующие тематические сессии: Современные теории дискурса, Разнообразие дискурса, Дискурсология: теория, методология, практика; Теоретико-методологические основы дискурса; Теория и практика дискурсологии. **Второе направление** связано с исследованиями дискурса различных идейных течений, что также выразилось в заседаниях тематических сессий таких как: Дискурс современной гуманитарной и социально-политической мысли; Современное философское мышление: парадигмы и дискурсы; Дискурс новых политических идеологий и движений; Марксизм и постмодернизм: особенности дискурса; Толстой и «толстовство»; Дискурс трансгуманизма. **Третье направление** связано с изучением особенностей дискурса отдельных отраслей науки: Культурологический дискурс; Социологический дискурс; Юридический дискурс в современном мире. **Четвертое направление** выявляет особенности дискурса различных социальных и политических феноменов, к которому тяготеют такие сессионные заседания как: Дискурс инноваций; Дискурс социальных процессов и институтов; Религиозный дискурс; Российский дискурс и метаморфозы демократии; Дискурс национальной безопасности; Ислам и политика: особенности политического дискурса. **Пятое направление** отражает дискурс явлений сферы культуры: Культура как взаимодействие дискурсов; Дискурс травелога: образы России и Вьетнама в межкультурном диалоге; Туризм и сервис: особенности дискурса; Город как дискурс. **Шестое направление** формируется как дискурс идентичности: Дискурс цивилизационной, этнонациональной и региональной идентичности; Дискурс региональной идентичности. **Седьмое направление** относится к проблемам молодежи: Современный молодежный дискурс; Политическая активность российской молодежи: дискурсы и практика.

Темы заседаний круглых столов формулируются весьма экстравагантно, остро актуально, иногда провокационно, что объясняется особенностями этого формата научных мероприятий,

а также творческими способностями и богатой фантазией их организаторов: «Дискурс соблазна и соблазн дискурса», «Дискурс экстремизма: проблемы профилактики», «Эстетика политического бунта в новом тысячелетии», «Дискурс молодежных субкультур», «Дискурс ИМК: актуальные проблемы PR-дискурса» «Объективность СМИ в условиях противоречивого общества: послесловия к российско-грузинскому конфликту в августе 2008 г.», «Современная журналистика: новые очертания или кончина профессии».

Значение научных конференций выявляется через функции, которые они призваны

выполнять. Однако далеко не все научные конференции выполняют предписанные им функции и оправдывают ожидания участников. Кейс Международной научно-практической конференции «Дискурсология: методология, теория, практика» подтверждает неистребимость *conferentia*, вечного латинского собрания для обсуждения определенных вопросов, и оправдывает свое существование, в полной мере выполняя функции коммуникации специалистов в области гуманитарных, социальных, политических наук, интеграции научного сообщества и аккумуляции научного знания.

Русаков В.М.

VI РОССИЙСКИЙ ФИЛОСОФСКИЙ КОНГРЕСС

(7–30.06.2012., Г. НИЖНИЙ НОВГОРОД)
КРУГЛЫЙ СТОЛ «ДИСКУРС ТРАВЕЛОГА»

Русаков
Василий Матвеевич

доктор философских наук, профессор
Институт международных связей, г. Екатеринбург,
вице-президент МАДИ

провел свою работу Круглый стол «Дискурс философского пути», доклады участников которого были опубликованы до начала работы конгресса (Дискурс философского пути. Материалы круглого стола VI Российского философского конгресса. Нижний Новгород, 27–30 июня 2012 г. / Под ред. О.Ф. Русаковой. – Екатеринбург: ИД «Дискурс-Пи», 2012. – 128 с.). Руководитель круглого стола вкратце сообщила некоторые занятные подробности и обстоятельства того, как

В рамках VI Российского философского конгресса в Нижнем Новгороде (27–30 июня 2012 г.)

заявленная Программному комитету конгресса тема «Дискурс философского травелога» превратилась в «Дискурс философского пути». В центре внимания авторов докладов такие проблемы, как философские и культурологические смыслы поня-

тия «травелог», виды, национальные особенности и нарративные практики травелога, метафорика и мифология Пути и др. В работе круглого стола непосредственно приняли участие 25 и выступили с докладами 9 ученых.

Романова К.С.

«ПОСЛЕВКУСИЕ» ПРОШЕДШЕГО VI РОССИЙСКОГО ФИЛОСОФСКОГО КОНГРЕССА «ФИЛОСОФИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: ДИАЛОГ МИРОВОЗЗРЕНИЙ»

(ОЩУЩЕНИЯ И СУЖДЕНИЯ УЧАСТНИКА)

Романова
Кира Степановна

кандидат философских наук, доцент, старший научный сотрудник Института философии и права УрО РАН, член-корреспондент МАДИ

VI Российский философский конгресс «Философия в современном мире: диалог мировоззрений» проходил с 27 по 30 июня 2012 года в Нижнем Новгороде – в городе, который еще с советских времен имел опыт и традиции проведения высоких форумов не только российского, но и международного значения. Поэтому, учитывая этот фактор, плюс к нему замечательные природные условия и исторически-культурное наследие города, порождали интересные ожидания приятные и радостные, как всякая встреча с хорошими друзьями, единомышленниками. Надо отметить, что достаточно большое количество участников конгресса, представляющих Уральское ФО, Челябинское ФО, Пермское ФО и др. ехали одним поездом, радуясь встречи, вступали в диалоги и дискуссии, что делало времяпрепро-

вождение в дороге наполненным и нацеленным на творческую работу конгресса.

Философия это не только мировоззрение, но и опыт. Человек с философской точки зрения всегда прав, потому что это его точка зрения, его видение мира (обстоятельств), его мироощущение. За долгую научную практику (более 30 лет), автору приходилось участвовать в различных научных форумах разного масштаба, от регионального до международного, поэтому есть с чем сравнивать.

В процессе подготовки к Конгрессу организационный комитет неоднократно обращал внимание на постановление Президиума РФО, что для всех, кто подал тезисы и на основе включения их в научную Программу, получил персональное приглашение, личное участие в работе конгресса является обязательным. Нарушение этого правила в научном сообществе расценивается как несоблюдение этики творческого сотрудничества. Наверное, такая нравственная норма оправдана и изначально определяет некоторую моральную ответственность перед коллегами. Относительно скудное бюджетное финансирование науки, отсутствие командировочных средств для поездки на конгресс нескольких членов ФО с отдельной кафедры побуждало ответственных людей, желающих принять участие в конгрессе, делать это за свой личный счет. И таких участников конгресса насчитывалось десятки. Поэтому ожидалось, что

этика творческого сотрудничества со стороны оргкомитета будет тоже на высоте. Однако в ходе организации конгресса было достаточно много неприятных факторов, которые оказали влияние на общий настрой и дух конгресса, омрачив настроение и не оправдав ожидания участников конгресса.

В настоящий момент в Вестнике Российского философского общества (3/2012) уже опубликованы материалы к итогам VI Российского философского конгресса (РФК). Конечно, прежде всего, хочется порадоваться за широкое представительство в конгрессе: зарегистрировалось в информационной системе Конгресса 1966 участников из (20 государств), 1119 человек приняли очное участие. Широкий международный информационный резонанс позволил заключить, что этот Российский философский конгресс стал одновременно и мировым конгрессом русскоязычной философии – крупнейшим за последнее пятилетие международным форумом философии на русском языке.

Разделяя позитивный настрой и благостные отзывы, мнения и суждения о работе Конгресса в целом, его 24 классических секции, 6 научных симпозиумов и 29 круглых столов, и даже соблюдая политес, благодарим оргкомитет Конгресса за большую организационную работу, ибо принимать гостей непросто, а в таком количестве – тем более.

И все же, в целях развития Конгресса не только как формы организационно-научной деятельности, но и культурного феномена, хотелось бы обозначить те неприятные моменты, которые оставили в душе свой осадок. Хотя все обозначенные факторы будут касаться, прежде всего, формальной, а не содержательной стороны конгресса, тем не менее, они неотделимы друг от друга. Первое, что неприятно удивило участников Конгресса, ехавших на выше обозначенном поезде (несколько десятков человек), что в Нижнем Новгороде их никто не встречал, на вокзале не было традиционного приветствия участникам Конгресса, отсутствовала хоть какая-либо информация о транспортном передвижении участников. Справочное бюро или охранники вокзала, заинтересовавшиеся большой эмоциональной подвижной группой, информации участникам дать не могли, так как ей не владели,

хотя о подобных мероприятиях их предупреждают, потому что они разрешают въезд транспорта ко входу. После множественных телефонных переговоров с разными членами оргкомитета, получили установку: «ждать автобусов, которые развезут по гостиницам». В течение полутора-часового ожидания на привокзальной площади, при жаре около +30° С, разновозрастные гости, включая и пожилых, дождались двух молодых людей, которые сопровождали микроавтобусы, и стали развозить по спискам приезжих. Никаких извинений в адрес гостей от членов оргкомитета не последовало. При размещении тоже были накладки и грубость персонала, так как в справке были указаны одни адреса расселения, а фактически это были другие корпуса, которые еще надо было найти. В гостиничных общежитиях ждала еще одна «приятная» неожиданность – отключение горячей воды, которая была включена только в день отъезда. Учитывая разные экономические возможности, расселение гостей осуществлялось от высококачественных гостиниц до студенческих общежитий по всему городу. Транспортная связь с местом проведения секций, круглых столов и других форм конгресса не была обеспечена со всеми точками проживания даже информационно, поэтому тратилось колоссальное время на поиски места проведения мероприятия.

В день открытия Конгресса и регистрации участников у столов было просто столпотворение. Регистрация командировочных удостоверений осуществлялась только в момент регистрации участников в течение часа, кто не успел, вынужден был потратить следующие полдня для поиска членов оргкомитета на другой площадке для отметки командировки. Участникам Конгресса были выданы программы Конгресса в красочных объемных картонных коробках с логотипом конференции, судя по дизайну достаточно дорогих, но не практичных и неудобных. Буквально через несколько минут вокруг мусорных ящиков образовались груды выброшенной макулатуры с логотипом конференции. Зрелище было не очень эстетичным. А ведь традиционно подобные папки, более функциональные, являлись всегда неким сувениром для участников и еще долго в процессе их использования напоминали о форуме. Опубликованные материалы конгресса

обещали представить сначала на следующий день, потом еще на следующий... В конце концов, некоторым «счастливчикам» выдали материалы, их оказывается было всего 100 экземпляров, а что остальные (более 90% участников) просто статисты? Члены оргкомитета Конгресса, зная подобное состояние с публикациями, хотя бы проявили чувство юмора и разыграли в лотерею эти экземпляры. Доверяясь случаю и не получив печатные материалы, было бы не так обидно, чем чувствовать себя второсортной персоной. Обещанные электронные материалы, ныне выставленные на официальном сайте Российского философского общества, сделаны также равнодушно и небрежно. Они содержат неточности и ошибки. В частности, общий список фамилий авторов публикаций и номер тома, где они опубликованы, не соответствуют реальным публикациям. Материалы многих зарегистрированных авторов просто потеряны. А материалы круглого стола «Дискурс философского Пути», которые единственные были изданы к началу Конгресса в виде сборника в куцем, обрезанном виде представлены в электронной версии материалов Конгресса. Что касается банкета, который, как правило, проводится в начале любого форума и служит местом неформального знакомства и общения, местом внутреннего раскрепощения человека среди незнакомых ему людей, то банкет данного Конгресса вообще за пределами критики, настолько он был формальным и симулятивным. Что касается Конгресса как культурного феномена, нацеленного на расширенное воспроизводство личности его участников, то здесь все было отдано на откуп самодеятельности участников форума, где каждый «окультуривался» по потребностям. Несмотря на то, что Конгресс представлял собой съезд профессионалов, работающих в одном поисковом поле философии, и должен был быть «парадом интеллектов», «пиром духа», такого не наблюдалось. Более того, все перечисленные факторы создавали некоторую напряженность, ощущение неоднородности профессионального сообщества, деления его на элиту и статистов, не в интеллектуальном плане, а в плане обычного повседневного бытия. Казалось, что привлеки Оргкомитет волонтеров – студентов, нуждающихся в коммуникативных практиках по своим буду-

щим специальностям, получилось бы двойная выгода. С одной стороны, студенты-волонтеры имели бы практику общения с участниками Конгресса, а с другой стороны, участники форума не остались бы без внимания и информационной помощи в передвижении к местам проведения мероприятий. Однако этого не случилось.

И в заключение о приятном. Работа круглого стола «Дискурс философского Пути» явила собой пример четкого и ответственного как организационного, так и теоретического процессов. Заявленный уральскими философами круглый стол под названием «Дискурс философского травелога» в силу неустоявшегося строгого категориального значения не был поддержан Организационным и Программным комитетом VI Российского философского конгресса. Было предложено переименовать круглый стол в «Дискурс философского «Пути». Пусть под иным названием, но дискурс травелога получил теоретическую репрезентацию на философском форуме, что, думаю, прибавило ему научного веса для строгого категориального значения в будущем. На дискуссии по данной теме были гости, то есть не заявленные участники круглого стола, их было бы еще больше, если бы заседания не были так разбросаны территориально с трудным транспортным обеспечением. Интерес к этой теме был достаточно живой среди участников философского форума, вопросы по ней задавались участникам «круглого стола» даже в неформальной обстановке общения.

Собственно работа круглого стола проходила в обстановке доброжелательности и диалога. Из 18 представленных докладов заслушано было 9. В такой атмосфере каждый докладчик свободно излагал свою концепцию, составляющую ту или иную сторону дискурса травелога. Но так же получал в ходе обсуждения вопросы и комментарии, содержащие ценные предложения по их дальнейшему развитию. Таким образом, из мозаики докладов «коллективный разум» складывал некую теоретическую матрицу дискурса травелога как устойчивой категории. Организующим и дисциплинирующим моментом явилась публикация докладов в Материалах круглого стола VI Российского философского конгресса под ред. О. Ф. Русаковой к началу форума. Знакомство с докладами других участников позволило всему

«круглому столу» быть активными и креативными в момент обсуждения докладов. Круглый стол «Дискурса философского пути» завершился, плавно перейдя в долгое неформальное общение

ее участников, одновременно порождая острое желание повторения традиционного совместного травелога в реально иную действительность, то есть другую страну.

Трескова П.П.

ДИСКУРС-АНАЛИЗ В СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ: ПРОБЛЕМЫ ОТОБРАЖЕНИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ БИБЛИОГРАФИЧЕСКИМИ МЕТОДАМИ

(Статья включает результаты исследований, проведенных при поддержке интеграционного проекта № 12-И-6-2066 фундаментальных исследований, выполняемых в УрО РАН в 2012–2014 гг. и проекта РФФИ № 11-07-00532)

Трескова
Полина Прокопьевна

кандидат
педагогических наук,
директор Центральной
научной библиотеки
УрО РАН

Термин «дискурс», употребляемый с 1970-х годов, стал своеобразным маркером гуманитарной парадигмы в целом, средством познания специфики бытия и взаимоотношений человека с миром.

Дискурс – объект междисциплинарного изучения, сфера его употребления разнообразна. С исследованием дискурса связаны такие науки и исследовательские направления как теоретическая лингвистика, компьютерная лингвистика и искусственный интеллект, психология, философия, логика, социология, политология, антропология, этнология, литературоведение, семиотика, историография, теология, юриспруденция, педагогика, теория и практика перевода, коммуникационные исследования.

Дискурс-анализ – это ряд подходов в социальных науках, целью которых является

критическое исследование дискурса. Анализ дискурса (дискурс-анализ) – совокупность методик и техник интерпретации различного рода текстов или высказываний как продуктов речевой деятельности, осуществляемой в конкретных общественно-политических обстоятельствах и культурно-исторических условиях. Тематическую, предметную и методическую специфику таких исследований призвано подчеркнуть само понятие дискурса, под которым понимается социально обусловленная и культурно закреплённая система рационально организованных правил словоупотребления и взаимоотношения отдельных высказываний в структуре речевой деятельности. Такое понимание дискурса отталкивается от определения, данного Ван Дейком: «В широком смысле дискурс является сложным единством языковой формы, значения и действия, которое могло бы быть наилучшим образом охарактеризовано с помощью понятия коммуникативного события или коммуникативного акта». Анализ дискурса (дискурс-анализ) как самостоятельная научная дисциплина, или автономная отрасль научного знания, зародился в 1960-е во Франции в результате соединения лингвистики, марксизма и психоанализа в рамках общих тенденций развития структуралистской идеологии. В работах основоположников этого направления Э. Бенвениста, Л. Альтюссера, Р. Якобсона, Р. Барта, Ж. Лакана и др. продол-

жалось предложенное Ф. де Соссюром разделение языка и речи при попытке соединения их с теорией речевых актов, лингвистикой устной речи, когнитивной прагматикой текста и т. д. Формально «анализ дискурса» – это перенос во французский контекст термина «discourse analysis», обозначавшего метод, примененный американским лингвистом З. Харрисом. В дальнейшем дискурс-анализ стремился создать такую технику интерпретации, которая выявляла бы социокультурные (идеологические, политические, религиозные и пр.) предпосылки организации речевой деятельности, присутствующие в текстах различных высказываний и проявляющиеся как их скрытая или явная ангажированность. Это и стало программным ориентиром и общей целью дальнейшего развития данного научного направления. Работы этих ученых инициировали появление различных исследований и целой отрасли знания, которую принято обозначать как «школу А.Д.». Она сформировалась на теоретической основе «критической лингвистики», которая возникла на рубеже 1960–1970-х гг. и трактовала речевую деятельность, прежде всего с точки зрения ее социальной значимости. Согласно этой теории, высказывания являются результатом деятельности коммуникантов (говорящих и пишущих) в конкретной общественной ситуации. Отношения субъектов речи обычно отображают различные типы социальных отношений (зависимостей и взаимозависимостей). Средства коммуникации на любом уровне их функционирования социально обусловлены, поэтому соотносительность содержания и формы высказываний не произвольна, но всегда мотивирована речевой ситуацией. Для исследования контекста социальной коммуникации важно, что в дискурсе отражены не только языковые формы высказываний, но содержится и оценочная информация, личностные и социальные характеристики коммуникантов, их «фоновые» знания, коммуникативные намерения и определяется социокультурная ситуация.

При этом дискурс-анализ ориентирован, прежде всего, на изучение лингвистического уровня в структуре социальной коммуникации как доминирующего на протяжении всего

исторического развития общества и культуры. Несмотря на то, что *дискурс-анализ, доминирующий на протяжении всего исторического развития общества и культуры и ориентированный на изучение лингвистического уровня в структуре социальной коммуникации, на современном этапе* все более активно замещается другими уровнями коммуникации, опирающимися на невербальные средства передачи информации, его роль все еще достаточно велика и значима для всех типов социального взаимодействия, поскольку зачастую нормы и стандарты гутенберговской эпохи письменной культуры проецируются и переносятся на ситуацию «после Гутенберга». Дискурс-анализ позволяет выделить не только существенные характеристики социальной коммуникации, но и второстепенные, содержательные и формальные показатели (например, тенденции в вариативности речевых формул или построении высказываний). Некоторые методы дискурс-анализа используются в самых различных исследованиях при рассмотрении конкретных текстов высказываний социальных агентов в процессе коммуникации. На современном этапе под дискурс-анализом, в общем смысле, понимается ряд подходов в социальных науках, целью которых является критическое исследование дискурса. В качестве основных задач выдвигаются анализ соотношения сил в обществе, при котором формулируется нормативный подход, с позиции которого можно критически проанализировать эти соотношения в связи с социальными изменениями. В настоящее время дискурс-анализ воспринимается как междисциплинарный подход, оформившийся на стыке социолингвистики и лингвокультурологии, но впитавший в себя приемы и методы различных наук гуманитарного профиля: риторики, языкознания, философии, психологии, политологии, социологии и т. п. В истории становления и развития теории дискурса можно выделить следующие школы и традиции, а также их основных представителей: французская структурно-семиологическая (Р. Барт, Ц. Тодоров, А. Ж. Греймас, П. Серио, М. Пешё); германская лингвистическая (Р. Меррингер, Г. Шухарт);

голландская когнитивно-прагматическая (Ван Дейк); английская логико-аналитическая (Дж. Остин, Дж.Р. Серль, У. Куайн) и социолингвистическая (Р. Гилберт, М. Малкей). В различных традициях, представленных, в том числе и данными школами, предпринимаются попытки смоделировать множество теоретических и практических аспектов функционирования дискурса в процессах социальной коммуникации. По мнению исследователей, главная проблема заключается не в том, как разработать наиболее точную, объективную и исчерпывающую методику исследований в рамках дискурс-анализа, но как согласовать между собой множество разработок. Основные подходы в рамках коммуникативного моделирования дискурса связаны с обобщенным представлением о структуре его концептуальной организации. Она рассматривается в качестве механизма организации наших знаний об окружающем мире, их упорядочения и систематизации, регулирования нашего поведения в определенных ситуациях (в процессе труда, отдыха, игры, ритуала и т. д.), создания социальной ориентации участников коммуникации, функционирования основных компонентов дискурса в адекватной интерпретации информации и поведении людей. Познавательный аспект дискурсивных практик смыкается с прагматическим аспектом, где важную роль играют социальные условия взаимодействия коммуникантов. В итоге основные стратегии и тактики в рамках дискурс-анализа предстают в виде разнообразных междисциплинарных исследований, для которых характерно многообразие как способов постановки проблем интерпретации, так и их решения в плане трактовки содержания текстов: от простых, экстенсивных (манифестирующих) до дескриптивных, интерпретативных (латентных).

Актуальность совместной работы по созданию сетевого ресурса «Теория и методология дискурс-анализа в современной науке» обусловлена динамикой развития междисциплинарных научных исследований в области изучения теории и методологии дискурс-анализа. С появлением научных школ, как в России, так и за рубежом, разрабатывающих новые пред-

метные области, методологические направления и категории дискурс-исследований, возникает потребность в научном обобщении накопленного опыта международных и отечественных разработок. Выявление и исследование теоретико-методологического потенциала дискурсологии, разработка понятийного аппарата существенным образом влияют на развитие современного гуманитарного знания в целом. Предлагаемый проект направлен на создание общедоступного сетевого ресурса «Теория и методология дискурс-анализа в современной науке», способствующего развитию дискурсологии как новой комплексной научной дисциплины, в рамках которой успешно развиваются такие теоретические направления, как критический дискурс-анализ, социокультурный дискурс-анализ, конверсационный анализ, нарративная семиотика, кратологическая теория дискурса, теория медиадискурса и др. Исследование, разработка и внедрение подобной системы, основанной на широком использовании современных сетевых технологий и информационных возможностей Интернет, вносит значительный вклад в развитие гуманитарного знания. ИФиП УрО РАН разработана содержательная модель научной энциклопедии «Дискурсология», обобщен международный и российский опыт в области дискурс исследований и выявлены новые перспективные направления дискурсологии, возникающие в процессе изучения глобальных и локальных социально-политических и культурных феноменов. ЦНБ УрО РАН осуществляет научную деятельность в области библиотекovedения, библиографоведения, книговедения и смежных наук, органично соединяя в одном учреждении библиотеку и научно-исследовательский институт. Объединение усилий двух научных коллективов позволит создать интегрированный информационный сетевой ресурс, предоставляющий пользователям Интернет через единую точку входа разнородную информацию (библиографическую, реферативную, полнотекстовую, фактографическую) по проблемам дискурс-анализа, сформированную в виде энциклопедии. Создаваемый ресурс (энциклопедия) призван

способствовать развитию дискурсологии как новой комплексной научной дисциплины, в рамках которой успешно развиваются такие теоретические направления как критический дискурс-анализ, конверсационный анализ, нарративная семиотика, кратологическая теория дискурса, теория медиадискурса и др. Система позволит осуществлять гибкий поиск информации по широкому набору критериев, создавать собственные подборки материалов, осуществлять взаимодействие с электронными ресурсами библиотек, создавать и обеспечивать доступ к собственному банку оцифрованных изданий.

Литература:

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1998. 896 с.
2. Вершинин М.С. Политическая коммуникация в информационном обществе. СПб: Изд-во Михайло-

ва В.А., 2001. 256 с.

3. Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация: пер. с англ. / сост. В.В. Петрова; под ред. В.И. Герасимова; вступ. ст. Ю.Н. Караулова и В.В. Петрова. М.: Прогресс, 1989. 312 с.
4. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 205 с.
5. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность?. М.: Гнозис, 2003. 375 с.
6. Мальковская И.А. Знак коммуникации: Дискурсивные матрицы. М.: Эдиториал УРСС, 2004. 345 с.
7. Многообразие политического дискурса / ред. О.Ф. Русакова. Екатеринбург: ИФиП УрО РАН, УрГСХА, 2004. 240 с.
8. Русакова О.Ф. Что такое политический маркетинг: научно-методическое издание / О.Ф. Русакова, А.Е. Спасский. Екатеринбург: Издательский дом «Дискурс-Пи», 2004. 276 с.
9. Степанов Ю.С. Константы: словарь русской культуры: 3-е изд. М.: Академический проект, 2004. 450 с.
10. Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990. 140 с.
11. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. М.: ИТДГК «Гнозис», 2004. 416 с.

Русаков В.М.

МНОГООБРАЗИЕ ВИДОВ И ЖАНРОВ ТРАВЕЛОГА

Русаков
Василий Матвеевич

доктор философских наук, профессор
Институт международных связей, г. Екатеринбург,
вице-президент МАДИ

Травелог – это, прежде всего, рассказ (повествование) о путешествии. Поэтому мы будем называть его формой субъективно-творческого освоения действительности. Для понимания многообразия видов и жанров травелога рассмотрим главные его компоненты.

Начнем с рассказов о **путешествиях**, которые могут быть разными:

1) Реальное и мнимое, т. е. вымышленное, фантастическое и гипотетические (возможные):

а) *Вымышленное, фантастическое* (мифологическое предание, легенда о странствиях богов, героев и народов; жанр научно-фантастической литературы приключений

и путешествий – в прошлое, будущее, в вымышленные страны, на другие планеты и галактики, в параллельные миры, в загробный, потусторонний мир, в мир измененных состояний сознания (расширенное сознание)).

б) *Реальные в действительности совершенные и совершаемые* путешествия (экспедиции, завоевательные походы, бегства, изгнания, побег, экскурсии и турпоездки, турпоходы).

в) Отдельно стоит рассмотреть *планируемые и предполагаемые* путешествия (предлагаемые маршруты передвижений и поездок, планы колонизации ближнего и дальнего космоса (околоземного пространства, Луны, Марса), в т. ч. планы бегства человечества с планеты Земля под угрозой ее гибели). Они соединяют в себе элементы реального и фантастического.

г) Рассказы о проживании жизни и цепи жизненных событий в их смене – представленные как *путешествие по жизни* (дневники наблюдения за жизнью, романы и повести, в которых жизнь предстает как жизненный

путь). Они тоже соединяют в себе субъективно-личностное, творчески-фантастическое начало (как нам это представляется, как мы это знаем, как бы нам этого хотелось) и реальное, действительное (как оно было или есть на самом деле).

д) Путешествия (и, разумеется, рассказы и повествования о них), которые делятся на *обязательные*, неотвратимые и неизбежные (жизнь как путь, путь исполнения властного решения (ссылка, изгнание), маршрут круиза и тура, экспедиции), планы эвакуации в чрезвычайных условиях (с корабля, из населенного пункта, местности), и, с другой стороны, – *случайные*, необязательные. Как различны они по своему характеру, так существенно различны и повествования о них – обязательно-непререкаемые, облеченные в жестко нормированные формы и – прихотливо изменчивые и необязательные фиксации впечатлений, мыслей, чувств, действий.

2) **Повествование, рассказ** – м. б. устным (легенда, сказание, былина, эпос, песня, паремия) или письменным (путевые записки, дневники и журналы экспедиций, романы и повести, путеводители, карты (особенно исторические карты – битв, походов, экспедиций) и схемы, лоции)).

Отдельного рассмотрения заслуживают такие сложные и производные формы травелога, как

- методические советы и самоучители (в них есть Путник (ученик) и есть Путь (движение от незнания к знанию, от неумения к мастерству) через преодоление препятствий и испытаний Путника, есть Проводник (Посредник) – Учитель, Наставник в этом чуждом мире;

- есть «решебники» различных задач (физико-математических, различных упражнений), которые также проводят Путника по Пути от неумения и незнания – к пониманию и умению. Особенным случаем выступают «инструкции» по применению устройств, установок и приборов, проведению экспериментов и наблюдений;

- логистические схемы и решения («Транспортная логистика это система по ор-

ганизации доставки, а именно по перемещению каких-либо материальных предметов, веществ и пр. из одной точки в другую по оптимальному маршруту. Более детальными функциями данной логистики являются: 1) персонал, который занимается осуществлением этих задач (грузчики, водители), 2) классификация транспортных средств (по объемам м³), 3) ценовая политика (на рабочую силу, на ГСМ, предоставление транспортных услуг). Под транспортно-логистической системой понимается совокупность потребителей и производителей услуг, а также используемые для их оказания системы управления, транспортные средства, пути сообщения, сооружения и иное имущество») – здесь также присутствуют все элементы травелога: Путник, Путь, повествование о проделываемом Путником Пути и преодолеваемых на этом Пути препятствий (Подвиги и Приключения);

- более того, в теории и практике *принятия решений* присутствуют все главные элементы травелога: Путник (субъект принимаемого решения), Путь (способ выработки и принятия решения, состоящий из ряда неперенных этапов), повествование или рассказ о наиболее оптимальных способах выработки и принятия решения (чем и ценна теория принятия решений, поскольку опирается на ряд важных элементов (закономерностей)). Графическая схема процесса принятия решения – т. н. «дерево решений» не случайно идентично Всемирному Древу – Древу Жизни с его многочисленными ветвями и напоминает непрерывное «ветвление» выбираемых мифологическими и былинными героями Путей-Решений («Направо пойдешь – коня потеряешь, налево –...»);

- наконец, это *методологическая* литература, повествующая о том, с какими проблемами столкнулись люди (ученые, практические деятели, собравшиеся осуществить какое-то дело), какой и почему проделан был *путь* выдумывания и выбора решений, с указанием – почему они были сделаны и почему только некоторые оказались пригодными, а также – с *описанием*

того, куда надо двигаться дальше, направления поиска;

- в XX в. родился еще не один жанр травелога – рассказа повествования о некоем Пути: травелог как «трэвел-блог», размещенный в Интернете;

- записанный **аудиорассказ** (репортаж о путешествии, поездке, визите (аудиогид по музею), хронологически последовательная обязательная запись переговоров экипажей самолетов о всех действиях на воздушном судне, сейчас модны аудиопротоколы различных экспертиз);

- и **кино-телепутешествие** по странам и континентам. Сегодня популярны видеозаписи экскурсий по городам и странам, музеям и выставкам.

Травелог принципиально *архетипичен*, поэтому он – не категория или понятие, а концепт, поскольку «схватывает» в зыбком колеблющемся единстве диаметрально противоположные процессы, свойства.

Путь – это и *процесс* движения, перемещения, и свершившийся *результат*, итог, «пройденный путь», Путник – это и тот, *кто проделывает*, осуществляет различные Пути («Дороги, которые мы выбираем»), но это также и тот, *кого делают*, создают проделываемые Пути, потому как в зависимости от них мы имеем дело либо со странником, пилигримом, или первопроходцем («Хозяин морей», «Повелитель пустыни»), или беженцем, перебежчиком-изгоем; или покорителем или жертвой Пути (Агасфер), решателем задач или неудачником.

Кроме того, Путь – это еще и *Способ* (Путь решения задачи, Путь прохождения маршрута, перемещения товаров, грузов), т. е. субъективно-объективный феномен.

Это и *Объективный* процесс-персонаж (Путь, путешествие Странника, Путника), но и *Субъективный* (поскольку присутствует субъективно-творческое освоение-изложение субъектом того, что происходило с ним в про-

цессе осуществления Пути (решения, подвиги, поражения, преодоления трудностей, передвижение и изменение)).

Травелог соединяет *Причину и Следствие* (в нем Путь и Путник одновременно выступают и как *причина* (избранный Путь рождает и задает в итоге проделываемый Путь; Путник – причина Пути, но он же и следствие его: героический путь приводит к герою, несправедный и недоброкачественный путь рождает проходимца, бродягу и даже злодея)).

Травелог соединяет *Цель и Средство*. Для чего составляются рассказы о различных Путиях, как не для того ли, чтобы они выступили средством и орудием формирования Путника в самых разных его ипостасях? Легенды и сказания о подвигах богов и героев – рождали подвиги и героев (Ахиллес, отправляясь на Троянскую войну, вдохновляется преданиями о героях, от подвигов которых остались легенды). Рассказы и повести о великих географических открытиях родили не одного первопроходца. Романы и повести о странствиях души литературных героев – воспитывали чувства и души реальных героев («Потому что я верные книжки читал!»). Травелоги бывалых «романтиков с большой дороги» не одну неокрепшую душу сбили с верного пути и толкнули на скользкие тропы поисков криминальных приключений.

Библиография:

1. Одиссей 2009. М., наука, 2010. Путешествие как историко-культурный феномен.
2. Лучицкая С.И. Путешествие // Словарь средневековой культуры / под ред. А.Я. Гуревича. 2-е изд. М., 2007. С. 397–400.
3. Stagl J. A History of Curiosity: The Theory of Travel 1550–1800. Chur. 1995. Pp. 49–94.
4. Орлов И.Б., Шнайден И.И., Федюлин А.А., Мазин К.А. Советское зазеркалье: Иностраный туризм в СССР в 1930–1980-е годы: Учебное пособие. М., 2007.
5. Turizm: The Russian and East European Tourist under Capitalism and Socialism / Ed. by A. E. Gorsuch and D. P. Roenker. Ithaca, 2006.
6. Journal of tourism history: <http://www.tandf.co.uk/journals/1755-182/>.
7. Голд Дж. Психология и география: Основы поведенческой географии. М., 1990.
8. Bagrow L. History of cartography / Chicago, 1985.

Любутий К.Н.

ИЗ АРХИВА СТУДЕНТА 3-ГО КУРСА ФИЛОСОФСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ КОСТИ ЛЮБУТИНА (1954 ГОД)

Любутий
Константин
Николаевич

доктор философских
наук, профессор УрГУ,
академик МАДИ,
Почетный президент
МАДИ

ВОСПОМИНАНИЯ О СЕМИНАРАХ Э.В. ИЛЬЕНКОВА ПО ИСТОРИИ ЗАРУБЕЖНОЙ ФИЛОСОФИИ

Бедный Гегель! Украл зерно,
По дороге его потеряли.
С тех пор ищут и ищут давно...
Может быть, уж его отыскали.
Видно нет, лишь напали на след,
Шелуху подобрали случайно.
Видит бог, видит мыслящий свет:
Гегель был и останется тайной

ВОТ МОЯ ДЕРЕВНЯ

Поет в селе последняя гармошка –
Надрывный голос и упрям и чист.
И рвет меха, подвыпивший немножко,
И. Чумаков – последний гармонист.
Еще закат не до конца потушен,
Еще земля не обрела покой,
А он как будто вынимает душу
И заставляет плакать над рекой.
И снова грусть в знакомых звуках тонет
И снова радость просится в полет!
И Русь не мыслит жизни без гармонии,
Пока душа и плачет, и поет.
И в памяти вся жизнь как на ладони.
И сквозь заливший клапан рвется свист.
И рвет меха, щекой припав к гармонии,
И. Чумаков – последний гармонист.

ВМЕСТО ЭПИТАФИИ

Работали лихо, не зная беды
Давайте помянем УрГУ
Уверен – останутся наши следы
На новых ступенях УрФУ

Костя

Не-ельциноид

Виноградова И. В.

ТРАВЕЛОГ ДУШИ МОЕГО СОВРЕМЕННОГО

Виноградова И. В.

аспирант кафедры
философии УрГЭУ

Мой современник! Я не знаю, встречаешь ли ты сейчас рассвет в Нью-Йорке, держа за руку того, кто стал тебе самым дорогим человеком на свете, или устало склоняешься над кроваткой сына в засыпающей Москве. Может быть сегодня, в Токио, ты ждешь подведения итогов того бизнес-проекта, которому посвятил последние несколько месяцев интенсивной работы, а может быть бережно собираешь налитый солнцем виноград, чтобы он стал превосходным вином в твоём шато в далекой Тоскане... Где бы ты ни был, мы связаны с тобой словом «современность», смысл которого передается прилагательным «временный».

Быть временным – это быть не навсегда, быть преходящим. Приставка «со» означает наше единство в этом состоянии. Современность – это наш с тобою мир, мир глобализации и постмодернизма. Мир, который все время меняется, где нет ни истины, ни лжи, который ставит перед нами вопрос и предлагает честно на него ответить – кто я и что я могу сделать в этом изменяющемся мире?

Солнце всходит и заходит каждый день, осенью дует ветер, зимой выпадает снег, зерно попадает в землю и вырастает урожай – это наше с тобой физическое время, длительность и последовательность физических явлений

в нашем мире. Рождение, взросление, смерть – все та же последовательность событий, стрела времени, направленная из прошлого в будущее.

Еще есть время, которое ведет свой отсчет внутри нас – длительность и последовательность событий, происходящих в нашем внутреннем мире: мыслей, чувств, переживаний, размышлений.

Нам с тобой известно, что время измеримо. Например, секундами. Чем определяется секунда? Это одна восемьдесят шесть тысяч четырехсотая часть суток или одно биение сердца? Завершение действия или новый инсайт?

То наше с тобой время струится размеренно, то стремительно утекает, как песок между пальцами, то застывает, как будто бы останавливается. Мы можем связать его с нашей биологической жизнью: «за это я заплатил несколькими годами жизни», с общей энергией организма: «на этом я потерял остатки здоровья».

Но особое время человека – это время личностной активности. Личностная активность, ускоряя или замедляя наше собственное время, способствует появлению второго измерения времени, дополнительного. Здесь можно допустить двойной отсчет времени: реальный (физический) и отсчет времени, протекающий в пространстве нашей деятельности. Мы проживаем время, ускоряем или замедляем динамику нашей жизни, и одновременно порождаем его, аккумулируем в чем-либо качественно ином.

Например, сейчас, когда я пишу эту статью, мое субъективное время замедлилось, и я не замечаю, что стрелка часов давно переместилась за полночь, но то, что я пишу, мое вдохновение – это моя творческая активность, динамика в замедленном физическом времени: активность мышления, воображения, познания, чувств.

Моя память предлагает мне пример, на котором можно проследить обратную взаимосвязь, когда воображение, восприятие, эмоции и чувства будто бы сходятся в одной точке, а физическое время течет с невероятной быстротой. Это случай из моей медицинской практики, дорожно-транспортное происшествие. Среди пострадавших молодая девушка. Когда я в составе бригады скорой помощи оказывала ей медицинскую помощь, мои действия в реальности были быстрыми, будто бы автоматическими, а все мои внутренние переживания зафиксировались, остановились на облаке ее волос. Невероятной красоты светлые волнистые волосы, которые приковывали взгляд каждые несколько секунд. Для меня это означало одно – обладательница этих волос должна жить! Мои эмоции, чувства, воображение сводились к одной этой короткой мысли.

Я встретила это знакомое облако волос через три года в небольшом городском парке (тогда я жила в маленьком городке, где просто так встретить человека не проблема). Впереди себя девушка катила летнюю открытую коляску с годовалым малышом. Так, мое время, сотрудника «скорой», ее время между жизнью и смертью преобразовались в другое время, несущее новый смысл.

Время нашей личностной активности продвигает нас от действия к действию и превращает в Личность. «Но личность не только существует, преодолевая обратимость времени, но и осуществляет себя, т.е. создает из своей жизни и самой себя нечто качественно иное, обладающее ценностью. А эта ценность представляет собой умноженное время, противостоящее его потере» (С.Л. Рубинштейн, «Человек и мир»).

Как время складывается в судьбу? Много раз я пыталась описать «судьбоносные» события. Ничего не выходило. Как ни пробуй, вспоминаются обычные дни: готовишь завтрак, ведешь ребенка в школу, едешь в автобусе. Все обыденно, повседневно. Как месяц назад, когда вечером я устало опустилась в кресло и читала. Читала Канта. Я была читателем,

наблюдателем со стороны. Но, закрыв книгу, я стала мыслителем, активным жизненным началом. Ко мне вернулась моя тихая, повседневная свобода.

Мой категорический императив – не выставлять никому категорических императивов, быть внимательной, приглядчивой к жизни. Планы и цели? Да, конечно. Но с глубоким вниманием и интересом к людям вокруг. Плоские и одинаковые окна в одинаковых домах в моем городе наполняются объемом, когда ты задумываешься о том, что за ними течет индивидуальная жизнь, не похожая ни на одну другую, в которой у каждого своя правда. Если мне что-то не нравится в другом человеке, то я задумываюсь о том, что другой – это мое отражение, достраивающее меня до целого. А атакуем мы в других, как правило, то, в чем нуждаемся сами или то, что не нравится нам в нас самих. Таков мой внутренний договор с другими, который является основой солидарности с ними, моего взаимодействия с людьми, способствующего моему личностному развитию и приросту социальной эффективности.

Наше время обвиняют в отсутствии смыслов и ценностей. Но не означает ли это то, что мы сами в состоянии стать смысло- и ценностнообразующим центром для себя и для других, а также объяснить другим те гуманистические принципы, без которых ни один человек не может состояться в обществе?

Если наше время стремительно утекает как песок между пальцами, то я не хотела бы потратить его на бесконечную полемику с другими по поводу совершенства или справедливости той или иной общественной системы.

Для примера можно рассмотреть систему высшего образования. В общем виде, проблемы, которые существуют в ней, решаются путем тех или иных реформ. Вопрос их эффективности очень спорный, мягко говоря. Но есть еще одна проблема, которая остается практически без внимания – это проблема личности преподавателя. Проблематика, связанная с ролью преподавателя, весьма обширна, но хотелось бы сказать о следующем. В боль-

шинстве случаев его роль сводится к роли контролирующего «Сверх-Я». Он считает своим долгом изменять и корректировать других, учит пользоваться символами, при помощи которых происходит управление, например, экономикой, социальной и политической жизнью, но забывает о необходимости постоянного изменения своей собственной личности, хотя любой учебный процесс по своей сути предполагает это. Преподаватель, во-первых, должен знать то же, что знают все. Во-вторых, владеть техникой передачи этой информации. И самое главное, он – посредник между тем или иным феноменом знания и бытием, которое в каждый момент и при любых обстоятельствах проявляется через его индивидуальность.

На одной из научных конференций все-рез обсуждался вопрос о том, кто в системе высшего образования должен заниматься непосредственно образованием студентов (надо заметить, что ВУЗ технический), а кто их воспитанием, т. е. этической, нравственной сторонами формирования личности студента. Это обсуждение было похоже на поиск того звена в цепи, которое позволило бы системе стать «более совершенной». Но думается, что этот вопрос наиболее актуален в учебной аудитории, где преподавателю отводится роль человека, который любое, даже самое специфическое знание, должен соотнести с внутренней истиной вещей. И в этом – его огромная ответственность (также как ответственность врача в системе здравоохранения, политика в системе государственной власти и каждого из нас на своем месте), ответственность за неустанное созидание собственной личности и личности того, на кого направлена его профессиональная деятельность.

Быть одновременно в любой из социальных систем и как бы «над ней» – это то, что позволяет увидеть суть тех или иных проблем общества, увидеть возможность эффективного общественного изменения, более или менее значимого; изменения, которое не даст обществу и каждому из нас остановиться в своем развитии.

На что мне хотелось бы потратить время своей личностной активности? Узнать на опыте, до какого предела можно мыслить иначе, отказаться от эссенциализма и понятийного языка, т. к. понятийный язык требует множества определений. А определить – значит ограничить, утратить оттенки. Мне хотелось бы говорить не на языке терминов, а на живом русском языке. Говорить не для того, чтобы передавать истины, добытые не мною, а для того, чтобы научиться переводить человека в состояние активного строителя жизни. Научится писать так, чтобы мои тексты обладали живым ритмом и рождали знание, а не скуку.

В своих исследованиях мне хотелось бы показать возможность ориентироваться на внутреннюю ценность друг друга и обладать своей собственной внутренней ценностью.

Мне хотелось бы показать возможность того, что жизненное пространство каждого из нас всегда открыто для действия: творческого и новаторского, точного и рационального. Возможность не находить себя в режиме делания, а быть творцом и мыслителем.

Мы, называющие себя современниками в нашем подвижном и изменяющемся мире, можем быть солидарны «по-настоящему», а не на основе каких-либо догм и правил, являясь движущими силами общественных изменений, способствуя формированию новых социальных отношений, более совершенных, чем прежде и ведя за собой других. Ведь любое социальное изменение рождается не в революционном лозунге или в реформе, не в той или иной социальной программе или в создании ведомства, призванного разрешить новую общественную проблему, а в нас самих.

Константин Савельев

Савельев К.

Город и дождь

Когда барабанят дожди за окном
Невольно мечтаешь о чём-то ином —
О солнечном лете, вечерних кострах,
Мерцающих звёздах, далёких мирах.

А в старом камине затлеют дрова...
Простые беседы, простые слова,
Уснувшее эхо далёкой тоски
И прикосновение нежной руки.

Вечерние тени текут по стене.
Как просто не думать о завтрашнем дне,
И что будет дальше, и что суждено...
Лишь капли дождя барабанят в окно.

Ворох А.С., Оболкина С.В.

ПОМИНКИ ПО МОДЕРНУ ОТМЕНЯЮТСЯ?

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ «ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ МОДЕРНА»
В.С. МАРТЬЯНОВА (К.ПОЛИТ.Н., УЧЕНЫЙ СЕКРЕТАРЬ ИНСТИТУТА
ФИЛОСОФИИ И ПРАВА УРО РАН)*

Ворох А.С.

кандидат физико-математических наук, научный
сотрудник ИХТТ УрО РАН

Оболкина С.В.

кандидат философских наук, старший преподаватель
кафедры философии ИФП УрО РАН

Книга В.С. Мартьянова «Политический проект Модерна» могла бы стать одним из множества академических мнений о сущности политики, о судьбах России, и в конечном счете об оккупировавшей нас пост-Современности. Однако, по умыслу автора, а скорее даже без оного, книга оказалась искомым автором «нечто, которое не всегда есть то, что оно есть». Превосхождением обыденной логики и отвлеченно-абстрактного научного стиля книга – при достаточном внимании читателя – может дать тот эффект авангарда, к которому автор стремился на словах, а достиг на деле. По прочтении читатель может внезапно ощутить вкус постполитики не столько через убеждение логикой текста, сколько через пробуждение ходов сознания, через вызывание призраков мысли, роящихся в мозгу обывателя. Бессмысленно угадывать, задавался автор такой целью или нет, ведь судить должно по плодам, а не по намерениям.

Исходно автор подводит читателя к ментальной чаще современной политологии, причем не требует от ведомого обязательной

опоры на понятийный аппарат философской науки, обходит и дебри политтерминологии. С одной стороны, минимизация отсылок и жаргона делают текст доступным для дилетанта, но с другой – нетореные тропы требуют предельных усилий по продвижению вглубь авторской мысли.

Шаг за шагом автор разоблачает «Изиду» современной политики, предавшую революционность Модерна и отступившую от его правил. Вспомним, что когда Хабермас заметил: «Революция стала традицией», возникла проблема: как теперь возможна революция? Как проводник не объясняет путь, но ставит метки на коре деревьев, так автор поднимает из молчания подобные вопросы, и они обступают читателя. Критика автора одинаково жестка и к затхлому болоту «консервативной модернизации», и к сияющим вершинам «постиндустриальных инноваций». Как выйти из ситуации постмодерна, из «дурной стороны вещей?» – вот основной вопрос. Основной ответ – только если дать Модерну шанс быть самим собой. А для этого надо привести читателя к мысли об «утопии», к «месту-которого-нет». Но путь преграждают идола «нео-империи» и «гражданского общества», которые автор безжалостно сокрушает, утешая читателя

*Мартьянов В.С. Политический проект Модерна. От микроэкономики к мирополитике: стратегия России в глобализирующемся мире. М.: РОССПЭН. 2010. – 360 с.

скорой «новой Вавилонской башней». Кроме того, читатель лишен помощи в виде иллюстративных примеров, и в результате для него комментариями к тексту становятся новостные ленты, формирующие гиперреализм повседневности. Митинг на Манежной и коррупционные скандалы, переименования госорганов и интернетизация чиновничества – всё это лишается того наносного судьбоносного пафоса, ради которого стараются ньюсмейкеры. Новости оказываются симуляцией «События» и, создавая эффект «вечного ремонта» лишь поддерживают статус-кво «жидкого Модерна».

Автор прежде всего подводит к проблеме о возможности *вопросов* в ситуации тотальной победы Демократии, Капитализма и Здравого Смысла. В ситуации, когда тривиальные ответы предвосхищают вопрошания. Когда любой политический режим уподобляется муке, и демократические структуры государства оказываются или высшего сорта, или же всего лишь первого. Требование к политикам быть понятным большинству привело к бесконечному поиску абсолютного консенсуса и здравого смысла. Воплощение чаяний Модерна создало мир «реальной утопии». Постмодерн оказался поп-модерном, когда все достижения Модерна овеществлены в массах и воспринимаются ими как должное. Ожидания от действий науки/техники/политики должны быть осуществлены не через пятилетку, а «здесь-и-сейчас». Из-за чего все политики вынуждены интенсифицировать свою риторику и поддерживать тонус в медиапространстве, заявляя о завтрашних достижениях прежде, чем о них успели забыть.

Чтобы подобраться к утопии как основанию политического проекта, автор подводит в качестве фундамента важную мысль: власть как «законное насилие» требует трансцендентного обоснования. Именно это условие необходимо для легитимности власти. Формально это выглядит как «добровольное разделение большинством граждан идей, которые лежат в основании законов», но фактически это обоснование власти из того состояния,

где власть не властна. «Легитимность есть избыток», – формулирует автор. В общем смысле трансценденция – это Бог, который бог-ат, и от преизбытка себя отдаёт-ся миру, и, соответственно, в традиционном обществе именно из этого трансцендентного источника религия черпала основу для политики. Общество Модерна формировалось в ситуации преизбытка *мысли*, мысли-мечты, мысли-утопии. Это уже мечта человека и о Человеке. Возрождается античная парадигма политики, когда общественный порядок мыслится осуществлением эвдемонии на земле. Правда, в случае проекта Модерна, стремление к блаженству идет не через эллинское уподобление Божественному совершенству, но через общее согласие на участие в проекте, в общем стремлении к утопии – будь то правовое общество или коммунизм. В любом случае утверждается репрезентативная сущность политики, а власть обретается из согласия, и не имеет отношения к харизме. Проект Модерна и есть такая форма утопии-эвдемонии.

Но когда утопия становится общеобязательной верой и, казалось бы, вот еще несколько реформ и она завершена, Модерн как «трансценденция» претерпевает моральный коллапс. Однако эта искусственная «трансценденция» уже поневоле должна оставаться основой политики. В.С. Мартыанов предлагает ввести новых претендентов на «свято место», призывает к формированию нового модернизационного проекта, требует прорыва из осуществленной «утопии» либерализма к утопии новой. Нужен заряд очередной «утопии, взрывающей настоящее». «Нужно что-то, что сакрализует политические институты, заставляет в них верить по-настоящему» (с. 233). Но правители требуют продолжения банкета только для себя, поэтому философ утверждает: шоу должно продолжаться для всех!

В 90-х годах П. Бурдьё, выйдя из академического сумрака, обнаруживает агору политики занятой медиакратами и популистами. И тогда отец социологии поднимает вопрос о необхо-

димости интеллектуалам отстаивать свое место на агоре, снова требовать внимания и «пытаться возродить утопию». Подобную цель преследует и данная книга, но она говорит не столько о новой утопии, сколько о её *потребности*. Однако возникает вопрос: а кому современная философско-политическая мысль это говорит? К кому относит призыв «возродить утопию»? Гражданам, которые толпами покинули агору, или своим собеседникам из тех, кто явно должны быть по другую сторону от всяких «толп»? Это не праздный вопрос, если всмотреться в современность и прошлое политики.

Так, в начале 2011 года известный экономист и научный руководитель ГУ-ВШЭ Е.Г. Ясин пригласил на дискуссию Г.О. Павловского – отца российской политтехнологии. Речь практика была встречена сначала настороженно, а после и вовсе огульно освистана и осуждена как ненаучная риторика апологии недемократии, ведь «всем давно известно», что есть демократия, и что законы её истинны и едины. Это событие служит яркой иллюстрацией того, что современная политика вновь вернулась к классическому спору платоников и софистов. Речь идет о софистической риторике I–III вв., ярким примером которой являются «Платоновские речи» Элия Аристиды, в которых Аристид предлагает антиплатоновскую версию мифа («Протагор») в отношении природы политического сознания и этики. Как видим, спор этот не решен и сегодня.

Вспомним, что у Платона Гермес послан нести людям «стыд и справедливость» (как обычай, политическую норму поведения) и тот делит *tekhne politike* между всеми людьми в равной мере. Тогда как спустя века софист Аристид вводит небольшие смещения смысла: Гермес дарит людям уже не дары нравственности, но *ораторское искусство*. Риторика и есть политика и мораль, пишет Аристид в «Протагоре». Божественный дар, лежащий в основе политики это уже не платоновский «эйдос» в виде мудрости и нравственности, но «логос» – слово, которое существует толь-

ко в речи, в риторике. Речь сплачивает людей и хранит порядок в городах, говорит Аристид. И, более того, Гермес раздает ораторское искусство не всем, «но, выбрав лучших, благороднейших, самых крепких от природы, следует вручить им этот дар для того, чтобы они стали спасением не только для себя, но и для других» (397 слово).

Ох, не лукавит ли софистика, находя божественное основание политику-ритору? «Могучий лжёт всегда!» – рвется ответить поспешная мысль, следуя Ницше. Но следует уберечь мысль от её «естественного» хода. Политик-ритор может иметь дело с ложью в онтологическом смысле, но он вовсе не хочет оказаться тривиальным обманщиком. Не стоит подозревать софиста или политтехнолога в тривиальном цинизме. Для обмана был бы не нужен тот же Гермес, даже с даром *богоугодного вдохновения речи* – а именно этот дар вводит софист Филострат, спасая «божественные основания политики». Он говорит, что политик может говорить «по божественному наитию», отдавшись импровизации, тогда в его речи звучат «звуки благородства». Мы и слышим: да, подобные звуки звучат часто. И это означает, что хотя бы в личном пространстве сознания политика концепт «богоугодного вдохновения речи» не умирал.

Современное отображение платоновской концепции политики – это постулирование идеалов демократии как онтологически объективных, истинных, незыблемых. Это знание платоновского идеала (по сути тоталитарного) глубоко забыло о том, что эйдосы-идеалы Платона для него самого рождены «нашептыванием дaimона». Что и выступает своего рода гарантом своеобразной наивности политики и честности политика.

Три столетия назад просветители – идеологи Модерна – могли быть по-платоновски наивными, принимая проекты Разума за истину политики-морали-этики, сошедшую из божественного мира идей. «Даймон» ушел, а «нашептывание» осталось. Аристидовское

Mündigkeit – взросление политики дает о себе знать только со второй половины XIX века, когда заговорили о том, что риторика Просвещения только покрывала интересы буржуа. Узнав об этом, граждане стали уходить толпами с «агоры» Модерна. Но и та, и другая тенденции постепенно слились в сложный комплекс сюжетов: никто даже не предпринимает попыток остановить воплощение утопии, но граждан на агоре почти не осталось. А утопия как наивная и искренняя вера уже нужна не столько «толпе», сколько «знающим» – она спасает в политике-риторе философа и просто честного человека. В этом и казус Павловского, убедившего в важности политтехнологии и интенсивной политики прежде всего себя и Кремль, но с каждым разом с ужасом встречающего в ответ «молчание масс». Толпе нет интереса, что за «трансценденция» заняла «свято место», ведь постпросвещенные массы уведомят о прагматизме всех романтиков от политики. В мире, где политики своими словами и действиями убеждают только себя, люди толпы уже хоть немного, но «аристиды».

Наверное, поэтому автор обращается к власти как к единственному актору модернизации. Все остальные акторы и реципиенты исчезли. В идеале книгу прочитываем мы – как люди толпы. Однако знание, даруемое книгой, делает нас «знающими», и мы оказываемся уже вне толпы. Получается, что это книга для «своих», для «знающих» политиков; это для них звучит призыв создать новую утопию. Утопия нужна не толпе, но власти, которая и должна поверить в собственную мечту-утопию.

Как возможно поверить в такую мечту, автор не дает ответа. Но выход предлагает не текст, но сам читатель, подвергнутый обработке текстом. Требуя классического метода чтения «от корки до корки», книга совершает с читателем определенную трансформацию. После строгой философской критики постполитики, после разгрома потенциальных претендентов на новый проект, автор внезапно начинает воспроизводить риторику

опороченных им подходов, подключая как апокалиптический вариант «всё плохо», так и прогрессистский «не всё потеряно». Резкая смена стиля вызывает в читателе те чувства, которые прежде автор препарировал на глазах самого читателя и описывал как медийные страшилки, созданные для дления и тления Модерна. После предупреждения о дурных разводках бинарными оппозициями автор сам предлагает читателю ряд антитез. Очевидно, если читатель последует за мыслью автора, то он не усвоил предыдущей критической части и является потенциальной жертвой политической манипуляции. Наконец, автор берет под уздцы и саму критическую риторику. Он вводит её в чтение в качестве троянского коня, создавая ситуацию дежавю, когда текст нельзя ни прочесть, ни пропустить, ибо текст постоянно порождает мельчайшие нюансы как смысловые девиации. Что требует ежестрочного внимания читателя. Погруженный в состояние перманентной критики, читатель невольно проникается техникой «мантр» – будь они о модернизации-инновации или о гражданском обществе или, как демонстрирует автор, о фундаментальной критике. Иначе говоря, в рамках одной книги автор демонстрирует: если власть примет критицизм как стиль, то риторика повторения требует сохранения статус-кво. И тем самым, вновь убеждаемся, что довлеет не содержание и логика, но риторическая форма и её действие на читателя!

Финальным аккордом автор предлагает для России утопический проект транснациональной Империи, который мы созерцали на протяжении «нулевых» годов – а именно спонсирования национальных элит при безмолвии русского народа. Через концептуальное оформление «империи нулевых» автор явно указывает читателю о невозможности торжества платонической Идеи. Важным же оказывается не цель пути – ведь это Место-которого-нет, а само чтение как движение, наполняющее Время.

[illegible]

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ И СООБЩЕНИЙ, ПРЕДСТАВЛЯЕМЫХ В РЕДАКЦИЮ НАУЧНОГО ЖУРНАЛА ДИСКУРС-ПИ

1) Автор направляет рукопись по электронной почте.

2) Текст статьи представляется на русском языке объемом 19 100 знаков (без учета пробелов, включая сноски). Формат файла – Microsoft Word 97–2003. Шрифт – Times New Roman Cyr, 14 кегль (включая название). Межстрочный интервал – одинарный. Поле со всех сторон – 20 мм. Текст следует отформатировать по ширине, без переносов. Текст статьи или сообщения (включая название) оформляется строчными буквами с абзацным отступом 1,25 см с помощью соответствующей компьютерной программы, т. е. не вручную (не пробелами или табуляцией).

3) В тексте шрифтовые выделения производятся светлым курсивом. Заголовки и подзаголовки набираются полужирным шрифтом.

4) Иллюстративные материалы (рисунки, чертежи, графики, диаграммы, схемы) выполняются с помощью графических электронных редакторов и должны иметь последовательную нумерацию. Электронный вариант каждой иллюстрации представляется в отдельном файле.

5) Цифровые данные оформляются в таблицу. Каждая таблица должна иметь порядковый номер и название. Нумерация таблиц – сквозная. Сокращения слов в таблицах не допускаются, за исключением единиц измерения.

6) Название статьи указывается посередине текста 14 кеглем, только первая буква в названии статьи прописная, остальные – строчные. В правом верхнем углу над названием статьи указывается фамилия, имя и отчество автора, место работы (учебы) занимаемая должность, ученая степень и звание (если имеются), город.

7) Ссылки на литературу оформляются по тексту в квадратных скобках (например, [7, с. 28]), в конце статьи – библиографический список в алфавитном порядке.

8) Библиографические ссылки оформляются в соответствии с требованиями ГОСТ 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».

9) Для нормативных актов в списке указывается начальная и последняя редакция.

10) Статья должна быть классифицирована – иметь УДК.

11) Автор указывает профиль статьи, представляемой к публикации.

12) Помимо текста статьи автором представляются отдельным файлом в электронном виде на русском и английском языках:

- краткая (до 300 печатных знаков) аннотация с обязательным указанием названия статьи, фамилии и инициалов автора;

- ключевые понятия и словосочетания (не более пяти);

- сведения об авторе – Ф.И.О. (полностью), должность и место работы или учебы, ученая степень, ученое звание, контактная информация (почтовый адрес с индексом, адрес электронной почты, контактный телефон).

Статьи или сообщения, не отвечающие данным требованиям, к рецензированию и редактированию не принимаются.

Решение о публикации направленных в журнал материалов принимается в течение трех месяцев со дня регистрации рукописи в редакции.

Статьи подлежат рецензированию членами редакционной коллегии.

Рукописи не возвращаются.

Статьи проходят проверку по системе «Антиплагиат».

Представляя в редакцию рукопись статьи, автор берет на себя обязательство до публикации рукописи в научном журнале «Дискурс-Пи» не публиковать ее ни полностью, ни частично в ином издании без согласия редакции.

Дискурс-Пи: Научный журнал / учредитель
Уральское отделение Российской академии
наук, Институт философии и права Уральского
отделения Российской академии наук; под
ред. О. Ф. Русаковой. – Екатеринбург: ИД
«Дискурс-Пи», 2013, вып. 11–12. – 318 с. –
ISSN 1817-9568

**IP&L INSTITUTE of
PHILOSOPHY & LAW**

THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
URAL DEPARTMENT • 1988

**Институт философии и права
Уральского отделения
Российской Академии наук**

Темы следующих выпусков:

«Дискурс мобильности»

«Перформативный дискурс»

Рекомендовано к изданию

*Ученым советом Института философии и права
Уральского отделения Российской Академии наук,
Екатеринбург, 2013*

Главный редактор

О. Ф. Русакова

Дизайн обложки

В. В. Русаков

Компьютерная верстка

GEO

Подписано в печать 15.06.2013 г.

Бумага для множительных аппаратов.

Формат 60x84¹/₈.

Гарнитура «Times». Печать трафаретная.

Усл. печ. л. 36,97

Тираж 300 экз. Заказ № 458

Издательский Дом «Дискурс-Пи»

620102, Екатеринбург, ул. Посадская, 21, оф. 233

Тел.: +7 902 870-86-06

<http://www.discourse-p.ru>

e-mail: info@discourse-p.ru, info@idipi.ru

Типография ИРА УТК

620146, г. Екатеринбург, ул. Шаумяна, 83.